МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. АКМУЛЛЫ

РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ

СОВЕТ ПО ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ПРИ ГЛАВЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИСЛАМСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПО ОБРАЗОВАНИЮ, НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ (ISESCO)

ФЕДЕРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ ИСЛАМСКОГО МИРА (FUIW)

ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ ИСЛАМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
проведенной в Уфе 18–20 октября 2017 года

Уфа – 2017

УДК 297
ББК 86.38
И29

Конференция проведена в рамках Федерального проекта подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, реализуемого Научно-исследовательским институтом духовной безопасности и развития религиозного образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

И29 **ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ ИСЛАМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА.** Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18–20 октября 2017 г.) / Составители: Д.М. Абдрахманов, Ю.И. Малахов, Р.Р. Мухитдинова, З.Л. Сизоненко, В.С. Хазиев. – Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. – 428 с.

ISBN 978-5-9613-0515-9

Сборник содержит статьи и тезисы участников X Международной научно-практической конференции, проведенной 18–20 октября 2017 года в г. Уфа, посвященные наиболее актуальным вопросам исламского образования в России и за рубежом, истории и культуры ислама, возрождения духовно-нравственных ценностей традиционного российского ислама, государственно-исламских отношений в поликонфессиональном и поликультурном социуме, воспитания молодежи и профилактики экстремизма, исследовательских стратегий в области религиоведения и теологии.

Тексты докладов и выступлений печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9613-0515-9

© БГПУ им. М. Акмуллы

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Асадуллин Р.М. 9
Сулейманов А.Р. 13

ПРИВЕТСТВИЯ И ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Приветствие Хамитова Р.З. 16
Таджуддин Т.С. 17
Приветствие Михеева И.А. 20
Файзуллин А.Р. 21
Приветствие Адульазиза ибн Османа ат-Твейджри 22
Никон 24
Приветствие Пшихачева Ш.А. 26
Хасан Камиль Йылмаз 26
Абдурраззак Абдуррахман Ассаад 28
Мухаммад Мухтар Дерар Аль Муфти 30
Эргешов А.З. Роль исламского образования в воспитании молодежи и профилактике экстремизма 32
Мчедлова М.М. Религия в современной России: социальные изменения и ценностные приоритеты 37
Мохамед аль-Насер аль-Зааири 42
Садыков К.Ж. Этнокультурные традиции кыргызов и современный ислам . . . 44
Астахова Л.С. «Вербовка» или «свобода совести»? Пути и формы правовой и социальной защиты граждан от духовного манипулирования. 48
Ибраев М.К. Дефицит исламского образования как причина распространения идеологии экстремизма и терроризма 50
Ибрагимов И.Д. Особенности организации исламского образования в государственном вузе (на примере Пятигорского государственного университета) 53
Раев Р.А., Якупов Р.И. Из новейшей истории духовного образования в России: 2007–2017. Итоги и перспективы 60
Абдрахманов Д.М. Ислам в образовательном пространстве Республики Башкортостан: итоги и перспективы десятилетней реализации федерального проекта 64

ПАНЕЛЬНАЯ СЕССИЯ № 1. Состояние и перспективы исламского образования в России и за рубежом. Ислам и современное общество: вызовы времени

Абдрахманова Ф.Р. Социальный конфликт в образовательной среде и его религиозные аспекты. 79
Абдулагатов З.М. Дагестанцы о привлекательности исламского образования 82

Алмаев Р.З., Кинзябаев Д.М. Формирование мусульманских общин в Европе и их радикализация в конце XIX–начале XXI вв. 86
Бикметов Е.Ю. Духовный контекст функционирования научного знания. 91
Блейх Н.О. Наследие ислама в воспитательном потенциале северокавказской народной педагогики 95
Булекбаев С.Б. Нашему обществу нужна государственная программа религиозного просвещения 102
Гайсина Ф.Ф. О сохранении духовно-нравственных и культовых ценностей ислама в Башкортостане 108
Гибадуллин Р.М. Проблема интерпретации российскими мусульманами современных политико-правовых идей в образовательной сфере 110
Елесайли Нашаат Ахмед Мохамед Али. Ислам и современное общество: вызовы времени 114
Зианшина Р.И. Исламское образование в информационном обществе: перспективы развития 119
Койчуев А.А.-Д. Российская мусульманская молодежь: проблема гражданской идентичности 126
Мухитдинова Р.Р. К вопросу о методическом обеспечении программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама 129
Нуруллина Р.В. Образовательные услуги по повышению квалификации служителей мечетей: опыт Татарстана 131
Поломошнов А.Ф. Проблемы современного российского исламского образования 135
Сизоненко З.Л. К вопросу о религиозности населения Республики Башкортостан 140
Соегов М. О знаменитом шейхе и построенном им медресе 148
Солодовник Д.М. Проблемы исламского образования и особенности российской цивилизации 151
Тимощук А.С. Ислам в социальном развитии России 157
Фролова О.А. Система образования как важный фактор конструирования образа ислама в России и мире 160
Хасанова З.Ф. Курбан-байрам у башкир Инзерского бассейна по полевым материалам 2017 года 164
Хазиев В.С., Нуриаслямов Р.Н. Синтез идей: Хамадани и современная педагогика о целостном человеке 167
Хачидогов Р.А. Правовые установления относительно мусульман Северного Кавказа в государственной политике Российской империи XIX столетия 171
Шарипов А.А. Религиозное образование молодежи – залог спокойного будущего нашей страны 179
Юлдашева О.Н. К вопросу о профилактике экстремизма среди учащейся молодежи 182
Якупов Р.И. О понятии «духовность» и духовном образовании в новейшее время 185

ПАНЕЛЬНАЯ СЕССИЯ № 2. Теология в современной системе образования и духовно-нравственные ценности традиционного российского ислама в поликультурном пространстве

Абасова Б.А. Иррациональное в суфийском мистическом познании 191
Абдрафикова Г.Х., Искандарова С.А., Салихов А.Г. Отражение мусульманской культуры в баитах и мунажатах Южного Урала 193
Абдуллин М.Р., Динисламов Т.И., Хасанов М.М. Роль исламских ценностей в современном обществе 197
Акбашева Д.Х., Шарипова Э.А. Аксиологические и правовые аспекты религиозной толерантности в развитии исламского теологического образования 203
Андреева Ю.В. Радость благочестия как основа религиозно-нравственного воспитания в исламе 211
Асланидзе А.Ш. Ислам в образовательной системе Аджарии 215
Ахметов М.А., Грачев Д.К. Ведущая роль нового поколения в становлении устойчивого многополярного мироустройства 218
Вильданов У.С. Накшбандийский тарикат в формировании мировоззрения З. Расулева 221
Вильданова Г.Б. Социальная значимость ислама 225
Галиев Д.Р. Распространение традиционных идеалов и ценностей ислама посредством обучения шакирдов в медресе Республики Башкортостан 228
Галияскарова Л.Р. Необходимость изучения Корана для современных мусульман 231
Давлетшин А.А. Воспитание и образование на примере деятельности мусульманской религиозной организации «Ихлас» 234
Зайдуллин Р.Д. Лексика, описывающая образы мусульманского духовенства в татарском филологическом учении 236
Имашева М.М. Специфика подготовки профессиональных кадров приходского мусульманского духовенства в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) 241
Калимуллин Р.Х. Теологическое образование в высших духовных образовательных организациях 245
Кинзябаев Д.М. Внешние вызовы исламскому миру 252
Косых Е.С. Проблемы идентичности европейских мусульман в условиях глобализации 257
Мишучков А.А. Эксклюзивная толерантность ислама и либеральный инклюзивизм 262
Музыкина Е.В. Новая парадигма исламской этики в современном культурном пространстве 266
Муфтахутдинова Д.Ш. Власть и мусульманский прозелитизм среди новокрещеных татар 270
Мухаметзянова Л.Х. Отражение духовно-нравственных ценностей ислама в дастанах, распространенных в XVIII в. в Поволжье 276

Набиев Р.А. Фактор полиэтничности в развитии государственно-исламских отношений: взгляд из Татарстана 279
Нурмаметов Р.Р. Особенности реализации образовательного процесса на примере МРОМ «Просвещение» города Екатеринбурга Свердловской области . . . 283
Осмонова Д.А. Религиоведение и теология в современной системе образования: от конфликтов к диалогу 287
Патеев Р.Ф. Концептуальные проблемы современной исламской теологии в контексте перспектив развития отечественного богословия 292
Пенионжек Е.В. Культурологическое значение ценностного отношения к миру в мусульманской культуре 297
Романов С.Ю. Ислам в современном мире 301
Сафаргалеев И.Ф. Возрождение Тасаввуфа в Урало-Поволжье и медресе «Расулия» 305
Сафин Ф.Г., Халиуллина А.И. Мобилизация религиозности в современном Башкортостане 311
Сафина Р.М. Духовно-нравственные ценности российского общества как основа воспитания подрастающего поколения 318
Седанкина Т.Е. Осмысление современного понятия «Теология» через призму Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» 322
Сулейманов Ф.М. Из истории мусульманской религиозной общины Юго-Восточного Башкортостана 328
Султанахмедова З.Г. Традиционный ислам в российском поликультурном пространстве 333
Таниева Г.М. Теология как отрасль знания в современном образовательном пространстве 335
Хамад Мансур Халифа Мансур. Роль исламского учения в воспитании молодежи и ограждении от экстремизма и чрезмерности 338
Хусаинова А.Х. Философия существования в арабо-мусульманском экзистенциализме 340
Хужахметов А.О. Религиозно-философское мировоззрение и его роль в развитии башкирской национальной прозы: З. Расулев и Р. Фахретдинов 344
Шабыков В.И. Место религии в современном обществе (на основе изучения общественного мнения в Республике Марий Эл) 349
Шамаев А.М. Историческая роль ислама в развитии духовности горских народов (VIII–XVIII вв.) 353
Якупов М.Т. Новый взгляд на нормы шариата в сфере семейно-брачных отношений 358

КРУГЛЫЙ СТОЛ. «Формы и методы противодействия вербовке в тоталитарные секты и террористические организации»
Абдуллаев М.Х. Повышение профессиональной грамотности журналистов, освещающих исламскую проблематику: проблемы и практические рекомендации 362

Аминов И.Р. Политико-правовые факторы этнического и религиозного конфликта 366
Асанбеков М.К. «Умеренный ислам» в системе понятий, описывающих деятельность мусульманских религиозных организаций 369
Ахмадеев А.А. Исламизм как идеологическая и политическая концепция и руководство к действию: между Сциллой терроризма и Харибдой толерантности 376
Ахмеров А.Ю. Профилактика религиозного экстремизма путём духовного просвещения в пенитенциарных учреждениях Республики Башкортостан. 384
Бигнова М.Р. Профилактика распространения экстремистских идей в современном образовательном пространстве. 385
Малахов Ю.И. Исламофобия и другие факторы радикализации образа мусульманина в российском обществе 389
Малофеева Г.А. Профилактика экстремизма в молодежной среде 394
Марданов М.Х. Принципы формирования антиэкстремистской идеологии . . . 398
Петров А.П. Информация об организации работы по недопущению поступления в исправительные учреждения экстремистских материалов, включенных в федеральный список Министерства юстиции Российской Федерации 402
Розенфельд В.Я. Религиозная безграмотность населения как причина распространения деструктивных религиозных культов 407
Рахмонов А.С., Нуридинзода М.С. Опыт работы Российско-таджикского (славянского) университета по воспитанию молодежи и профилактике экстремизма 411
Хазимуллина Е.Е. Противодействие речевому экстремизму в исследованиях Центра лингвистических экспертиз и редактирования БГПУ им. М. Акмуллы 416

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 420

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

- **Михайлов Максим Владимирович** – заместитель Руководителя Администрации Главы Республики Башкортостан, председатель Оргкомитета

- **Асадуллин Раиль Мирваевич** – ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Оргкомитета

- **Сулейманов Артур Русланович** – ректор Российского исламского университета ЦДУМ России, заместитель председателя Оргкомитета

- **Пятков Вячеслав Петрович** – председатель Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан

- **Таджуддин Талгат Сафич** – Шейх-уль-Ислам, Верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ России)

- **Нигматуллин Нурмухамет Магафурович** – муфтий, председатель Духовного управления мусульман Республики Башкортостан

- **Таджуддинов Мухаммад Талгатович** – муфтий, председатель Регионального духовного управления мусульман Республики Башкортостан в составе ЦДУМ России, руководитель Администрации ЦДУМ России

- **Мустаев Алмаз Флюрович** – проректор по учебной работе БГПУ имени М. Акмуллы, к.ф-м.н., доцент

- **Абдрахманов Данияр Мавлиярович** – директор Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы, кандидат философских наук, доцент, ответственный секретарь Оргкомитета

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

АСАДУЛЛИН Р.М.,
ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор пед. наук, профессор

Дорогие гости, коллеги, уважаемые участники конференции!

Снова прозвучали в этом замечательном зале суры Корана, и сегодня мы открываем юбилейную десятую конференцию «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века». Это означает, что мы создали традицию, и она жива.

Десять лет назад была задана тема, актуальная на долгие годы: ислам и образование. В XXI веке на новом витке общественного развития мы обращаемся к истокам и акцентируем внимание на непреходящей ценности знания, познания, учения, воспитания. Поэтому наше содружество – светского Педагогического вуза и Российского исламского университета – крепнет и выходит на новый уровень, на решение стратегически важных задач.

С 2008 года мы работаем по федеральной программе подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Ежегодно Министерство образования и науки РФ утверждает план мероприятий для вузов – участников проекта. Но именно с этого юбилейного года начался новый этап в нашей работе. Закончился период активного позиционирования – ориентации только на мероприятия, публикации. Сегодня главная цель – выйти на качественно новый уровень образовательного пространства, новый стиль мышления, культуру, в которой органично дополнят друг друга светская наука и исламское вероучение.

В таком контексте мы совершенствуем программы подготовки в педагогическом университете, расширяя спектр направлений магистратуры, аспирантуры, научных исследований. Созданный в БГПУ им. М. Акмуллы в рамках проекта Межведомственный центр развития мусульманского образования по рекомендации Девятой конференции преобразован в Научно-исследовательский

институт духовной безопасности и развития религиозного образования. Само название говорит о масштабах работы и предмете исследований.

В свою очередь наш партнер – Российский исламский университет ЦДУМ России – активно внедряет самые передовые педагогические технологии. Наше сотрудничество знаковое: здесь не только интеграция науки и религии, здесь традиция и инновации, здесь молодость и опыт. В текущем году БГПУ имени Мифтахетдина Акмуллы отмечает пятидесятилетие, а в прошлом году мы посвящали конференцию 110-летию медресе «Галия», с которой начиналось формирование богословской школы и системы образования в Башкирии. Сегодня РИУ – исламский вуз, реализующий несколько программ и форм обучения. Но для уверенного продвижения в образовательном пространстве хорошим подспорьем становятся апробированные в Педагогическом университете технологии, в том числе в воспитательном процессе.

Министерство образования и науки РФ сориентировало нас на целевую подготовку специалистов для последующей работы в РИУ ЦДУМ России. Так, в текущем году были приняты 8 бакалавров на обучение по профилю «Арабский язык». Параллельно на базе наших вузов создается ресурсный центр, в составе которого будет функционировать Центр арабского языка. Расширяется спектр программ дополнительного образования для имамов, для специалистов по работе с молодежью, по государственно-конфессиональным отношениям. Рука об руку с партнерами и Советом по государственно-конфессиональным отношениям мы работаем с населением республики по профилактике экстремизма. Совместно с РИУ ЦДУМ России мы расширяем наши образовательные контакты. На сегодня есть интересные проекты и перспективные планы сотрудничества с Дальним Востоком, Кыргызстаном. Сегодня будет подписан договор о сотрудничестве между РИУ ЦДУМ России и Кыргызским исламским университетом. Как говорится в Соглашении, стороны объединяют усилия в деле развития и укрепления исламского духовно-религиозного обучения в России и Кыргызстане, в соответствии с национальным гражданским законодательством и нормами международного права; проводят научный обмен по программам магистратуры и докторантуры, внедряют программы электронного обучения и дистанционных образовательных технологий по приоритетным направлениям развития исламского образования в странах СНГ.

Интерактивные технологии позволяют нам продвигать и развивать наши образовательные программы, в том числе лингвистику: русский язык за рубежом, башкирский язык-он-лайн, есть задел для технологии изучения арабского-он-лайн. И это вполне оправдано. У нас есть опыт: БГПУ им. М. Акмуллы – Опорный вуз по продвижению русского языка за рубежом. Разработка аналогичной

программы по арабскому языку может стать хорошим инструментом в выявлении и борьбе с идеологией экстремизма. В данном направлении перед нами ставятся серьезные задачи по обеспечению духовной безопасности, профилактике религиозного экстремизма прежде всего в молодежной среде. Цели обозначены, работа предстоит большая. Площадки конференции как компас, по которому можно сверить направления работы, обменяться мнениями.

Программа юбилейного форума очень насыщенная. Мы постарались охватить вниманием широкий круг вопросов, наиболее актуальные мы вынесли на наши панельные сессии и круглые столы: это прежде всего вопросы развития системы исламского образования, теологии и подготовки священнослужителей, круглый стол по вопросам профилактики экстремизма, традиционный семинар-совещание по вопросам государственно-конфессиональных отношений.

Работа будет продолжена и завтра на нескольких площадках, в том числе в педагогическом университете. Здесь пройдут мастер-классы, публичные лекции наших гостей – известных ученых.

В рамках форума пройдет заседание Совета муфтиев Центрального духовного управления мусульман России, а также заседание Совета молодых ученых Духовного управления мусульман Республики Башкортостан с утверждением состава и плана работы на ближайший год.

Мы постарались включить в программу максимум интересных презентаций, живых площадок для обсуждения, обмена мнениями, чтобы каждый участник получил новое знание, новую тему для дальнейшей работы и осмысления. Поэтому большая просьба ко всем гостям–участникам соблюдать регламент выступлений: приветствия – до 5 минут, доклады – до 10 минут.

Очень приятно, что наше приглашение приняли самые известные ученые, уважаемые представители исламского духовенства, видные политики. Сопредседатель пленарного заседания – ректор Российского исламского университета ЦДУМ России – Артур Русланович Сулейманов.

Уважаемые участники конференции! В адрес Оргкомитета поступило приветствие директора Департамента государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Минобрнауки России Михеева Игоря Анатольевича.

Мы приветствуем гостей из федеральных и республиканских органов государственной власти, руководителей светских и религиозных образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Казани, Владикавказа, Пятигорска, Оренбурга, Тюмени, Хабаровска, Челябинска, Уфы, других регионов России и мира.

Традиционно в работе конференции участвуют главы ведущих религиозных конфессий: Верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России Шейх-уль-Ислам **Талгат Сафа Таджуддин,**

владыка **Никон,** раввин **Дан Кричевский**, председатель Духовного управления мусульман Республики Башкортостан **Нурмухамат-хазрат Нигматуллин,** председатель Регионального Духовного управления мусульман **Мухаммад-хазрат Таджуддинов.**

В конференции участвует делегация Республики Кыргызстан во главе с ректором Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына **– Садыковым Канатом Жалиловичем.**

Сегодня с нами:

– муфтий города Стамбул – профессор **Хасан Камиль Йылмаз,**

– профессор Булгарской исламской академии – глубокоуважаемый **Абдурраззак Абдуррахман Ассаад,**

– Мухаммад Мухтар Дерар Аль Муфти – директор института диалога цивилизаций и культур университета «Аль-аль-Бейт» из Иордании,

– Мохамед аль-Насер аль-Зааири – профессор хадисоведения университета «Аз-Зайтун» из Туниса.

В работе конференции принимают участие ведущие российские зарубежные ученые-религиоведы, представители власти, имамы, общественные деятели, преподаватели вузов, ученые, студенты, а также наши коллеги из вузов-партнеров – участников проекта: МГУ, Санкт-Петербургского, Пятигорского государственных университетов, Казанского (Приволжского) Федерального университета.

Буквально вчера стало известно, что не сможет приехать **Зенько Алексей Петрович,** советник отдела по вопросам национальных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями Департамента культуры Правительства Российской Федерации, но он просил передать наилучшие пожелания участникам конференции.

У нас в гостях ведущие ученые в области социологии религии:

Мчедлова Мария Мирановна, заведующая кафедрой сравнительной политологии РУДН, доктор политических наук, профессор,

Аликберов Аликбер Калабекович, заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель секретариата рабочей группы по организации и контролю за исполнением Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием и культуры ислама, кандидат исторических наук, доцент.

Уважаемые участники конференции, дорогие гости!

Разрешите мне по поручению Оргкомитета объявить X международную научно-практическую конференцию открытой и пожелать всем нам плодотворной работы на ее площадках.

СУЛЕЙМАНОВ А.Р.,
ректор Российского исламского университета
Центрального духовного управления мусульман России

Уважаемые участники конференции! Дорогие гости!

Сердечно приветствую вас на нашей традиционной конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века»!

Прежде всего я хотел бы выразить почтение нашему наставнику – председателю Центрального духовного управления мусульман России, Верховному муфтию, Шейх-уль-Исламу Талгат-хазрату Таджуддину, который является одним из главных вдохновителей и организаторов как сегодняшнего форума, так и многих других масштабных мероприятий, направленных на возрождение исламской культуры и особенно системы образования! Ибо именно последовательное взаимодействие Верховного муфтия с государственной властью, направленное на духовно-нравственное возрождение, позволило религиозным учебным заведениям в середине первого десятилетия нового века стать объектом государственной поддержки и развивать во благо развития духовного образования партнерские отношения с опытными государственными вузами России и, в частности, с нашим партнером – БГПУ им. Акмуллы.

Кроме этого, я хотел бы сердечно приветствовать на земле Башкортостана одного из потомков пророка Мухаммада (с.в.с.), доктора, Шейха Абдулраззака Ассада, муфтия Стамбула, доктора Хасана Камиля Йылмаза, доктора Мухаммада Мухтар Аль Муфти, прибывшего к нам из Иорданского университета «Аль-аль-Бейт» и профессора Тунисского университета «Аз-Зайтун», доктора Мохамеда аль-Насер аль-Зааири.

От всей души приветствую и всех досточтимых гостей нашего города и этой конференции и благодарю за то, что вы нашли возможность посетить наш форум. С большим удовлетворением и уважением присоединяюсь к приветствию Раиля Мирваевича Асадуллина в адрес всех высокочтимых гостей, присутствующих на нашей конференции.

Наша конференция 2017 года особая по многим характеристикам, внешним и внутренним. Сказать, что мир сегодня как никогда полон тревог и надежд, будет правдой, но даже этого недостаточно, чтобы выразить реальные противоречия, возникающие сегодня в обществе и требующие своего скорейшего решения.

И в этой связи я хотел бы выделить в особый раздел проблемы развития образования и особенно духовного образования, так как мы со всей очевидностью понимаем, что без развития этой сферы бытия общество не может преодолеть все те проблемы, которые само же порождает. Все это происходит именно ввиду недостатка или отставания в развитии духовного образования, как, впрочем,

и общего образования. В этом отношении в России, хвала Всевышнему Создателю, обстановка, нам представляется, более благоприятной, нежели в других странах, особенно в западных. Так судить нам позволяет хотя бы тот факт, что сам Президент страны В.В. Путин несколько раз публично высказывался о важности возрождения отечественной богословской школы и необходимости поддержки духовного образования. И это не просто слова.

Результатом последовательного взаимодействия духовного лидера российских мусульман Шейх-уль-Ислама Талгат-хазрата Таджуддина и государственной власти во главе с национальным лидером В.В. Путиным стало появление государственной программы поддержки духовного образования, действующей с 2007 года. Во всяком случае Российский исламский университет ЦДУМ России активно участвует в программе с этого времени. Это свидетельство отношения, подчеркиваю – доброго отношения, государства к духовному образованию.

Внимание государства к вопросам общего образования, и в частности духовного, мы наблюдаем на всех уровнях власти: и на федеральном, и на региональном, и со стороны различных органов власти, ведомств и учреждений. Это дает нам надежду думать, что на этом позитивном фоне и дальше будет иметь развитие система мусульманского духовного образования. Конечно же, все мы с вами и вся мусульманская умма России должны прилагать максимум усилий к возрождению мусульманских образовательных центров, восстановлению нравственных традиций, основанных на идеалах и ценностях ислама. Равно как и все общество должно само проявлять больше бдительности и внимания к асоциальным явлениям, в частности, проявлениям нетерпимости, экстремизма и радикализма. Общество должно уделять достойное внимание семейным вопросам, особенно воспитанию подрастающего поколения, не дожидаясь вмешательства государства и не уповая только на его помощь, ведь все мы хорошо помним наставления Всевышнего Создателя, говорящего в священном Коране: «Воистину Всевышний Аллах не меняет положения людей, пока они сами не переменят того, что с ними!»

Уважаемые участники конференции!

Наш ежегодный форум в этом году имеет для нас особое значение. Как было уже сказано, Российский исламский университет ЦДУМ России и БГПУ им. М. Акмуллы уже десять лет осуществляют партнерские планы, направленные на усиление духовной составляющей нашего общества. Эти планы привязаны к реализации государственной программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама, поэтому, несмотря на известную разность научных и мировоззренческих оснований, наши вузы-партнеры имеют взаимодействие и совместно реализуют проект создания системы духовного образования и воспитания. Ключевое слово здесь – система. Она должна работать как совершенный механизм, безупречно и точно. Отсюда и сложность задачи и

понимание того, что усилия наши должны быть адресными, ясными, качественными и результативными.

Десять лет – это достаточно долгий путь. И это повод к подведению промежуточных итогов развития. Именно эту идею мы пытались заложить в качестве главного лозунга нашей конференции в нынешнем 2017 году.

Мы очень надеемся, что на площадках этого форума, в пленарных заседаниях и в работе секций, докладах преподавателей наших вузов и других учреждений науки и образования будет проведен глубокий анализ совместной работы, проделанной нами за последнее десятилетие.

Эта коллективная мыслительная работа, несомненно, будет проделана, тем более, что большинство наших участников являются, можно сказать, завсегдатаями данного форума. Надеемся, что этот анализ итогов десятилетней работы позволит наметить более точные перспективы дальнейшего движения.

Еще раз сердечно приветствую вас от лица Российского исламского университета ЦДУМ России и желаю всем нам плодотворной и успешной работы!

ПРИВЕТСТВИЯ И ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРИВЕТСТВИЕ
ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
Р.З. ХАМИТОВА,

оглашенное председателем Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан В.П. Пятковым

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую участников юбилейной X Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века»!

В современном мире все более важными становятся вопросы межэтнических и межрелигиозных отношений. Значимую роль в их укреплении и гармонизации в нашей стране играет многовековое единство народов России, их нравственные традиции, большая работа по развитию национальных языков и культур, духовному просвещению.

На протяжении столетий Уфа является одним из центров исламского образования. Сегодня здесь развиваются такие его новые формы как партнерство светских и религиозных вузов. В результате сотрудничества Башкирского госпедуниверситета имени Акмуллы и Российского исламского университета ЦДУМ России сформировалась многоуровневая система религиозного образования, направленная на сохранение ценностей традиционного ислама. Внедрение единых стандартов, информационных технологий в систему российского мусульманского образования способствует повышению его конкурентоспособности, росту престижа отечественных исламских учебных заведений.

За годы проведения конференция стала авторитетной площадкой для открытого обсуждения российскими и зарубежными учеными вопросов развития мусульманских просветительских традиций, нравственного воспитания молодежи. Уверен, что этот важный форум внесет значимый вклад в укрепление авторитета российской исламской богословской школы.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, доброго здоровья и благополучия!

Р. ХАМИТОВ

ТАДЖУДДИН Т.С.,
Верховный муфтий, Шейх-уль-Ислам,
председатель ЦДУМ России

بسم الله الرحمن الرحيم!
الحمد لله رب العالمين والسلام والصلاة على حبيبه ورسوله محمد وعلى آله وأصحابه أجمعين وعباد الله الصالحين وعلى من تبعهم بإحسان في كل الخير إلى يوم الدين، أما بعد...

Во имя Аллаха Всемилостивого, Милосердного!
Хвала Аллаху – Господу миров! Мир и благословенный привет Его любимцу и Посланнику Мухаммаду, его Роду, Сподвижникам, праведникам и всем, кто следует за ними по Пути благих дел и добра вплоть до Судного дня.
Глубокоуважаемый Алмаз Равильевич!
Глубокоуважаемые члены Президиума!
Дорогие участники и гости!

Прежде всего разрешите мне от имени Центрального духовного управления мусульман России и от себя лично приветствовать Вас на очередной, уже X ежегодной научно-практической конференции, проводимой в рамках Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

Сегодня всем нам доставляет большую радость сердечно приветствовать прибывших на нашу Конференцию таких видных представителей авторитетных исламских образовательных учреждений и практических организаций как:

– досточтимый Шейх, потомок пророка Мухаммада (с.в.с.) из рода Хасанитов, Абдурраззак Абдуррахман Асаад Ас-Саади – профессор арабского языка и литературы Болгарской исламской академии

– досточтимый профессор Хасан Камиль Йылмаз – муфтий Стамбула

– досточтимый профессор, шейх Мухаммад Мухтар Аль-Хасани, директор института межцивилизационного диалога университета АхлюльБейт

– досточтимый профессор, шейх Мухаммад Насер Аз-Зааири, профессор хадисоведения в университете «Аз-Зайтун», а также делегации из Киргизии, Иордании, Туниса, Турции и другие.

Дорогие гости! Не сомневаюсь, что ваше участие в этом Форуме обогатит его содержание, позволит ему внести свой вклад в поиск ответов на самые злободневные вопросы, которые ставит современная жизнь перед мусульманами, проживающими на территориях Исторической России, и которые, как мы все хорошо понимаем, не могут быть адекватно осознаны и успешно решены без тесного сотрудничества с вами, без накопленных вами знаний и опыта, без наших достаточно точных представлений о ситуации в мировой исламской умме в целом.

◆Башкирским государственным педагогическим Университетом и ◆Российским исламским университетом Центрального духовного управления мусульман России при содействии ◆Министерства образования и науки Российской Федерации ◆Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан и… ◆в кооперации с «Международной исламской организацией по образованию, науке и культуре – ИСЕСКО», а также… с ◆входящей в её базовую структуру «Федерацией университетов Исламского мира», чести стать членом которой был удостоен наш Российский исламский Университет после того, как Российская Федерация была.., по исторической инициативе нашего Президента Владимира Владимировича Путина, принята в самую авторитетную (в масштабах всего современного исламского мира!) «Организацию исламского сотрудничества» (ОИС)» со статусом Государства-Наблюдателя!

Хвала Всевышнему Творцу! – совсем недавно, в начале сентября текущего года, в дорогих нашим сердцам Болгарах была торжественно открыта «Болгарская исламская академия»… В этом памятном событии в очередной раз ярко проявился общегосударственный стратегический курс России на создание самых благоприятных условий для развития отечественной мусульманской уммы на путях возрождения подлинного ислама, исходными основами которого, согласно Священному Корану и Сунне Посланника Аллаха Мухаммада (е), всегда, как хорошо известно, были и останутся, ин ша Аллах, принципы мира и взаимодействия людей в добре и благочестии нашего солидарного противодействия всякому экстремизму и терроризму, любые проявления которого объявлены Всевышним Творцом греховными: (إنه لا يحب المسرفين) («Поистине, Он [Аллах] не любит неумеренных»).

Наш Президент Владимир Владимирович Путин в своем теплом поздравлении российским мусульманам на открытие Болгарской академии, охарактеризовав его «большим, знаменательным событием», подчеркнул, что она «призвана возродить традиции отечественной исламской богословской школы, стать общероссийским центром развития мусульманского образования», и выразил уверенность, что «выпускники Академии смогут получить уникальные знания, станут важной опорой мусульманской общины, своим трудом будут содействовать сохранению мира и согласия в стране».

Президент России заострил внимание на тех общих для Государства и отечественной мусульманской уммы стратегических задачах, которые он четко и убедительно обозначил еще в октябре 2013 года, когда принял личное участие во всероссийских торжествах в городе Уфе, посвященных 225-летнему юбилею официального признания ислама одной из укорененных религий России.

Очень важно при этом иметь в виду, что открытие Болгарской академии, конечно же, не означает еще создания в России уже полнокровной и отлаженной системы многоуровневого (трехзвенного) исламского образования.

С ее вводом в строй построен лишь его несущий каркас, который предстоит заполнить соответствующим содержанием. Я имею в виду формирование профессорско-преподавательского корпуса, разработку соответствующих учебных и исследовательских программ и планов, обеспечение оптимальных условий для качественного набора учащихся и другие организационные вопросы.

Причем решать такие задачи мы должны в кратчайшие сроки. Дело в том, что на протяжении более 70 лет, т.е. на протяжении жизни более трех поколений, была разрушена почти до основания наша многовековая духовная связь с предшествующими поколениями. Достаточно упомянуть, что на территории нашей страны тогда не осталось практически ни одного регулярно действующего мусульманского учебного заведения, и первый исламский институт в советской России был основан нашим Духовным управлением лишь в 1989 году в Уфе, на базе некогда знаменитого медресе «Галия». А затем этот Институт был преобразован в первый Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России.

За истекшие 18 лет Университет подготовил более 1500 имам-хатыбов для приходов мусульманских общин России и стран Союза независимых государств (СНГ). Сегодня в нашем Университете получают образование 760 студентов, а также более 300 учащихся в 7 средних духовных учебных заведениях при РДУМ в составе ЦДУМ России, в таких городах как Самара, Ульяновск, Оренбург, Октябрьский, Астрахань, Пермь. Ежегодно более 400 имамов углубляют свои знания и проходят переаттестацию на курсах повышения квалификации в РИУ ЦДУМ России. И хотя в дополнение к нашему Уфимскому университету в последние годы в различных регионах России было создано еще 6 Исламских университетов, мы в целом все равно еще очень далеки от того, чтобы полностью обеспечить наши возрожденные мусульманские приходы необходимым количеством высококвалифицированных профессиональных религиозных предстоятелей.

Более того, ситуация усугубляется еще и тем, что в настоящее время более 60% наших священнослужителей составляют люди весьма и весьма преклонного возраста, которые, аль-хамдулилляһ, и сегодня мужественно и с искренним старанием продолжают исполнять свой священный долг служения вере и Отечеству, противостоят попыткам экстремистов и последователей различных радикальных течений извратить нашу истинную веру, разрушить мир и согласие народов и последователей традиционных религий нашей Отчизны. И наша главнейшая задача найти им, а точнее – воспитать им на смену, достойное поколение новых имамов и духовных наставников.

Мы глубоко благодарны центральному руководству нашей страны, региональным и местным властям, ведущим государственным российским вузам за их действенную поддержку и прямую помощь, которую они оказывают нам

в решении одной из наших острейших задач – задачи профессиональной подготовки кадров. Причем, хочу подчеркнуть, что здесь мы одновременно возлагаем большие надежды еще и на тесное сотрудничество с нашими партнерами из ближнего и дальнего зарубежья.

Вот почему для нас так важно участие в таких Форумах, как нынешний, наших коллег-ученых и практических деятелей в сфере мусульманского просвещения и образования из стран современного Исламского мира, плодотворные, вдохновляющие связи с которыми – хвала Всевышнему Аллаху! – растут год от года.

Молю Всевышнего, Всемогущего Создателя даровать успех нашей Конференции в благородной миссии познания Истины *(аль-Хакк),* в решении задач по подготовке достойных кадров отечественного мусульманского духовенства ради служения Вере и во благо мира и согласия на земле нашей великой Отчизны – России и во всем мире!

إنه سبحانه وتعالى سميع الدعاء

Слышащий Он! – Внимающий голосу искренне к нему обращающихся!

والسلام عليكم ورحمة الله تعالى وبركاته

ПРИВЕТСТВИЕ
директора Департамента государственной политики
в сфере воспитания детей и молодежи
Министерства образования и науки Российской Федерации
МИХЕЕВА И.А.

Уважаемые друзья, коллеги!

От имени Министерства образования и науки Российской Федерации приветствую участников юбилейной X Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века»!

Сегодня перед российским образованием стоят масштабные задачи. Одна из них – воспитание ответственных граждан страны, любящих Россию. Совершенствование методологии и содержания воспитательных практик во многом опирается на многовековые традиции российского общества. Именно поэтому духовное образование становится одним из важнейших институтов, органично дополняющим всю отечественную образовательную систему.

Развитие и сохранение межконфессионального и межнационального мира в России невозможно без консолидации потенциала российского мусульманского духовенства, знания истории и культуры ислама, мусульманского образования.

Убежден, сотрудничество и объединения усилий конструктивно настроенного исламского духовенства, научного и педагогического сообщества, государственных структур, активистов гражданского общества позволит заложить основы новых образовательных направлений и проектов, основанных на идеалах высокой нравственности и гуманизма.

Желаю организаторам и гостям конференции плодотворной работы, новых идей и позитивных рекомендаций во имя процветания Республики Башкортостан и России.

ФАЙЗУЛЛИН А.Р.,
заместитель начальника Департамента
по взаимодействию с религиозными организациями
Управления Президента Российской Федерации
по внутренней политике

Уважаемый Талгат-хазрат!
Уважаемый владыка Никон!
Уважаемый Раиль Мирваевич! Уважаемые зарубежные гости, друзья!

Находясь в Республике Башкортостан, хотелось бы напомнить, что именно здесь в Уфе в 2013 году Президентом Российской Федерации были поставлены конкретные задачи перед государством и обществом по становлению и развитию отечественной системы исламского образования, восстановлению отечественной исламской школы богословия, дальнейшей социализации ислама, работе с молодежью и другим направлениям. Именно в Уфе уважаемым муфтием, Талгат-хазратом, уже многие годы назад был поднят вопрос и начата работа по возрождению исламских святынь в городе Булгар и созданию там крупного духовного центра. По результатам большой совместной работы в этом году первого сентября открыла свои двери Булгарская исламская академия, учрежденная ведущими муфтиятами России.

В рамках государственной программы – плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама – большая и системная работа ведется Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы, его вузом-партнером – Российским исламским университетом Центрального духовного управления мусульман России при содействии Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан. Очень многое сделано, и очень многое еще предстоит сделать по практической реализации действительно большого накопленного потенциала, серьезных методологических разработок.

Актуальная повестка дня и представительный состав участников позволяют говорить о конференции как очень значимом мероприятии широкого международного масштаба. Участие в работе широкого круга экспертов, представителей вузовской и академической науки, руководителей исламских и других религиозных организаций, представительной делегации из Республики Кыргызстан и Турецкой Республики демонстрирует общую приверженность к сохранению и развитию подлинных гуманистических ценностей ислама.

Одной из важнейших задач традиционных религиозных организаций является полноценное сотрудничество в вопросах профилактики и противодействия любым формам и идеологиям терроризма. Опыт межконфессионального взаимодействия в России насчитывает не одно столетие и является важнейшим фактором гармоничного существования народов России в единой семье народов и становлению единой общегражданской нации.

Опора на нравственные ценности традиционных религий России является непременным условием преодоления террористической угрозы и играет значительную роль в профилактике проявлений псевдорелигиозного экстремизма.

Активная позиция участников конференции по защите, сохранению и преумножению духовно-нравственных ценностей народов России, развитию отечественного исламского образования будет способствовать дальнейшему укреплению внутреннего единства российского общества.

Уверен, что конференция пройдет в творческом конструктивном ключе, будет содействовать налаживанию деловых связей и личных контактов. Знаю, что предстоит еще большая работа в панельных дискуссиях, будут проведены семинары, и это, наверное, самое главное – содержательная часть нашего сегодняшнего большого форума.

Желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего. Спасибо.

ПРИВЕТСТВИЕ
Генерального директора международной Исламской организации по образованию, науке и культуре – ИСЕСКО, доктора Адульазиза ибн Османа ат-Твейджри,
оглашенное полномочным представителем ИСЕСКО в Российской Федерации и странах СНГ, профессором С.Х. Кямилевым

Уважаемые участники конференции!

Мир вам, милость Аллаха и Его благословения!

Мне доставляет радость обратиться к Вам с поздравлением по случаю открытия Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», проводимой в сто-

лице Республики Башкортостан городе Уфе Российским исламским университетом Центрального духовного управления мусульман России вместе с Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы, при содействии федерального Министерства образования и науки, Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе республики, Благотворительного общероссийского фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, в кооперации с Исламской организацией по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО) и входящей в его структуру Федерацией университетов Исламского мира.

Я выражаю глубокую признательность перечисленным российским государственным и общественным организациям за их позитивную конструктивную деятельность, в которой со всей очевидностью отражается генеральный стратегический курс современного российского государства, нацеленный на поддержку духовного пробуждения всех народов страны в целом, и народов, исповедующих ислам – в частности.

Заслуживает в этой связи внимания событие большой важности для жизни российских мусульман, свидетелями которому мы стали в прошедшем сентябре – открытии Российской исламской академии на священной Булгарской земле, с которой началось распространение ислама по всей Руси.

Заслуживает не меньшего внимания и то, что Президент России, глубокоуважаемый Владимир Путин, выступил с теплым вдохновляющим поздравлением по случаю открытия Академии, которое стало символом завершения возведения общего трехзвенного каркаса системы исламского образования, включающего в себя начальный уровень – уровень мусульманских медресе, второй – уровень исламских университетов, которых, насколько известно, насчитывается в России не менее семи и которые расположены в регионах традиционного распространения ислама в ней. И наконец – третий, академический, то есть высший уровень.

Мы разделяем надежду Президента Путина, которую он выразил в своем поздравительном Послании на торжественное открытие Академии, подчеркнув, что «выпускники Академии будут получать уникальные знания с тем, чтобы становиться важной опорой мусульманского сообщества и чтобы своим трудом способствовать сохранению мира и согласия в стране».

Ваша нынешняя, десятая научно-практическая конференция также призвана стать еще одним из важных шагов на пути осуществления этих заветных целей. Ведь она являет собой замечательную возможность для совместной проработки важнейших пунктов своей тематики, связанных с исламскими ценностями, имеющими непосредственное отношение к проблемам образования и обучения.

И несомненно, что только при опоре на эти священные ценности, обладающие огромной путеводной силой в устроении жизни как каждого отдельно

взятого человека, так и целых сообществ людей, может расцветать человеческая жизнь. Ибо они сдержат в себе дух самой этой жизни, являясь главным фактором для становления человеческой личности. И не будет справедливого и всеобщего мира, если этим ценностям не находится так или иначе места при его построении, потому что религия – это мир в душе, мир на земле.

Выражаю всем организаторам и участникам этой важной Конференции благодарность за их труд по ее подготовке и проведению и желаю ей всяческого успеха в достижении поставленных высоких целей. Еще раз, пользуясь возможностью по достоинству отметить позитивные, конструктивные позиции российских властей всех уровней во главе с Президентом Владимиром Путиным в отношении вопросов образования, обучения и культуры мусульман в этой богатой своими традициями стране, подтверждаю готовность ИСЕСКО и далее содействовать официальным и общественным организациям и структурам в их решении.

НИКОН,
митрополит Уфимский и Стерлитамакский,
Глава Башкортостанской митрополии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат),
Управляющий Уфимской епархией

Уважаемые гости и участники конференции, дорогие братья и сестры, искренне рад вас приветствовать на этом мероприятии.

Ежегодная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» организуется уже десятый раз. Это говорит о том, что данную конференцию заслуженно можно назвать доброй традицией. И самое главное, это подтверждает несомненную актуальность данного мероприятия на сегодняшний день. Наше Отечество принимает вызовы времени. А эти вызовы очень опасны для общества и страны в целом.

В этой ситуации бесспорно важную и первостепенную роль занимает образование. К сожалению, рассуждая о проблемах религиозного экстремизма, мы приходим к выводам, что в корне этих проблем лежит невежество. Проявления религиозного экстремизма возникают в различных конфессиях. Чаще всего – из-за неправильного понимания Божественной истины. В Божественных Откровениях традиционных конфессий России мы не найдем призыва к насилию и ненависти, а, наоборот, слышим призыв к любви и прощению.

В светских школьных и вузовских учебниках мы встречаем переход из нагорной проповеди Иисуса Христа «...Не делайте другим того, чего себе не же-

лаете...» в золотое правило нравственности «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Когда мы учились в школе в советское время, и речи не шло о религиозном образовании, но золотому правилу нравственности нас научили. Этим хочу сказать, что образованный человек и в атеистическое время прекрасно знает правила морали и нравственности, и не станет проявлять гнев и нетерпимость. А в наши дни, когда нет гонений на веру, у нас есть возможность обратиться к первоисточнику этого правила – к Закону Божьему.

В сфере образования стоит отметить совместные образовательные проекты Уфимской епархии с Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы, Башкирским государственным университетом.

Стоит отметить положительные тенденции по выбору в общеобразовательных школах модулей основ религиозной культуры и светской этики. Процент выбора Основ православной культуры растет, школы всё активней приглашают представителей мусульманского и православного духовенства на родительские собрания, посвященные выборам этого предмета. Институт развития образования проводит качественную подготовку кадров. Педагоги регулярно посещают кафедральный соборный храм Рождества Богородицы Уфы для повышения своей квалификации в религиозных вопросах. Встреча проходит в форме беседы со священником и носит консультационный характер. Мы полностью это поддерживаем.

Чтобы стать серьезным богословом, учатся 4 года в духовной семинарии, 2 года в духовной академии, а потом, еще продолжают обучение в духовной аспирантуре для получения ученой степени. Школьному учителю надо лишь поверхностно объяснить основы культуры, но и здесь невольно затрагиваются важные догматические основы вероучения. Поэтому очень хорошо, что с вопросами и за разъяснениями приходят к священнику. Данное сотрудничество мы планируем активно развивать.

В Республике Башкортостан строится грамотная политика по построению государственно-конфессиональных отношений. Мое присутствие на данном мероприятии вместе с представителями духовных управлений мусульман, представителей государственной и муниципальной власти, представителей учебных заведений, представителей общественных организаций свидетельствует о сплоченности нашего общества перед лицом сложных задач. Любая проблема или задача сегодня носят глобальный характер. Значит, и решать данные задачи и проблемы необходимо лишь сообща. Именно для этого необходимы такие мероприятия, как сегодняшнее.

Всем желаю плодотворной работы на данной конференции и всем мое архипастырское благословение!

ПРИВЕТСТВИЕ
Председателя Централизованной религиозной организации «Международная Исламская Миссия» Пшихачева Ш.А.

От имени «Международной Исламской Миссии» и от себя лично, хочу сердечно приветствовать участников X Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века».

Мы переживали разные исторические периоды, но во все времена незыблемыми ценностями для нас были и остаются согласие, мир и созидание. Трудно переоценить ту огромную роль, которую сыграли в поддержке и укреплении этих ценностных ориентиров наши традиционные религии.

Сохраняя межрелигиозный мир, заботясь о нравственном здоровье, нужно укреплять и наш моральный дух. Традиционные религии России исполняли и продолжают исполнять свою великую Божественную миссию, воспитывая и наставляя все новые и новые поколения наших народов.

Вопросы формирования дружбы между народами, роль исламского образования в воспитании молодежи и профилактике экстремизма, духовно-нравственные ценности Ислама в поликультурном пространстве, затрагиваемые на вашей Конференции, представляют сегодня особую важность, а их эффективное решение станет залогом процветания нашего общества в будущем. Желаю участникам X Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» плодотворной работы и успехов на благо государства и народов России.

ХАСАН КАМИЛЬ ЙЫЛМАЗ,
муфтий города Стамбул, профессор
(Турция, г. Стамбул)

Уважаемый Верховный муфтий, Шейх-уль-Ислам Талгат-хазрат Таджуддин, участники конференции, уважаемые гости!

Я всех вас приветствую традиционным приветствием ислама «Ассаляму алейкум уа рахматуллахи уа баракатуху!» В своём приветственном слове я хотел бы рассказать о добрых взаимоотношениях представителей различных конфессий, религий и народностей. Я написал свою статью и вкратце хотел бы рассказать об этой теме. Конечно же, единство между всеми религиозными

конфессиями и представителями этих конфессий указывает на сплочённость и прочность, подобную железу. Взаимопонимание и единство между конфессиями и руководителями этих конфессий является тем самым скрепляющим естеством, которое объединяет всех граждан этой страны. Несомненно, вера призывает к тому, чтобы все граждане страны общались и почитали друг друга, несмотря на их различия в вере и в национальности. Все представители и руководители конфессий должны призывать к тому, к чему призывает всех нас вера, а именно: ко взаимоуважению, почитанию друг друга и любви. Ни для кого не секрет, что любая вера призывает к порядку и к существованию в мире и добре. Благородство, взаимопонимание и взаимовыручка являются причиной воплощения мирного сосуществования представителей всех конфессий. И, конечно же, ислам играет немаловажную роль, несмотря на то, что он зародился в Мекке, он распространился по всему миру, провозглашая идеи братства между всеми людьми на Земле. Но и также установил границы самозащиты, в рамках которых человек вправе оборонять и защищать себя. С самого начала ислама, представители других религий, проживающие на территории мусульманского государства, пользовались всеми правами и благами, дарованными исламом, братством, единством и любовью, наравне с мусульманами. Явным примером этому является показатель заключения мирного соглашения между мусульманами и иудейскими племенами, жившими в те времена в Медине. Этот документ ограничивает и упорядочивает взаимоотношения и устанавливает мирное соседство между представителями разных конфессий и вероисповеданий. Также он подтверждает свободу вероисповеданий как для мусульман, так и для представителей других вероисповеданий. Благодаря этому соглашению и был мир между мусульманами и иудеями, проживающими на одной территории. Пророк Мухаммад (да благословит Его Аллах и приветствует) устанавливал эти благородные и добрососедские взаимоотношения со всеми представителями народностей, племён и вероисповеданий. Так как человек является высшим творением Господа, Пророк Мухаммад с почётом, уважением и любовью относился ко всем людям. Этим же примером служит делегация христиан из Наджрана, прибывшая к Пророку (да благословит Его Аллах и приветствует) за помощью, чтобы он отправил своего сподвижника для урегулирования спорных вопросов по имущественным делам, возникшим между христианами. Пророк Мухаммад (да благословит Его Аллах и приветствует) лично встретил эту делегацию и предложил пройти в его мечеть. Этот случай как раз указывает на то, как Пророк (да благословит Его Аллах и приветствует) воплощал в жизнь добрососедские отношения и отношения братства ко всем людям – творениям Господа. После тех трагических событий, произошедших 11 сентября 2001 года, отношения в мире в целом и отношения между конфессиями и национальностями, в частности,

значительно ухудшились. К сожалению, повсеместно мы видим, как многие мусульмане, не имеющие никакого образования, в том числе и религиозного, присоединяются к различным течениям, заблудшим группам, а часто и к террористическим бандформированиям. Естественно, будет ошибкой, упоминать религию ислам наравне с терроризмом. Ибо любой мусульманин верует в то, что убийство одной невинной души приравнивается к убийству всего человечества, и соответственно, спасение одного человека приравнивается к спасению всего человечества. Необходимо на этих встречах делать упор на то, что ни одна религия не может быть причастна к терроризму, ни ислам, ни какие-либо другие религии, в принципе, не могут нести в себе зло и террор. Очевидно, что представители любой религии могут носить в себе экстремистские и террористические идеи, но нам всем следует понимать недопустимость знака равенства между какой бы то ни было религией и понятием террор. Конечно же, ошибочно думать, что причиной таких явлений, как бедность, голод, неравенство, эпидемии и болезни, которые мы можем наблюдать в некоторых бедных странах, например, Африка, и особенно в её северной части, стали вера и слабость, исходящие из религии. С прискорбием, мы видим, как миллионы людей умирают от жажды и голода в Африке. А значит, любой человек, не зависимо от его вероисповедания должен стремиться помочь неимущим и умирающим от голода людям, чтобы спасти их жизни. Это является не только обязанностью и личной ответственностью каждого рядового гражданина, но и лидеров мировых держав в приложении всех усилий для спасения жизней бедных людей. В наш век глобализации и цифровых технологий всё становится более доступным и, таким образом, наша ответственность благодаря этому только возрастает перед этими умирающими людьми. В заключение скажу, что установление мира и порядка среди людей во всех странах, и во всём мире, возможно только при условии братства, взаимопонимания и любви между людьми.

АБДУРРАЗЗАК АБДУРРАХМАН АССААД,
профессор Булгарской исламской академии
(Россия, г. Булгар)

После того, как я воздаю хвалы Всевышнему Господу, я хочу выразить благодарность организаторам этой конференции, собравших здесь представителей религиозной и научной интеллигенции. В первую очередь я хотел бы выразить свою искреннюю благодарность Верховному муфтию, Шейх-уль-Ислам Талгат-хазрату Таджуддину, который стал причиной моего приезда в Российскую Федерацию. Наряду с этим, я выражаю благодарность ректору Башкирского

государственного педагогического университета имени М. Акмуллы Раилю Мирваевичу Асадуллину. Конечно же, выражаю благодарность ректору Российского исламского университета ЦДУМ России в городе Уфе Артур-хазрату Сулейманову, а также передаю приветствие и благодарность от президента Булгарской исламской академии Камиля Шамильевича Исхакова. Это является одной из многочисленных, величайших заслуг муфтий-хазрата Талгата Таджуддина, потому что он один из первых стал возрождать Булгар и Булгарскую исламскую академию. И пусть Всевышний Аллах воздаст благом Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину за то, что он дал своё согласие и подписал документы об организации Булгарской исламской академии. Наравне с этим я выражаю благодарность бывшему президенту Татарстана Минтимеру Шариповичу Шаймиеву и действующему президенту Рустаму Нургалиевичу Минниханову за то, что они воплотили в жизнь, следуя указанию В.В. Путина, создание и организацию этой академии. В этом году в сентябре начался первый учебный год Булгарской академии, мы запустили учебный процесс и проводим обучение студентов со всех уголков страны. Я надеюсь, что Булгарская исламская академия станет духовно-просветительским центром, который исправит все ошибочные мировоззрения, закравшиеся в умы людей этой страны. Я хочу выразить свою благодарность и приветствие всем присутствующим, а о теме конференции мы поговорим за круглым столом во второй части нашего собрания. Я искренне рад принять личное участие в этой, уже десятой, конференции, потому как упоминание о цифре 10 есть и в Священном Коране. В Священном Писании она возвышается тем, что Аллах клянётся цифрой десять, упоминая десять ночей «Клянусь рассветом. И клянусь десятью ночами» (сура «Рассвет», 1-2 аяты). Также есть аят, в котором Аллах просит многобожников привести подобное десяти сурам из Корана. Известно также, что шариат получил своё полное завершение после десяти лет, проведённых Пророком (да благословит Его Аллах и приветствует) в Медине. Сподвижников, обрадованных Раем при жизни, тоже было десять человек. Тот человек, который отправляется на хадж и умру одновременно называется мутаматти’ и в благодарность Всевышнему, он постится 3 дня на хадже и 7 дней по возвращению из хаджа. Когда Пророк Муса уединялся и беседовал с Господом в течение тридцати дней, после добавил ещё 10 дней. Также является сунной Пророка (да благословит Его Аллах и приветствует) для каждого мусульманина, после утреннего намаза произносить десятикратно свидетельство веры. Суммируя всё вышесказанное, мы рады слышать цифру из Корана – цифру 10 и участвовать в этой десятой конференции, которая ориентирована на реорганизацию и улучшение методических программ по исламскому образованию.

МУХАММАД МУХТАР ДЕРАР АЛЬ МУФТИ,
доктор, директор института диалога цивилизаций
и культур университета «Аль-аль-Бейт»
(Иордания, г. Мафрак)

Как представитель Иорданского Хашимитского Королевства я хотел бы передать вам исламское приветствие «Ассаляму алейкум уа рахматуллахи уа баракатуху». Всех представителей, Верховного муфтия, митрополита, руководство республики и страны, всех почтенных гостей и шейхов, представителей ИСЕСКО и ФУИМ я хотел бы поприветствовать и поблагодарить за участие в конференции. Также хотел выразить искреннюю и сердечную благодарность за тёплый приём, оказанный мне настолько хорошо, что не выразить словами. Это уже второй мой приезд в Республику Башкортостан для участия в этой благословенной конференции по приглашению ректора Российского исламского университета Артура-хазрата Сулейманова, а также по приглашению Верховного муфтия России, Шейх-уль-Ислам Талгат Сафа Таджуддина – председателя ЦДУМ России.

Уважаемые братья и сёстры! Я не скрываю своей искренней любви к Уфе, и не взирая на большие расстояния между нашими странами, это указывает на близость наших сердец. Поэтому в сердце моём искренняя любовь к этой республике. Как я заметил, представители Башкортостана и, в частности, города Уфы проявляют благородство как у себя на Родине, так и за её пределами. Поэтому величайшие приветствия и благословения этой благословенной республике. Как я уже рассказывал своим друзьям и родственникам в Иордании, народы, проживающие на территории Республики Башкортостан отличаются миролюбием, братством и любовью ко всем людям. Они всегда с радостью встречают гостей как из арабских стран, так и представителей других народностей у себя на родине. Их сердца намного больше их Родины, и они славятся своей щедростью и великодушием. Всякий раз, как я приезжаю в Уфу, я говорю себе: «Будто я никуда и не уезжал из дома, и нахожусь у себя на Родине». Но несмотря на это, многие арабы ничего не знают о вашей республике в частности, и о стране в целом. Не знают о произошедших исторических событиях у вас в стране. Не знают сколько народностей и сколько вероисповеданий проживают на территории вашей страны. И не предполагают о положении мусульман на данный период в вашей стране. Я очень рад и счастлив видеть такое количество имамов и муфтиев на этой конференции со всех концов Российской Федерации: с севера, с востока, с запада и юга. Конечно, люди моей страны не знают о тех препятствиях и проблемах, возникающих на вашем пути и не догадываются о духовном богатстве ваших душ. И это большое упущение со

стороны религиозного руководства арабских стран. Но я даю вам слово, что я передам всем представителям и руководителям религиозных организаций и образовательных учреждений и расскажу о вашем усердии и труде, которые вы прилагаете, чтобы они смогли вас поддержать и духовно, и морально в ваших трудах. Несомненно, все темы круглых столов, затронутые на конференции, очень важны для всех мусульман. Меня очень заботят те препятствия, которые встают на пути становления исламского образования в России. Всем нам понятно, какую роль играет правильное духовное исламское образование в борьбе и противостоянии против распространения экстремистских идей и каким образом религиозные учебные заведения могут воспитывать и обучать молодёжь, оберегая от проникновения этих идей в их умы людей. Это всё побуждает нас вернуться к первоисточнику религиозного исламского образования – Корану и священной сунне. И я приехал поблагодарить вас и связать наше великое прошлое с нашим настоящим и будущим и призываю всех нас следовать Корану, сунне и благородному примеру наших праведных предшественников, бывших в исламе до нас. Я призываю к тому исламу, который учит миролюбию, братству и любви. Соответственно, учение ислама, призыв к нему и всё исламское образование должно быть на современном, доступном языке, а для того, чтобы правильно преподносить знания из источников и знания путём разумного осмысления. И тот ислам, который побуждает общество и мусульман развиваться во всех сферах человеческой деятельности, призывает людей к религии и даёт им правильные фетвы. Ислам, соблюдающий права всех представителей других конфессий и получающий пользу от всех современных научных достижений, чтобы не прерывать связь между древним исламом во времена Пророка Мухаммада (да благословит Его Аллах и приветствует) и современностью. Именно эта связь поможет исламскому сообществу развиваться дальше. Благодаря древним трудам учёных мы можем сохранить тот путь, который передали такие великие умы ислама, как Абу Ханифа и другие. Сюда относятся и те наставления, оставленные такими учёными как Джунайд и всё это следует преподавать в религиозных исламских учебных заведениях. Ибо всё это берёт своё начало от учения Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Всем братьям и сёстрам следует участвовать в обсуждении этих важных вопросов в сфере исламского образования, касающегося всего общества и представителей всего исламского сообщества. Но, следует заметить, что один из важных институтов исламского образования – это исламская семья и надо прилагать все усилия для изучения всех аспектов жизни сообщества, чтобы уберечь его от угроз и напастей, исходящих от лжеучений, распространившихся по миру. Я очень рад видеть те взаимоотношения, которые выстраиваются между руководством республики, страны и представителями различных религиозных организаций, особенно радуют отношения мусульманских организаций с представителями других конфессий. Но следует и в дальнейшем поддерживать и улучшать эти

отношения между руководством республики и представителями религиозных организаций для плодотворного сотрудничества и развития религиозного исламского образования.

В конце своей речи я хотел бы попросить у Всевышнего помощи и удачи для вас и вашей конференции. Спасибо за ваше внимание.

ЭРГЕШОВ А.З.,
заведующий отделом образовательных учреждений
Духовного управления мусульман Кыргызстана
(Республика Кыргызстан, г. Бишкек)

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Духовно-нравственное воспитание молодежи, направленное на формирование гражданской позиции, уважения к культурно-историческому наследию своего народа, нравственных приоритетов в профессиональной деятельности является одной из актуальных проблем образования. Современное образование должно ориентироваться на наиболее ценные элементы культурного наследия и национальную самобытность, оно обязано одновременно способствовать укреплению этических принципов, на которых будет строиться новый, более справедливый, более гуманный порядок для всех людей и народов.

Пришло время осознать тот факт, что образование призвано всесторонне готовить молодое поколение к жизни, не порывая с лучшими традициями такой подготовки, доказавшими свою жизненность. Для этого следует взять из отечественного наследия то, что не противоречит современной действительности и отвечает потребностям жизни.

Духовные ценности народа, его традиции в течение многих веков всегда играли главенствующую роль в гражданском становлении подрастающего поколения, формировании его нравственных качеств, социализации личности в целом. Поэтому изучение и объективная оценка воспитательного влияния различных общественных институтов, в т.ч. религий – является важнейшей задачей. Переработка и осмысление явлений духовной культуры, созданной всем периодом развития человечества и ее влиянием, поможет строить педагогическую культуру настоящего и будущего. Без учета религиозного учения о морали и духовности человека, без изучения педагогического опыта различных народностей, не может быть полной и объективной картины воспитания человека. Знание духовной культуры прошлого поможет успешно решать задачи воспитания в настоящем.

Религиозная мораль содержит в себе и религиозные, и общечеловеческие ценности. Это характерно как для Корана, так и для Библии (чти отца и мать свою, не убий, не кради, не прелюбодействуй и т.п.). Например, по религиозным канонам за непочтение к родителям ждет жестокая кара. Эти заповеди исходили из потребностей общества и вобрали в себя, прежде всего, прогрессивные традиции народа. Выявление общечеловеческого, гуманистического в религии и признание того, что это общечеловеческое объединяет всех в деле воспитания – важная и очень сложная, но необходимая задача. Религия является частью нашего общего культурного достояния. Следует также отметить, что основная направленность нравственных проповедей всех религий – гуманистическая.

Таким образом, игнорировать общечеловеческое гуманистическое содержание религиозного учения мы не вправе.

Познание сущности воспитательного процесса и закономерностей воспитания представляет собой одно из основных, «стержневых» направлений исламской педагогики.

Исламская система воспитания опирается на Коран и Сунну, в которых детально изложены предписания, задающие ориентиры для жизнедеятельности мусульманина во всех сферах жизни и социальных отношений. Такие предписания определяют убеждения и формируют нравственные ценности. Ценности оформляются в виде призыва к добру или воздержания от дурного, становясь мерилом любого действия человека и в определении его судьбы в будущей жизни. Есть постоянные высшие ценности, которые не требуют объяснения, изменения или замены, такие, как: ценности вероучения, поклонения, требования призывать к добру и бороться со злом. В случае возникновения новых ситуаций, когда нужно дать объяснение новому явлению, устанавливаются новые ценности в соответствии с требованиями данного времени и места (фетвы).

«Ислам, – пишут авторы, – изначально проявлял и проявляет особый интерес к светскому воспитанию. В этом состоит социальная направленность исламского вероучения. Особый интерес ислама к мирскому воспитанию позволил создать основы для разработки принципиально отличающейся от христианской системы воспитания, в которой оптимально сбалансированы мирские и религиозные интересы».

Воспитание моральных качеств и формирование системы ценностей предполагается через науку и образование. В Коране сказано: «Бог доставит высокую степень тем из вас, которые веруют и получили познание» (Коран, 58:12); «Скажи: разве сравняются те, которые знают, и те которые не знают? Пусть об этом размышляют люди рассудительные» (Коран, 39:12).

Цель познания в исламе состоит в том, чтобы научить добру человека и как человека, и как самостоятельную личность. Конечная цель образования заключается в формировании добропорядочной личности, или, по-другому, благонравного человека. Человека, обладающего адаб, охватывающего как духовное, так и материальное бытие человека.

Знание ниспосылается Богом, но каждый человек приобретает его разными путями, истолковывает их по-своему. Знание не является лишь свойством человеческого разума и, следовательно, возникающие на основе разума науки не являются продуктом только человеческого мышления и опыта. Разъясняя основные положения исламской концепции образования, Сейд Мухаммад Накыб Аль-Аттас пишет: «Знания и науки прежде всего должны руководствоваться положениями и общими выводами Божественной истины и сверять с ними свои достижения: нравственно ли это с точки зрения ислама, не несет ли данное научное открытие людям зло?»

Исламское воспитание предполагает привитие комплекса моральных качеств, «носитель которых относится к миру так, как если бы он жил в нем вечно, а отношение к Богу должно было быть таким, что человек должен быть готов предстать пред Ним в каждый конкретный момент времени», – пишет персидский исследователь истории ислама, исламской цивилизации А.Х. Зарринкуб[6]. Возможно, этот тезис раскрывает значение воспитания для всех времен.

И одним из главных вопросов, которые человечество должно научиться решать в рамках божественных законов нравственности, является «культура мирного сосуществования» народов.

«Мирное сосуществование» – это одна из главнейших задач в мире. Жить в мире, понимая и слыша друг друга – эта задача актуальна, без преувеличения, для всего человечества. Кем бы мы ни были по вероисповеданию, какой бы ни была степень нашей религиозности, в каком бы географическом ареале мы не жили, кем бы ни были по национальности – мы обязаны перед Создателем жить в мире, воспитывать уважение и любовь друг к другу.

В этой связи возникает вопрос: Действительно ли религиозное образование и религиозное просвещение сможет укрепить мирное сосуществование человечества. Или же усиление религиозного образования приведет нас к проблемам нового уровня?

Важно четко понимать, что все религии, не только Ислам, ниспосланы людям Создателем ради мира и любви. Все войны и столкновения, кровопролития и слезы в современном мире – результат человеческих деяний, плод человеческого жестокосердия. Эти войны не имеют никакого отношения к вере и Божественным законам. Но человечество порой бывает жестоко и бесчестно, что использует священное имя Бога и веру как инструмент в своих бесчеловечных целях. Поэтому мир нуждается в перестройке сознания.

Мы должны четко знать, что все религии и все пророки Всевышнего призывали людей к миру и милосердию. И нам, как представителям религиозных институтов, нельзя ни на шаг отступать от призывов к миру и милосердию, призывов к примирению и взаимоуважению, чтобы не оставлять ни малейшей возможности нечестивым людям использовать веру в злонамеренных целях.

Образование и просвещение – самые важные и самые сложные сферы для любого общества, как повелел нам пророк Мухаммад (с.в.с.), «Учитесь от колыбели до могилы». Для того чтобы получить от образования, прежде всего, религиозного образования желаемый результат, мы непременно должны помнить, что первостепенное значение обучении молодежи имеет личность и уровень образованности того, кто преподает, как преподает, где и какие знания преподает, преподаются ли эти знания верно в соответствии с правилами педагогики и психологии. В этой связи очень важно, чтобы религиозные учебные заведения находились под постоянным наблюдением и контролем, преподавание велось по четко разработанной программе, по религиозным учебникам, составленным высококвалифицированными специалистами в вопросе вероучения ислама. Важно разъяснять молодому поколению глубочайшие традиции любви, мира и братства, взаимопомощи и веротерпимости, благой морали, имеющие многовековые корни в исламе. Важно также разъяснять культуру ислама на славных исторических примерах. Также важно развитие исламского книгоиздания как одного из средств просвещения общества. Подрастающее поколение мусульман с младых лет должно иметь возможность познавать правильный ислам через лучшие образцы исламской богословской мысли. Не менее важно также, чтобы молодежь, придя в мечеть на хутбу, слышала и понимала вселенские ценности ислама.

Религия была и будет одной из основ нравственной жизни человечества. Ислам, христианство, другие конфессии играют важную роль в формировании и сохранении культуры, традиций и духовной жизни народов, населяющих нашу страну. Однако не секрет, что стремительный рост религиозности общества порой приводит к перекосам и противоречиям, а в отдельных случаях и конфликтам. Молодые люди нередко становятся объектами внимания псевдорелигиозных объединений, асоциальных культов. Серьезной проблемой стало распространение экстремизма, прикрывающегося религиозными лозунгами. Поэтому формирование межконфессионального согласия и толерантности, негативного отношения к идеям религиозного экстремизма в обществе должны стать одними из приоритетных задач государства, а в их осуществлении органы власти должны поддерживать постоянные связи с представителями социогуманитарного знания.

Особое место необходимо уделить духовно-нравственному просвещению и воспитанию молодежи, наиболее чутко реагирующей на происходящие в обществе процессы. Высшие учебные заведения и средние школы должны прививать подрастающему поколению знания об исторической роли религии, о нравственных ценностях, заложенных в вероучениях традиционных конфессий. И в этом деле необходимо тесное сотрудничество системы образования, государственных органов и представителей духовенства. Хотелось бы отметить непреходящую роль образования в деле духовного просвещения и воспитания. Религия всегда была источником нравственных ценностей, а в наших условиях доведе-

ние знаний об этом становится задачей и науки, и школы, и духовенства. К сожалению, когда дело касается знаний о религии, ощущается заметный пробел, возникший еще во времена господства атеистической идеологии.

За последние полтора десятилетия сделаны лишь робкие шаги к осмыслению истинной роли религии в духовной жизни общества. В сфере образования тесно пересекаются интересы государства и религиозных организаций. Воспитание, формирование мировоззренческих и духовных принципов молодежи – задачи, которые непременно должны оставаться в поле зрения государства.

Думается, настало время законодательно проработать формы взаимоотношений государственных учебных заведений с религиозными объединениями, а также вопросы преподавания религиоведческих дисциплин в средней и высшей школе. Во времена советской власти система образования была ограничена жесткими рамками атеистической идеологии. Религиозное образование в школах было запрещено, а появление духовной литературы в государственных учебных заведениях было практически невозможным. Образование, фактически, было не светским, как это провозглашалось официально, а атеистическим.

Однако сегодня, когда противостояние религии и власти сменилось их конструктивным диалогом, на смену политике атеизма должен прийти принцип светскости образования. Подчеркнем, что светскость образования не означает его атеистичности, но предполагает его независимость от давления религиозных структур или идеологии, и, тем более, от прямого подчинения образовательной деятельности религиозным объединениям. Светский характер образования в государственных образовательных организациях предполагает соответствие следующим критериям: недопустимость установления какой-либо религии или идеологии (в том числе и атеистической) в качестве обязательной в государственных учебных заведениях; невмешательство религиозных объединений в управление государственными учебными заведениями; обеспечение прав учащихся и преподавателей на свободу совести; недопустимость принуждения при обучении религии.

Изучение религии в школах и вузах требует взвешенного подхода. Думается, что в государственных учебных заведениях возможно только религиоведческое образование, которое донесет до молодежи знания об истории мировых религий, их догматах, традициях и сегодняшней жизни церкви с научных и объективных позиций. На наш взгляд, изучение религии в средних и высших государственных учебных заведениях должно включать следующие моменты: преподавание религиоведения должно основываться на современных научных подходах, на основе уважения историко-культурного и нравственного потенциала духовного наследия всех религий; предоставление знаний о мировых и традиционных для нашей страны религиях должно помочь ученикам в понимании мира, его культуры и роли религиозного измерения в жизни человека; знание основ традиционных религий играет важную роль в формировании,

поддержке и сохранении национальной идентичности; важный аспект религиоведческого образования – поддержка гуманистического мировоззрения и нравственного развития учащихся.

Безусловно, в условиях полиэтнического и многоконфессионального состава населения особые требования должны предъявляться не только к содержанию обучения, но и к методам преподавания, а также к квалификации и нравственным качествам преподавателей. Что касается собственно религиозного образования, то оно на данный момент осуществляется за пределами государственных учебных заведений. Родители вправе на добровольной основе обучать детей основам веры у себя дома, либо направлять их в медресе, воскресные школы, семинарии и т.п. К сожалению, приходится констатировать дефицит пригодных для различных уровней образования отечественных учебников и учебных пособий, которые бы с современных позиций могли быть использованы в ходе изучения курсов по религиоведению и истории религии. На уровне высшего образования этот вопрос отчасти разрешен, поскольку известно несколько пособий, правда, носящих скорее справочный характер, однако их содержание, язык, научно-методологический аппарат вряд ли позволяет в доступной форме донести знания до учащихся школ.

МЧЕДЛОВА М.М.,
зав. кафедрой сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
доктор политических наук, профессор

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Обращение к логике трансформации социальной значимости религиозно-мировоззренческих оснований, взаимоотношений церкви и государства в условиях современной нестационарности и повышенных рисков социального развития, включая новые вызовы, заставляет более пристально вглядываться в потенциал религиозных организаций, конфессиональных идентичностей и персональной Веры, ставит вопрос об интеллектуальном и практическом поиске новых форм диалога и взаимодействия между религиозными и светскими идентичностями и сегментами общества. Ключевой особенностью российской цивилизации и российского государства является историческое единство народов России, отражающее её поликонфессиональный и многонациональный характер, общие ценности, идеи, символы, дела являются основой солидарности и сотрудничества: уникальный вариант притяжения иных культурных и религиозных традиций, во многом отличающийся от западного пути. Это формирует

чувство сопричастности к единой исторической судьбе, общие ценностно-смысловые ориентиры и архетипические представления, создающие уникальные параметры цивилизационного становления, общности представлений и единых символов исторической памяти как проекций исторического единства и принципов совместного бытия. Не случайно, 75% россиян, вне зависимости от конфессионального фактора, настаивают что «Россия – это особая цивилизация»[1]. И если среди православных значения стабильны (77%), то мусульмане продемонстрировали рост выбора данного утверждения за последний год – с 67 до 73%. Это свидетельствует о том, что исходным пунктом социальной консолидации в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, выступают осознание единства культурного поля, выявление общих ценностных регуляторов, что снижает риски конфликтов с религиозной окрашенностью и использование различных религиозных традиций в целях политической и социальной дестабилизации.

Новые формы религиозных интенций отражают ракурсы не столько религиозности, сколько отношения различных религиозно-мировоззренческих групп к религиозным смыслам и явлениям на границе пересечения религии, политики и общества. Наиболее востребованным контекстом являются различные формы социального служения: традиционная деятельность религиозных организаций, «мирские формы» религиозности, формы социальной и гражданской самоорганизации. Во многом конструктивное взаимопроникновение светских и религиозных сегментов общества, грань межконфессионального диалога позволяет отразить реальные духовно-нравственные и культурные ценностно-смысловые ориентиры различных религиозно-мировоззренческих групп в проекции социального единства и консолидации.

Следует подчеркнуть, что значимость Веры как таковой в российском обществе признается 75% наших сограждан (сумма ответов очень важна и скорее важна)[2]. Так считают 77% православных, 96% мусульман, 45% верующих вне конфессий и 18% атеистов. Если обратить внимание на крайние суждения, то очень важны вера для четверти всех сограждан (27% православных, 36% мусульман, 8% верующих вне конфессии и даже для 2% атеистов), тогда как совсем не важна для 9% россиян в целом по совокупности (2% православных,

[1] Здесь и далее приведены данные общероссийского репрезентативного исследования (2014–2017 гг.) ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проект РНФ № 14-28-00218 (N=4000). По религиозно-мировоззренческому основанию были выделены четыре группы, идентифицирующие себя: последователями православия (68-69%), последователями ислама (5-6%), верящими в Высшую силу, но ни какой конфессии не принадлежащие (6-7%), атеисты (9-11%).

[2] Здесь и далее приведены данные общероссийского репрезентативного исследования (2014–2017 гг.) ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проект РНФ № 14-28-00218 (N=4000). По религиозно-мировоззренческому основанию были выделены четыре группы, идентифицирующие себя последователями православия (68-69%), последователями ислама (5-6%), верящими в Высшую силу, но ни к какой конфессии не принадлежащие (6-7%), атеисты (9-11%).

1% мусульман, 14% верующих вне конфессии и 42% атеистов). За последние 10 лет роль веры в жизни россиян увеличилась в 2 раза (с 13 до 26%), одновременно практически в два раза снизилась доля тех, кто полностью значимость Веры отрицает – с 16 до 9%. Во многом это отражает потребность россиян в духовных исканиях, которые находят свое выражение в том числе в соотнесении личности с Богом и в поисках трансценденции, становятся все более важным критерием экзистенциального измерения человеческой жизни.

Если же обратиться к вопросу о влиянии религии и религиозной веры на жизнь человека и общества, то среди позитивных воздействий религиозной веры на жизнь современного российского общества наиболее и в равной степени востребованными (38% всех опрошенных) представляются две функции – утешения в беде (44% православных, 44% мусульман, 26% веруюших вне конфессий и 14% атеистов) и удержание от дурных поступков и помощь в становлении высоконравственным человеком (44% православных, 55% мусульман, 19% веруюших вне конфессий и 11% атеистов).

В православной группе, в пределах 21-23% набирают такие позиции, как защита от несчастий и болезней, придание жизни смысла, сохранение национальных традиций и культуры, духовно-нравственное возрождение общества; 16% признают помощь в объединении и улучшении людей. Суждения о том, что религией лишь пользуются политики для достижения своих целей, о ее бесполезности или негативном воздействии на жизнь человека и общества, имеют среди православных ярко выраженный маргинальный характер: в частности, о возможности конфликтов на религиозной почве заявил лишь 1%, а сторонников того, что религия мешает нормальной жизни, вообще не нашлось.

Среди представителей ислама уверенность в глубокой позитивности влияния религиозной веры на жизнь людей выражено более отчетливо: ряд принципиально важных суждений на эту тему набирает более высокий процент поддержки. Так, 36% мусульман уверены в том, что Вера придает жизни смысл, 27% настаивают на помощи в объединении людей и их совершенствовании, 25% – на охранении от несчастий, 21% – на сохранении национальных традиций и культуры, 19% – на способствовании духовно-нравственному возрождению общества. Суждения о негативном воздействии религиозной веры по процентным показателям у мусульман близки к православной группе и столь же периферийны.

Поддержка суждений о позитивном воздействии религиозной веры на жизнь людей, наиболее значительна у респондентов – приверженцев традиционных российских религий, прежде всего у мусульман. Наиболее значимыми формами религии и религиозной веры признаются личностно-персональные проекции, связанные с нравственным развитием человека, его совершенствованием, с духовной поддержкой в трудных жизненных ситуациях, преодолением бед

и болезней и приданию жизни смысловых ориентиров. Духовно-нравственное возрождение общества и общественная нравственность и солидарность также представляются сферами, в которых влияние религии и религиозной веры конструктивно-созидательно. Несколько меньше признание роли религиозной веры в сохранении национально-культурных традиций, вероятно отдавая эту прерогативу Церкви и религиозным организациям как институтам сквозь призму цивилизационной значимости, с этим положением соглашаются даже 10% атеистов. Положительную роль религии и религиозной веры в некоторых аспектах признает даже некоторая часть атеистов: примечательно, что лишь 6% из них утверждает, что религиозная вера мешает нормальной жизни, и только 5%, что она привносит конфликты в общественную жизнь.

Около 70% наших сограждан называют позитивную деятельность религиозных организаций в различных общественных сферах, в которых сотрудничество с государством было бы желательным, что отражает две тенденции: выход религиозных организаций «за церковную ограду» и акцентация социально-значимых форм их деятельности как общественно одобряемых. Четко прослеживаются наиболее приоритетные сферы социальной деятельности религиозных организаций: духовно-нравственное воспитание, милосердие и благотворительность, сохранение культурного наследия, коррелирующие с ощущаемыми обществом вызовами и угрозами: поиски нравственных оснований жизни и прогресса, «расчеловечивание» мира и отсутствие справедливости, стремление к сохранению культурной самобытности. Одновременно прослеживается отражение признания исторической роли традиционных российских религий в строительстве общества и государства, в сохранении исторической памяти и, как следствие, российской идентичности. При этом политика как таковая в глазах россиян должна оставаться свободной от вмешательства религиозных организаций.

Среди сфер общественной жизни, в которых деятельность религиозных организаций могла быть наиболее позитивной, респонденты мусульманской и православной групп на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей (45 и 41% соответственно), на втором месте в данных группах– милосердие и благотворительность (30%), на третьем – сохранение культурного наследия (23%), причем показатели в обеих группах одинаковые. Далее и у православных, и у мусульман следуют имеющие близкие значения – разрешение межнациональных разногласий, нейтрализация агрессивных настроений и пропаганды насилия, смягчение жестких форм социального протеста, культурное творчество (в пределах 10-20%). На самом последнем месте – позитивное воздействие на политическую жизнь (так считают 2% православных, 6% мусульман). Можно отметить практически совпадающую шкалу приоритетов в определении сфер позитивной деятельности религиозных организаций и сотрудничества с государством у приверженцев православия и ислама. Более того, риск

возможных столкновений между православными и мусульманами находится на периферии общественного восприятия противоречий российского общества и не превышают 5% во всех религиозных группах, так и в целом у россиян. Это свидетельствует о потребности в общих формах солидарности, чье воздействие во многом сформировало российскую культурную традицию, о роли ислама в становлении российской государственности и общества и феномене «русского мусульманства»[1].

Это подтверждает, что православно-мусульманский диалог является атрибутивной характеристикой российской цивилизации. Для России залогом стабильного сосуществования и как государства, и как субъекта исторического творчества представляется межнациональный и межрелигиозный мир. Угрозой такому исторически-проверенному способу социального общежития представляется религиозный терроризм. В резервуаре возможных действий, способных дать отпор данной угрозе, наиболее эффективными представляются образование, просвещение и солидарные действия религиозных организаций и всего общества. Подтверждением этому мы находим в суждениях экспертов, принадлежащих к различным религиозным традициям[2]. «*Лучшее оружие против террора – это образование человека. Человек, воспитанный в основах традиционной религии (христианства или ислама) вряд ли станет террористом (мужчина, 53 года, православный, священнослужитель, Новосибирск); «Религиозные организации для понижения градуса псевдорелигиозного терроризма должны заниматься просветительской работой с населением в самом широком смысле этого слова, на всех уровнях: общинах, школах, вузах, СМИ» (мужчина, 33 года, православный, священнослужитель, Кемерово); «Религиозные организации должны заниматься своими прямыми обязанностями – проповедью веры и религии… А их прямая обязанность – призыв, пропаганда веры, распространение знаний всеми возможными способами. А исламские знания конечно будут предотвращать попаданию людей в террористические группировки» (мужчина, 40 лет, практикующий мусульманин, преподаватель вуза, Казань); «Государство должно умело использовать информационное оружие (контроружие), а религиозные организации должны просвещать*» (мужчина, 58 лет, мусульманин, адвокат, Чечня); *«Религиозным организациям в первую очередь следует заниматься тем, для чего они и призваны – служение, созидание веры, воспитание нравственности. Быть вне политики – их, тогда и меньше будет желающих воевать под знаменами религии. Войне нужно противопоставить служение» (мужчина, 49 лет, протестант-священнослужитель, пастор, Москва).*

[1] Подробно об уникальном опыте сосуществования православия и ислама в российском обществе см.: Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Ислам и православно-мусульманские отношения в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010.

[2] Результаты экспертного опроса, проведенного в 2016 году Центром «Религия в современном обществе» Института социологии ФНИСЦ РАН по теме «Роль религиозных организаций в социальной консолидации в России».

Вопрос солидарного сосуществования в России является также отражением необходимости присутствия традиционных духовных ценностей, среди которых особое место занимает справедливость. Поиски социальной справедливости представляются катализаторами широкомасштабных и драматичных процессов, в глобальных и локальных проекциях. Справедливость сегодня является центральной точкой всех политических и социальных дискуссий: не случайно, главная мечта россиян – мечта о справедливости[1]. Религиозные традиции выступают в качестве ключевых трансляторов высших ценностей. Одним из основополагающих является принцип справедливости, нашедшее яркое отражение в мусульманской традиции: у Всевышнего Аллаха, Создателя всего сущего, среди 99 прекрасных имен есть имя «аль Адль» – «Справедливый» – тот, кто справедлив и от кого исходят справедливые действия. Коран, священная Книга ислама, считает справедливость высшим достоинством. Это одно из ценнейших качеств, по важности занимающее место рядом с верой в Единство Бога (таухид) и признанием Мухаммада Его пророком. Всевышний говорит в Коране: «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро…» (Сура «ан-Нахль» (Пчелы), аят 90). В Коране и в Хасидах это понятие употребляется очень часто, в Библии оно традиционно употребляется в понятии «правда». В современной России в рейтингах понятий, вызывающих положительные чувства, для всех групп лидируют «справедливость» и «Родина».

Ценностные ориентации демонстрируют, что при вполне определенном общем векторе приоритетов, принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает ориентацию справедливость, гуманизм, полезность обществу, солидаризм, что еще раз подтверждает влияние принадлежности к исторически существующим в поле российской цивилизации религиозным течениям на социальную консолидацию, нравственную атмосферу и солидарные алгоритмы общежития.

МОХАМЕД АЛЬ-НАСЕР АЛЬ-ЗААИРИ,
профессор хадисоведения
университета «Аз-Зайтун»
(Тунисская Республика, г. Тунис)

Уважаемые дамы и господа, участники конференции!

От себя лично и от ректора университета «Аз-Зайтун» города Туниса профессора Хишам Грисса я хотел бы выразить вам наивысшую благодарность, всем участникам и организаторам этой конференции в Уфе за проявленное усердие

[1] См. О чем мечтают россияне: идеал или реальность / Ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2013.

для проведения этого масштабного мероприятия. Мой первый приезд в город Уфа, в Российский Исламский университет произошёл в 2013 году и теперь это мой второй приезд. Несмотря на то, что я мало времени провёл в этом прекрасном городе, я успел обратить внимание на добрососедские отношения, бытующие между представителями различных рас, конфессий и вероисповеданий. Те религиозные мероприятия, которые организуются в городе Уфа указывают на труды, проделанные для решения проблем и задач, стоящих перед обществом. Конечно же, мне хотелось бы выразить отдельную благодарность Верховному муфтию ЦДУМ России, Шейх-уль-Ислам Талгат-хазрат Таджуддину, всему коллективу и преподавательскому составу Российского исламского университета во главе с шейхом Артур-хазратом Сулеймановым, а также всем организаторам и участникам этой конференции. Я благодарен за приглашение, направленное для меня в наш университет «Аз-Зайтун» и за оказанный мне тёплый приём. Непременная благодарность ректору Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы Раиль Мирваевичу Асадуллину. Все университеты, будь то религиозные или светские, несут ответственность за образование и воспитание молодого поколения. Эти религиозные и другие образовательные учреждения занимаются поиском решений социальных проблем. Почему именно университеты и, конкретно исламский университет, должны заниматься решением этих социальных проблем? Потому что образовательные учреждения побуждают общество искать научное решение тех или иных возникающих перед ними проблем и задач. И все эти проблемы и задачи, встающие перед любыми университетами, являются своеобразным вызовом обществу и касаются вопросов в сфере свобод, взаимоотношений людей и многих других социальных вопросов таких, как выстраивание интеллектуальных, добрососедских диалогов между представителями различных национальностей и религиозных конфессий, а также противостояние таким явлениям, как экстремизм, терроризм и фанатизм, возникающих в любом обществе в современном мире. Как же религиозные организации и образовательные учреждения могут решать эти проблемы? Тем, что они предоставляют научные решения, способные покрыть все социальные нужды и решить все возникающие проблемы. И неизменно, мы находим ответы на все вопросы и решения всех проблем в фундаментальных источниках ислама – в Священном Коране и пророческой сунне. Обращаясь к этим первоисточникам, современные образовательные учреждения находят варианты претворения этих решений в современном мире и решения проблем для развития общества, и для предотвращения возникновения подобного снова. Благодаря такому научному подходу вкупе с добрососедскими отношениями, общество сможет добиться мира и согласия. Я вижу, что такие проблемы, как экстремизм и терроризм, возникающие в других регионах и странах, в России никогда не возникнут. И благодаря моему общению с почётным профессором

Саид-хаджи Кямилевым я понял, что у экстремизма и терроризма нет будущего в России, потому что существующее добрососедское отношение между представителями народностей и конфессий испокон веков в этой стране и религиозные организации, пережив период правления Советской власти, которое и являлось проявлением экстремизма, терроризма и нетерпимости, подтверждают этот факт. Всё российское общество, независимо от вероисповедания и национальности, испытав на себе всю тяжесть духовного гнёта, теперь могут насладиться свободой вероисповедания, которую не имели ранее. Исламская культура и религия открыты для диалога и призывают к добрососедским отношениям и к равенству между всеми конфессиями и народами, поэтому исламские ценности формируют общечеловеческие ценности. Такой порядок не приносит вреда и несправедливости ни одному человеку, не призывает к убийству друг друга, являясь примером справедливости и равенства для всех людей, ведя их к согласию и мирному сосуществованию. В конце своего выступления, я выражаю свою благодарность всем участникам конференции и надеюсь, что вы сможете воплотить в жизнь все решения, принятые на конференции.

САДЫКОВ К.Ж.,
ректор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филол. наук, доцент (Республика Кыргызстан, г. Бишкек)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КЫРГЫЗОВ И СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМ

В современном обществе Кыргызстана особую значимость приобретают задачи социо- и этнокультурной политики, включающей проблемы поиска духовного развития нации, определение мировоззренческих позиций гражданами страны, возрождение религии и этнических традиций. Диалектика взаимодействия этнического и религиозного является одной из важных проблем функционирования общества, определяя наряду с другими факторами стабильность его развития. Определение современных тенденций развития духовных ценностей и образа жизни в Кыргызстане через взаимовлияние религиозного и этнического является основой разрешения и корректировки многих социокультурных проблем.

Кыргызский этнос за период своего исторического существования выработал систему культурных ценностей, которые имели ярко выраженную этническую

специфику, относительно устойчивый характер, передавались из поколения в поколение, что позволяет определять их как этнокультурные традиции народа[1]. Обычаи и обряды жизненного цикла: рождение, обрезание, брак, похороны представляли собой сложные по своему содержанию, форме, смысловой нагрузке явления этнических традиций. На разных уровнях социально-экономического и культурного развития они адаптировались к новым условиям, проявляли гибкость и подвижность, существенно изменялись за счет постоянного обновления и совершенствования, аккумулирования этнокультурных достижений племён и народов, с которыми кыргызы-номады устанавливали торговые, хозяйственные и семейно-брачные связи. Недаром кыргызы говорят: «*Элуу жылда эл жаңырат*», т.е. сам народ и его культура обновляются через каждые 50 лет.

С другой стороны, с помощью глубоких семейных, родоплеменных традиций, верности и любви к своему этносу, земле, инстинкту самосохранения и выживания народ из поколения в поколение передавал самое ценное и лучшее из своей жизненной и исторической практики.

Идеологическое содержание этнокультурных традиций кыргызов имеет синкретический (смешанный) характер, в котором целый пласт устойчивых и пластичных форм доисламских верований, культов и традиций органически слился с традициями исламской культуры. Идеи ислама оказались понятными и близкими кыргызам. Безусловно, важную роль в данном процессе сыграл исторический опыт медленного, но все же последовательного перехода номадов в ислам. Контекст религиозных верований кочевников адекватно отражал базовые нормы ислама как религиозного учения и религиозного течения. Кроме того, ислам, как религия, зародившаяся в условиях кланово-племенной жизни и доминирования коллективного начала над личностным, был созвучен местным традициям, превозносящим семью, племя и род. С приходом ислама, этнокультурные традиции кыргызов, взаимодействуя с ним, трансформировались в рамках исламской культуры, стали в определенной степени его частью, с другой стороны, ислам стал компонентом идентификации кыргызов, маркером национально-культурной идентичности народа.

Таким образом, сформировался *кыргызский, народный ислам* – синтез старого (домусульманских верований, этнокультурных традиций и своеобразного менталитета кыргызского народа) и нового (догматического ислама), образовался специфический симбиоз, который характерен и для современной духовной культуры.

Духовные и шире социокультурные практики современных кыргызов определили сложное взаимодействие народного и догматического ислама с разногласиями и противостоянием, которое из идеологической плоскости переходит к более радикальным формам и методам – *к борьбе местного ислама*

[1] *Кочкунов А.С.* Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). Б., 2013. С. 298, 299.

с «импортным», завезенным выпускниками зарубежных теологических учебных заведений, а также привнесенным миссионерами из международных религиозно-экстремистских центров и организаций. По информации МИД Кыргызской Республики, сегодня за рубежом в религиозных центрах Пакистана обучаются 37 граждан республики (116 уже прошли обучение), в Королевстве Саудовская Аравия – 133, в Арабской Республике Египет – 314 и в Кувейте – 4[1], количество бесконтрольно выехавших на учебу – в разы больше. Как показывает практика и отмечают эксперты в сфере религии[2], выпускники являются главными распространителями тех или иных нетрадиционных для Кыргызстана религиозных деструктивных идеологий и менталитета страны пребывания, противоречащих вековым духовным традициям кыргызского народа, кроме этого по возвращении на родину, они насаждают чуждые для народа Кыргызстана образ жизни, способы отправления обрядов, внешний вид и поведение, способствуя расколу общества на конфессиональной основе и нанося ощутимый урон его духовной безопасности.

Следует отметить, что миссионеры, представляющие ряд исламских государств, ориентированы на разрушение местного толкования ислама, деформации этнокультурных традиций народа и активизируются в распространении собственной модели интерпретации религии. Формы импорта зарубежного ислама обычно имеют скрытый характер. Индикаторами роста данного воздействия могут являться: возрастание количества мечетей и медресе, учащающиеся дискуссии между мусульманами, либо появление молодых представительниц женского пола, полностью облаченных в черные одежды и с закрытыми лицами.

Наиболее уязвимой и восприимчивой для деструктивной религиозной пропаганды и удобной для нее мишенью является молодежь[3], как особая группа общества, которая характеризуется максимальной социальной мобильностью и неустанными поисками смысложизненных основ своего существования. Особенно молодые люди являются беззащитным объектом перед идеологическим натиском со стороны индивидуальных и коллективных субъектов религиозного экстремизма и терроризма. Особо следует обратить внимание на то, что разные нетрадиционные джамааты, базирующиеся на фундаменталистских представлениях салафизма, в целом состоят из молодежных слоев населения. Говоря о молодежи, хочется отметить, что по данным 2017 года «кыргызстанцы в возрасте моложе 25 лет составляют более половины населения страны»[4].

[1] *Мырзабаева Н.С.* Религиозная ситуация в современном Кыргызстане // Наука без границ. 2017. № 2 (7). С. 64-73.

[2] Социологическое исследование «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» / Элебаева А.Б. и др. Бишкек, 2016. С. 150.

[3] Социологическое исследование «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» / Элебаева А.Б. и др. Бишкек, 2016. С. 52, с. 151, с. 155.

[4] Указ А. Атамбаева «Об объявлении 2017 года Годом нравственности, воспитания и культуры». 5 января 2017 г. http://kyrgyztoday.org/ru/news_ru/almaz-atambaev-podpisal-ukaz-ob-obyavlenii-2017-goda-godom-nravstvennosti-vospitaniya-i-kultury/

Также обращает на себя внимание то, что в проведенном Госкомиссией по делам религий КР социологическом исследовании «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» опрошенные респонденты единодушно поставили на первое место среди факторов и причин радикализации религии – «непонимание религии и недостаточность знаний по религии, которое ведет к заблуждениям верующих»[1].

В условиях реалий сегодняшнего дня, когда мы не в состоянии справиться на соответствующем уровне с различной чуждой, фундаменталистской и экстремистской религиозной идеологией, возрождение религиозного мировоззрения и религиозной традиции, основанных на ханафитской доктрине, является выходом из этой ситуации. В этой связи признание ханафитского мазхаба в качестве одного из главных духовных столпов кыргызстанского общества отвечает стратегическим интересам Республики. Единственным эффективным инструментом борьбы с радикальной исламистской, в том числе игиловской идеологией является просвещение молодых мусульман в духе «традиционного» ханафитского ислама. Как считает известный специалист по исламу, профессор А.В. Малашенко: «*…ханафизм – главный оппонент исламистов, а приверженность к нему – фактор сдерживания радикализма*»[2] и главная предпосылка толерантности.

Если применить данный тезис к сегодняшней религиозной ситуации в Кыргызстане, то религиозная политика страны, которая нашла свое отражение в новой Концепции от 2014 года[3], базируясь на приоритет гармонизации государственно-конфессиональных отношений и процессов в области религии, в целях сохранения культурной самобытности и реализации национальной безопасности, ориентирована на формирование условий для укрепления и функционирования *традиционного ислама,* представляющего собой суннитский ислам ханафитского мазхаба. Отличительной чертой данного наиболее либерального и толерантного мазхаба является веротерпимость, которая не противопоставляет исламские ценности этнонациональным обычаям и традициям, которые вкупе с Кораном, Сунной, иджмой, кыясом и др. являются источниками шариата под понятием «урф» («народный обычай»).

Рассматривая современные процессы и противоречия в области религии в Кыргызстане важно определить роль развертывания и функционирования в социуме просветительской деятельности, идеологических, воспитательных, образовательных структур – по разъяснению феномена религии как социокультурного явления, истории его возникновения, распространения и функционирования, содержания догматики тех или иных религий. Исходя из этого, в нашей стране

[1] Социологическое исследование «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» / *Элебаева А.Б.* и др. Бишкек, 2016. С.130.

[2] *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006. С. 135.

[3] Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года № 203.

необходима подготовка специалистов-религиоведов и специалистов-теологов, которые востребованы во многих областях общественной жизни, подготовка экспертов, способных раскрыть истинное содержание и цель религий. Основой этой воспитательной и образовательной деятельности должны стать акцентирование и артикуляция враждебности и чуждости религиозным конфессиям идей насилия во всех ее формах, гуманистического потенциала религий и проповедование ценностей веротерпимости, любви, сострадания к ближнему.

АСТАХОВА Л.С.,
заведующая кафедрой религиоведения
Казанского федерального университета,
главный научный сотрудник центра исламоведения
Академии наук Республики Татарстан,
доктор философских наук, профессор

«ВЕРБОВКА» ИЛИ «СВОБОДА СОВЕСТИ»? ПУТИ И ФОРМЫ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН ОТ ДУХОВНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Термин «духовное манипулирование» мы выбрали не случайно. Речь в данном случае не пойдет о тех организациях, что в народе зовутся сектами, а учеными-религиоведами именуются более корректно – новыми религиозными движениями. Речь пойдет практически о всех религиозных организациях, включая традиционные, и тех ситуациях, когда человек обращается за помощью в условиях личного кризиса в религиозную организацию. Поможет ли организация при том условии, что человек не войдет в ряды последователей? Может ли организация предоставить человеку духовную помощь или консультацию, при этом не попытавшись разъяснить, что при более глубоком погружении внутрь религиозной жизни помощь будет куда более действенной? Реализуется ли в данном случае истинная свобода – или мы имеем дело со спасением утопающего, хватающегося за любую соломинку, даже осознающего, что им, возможно, манипулируют?

Манипуляция в нашем случае – это, используя понятийный аппарат популярной психологии управления, – «скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества»[1]. С этой точки зрения, духовное манипулирование – это манипуляция духовными потребностями человека, приносящая управляющему субъекту духовные либо материальные блага. Считается, что духовное манипулирование может быть двух типов: позитивное манипулирование, когда, используя иерархию потребностей,

[1] *Шейнов В.П.* Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). Мн.: Харвест. – С. 3.

управляющий субъект добивается позитивного и для него, и для объекта результата (например, муж стимулирует жену на обучение, в результате чего она получает образование и семья начинает получать дополнительный доход); и негативное манипулирование, когда, используя потребности и желания человека, манипулятор оборачивает их для того, чтобы получать некую личную для себя выгоду в ущерб объекту манипуляции.

Но здесь, как показывает опыт изучения религиозных организаций и групп, таится огромная опасность, связанная с тем фактом, что духовные лидеры различных религий зачастую берут на себя право решать за граждан, какое именно состояние для них будет позитивным, и соответственно, оправдывать свои манипуляции тем, что они носят позитивный характер.

Так, нарушением права на жизнь являются любые формы манипуляции человеческим поведением, направленным на снижение ощущения ценности человеческой жизни (как своей, так и чужой) на основании религиозной доктрины. Например, в АУМ Синрикё[1] предполагалось, что практикующий «на пределе» человек неуязвим: «Если вы настойчиво вкладываете данные, то не умрете, даже если с вами произойдет какой-то несчастный случай. Но совсем недавно, например, было несколько случаев, что люди получали травмы. Я думаю, что они не практиковали. Вам ясно? Если вы практикуете, то не умрете и травм не получите»[2].

Убийство всех живых существ (комара, муравья, мыши или человека) считается нарушение первой заповеди АУМ Синрике. Однако, достигшие определенных успехов в практике могут не нести наказания в виде плохой кармы. Более того, если провести практику Поа, такая смерть будет желанной для убиваемого, поднимет его на новую ступень развития:

«Если вы добились этого, вы ни за что не переродитесь в Аду – даже если вы будете убивать, воровать, прелюбодействовать, лгать, пустословить, злословить, клеветать, будете жадны, гневливы или впадете в невежество»[3].

«Позвольте мне объяснить вам это. Природа Ада – это огонь гнева. Что же такое гнев? Гнев означает причинение боли другим. Поэтому мораль заповеди «не убивай» может быть истолкована как «уничтожай огонь гнева». В зависимости от степени гнева, Ад, в котором вы перевоплотитесь, будет различаться.

Я расскажу вам свою историю. Мне не нравилось убивать живых существ с раннего детства. Однако, по мере того, как я подрастал, – в четыре года, пять и шесть лет, – я начал убивать живые существа без особого чувства вины. Это происходило потому, что все вокруг меня совершали убийства. Я убивал насекомых, головастиков, лягушек и рыб и накопил достаточно плохой кармы,

[1] Организация Решением Верховного Суда РФ внесена в список запрещенных организаций как террористическая. Литература АУМ Синрикё не внесена в списки запрещенных.

[2] Специальная система изучения учения. Книга 5. О пожертвовании. Часть 2. С. 54-55.

[3] Специальная система изучения учения. Книга 4. Освобождение от всех страданий. Часть 1. С. 12.

накопил карму Ада. А карма возвращается. Я не знал тогда, как совершать Поа. Сейчас я могу вести существа в высшие миры и с помощью техники Поа не только не накапливаю плохую карму, но накапливаю заслуги»[1].

В ситуации, подобной нашему примеру, мы имеем дело с использованием всех четырех источников манипулирования: задействование потребностей, слабостей, пристрастий и склонности к ритуальному поведению, для направленности человеческих действий в необходимое манипулятору русло с использованием потребности к самосовершенствованию.

Манипулятивные воздействия чаще всего осуществляются в период, когда новый член группы проходит период религиозного обучения – получает основы и принципы духовного роста. Эта ступень является разрешенной в России, и является признаком того, что организация действительно является религиозной. Однако религиозное образование и воспитание никак не отслеживается государством, не в новых, не в традиционных религиозных организациях, за исключением тех случаев, когда образовательные учреждения этих организаций сами не лицензируют свою деятельность. В результате, может сложится ситуация (и таковое имело место), когда под видом религиозного воспитания осуществлялась, например, базовая подготовка боевиков. То есть в тот период, когда новый адепт наиболее уязвим эмоционально и психологически, и в тот период, когда он должен осуществлять свою свободу выбора, и, возможно, покинуть организацию, он оказывается никак не защищен и не застрахован в правовом плане от возможного деструктивного воздействия.

Таким образом, как сказал один мудрец: свобода совести в полной мере невозможна, ведь она подразумевает, что человек в полной мере ознакомился со всеми религиозными течениями мира, и выбрал то, что ему по душе. Но на полное знакомство – жизни не хватит. Значит, свобода всегда в известной мере лукавство. Важно быть честным с самим с собой в выборе своей религии. И с законом.

ИБРАЕВ М.К.,
ректор Кыргызского исламского университета
(Республика Кыргызстан, г. Бишкек)

ДЕФИЦИТ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРИЧИНА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Сегодня, как и всем, нам приходит уверенность в том, что без соответствующей роли исламского образования и воспитания молодежи невозможна про-

[1] Специальная система изучения учения. Книга 4. Освобождение от всех страданий. Часть 2. С. 7.

филактика так называемого религиозного экстремизма или экстремизма вообще. Что примечательно, в зоны террористических действий, как правило, не едут люди, которые имеют хотя бы начальное исламское образование и воспитание. Это доказано статистикой: туда едут люди, которые оторвались от социально-этнических культурных корней. Большинство граждан Кыргызстана, задействованных в террористических группировках, являлись мигрантами, которые оторвались от привычной общественной среды и находились в поисках лучшей доли для себя и для своих близких. Это одна из причин. Приведем небольшую статистику состава боевиков ИГИЛ на основе результатов исследования. Уровень светского образования у них: начальная школа – 25%, среднее образование – 32%, неоконченное высшее – 10%, высшее плюс ученая степень – 13%, практически отсутствует образование у 5%. Это характеристики людей, которые в настоящее время воюют за ИГИЛ. Уровень образования не указан у 25%. В итоге мы имеем лишь 13% людей, которые имеют высшее образование: остальные либо не имеют его вовсе, либо имеют лишь базовое школьное образование.

Уровень религиозного образования в составе боевиков ИГИЛ: базовые знания имеют 55%, умеренные знания – 20%, продвинутые знания – 5%, не указали сведений – 20%.

Таким образом, более половины составляют люди с базовыми знаниями, которые не в состоянии оценить достоверность получаемой информации об исламе. Тем самым они легко поддаются манипулированию сознанием на религиозной почве.

Род занятий боевиков: низкоквалифицированный промышленный труд – 32%, студенты и неквалифицированный промышленный труд – 28%, работа по профессии – 13%, высококвалифицированная работа – 3%, безработные – 18%, не указали – 6%. Как видим, большая часть либо безработные, либо люди с низкоквалифицированной работой. Получается среднестатистический портрет боевика ИГИЛ: это человек с низким уровнем светского и религиозного образования, занятый на низкоквалифицированной работе.

Мы становимся свидетелями того, что люди и в зрелом возрасте могут быть подверженными экстремистскому влиянию. Например, 63-летнего стрелка в Лас-Вегасе (недавние события), а также мать двоих детей, которая родилась и воспитывалась в секулярной среде и в 45 лет стала активной помощницей вербовщика террористической организации и погибла в Сирии. Это еще одно подтверждение наших наблюдений.

Безусловно, молодые люди, подростки в силу возрастных особенностей, переживающие кризис своей идентичности, более подвержены деструктивному экстремистскому влиянию. Они намного острее переживают ослабление иммунитета к несправедливости в обществе и поэтому более всех подвержены нравственным болезням из своего окружения. Экстремистское поведение, которое

выражается в боязни, неприятии и ненависти к чужому мнению, поведению и действиям, – это болезнь как отдельной личности, группы, а иногда и всего общества. Активное лечение возможно только при условии, когда мы поймем причины симптома и пути распространения этой болезни.

Поэтому: в чем причина и очаги экстремизма? Попробуем рассмотреть проблему молодежного экстремизма, начав с общественных причин и углубившись до личностного восприятия этих возбудителей. Как говорилось ранее, вербовке в экстремистские и террористические организации более подвержены молодые люди. Один из аспектов – внутренняя и внешняя миграция. Это нормальное явление для свободного общества: молодые люди уезжают учиться, зарабатывать деньги, иногда просто для того, чтобы посмотреть мир. Миграция – это нормально в определенных количествах и рамках. Но когда молодежь не получает необходимых и востребованных рынком труда навыков, когда образование формально и оторвано от общественных реалий, растет количество безработных среди молодежи. Эта огромная масса ничего не делающих молодых людей вынуждена чем-то зарабатывать себе на жизнь. В какой-то момент некоторые из них доходят до состояния готовности заработать любым способом.

По тем агитационным материалам, которые выкладываются в Интернет, мы видим, что среди террористов воюют и готовят репортажи об их действиях в том числе профессионалы мирового уровня. То есть среди террористов есть молодые люди, которые имеют высокие навыки в использовании суперсовременного боевого вооружения или IT-технологиях.

Почему молодежь, которая имела потенциал для созидания и охраны общественных институтов, работает на их разрушение?! Это говорит о том, что в государствах, откуда эти молодые люди пришли на чужую войну, не соблюдаются общественные договора и не работают социальные лифты.

Молодому человеку непонятны критерии отбора и карьерного роста в частных, общественных и государственных структурах. Еще хуже, когда каждый молодой человек знает, что, несмотря на наличие соответствующего образования и соответствующих законов или легитимных процедур отбора, его образование, навыки, опыт имеют второстепенное значение. А кадры, в первую очередь, набираются и повышаются по критериям родства, этнической или иной принадлежности. Безусловно, что несмотря ни на что, человек не имеет права поступать несправедливо ни к самому себе, ни по отношению к другим, то есть из-за потребности в пропитании, существовании и активной самореализации не должен преступать нравственные критерии! Зачастую они видят, как люди, которые в детстве им казались образцом справедливости, каждый день совершают сделки со своей совестью. Они видят, что активные поборники справедливости подвержены гонениям и становятся изгоями общества, а люди, которые не придерживаются никаких принципов, достигают успеха. Вот этот аспект побуждает молодежь идти на экстремизм, в радикальные течения. Представьте себе,

что может сделать с таким аморфным молодым человеком активный и опытный вербовщик, который предлагает простые ответы и действия, которые якобы могут мгновенно привести к наивысшей награде наивысшего правителя, то есть Аллаха!

За те годы, когда мы впервые столкнулись с проявлениями экстремизма, общество, эксперты, исламские интеллектуалы поняли, что экстремизм питается посредством множества причин, поэтому борьба с ним должна быть комплексной, всеохватывающей, и все поняли, что без соответствующего религиозного образования и духовной практики человек в нашем глобализирующемся мире не сможет активно противостоять деструктивному влиянию. Ислам же говорит, что Бог один, един, он имеет абсолютное могущество, действия, слова, хотя мы все это говорим, но молодежь, наверное, этого не понимает. Не доходит до них… Но «пусть тебя не печалит то, что они говорят, ибо мы и наше имущество целиком принадлежит Аллаху, он слышащий и видящий, знающий. В то же время Создатель дал возможность человеку поступать по своей воле, и он в ответе за свои поступки. Все-то мы знаем, но знает ли молодежь? Дело в этом.

Понимая, что помощь государства не может быть всеобъемлющей, мы, Кыргызский исламский университет, вносим свой посильный вклад в дело воспитания, просвещения и качественного социального воспроизводства. В нашем университете обучаются около 850 студентов, которые становятся имамами, религиозными деятелями, теологами и экспертами, носителями традиционного для нашего региона ханафитского мазхаба. Все желающие обучаться могут получить религиозное образование в стенах нашего университета.

Экстремизм распространяется там, где невежество и нет знания.

Мы должны объединить наши усилия и достичь еще больших результатов.

ИБРАГИМОВ И.Д.,
директор Института
государственно-конфессиональных отношений
Пятигорского государственного университета,
кандидат педагогических наук, доцент
(г. Пятигорск)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЯТИГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В последнее время в России активно поддерживается и стимулируется развитие теологического образования в (светских) государственных вузах, а также сотрудничество между государственными вузами и религиозными вузами.

Благодаря участию государственных вузов в программах развития духовного образования, подготовки кадров с глубоким знанием религиозной культуры одной из его важнейших социальных ролей и функций стала деятельность в качестве эффективной площадки государственно-конфессионального партнерства и, более того, медиатора такого партнерства.

Значительно активизировалась эта роль в последние годы, в том числе применительно и к Пятигорскому государственному университету, в связи с разработкой и реализацией государственной программы содействия развитию религиозного образования, реальным масштабным развитием теологического образования[1].

Эти возможности были использованы ПГУ для создания программ теологического образования (для подготовки кадров по православному христианскому и исламскому профилям) сначала в рамках специалитета, а теперь в рамках бакалавриата и магистратуры. Причем ПГУ (ПГЛУ) в 2007 году одним из первых государственных вузов Российской Федерации лицензировал и начал подготовку теологов с православным блоком конфессиональных дисциплин, а в 2008 году стал первым государственным вузом Российской Федерации, лицензировавшим и начавшим подготовку теологов с исламским блоком конфессиональных дисциплин.

ПГУ также был и первым вузом в стране, который разработал и ввел профиль теологической подготовки «Государственно-конфессиональные отношения» у специалистов, бакалавров и магистров, а также этот профиль в ПГУ начали реализовывать и по направлению подготовки бакалавриата «Государственное и муниципальное управление», то есть для будущих работников аппарата государственных и муниципальных органов.

Еще одной особенностью ПГУ является то, что студенты православного и исламского профилей подготовки совместно, в одних группах изучают общепрофессиональные дисциплины. Это стало возможным благодаря тому, что содержание учебных планов по профилям «православная теология» и «исламская теология» было унифицировано, за исключением состава дисциплин конфессиональной подготовки и иностранного языка (английский и арабский соответственно). Помимо экономической составляющей (оптимизация групп) данное решение имело также значение в плане укрепления межконфессиональных отношений между студентами разных профилей.

Вместе с тем, главный вопрос, который часто подвергается обсуждению на разных мероприятиях, посвященных исламскому образованию, это насколько теологическое образование можно рассматривать как религиозное и/или богословское. Если анализировать термины «теологический» и «богословский»,

[1] *Ибрагимов И.Д.* Опыт Пятигорского государственного университета по вопросам подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама. Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия». 2016. С. 46–50.

большинство специализированных источников представляют их как синонимы. Однако в Российской Федерации не прекращаются попытки разделить эти два термина, понимая под «теологическим образованием» светское образование близкое к религиоведческому, а под «богословским» собственно религиозное (исламское) образование. Не вступая в дальнейшую полемику по определению значения данных терминов, хочется обратить внимание на содержание учебного плана по направлению подготовки «Теология» в Пятигорском государственном университете, и продемонстрировать, что «теологическое» образование может быть по своему содержанию «религиозным», а не «не религиоведческим». Как известно, федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки «Теология» позволяет нам определять содержание учебного плана, значит и содержание образовательного процесса самостоятельно, за небольшими ограничениями.

Пятигорский государственный университет, как нам представляется, максимально воспользовался данными возможностями, прежде всего значительно усилив исламскую составляющую теологического образования в вузе.

Так, учебный план по направлению подготовки «Теология» (уровень бакалавриата) содержит следующие дисциплины конфессиональной (исламской) подготовки: «Исламское вероучение (Акыда)», «Сакральные тексты (Коран)», «Вероучительная литература (Хадисы)», «История конфессий (Сира)», «Исламское право (Шариат)» и «Конфессиональное учение (Фикх)». Однако, следует отметить, что основной дисциплиной, которая объединяет все дисциплины конфессиональной подготовки по исламскому направлению, является арабский язык, обучение которому осуществляется по двум условным направлениям: 1) арабский язык на основе уровневой модели обучения[1] и 2) арабский язык в сфере исламской религии.

Далее позвольте кратко представить объемы дисциплин конфессиональной подготовки в зачетных единицах и аудиторных часах:

1. Арабский язык:

– «Иностранный язык» – 23 ЗЕТ, в том числе 612 часов (из 828) на аудиторную работу;

– «Мультимедийная и кросскультурная коммуникация в профессиональной сфере» – 4 ЗЕТ. Следует отметить, что все 144 часа в рамках данной дисциплины выделены на аудиторные занятия;

– «Язык сакральных текстов» – 17 ЗЕТ (432 аудиторных часа из 612);

– «Практикум профессионально-ориентированной речи» – 24 ЗЕТ (702 из 864 часов);

[1] *Ибрагимов И.Д.* Содержание уровневой модели обучения профессиональному арабскому языку. Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Чеченский государственный педагогический институт. 2015. С. 174–182.

– «Практический курс перевода языка сакральных текстов» – 8 ЗЕТ (144 из 288);

– История арабского языка и письменности – 4 ЗЕТ (84 из 144).

Как видно из вышеприведенных цифр, непосредственно на изучение арабского языка выделено 80 ЗЕТ, которые дают 2118 часов только аудиторной работы.

2. Коранические науки:

– Основы тафсира – 4 ЗЕТ (48 из 144).

– Сакральные тексты – 6 ЗЕТ (94 из 216).

Под понятием «Кораническая наука» в ПГУ мы подразумеваем два направления (две дисциплины):

– Сакральные тексты:

Дисциплина «Сакральные тексты» включает в себя изучение трех модулей, а именно «Теорию коранической науки», «Основы практического чтения Корана» и «Заучивание Корана наизусть».

Что касается последовательности обучения вышеприведенным модулям, важно отметить, что оно осуществляется параллельно. При этом, на каждый из трех приведенных модулей выделяется определенное количество часов аудиторной работы и устанавливается учебный (тематический) минимум, обязательный для изучения в рамках каждого модуля. Контроль и оценка дисциплины происходит на основе результатов всех трех модулей.

– Тафсир:

Дисциплина «Тафсир» или «Основы толкования Корана» включает в себя изучение двух модулей: «Теорию толкования Корана» и «Практику толкования Корана».

3. Вероучительная литература (хадисы) – 4 ЗЕТ (84 из 144).

4. История конфессий (сира) – 4 ЗЕТ (84 из 144).

5. Конфессиональное учение (акыда) – 4 ЗЕТ (88 из 144)[1].

6. Конфессиональное право (Исламское право) – 4 ЗЕТ (84 из 144)[2].

В рамках обучения дисциплине «конфессиональное право» в Пятигорском государственном университете на направлении подготовки «Теология» определены основные направления (модули), где основное внимание уделяется двум разделам «практического фикха», хотя изучение модулей «шариат» и «усулул фикх» (أصول الفقه) также входит в программу обучения данной дисциплине. Таким образом содержание дисциплины «Конфессиональное право» сводится к изучению пяти основных модулей.

---

[1] *Ибрагимов И.Д.* Некоторые вопросы обучения конфессиональному учению (акыде) студентов-теологов в ПГУ. Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2017. С. 25–29.

[2] *Ибрагимов И.Д.* Методика обучения конфессиональному праву теологов (уровень бакалавриата). Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 137–143.

1. الشريعة الإسلامية – «исламский шариат». Данный модуль предполагает изучение общих понятий о шариате и его отношении к конфессиональному праву.

2. فقه العبادات – нормы поклонения Аллаху, то есть взаимоотношения между человеком и Всевышним. Данный раздел включает в себя изучение правовых норм по пяти основным темам: الطهارة، الصلاة، الزكاة، الصوم، الحج.

3. فقه المعاملات – нормы взаимоотношений между мусульманами. Данный раздел включает в себя изучение правовых норм по следующим темам:

семейное право, торговые отношения, уголовное право, государственное право, международные отношения и т.д.

4. فقه العقوبات – рассматривает вопросы наказания за правонарушения исламских правовых норм.

5. أصول الفقه – «Основы фикха» – систематизирует источники исламского права, таких как Коран, «сунна», «иджма» и «кияс». Можно сказать, что это учение, толкующее правила и совокупность доводов, делающих возможным извлечение (استنباط) шариатских норм из подробных доказательств.

6. Этика и аксиология в исламе – 2 ЗЕТ (36 из 72).

7. История раннего ислама – 2 ЗЕТ (36 из 72).

Если внимательно посмотреть на вышеприведенный материал и цифры, может возникнуть вопрос: не слишком ли много часов выделено на изучение арабского языка и не мало ли часов выделено на изучение других дисциплин конфессионального характера? Теоретически можно было бы с этим согласиться, если бы не один важный аспект: «теоретическая недостача» часов на изучение дисциплин конфессионального характера компенсируется при изучении арабского языка. Программа обучения арабскому языку составлена таким образом, что содержание дисциплины соотносится с содержанием дисциплин конфессионального характера. Это позволяет не только изучать арабский язык, но и догматические аспекты других дисциплин на арабском языке. Нам видится это обоснованным и перспективным.

Вместе с тем надо понимать, что, если все эти дисциплины не будут обеспечены качественными учебно-методическими материалами, качественное составление учебного плана не принесет большой пользы. А эта работа крайне важная и очень сложная. Ведь надо понимать, что вся учебно-методическая инфраструктура должна обеспечивать не только формирование необходимых компетенций, но и максимально облегчать студентам и преподавателям учебный процесс. Многие имеющиеся материалы целесообразно адаптировать под определенные дисциплины. Многие могут не подходить из-за разности имеющейся аудиторной нагрузки и объема учебно-методических материалов.

По всем дисциплинам, на основе утвержденных материалов, необходимо формировать фонды оценочных средств и иные учебно-методические материалы. Все это также необходимо внедрить в электронно-образовательную среду.

Представляется правильным и важным, чтобы рабочая программа любой дисциплины составлялась не на основе уже имеющихся учебно-методических материалов, а на основе реальных требований к данной дисциплине, для которой подбирается, а при необходимости составляется соответствующий учебно-методический материал. Именно по этой причине, мы в ПГУ считаем, что сначала надо создать качественную рабочую программу дисциплины, а потом подбирать уже учебный материал, который должен обеспечить качественное формирование компетенций по данной дисциплине. А эта задача сложная. Не по всем дисциплинам удается найти нужный учебно-методический материал. Это приводит к необходимости создания новых учебно-методических материалов.

Следует отметить, что данной проблематикой занимаются не только в ПГУ. В рамках реализации государственной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, несколько государственных и религиозных организаций активно занимаются разработкой учебно-методических материалов по данному направлению. В этой связи мы имеем возможность использовать материалы, подготовленные этими вузами.

Также кажется целесообразным в некоторых случаях готовить материалы коллективом авторов различных вузов, чтобы объединить все имеющиеся кадровые ресурсы и создать серьезные труды, которые могут быть полезны всем. Мы в ПГУ к такого рода сотрудничеству готовы.

Еще одной важной особенностью исламского образования в Пятигорском государственном университете является активное использование ценностей исламской религии в вопросах профилактики экстремизма, укрепления государственно-конфессиональных, межконфессиональных, межнациональных и даже внутриконфессиональных отношений. Так, в университете помимо плановых многочисленных мероприятий, реализуемых в рамках Федеральной Программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, проводятся различные иные мероприятия, направленные на решение вышеперечисленных задач. В частности, активно проводится проект «Основные направления контртеррористической деятельности прогнозно-аналитического, образовательного и профилактического характера Пятигорского государственного лингвистического университета», в рамках которого учеными ПГЛУ и приглашенными специалистами проводится тренинг-семинар профилактического контртеррористического характера, который ориентирован на определенную

фокус-группу – студентов 1 и 2 курсов – потенциальных объектов вербовочной деятельности различных террористических организаций.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одно направление работы ПГУ, которое нам представляется целесообразным. Это подготовка в нашем вузе теологов из числа действующих преподавателей исламских образовательных организаций, духовных управлений мусульман. При этом следует отметить, что данное направление развивается на всех уровнях высшего образования: бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. Так за прошедший период времени обучение в университете из числа преподавателей и сотрудников ДУМ на уровне бакалавриата уже прошли 158 человек, еще 45 человек продолжают обучение в настоящее время; на уровне магистратуры – 65 человек; на уровне аспирантуры – 12 преподавателей РИУ имени Кунта-Хаджи проходят обучение. Их выпуск и защита кандидатских диссертаций планируется уже в 2018 году.

Литература

1. *Асадуллин Р.М., Абдрахманов Д.М.* Развитие мусульманского образования и профилактика экстремизма в Башкортостане: новые акценты и инновационные проекты // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 4. С. 215–228.

2. *Ибрагимов И.Д.* Методика обучения конфессиональному праву теологов (уровень бакалавриата). Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 137–143.

3. *Ибрагимов И.Д.* Некоторые вопросы обучения конфессиональному учению (акыде) студентов-теологов в ПГУ. Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2017. С. 25–29.

4. *Ибрагимов И.Д.* Опыт Пятигорского государственного университета по вопросам подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама. Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия». 2016. С. 46–50.

5. *Ибрагимов И.Д.* Содержание уровневой модели обучения профессиональному арабскому языку. Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Чеченский государственный педагогический институт. 2015. С. 174–182.

6. *Ибрагимов И.Д.* Уровневая модель обучения иноязычной коммуникативной компетенции. Инновационные концепции и практики обучения иностранным языкам и культурам. Пятигорск, 2015. С. 43–49.

РАЕВ Р.А.,
зам. председателя ЦДУМ России
по вопросам подготовки кадров и образования,
муфтий РДУМ Челябинской области,
ЯКУПОВ Р.И.,
проректор по научной работе РИУ ЦДУМ России,
доктор исторических наук, профессор (г. Уфа)

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: 2007–2017. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

История мусульманского образования в новейшую эпоху уже многократно была проанализирована исламоведами РИУ и других учреждений и вузов. Не будем говорить о качестве этого анализа, потому, что оно, разнообразное у разных авторов. И они, применяя разные подходы, естественно не должны и не могут делать абсолютно одинаковые выводы. В целом, если проанализировать историографию данного вопроса, мы не видим существенных расхождений взглядов и оценок ученых, ни в периодизации истории образования в постсоветскую эпоху, ни в качественной характеристике каждого этапа, ни в общей оценке результатов движения по пути построения системы мусульманского духовного образования.

Это не означает, конечно, что у аналитиков, нет собственных взглядов, тем более у тех, кто из них непосредственно вовлечен в процесс организации учебных программ и систем и управления институтами образования. Скорее все их оценки очень осторожны и они обязательно коррелируются с учетом мнений коллег, прежде всего потому, что сам предмет обсуждения является для многих довольно новым и сложным. Это важно понимать.

Мы имеем в виду, что нарушенная Революцией преемственность в передаче традиций и моделей религиозного образования и семидесятилетний период атеизации общества не прошли бесследно и дали свои плоды. К этому стоит прибавить еще десятилетие «смуты», когда возрождение религиозного сознания уже началось, но параллельно продолжалось разрушение не только государственности, но и тех достижений в сфере морали и нравственности, науки и культуры и образования, которые, как бы нам не хотелось это отрицать, все же были и в советском обществе.

Поэтому, когда обновленное государство и новые институты конфессионального самоуправления уже сложились и даже сформировались первые учебные заведения ислама, эти противоречия, вызванные и разрушением старого государства и десятилетием политического «безвременья» вызвали необходимость достижения скорейшего консенсуса между государством и религиозными

структурами, несмотря на то, что и в новой российской конституции государство и религия были разделены.

Здесь необходимо еще раз сказать об основных этапах процесса возрождения духовного образования в постсоветское время. Первый этап начинается в самом конце 1980-х и продолжается до начала 2000-х. Это время, когда появились первые учебные учреждения, а затем сложились очертания будущих центров и конфессионального самоуправления, и религиозного образования. Особенностями этого этапа были: отсутствие четкого контроля за организацией и деятельностью новых учреждений религиозного образования, а у этих учреждений строгого плана действий. Поэтому и качество обучения в разных центрах и учебных структурах было местами кардинально разным. Главная особенность, которая была характерная для всех образовательных центров, это то, что практически не было в них по-настоящему высокообразованных собственных богословов, за исключением нескольких человек, на всю Россию, которые естественно не могли обеспечить учебный процесс в масштабах страны в полном и необходимом объеме.

Этот кадровый вакуум быстро заполнили миссионеры от различных религиозных течений и школ, некоторые из которых оказались опасными для государства и общества. Последствия этих процессов мы видим до сих пор. Но объективно, видимо, по-другому и не могло произойти. И, хвала Аллаху, общество и государство быстро осознали глубину проблемы и начался активный поиск путей ее решения.

С этого, в начале 2000-х, и начинается второй этап. Характеризуя его коротко, можно сказать, что это был этап перехода от непланового к организованному движению, этап начальной регламентации всех процессов в сфере духовного образования. Нужно отдать должное «молодым» и совсем еще не опытным структурам конфессионального самоуправления и религиозного образования, которые старались решить эти проблемы самостоятельно, практически без поддержки государства.

На этом фоне укреплялись позиции уже созданных центров мусульманского образования и возникали все новые и новые учебные учреждения, хотя многие из них, теперь мы это понимаем, соответствовали статусу учебных заведений, только номинально (то есть формально) именуясь – мектебами и медресе. Несмотря на это, важно отметить, что данный этап подготовил в целом почву для перехода к кадровому самообеспечению в учебных структурах России. То есть в 1990-е годы сложился некий костяк более или менее образованных имамов и преподавателей, в основном там, где еще с советской эпохи имелись те самые «несколько» ученых богословов, о которых мы упоминали выше. В это же десятилетие четко выделились центры религиозного обучения России. Это Уфа, Казань, Махачкала, Нальчик, Москва.

В этих условиях в начале 2000-х российское руководство (правительство), исходя из интересов государства, с одной стороны, и внешнеполитической обстановки, с другой, ясно осознало необходимость взять сферу духовного образования под контроль и одновременно организовать действенную поддержку религиозных структур и институтов образования. Интересы государства и конфессии (мусульманской) в этом вопросе совпали и состоялся тот самый консенсус, который был необходим, но, видимо, еще недостижим, на первом этапе становления религиозного образования в 1990-е годы.

Дальнейшая история большинству читателей, в общем, известна. По инициативе центров конфессионального самоуправления России, прежде всего ЦДУМ, государство учреждает Фонд поддержки образования науки и культуры ислама, а затем принимает проект и утверждает Программу поддержки духовного (мусульманского) образования, рассчитанную на десятилетие 2006–2017 год. Мы не будем подробно анализировать этапы движения по пути реализации данной программы. Это бы заняло много времени. Поэтому мы возьмем данное десятилетие за один период и обозначим проблемы развития в этом периоде, его основные итоги и постараемся сформулировать дальнейшие задачи развития систем образования.

Итоги 1990-х и начала 2000-х (первых двух, выделенных нами, крупных этапов) были таковы, что когда государство в 2006 г. обнародовало свою Программу, назначило ответственных за ее реализацию, а они в свою очередь наметили исполнителей в числе подчиненных им институтов светского и духовного образования, стоит сказать прямо, никто из них в полной мере не представлял себе какова конечная модель строящейся системы мусульманского высшего образования. Более того, органы государства ждали в этом смысле инициатив и четких предложений со стороны конфессий. Конфессии же, напротив, ждали четких установок со стороны государства. Проблема в том, что в 2005–2006 гг., когда вызревала идея принятия Федеральной масштабной программы, выросшие за предыдущие десятилетия российские богословские кадры имели в запасе только тот опыт (включая и взгляды на содержание учебного процесса, и на методики обучения, и на формы организации учебного процесса), который прошли сами. А этого опыта явно было недостаточно для того, чтобы построить систему мусульманского высшего образования и современную, и совершенную, и узкоспециальную – религиозную. Потому и ждала мусульманская умма установок со стороны государства.

Выход был найден в соединении усилий государства и конфессии на уровне непосредственных исполнителей учебных заведений, то есть на самом что ни на есть практическом уровне. Это было правильное решение и нужно сказать вузы-партнеры, в частности БГПУ и РИУ, активно занялись поиском путей решения задач возрождения духовного образования, часто действуя на свой страх и риск, совершая удивительные прорывы в условиях, когда и законодательство,

и органы надзора, и база имеющихся знаний в области менеджмента религиозного образования сильно затрудняли возможности реализации выдвигаемых планов.

Первым прорывом в этом направлении и можно сказать – главным итогом реализации Государственной программы за истекшее десятилетие стало, прежде всего, повышение квалификации преподавателей исламских вузов области педагогики, менеджмента, действующего законодательства и общей философии, то есть в сфере того, что необходимо организаторам науки образования и культуры. Можно это назвать широким просвещением в области управления учебными процессами. В итоге прошедшего десятилетия была сформирована полноценная когорта педагогов ислама, способных грамотно организовывать учебный процесс, строить системы образования современного уровня. Это очень важный итог реализации упомянутой госпрограммы.

Второй большой итог. Это существенное продвижение в направлении развития плановой системы образования, ее стандартизация, регламентация, позволяющая и организовать полноценный учебный процесс, и улучшить контроль за качеством процесса подготовки специалистов. Не случайно в 2016 году была, после достаточно долгих дебатов, принята «Концепция» развития духовного образования. Об одном остается сожалеть, что сама концепция именуется планом «подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама». А это, если вдуматься, задача неопределенная. Кто это – «специалист с углубленным знанием истории и культуры ислама»? Исламовед? Теолог-философ-атеист или теолог-философ-мусульманин? То есть – мусульманский богослов. Имам. Хазрат. Полагаем, что в предстоящем будущем будет важным снимать такие неопределенности и строить более четкие, с точки зрения их трактовки планы, равно как и оценивать результаты и организовывать финансирование проектов поддержки образования. То есть предстоит выработать концепцию развития собственно мусульманского образования.

Третьим важнейшим и зримым итогом реализации Государственной программы и развития системы духовного образования мы бы посчитали создание Булгарской Академии. Это знаковое событие, которое свидетельствует о том, что уже есть потребность в дальнейшем повышении уровня развития образования науки и культуры. Но хотелось бы обратить внимание на тот факт, что и в дальнейшем развитии Академии пока ставка делается на зарубежных педагогов. То есть повторяется опыт первого этапа. Конечно, теперь это совсем другой уровень – как преподавательский, так и ученический. И, конечно, это другой уровень контроля за процессом со стороны конфессии и со стороны государства. Но, мы думаем, что стоит как можно скорее переходить на реализацию потенциалов, скрытых в самой России и уверены, что такой потенциал имеется, его необходимо только правильно реализовать (академические ученые, уже имеющиеся в России, богословы с хорошим образованием).

Другая задача в подъеме Исламской академии – пожалуй, самая сложная, это дальнейшее совершенствование ее программы обучения. Здесь главный вопрос о содержании образования. Нам представляется, что этот вопрос еще не закрыт и требует еще углубленного анализа. Потому что, повторимся, сегодняшние представления о содержании мусульманского образования опираются: во-первых – на исторический опыт, – актуальный, но далеко не исчерпывающий; во-вторых – на иностранный опыт полезный, но тоже не единственный и не всегда вписывающийся в культурные традиции Российского общества. Так что этот вопрос должен стать главным в развитии богословской науки на ближайшее время.

Мы могли бы еще продолжать перечисление задач развития духовного образования имея в виду, что еще не решен вопрос о начальном образовании, о том, что в обществе витают инициативы и проекты формирования специализированных учреждений духовного воспитания (Сафакулевский опыт), что вопрос о содержании духовного образования все еще актуален и для медресе (т.е. среднего уровня), и для бакалавриата (высшего уровня образования). Нужно сказать, что не все еще понятно с магистерской подготовкой в действующих исламских университетах. Наконец, не стоит забывать, что духовность – это понятие более широкое, чем религиозное образование и воспитание. Стало быть, если общество ставит задачи духовного возрождения, оно не должно сводить все к вопросам религии. Ибо под знаменами религии, как видим, иногда происходят вещи, не совместимые с понятием духовности. Нужно, следовательно, ясно отличать ложные представления и призывы от истинных.

АБДРАХМАНОВ Д.М.,
директор Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат философских наук, доцент

ИСЛАМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Рост геополитического противостояния, кризисные явления в социально-экономической и культурной жизни оказывают сильнейшее воздействие на личность современного человека, окуная его в идеологический вакуум и порождая, зачастую, массу деструктивных последствий.

Потребность в идеологическом наполнении личной сферы и социальной жизни приводит часть населения к религии, на поле которой все чаще действуют нечистоплотные, аморальные и радикально настроенные дельцы. В данном контексте до сих пор своевременно звучит призыв Президента нашей страны В. Путина, воссоздать отечественную богословскую школу, как христианскую, так и исламскую. А сделать это можно лишь при условии развития соответствующих образовательных структур.

По мнению ряда исследователей, «религиозное образование сегодня активно противостоит «размыванию» традиционных духовных ценностей (в том числе и духовных смыслов традиционных для России конфессий, оказавшихся в зоне наступления агрессивной идеологии новых религиозных движений), распространению безнравственности, эстетизации безобразного, социальной инертности. Религия и светская философия, система отечественного образования и конфессиональное образование на этом пути выступают как естественные союзники, их взаимодействие обусловлено и многовековыми традициями совместного существования (поскольку первые образовательные учреждения в большинстве культур были связаны с государственной религией), и близостью сфер влияния в современном обществе. Культивирование морали, духовно-нравственное просвещение и воспитание, как подрастающего поколения, так и взрослых членов общества, их социализация и «врастание» в подлинную, настоящую культуру, трансляция ценностей и норм традиционной отечественной культуры – ведущие функции и религиозного, и светского образования как социальных институтов[1]. В то же самое время «отечественное религиозное образование любой конфессии не представляет собой стройной системы, отличающейся преемственностью ступеней и четкой формулировкой целей и задач»[2].

З.Р. Хабибуллина, последовательно осуществив комплексный анализ источников и полевых материалов, создала системную характеристику мусульманского духовенства в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI вв., согласно которой, в частности, «образовательный уровень духовенства характеризуется как невысокий, что обусловлено объективной причиной – ликвидацией системы традиционного мусульманского образования в годы атеизма. Арабским языком большинство имамов не владеют. Однако прослеживается устойчивая тенденция повышения образовательного уровня мусульманского духовенства республики, что обусловлено активной государственной поддержкой исламского образования в стране и конкретными мерами по усовершенствованию его системы со стороны религиозных учебных заведений и духовных управлений»[3].

---

[1] *Бигнова М.Р., Рахматуллина З.Г.* Религиозное образование в современной России: социально-философский очерк (на примере ислама и православия). Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 174.

[2] *Бигнова М.Р., Рахматуллина З.Г.* Указ. соч. С. 44.

[3] *Хабибуллина З.Р.* Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. С. 177.

Как вариант решения, автор для «повышения конкурентоспособности и признания элитарной роли мусульманского духовенства имамам республики, выпускникам медресе необходимо постоянное повышение уровня религиозного образования и продолжение обучения в светских вузах»[1].

Схожего мнения, с которым сложно не согласиться, придерживается еще один башкирский ученый Т.З. Уразметов, отмечающий, что «все разговоры и реальные меры, направленные на повышение религиозной грамотности населения, не будут иметь желаемого эффекта без повышения общего уровня гуманитарной образованности. Ибо религиозная грамотность, не соединенная с общегуманитарной, сделает человека сведущим в религиозных вопросах, но не сделает его толерантным и избавленным от опасности впадения в заблуждение относительно целей меркантильных религиозных лидеров»[2].

Надо понимать также, что зачастую «протестную молодежь мало привлекает деятельность официальных муфтиятов, мечетей, тяжелая для восприятия идеология тарикатов. Именно поэтому весьма привлекательной для молодых людей является идеология салафизма, ХТИ, ИГИЛ и других группировок, чья идеология в умелых руках вербовщиков превращается в доступное и понятное учение, жизненный принцип и кредо, следуя которому молодые люди уверены в своей правоте»[3].

Опыт же работы старейших богословских университетов мира (можем посоветовать в этом контексте работу Р.Л. Саяхова[4]), показывает, что «внутренняя эволюция – это своего рода борьба двух начал – религиозного и светского, сочетание которых формировало довольно сложный, порой противоречивый дискурс, определявшийся приоритетами текущего момента на конкретных этапах роста как самого этого научного и культурно-просветительского центра, так и создавшего его государства»[5].

Как бы то ни было, сложные процессы, идущие фактически в каждом регионе и имеющие свою особую специфику[6], требуют продуманных научных решений, ориентированных на долгосрочную перспективу[7].

---

[1] *Хабибуллина З.Р.* Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. С. 180.

[2] *Уразметов Т.З.* Религиозный мир: глобализация, конфликты, экстремизм. Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. С. 148.

[3] *Старостин А.Н.* Ислам в современном Башкортостане / Ислам в мультикультурном мире: 5-й Казанский международный научный форум: материалы ситуационного анализа «Современное состояние российской уммы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 61.

[4] *Саяхов Р.Л.* Университет аль-Азхар. Записки студента. Уфа: Издательство «ХАН», 2009. 72 с.

[5] *Москалец О.В.* Основные этапы реформирования университета ал-Азхар (XIX – нач. XX вв.) // Ислам в современном мире. Том 13. № 3. Сентябрь, 2017. С. 67.

[6] *Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В.* Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.; *Аминев З.Г., Ямаева Л.А.* Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 184 с.

[7] *Якупов М.Т., Нуриев Д.А., Файзуллин Ф.С.* Концепции социальной философии ислама: от средних веков до современности. Уфа: УГАТУ, 2016. 199 с.

Большая работа по означенному направлению ведется в Республике Башкортостан, в которой уже 10 лет Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы (одним из 5 вузов в России) реализуется федеральный план мероприятий подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама.

Достижения по выполнению данной работы весьма весомы. По результатам многолетней совместной работы можно с уверенностью утверждать, что наш вуз-партнер – Российский исламский университет ЦДУМ России состоялся как полноценная образовательная организация, авторитетная в исламском мире, он возвращает себе имя крупного образовательного и культурного центра. Не вызывает сомнения влияние РИУ ЦДУМ России на общественное сознание евразийского региона.

Самым главным достижением проекта в Уфе стало появление когорты учёных-богословов, теологов и их объединение вокруг проекта в БГПУ имени М. Акмуллы. В настоящий момент в вузе создан Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования. Кроме задач проекта эта структура решает широкий круг задач по проведению междисциплинарных исследований, связью с мировыми духовными центрами, работой со всем населением республики и пр.

Научно-исследовательская и образовательная деятельность в сфере отечественного исламского образования и богословия предполагает создание модели исламского образования с учетом потребности духовных управлений мусульман. Нами ведется обучение педагогических работников духовных образовательных организаций высшего образования и среднего профессионального образования по основным образовательным программам. Также осуществляется повышение квалификации и профессиональная переподготовка религиозных деятелей, сотрудников духовных управлений мусульман, педагогических работников светских и духовных образовательных организаций, специалистов государственных и муниципальных органов власти по программам, связанным с развитием исламского образования и конфессиональных отношений.

Значимым достижением реализации проекта является разработка и поддержка нормативно-правового обеспечения образовательного процесса в духовных образовательных организациях, разработка и внедрение локальных нормативных правовых актов. Большая совместная работа в этом году проведена нами по контролю качества образовательных программ РИУ ЦДУМ России.

Безусловно рост уровня образования невозможен без постоянного повышения качества и эффективности проводимых мероприятий, которые основываются на научной рефлексии и эмпирических исследованиях.

В июле-октябре 2016 г. Межведомственным научно-исследовательским центром развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы (в июле

2017 г. преобразован в Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования) было проведено комплексное социологическое исследование (социологический опрос, фокус-группы, экспертные интервью) «Конфессиональные отношения и религиозное образование в Республике Башкортостан»[1]. В ходе социологического исследования было опрошено 900 респондентов (тип выборки – квотная, многоступенчатая; выборка репрезентирует население Республики Башкортостан в возрасте 16 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта; метод опроса – личные формализованные интервью по месту жительства респондента).

По результатам исследования, текущее состояние межнациональных отношений в Башкортостане можно охарактеризовать как в целом доброжелательные (78,7%), что является нормой для многонациональной республики, где взаимоотношения между представителями разных этносов выстраивались в течение многих столетий. Многонациональный состав населения республики оказывает позитивное влияние на межконфессиональные отношения, которые характеризуются респондентами, как спокойные и скорее спокойные (80%).

В религиозном срезе фиксируются определенные отличия в оценке межконфессиональных отношений. Спокойными и скорее спокойными отношения между представителями различных конфессий считают 89,3% мусульман и 76,3% православных христиан. Также среди христиан больше респондентов (10,7%), считающих, что межконфессиональные отношения в республике носят напряженный характер, чем среди мусульман (8,1%).

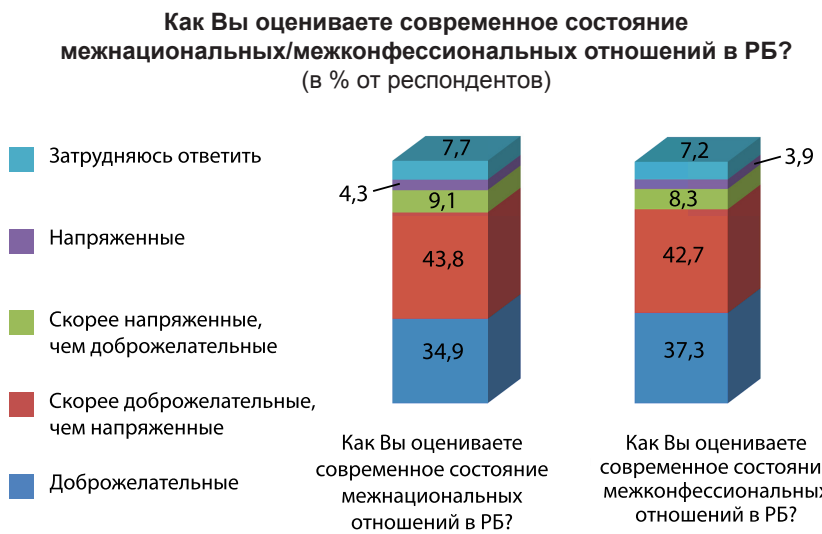

Рисунок 1

[1] Отчет по исследованию «Конфессиональные отношения и религиозное образование в Республике Башкортостан» / Межведомственный научно-исследовательский центр развития мусульманского образования Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, 2016. 103 с.

Рисунок 2

Заметим, что по результатам опросов наших коллег из Республики Башкортостан[1] более 80% респондентов считают, что между представителями различных конфессий в республике сложились спокойные отношения. Причем прослеживается следующая корреляция: те граждане, которые положительно оценивают состояние межнациональных отношений, также оценивают и отношения между представителями различных религий.

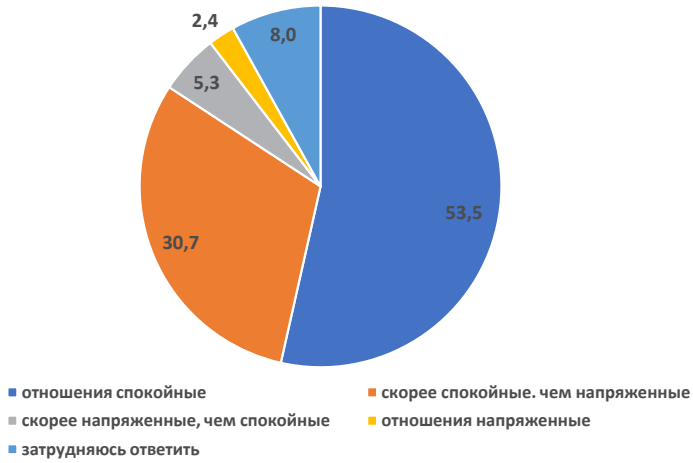

Рисунок 3. Оценка состояния отношений между представителями различных религий, в %

По результатам же нашего опроса, мусульмане более оптимистичны в оценках межнациональных отношений: 43,8% мусульман считают, что отношения

[1] *Марданов М.Х.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Башкортостан в зеркале социологии // Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Башкортостан: Информационно-аналитический бюллетень № 1. Уфа: Мир печати, 2016. С. 14.

в республике доброжелательные. Среди христиан доля «позитивистов» несколько меньше – 28,1%.

Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Республике Башкортостан?
(% от респондентам, по вероисповеданию)

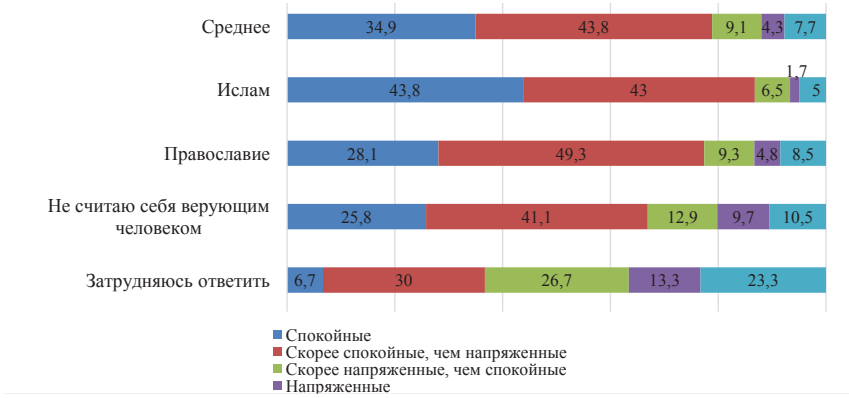

Рисунок 4

Обращает внимание, что среди представителей двух основных конфессий Башкортостана незначительно число алармистов, склонных негативно оценивать состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в республике.

Анализ данных проведенного исследования позволяет говорить об устойчивом характере доброжелательных отношений в республике. По мнению 35,6% респондентов предпосылки для распространения экстремизма отсутствуют, порядка 32,9% опрошенных отмечают их наличие, но считают, что это маловероятно. Лишь 8,3% участников опроса считают, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро.

Существуют ли, по Вашему мнению, реальные предпосылки для распространения экстремизма в Вашем городе?

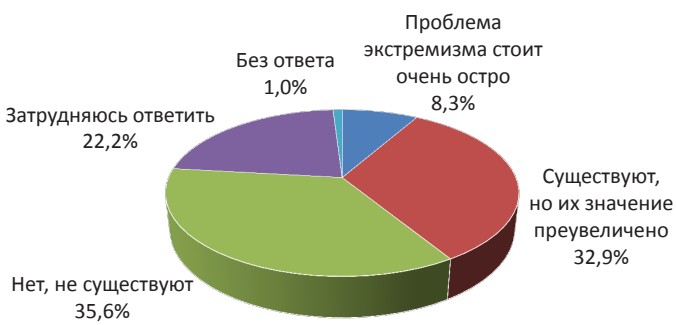

Рисунок 5

Обращает на себя внимание, что фиксируется связь между трудовой миграцией и угрозой экстремизма в представлениях респондентов. 63,3% участников исследования, считающих, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро, отрицательно оценили влияние трудовой миграции на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан.

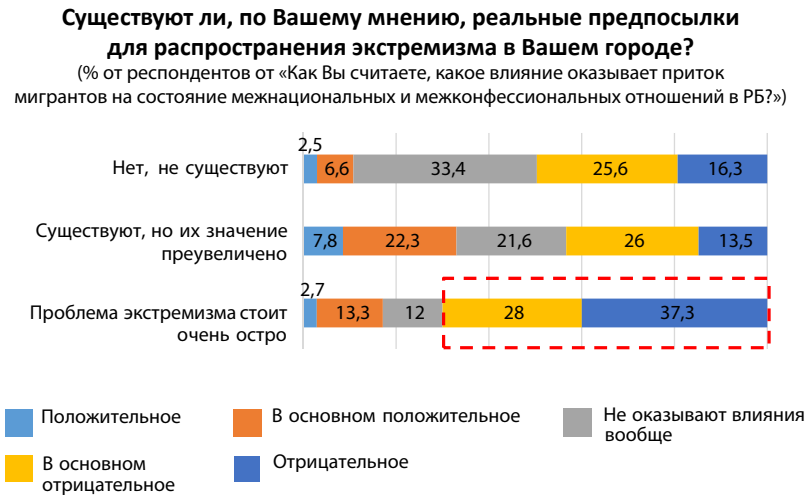

Рисунок 6

Таким образом, по мнению значительной части участников исследования, трудовая миграция представляет один из каналов распространения экстремизма в Республике Башкортостан.

Что касается религиозного образования, то почти треть опрошенных среди всего населения республики (28,1%) полагают, что в нем нет необходимости, 29,7% респондентов считают, что религиозное образование могут получить в духовном учреждении. Лишь 5,9% участников исследования допускают возможность получения религиозного образования в светском учебном заведении. Почти для четверти опрошенных (24,2%) религиозное образование тождественно самообразованию. Незначительная доля респондентов, считающих, что духовное образование можно получить в светском образовательном учреждении свидетельствует о том, что в обществе сохраняется доминирующее представление о светском характере образования в целом.

Стоит отметить, что лишь 2,4% респондентов готовы учиться, чтобы получить какие-либо знания о религии. Аналогичный показатель тех, кто уже имеет (или получает) религиозное образование. Порядка 40,6% опрошенных считают, что источниками религиозных знаний служат общение с верующими (21,8%) и религиозная литература (18,8%).

Как Вы относитесь к религиозному образованию?
(в % от респондентов)

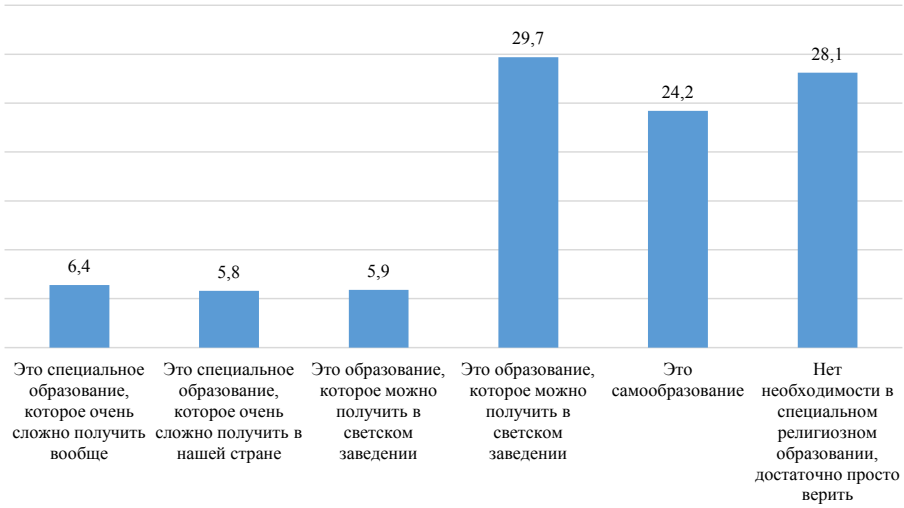

Рисунок 7

Обращает внимание, что более 10% мусульман, получающих знания об исламе посредством общения с верующими и чтения религиозной литературы, это люди моложе 30 лет. Тенденцией последних лет стала растущая религиозность, особенно среди молодежи республики и, как следствие, повышенный запрос на информацию об исламе. Среди тех, кто общается с верующими с целью получения знаний о религии, 41,7% – башкир, 31,3% – татар и 25% – русских.

Хотели бы Вы получить какие-либо знания о религии?
(в % от респондентов, по вероисповеданию)

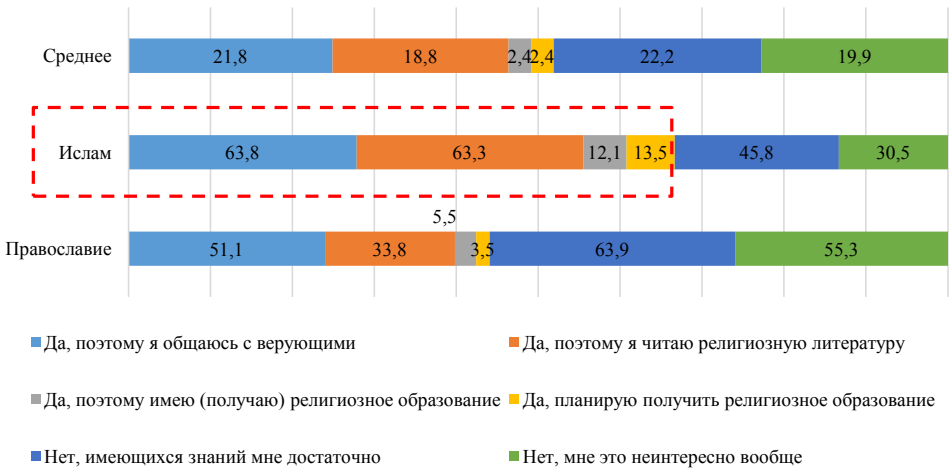

Рисунок 8

У мусульман, в отличие от православных христиан, более артикулирован запрос на религиозные знания. В то же время основными источниками информации остаются общение с верующими и чтение литературы. Несмотря на то, что среди мусульман больше верующих, имеющих религиозное образование (12,1%, у христиан – 5,5%) и планирующих его получить (13,5%, у христиан – 3,5%), само религиозное образование остается непопулярным в числе других способов получения знаний о религии.

Опрос позволил выявить, что почти половина опрошенных (49%) не знают о каких-либо религиозных образовательных учреждениях в республике. Необходимо отметить, что среди религиозных образовательных учреждений, о которых респонденты имеют какое-либо представление, лидирует БГПУ им. М. Акмуллы (22,3%). Безусловно, это свидетельствует об огромном объеме проведенной работы, но отчасти это может быть связано с неверной трактовкой вопроса респондентами, которые знают о БГПУ как об образовательном учреждении, а не о наличии у вуза дополнительных программ религиозного образования.

По мнению опрошенных экспертов, актуальным вопросом является совершенствование исламского религиозного образования. Один из экспертов подчеркнул, что исламское образование находится в процессе своего становления, поэтому качественных результатов можно ожидать не ранее, чем через 7-10 лет. Большинство экспертов (38%) отметило необходимость развития всех уровней религиозного образования. 16% респондентов считают, что особое внимание должно быть уделено развитию начального уровня (мектебов), поскольку именно на этом этапе закладываются основы религиозного образования, 10% экспертов, напротив, уверены, что, прежде всего следует развивать высшую ступень – исламский университет.

Какие религиозные образовательные учреждения в Республике Башкортостан Вы знаете?
(в % от респондентов)

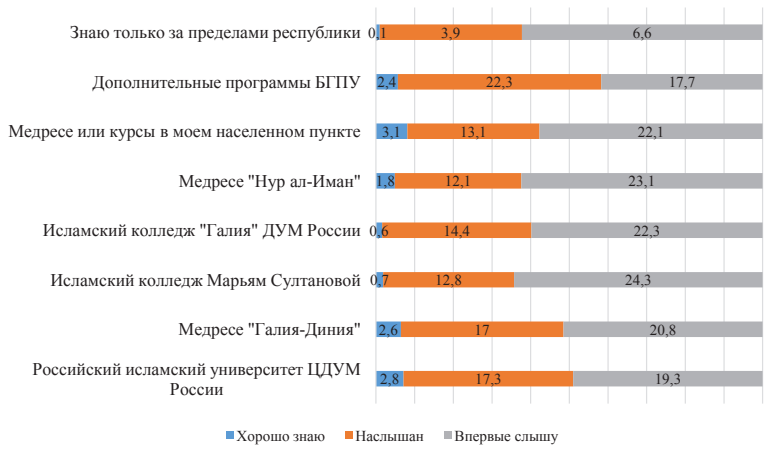

Рисунок 9

4 171184

С Вашей точки зрения, какие уровни исламского образования в России следует развивать в первую очередь?

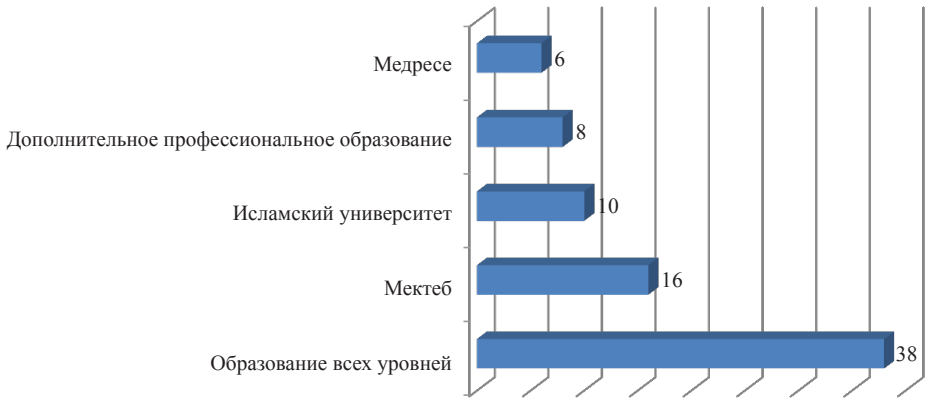

Рисунок 10

Несмотря на то, что большинство экспертов выступают за равномерное развитие всех уровней религиозного образования, дополнительные вопросы позволили зафиксировать тот факт, что к наиболее важным направлениям деятельности респонденты отнесли обучение педагогических работников духовных учреждений (88%), проведение просветительских лекций-выездных семинаров по районам республики (84%). Таким образом, совершенствование многоуровневой системы исламского образования выступает основной стратегической задачей.

Какие направления деятельности, по Вашему мнению, в настоящее время являются самыми важными для развития исламского образования?

Рисунок 11

Экспертный опрос позволил определить, что наиболее известными религиозными образовательными учреждениями в республике являются Российский исламский университет ЦДУМ России (82%), дополнительные программы БГПУ им. М. Акмуллы (70%) и исламский колледж имени М. Султановой (64%). Также следует отметить, что эксперты в целом положительно отнеслись к открытию Болгарской исламской академии. 54% респондентов всецело поддержали этот проект, а 36% считают, что существование исламской академии вполне допустимо.

События последних лет показали необходимость работы со всем населением, в том числе нерелигиозным. Уже седьмой год нами реализуется проект выездных лекторских групп по городам и районам Республики Башкортостан по профилактике религиозного экстремизма и радикализма.

Основополагающей в деятельности БГПУ им. М. Акмуллы по реализации проекта развития мусульманского образования стала работа с молодым поколением. Основной целью является системная реализация инновационных проектов по развитию молодежных инициатив и противодействию экстремистскому влиянию. Совместно с государственным органом республики и муфтиятами усилена работа с молодёжью, в которой акцент делается на просвещение, образование, работу с неформальными лидерами. В республике ежегодно проводятся образовательные, спортивные и культурные мероприятия для мусульманской молодежи. При нашем непосредственном участии создан Совет молодых ученых Духовного управления мусульман республики.

Важная работа с 2016 г. организована с чиновниками муниципального и регионального уровня. Проведены курсы повышения квалификации председателей и секретарей комиссий по государственно-конфессиональным отношениям при главах муниципальных образований по 72-часовой программе дополнительного профессионального образования. Такие курсы, на наш взгляд, должны быть организованы не только в Республике Башкортостан, но и во всех регионах России.

В конце марта 2017 г. завершился очный этап разработанной нашим институтом 72-часовой дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма», проводимой в соответствии с Протоколом совместного заседания Антитеррористической комиссии Башкортостана и оперативного штаба в Республике Башкортостан. Перед учителями и преподавателями гуманитарных дисциплин вузов и ссузов республики выступили председатель Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, секретарь антитеррористической комиссии Республики Башкортостан, представители ФСБ, МВД, специалисты по межнациональным и конфессиональным отношениям, психологи, педагоги, социологи, юристы, превентологи и конфликтологи. Обучение прошли более 100 слушателей.

Научно-исследовательским институтом духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы ведется активная работа по подготовке учебных пособий и хрестоматий для духовных и светских образовательных учреждений, для удовлетворения потребности в образовательной и просветительской литературе, начаты разработки пособий на языках народов республики. Разработанные учебные пособия передаются в медресе и РИУ ЦДУМ России, используются в учебном процессе. В 2016 г. преподавателями исламского университета в рамках проекта проведена большая работа по самостоятельному написанию учебных пособий, которые активно используются в учебном процессе.

Значительным эффектом реализации проекта в Уфе стало то, что его признанный высокий уровень явился источником трансляции ценностей ислама, традиционного для народов России, на Евразийское пространство. Так, муфтий Республики Кыргызстан выступил с инициативой открытия в Бишкеке филиала РИУ ЦДУМ России. В 2018 г. в БГПУ им. М. Акмуллы запланировано открытие Центра исламского образования на базе Кыргызского национального университета. Реализация данного проекта позволит осуществлять распространение идей и ценностей российского ислама, культуры и языка далеко за пределы России, снимет потенциальные риски и угрозы. В данном ключе, учитывая невысокое знание населением современного Кыргызстана русского языка, на базе БГПУ им. М. Акмуллы, как Университета ШОС и опорного вуза России по продвижению русского языка за рубежом реализуются русскоязычные программы по истории и культуре ислама, развитию языковых компетенций. Принципиально важным, по нашему мнению, является трансляция ценностей ислама, традиционного для народов России не только на регионы ПФО, но и на Дальний Восток, евразийское пространство с целью превентивного воздействия на потенциальные угрозы.

Важной составляющей по выполнению данной федеральной программы является работа со СМИ, она была сосредоточена не просто на акцентировании внимания журналистов на освещении религиозных праздников и обрядов, а на их обучении с помощью дискуссионных площадок, круглых столов, семинаров, мастер-классов грамотному бережному подходу к религиозной тематике. Также БГПУ им. М. Акмуллы активно развивает собственные информационные ресурсы, обеспечено функционирование информационно-образовательного портала, идет развитие образовательной деятельности по основным и дополнительным образовательным программам с применением дистанционных образовательных технологий. С 2017 г. нами издается научный журнал «Образование и духовная безопасность».

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы ведет большую работу по профилактике экстремизма, мы понимаем, что

в самом пространстве религии есть так называемая «черная религия» и есть «светлая религия»[1], проводятся научные исследования, разрабатываются учебные пособия, методические материалы, проводятся семинары, круглые столы и научно-практические конференции, совместно с Антитеррористической комиссией Республики Башкортостан проводится обучение педагогов по специальным образовательным программам. На повестке дня также стоит важная практическая работа по вторичной профилактике экстремизма с лицами из групп риска[2]. Семь лет совместно с Советом по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан и Антитеррористической комиссией Республики Башкортостан действует выездной лекторий по профилактике религиозного экстремизма, работают информационные просветительские ресурсы, ориентированные на все население республики. Наш вуз становится региональным центром по системной профилактике экстремизма.

Важно, чтобы накопленный аналитический материал позволял переходить к проектным и прогнозным разработкам[3].

Важна и работа по обмену опытом и популяризации проводимых направлений работы. Конкретные практические мероприятия оказываются тесно вплетенными в ткань социальной жизни, при этом резко повышается необходимость научной рефлексии динамичных социальных процессов. У нас ежегодно проходят десятки конференций, круглых столов, семинаров. Сейчас мы проводим уже X международную научно-практическую конференцию «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», которая собрала несколько сотен специалистов из десятков стран мира.

В настоящее время целью Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования является решение ключевых проблем в количественном и качественном выражении посредством создания республиканской ресурсной площадки по содействию развитию исламского образования и обеспечению духовной безопасности Республики Башкортостан. Решаются следующие основные задачи:

1. Синтез теоретических и практических наработок по духовно-нравственному благополучию, региональной идеологии и общероссийской идентичности.

2. Создание эффективного идеологического противодействия идеологии экстремизма.

---

[1] *Фарах С.Н., Яковец Ю.В.* Религия и возрождение цивилизационных ценностей. М.: Издательство «Проспект», 2017. С. 6.

[2] *Мухаметзарипов И.А.* Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Учебное пособие. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. – 94 с.

[3] *Фахрутдинов Р.Р., Васина В.В., Чеверикина Е.А., Халитов Р.Г.* Социально-психологическое прогнозирование риска возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов (на примере Республики Татарстан). Казань, 2014. 176 с.; *Биктагирова А.Р., Шакиров Р.М.* Инновационная деятельность религиозной организации // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2016. № 1 (37). С. 95–100.

3. Создание системы исламского образовательного пространства для отечественных богословов.

4. Сопровождение и контроль качества основных и дополнительных образовательных программ по исламскому образованию и просвещению.

Стратегическими эффектами создания и деятельности НИИ для Республики Башкортостан и Российской Федерации станут:

1. Рост качества исламского и исламоведческого образования в России (в т.ч. ПФО, ДВФО и др.).

2. Содействие институциализации системы отечественного исламского богословия, распространение идей традиционного ислама на зарубежные страны.

3. Снижение уровня религиозного экстремизма, числа выехавших в места боевых действий, заслон идеологии терроризма в информационном пространстве.

4. Снижение конфликтности внутри мусульманской уммы.

5. Содействие появлению экспертов по этноконфессиональным отношениям, росту профессионального уровня государственных служащих, сотрудников общественных организаций, граждан.

6. Разработка четкой, понятной системы идеалов, норм, ценностей, целей и установок населения Башкортостана.

7. Снижение социально значимых заболеваний, отклонений, рост социальной активности населения.

8. Появление ресурсного центра по духовной безопасности Республики Башкортостан.

Республика Башкортостан как один из самых многонациональных и поликонфессиональных регионов характеризуется дружным и мирным сосуществованием всех религиозных и этнических групп. Во многом это заслуга и БГПУ им. М. Акмуллы, реализующего важный государственный проект по развитию исламского образования, наличие которого свидетельствует о «…признании важной роли российской уммы, на протяжении многих веков воплощающей живую связь мира ислама с народом России, наиболее близким к Востоку посредником между Европой и Азией»[1].

[1] *Ланда Р.Г.* Россия и ислам: путь к взаимодействию. М.: Медина, 2016. С. 300.

ПАНЕЛЬНАЯ СЕССИЯ № 1

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ. ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

АБДРАХМАНОВА Ф.Р.
(Россия, г. Уфа)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ И ЕГО РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ

Современный этап развития общественного воспитания в российской школе характеризуется возвращением в педагогическую практику духовно-нравственного воспитания школьников на основе ценностей и культуры традиционных российских религий.

Первоочередной целью современного российского образования является помочь учащимся овладеть полным набором естественнонаучных и гуманитарных знаний, которые будут необходимыми для жизни в современном обществе.

Также современная школа должна помочь развитию умений детей по использованию тех знаний, которые они здесь получают, самостоятельно мыслить и принимать решения относительно окружающего природного и социального мира. В свою очередь целью религиозного образования является привить детям духовные идеалы и ценности, что в то же время не противоречит основным нравственным принципам светского образования. Но, несмотря на эти общие цели и направления в деятельности, все же существуют разногласия, иногда переходящие в конфликт.

Социальный конфликт в принципе имеет место быть в наших учебных заведениях, не нужно забывать, что социальный конфликт – это открытое противоборство, столкновение двух и более субъектов и участников социального взаимодействия, причинами которого являются несовместимые потребности, интересы и ценности. В основе конфликта лежат субъективно-объективные противоречия, но эти два явления (противоречия и конфликт) не следует отождествлять. Противоречия могут существовать довольно длительный период времени и не перерастать в конфликт. Поэтому необходимо иметь в виду, что в основе конфликта лежат лишь те противоречия, причиной которых являются несовместимые интересы, потребности и ценности. Такие противоречия, как правило, трансформируются в открытую борьбу сторон, в реальное противоборство.

Современная образовательная среда – это социальная система, которая включает в себя несколько социальных групп. Как и в любой социальной системе, здесь могут возникать разного рода как межличностные, так и социальные

конфликты, на религиозные темы в том числе. Наиболее распространены и типичны личностные конфликты между учениками, педагогические и личностные конфликты между учителями, учителями и руководством, между учителем и учеником (группой учеников), между родителями и учителями, между родителями учеников. В последнее время в образовательной среде появились социальные конфликты, обусловленные религиозными верованиями. Здесь речь идет не о конфликтах, которые возникают между представителями разных религиозных конфессий, а именно о тех социальных конфликтах, которые возникают между верующими и не соблюдающими веру. Примером могут поступить ситуации в школах, когда гонениям, а иногда и травле, подвергаются дети, мыслящие как истинные верующие, или носящие некую религиозную атрибутику, символы. Такие дети мыслят, как истинные верующие, поступают так, как учат их родители и близкие, как написано в писании. А это не всегда соответствует моде, модным тенденциям. Такие дети среди сверстников считаются «отсталыми», «изгоями», «немодными» и «несовременными», ведь они не похожи на «всех».

В качестве способов разрешения социальных конфликтов в образовательной среде современности, особенно его религиозных аспектов, можно выделить следующие: завершение инцидента. Именно завершение, а не временное прекращение. Устранение, прекращение инцидента – необходимое, но недостаточное условие погашения конфликта. Часто, прекратив активное конфликтное взаимодействие, люди продолжают переживать фрустрирующее состояние, искать его причину. И тогда угаснувший было конфликт вспыхивает вновь. Разрешение социального конфликта возможно лишь при изменении конфликтной ситуации. Это изменение может принимать различные формы. Но наиболее эффективным изменением конфликтной ситуации, позволяющим погасить конфликт, считается устранение причин конфликта.

Это главное условие предотвращения или профилактики конфликтов характерно и для социальных конфликтов, вызванных религиозными аспектами. Без сомнения то, что негативное отношение к религиозным детям со стороны «обычных» детей, в основе своей берет начало из их семей. Именно здесь родители либо совершенно не обращают внимания на поведение своих детей, остаются равнодушными, либо, наоборот, всячески поддерживают и поощряют неприязнь своих чад в отношении своих религиозных одноклассников. В этом случае устранить причину конфликта становится очень трудно, почти невозможно, ведь ни для кого не секрет, что для детей младшего и среднего школьного возраста, а иногда даже и старшеклассников, родители являются авторитетом, иногда единственным. В старших же классах на детей имеет колоссальное влияние так называемое «общественное мнение». Многие не хотят выделяться, хотят быть как все. И поэтому появляются «лидеры» и «изгои». Очень часто во вторую категорию попадают те, которые отличаются от толпы теми или

иными признаками. Это серьезная проблема, поэтому основная работа в этом направлении приходится на школу. Именно в школе, в образовательной среде социальным педагогам, психологам необходимо иметь в виду возможности появления социальных конфликтов с религиозным аспектом, быть готовыми к предотвращению их на начальном этапе, или уметь разрешать эти конфликты с минимальными трудностями. Разумеется, это достаточно сложная задача, но, тем не менее, решаемая.

Для профилактики, предотвращения или разрешения социальных конфликтов с религиозным аспектом применяются те же инструменты, что и для решения социальных конфликтов, вызванных любой другой сферой (национальной, материальной, статусной и т.п.). К ним можно отнести следующие:

– распознавание социальных конфликтов на стадии становления;

– ориентацию субъектов и посредников на согласие между противоборствующими сторонами;

– систему действий, направленных на недопущение перерастания предконфликтной стадии в стадию развития конфликта.

Выше нами были названы социальные конфликты с религиозным аспектом, которые возникают между учениками. Не стоит забывать о существовании таких конфликтов между учителями, или между учителем и учеником, или между учителем и администратором (руководителем). Технологии их разрешения те же, но выполнение их усложняется. Происходит это потому, что взрослому человеку, в отличие от ребенка, сложно переменить свои жизненные установки, ориентации.

В заключение необходимо отметить, что именно учителям, преподавателям, воспитателям и другим педагогам необходимо вести постоянную работу со своими подопечными, вовремя и правильно разъясняя главные ценности, сея разумное, доброе, вечное. Именно им необходимо помогать разрешать социальные конфликты, возникающие на религиозной почве, на самых ранних периодах, не допускать развитие противоположных ценностных ориентаций в детском сознании.

Большое значение в профилактической работе имеет изменение ценностных ориентаций человека с раннего возраста в направлении повышения уважения к человеку, укрепления доверия друг к другу, борьбы с насилием, нетерпимостью к чужим мнениям.

Литература

1. Электронный ресурс / Режим доступа: http://history-of-ukraine.jimdo.com. (Дата обращения: 16.10.2016).

2. Электронный ресурс / Режим доступа: http://mcvouo.ru/referats/18/9586.htm. (Дата обращения: 17.10.2016).

АБДУЛАГАТОВ З.М.
(Россия, г. Махачкала)

ДАГЕСТАНЦЫ О ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема исламского образования россиян в контексте интересов светского государства многоаспектна. Речь идет не только о том, как совмещать в единой системе исламского образования светские, рациональные, основанные на науке знания с сакральными, иррациональными знаниями. Проблемным стал вопрос об оптимальном совмещении ценностей традиционного и нетрадиционного ислама в регионах, которые, несмотря на единые основы веры, нередко находятся в состоянии конфликта. Этот конфликт имеет место в современном Дагестане.

Особую значимость в формировании исламского сознания россиян имеет зарубежное образование. Утвердилось мнение, что зарубежное образование формирует у граждан России радикально-салафитское сознание. В большей степени данная точка зрения свойственна представителям так называемого традиционного ислама. Хотя утверждать однозначно этого нельзя: вопрос о зарубежном образовании является в России, в том числе и в Дагестане, одним из спорных.

То, что проникновение салафитских идей через зарубежное образование было проблемным для Дагестана еще в историческом, досоветском прошлом, следует из содержания одного недавно опубликованного исторического документа[1].

Распространенное среди исламских духовных лиц, исследователей, представителей различных ветвей власти объяснение причин массового оттока молодых мусульман Дагестана на учебу в зарубежные ИУЗ советским атеистическим прошлым, не соответствует действительности.

Результаты социологического опроса.

1. Характеристика выборки.

Выборка состояла из 395 учащихся и студентов исламских учебных заведений (ИУЗ) Дагестана (ДИУЗ) и 49 дагестанцев, обучавшихся в зарубежных исламских учебных заведениях (ЗИУЗ), всего 444 респондента.

В выборке обучавшихся в ЗИУЗ оказались: ханафитов – 4,0%, маликитов – 2,0%, шафиитов – 58,0%, ханбалитов – 14,0%, безмасхабных – 14,0%, других направлений в исламе – 8,0%.

Основная масса опрошенных в ДИУЗ – 364 респондента (97,3% ответов) свою конфессиональную принадлежность определили как шафииты.

Особенность выборки заключается в том, что она в основном представляет ситуацию в ДИУЗ, имеющих лицензию.

---

[1] Доклад великого князя Николая Николаевича императору Николаю II о политическом положении на Кавказе, 23 сентября 1916 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. Изд. журнала «Звезда». СПб. 2005. С. 542–552.

2. Причины интереса дагестанцев к исламскому образованию.

Несмотря на широкую сеть бесплатных ИУЗ Дагестана, достаточно большой процент опрошенных (16,3%) получает образование в платных учебных заведениях. Это является одним из показателей привлекательности исламского образования для мусульман Дагестана. Как оказалось, женщин среди обучающихся в платных учебных заведениях значительно больше, чем мужчин – 45,6% против 8,1%.

Более подробно привлекательность исламского образования выяснялась ответами на вопрос: «Чем обусловлен Ваш интерес к исламскому образованию?».

Таблица №1

Распределение ответов на вопрос о причинах привлекательности исламского образования

Варианты ответов / Пол возраст	Хочу получить о своей вере основательные знания («богословы»)	Изучение исламской религиозной лит-ры объясняет мне смысл человеческой жизни, дает мне правильный взгляд на мир («философы»)	Хочу работать не в светской, а в духовной исламской сфере («специалисты»)	Исламское образование готовит меня к вечной жизни, достойной встрече с Аллахом («ахиратисты»)	Что другое? (напишите)
Мужчины	47,1/70,0	37,3/37,5	8,1/12,5	63,7/60,0	6,1/5,5
Женщины	43,0/66,7	35,4/11,1	15,2/0,0	65,8/55,6	5,1/0,0
До 20 лет	40,8/ –	33,3/ –	10,5/ –	64,0/ –	6,1/ –
От 20 до 25 лет	56,4/83,3	40,6/50,0	5,9/0,0	64,4/50,0	4,0/0,0
От 25 до 30 лет	57,1/82,4	33,3/41,2	14,3/5,9	57,4/64,7	0,0/0,0
От 30 лет до пенсионного возраста	56,3/57,9	62,5/26,3	31,3/10,5	56,3/63,2	12,5/5,3
Старше пенсионного возраста	33,3/ –	0,0/ –	0,0/ –	66,7/ –	0,0/ –
Общее	46,3/71,4	36,9/35,7	9,6/7,1	64,2/61,9	5,9/5,4

При анализе данных таблицы №1 автор исходил из следующих установок.

Предложенные варианты ответов были разделены на две группы. В первую вошли позиции «Хочу получить о своей вере основательные знания» и «Изучение исламской религиозной литературы объясняет мне смысл человеческой жизни, дает мне правильный взгляд на мир». Эта группа, которая хочет «знать».

Хотя знание основная цель данной группы, между двумя ее составляющими есть одно существенное различие. В первой позиции больше выражена тяга к богословским знаниям («богословы»), во-второй – к философскому, мировоззренческому объяснению мира и человека в исламе (исламский «философ»). Данное деление в известном смысле условно, относительно.

Вторую группу образуют респонденты, которые выбрали ответы – «Хочу работать не в светской, а в духовной исламской сфере» и «Исламское образование готовит меня к вечной жизни». Для этой группы основной целью является не стремление к знаниям, хотя без знаний их цель достигнута быть не может. Здесь в большей степени выражено инструменталистское отношение к исламским знаниям. В одном случае знания нужны для получения любимой специальности («специалисты») в духовной сфере, в другой – в целях подготовки себя к загробной жизни («ахиратисты». От Ахир – «конечный», «последний», Ахира – «конечный мир»).

Как показал опрос, учащиеся дагестанских исламских учебных заведений так же, как и получившие образование за рубежом, не ставят основной целью получение знаний для духовной работы (9,6 и 7,1 процента соответственно). Данный показатель инструментализма наиболее высок в ИУЗ Дагестана в возрасте старше 30 лет, т.е. у старшего поколения. «Богословов», т.е. тех, кто учится, желая иметь теоретические знания об исламе, в ДИУЗ оказалось значительно меньше, чем ЗИУЗ (46,3 и 71,4 процента соответственно). Более благоприятные условия для получения таких знаний за рубежом есть одна из причин оттока молодежи в зарубежные ИУЗ. Как очевидно по таблице №1, у тех, кто обучался в ЗИУЗ, богословские знания в рейтинге по четырем позициям имеют наиболее высокий показатель, а у мусульман, обучающихся в Дагестане, они на втором месте.

Высокие, почти равные показатели как у представителей ДИУЗ, так и у ЗИУЗ по позиции «ахиратисты» (64,2 и 61,9 процента соответственно).

Вопросы мировоззренческого характера как привлекательность исламского образования у этих двух групп также в равных соотношениях (36,7 и 35,7 процента соответственно).

Принципиальная разница между зарубежными и дагестанскими учащимися и студентами в ответах на данный вопрос в том, что в общем целом первых привлекают больше «знания», а вторых – «инструментальность» получаемых знаний. Численный показатель этого различия по позиции «знания» выражается соотношением 107,1% (ЗИУЗ) на 83,2% (ДИУЗ)[1].

По позиции «инструментальность» этот показатель выражается соотношением 73,8% на 69,0%.

3. Причины интереса к зарубежному исламскому образованию.

Учитывая известные проблемы государства и общества в связи с зарубежным исламским образованием дагестанцев, респондентам был задан вопрос

[1] У респондентов была возможность выбрать два непротиворечащих друг другу варианта ответа.

«Есть ли у Вас желание продолжить свое исламское образование за рубежом?». Разница между теми, кто дал на вопрос утвердительный и отрицательный ответ, оказалась небольшой. Ответ «Да» – 38,8%, ответ «Нет» – 42,5%. Причем, среди женщин, давших ответ «Да» больше, чем среди мужчин – соответственно 46,8% и 36,6%. В ответах на данный вопрос больше затруднялись мужчины: 14,2% против 3,8% у женщин. Среди значимых, в смысле репрезентативности, возрастных групп выборки, наибольшее желание получить зарубежное исламское образование имеют мусульмане в возрасте «от 20 до 25 лет» – 49,5% («Нет» – 28,7%, «Затрудняюсь ответить» – 11,9%). Наибольший показатель по этой позиции в группе «от 30 лет до пенсионного возраста» – 56,3%, но она малочисленна и статистической значимости в отношении генеральной совокупности не имеет. Возрастная группа «От 30 лет до пенсионного возраста» обучавшихся в ЗИУЗ по данной позиции также имела наибольший показатель – 45,2%.

Ответы на вопрос, каковы причины привлекательности зарубежного исламского образования для опрошенных, приведены в таблице №2.

Таблица №2

Распределение ответов на вопрос о причинах интереса мусульман РД к зарубежному исламскому образованию. РД. (в%). (можно выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов / Группы опроса	В дагестанских исламских учебных заведениях нет высококвалифицированных кадров	Зарубежное исламское образование дает возможность быстро и качественно освоить арабский язык	Человек, получивший исламское образование за рубежом, имеет высокий авторитет среди верующих республики	В исламских учебных заведениях Дагестана образование дают по устаревшим учебникам средневековья	В Дагестане исламское образование делает акцент на вопросах шафиитского мазхаба, в ущерб другим направлениям в исламе	В Дагестане в основном изучают вопросы фикха, оставляя в стороне другие важные исламские науки	В зарубежных исламских образ-х учреждениях, в отличие от российских, дают знания об истинном исламе	Мусульманин, получивший зарубежное образование, легче найдет работу в исламской системе образования республики, в других видах исламской деятельности (алим, имам, кадий…)	Что другое? (напишите)
ЗИУЗ	49,2	58,8	9,4	3,5	30,6	23,5	27,1	3,5	16,5
ДИУЗ	1,4	27,6	3,0	0,3	1,1	2,2	1,6	9,2	9,2

Активность в ответе на данный вопрос больше проявили обучавшиеся в ЗИУЗ. Это понятно, если учесть, что данная группа опроса в свое время осознанно сделала выбор и получала исламские знания за рубежом.

Сравнение данных таблицы свидетельствует, что главная причина интереса к зарубежному образованию в обеих группах опроса заключена в возможности быстрого и качественного освоения арабского языка. При этом необходимо иметь в виду, что этот интерес имеет свое сакральное, а не светское содержание: арабский язык открывает дорогу ко всему многообразию исламской литературы как исторического прошлого, так и современности. Дагестанских мусульман особо привлекает арабская языковая среда, как лучшая возможность освоения языка Корана.

АЛМАЕВ Р.З., КИНЗЯБАЕВ Д.М.
(Россия, г. Уфа)

ФОРМИРОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В ЕВРОПЕ И ИХ РАДИКАЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Подобно тому, как экономический рост Запада стимулировал эмиграцию в XIX в., экономическое развитие не западных обществ стимулировало массовую эмиграцию в страны Европы в конце XIX – начале XX вв.

Как отмечает исследователь А.В. Малашенко, в Европе мусульманское присутствие стало вечным фактором. «Экспансия» мусульман на старый континент напоминает «великое переселение народов». «Такие движения можно уподобить океаническим приливам и отливам. Сейчас мы наблюдаем «мусульманский прилив». Констатируем обязательные, возникающие вследствие миграции проблемы: рост безработицы, преступности, обострение межэтнических, межконфессиональных противоречий и т.д. Все это составляет ландшафт, на котором среди мусульманской иммиграции действуют исламисты»[1].

Хорошо известно, что когда первые иммигранты приезжают в инородную среду, они первоначально стремятся усвоить местные обычаи и ассимилироваться, но когда их численность достигает критической отметки (будь то в отдельных кварталах или районах), иммигранты приобретают новое качество: отныне они хотят сохранить свою идентичность, свою культуру, язык и религию. И тогда начинают возрастать барьеры между коренным и пришлым населением.

Естественно, что первые притязания мусульманских переселенцев были чрезвычайно скромны: «можно ли построить мечеть, чтобы отправлять традиционные обряды?», «Можно ли открыть школу и преподавать на родном языке,

[1] *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006. С. 91.

чтобы не порвать связь детей с родиной?», «Позволительно ли создать общину земляков?». На все эти вопросы западноевропейские правительства, руководствуясь демократическими конституциями и просьбами стран-поставщиков рабочей силы, отвечали утвердительно[1].

В деятельности различных исламских организаций следует обратить внимание на следующие два направления. Во-первых, стремление выделиться в альтернативные Западу объединения создать «исламский общий рынок», «единую исламскую денежную единицу». Удавалось, естественно, далеко не всё, но влияние и распространение ислама систематически возрастали. Во-вторых, весьма рельефно обозначилась исламская солидарность во всех международных организациях. Организация исламская конференция (ОИК), например, через ООН содействовала расколу Югославии и провозглашению там исламского государства. Она выражала свою обеспокоенность положением мусульман в России, а некоторые её участники заявляли, что события в Чечне не являются внутренним делом РФ. Одним словом, ислам вышел далеко за пределы мусульманского ареала и приобрёл наступательный характер[2].

Ислам в Западной Европе находится в состоянии быстрого перехода от импортированного ислама к европейскому или «универсальному» исламу. Под «импортированным» исламом подразумеваются этнические марокканские, алжирские, иранские и прочие общины, каждая из которых, соблюдая коренную религиозную традицию, опирается на этническую сплоченность. Этот этнический ислам поддерживается мусульманскими организациями стран, откуда мусульмане прибывают в Европу, «импортированный» ислам обращен внутрь, он вовлечен в будничные дела, а не в политические игры, которые остались за кормой корабля, доставившего мусульман на их новую родину. Поддерживаемая в рамках такого ислама традиция инертна, ориентирована на сохранение самодостаточной «материнской» среды. Вновь прибывший мусульманин первое время, оставаясь в рамках своей общины, помогающей ему самоопределиться на новом месте, исповедует именно этот бытовой «пассивный» ислам.

«Пассивный» ислам не несет угрозы внутренней стабильности в Европе. Он не в состоянии консолидировать европейских мусульман на религиозной основе, не способен генерировать радикальные настроения. Практика показывает, что за редкими исключениями этнические исламские организации лояльны к местной власти и не спешат инкорпорироваться в международные религиозные структуры.

Такой ислам, с одной стороны, постоянно подпитывается вновь прибывающими носителями соответствующей этноконфессиональной традиции. Зато, с другой, он неизбежно размывается под влиянием европейской культуры, а также крепнущих на старом континенте исламо-универсалистских настроений.

---

[1] *Малашенко А.В.* Указ. соч. С. 88.

[2] *Старченков Г.И.* Трудовые миграции между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия. М.: ИВ РАН, 1997. С. 265–267.

Однако этническому исламу оппонирует транснациональный ислам, который в свою очередь подразделяется на две ветви – европейский и «мировой», или универсалистский.

На радикализацию ислама в Европе повлияло несколько факторов. Во-первых, интеграция в Европе выходцев из исламских стран оказалась довольно сложным процессом. Мусульмане не всегда разделяют те ценности, которые доминируют на Западе. Кроме того, мусульмане в Европе встречаются с социально-экономическими проблемами, среди которых центральное место занимает безработица. Также можно выделить непонимание многими мусульманами необходимости развития исламских правовых институтов, способных дать исчерпывающие ответы на все поставленные жизнью вопросы.

Иммигранты-мусульмане возглавляют все списки проблемных граждан: в этой социальной группе выше всего процент безработных, инвалидов, преступников, лиц, совершающих акты насилия в семье, и школьников, уклоняющихся от посещения учебных заведений. 65% мусульман Великобритании считают, что у правительства страны отсутствует программа интеграции последователей мусульманской религии в британское общество. Проблема отчуждения, по мнению социологов, является важным фактором, служащим мотивацией того, что мусульманская молодежь пополняет ряды экстремистских группировок[1].

Феномен ислама становится причиной серьезных дебатов о месте религии в жизни человека. Иммигранты-мусульмане обращаются к вопросу о взаимоотношениях ислама и современности. В европейских странах мусульманская молодежь, потерявшая связь с исторической родиной и не получившая признания, не удовлетворенная тем положением, которое отводится ей обществом, уходит в экстремистские группировки.

Известный исламовед Б. Тиби настаивает, что интеграция европейских мусульман зависит от избрания той формы ислама, которая примет западную систему ценностей: плюрализм, толерантность, принцип разделения церкви и государства, демократическое гражданское общество. Он пишет, что не существует некоего третьего пути между евроисламом и геттоизацией мусульманского меньшинства[2].

Несмотря на все сложности взаимоотношений ислама и европейских ценностей Востока и Запада, трудно не согласиться с Умберто Эко, который отмечал: «Третий мир стучится в двери Европы и входит в них даже тогда, когда Европа не согласна пускать. В следующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый или, если предпочитаете, в многоцветный континент»[3].

---

[1] *Четверикова О.* Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1. С. 58.

[2] *Тиби Б.* Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. С. 44.

[3] *Эко У.* Пять эссе на тему этики / Пер. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 137–138.

По мнению Фрэнсиса Фукуямы, профессора университета Джона Хопкинса, будущее западной цивилизации зависит от того, насколько Великобритания, Франция и Германия сумеют приручить и ассимилировать своих мусульман: «Пожалуй, интеграция мусульман в общество в целом является одной из главных задач, которая стоит перед этими странами. От того, как они с ней справятся, зависит будущее демократии и западного мира. Речь идет о неудачной ассимиляции. Мы имеем дело не с иностранцами, не с пришельцами. Английские террористы были британскими гражданами во втором и третьем поколении. Они выросли в британском обществе, обществе абсолютно открытом и демократичном. Тем не менее, они чувствовали себя в этом обществе чужими»[1].

Во-вторых, важным фактором радикализации ислама является кризис идентичности. Специалисты предупреждают, что рост численности мусульманского населения происходит на фоне отсутствия европейской идентичности как таковой. В результате молодой мусульманин из Роттердама идеологически намного ближе к своему сверстнику, проживающему на Ближнем Востоке, в Северной Африке или Юго-Восточной Азии, чем к соседу-немусульманину европейцу.

Сверстники-мусульмане солидарны в своем отношении к событиям, происходящим в мире. Во многом это формируется за счет доступа ко Всемирной сети (Интернету) и спутниковым телевизионным каналам. Мухаммад аль-Газали, известный исламский мыслитель современности, говорит, что бывшие колонизаторы превращают мусульман в общество потребителей: «Они словно в вагоне, прицепленном к западному локомотиву, который везет их куда хочет. Культурная экспансия более тяжкая, нежели военная. Она привела к эрозии идентичности, деформации национальных черт характера, в особенности языка и религии»[2].

Радикализация мусульман не только религиозный процесс, но и социальный. Родившиеся в Европе, получившие гражданство, мусульмане осознают, что общество не принимает их как равных. Однако в то же самое время они понимают, что не могут соотносить себя с той далекой родиной, откуда приехали их родители. Они «ни Восток и ни Запад». Они испытывают настоящий кризис идентичности, альтернативой чему для многих становится принадлежность к «наднациональной исламской умме», которая усиливается за счет средств массовой информации. Не случайно наиболее радикально настроенные молодые люди из мусульманской среды имеют хорошее западное образование, часто технической направленности[3].

[1] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ, 2004.

[2] *Сапего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 54.

[3] *Соболев В.Г.* Мусульманские общины в государствах ЕС. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2003. С. 95.

Не удивительно, что за последние несколько лет абсолютное большинство участников терактов в Европе имеют образование и считаются интегрированными в западное общество. Например, радикальная партия «Хизб ут-Тахрир» до недавнего времени контролировала около 55 студенческих исламских обществ колледжей и университетов Великобритании. Организация еврейских студентов устроила кампанию протеста против антисемитских лозунгов этой исламистской группировки. В результате деятельность «Хизб ут-Тахрир» была запрещена в большинстве учебных заведений страны[1].

В третьих, существенное влияние на радикализацию европейского ислама оказывают радикальные имамы, ветераны «горячих точек». Продолжается миграция представителей экстремистских исламистских групп Северной Африки, Ближнего Востока, муджахедов-ветеранов, прошедших Афганистан, Чечню, Боснию, Ирак и прибывающих в страны Западной Европы под видом беженцев. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. эти радикальные исламистские идеологи, ветераны «горячих точек» стали создавать свои организации, активно вовлекая в них «второе» и «третье» поколения мигрантов-мусульман, выросших в Европе. На этом этапе радикалы от ислама в основном сосредоточили свою работу на базе так называемых салафитских мечетей (в Финсбери-парке в Великобритании, «Аль-Кудс» в Германии и т.д.). Однако затем в целях конспирации они переместились на частные квартиры.

Молодые люди, родившиеся и выросшие в потребительском европейском обществе, легко попадают под влияние радикальных исламистских имамов, своих экстремистски настроенных друзей. У «второго» и «третьего» поколений мусульман практически отсутствуют барьеры перед восприятием салафитской версии ислама. У них происходит процесс «перерождения». Как правило, знания об исламской религии у них поверхностные и им легко внушить, что такое «настоящий ислам». Этим и пользуются лидеры радикальных группировок, которые, критикуя политику США и европейских государств, усиливают их негативное отношение к тому обществу, в котором они выросли[2].

Таким образом, полноценному межкультурному диалогу с мусульманскими общинами в Европе в изучаемый период препятствуют:

1) позиция ислама со своим собственным видением геополитики и пониманием гражданского права, приравнивающегося к религиозному праву и собственные «ожидания» от принимающего общества;

2) светскость европейских обществ, провозглашающих свободу, плюрализм и толерантность в качестве главных демократических ценностей.

---

[1] *Нечитайло Д.А.* Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс], URL: http//www.iimes.ru. (дата обращения: 10.03.2016).

[2] *Нечитайло Д.А.* Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс], URL: http://www/iimes.ru. (дата обращения: 10.02.2016).

БИКМЕТОВ Е.Ю.
(Россия, г. Уфа)

ДУХОВНЫЙ КОНТЕКСТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Проблема исследования социокультурного, духовного контекста функционирования знания заслуживает пристального внимания, поскольку научное знание, обращенное к основаниям культуры, как духовная целостность, может стать той силой, которая постепенно сделает «подъем ко всеобщему» (Г. Гегель) реальным и способна гармонизировать общественные отношения. Знание как духовная целостность способно к самоорганизации, что открывает реальные перспективы для исследования знания как «бытия свободы», включающего в себя весь социокультурный и духовный контекст ее возникновения, становления и трансформации в современном обществе[1].

Следует иметь в виду, что мышление есть вид деятельности людей. Представляет познавательный интерес анализ общих предпосылок мышления, на которые указывает в своих работах Э. Дюркгейм[2]. Речь идет об основополагающих категориях и системах их классификации в соотношении с формами социальной жизни и мышлением как не только духовным, но и социальным процессом. Согласно Дюркгейму, религия – самая исконная и основополагающая система классификации, организующая мир. Власть общества символизируется в ритуалах и тотемах, выражающих те знания об устройстве мира, которые имеются в данном обществе. Существует преемственность между первыми религиозными формулировками абстрактного мышления и тем очень сложным абстрактным мышлением, которое представляют знания более позднего времени в форме различных классификационных систем, мыслительных структур, метафорических размышлений и даже науки. Дюркгейм считал, что религия занимается переводом идей человека, природы и общества на понятный язык, который по своей природе не отличается от того, который принят в науке. Оба языка пытаются связать вещи друг с другом, классифицировать и систематизировать их. Фундаментальные идеи, научная логика имеют религиозное происхождение. Наука развивает их, чтобы самой ими пользоваться. Она очищает их от случайных элементов и во всей своей деятельности сохраняет критический дух, чего не делает религия. Она окружает себя мерами предосторожности, чтобы избежать поспешных выводов и предубеждений, и чтобы отмести в сторону страсти, предрассудки и все субъективные влияния. Но этих методологических

[1] *Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В.* Духовная культура личности, общности, социальной организации. Уфа, 2014.

[2] *Дюркгейм Э.* Социология религии и теория познания / Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Сост.: В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996; Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения / Социол. исслед. 1991. № 2. С. 106–114.

улучшений недостаточно, чтобы отделить ее от религии. С этой точки зрения обе добиваются одной цели. Научное мышление – всего лишь более совершенная форма религиозного мышления. Поэтому вполне естественно, что второе постепенно отступает, причем в той мере, в какой первое все лучше подходит для этого занятия.

Объяснение – главная задача любого знания, стремящегося к высокой степени доказательности. На наш взгляд, в теорию познания следует ввести вопрос об отношении особого типа бытия – познающего разума – к иным видам бытия: правового, нравственного, религиозного, общественного. Сегодня аристотелевский образ науки о практическом знании и его тесной связи с нравственностью представляет собой «единственный образец теории науки, согласно которому герменевтический опыт осмысления – осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности, – может быть понят как первооснова всей философской мысли»[1]. Общество в настоящее время необходимо осмысливать иначе, а именно с позиций «знающего знания», учитывающих не только объект познания, но и представление о самом способе конструирования объекта, т. е. сам факт мышления. Ученому необходима в данном отношении прежде всего духовная свобода. Интеллектуальная независимость для исследователя выступает актуальной необходимостью. Однако для его деятельности также важна экономическая, политическая свобода. Ясно, что абсолютная свобода есть идеал, который невозможно реализовать в нашей общественной и политической жизни. Но к нему следует стремиться в познавательной деятельности. Укажем в этом контексте две цели.

1. Блага, выступающие в целях поддержания жизни и здоровья граждан, должны производиться с наименьшей затратой трудовых усилий. В противном случае в обществе будет возникать опасное напряжение, снижающее социальный иммунитет. Социальное знание, о котором писал К. Мангейм[2], призвано работать в указанном направлении.

2. Удовлетворение витальных потребностей, хотя и выступает необходимой предпосылкой удовлетворительного существования, но само по себе оно недостаточно. Поэтому человеку необходимо иметь возможность развивать интеллектуальные потенции в соответствии со своими способностями. Первая из указанных целей диктует необходимость дальнейшего развития знаний о законах природы и общественных процессов, а научное знание есть естественное целое, части которого взаимно поддерживают друг друга, причем таким образом, что в этом целом всегда найдется место не только для «слабых», еще недостаточно обоснованных гипотез, но и лиц, научных сообществ, заинтересованных в развитии науки, но не обладающих достаточными материальными ресурсами.

---

[1] *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 15.

[2] *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

Развивая знание о мире и человеке, исследователям необходимо учитывать, что личность осуществляет свою жизнедеятельность в пространстве нравственных представлений, религиозных переживаний, правовых норм и построений, политических идей. Этот тезис имеет практическое значение, так как он предполагает не только идею соорганизации различных научных и социальных сообществ, но и глубоко гуманный дух в условиях, когда человеческие способности все больше оказываются лишь утилитарно ориентированными. Государству, общественным структурам необходимо создавать условия, возможности для интеллектуального развития. Для этого нужна внешняя свобода другого плана. «Человек не должен столько работать для удовлетворения своих жизненных потребностей, чтобы у него не оставалось ни времени, ни сил для интересующей его деятельности»[1]. Без такой внешней свободы свобода «высказываний» будет только декларируемой. Развитие научного познания требует еще одной разновидности свободы, которую можно охарактеризовать как внутреннюю, духовную свободу. Речь идет о свободе, заключающейся в независимости мышления от ограничений, налагаемых социальными стереотипами, авторитетами и предрассудками. Поэтому обучение, воспитание, научно-исследовательскую деятельность в образовательных учреждениях необходимо ориентировать на развитие внутренней свободы личности. Образовательные, научные институты под влиянием властных структур хотя и могут в определенной мере вмешиваться в развитие духовной свободы, но точно также они в состоянии способствовать развитию внутренней свободы, поощрять независимость и объективность мышления.

Итак, возможность развития знания, а значит и возможность улучшения внешней и совершенствования внутренней жизни личности возникает только при условии, если внешняя и внутренняя свобода не упускается из виду. Знание, генерируя теоретическое ядро мировоззрения, вводит тем самым новые представления о смысле, образе жизни. Знание как личностная экзистенция человека направлено на выработку новых категориальных смыслов, постановку и разрешение проблем, многие из которых на том или ином этапе социального развития оказываются имманентными теоретической стадии духовного обновления общества, тем самым сближают общество со способами научного мышления[2]. Учет указанных выше факторов способствует превращению знания в средство гармонизации общественных отношений, совместного научного и творческого поиска заинтересованными сторонами решения общих духовных и иных проблем. Объективное социологическое знание формируется при условии реализации системы духовных процедур научного познания. В современной России, к сожалению, используются далеко не все возможности социологического зна-

[1] *Эйнштейн А.* Собр. науч. трудов в 4-х т. Т. IV. М.: Наука, 1967. С. 240.

[2] *Бикметов Е.Ю., Голиков В.Д., Лукьянов А.В.* Введение в социологию научного знания. Уфа: УГАТУ, БашГУ, 2010. С. 237.

ния. Его применение часто ограничено прикладными политическими, маркетинговыми исследованиями в целях манипулирования общественным мнением, стремлением закрепить статусные позиции определенного круга лиц. Сегодня социологическое знание выполняет в обществе в лучшем случае лишь теоретическую, описательную, информационную и, в какой-то мере, объяснительную функцию. И оно не готово к тому, чтобы в полной мере реализовать выявленные в процессе исследований тенденции и закономерности изменения социальных процессов и явлений, являющихся в конечном итоге основаниями для выработки объективных управленческих решений, оптимального социального планирования, проектирования, прогнозирования функционирования социальных процессов и явлений. Общество не готово реализовать и идеологическую функцию социологического знания, выражающего экономические, политические, этнические и др. интересы социальных субъектов, без которых не осуществляются в обществе никакие действия и культурно-духовная деятельность. Идеологическая функция не противостоит научному знанию, а напротив, дополняет его и обогащает. Вероятнее всего, с этим связаны сегодня в российском обществе многие социальные девиации, зависящие от того, что игнорируются интересы социальных и демографических групп; усиливается правовой нигилизм; происходит разрушение национального менталитета. В частности, социальные девиации в виде религиозного радикализма и экстремизма возникают и развиваются вне зависимости от степени религиозности в тех семьях, где отсутствуют материальные и интеллектуальные ресурсы для формирования социокультурных практик и культуры обучения, отношения к образованию как средству для интеллектуального развития – инкультурации[1].

Экономические и социальные девиации, крайний индивидуализм и узкий прагматизм, нарастание безнравственности во всех сферах жизни общества, превращают саму жизнь в торговлю человеческими сущностными силами, что неизбежно сопровождается примитивизацией жизненных, социальных установок человека и общества.

Литература

1. *Бикметов Е.Ю., Голиков В.Д., Лукьянов А.В.* Введение в социологию научного знания. Уфа: УГАТУ, БашГУ, 2010. 239 с.

2. *Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В.* Духовная культура личности, общности, социальной организации. Уфа: УГАТУ, 2014. 149 с.

3. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.

4. *Дюркгейм Э.* Социология религии и теория познания / Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Сост.: В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. 775 с.

[1] *Сизоненко З.Л.* К вопросу о социальных практиках религиозности в семье / В сборнике: Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия». Уфа: Мир печати, 2016. – С. 239.

5. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения / Социол. исслед. 1991. № 2. С. 106–114.

6. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.

7. *Сизоненко З.Л.* К вопросу о социальных практиках религиозности в семье / В сборнике: Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия». Уфа: Мир печати, 2016. С. 239–245.

8. *Эйнштейн А.* Собр. науч. трудов в 4-х т. Т. IV. М.: Наука, 1967. 600 с.

БЛЕЙХ Н.О.
(Россия, г. Владикавказ)

НАСЛЕДИЕ ИСЛАМА В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Введение. Апелляция к педагогическому потенциалу мусульманской религии и исламскому наследию в нынешнее время определяется усилением этнического идентитета северокавказских народов, стремлением к обретению ими национально-культурной ментальности, построенной на религиозных догматах. Современные реалии не могли не затронуть традиционную культуру горцев-мусульман и внести в нее свои коррективы. Вместе с проводимой модернизацией всей воспитательно-образовательной системы назрела необходимость создания новых педагогических технологий, направленных на реконструкцию духовно-конфессиональных традиций северокавказских народов. Благодаря чему появится возможность духовного оздоровления социума, более эффективного функционирования традиционной этнокультуры, являющейся важнейшим условием сохранения нации.

Воздействие ценностных установок ислама в народной педагогике особенно ярко проявляется в традициях, нравственно-этическом поведении горцев. Однако некая несогласованность действий ныне существующих духовно-культурных и воспитательно-образовательных институтов создаёт серьезные трудности в формировании у молодежи национальной идентификации, реконструкции традиционной культуры и этнопедагогики. В этих условиях главную роль должны сыграть различные исламские организации – мечети, образовательные учреждения и т.д. Им принадлежит пальма первенства в ренессансе духовной культуры, определяющей во многом и успех народной педагогики, являющейся одним из путей исламизации народов края. Между тем события свидетельствуют о недостаточности применения в воспитательной практике догматов веры.

К тому же анализ современной научной литературы свидетельствует, что большинство ученых в своих работах не касаются исламского фактора, имеющего место быть в педагогике мусульманских народов Северного Кавказа. К тому же изучение культурного наследия до сих пор сводится к рассмотрению единичных компонентов этнопедагогики, не затрагивающих комплексного исследования религиозного мировоззрения горцев, которое, как известно, формирует духовный облик народов и их ментальность, что свидетельствует о недостаточном изучении проблемы.

Все вышеизложенное свидетельствует о теоретической и практической важности выбранной темы и демонстрирует пробелы, которые мы частично попытаемся восполнить данной статьей.

Обсуждение. Анализ этнопедагогического наследия мусульманских народов Северного Кавказа невозможен без исследования структуры и специфики самого воспитания, главной составляющей которого является религия, которая обеспечивает формирование и последующее развитие главных компонентов здоровья ребенка – духовного и физического в их единстве. Рассматривая исламскую духовность, можно сказать, что она направлена на систему ведения здорового образа жизни и включает в себя питание, гигиену, обязательное совершение намаза (пятикратной молитвы), поста, запрета на употребление алкоголя и табакокурения.

Согласно исламским догмам, составляющим основу этнопедагогики, при воспитании детей необходимо придерживаться следующих аспектов:

– религиозного, заключающегося в приобщении к вере (иману) с самого рождения, обучению основам мусульманства и шариата;

– нравственного, подразумевающего привитие ребенку системы морально-этических принципов, которые должны стать стержнем в его жизни;

– физического, ставящего своей целью развитие крепкого, здорового, сильного человека, способного эффективно трудиться на благо семьи и общества;

– интеллектуального, выраженного в стремлении к постижению наук и познанию религии, способствующего достижений уверенности в себе, душевного спокойствия и гармонии;

– психологического, заключающегося в воспитании устойчивой психики, представленной смелостью, самостоятельностью, стремлением к совершенству, добру, любви;

– экологического, основанного на восприятии поддержания в окружающей среде единого порядка, установленного Всевышним[1].

Для воспитания такого гармонически развитого человека, мусульманские педагоги использовали следующую методику:

[1] *Блейх Н.О.* Технологии применения идей этнопедагогики в работе современной национальной школы / В сборнике: Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Волгоград. 2016. С. 625.

– погружение детей в многомерную природу мусульманской культуры;

– устное внушение детям с раннего возраста смысла Корана и других священных книг;

– пример родителей, родственников, всего социума;

– частые упражнения детей в совершении богоугодных деяний.

Эти технологии были эффективны всегда. Действительно, если с самого раннего детства ребенок, считающийся даром Аллаха, слышит коранические правила и мудрые изречения из Священной книги, он в дальнейшей жизни будет следовать им. Ибо всякое дело правоверного начинается словами: «Во имя Бога милостивого, милосердного».

Ислам призывает верующих воспитывать своих детей правильно, в соответствии с нормами ислама и тем самым уберечь их «от огня Ада»[1]. Мусульманин отвечает не только за себя, но и за свою семью. Как известно, пророк Мухаммад очень любил детей и открыто выражал к ним свою любовь. Он неоднократно подчеркивал, что нужно любить одинаково всех своих детей независимо от пола и возраста, дарить им одинаковые подарки. Жена пророка Аиша, приводила такой пример: «Когда бедуин рассказал, что у них не принято целовать сыновей, Мухаммад ответил, что ничем не может помочь, если в них нет милосердия»[2].

Согласно исламу, родители обязаны обучить своих детей Корану и хадисам. Воспитывая ребенка в духе мусульманства, необходимо давать ему советы, подтверждая их правильность выдержками из Корана или хадисами, переданными от пророка. В ребенке нужно воспитывать благородные черты характера. При этом если родитель сам не будет достойным примером для подражания, воспитание не принесет должного результата.

Мусульмане считают, что ребенок рождается чистым, свободным от грехов, и в дальнейшем от родителей будет зависеть его вера и набожность. Даже если родителями новорожденного являются атеисты, он будет чище самого набожного мусульманина. Дети доверены человеку Аллахом, и он спросит с него, как он его воспитал и чему обучил[3].

При правильно организованном процессе воспитания ребенок сам будет получать удовольствие от просвещения и познания. Знание для мусульманина настолько ценно, что стоит выше действий. Например, обращаясь к своим сыновьям, известный халиф Абдул-Малик говорил: «Приобретайте знание потому что, если вы господа, оно увеличит вашу власть и возвысит вас. Если вы принадлежите к среднему слою, вы станете господами. А если вы люди простые, оно поможет вам заработать на жизнь»[4]. Здесь знание воспринималось как необходимый ресурс веры. Поэтому весьма закономерно, что в Коране концепты «верить» (амана) и «знать» (‘алама) синонимичны. В нем имеются такие

[1] Коран. СПб., 2003. 6 с.

[2] *Роузентал Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М.: Наука, 1978. 12 с.

[3] Там же. 112 с.

[4] Там же. 317 с.

слова: «Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание, на разные степени»[1]. По определению известного теолога аль-Газали, «…стремление к знанию должно было носить для каждого верующего обязательный характер. Под знанием объявленным долгом каждого верующего, подразумевается исключительно знание, ведущее к познанию Всевышнего. То есть знание о Боге, которое есть Наука о [Его] единстве (ат-таухид), есть «необходимое знание, для каждого сознательного человека (ʿакил)»[2].

От детей Коран требовал глубочайшего почитания родителей. Запрещалось им грубить, повышать на них голос. Они обязаны были материально обеспечить родителей в старости. Особенно почитать следовало матерей. Женщина несла ответственность перед Аллахом за воспитание ребенка. Пророк отмечал, что «рай находится под ногами матерей»[3].

«Этнопедагогика мусульман к важным воспитательным средствам относила обычаи и обряды, соблюдающиеся в семье и обществе. Например, воздержание во время поста не только от еды и питья, но также от дурных дел, поступков, вражды, учит мусульманина управлять своими желаниями, потребностями, порывами», – считает Д. Джалилова[4]. В вечернее время и после окончания поста атрибутом мусульманской жизни становятся гостевания, на которых присутствуют не только родственники, но и соседи. Во время этих встреч дети слушают чтение Корана, учатся застольному этикету и традициям гостеприимства. Такие встречи помогают детям усваивать вместе с церемониалом пример общения и морально-этического поведения взрослых.

Вообще гостеприимство является сакральной традицией, пронесенной сквозь века, и не потерявшей актуальности и до сей поры. Поэтому скажем несколько слов о нем. «Гостеприимство – это радушие к гостям», – кратко характеризует терминологию этого слова С.И. Ожегов[5]. В поэме «Измаил-Бей» М.Ю. Лермонтов так определяет сущность гостеприимства: «Гордились дружбою взаимной; там каждый путник находил ночлег и пир гостеприимный; черкес счастлив и волен был»[6].

На строгие обязанности приема гостя у мусульман Северного Кавказа обратил внимание в своих заметках о путешествиях в конце XIX века академик Петр Симон Паллас: «Два противоположных закона – гостеприимство и кровная месть свято соблюдаются как черкесской знатью, так и большинством других народностей Кавказа»[7].

---

[1] Коран. СПб., 2003. 11 с.

[2] *Аль-Газали.* Семейные ценности мусульманских народов // Научное обозрение. 2014. № 8. С. 45.

[3] Коран. СПб., 2003. 72 с.

[4] *Джалилова Д.К.* Этнопедагогические основы социокультурной традиции ислама. Дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2006. 45 с.

[5] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. 122 с.

[6] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т.1. М., 1988. 352 с.

[7] *Паллас П.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 годах. М., 1967. 221 с.

У визитера не должно было узнавать о его происхождении и цели приезда. Эту особенность горского этикета точно подметил в своё время М.Ю. Лермонтов. В своей знаменитой поэме «Измаил-Бей» он описывает, как возвратясь на Родину, главный герой подходил к дому, в котором:

«Одно лишь светится окно!...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет великий Магомет,
К нам гостя, верно, посылает.
«Кто здесь?» – «Я странник!» – был ответ
И больше спрашивать не хочет,
Обычай предков сохраняя,
Хозяин скромный…»[1].

После того как путник переступал порог кунацкой и становился гостем, он был оберегаем хозяином, даже если он был кровником.

Как видим, кавказское гостеприимство было не только социальным институтом, но прежде всего составной частью духовной культуры горских этносов. Оно являлось не только показателем уровня социальной жизни народа, но и преимущественно, его морально-нравственным императивом[2].

Также важным воспитательным моментом является благотворительность. После окончания поста мусульмане приносят пожертвования – либо конкретным лицам, которые нуждаются (необязательно родственникам), либо в мечеть. Вообще благотворительность у мусульман – это сложный социально-педагогический феномен, представленный четырьмя направлениями: добровольной помощью при отправлении раздачи милостыни, помощи выплаты долговых обязательств всем нуждающимся, оплата закята и вакф, называемый «вечным меценатством» и считающийся самым лучшим вектором благотворения. Исламская педагогика также считала благотворительность одним из главных компонентов в воспитании личности и полагалась в этом вопросе на Коран, который трактует благотворительность как возврат Аллаху частично полученные от него блага в знак благодарности и призывает делиться излишками богатства с ближними своими. Постоянный упор на меценатскую деятельность, предписанный в Коране, заставляет верующим воспринимать нужды окружающих, как свои собственные. Отсюда следует, что благотворительность и щедрость занимают краеугольную позицию в магометанской системе нравственных установлений. Но меценатство в исламской религии носит характер гораздо большего, чем простая помощь страждущим, скорее оно подразумевает все действия, которые идут на благо всем людям[3].

[1] *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т.1. М., 1988. 354 с.

[2] *Блейх Н.О.* Институт гостеприимства – важнейший этикетный императив северокавказских народов / Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 51–58.

[3] *Блейх Н.О.* Проблемы развития благотворительности в России / Вестник гуманитарного научного образования. 2015. № 2(47). С. 3–5.

В этнопедагогике содержится понятие такого исламского института, как джихад, эксплуатируемый сегодня экстремистами всех мастей и национальностей. Слово «Джихад» нынче стало символом террора. Однако джихад в классическом его понимании – это искоренение своих слабостей и пороков. Он ставит своей целью не войну с «неверными», а обуздание страстей, искоренение пороков, уничтожение слабостей. Мусульмане считают, что только человек, сильный духом и мужественный, вооруженный крепкой верой (иман), и есть настоящий воин, не превратившийся ни при каких обстоятельствах в насильника и убийцу. Имам Тахави, один из известнейших авторитетов Исламского мира по хадисам и фикху, в своей акеде (символ веры, разъяснение вероучения) говорил: «И мы любим людей справедливости и аманата, честности и верности и ненавидим людей несправедливых и вероломных»[1]. В Священной книге говорится, что Всевышний, обращаясь к исламской умме, ведущей борьбу, так наставлял: «Верующие! Когда выступите в путь Божий, то будьте разборчивы: тому, кто, встречаясь с вами, скажет вам «мир», не говорите: «Ты неверующий»»[2].

Как видим, даже краткий анализ мусульманских догм, запечатленных в северокавказской этнопедагогике, показывает, что педагогический потенциал мусульманской религии занимает в ней важное место. Эта религия за долгие века своего существования смогла накопить опыт в сфере воспитания детей в семье и обществе. Однако исламские воспитательные ценности сегодня зачастую подвергаются нивелированию и становятся объектом политических дискурсов, в результате чего молодежь лишается возможности изучать их.

Между тем исламская этнопедагогика, располагая большим миротворческим ресурсом по устранению религиозного экстремизма, должна служить воспитанию культуры толерантности и налаживанию межнациональной коммуникации. И здесь пальму первенства следует отдать религиозному просвещению, «нацеленному на верное преподнесение мусульманских ценностей, воспитание человеколюбия на основе коранической концепции, формирование правильного представления о других конфессиях, привлечение верующих в различные области общественной жизни и т.д. В этом плане уточним, что концепция религиозного просвещения должна быть в достаточной степени многофункциональной и эффективной для того, чтобы в полном объеме удовлетворить интерес людей к религиозной информации[3].

[1] *Роузентал Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М.: Наука, 1978. 65 с.

[2] Коран. СПб., 2003. 456 с.

[3] *Блейх Н.О.* Технологии применения идей этнопедагогики в работе современной национальной школы / В сборнике: Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Волгоград. 2016. С. 629.

Заключение. Как видим, веками ислам и этнопедагогика на Северном Кавказе формировали мировоззренческие, нравственные, эстетические представления своих адептов, определяли их вкусы и пристрастия, регламентировали поведение в различных ситуациях. Со временем все это вошло в менталитет и образ мыслей горских народов и закрепилось в воспитании лучших нравственно-этических качеств, представленных гибкостью в преодолении проблем; собранностью, организованностью (чему, в частности, способствует пятикратный намаз); реализацией себя в активной деятельности; умением сопереживать заниматься меценатством; миролюбием, стремлением жить в мире, терпимостью к иным убеждениям; чистотой внутренней и внешней; уважении старших; доброжелательстве; культе здорового образа жизни.

При воспитании мусульманские педагоги применяли такие методы воздействия, как погружение детей в многомерную природу мусульманской культуры; устное внушение детям с раннего возраста смысла Корана и других священных книг; пример родителей, родственников, всего социума; частые упражнения детей в совершении богоугодных деяний.

Специфика мусульманского воспитания состоит в тесном переплетении исламского учения и национальной культуры, благодаря чему оно осуществляется ежеминутно, повседневно. Вся мусульманская культура, сложившаяся под воздействием природно-исторических условий и установлениям Корана, оказывают на молодежь благодатное и комплексное воспитательное воздействие.

Благотворное влияние ислама на горцев Северного Кавказа сделало возможными такие жизненно необходимые им сплоченность и взаимопомощь. При помощи исламского верования, его догматики, запечатленным в педагогике, мусульмане Северного Кавказа, в прошлом погрязшие в кровной вражде и междоусобицах, во много раз стали толерантнее, нравственнее и мягче характером. В то же время мусульманство воодушевило и направило горские народы на прогресс всего российского общества. Таким образом, этнопедагогика Северного Кавказа посредством ислама сумела воспитать многие поколения патриотов, которые внесли и сейчас вносят значительную лепту в дело развития отечественной культуры, науки, образования. Их этноконфессиональное сознание никак не препятствует служению поликонфессиональному и многонациональному российскому обществу.

Анализ народной педагогической системы горцев-мусульман Северного Кавказа даёт полное право сказать, что ислам является её духовно-нравственным базисом. Однако современные педагоги не в полной мере используют этот педагогический потенциал в воспитании молодежи из-за того, что он до сих пор не является предметом научных изысканий.

Литература

1. *Аль-Газали.* Семейные ценности мусульманских народов / Научное обозрение. 2014. № 8. С. 45–48.

2. *Блейх Н.О.* Институт гостеприимства – важнейший этикетный императив северокавказских народов / Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 51–58.

3. *Блейх Н.О.* Проблемы развития благотворительности в России / Вестник гуманитарного научного образования. 2015. № 2(47). С. 3–5.

4. *Блейх Н.О.* Технологии применения идей этнопедагогики в работе современной национальной школы / В сборнике: Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Волгоград. 2016. С. 625–629.

5. *Джалилова Д.К.* Этнопедагогические основы социокультурной традиции ислама. Дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2006. 170 с.

6. Коран. СПб., 2003. 532 с.

7. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т.1. М., 1988. 673 с.

8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. 784 с.

9. *Паллас П.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 годах. М., 1967. 316 с.

10. *Роузентал Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М.: Наука, 1978. 432 с.

БУЛЕКБАЕВ С.Б.
(г. Алматы, Казахстан)

НАШЕМУ ОБЩЕСТВУ НУЖНА ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сегодня, многие люди, анализирующие сложную религиозную ситуацию в Казахстане, приходят к общему выводу, суть которого состоит в том, что в нашей стране уже назрела настоятельная необходимость создания масштабной долгосрочной государственной программы по религиозному воспитанию, которая бы основывалась на духовных основаниях, культуре, психологии и особенностях наших этносов. Программе, которая даст возможность объективно и непредвзято посмотреть на великие религии, в частности ислам, понять основы его вероучения, менталитет и культуру мусульман. Сегодня очень важно понимание властью того, что проблема ислама и взаимоотношения цивилизаций и культур являются главными инструментами обеспечения стабильности и безопасности

не только во всем мире, но и в нашей республике. Поэтому бережное и внятное изложение опыта и содержания исламской духовной истории и их вписывание в контекст культурной жизни нашего общества не только полезны, но и, несомненно, будут востребованы политическими и общественными силами нашего общества, которые хотели бы не только выздоровления нашего общества, но и политического возрождения.

Другими словами, согласно известному российскому исламоведу, Ю.А. Михайлову, наши верующие, не на словах, а на деле должны ощутить живой интерес к ним со стороны государства, которому пора, наконец, уяснить, что в поле его конституционной ответственности, как государства светского, должны бы оказываться и дела религиозные, когда речь заходит о защите духовного здоровья граждан от всякого рода бацилл в религиозной оболочке.

В данной статье мы позволим себе более подробно раскрыть его концепцию религиозного просвещения, которая, по нашему мнению, очень востребована в силу крайнего усложнения и обострения религиозной ситуации не только российским, но и казахстанским обществом.

Согласно ученому, власти давно пора позаботиться тем, чтобы у верующих был выработан стойкий иммунитет к агрессии на почве веры. Способ профилактики таких недугов известен – духовная вакцинация населения. Наиболее эффективное средство – просвещение. Очень важно сегодня через грамотное просвещение раскрыть мировоззренческие, духовно-нравственные, социальные и научные основания мировых религий. Этим самым будет сделан решительный шаг к искоренению самой возможности вызревания в отечественной молодежной среде экстремистов или террористов.

Общепризнано, что великие религии обладают не только духовно-этическим смыслом, но и огромным научным социальным и научным смыслом. Вызывает сожаление только то, что образовательный уровень нашего духовенства, особенно представителей ислама, недостаточно высокий. Очень часто уровень проповедей и богослужения наших мулл сводится к тому, чтобы либо прочитать Коран, либо провести «Жаназу». Настоящий смысл этой великой религии, полноту ее богатства, научное и социальное содержание, к сожалению, они не могут хорошо раскрыть. Этому есть свое объяснение, но от этого не легче.

В отличие от нашей страны, можно привести много примеров, когда многие ученые на Западе перешли в ислам, поскольку в этой религии они нашли ответы на многие научные вопросы. Чего стоит переход в ислам великого французского океанографа Жака Ива Кусто. По мнению этого ученого, лишь в Коране он нашел ответ на вопросы, которые долгие годы мучили его, то есть разгадку течения Гольфстрим в Атлантическом океане. Или, как пишет известная исследовательница ислама Валерия Порохова, на Западе несколько выдающихся ученых, некоторые из которых лауреаты Нобелевских премий в последние годы приняли ислам. Один из лауреатов, объясняя причину своего перехода в Ислам,

заявил следующее, что разгадку своей научной проблемы он нашел в священном Коране. Согласно его заявлению, если бы он знал Коран раньше, то он смог бы лет на 20 раньше сделать открытие, за которую он получил Нобелевскую премию.

Также очень важно, обстоятельно и аргументированно раскрывать для современной молодежи тезис о том, что великие религии как христианство и ислам являются главной духовной основой единства нашего общества. Отсюда, встречаемые иногда в печати нападки на эти религии следует рассматривать как прямую атаку на единство нашего народа и, соответственно, как угрозу единству нашего государства.

Поэтому, говорит Ю. А. Михайлов, когда мы слышим о недугах, которыми поражено сегодня наше общество, то обычно на ум приходят алкоголизм, наркомания, токсикомания, низкая рождаемость, высокая смертность, беспризорность, болезненное пристрастие к азартным играм, падение нравственности и правовой культуры, бездуховность, бродяжничество, эгоцентризм, деградация института семьи, казнокрадство, героизация и романтизация криминального мира, низкая предпринимательская активность населения, лицемерие политиков и т. д., и т. п.

Каждый, кто хоть краем уха слышал, к чему нетерпим, к примеру, ислам в социальной сфере, назовет весь или большую часть этого перечня. Когда же начинаешь разбираться, выясняется, что многие люди, особенно молодежь, как правило, плохо знакомы с религиозной системой социальных ценностей.

Сегодня обращение многих людей к религии в условиях мирового кризиса объясняется, видимо тем, что это единственный выход из системного кризиса, и многие видят его только через религию, то есть мир может спасти религия, а часто за этим видят ислам. Такой поворот к религии, по мнению Ю.А. Михайлова, обусловлен тем, что говорящие имеют в виду простую мысль: лишь ислам с его категорическим неприятием бесхозяйственности, мздоимства, казнокрадства, всякого рода паразитизма за счет других людей позволит навести в государстве порядок. Действительно, сегодня налицо обостряющееся желание жить в обществе социальной справедливости и отсутствие зачастую у людей видения других средств достижения этой цели, кроме как на основе принципов божественного права. То есть сегодня человечество для собственного выживания цивилизации в гораздо большей мере, нежели когда-либо раньше, нуждается в ориентирах, данных божественным установлением.

Нашему государству надо трезво оценить опасность сложившейся ситуации в нашем обществе, которая сложилась в результате его политики деидеологизации общества, когда под флагом демократии и свободы совести Казахстан заполонили всевозможные учения и нетрадиционные религиозные воззрения, которые щедро финансировались из-за рубежа различными фондами и НПО.

По мнению Михайлова Ю.А., в результате сложной религиозной ситуации в стране нынешней власти нужно на время забыть о своей иллюзорно-мишурной светскости и заняться координацией и финансированием религиозного просвещения своей уммы. То есть, нашему государству нужно решительно пересмотреть свое отношение к исламу. Ибо Исламский фактор с его мощным потенциалом его основополагающих человеческих ценностей вполне может стать одним из столпов стабильности в стране.

Другими словами, нашей власти нужно понять, что великие религии – это наш огромный духовный резерв, который нужно сознательно и планомерно задействовать на благо возрождения Казахстана. Для этого, прежде всего, нужно поставить надежный заслон планомерной дискредитации религии ислама, проводимого сегодня западными и отдельными российскими СМИ. В силу такой информационной пропаганды массовое представление об исламе сильнейшим образом искажено. Более того, восприятие Западом ислама как потенциальной угрозы будущему страны стало общим местом. Отсюда неизбежно, что непонимание мировоззренческих основ этой религии, ее социальной доктрины порождает у многих современных политиков и обывателей Запада животный страх. Отсюда некоторые интеллектуалы Запада начинают уже теоретически обосновывать «столкновение цивилизаций».

Отмечая данный факт, Президент РФ в одном из своих выступлений категорически заявил, что: «Миру фактически навязывается конфликт цивилизаций, и надо в полной мере отдавать себе отчет, к каким катастрофическим последствиям такая конфронтация могла бы привести». Президент РФ в данном случае абсолютно прав, поскольку кроме огромной опасности, которая несет такая политика, здесь народы сознательно вводятся в глубокое заблуждение, поскольку на деле все великие религии имеют одинаковые цели и задачи. Здесь имеется в виду, что Бог один, однако, его разные народы называют по-своему, и идут к нему разными путями. Часто это обстоятельство служит основой непонимания, причиной вражды и религиозных войн.

Поэтому крайне важным видится поощрение со стороны государственной власти религиозных образовательных программ, изучения людьми культурных основ и традиционного уклада жизни своего народа. Короче говоря, создание нашей властью системы грамотного религиозного просвещения. Для этого нашему государству совместно с представителями исламской интеллигенции, образованному духовенству, нужно продумать и создать условия, позволяющие, в частности, целенаправленно заполнить информационный вакуум, в котором по сию пору пребывает абсолютное большинство казахстанских последователей пророка Мухаммада.

В этом плане очень актуальна и своевременна инициатива Президента РК, высказанного на IV съезде религиозных деятелей в г. Астане, о необходимости создания специального интернет-ресурса для пропаганды толерантности и доверия. По его мнению, сегодня «Нарастает глобальный кризис морально-нравственных ценностей. Нельзя не видеть, как во многих обществах пропагандируются и насаждаются лжесвободы. Извращенные взгляды на природу человеческих взаимоотношений пытаются представить в качестве норм современного общества, мотивация к честному труду подменяется стремлением к быстрой наживе любыми способами. Такая антимораль нередко возводится в абсолют».

С подобной обеспокоенностью и болью было пронизано и выступление Патриарха Кирилла, заявившего: «Если индустрия прав человека будет лишена духовного и нравственного измерения, если она станет инструментом политической пропаганды и продвижения одних мировоззрений в ущерб другим, – ее плоды принесут человечеству много несправедливости, рабство порокам и грехам, чрезмерному потреблению, гордыне, которые могут обернуться и уже оборачиваются реальными страданиями людей». «История этого столетия показала, что удалить религию из общества – значит, удалить и мораль, и удалить сердце».

Здесь на наш взгляд, очень важно помнить, что привлекательность многих экстремистских учений для молодежи в том, что они в отличие от многих традиционных религий, ведут воинственную, агрессивную пропаганду. Они не говорят о необходимости терпения, согласия, доверия, они не призывают людей к любви и состраданию, они не призывают уповать на волю Бога, короче говоря, они не используют методы и формы работы, используемые великими религиями, а, напротив, призывают к таким решительным действиям, как, например, с силой и оружием запугать и изменить строй, добыть или забрать, что ему, по мнению его духовных наставников, причитается. Не ждать, а получить сразу. Также совершенно очевидно, что при вербовке в свои ряды и в процессе обучения своих последователей организаторы этих сект широко используют в своей работе не только традиционные, но и современные методы манипулирования сознанием. При разговоре и общении с представителями экстремистских течений можно ясно видеть, что на них не действуют доводы здравого смысла, рациональные и логические аргументы. Здесь совершенно очевидно, что при работе с ними широко использовались методы переформатирования сознания с использованием таких современных методов, как гипноз, нейролингвистическое программирование и т.п. Короче, использовали различные методы манипулирования и зомбирования людей.

Помимо таких современных методов обучения и воспитания у религиозных экстремистов можно также прослеживать некие параллели и с большевистскими методами работы с народными массами. Здесь имеются в виду такие большевистские лозунги типа «Если враг не подчиняется, то его уничтожают», «Не хочешь – заставим, не можешь – научим» и т. п.

Поэтому в работе с людьми, которые подпали под влияние различных экстремистских учений, вряд ли будут успешными те методы, которые сегодня использует власть, то есть запретить, наказать, посадить. Такие методы возможны, и они могут привести к определенным результатам, но только в тоталитарных государствах. В государстве, которое объявило себя светским, приверженным к демократическим принципам такое по определению невозможно. Поэтому здесь должна быть выстроена долгосрочная, продуманная и грамотная система религиозного просвещения своих граждан.

Короче говоря, сегодня идет борьба за умы людей, поэтому нужно победить на этом фронте, используя все известные в науке способы и методы убеждения людей. Понятно, что традиционные методы, которые использовались в социалистическом обществе типа – запретить или посадить не принесут, как показывает практика, должного результата. Более того, как говорит известный казахстанский депутат парламента, когда он читал лекцию в одной колонии, начальник колонии жаловался, что один вахабист за полгода своей отсидки, превратил половину заключенных колонии в своих сторонников. Поэтому, согласно начальнику, нужно строить специальные колонии для религиозных экстремистов. По большому счету совершенно очевидно, что власти сегодня проигрывают борьбу за умы людей.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня очень важно повышать в обществе религиозную культуру, религиозное просвещение. Понятно, что здесь речь не идет о том, чтобы органы власти взяли на себя религиозное просвещение. Здесь дело в другом. В данном случае речь идет о финансовой и организационной помощи власти этому начинанию. И эта деятельность, как правильно отмечает Ю.А. Михайлов, должна осуществляться специализированной некоммерческой структурой под патронажем Администрации Президента. Лишь в таком случае можно ожидать серьезные результаты.

Литература

1. Выступление Президента РК Н. А. Назарбаева на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий. Версия для печати 30 мая 2012 г.
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий. Версия для печати 30 мая 2012 г.

3. *Михайлов Ю.А.* Пора понимать Коран: Сборник статей. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Ладомир, 2007. 240 с.

4. *Хендрик Йохансон Виттевин.* «Бизнес и духовность. Суфизм в действии». Пер. с англ. Андрея Степанова. М.: Гаятри, 2007.

5. *Кен Уилбер.* Интегральное видение. Краткое видение в революционный интегральный подход к Жизни, Богу, Вселенной и всему остальному. М.: Открытый мир, 2009. 232 с.

6. *Сакхеб Г.Н.* Будущее человечества. Исламский прогноз. Перевод с английского В. Иноземцева / Свободная мысль. 1993. № 1. С. 103–113.

ГАЙСИНА Ф.Ф.
(г. Уфа)

О СОХРАНЕНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ И КУЛЬТОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА В БАШКОРТОСТАНЕ

В последние годы в обществе меняется отношение к исламу: увеличивается число верующих, открываются мечети, учебные заведения (*медресе*), издается духовная литература. Ислам вызывает интерес не только у простого народа, но и учёных-исследователей. Ежегодно проводятся различные тематические конференции и симпозиумы, посвящённые к религии.

Некоторые сведения по истории распространения и состояния ислама в Башкортостане даны в работах таких исследователей, как Г. Вилданов, Г.Б. Хусаинов, А.Б. Юнусова, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.А. Султангареева, Л.А. Ямаева, З.Г. Аминев, Л.Р. Ахметзянова, Ф.Ш. Сибагатов, Ф.Ф. Гайсина, Ю.А. Абсалямова, З.И. Минибаева и др. В опубликованных трудах с разных точек зрения фрагментарно описаны народные представления о религии, веровании.

С начала 2000-х годов Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН возобновились научные экспедиции в районы Башкортостана и в соседние области (в бывшие башкирские земли). Отделом литературоведения и Фондом рукописей и старопечатных книг имени Г.Б. Хусаинова были собраны различные рукописные книги. С 1998 по 2017 год отделом фольклористики было собрано огромное количество произведений народного творчества, в том числе исламские легенды и предания о пророках, ангелах и святых источниках и т.д. Были также записаны мистические предания о святых, об их жизнедеятельности, о магических исцелениях и чудесах. Нами был составлен (ещё в 2008 году) и опубликован (в 2012, 2013 гг.) список могил башкирских

святых, а также святых мест, гор, родников Башкортостана и соседних областей, где компактно проживает башкирское население[1].

Как известно, в советский период истории, вследствие огульной критики и неприятия религии, народ вынужден был отойти от исламских традиций, забылись многие религиозные нормы морали, правила и обычаи. Этому способствовали гонения и аресты духовных лиц, закрытие мусульманских учебных заведений и прекращение издания религиозных книг. Вследствие этого были забыты имена многих когда-то известных башкирских святых и множество мистических легенд и преданий о них. Все еще неизученным остается башкирский религиозный фольклор и его жанры.

После революции 1917 года, как известно, на территории Башкортостана были разрушены мечети, медресе, репрессированы и расстреляны религиозные деятели, сожжены исламские книги. После 1990-х годов, с вновь возвращением к религии, по сей день в республике были и существуют много проблем, все ещё мало медресе, религиозно-грамотных людей, переводчиков иностранных изданий. До сих пор остаются не изученными и не опубликованными книги на арабском, персидском языках. Вне внимания власти и общественности остаются памятники, культовые объекты ислама в Башкортостане, которые являются богатейшим наследием предков.

В республике давно назрело проблема создания отдельного центра или института по изучению рукописной литературы, жизни башкирских святых, религиозно-культовых сооружений и т.п. Как показывают события последних лет, в республике недостаточно ведутся работы по сохранению духовно-культовых, религиозных объектов, памятников. В издательской деятельности Республики Башкортостан необходимо активизировать издания исламской литературы на башкирском языке и переводных книг.

Для воспитания духовно-нравственных мусульман нужно открыть отдельные исламские детские сады и школы.

В отличие от Башкортостана, в Турции, Средней Азии существуют исламские издательства, издаются книги на разных языках. Русскими, кавказскими богословами и учёными Турции, Средней Азии изучаются и издаются книги о жизнедеятельности святых. Могилы святых благоустроены и постоянно облагораживаются. Например, в городе Бишкеке Республики Кыргызстан ещё в 2004 году создан культурно-исследовательский центр «Айгине», который изучает природные, духовные, культовые, религиозные памятники и традиции. Ими ведутся работы по исследованию, сохранению могил святых и изучению жизни известных религиозных личностей.

---

[1] Башҡортостан – әүлиәләр иле / Төҙ. Кильдин С.Ә., Ярмуллин С.Ш., Ғайсина Ф.Ф. Баш һүҙ, ҡушымталар авторы Ғайсина Ф.Ф. – Өфө: Китап, 2012. – 334 б.; Ғайсина Ф.Ф. Башҡорттарҙың дини һәм мистик легенда, риүәйәттәре / Автор -төҙ., баш һүҙ һәм коммент. авторы Ф.Ф. Ғайсина. Өфө, 2013. 144 б.

Мы считаем, что могилы башкирских святых необходимо внести в республиканский реестр, в список культурного наследия народа и передать под защиту государства.

Давно настало время для изучения истории разрушенных мечетей и медресе, жизни ссыльных, репрессированных религиозных деятелей, святых, т.к. они являются частью истории и духовной ценностью башкирского народа.

ГИБАДУЛЛИН Р.М.
(г. Набережные Челны)

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИМИ МУСУЛЬМАНАМИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Возрождение ислама в постсоветской России отмечено возвращением к мусульманам в новых исторических условиях утраченного ранее осознания своего единства с уммой, что делает необходимым совмещение общеисламской цивилизационной идентичности с идентичностью российской. Это закономерно актуализирует для российских мусульман общественно-политическую проблематику, связанную с переосмыслением ими себя в российском политико-правовом и социокультурном пространстве с позиций исламских ценностей. На наш взгляд, интерес для изучения представляют дискурсивные практики такого переосмысления, прежде всего, заключённые в них противоречия и способы их решения. В своём докладе я предлагаю рассмотреть на примере того, как в учебно-образовательных изданиях российских мусульман интерпретируются политико-правовые понятия, являющиеся базовыми для любого современного европеизированного, в том числе, российского общества.

К постановке проблемы. Формирование дискурсов, с помощью которых мусульмане в предшествующий период вписывали себя в контекст сначала в императорской, а затем в советской России, имело важное значение для идеологической легитимации российского государства в глазах мусульман и, в конечном счёте, для их собственного легитимного существования в нём. Это всегда требовало от мусульманского общества определённого внутреннего компромисса между его приверженностью шариату и необходимостью быть лояльными политико-идеологическим реалиям немусульманского государства.

Исторический опыт поиска таких компромиссов не следует оценивать лишь сквозь призму специфики российского государства. Значение этого опыта гораз-

до шире, его необходимо рассматривать в контексте интеллектуальных поисков всего мусульманского мира, который сначала, в ходе движения к светской модели государства в XIX–XX вв., был направлен на секуляризацию и европеизацию общественно-политической сферы, а затем с начавшимся в конце XX в. «исламским возрождением» стал нацелен, наоборот, на возвращение в неё исламских ценностей. Поэтому сегодня политические идеалы реисламизации оказываются в сложном взаимодействии с идеологическим наследием предшествовавшего ей периода секуляризации, что в целом верно и для российских мусульман. Многие мусульманские сообщества, будучи прочно интегрированными в систему ценностей конституционализма и международного права, вынуждены, так или иначе, соотносить с ними основанные на шариате подходы к пониманию ключевых проблем современности: мира и войны, прав человека, социальной справедливости и равноправия, взаимодействия общества и власти и т.д.

В результате, в ходе «исламского возрождения» обозначились глубокие противоречия, отражающие внутреннюю ценностно-идеологическую разорванность общественного сознания мусульман. В частности, многие авторы указывают на то, что декларированная многими странами мусульманского мира приверженность к правам человека и принципам конституционализма плохо увязывается с возрождающим своё идеологическое влияние шариатом, в положениях которого не только ограничивается политическое участие женщин и немусульман, но даже признаётся допустимость рабства. Не менее болезненным противоречием является то, что официально разделяемый мусульманскими странами международно-правовой принцип уважения государственного суверенитета других стран фактически идёт вразрез с традиционными для мусульман геополитическими представлениями о разделении мира на «Дар аль-Ислам» («Мир ислама») и враждебный ему «Дар аль-Харб» («Мир войны»), по отношению к которому следует осуществлять активный прозелитизм, не исключая при этом использование военной силы.

Что же предлагается для разрешения этих идеологических противоречий, угрожающих сегодня единству мусульманского сообщества? Казалось бы, логика компромисса подсказывает отдельным интеллектуалам идею реформирования шариата путём создания его новой редакции, приближенной к нормам международного права и принципам конституционализма[1]. Однако совершенно очевидно, что идея религиозной реформы как таковой достаточно крамольна и трудноосуществима в наши дни. Ведь для того, чтобы быть идеологически легитимированной в мусульманском обществе, она должна выдержать ряд условий: получить доктринальное обоснование с соблюдением строгих догматических

[1] См.: *Ан-Наим А.А.* На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право): Пер. с англ. О. Фадиной. М.: Музей и общественный центр им. А. Сахарова, 1999. 283 с.

принципов, прежде всего, права на «иджтихад», а само обоснование должно быть освящено религиозным авторитетом «муджтахидов». Как известно, выполнение этих условий в современном мусульманском обществе весьма проблематично в связи с имеющим в нём место кризисом религиозного лидерства и неоднозначным отношением к вопросу об «открытии дверей иджтихада». Без соблюдения же этих условий не представляется возможным преодолеть свойственные большинству населения мусульманских стран традиционные представления о том, что шариат является каноническим институтом, не подлежащим реформированию в принципе, и уж тем более во имя международного права, имеющего европейское, а значит, чуждое исламу происхождение и назначение.

Своеобразным выходом из создавшегося положения можно считать достаточно распространённое в дискурсивной практике «исламского возрождения» замалчивание сохраняющихся в общественно-политической жизни труднопреодолимых расхождений с шариатом. Такой нехитрый способ примирения шариата с реальностью хотя и не может устранить идеологические противоречия, всё же оказывается достаточно эффективным и предпочтительным, особенно там, где в силу низкой религиозной грамотности населения легче, в определённом смысле манипулируя его сознанием, поддерживать иллюзию беспроблемности в идеологической сфере, а имеющиеся в ней противоречия не выносить на общественное обсуждение.

О дискурсе российских мусульман. Использование схожих приёмов просматривается и в современных учебно-образовательных дискурсах российских мусульман по общественно-политической проблематике. Это хорошо иллюстрирует учебная литература, в частности, официально рекомендованное Советом муфтиев России и изданное Московским исламским университетом пособие для преподавателей «Исламоведение» (2008)[1]. Выбранное для анализа пособие, предназначенное для преподавания религиоведения и истории религий в светских учебных заведениях, тем не менее, отражает сугубо исламский подход в соответствии с декларированной во «Введении» авторской концепцией, которая заключается в том, чтобы «изложить основные принципы ислама с точки зрения верующего человека, обращаясь при этом к широкому кругу читателей, независимо от их убеждений и отношения к религии»[2].

Так, в главе «Ислам и общество», посвящённой изложению исламской точки зрения по вопросам прав человека, социальной организации и безопасности общества, автор даже не упоминает обсуждаемые сегодня именно в связи с этими вопросами серьёзные противоречия между шариатскими и светскими подходами. Явное нежелание говорить о них и заставляет использовать харак-

[1] См.: Исламоведение: Пособие для преподавателя / Э.Р. Кулиев, М.Ф. Муртазин, Р.М. Мухаметшин и др.; общ. ред. М.Ф. Муртазин. М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. 416 с.

[2] Указ. соч. С. 9.

терные приёмы и манипуляции понятиями. Например, рассматривая исламский подход к правам человека, автор подчёркивает его специфику и преимущество перед «либеральным (индивидуалистическим) подходом» как «продуктом антропоцентричного мышления»[1]. Однако эта специфика никак не раскрывается, а связанные с ней наиболее проблемные темы (права женщин и не-мусульман, отношение к рабству) вообще выведены за пределы параграфа, посвящённого правам человека.

Характеристика же позиции ислама по проблеме гендерного равенства, в том числе, в сфере гражданских свобод, не содержит даже упоминания о шариате. Констатируется лишь то, что «в мусульманском обществе женщина наравне (т.е. наряду, но не на равноправных началах – авт.) с мужчинами пользуется… политическими свободами», и ничего не говорится об установленных шариатом ограничениях её политических прав, например, на участие в публичной жизни и занятие высших государственных должностей[2]. В освещении проблемы положения не-мусульман в мусульманском обществе применяется тот же метод – говорится о толерантном к ним отношении и признании за ними определённых свобод, но умалчивается понятие «зимма», используемое в шариате для обозначения их неравноправного статуса[3].

Намеренно умалчиваются и другие традиционные исламские понятия или значения этих понятий. Так, явно стремясь облегчить себе доказательство принципиальной несовместимости ислама с терроризмом и религиозным экстремизмом, автор сознательно исключает из своего тезауруса такие классические понятия, как «Дар аль-Ислам» и «Дар аль-Харб», понимая, что ими пользуются радикалы для идеологического обоснования агрессии и применения насилия. С этой же целью понятию «джихада» как священной войны придаётся исключительно патриотический смысл, и оно помещается в раздел «Любовь к Родине», при этом умалчивается значение «джихада» как войны, допускаемой не только в интересах безопасности страны, но и во имя распространения ислама или наказания мусульман-отступников[4].

Заключение. Неубедительность таких попыток интерпретировать в сущности европеизированные политико-правовые понятия вполне естественна. Это свойственно даже таким авторам известных работ по правам человека в исламе, как, например, М. Аль-Газали, который проблему «равенства мужчины и женщины в гражданских правах» сводит лишь к вопросам семьи и брака[5]. Возможно, прав М. Легенгаузен, говоря, что выход из такой ситуации для мусульман состоит

---

[1] Указ. соч. С. 193.

[2] См.: Указ. соч. С. 200.

[3] См.: Указ. соч. С. 212–213.

[4] См.: Указ. соч. С. 225.

[5] См.: Аль-Газали М. Права человека в исламе / Мухаммад аль-Газали. М.: ИПЦ «Андалус», 2006. С. 78–81.

не в том, чтобы пытаться европейскую в своих ценностных основаниях политико-правовую традицию вписать в ислам, а в том, чтобы, напротив, видеть её очевидные системные недостатки и, исходя из этого, обосновывать «исламскую теорию правоведения» как некую естественную альтернативу, основанную на иных ценностях[1]. Так или иначе, проблема требует глубоко концептуального осмысления. В противном случае, сохраняясь в латентной форме в общественно-политическом сознании мусульман, она будет способствовать формированию деструктивных для их самочувствия идеологических противоречий.

ЕЛЕСАЙЛИ НАШААТ АХМЕД МОХАМЕД АЛИ
(Египет, г. Бухейра)

ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного.

Мир Вам, милость Аллаха и Его благословение.

Благословение и мир посланнику Аллаха, который заложил основы человеческих взаимоотношений между отдельными людьми, нациями и народами, дошедшими до нас через призму веков, невзирая на различия в вероубеждении, цвете кожи и расе, на основе взаимотерпимости и диалога во благо человека в любом месте и в любое время. Однако проблема сегодняшнего дня заключается в том, что мусульманская умма и, та роль, которую она может сыграть в современном мире, подвергается искажению, очернению и обвиняется в вымышленных преступлениях.

В самом начале давайте признаем, что мы как мусульмане, прилагаем недостаточно усилий в отношении нашей веры и в отношении нас самих для преодоления проблем и установления истинной исламской идентификации. Некоторые мусульмане или люди, действующие под исламскими лозунгами, преднамеренно или неосознанно, участвуют в искажении и очернении образа ислама и мусульман.

Сегодня вызовы времени, с которыми сталкиваются мусульмане, сложны и запутаны, и для их преодоления требуется твердая воля и истинная решимость, с тем, чтобы двигаться по воле Всевышнего, к светлому будущему. Особенно, когда вызовы современного мира делятся на внутренние, внутриобщинные и внешние.

Внутренние вызовы. Преодоление внутренних вызовов закладывает начало для преодоления внешних. Если исламский мир исцелится от болезней и пре-

[1] См.: *Легенгаузен М.* Современные вопросы исламской мысли / Мухаммад Легенгаузен; пер. [с англ.] Т.Г. Черниченко. М.: Феория: Дизайн. Информация. Картография, 2010. С. 154–168.

одолеет внутриобщинные вызовы, то это состояние позволит ему преодолеть внешние вызовы. Далее я хотел бы обозначить наиболее важные внутренние проблемы.

Первое – отсталость. Отсталость, которая правит бал в исламских социумах, в частности, арабоязычных из них, считается наиболее опасным внутриобщинным вызовом, с которым сталкивается исламский мир. Отсталость не ограничивается только в материальной части. Она охватывает различные сферы: научную, идеологическую, нравственную, экономическую, социальную и политическую. Никого не должны обольщать внешние проявления цивилизационной «шелухи» в исламском мире. Сегодня мусульмане не более чем потребители достижений современных технологий, но никак не производители или участники процесса. Раскол на группировки, господствующие в исламском мире, можно считать очевидным доказательством глубины отсталости, от которой страдает мусульманская умма, в то время как современный мир стремится к объединению в мощные государственные блоки. Хотя арабский мир гораздо раньше Европы предпринял попытку объединения в рамках создания Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества. Несмотря на годы, прошедшие после создания, арабо-исламские связи очень слабы и недейственные. В то время как Евросоюз сделал гигантские шаги, теперь у них единая валюта, мощное экономическое взаимодействие, единый европарламент, безвизовый режим и другие виды сотрудничества.

Противники ислама предпринимают попытки приписать отсталость исламского мира самой религии, ошибочно полагая, что именно ислам постоянно тянет своих приверженцев назад, не дает им свободы для продвижения вперед к горизонтам прогресса. Это безосновательное обвинение не подкреплено ни научно, ни исторически. Напротив, ислам сподвигнул предыдущие поколения мусульман к созданию цивилизации, процветавшей около восьми столетий. Множество блестящих и успешных примеров в истории исламских государств и личностей лучшее тому подтверждение и ответ на различные инсинуации.

Если прогрессивные цивилизации создаются с опорой на науку и знания, то ислам вознес науку и учение в ранг предписания, не уступающего по значимости таким предписаниям как намаз, пост и закят. Сделал чернила и тушь ученых равноценным крови шахидов, павших на поле брани, защищая свою веру. Ислам охарактеризовал ученых как наиболее богобоязненных людей, поскольку они осознают тайны творения и величие Творца. Ислам – религия знаний и культуры, но противоположность этому, уровень безграмотности мусульманского населения в Мавритании 62%, в Судане 53%. Это означает, что эти общества не готовы к встрече с новой современной системой «глобализации».

Если перейти в область торговли и экономики, то обнаружим, что объем торговли внутри арабо-мусульманского мира в соответствии с последними данными Исламского банка развития составляет всего восемь процентов от объема торговли с другими странами. Это прискорбная реальность. Отставание в этих сферах будет продолжаться до тех пор, пока исламский мир практически во всем будет полагаться на западные страны. Хотя исламский мир обладает большими людскими и природными ресурсами, большинство из которых до сих пор скрыто в недрах, для использования которых не хватает только твердой воли и решительности.

Нам, как мусульманам, крайне необходимо разобраться внутри себя, пересмотреть позицию, поразмышлять со всей откровенностью и объективностью над нашим положением, нам необходимо проникнуться позицией наших предшественников, с тем чтобы честно уяснить для себя, мы прочно стоим на твердой почве или она поплывет после первого шага. Вовсе не стыдно встретиться лицом к лицу со своими изъянами и ошибками, но стыдно не замечать их и обманывать самих себя, считая, что все в порядке.

Второе: феномен терроризма. Феномен терроризма считается одним из самых опасных внутренних вызовов, которым противостоит исламский мир. В последние годы наблюдается пугающий рост этого явления. Террор направлен на разрушение и убийство невинных людей, не делая различий между детьми, женщинами, стариками и молодыми. Более того, это переходит в беспричинные и необъяснимые издевательства, зачастую под исламскими лозунгами и возгласами «Аллах Акбар».

Последствия террора пагубно влияют на экономические, политические и социальные возможности исламских народов, как и являются препятствием реализации планов развития в исламских странах. Нет сомненья в том, что терроризм в исламском мире получает подпитку и планирование от руководителей террора извне, в частности, из европейских государств, которые создали им все условия на протяжении десятилетий и предоставили убежище и свободу передвижения под сенью мнимой защиты прав человека.

Мы полагаем, что противостояние терроризму в исламском мире характеризуется как крайне недостаточное, поскольку многие видят борьбу между террором и правительствами. Как следствие роль народной массы практически незаметна, в большинстве случаев борьба с терроризмом отдана на откуп правительству с его силовыми структурами. Это большая ошибка. Терроризм опасен для всех и касается всего народа и всех его групп, затрагивает интересы каждого в отдельности. Терроризм нацелен на нарушение стабильности общества, угрожает национальной безопасности страны и населения. Достаточно упомянуть о вреде вмешательства запада во внутренние дела некоторых исламских стран и изменению учебных программ с вытекающими отсюда последствиями

в будущем под предлогом гонения борьбы с терроризмом. Таким образом, мы видим, что преодоление вызова, выражающегося в виде терроризма, является ответственностью всех членов общества.

Что касается исламских лозунгов, которыми прикрываются террористы, то разумный человек не должен обманываться. Все религии и ислам, в частности, категорически отвергают агрессию, и убийство человека приравнено к убийству всего человечества. Всевышний сказал: «Кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей» (сура Маида, айат 32). Также нельзя забывать, милость – это основная цель исламской миссии. Всевышний, обращаясь к посланнику, сказал: «И ниспослали Мы тебя не иначе, как милостью для миров» (сура Анбия, айат 107).

Внешние вызовы. Внутренние вызовы связаны с внешними вызовами. Поэтому нам необходимо обозначить наиболее важные из них и указать на способы их преодоления с тем, чтобы мы могли твердой поступью двигаться к горизонтам будущего.

Первое – страх Запада перед исламом или исламофобией.

Выражается в ненависти к исламу, запугивании им и искажении величайших ценностей и образа ислама. Это явление зародилось и получило развитие в рамках западной цивилизации, и нигде больше в других человеческих цивилизациях. Это попытка Запада захватить Восток, прибрать к себе его богатства и превратить в своего вассала. Нам надлежит, опираясь на исламскую проповедь, строго соблюдать нормы шариата, идти в ногу со временем, используя современные методы и способы для распространения идеи срединности, милости, умеренности, терпимости во взаимодействии с другими и отвергая радикализм, экстремизм и террор. Нам следует воспитывать молодое поколение уммы, придерживаясь этих принципов, показывать ислам с наилучшей стороны, используя современные средства связи, выстраивать нашу проповедь с призывом к диалогу с представителями всех религий и культур, с тем чтобы прийти к взаимному согласию на основе справедливости, уважения человека, неприкосновенности человеческой жизни, с соблюдением всех сторон жизни. Именно это – основа мировой стабильности, безопасности и спокойствия. Благодаря этому закончатся проявления исламофобии во всех ее формах.

Второе – глобализация. Цель глобализации – это разделение мира на две части: богатую и бедную. Для этого в услужение мнимому мировому лидеру Соединенным Штатам Америки используются трансконтинентальные организации и корпорации. Понятие глобализации предполагает ущемление второй стороны, не приемлет его культуру, то есть предполагает господство одной цивилизации с ее ценностями и идеалами, этого не избежит ни одно государство, если оно окажется под флагом глобализации.

Глобализация является большим вызовом, с которым сталкивается исламский мир в настоящее время. Вопрос, возможно ли покорение ислама и мусульман этой системой в то время, когда в мире стираются цивилизационные и культурные границы? История показывает, что ислам не растворяется и сохраняет свою независимость и присущую ему природу при любом режиме. Вместе с тем, такая позиция ислама не противоречит наличию других форм бытия. С самого начала становления исламского государства было обеспечено право на различные вероисповедания и культуры. Это понятие было закреплено в договоре или как еще его называют в «мединской конституции», провозглашенной пророком Мухаммадом, да благословит его Всевышний. На заре исламского призыва пророк был окружен представителями других культур: Билал – абиссинец, Сухейб – византиец, Салман – перс. Всемирный призыв ислама – полная противоположность глобализации. Исламский призыв, обращенный ко всему человечеству, предполагает культурный обмен, допускает иное мнение и не направлено на ущемление другого или противостояния ему. Всемирный исламский призыв обращен к людям, пока существует человечество, исходит из принципа облегчения и считает, что все человечество произошло от одного корня, соблюдает разумное и сбалансированное отношение к дольнему и горнему мирам.

Цивилизации на территориях, в которых распространился ислам, стали притоками исламской цивилизации и оказали влияние на ее развитие. Согласно исламу любая цивилизация считается достижением человечества и внесено в копилку культурного наследия человечества, которое естественно предполагает обмен. В истории нет ни одного древнего народа, который не заимствовал и не вкладывал в общечеловеческое наследие. Таким образом, мы видим, что цели глобализации противоречат естественному ходу дел. Невозможно полное растворение цивилизации и ассимиляция народа, который оставил нестираемый след в летописи человечества. Ислам твердо станет на пути любого режима или мировой системы в их попытках ликвидировать его. Но в то же время ислам в полной мере готов стать партнером любой системы или нового мирового режима, стремящегося к достижению общечеловеческого блага, прогресса и процветания.

В конце выступления еще раз хочу отметить, что в действительности современные вызовы – это не вызовы исламу как религии, это вызовы пониманию мусульманами современных реалий, и чем выше понимание, тем больше помощь в преодолении вызовов времени. Если это понимание ограничено и не осознает современное развитие и изменения, то, естественно, оно не в состоянии правильно понять учение ислама.

Мусульмане должны понять, что если они хотят жить в XXI веке, то у них нет другого выбора, кроме науки, прогресса и культуры. Любой другой путь приведет их к отсталости и застою.

ЗИАНШИНА Р.И.
(Россия, г. Москва)

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Педагогическая система арабо-мусульманской культуры занимает одно из важнейших мест в истории мировых цивилизаций. Ее формирование и становление проходило на территории от Среднего Поволжья на севере до Мадагаскара на юге и от Атлантического побережья Африки на западе до Тихоокеанского побережья Азии на востоке, берущих свое начало еще с X в. и по XXI в. Объединяя разные народы в единую социальную общность, эта самобытная культура стала связующим звеном между наследием античности и средневековым Западом. Ислам не только одна из трех мировых монотеистических религий, но целостная культура, в него интегрированы религия, политика, право, этика, философия, наука и искусство. Ислам не просто религия – это «закон», определяющий социальные структуры и мораль общества, обоснование которых находится в священном Коране, одинаково значимом для всех мусульман[1].

Педагогический потенциал исламской культуры выполняет коммуникативную, мировоззренческую, воспитательную, познавательную, гуманистическую функцию. Переняв опыт организации позднеантичных и раннемонастырских школ, «дома мудрости/знания» (бейт ал-хикма, дар ал-хикма, мусульманские академии[2]), «дома для обучения/изучения» (медресе, школы-семинарии повышенного типа) и «школы букв/письма» (мектебе или коттаб, начальные школы) были призваны служить центрами, распространяющими мусульманскую культуру и религию среди различных этнических групп с целью объединения их в единую «мусульманскую общность» – «умма исламийя», монолитную, имеющую общую идейную базу. Основной задачей образовательного процесса выступило развитие религиозности и нравственности, изучение и передача канонической мудрости вместе с ее толкованием, воспитание истинных мусульман.

Следует обратить внимание, что мировоззренческий аспект лежит в основе самой мусульманской культуры, в данном случае это акыда (доктрина). Она определяет стратегические задачи образовательного процесса. В первую очередь это установка на формирование у человека мусульманского душевного склада, мусульманской психологии и состояния духа (нафсийя), мусульманского склада ума, мусульманского умонастроения (аклийя) как главных жизненных опор (рис.1).

---

[1] Далее в тексте Священным Писанием называется Коран, поскольку речь идет о культуре, центрирующейся на нем и воспринимающей именно его как священное писание мусульман.

[2] *Гиззатуллин Р.А.* Роль «Бейт аль-хикма» в эволюции исламского образования // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 2014. С. 138–143; Он же. «Бейт аль-хикма» и ее роль в развитии исламского просвещения // Инновационные технологии и совершенствование учебного процесса в мусульманских учебных заведениях. Сб. мат. межд. научно-практ. конф. Казань: РИИ-КФУ, 2013. С. 53–58.

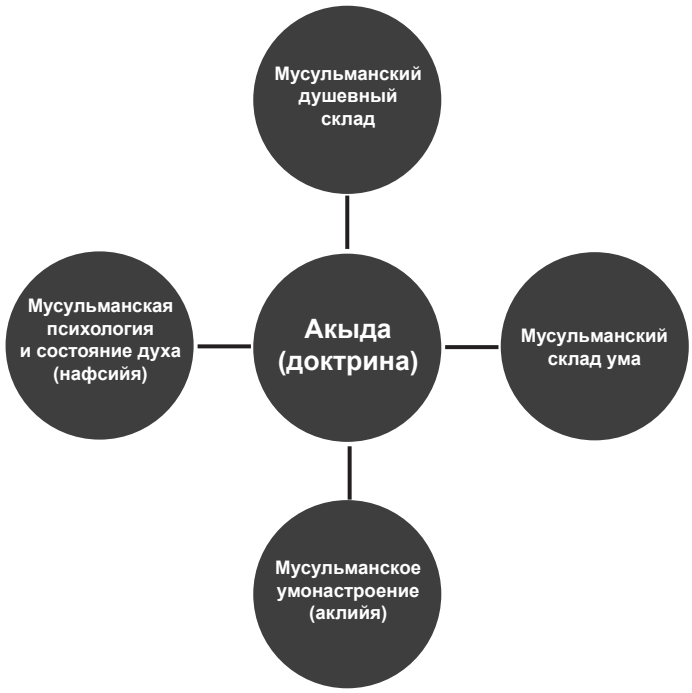

Рисунок 1. Стратегические задачи образовательного процесса

Каково же состояние исламской системы образования сегодня, в условиях глобализации и повсеместного внедрения инноваций и информационных технологий, интегрируемых во все сферы человеческой деятельности?

Рассматривая процесс информатизации, мы понимаем возникновение новых видов деятельности и производства на базе всеобщей компьютеризации, что ведет к появлению новых форм межличностных отношений, взаимодействия и общения, и, как следствие, изменения образа жизни и ценностных ориентировок человека, как социального активного субъекта. Субъекту, которому необходимо овладеть соответствующим уровнем компетенций для приспособления к новым формам социальной организации.

Невольно задаешься вопросом: как в структуру информатизации встраивается педагогическая мысль ислама и возникают ли противоречия между культурологической компонентой и технологическим прогрессом? При условии, что получение образования и постижение знания заявлены одним из приоритетных направлений в жизни каждого мусульманина. Высокая роль образования указана в Коране и в записанном позже устном предании – Сунне. Например, кораническая сура 2:269 «Корова» («Аль Бакара»)[1] гласит о предопределении пути поиска знаний и благах последующих за этим так:

[1] Коран: перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой/гл. ред. Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. 10-е, доп. Москва: РИПОЛ классик, 2010. С. 41–256.

«Он мудростью дарит того, кого захочет, –
И тот, кому дарована она,
Получит всеобъемлющие блага,
Но осознают это те,
Кто обладает разуменьем».

В Священном Писании говорится о двух видах знания – божественном и человеческом. Ни одно из них не рассматривается самостоятельно, соединяя их в единое понимание мира. Исламская традиция и образование не отрицали наличие предшествующих «носителей истины»: пророков, обладающих божественным знанием, ученых, сумевших достичь определенных высот мудрости и приоткрыть завесу невежества. Среди предшествовавших Мухаммаду пророков и мудрецов, владевших частью истины, называли Иисуса (пророк Иса), Моисея, античных философов[1], так в Сахих имама аль-Бухари[2] в Книге знаний приводятся следующие слова пророка Мухаммада: *«Учёные являются наследниками пророков и оставляют в наследство одно только знание, а тому, кто приобрёл его, достался великий удел. Тому, кто вступил на (какой-нибудь) путь, желая (обрести) на нём знание, Аллах облегчит путь в рай»*[3].

Сам процесс поиска знаний приравнивался к совершению поклонения. В одном из сборников хадисов, записанных от устных слов Мухаммада, а именно Сунанат-Тирмизи[4] за номером 2682 приводятся такие слова посланника Аллаха: *«Тому, кто встанет на путь, желая обрести знание, тому Аллах облегчит путь в Рай. И поистине, ангелы непременно будут расстилать свои крылья для требующего знания, выражая свое удовлетворение тем, что он делает. И, поистине, прощение для ученого непременно станут просить обитатели небес и земли, и даже киты в море! А что касается превосходства ученого над поклоняющимися*[5]*, то оно подобно превосходству луны в ночь полнолуния над прочими небесными светилами*»[6].

---

[1] Иисус в Коране и Хадисах. Автор-составитель Махди Мунтазир Ал-Ка'им / Предисл. Мухаммада Легенхаузена / Пер. с англ. яз. Д. А. Бибаева. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2012.

Сагадеев А.В. Адаб и Paideia: проблема гуманизма в средневековой мусульманской культуре // Культурные традиции и современность [сб. обзоров] / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам [отв. ред. В. А. Бейлис]. М., 1989. С. 12–48.

[2] *Имам аль-Бухари* (полное имя Мухаммад ибн Исма'иль ибн Ибрахим ибн аль-Мугира ибн Бардизах Абу Абдалах аль-Джури аль-Бухари) (810 г.), мусульманский учёный-мухаддис, автор одного из наиболее авторитетного сборника хадисов.

[3] Этот хадис передали также Абу Дауд 3641, ат-Тирмизи 2682, Ибн Маджах 223, Ибн Хиббан в своем «Сахихе» 88, аль-Байхакъи в «Шуаб аль-иман» 1696 и 1697. Шейх аль-Албани назвал хадис хорошим. См. «Сахих ат-Таргъиб ва-т-Тархиб» 71.

[4] Сборник Хадисов, составителем которого был Абу Исаат-Тирмизи (824 г.).

[5] Развитие и приумножение знания больше приветствуется, чем бездумное поклонение.

[6] Аль-Джами ас-Сахихатат-Тирмизи /Сунанат-Тирмизи//в ред. Шейха Мухаммада Насир-уд-Дина аль-Албани [Электронный ресурс] URL: http://hadis.info/sborniki-xadisov/sunan-at-tirmizi/ (дата обращения: 03.08.2017).

6 171184

Говоря о функциональной подготовке социально активного субъекта, способного наиболее эффективно адаптироваться к условиям информационного общества – общества, основанного на знаниях, в котором инновационная среда, как социальная организация, направлена на преодоление поведенческих и мышленческих стереотипов, и на развитии компетенций и активизацию творческого потенциала личности. Можно выделить несколько социальных институтов, на которые наиболее активно влияют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ):

- бизнес и экономическая отрасль;
- государственное и муниципальное управление;
- образование;
- сфера социального обслуживания;
- культура и искусство.

Что такое информационное общество и каковы его основные цели?

В основе «общества знания лежит возможность находить, производить, обрабатывать, преобразовывать, распространять и использовать информацию с целью получения и применения необходимых для человеческого развития знаний. Оно опирается на концепцию общества, которое способствует расширению прав и возможностей, что включает в себя понятия множественности, интеграции, солидарности и участия»[1] или «Общество, основанное на знаниях, – это инновационное общество, базирующееся на концепции непрерывного обучения в течение всей жизни»[2], так наиболее емко формулируется определение, отраженное в документах Всемирного научного форума ЮНЕСКО и Международного совета по науке, проходившего в Будапеште в ноябре 2003 года.

В октябре 2010 года распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)». Основные «цели и задачи Госпрограммы – получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий, и создание условий для оперативного и эффективного взаимодействия государства с гражданами и бизнесом с их использованием»[3], а также «для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод»[4]. Но это не только касается сферы бизнеса и государственного управления, в принятой «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» от 7 февраля 2008 г. «учтены основные положения

[1] К обществам знаний. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Изд. ЮНЕСКО. 2005. С. 29.

[2] Образование в информационном обществе. Изд. ЮНЕСКО для Всемирного саммита по информационному обществу. СПб., 2004. С. 96.

[3] Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы) [Электронный ресурс] / URL http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/ (дата обращения: 03.10.2017).

[4] Там же.

Окинавской хартии глобального информационного общества, Декларации принципов построения информационного общества, Плана действий Тунисского обязательства и других международных документов, принятых на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам развития информационного общества»[1], где в числе основных задач можно выделить следующие пункты:

- «формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий;
- повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения на основе развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере;
- развитие науки, технологий и техники, подготовка квалифицированных кадров в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- сохранение культуры многонационального народа Российской Федерации, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, развитие системы культурного и гуманитарного просвещения»[2].

Развитие информационного общества, основанного на знаниях, уже в своем контексте предполагает социальную среду, способную адекватно переосмыслить подход к образовательному процессу и его участникам, а также возложенные на них функции и задачи, среду, создающую условия для непрерывного саморазвития и овладения необходимыми компетенциями в условиях формирования единого глобального информационного пространства.

Использование этнического потенциала и учет особенностей сведут к минимуму возможность возникновения когнитивного диссонанса в сознании образовательного субъекта. Составление методологических и системных информационных форм образовательного процесса с учетом культурных традиций конкретного региона, призванных улучшать восприятие информации, адаптивность учащихся к данному виду деятельности, снизит фактор отрицаемости информационного потока.

Размышляя в этом ключе об отличительных чертах системы исламского образования, можно выделить свойственную ему культурологическую особенность, не разделять духовное от материального и религиозное от мирского, что отражается в своеобразии образовательных систем в Исламской культурной традиции, характерном социальном устройстве и таких компонентов, как:

- взаимодействие социума и образовательной системы;
- приоритетность самообразования и саморазвития личности;
- образование на протяжении всей жизни;

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс] / URL http://www.gov.karelia.ru/Leader/Inform/Egov/strategy.html (дата обращения: 03.10.2017).

[2] Там же.

- формирование исламского мировоззрения;
- обязательное изучение арабского языка, как языка канонических текстов.

Выделяя особенности исламской образовательной системы в обобщенном виде, без конкретизации типа учебного учреждения или страны, при сравнении их с основными тенденциями образовательного процесса в информационном обществе, можно определить схожие направления, такие как: непрерывность образования и направленность на саморазвитие субъекта образования, открытость информации (рис. 2).

Основные особенности систем образования

Рисунок 2

Следует отметить, что основная идея инновационного развития и информативности общества не противоречит исламской канонической мысли и заложена внутри самой идеи исламской системы образования, но для наиболее активного интеграционного процесса необходимо обновление системы и структуры исламского образования, что обусловлено естественными изменениями социальной среды. Изучая особенности социального устройства среды, можно наметить пути интеграции системы исламского образования в информационное общество, предполагающие:

- более активное взаимодействие со светской системой образования;
- повышение уровня подготовки педагогических кадров реализующих программы исламского образования;

• изучение и использование при реализации образовательных программ мирового педагогического наследия;

• при проектировании и реализации образовательных программ учитывать междисциплинарный подход;

• внедрение в процесс обучения инновационных образовательных технологий и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);

• усилить контроль за «качеством» издаваемой учебной, методической литературы.

И в этой связи нам представляется, что одна из важнейших и, вместе с тем, сложнейших задач информационного общества – создание образовательной среды, адаптированной под конкретные условия, с целью формирования у обучающихся адекватных компетенций, соответствующих современным требованиям, и не разрушающих в то же время его духовных основ и культурных традиций[1].

Нужно постоянно иметь в виду, что культурологический компонент информационной среды, влияющий на формирование стереотипов поведения субъектов образовательной деятельности. Инновационное использование культурологического компонента среды, из которой проистекает субъект образовательного взаимодействия, позволит избежать потенциально опасных конфликтных ситуаций при внедрении информационных технологий в систему образования. С учетом такого вывода категоричные утверждения о том, что наличие таких компонентов, как этническая культура, препятствует интеграции инновационной системы образования, в частности, и всему процессу информатизации и глобализации в целом, конечно же, вызывают самые серьезные сомнения, равно как и утверждения, что в результате модернизации исчезнет самобытная культура народов. В условиях общества, основанного на знаниях, синтез информационных технологий и культурологического наследия позволит преодолеть ряд когнитивных провалов с целью создания единого пространства адаптированного для эффективного участия в нем людей с разными мировоззрениями.

Литература

1. *Гиззатуллин Р.А.* Роль «Бейт аль-хикма» в эволюции исламского образования // Вестник Ленинградского госун-та. 2014. С. 138–143; Он же. «Бейт аль-хикма» и ее роль в развитии исламского просвещения // Инновационные технологии и совершенствование учебного процесса в мусульманских учебных заведениях. Сб. мат. Межд. научно-практ. конф. Казань: РИИ-КФУ, 2013. С. 53–58.

2. Коран: перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой/гл. ред. Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. 10-е, доп. Москва: РИПОЛ классик, 2010. С. 41–256.

[1] *Зианшина Р.И.* Исламское образование в информационном обществе, основанного на знаниях // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Образование: традиции и инновации». Прага. 2014. Прага: «World Press s.r.o.», 2014. С. 206–211.

3. Иисус в Коране и Хадисах. Автор-составитель Махди Мунтазир Ал-Ка'им / Предисл. Мухаммада Легенхаузена / Пер. с англ. яз. Д. А. Бибаева. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2012.

4. *Сагадеев А.В.* Адаб и Paideia: проблема гуманизма в средневековой мусульманской культуре // Культурные традиции и современность [сб. обзоров] / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам [отв. ред. В. А. Бейлис]. М., 1989. С. 12–48.

5. Аль-Джами ас-Сахихатат-Тирмизи /Сунанат-Тирмизи//в ред. Шейха Мухаммада Насир-уд-Дина аль-Албани [Электронный ресурс] URL: http://hadis.info/sborniki-xadisov/sunan-at-tirmizi/ (дата обращения: 03.08.2017).

6. К обществам знаний. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Изд. ЮНЕСКО, 2005. С. 29.

7. Образование в информационном обществе. Изд. ЮНЕСКО для Всемирного саммита по информационному обществу. СПб., 2004. С. 96.

8. Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы) [Электронный ресурс] / URL http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/ (дата обращения: 03.10.2017).

9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс] / URL http://www.gov.karelia.ru/Leader/Inform/Egov/strategy.html (дата обращения: 03.10.2017).

10. *Зианшина Р.И.* Исламское образование в информационном обществе, основанного на знаниях // Материалы VI международной научно-практической конференции «Образование: традиции и инновации». Прага. 2014. Прага: «World Press s.r.o.», 2014. С. 206–211.

КОЙЧУЕВ А.А.-Д.
(Россия, Карачаево-Черкесская Республика,
г. Карачаевск)

РОССИЙСКАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Хаос продолжительных гражданских войн, сопровождаемый вооруженным вмешательством ведущих мировых держав, стремящихся отстоять и расширить свое влияние в богатом природными ресурсами регионе Ближнего Востока, породил не имеющую аналогов в мировой истории волну террора. Террористические атаки вышли далеко за пределы региона и осуществляются в странах Азии, Америки, Африки, Европы. Все участвующие в ближневосточных конфликтах стороны имеют своих сторонников и противников по всему миру, что грозит перерастанием относительно локальных конфликтов в глобальную

мировую войну. Участвуют в идущих на Ближнем Востоке войнах и некоторые наши соотечественники, убежденные в необходимости помочь единоверцам в создании «Исламского государства». Принимая во внимание то обстоятельство, что Россия ведет вооруженную борьбу против упомянутого квазигосударства, можно предположить, что религиозная солидарность и религиозное сознание у части российских мусульман превалирует над гражданской сознательностью и долгом, а религиозная идентичность над идентичностью гражданской. В этой связи возникает вопрос эффективности формирования общероссийской гражданской идентичности.

На наш взгляд, формирование общероссийской гражданской идентичности российской мусульманской молодежи станет эффективным, если оно по своей форме и содержанию будет отвечать религиозным убеждениям и не входить в противоречие с религиозным сознанием мусульман. При всей сложности достижения подобной гармонии она вполне осуществима. Следует отметить, что существующая сегодня в России реальная свобода вероисповедания, возможность беспрепятственного отправления религиозных ритуалов, являет собой одно из важных условий гармонизации религиозного и гражданского сознания мусульманской молодежи страны. На территории современной Российской Федерации ислам ведет свою историю дольше христианства и также является неотъемлемой частью российской истории и культуры. Данное обстоятельство свидетельствует о существовании культурно-исторических предпосылок того, чтобы ислам так же, как и христианство, был признан государствообразующим, социально-консолидирующим фактором, каким, по нашему мнению, он и является. Тот факт, что российская государственность и принадлежность к «русскому миру» изначально строились на православной идеологической основе, лишь подтверждает правомерность идеологического строительства современного Российского Федеративного государства, его поликультурной гражданской общности на объединяющей доктрине традиционных религий – единобожии. Солидарность российских мусульман со своими зарубежными единоверцами никак не воспрепятствует полноценной гражданской интеграции мусульман в российское общество при условии союза России с мусульманским миром. Понимание этой закономерности недругами России является катализатором их перманентных усилий стран, направленных на военную и политическую конфронтацию Российской Федерации с миром ислама. Альтернативой данному пути является достаточно долго практикуемая российским региональным чиновничеством программа насаждения среди мусульманской молодежи своего понимания светскости, суть которой заключается, как выразился один из служащих, в «отвлечении мусульманской молодежи от ислама». Идущая на прорыв изощренная и агрессивная пропаганда свободного от религиозной морали «светского» образа жизни, со всеми его внешними и внутриличностными

особенностями, на наш взгляд, ведет лишь к поляризации молодежи. Сегодня молодых мусульман делят на так называемых «этнических мусульман» и «мусульман ортодоксальных». Заметим, что каждый из правоверных «ортодоксальных» мусульман рискует быть причисленным к экстремистам. Вместе с тем, образ жизни молодежи из числа «этнических мусульман», как правило, ничего не знающих об исламе, мало отличается от жизни, которую ведут их сверстники, также порвавшие со своими культурными корнями и «освободившиеся» от культивируемых религиозной моралью и нравственной дисциплиной социальных и гражданских обязательств.

Социальная нетерпимость, разгул ксенофобии и огульное обвинение в экстремизме всех мусульман порождают у российской мусульманской молодежи социальный и гражданский дискомфорт, который чреват развитием изоляционизма и сепаратизма.

Об этом свидетельствуют данные опубликованных нами ранее анкетных опросов, ставивших целью выявить уровень гражданственности и патриотизма представителей мусульманской молодежи северокавказского региона (в выборку попали 1126 учащихся исламских образовательных учреждений республик СКФО). У 70% опрошенных представителей мусульманской молодежи Северного Кавказа присутствует чувство гражданской неполноправности, причину которого они связывают со своей конфессиональной и (или) национальной принадлежностью. Несмотря на наличие чувства гражданского дискомфорта 93% респондентов считают себя ответственными за настоящее и будущее России, готовы исполнить свой гражданский долг по защите территориальной целостности и единства государства, что свидетельствует о гражданской ответственности и патриотизме российской мусульманской молодежи. Лишь 7% респондентов не готовы брать на себя ответственность за благополучие страны, в которой, по их мнению, распространена ксенофобия, а государство, основной функцией которого является обеспечение комфортного проживания своих граждан, не принимает эффективных мер к ее устранению.

На наш взгляд, средством, способным устранить у российской мусульманской молодежи чувство гражданской неполноправности, а также содействовать формированию общероссийской гражданской идентичности, могут служить следующие интегрирующие скрепы:

– исторические (общее историческое прошлое российских мусульман с представителями иных конфессий России);

– культурные (культурные связи и взаимовлияния народов и конфессий России);

– социально-коммуникативные (дружеские связи и сотрудничество представителей разных народов и конфессий России (в том числе традиционные: куначество, аталычество, побратимство), их поддержание, популяризация и развитие в контексте современности);

– религиозно-идеологические (концепция Единобожия, концепции совещательности, равенства, справедливости, терпимости);

– социально-политические (стратегия активного вовлечения российской исламской уммы к участию в строительстве единого, справедливого и динамично развивающегося общества).

Достижение психологической и политической комфортности этнических и конфессиональных меньшинств возможно лишь при условии их подлинного равноправия. Создание законодательной основы национального и конфессионального равенства является прерогативой государственных институтов. Целесообразно создать государственные и общественные механизмы «мягкой» мотивации народов и конфессий страны к тому, чтобы строить взаимоотношения на принципах взаимопонимания, уважения и сотрудничества – гарантах устойчивого развития. Задачей исламского сообщества России, по нашему мнению, является воспитание мусульманской молодежи, верной нравственным принципам ислама, квинтэссенция которых заключена в известном высказывании пророка Мухаммада – *«Мусульманин – это человек, рядом с которым другие чувствуют себя в чистоте и безопасности»*[1].

МУХИТДИНОВА Р.Р.
(Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ЗНАНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА

Научно-исследовательским институтом духовной безопасности и развития религиозного образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы ведется активная работа по подготовке пособий и хрестоматий для духовных и светских образовательных учреждений с целью удовлетворения потребности в учебной и просветительской литературе. Как и все остальные вузы-участники проекта, БГПУ им. М. Акмуллы с самого начала реализует эту деятельность.

В отличие от столичных университетов, в Республике Башкортостан есть ряд региональных особенностей, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать. Основное здесь – полиэтничность и поликонфессиональность. Важно понимать, что в Республике Башкортостан доминируют три крупные этнические диаспоры: русские, башкиры, татары. Но при этом среди конфессий наиболее распространенным является ислам, соответственно в составе верующего насе-

[1] Сборник хадисов (на арабском языке). Бейрут, 1983. С. 7.

ления доминируют мусульмане. Поэтому обучение и просвещение ведется не только на русском, но и на башкирском, татарском языках. В связи с этим НИИ духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М Акмуллы начаты разработки пособий на языках народов республики.

За период реализации проекта подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама с 2008 г., подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама было разработано более 160 УМК и 200 учебных пособий и хрестоматий. Разработанные учебные пособия передаются в медресе и Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России, активно используются в учебном процессе.

Учитывая предыдущий опыт работы, БГПУ взял за основу при разработке учебных пособий и хрестоматий взаимодействие религиозных и светских учреждений образования, а также социальные потребности региона. Также был проведен анализ необходимых в образовательном процессе учебных пособий и хрестоматий по основным исламским наукам. Следует отметить, что в научно-методическом плане два первых уровня системы исламского образования в России в целом уже разработаны. Сегодня ощутима потребность в формировании корпуса мусульманских ученых – специалистов по исламским наукам, готовых взять на себя научное руководство молодыми мусульманскими исследователями, тем самым обеспечив преемственность в передаче знаний, воссоздавая отечественную исламскую богословскую школу. Учебные пособия и хрестоматии должны быть прежде всего ориентированы на решение данной задачи.

Основным в деятельности БГПУ им. М. Акмуллы является неформальное следование выполнению плановых показателей, а работа на перспективу – тесное взаимодействие с духовными образовательными учреждениями, направленное на удовлетворение запроса на подготовку литературы, необходимой в учебном процессе. При этом литература должна готовиться как для светских религиоведов, так и для теологов, а также, что представляется принципиально важным, должна быть направлена на решение задач по обеспечению духовной безопасности российского общества, профилактики религиозного радикализма и экстремизма.

В Научно-исследовательском институте духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы создана конкурсная комиссия по отбору заявок на разработку учебных пособий и хрестоматий. В настоящее время ведется разработка учебно-методических комплексов, пособий и хрестоматий по плану работ на текущий год. Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России, как вуз-партнер и участник федерального проекта, имеет возможность реализовать все заявки на самостоятельную разработку учебных пособий и хрестоматий.

Все издания дожны быть востребованы, поскольку составлены с максимальным учетом требований читателей. Особый интерес могут вызвать пособия по основам экономики и бухгалтерского учета мусульманской общины, государственному законодательству о религии и религиозных объединениях, применению психологии в жизнедеятельности мусульман с учетом норм и правил шариата, противодействию религиозному экстремизму в социальных сетях, организации комплексной работы с прихожанами-мигрантами, разговорному арабскому языку для студентов религиозных учебных заведений, исламской нравственности.

Важным в реализации данного направления на последующие годы представляется продолжение работы по формированию учебных пособий и хрестоматий на национальных языках народов России с учетом потребности и этнокультурных особенностей республик Российской Федерации, в нашем регионе это башкирский и татарский языки.

Таким образом, религиозная продукция для ее последующей передачи партнерам в духовные и светские высшие учебные заведения выпускается не первый год. Накоплен определенный опыт, создан хороший задел для интеграции усилий всех участников проекта. Весьма перспективной представляется идея составления реестра специалистов-экспертов в области истории и культуры ислама для организации межвузовского сотрудничества с целью дальнейшей работы над пособиями и хрестоматиями в качестве соавторов.

НУРУЛЛИНА Р.В.
(Россия, г. Набережные Челны)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ ПО ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ МЕЧЕТЕЙ: ОПЫТ ТАТАРСТАНА

Решение многих проблем, стоящих сегодня перед мусульманским сообществом России зависит от успеха деятельности служителей мечетей (имамов) и их способности не только обеспечить духовные потребности людей, но и организовать полноценную жизнедеятельность религиозных общин в соответствии с традициями и с учетом современных условий. Подготовка религиозных кадров, воспитание духовенства является приоритетным направлением деятельности религиозных учебных заведений, а формирование системы мусульманского образования стало важной частью процесса религиозного возрождения.

В Республике Татарстан функционирует десять профессиональных учебных заведений, подведомственных региональному Духовному управлению мусульман. В столице республики – Казанский исламский университет, медресе

«Мухаммадия» и медресе имени 1000-летия принятия ислама, Казанский исламский колледж, также еще шесть медресе в различных районных центрах. Особое место в системе мусульманского образования Татарстана играет Российский исламский институт (РИИ), который является первым в РФ высшим профессиональным исламским учебным заведением (основан в 1998 г.). Главной целью РИИ является не подготовка служителей мечетей (имам-хатыйбов), но воспитание современной мусульманской интеллигенции, обучение высококвалифицированных специалистов в области исламской теологии, истории, права, языка, исламской экономики, призванных служить мусульманской умме России[1]. Также в этом году в историческом городе Булгаре открыта Исламская академия, ожидается, что она сможет объединить потенциал авторитетных российских и зарубежных исламских ученых и станет «достойной альтернативой зарубежному образованию»[2].

Несмотря на наличие в регионе достаточного количества исламских образовательных учреждений, мечети все еще нуждаются в высококвалифицированных кадрах служителей. В одном из своих публичных выступлений в январе прошлого года ректор РИИ Р.М. Мухаметшин сообщил, что на сегодняшний день, порядка 50 мечетей республики не имеют имамов и потому просто не функционируют, во многих мечетях служат имамы, вовсе не имеющие религиозного образования[3]. Одним из способов решения кадровой проблемы стала организация курсов повышения квалификации для сотрудников религиозных организаций. Подобная практика получила довольно широкое распространение на всем постсоветском пространстве, в том числе и в контексте профилактики экстремистской и террористической деятельности.

В Татарстане также создаются все возможности, чтобы служители мечетей могли частично восполнить недостаток систематического образования. В большинстве медресе периодически организуются кратковременные курсы, в г. Набережные Челны при медресе «Ак мечеть» функционирует Институт повышения квалификации имамов и проповедников, где ежегодно стажируются около 250 имамов из разных уголков Татарстана. По инициативе Межведомственной рабочей группы по вопросам реализации Республиканской целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма в Республике Татарстан в 2011 году в Казани на базе Российского исламского института был учрежден Центр повышения квалификации работников религиозных организаций и преподавателей мусульманских учебных заведений.

---

[1] Официальный сайт РИИ: [веб-сайт]. URL: http://kazanriu.ru/ob-institute/ (дата обращения: 25.03.2014).

[2] Islam Review: [веб-сайт]. URL: http://islamreview.ru/news/sozdanie-bulgarskoj-akademii-islama-odobril-prezident-rossii/ (дата обращения: 16.06.2015).

[3] IslamToday: [веб-сайт] URL: http://islam-today.ru/novosti/2016/01/27/50-mecetej-tatarstana-ne-imeut-imamov/ (дата обращения: 27.01.2016).

Здесь, в период с 2011 г. по 2016 г. Центром исламоведческих исследований АН РТ в рамках реализации проектов «Социологические подходы к определению потребностей в профессиональной переподготовке и повышении квалификации имамов Татарстана» и «Социокультурные аспекты функционирования мусульманских общин в Поволжье» проводился анкетный опрос служителей мечетей из числа обучавшихся на курсах повышения квалификации (N=750). В числе прочего в задачи исследования входит выявление мнений и оценок слушателей в отношении организации обучения: степень удовлетворенности качеством лекций, организацией обучения, обеспеченностью учебной литературой, бытовыми условиями и т.д.; предложения и рекомендации по усовершенствованию курсов; наиболее приемлемая форма обучения, тематика, преподавательский состав, сроки и др.

Данные, полученные в ходе опроса, позволяют утверждать, что образовательные услуги по профессиональной переподготовке и повышению квалификации весьма востребованы у мусульманских религиозных деятелей. Около половины (46%) опрошенных в прошлом уже обучались на краткосрочных курсах повышения квалификации, из них 19% – более одного раза, 20% – также в Центре повышения квалификации РИИ. Среди других мест, где респонденты ранее имели возможность пройти стажировку, неоднократно указаны Казанский федеральный университет (либо его филиалы), медресе «Ак мечеть» (Набережные Челны), «Рисаля» (Нижнекамск), «Фанис» (Уруссу), курсы при мечетях других районных центров РТ. Из городов Волго-Уральского региона популярны Саратов, Пермь, Уфа, Пенза. Более 80% слушателей планируют в будущем повторное прохождение курсов повышения квалификации (в течение года – 31,5%, в следующие пять лет – 25%, в неопределенном будущем – 24%, в Центре повышения квалификации РИИ – 57%). Из них 73,8% заинтересованы в более глубоком изучении религиозных дисциплин, таких как арабский язык, *сира* (жизнеописания пророка Мухаммада), *хадисы* (предания о словах и действиях пророка Мухаммада), *таджвид* (правила чтения Корана), *акыйда* (вероучение), *тафсир* (толкование Корана), *фикх* (исламское право), *шариат* (комплекс предписаний), история Ислама, исламская этика (*әдәп-әхлак*), современное исламское право, организация работы имама, методика проведения проповедей и пр. Также 14,8% слушателей хотели бы усваивать на курсах знания в области светских дисциплин: психологии, педагогики, риторики, лингвистики, философии, истории Татарстана, межконфессиональных отношений и пр. Соответственно, ожидаемый преподавательский состав на курсах – это преимущественно исламские ученые-богословы (66% ответивших), тогда как знания светских ученых-исламоведов востребованы в меньшей степени (25%). Подавляющее большинство (более 80%) респондентов согласно с необходимостью регулярного повышения квалификации служителями мечетей, причем 75% полагают, что это должно происходить не реже, чем раз в 4 года.

Около 90% слушателей курсов указали, что в целом удовлетворены качеством образовательных услуг по переподготовке и повышению квалификации, полученных в РИИ, 10,5% отметили наличие недостатков организационного и методического характера. Среди рекомендаций по усовершенствованию курсов наиболее часто встречаются следующие:

– распределять группы обучающихся по уровню подготовки, языку обучения, возрасту;

– увеличить количество аудиторных занятий;

– во время занятий более активно использовать видеоматериалы;

– организовать библиотеку, а также спортзал для молодых имамов;

– организовывать экскурсии, религиозные мероприятия, чтение проповедей (вагаз) и пр.

Об удовлетворительном в целом качестве работы организаторов и преподавателей свидетельствуют также имеющиеся отзывы и добрые пожелания: *«Имамнарның белемен күтәрү курслары – бик яхшы гамәл. Оештыручыларга Аллаһның рәхмәте булсын! Ешрак булса бигрәк тә яхшы!» [«Курсы повышения квалификации имамов – очень хорошее дело! Организаторам – милость Всевышнего! Было бы хорошо, если бы почаще!»]; «Барысы да бик тәртип белән планлаштырылган» [«Все очень хорошо организовано»]; «Барысы гади канәгать» [«Все очень довольны»]; «Алда уңышлар телим» [«Желаю успехов в дальнейшем»]; «Озын гүмерле булсын» [«Долгой жизни»]; «Пожелать здоровья всем преподавателям!»* (Из анкет). *«Выражаю Вашему коллективу благодарность за сотрудничество и ответственный подход при организации учебного процесса. Актуальность тем, включенных в программу курсов по основным исламским дисциплинам и высокий профессионализм всего преподавательского состава Российского исламского университета, позволили повысить уровень знаний имамов сельских поселений, что, несомненно, укрепит традиционные ценности ислама среди прихожан. Желаю вашим сотрудникам доброго здоровья, благополучия в семьях, удачи в делах!»* (От главы Администрации Нижнекамского муниципального района РТ А.Р. Метшина).

Следует также отметить в целом заинтересованное участие слушателей курсов в проведении исследования. По большей части они охотно отвечают на вопросы анкеты и затем активно обсуждают затронутые в них проблемы. В некоторых случаях это даже побуждает хазратов к собственным изысканиям, к примеру, вопрос о религиозных авторитетах прошлого неизменно вызывает повышенный интерес к творчеству татарских богословов, таких как У. Имяни, Г. Курсави, Ш. Марджани, К. Насыйри, М. Бигиев и др.

Таким образом, образовательные услуги по переподготовке и повышению квалификации работников религиозных организаций в современных условиях представляются весьма востребованными. В мусульманских учебных учреждениях Татарстана (и в целом региона Поволжья) повсеместно организовыва-

ются краткосрочные курсы для имамов, преподавателей религиозных учебных заведений, журналистов, работающих в мусульманских СМИ и др. В Центре повышения квалификации РИИ для них разрабатываются адаптированные учебные программы на основе анализа профессиональной деятельности, требований, предъявляемых верующими, запросов мусульманских религиозных организаций, с учетом особенностей развития системы профессионального религиозного образования в современной России. Особый акцент делается на повышении квалификационного уровня служителей мечетей, являющихся лидерами мусульманских общин, ввиду особой значимости их деятельности для развития уммы. Материалы социологического исследования, демонстрируют спектр мнений и оценок имамов в отношении проблемы кадрового обеспечения махалля, организации курсов повышения квалификации, содержания учебных программ, путей совершенствования учебного процесса и др. Эти данные могут быть использованы для оптимизации работы мусульманских учебных заведений, общественных и религиозных организаций, в том числе и в работе Центра повышения квалификации РИИ.

ПОЛОМОШНОВ А.Ф.
(Россия, п. Персиановский Ростовской области)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В развитии исламского образования в постсоветской России четко выделяются два основных периода. Первый период – 90-е годы, начало 2000-х годов, когда происходило активное формирование исламских образовательных учреждений различного типа и уровня. По различным оценкам в этот период количество этих учреждений в России к началу 2000-х годов составило несколько сотен. Точные оценки количества исламских образовательных учреждений затруднены многообразием их форм и тем фактом, что значительная их часть не имеет государственной регистрации. Наиболее показателен рост количества средних и высших исламских образовательных учреждений. «Если в 1989 году в России было лишь одно реально действующее среднее Медресе имени Ризаэддина Фахретдина в Уфе, то к концу 90-х гг. было почти 100 таких учреждений, зарегистрированных Минюстом. Как отмечалось выше, статистическая численность не отражает реальную картину, но в любом случае этот рост был значительным, и до сих пор количество зарегистрированных исламских образовательных учреждений почти вдвое больше, чем православных»[1]. С этой оценкой

[1] *Муртазин М.* История исламского образования в России. URL: http://www.islam.ru/content/history/44741.

согласуется оценка М. Муртазина. «За последние 15 лет созданы десятки исламских медресе и институтов и два исламских университета в Москве и Казани»[1].

В период возрождения исламских образовательных учреждений в 90-е – начало 2000-х гг. возникла масса проблем. Их общую суть можно обозначить одним термином: дефицит. Существовала нехватка всего необходимого для организации нормального образовательного процесса:

1) дефицит квалифицированных педагогических кадров, действительных знатоков ислама, обладающих педагогической квалификацией;

2) дефицит качественной учебной и методической литературы;

3) практическое отсутствие государственного регулирования содержания и качества исламского образования;

4) отсутствие стройной системы исламского образования: масса разнородных, изолированных, не взаимодействующих в рамках стройной системы исламских образовательных учреждений, еще не образовала такую систему.

Поскольку в советский период исламское образование было сведено почти на нет, все эти дефициты обусловили крайне низкое качество возрождаемого почти из ничего отечественного исламского образования. «Все образование строилось на дореволюционном опыте, на учебниках XIX – начала XX веков, и сам стиль преподавания религиозных основ в современных медресе и исламских вузах России не намного отошел от досоветского прошлого»[2].

Решались обозначенные нами проблемы двумя основными методами. Первый метод – отечественное, местное меценатство и народное финансирование с опорой на местные кадры исламских священников. Второй метод – экспорт исламского образования из-за рубежа в основном из исламских стран – Турции, Саудовской Аравии и других. Зарубежная поддержка кадрами, учебными и методическими пособиями была отнюдь не бескорыстной, поскольку была использована нередко для распространения религиозного исламского экстремизма, салафизма, при одновременном вытеснении местного традиционного ислама.

Ключевую роль в распространении в России исламского фундаментализма и экстремизма сыграли мусульманские миссионеры. «В 1990-е годы зарубежные мусульманские миссионеры преподавали во многих российских учебных заведениях, а также вели занятия с молодежью во всевозможных «центрах... Именно под воздействием внешнего фактора отдельные сегменты российского традиционного ислама претерпели трансформацию, дрейфуя к фундаментализму»[3].

---

[1] *Муртазин М.* Гуманистические ценности и мусульманская молодежь России. URL: https://www.muslim.ru/articles/281/8564/.

[2] *Хайретдинов Д.* Исламское образование в России: история и перспективы. URL: http://www.islamrf.ru/news/analytics/expert/21737/.

[3] *Добаев И.П.* Мусульманское образование в России: состояние, проблемы и перспективы на Северном Кавказе. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35897.

В этот первый период – период экстенсивного роста исламских образовательных учреждений в России государство заняло вначале роль пассивного наблюдателя, не оказывая никакой поддержки возрождению исламского образования и не пытаясь регулировать и организовывать этот процесс, ограничиваясь лишь силовыми методами борьбы с пропагандой и пропагандистами исламского экстремизма.

В итоге к началу второго этапа: середина 2000-х годов в России образовалась широкая сеть исламских образовательных учреждений, локализованных в исламских регионах страны. Эта сеть включала в себя учреждения трех уровней: мактабы (начальные мусульманские школы при религиозных организациях), медресе (средние мусульманские школы) и исламские институты и университеты. Однако, данная сеть еще не представляла собой стройную, упорядоченную организацию или систему.

Успехи количественного роста исламских образовательных учреждений в 90-е годы – начале 2000-х годов лишь обострили комплекс фундаментальных проблем российского исламского образования.

Второй этап развития российского исламского образования можно определить как период выстраивания интегрированной в российское социокультурное пространство системы на смену хаотическому собранию разнородных, дезинтегрированных и самодеятельных по сути исламских образовательных организаций.

Ключевым событием этого второго этапа стало изменение политики государства в отношении исламского образования. Государство приняло на себя функции одного из основных регуляторов и организаторов системы исламского образования. В этом направлении можно выделить следующие важные шаги.

Во-первых, началось формирование нормативно-правовой базы взаимодействия органов государственной власти и исламских религиозных организаций. «Ответственными за реализацию данного проекта были назначены Министерство образования и науки Российской Федерации и Федеральное агентство по образованию. Был создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, функцией которого было осуществлять посредничество между государством и исламскими организациями, в первую очередь финансовое»[1].

Во-вторых, была разработана программа поддержки исламского высшего образования. А именно, были созданы в исламских религиозных вузах кафедры по преподаванию светских социально-гуманитарных дисциплин (история России, обществознание, регионоведение, теология и др.) в виде филиалов кафедр государственных вузов. «Финансирование государством данного проекта осуществлялось по следующим направлениям:

[1] *Войтенко В.П.* Отечественная система исламского религиозного образования в России: теория, история и современные реалии. URL: http://rusrand.ru/analytics/otechestvennaya-sistema-islamskogo-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii-teoriya-istoriya-i-sovremennye-realii.

1) финансирование из федерального бюджета Российской Федерации;

2) финансирование из бюджетов субъектов Российской Федерации;

3) финансирование через созданный Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования»[1].

В-третьих, государство стало выделять значительные средства на поддержку отечественного исламского образования. «Государство выделяет на развитие исламского образования значительные средства. По имеющимся данным, объёмы финансирования программы составляют один миллиард восемьсот миллионов рублей»[2].

В-четвертых, «Уже в 2003 году по поручению Президента Путина была подготовлена концепция развития исламского образования путем создания нескольких исламских университетов в Москве, Казани, Уфе, Махачкале и Грозном. Целью создания этих университетов была не только подготовка специалистов на своей базе, но и организационно-методическое объединение деятельности исламских учебных заведений более низкого звена – медресе и мектебов. Концепция была поддержана не только организационно, но и финансово, и для этого было реализовано два проекта: Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования и Комплексная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама под эгидой Минобрнауки»[3].

В-пятых, в 2005 году был создан Совет по исламскому образованию, который принял Единый образовательный стандарт по исламскому религиозному высшему образованию.

Несмотря на поворот государства к активному участию в организации отечественной системы исламского образования, выстраивание этой системы и ее интеграция в российское социокультурное пространство еще далеко не закончены. Существует еще достаточно много острых проблем построения и интеграции российской системы исламского образования.

Можно разделить эти проблемы на две группы: 1) проблемы внутренней интеграции системы: единство содержания, стандарты образования, методы, взаимодействия уровней образования и 2) проблемы внешней интеграции системы в социокультурную среду: 1) взаимодействие с властью, центральной и местной; 2) взаимодействие с мусульманской общиной (уммой); 3) востребованность мусульманского образовании; 4) кадры и трудоустройство выпускников исламских образовательных учреждений; 5) оптимизация международных связей; 6) интеграция в российскую образовательную систему в целом.

---

[1] *Войтенко В.П.* Отечественная система исламского религиозного образования в России: теория, история и современные реалии. URL: http://rusrand.ru/analytics/otechestvennaya-sistema-islamskogo-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii-teoriya-istoriya-i-sovremennye-realii.

[2] *Маркус Д.С.* А есть ли в России исламское образование? URL: https://www.islamnews.ru/news-140581.html.

[3] *Муртазин М.* История исламского образования в России. URL: http://www.islam.ru/content/history/44741.

Из всего комплекса проблем формирования системы исламского образования, на первый план выходят следующие: 1) проблема единства и системности регламентации; 2) проблема качества педагогических кадров; 3) проблема системной внутренней и внешней интеграции исламского образования.

На сегодня еще не преодолен до конца содержательный плюрализм исламского образования, в котором конкурируют три модели: традиционный ислам, фундаментализм и модернизм. Не преодолен и ключевой методологический плюрализм между различными системами преподавания:

«1) традиционное, изоляционистское и малограмотное низшее и среднее образование с элементами суфизма – у кадимитов;

2) реформаторское, рационалистическое исламское с элементами светского, среднее и высшее образование – у джадидов;

3) исламское высшее образование с элементами иностранной идеологии – у отдельных мусульманских богословов»[1].

Остро стоит на сегодняшний день и проблема педагогических кадров. Здесь задача состоит в том, чтобы обеспечить отечественную систему исламского образования отечественными высококвалифицированными педагогическими кадрами. Пока что эта задача не решена. «Необходимость подготовки собственных, российских кадров священнослужителей, способных защитить традиционные ценности ислама и одновременно уберечь отечество от влияния пришедшего извне квазиваххабитского исламизма, назрела давно. В свое время распространению радикальных исламистских идей помогла как раз неспособность мусульманского духовенства России что-либо противопоставить изощренной экстремистской пропаганде»[2].

Одной из важных проблем современного исламского образования в России является конкуренция с зарубежным исламским образованием, которое по качеству пока еще опережает отечественное. Эта конкуренция выражается в негативных для отечественного исламского образования явлениях, характеризующих определенную зависимость его от зарубежного влияния. А эта зависимость используется зарубежными образовательными организациями для внешнего воздействия на российских мусульман в духе экспорта исламского фундаментализма или модернизма и вытеснения традиционного ислама. «Внешнее воздействие на систему мусульманского образования в постсоветской России неоспоримо. Оно осуществлялось и осуществляется двумя путями: с одной стороны, у российской молодежи появилась возможность получать религиозное образование в других странах, с другой – образовательная система внутри страны нередко развивалась при содействии зарубежных «наставников». Однако этот

[1] *Хайретдинов Д.* Исламское образование в России: история и перспективы. URL: http://www.islamrf.ru/news/analytics/expert/21737/.

[2] *Добаев И.П.* Мусульманское образование в России: состояние, проблемы и перспективы на Северном Кавказе. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35897.

процесс по-разному происходил в различных российских регионах, в том числе и на Северном Кавказе»[1].

Можно еще долго перечислять проблемы современного исламского образования в России, но простое перечисление не приблизит нас к их решению. Ключевым моментом к решению всего комплекса проблем формирования интегрированной в российское социокультурное пространство системы исламского образования, на наш взгляд, должна сыграть разработанная коллегиально представителями государства и исламского духовенства новая современная «Концепция исламского образования в России». Здесь мы полностью согласны с И. Добаевым: «Настоятельно требуется переосмыслить место и роль системы мусульманского образования в нашей стране, улучшить взаимодействие государства и исламских институтов в этой сфере. Особенно остро эта проблема стоит перед органами власти и управления в Южном федеральном округе (ЮФО)»[2].

Подводя итог, хочется выразить уверенность и надежду в том, что задача построения внутренне и внешне интегрированной отечественной системы исламского образования будет успешно решена.

СИЗОНЕНКО З.Л.
(Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Больше половины взрослых россиян, согласно официальным данным, считают себя верующими людьми[3]. С социологической точки зрения приведенная статистика требует конкретизации и уточнения: в какой мере религиозны россияне, какие модели поведения склонны демонстрировать верующие. В таком контексте открывается возможность более глубокого анализа религиозной ситуации, качества межконфессиональных отношений, факторов формирования отношения к вере и верующим, религии и священнослужителям. В современных условиях в связи с наличием внешних угроз общественной и духовной безопасности, представленных в идеологии экстремизма, остро ощутима потребность в эмпирических индикаторах и объективной оценке степени религиозности.

---

[1] *Добаев И.П.* Мусульманское образование в России: состояние, проблемы и перспективы на Северном Кавказе. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35897.

[2] Там же.

[3] Данные российского опроса исследовательского холдинга «Ромир». Электронный ресурс: http://romir.ru/studies/898_1492030800/ Дата обращения: 29.12.2017.

В качестве необходимого и достаточного критерия религиозности ученые выделяют несколько признаков: во-первых, самоидентификацию индивида, во-вторых, «определенный круг мировоззренческих представлений, характерных для данного вероисповедания или группы вероисповеданий», в-третьих, совокупность определенных практик[1]. Наиболее значимой, безусловно, является самоидентификация индивида, как сложносоставное понятие, в котором изначально выделяется позиция индивида в отношении веры и неверия, затем, собственно, принадлежность к конфессии или к определенной группе верующих. При этом сам верующий может демонстрировать религиозные практики, либо веровать, но не соблюдать ритуалы, либо следовать им частично. В сочетании с проблемой религиозного радикализма можно ставить вопрос не только о личном соблюдении религиозных практик, но и вовлечения в них близких (детей, супругов, родственников) и других людей. Здесь в свою очередь прослеживается критерий степени и характера религиозности. Как отмечает Е.А. Колякина, «под степенью религиозности понимают определенный уровень интенсивности религиозных свойств индивида и группы, характер религиозности понимают как качественную и количественную особенность, специфику черт индивида, группы»[2]. Однако тот же автор признает, что приведенных категорий явно недостаточно для измерения вовлеченности индивида в религиозные практики, определения «глубины влияния религиозной веры на жизнь человека». В православно-христианском дискурсе активно используется термин «воцерковленность» как знание и понимание основ церковной жизни, устава, обрядов, обычаев, повседневных ритуалов, умение их исполнять. Применительно к исламу встречается термин «практикующий мусульманин», что подразумевает соблюдение определенных правил, например, в питании (стандарт «халяль»), чтение намаза, посещение мечети, совершение хаджа. В итоге количественные характеристики верующих по названным критериям можно получить лишь по субъективным суждениям респондентов. Неверующих также можно различать по «степени неверия»:

– неверие, но при этом толерантное отношение к верующим;

– неверие как полное равнодушие и некоторое раздражение по поводу религиозности практикующих верующих;

– неверие как полное отрицание веры, неприязненное отношение к верующим, в крайних своих проявлениях – агрессивное отношение к верующим.

Социологический инструментарий позволяет получить эмпирическую информацию по названным критериям и предпринять попытку определения значимых причинно-следственных связей и зависимостей. В плане измерения религиозности важно обозначить факторы, детерминирующие качество

[1] *Колякина Е.А.* Определение сущности понятия «религиозность» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. Том 13. С. 54.

[2] Там же.

межконфессиональных отношений. С этой целью сотрудниками Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы в июле-октябре 2016 г. было проведено комплексное социологическое исследование «Конфессиональные отношения и религиозное образование в Республике Башкортостан» (научный руководитель – Д.М. Абдрахманов). Методом анонимного анкетирования было опрошено 900 респондентов. Тип выборки – квотная, многоступенчатая. Выборка репрезентировала население Республики Башкортостан в возрасте 16 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Опрос проводился по месту жительства респондента.

Согласно полученным результатам, к верующим себя отнесли большинство участников опроса (82,5%). При этом 51,3% респондентов назвали себя мусульманами, 30% – православными христианами, остальные 1,2% исповедуют иные конфессии, 3,3% опрошенных затруднились назвать определенную конфессию, 13,8% заявили, что не считают себя верующими. Анализ возрастных характеристик участников исследования позволяет говорить о том, что среди верующих по-прежнему преобладают люди среднего и старшего возраста. Среди православных 27,3% верующих в возрасте 16–29 лет, среди мусульман 18,7%. В то же время среди мусульман значительная группа верующих старше 60 лет – 31,5%, тогда как среди респондентов христианского вероисповедания православных – 10,1%. Верующих среднего возраста (30–45) среди мусульман оказалось 27,4%, тогда как среди православных – 41,2%.

Среди православных преобладают жители городов (67,8%), тогда как мусульмане практически поровну проживают в городах и в сельской местности. 51,7% респондентов-мусульман живут в городах, 30,1% проживают в районных центрах и еще 18,2% – в деревнях и селах. Это важно для понимания уровня и качества жизни респондентов и их этноконфессиональных характеристик. В Республике Башкортостан присутствует ряд особенностей, которые следует принять во внимание при оценке состояния межконфессиональных отношений. Это, в первую очередь, ярко выраженный полиэтничный состав населения (здесь можно выделить три наиболее крупные диаспоры – русские, татары, башкиры), во-вторых – большая, по сравнению со среднероссийской, численность сельского населения. При этом в сельской местности проживают преимущественно башкиры – представители титульного для республики этноса. В итоге проблемы сельского населения в определенных ситуациях проецируются на этнонациональную структуру, создавая иллюзию неравенства в отношении некоторых народов, задавая тем самым импульс для разного рода конфликтов и негативных тенденций.

В целом, опрос показал, что в республике наблюдается толерантное отношение к верующим: 62,1% респондентов настроены положительно, причем абсолютное большинство (96,9%) из них сами верующие, православные (29,3%)

и мусульмане (33,3%), а также 1,8% атеистов. Лишь 1,7% респондентов заявили, что отрицательно относятся к верующим. Ожидаемо, что большинство опрошенных, негативно относящихся к верующим, составляют атеисты. Несколько странным выглядит то, что треть этой группы составляют мусульмане. Однако многомерный анализ не подтвердил предположения, что респонденты хотели продемонстрировать таким образом свое отношение к представителям других конфессий, поскольку все они заявили о равнодушном отношении к нагрудному кресту как внешнему признаку верующего человека. Большинство православных (54,9%) не просто положительно относятся к нагрудному кресту, но «хотели бы иметь».

К внешним признакам религиозности среди населения доминирует нейтральное отношение. Средний уровень раздражительного отношения к внешним признакам религиозности относительно невысокий, что также подтверждает толерантное отношение жителей Башкортостана к верующим. Обращает внимание тот факт, что наибольшее раздражение вызывают именно признаки принадлежности к исламу, среди которых негативным является отношение к хиджабу (9,6% респондентов заявили, что их крайне раздражает хиджаб), тогда как отрицательная реакция на остальные внешние признаки религиозности не превышает 2,9%. Среди православных уровень раздражения внешними признаками принадлежности к исламу фиксируется на уровне 13,4–19%, тогда как уровень крайнего раздражения не превышает 15,5%. Наблюдается значительное расхождение в оценке таких признаков принадлежности к исламу, как борода и тюбетейка, с одной стороны, и хиджаб – с другой. Среди респондентов, не считающих себя верующими, значительно выше уровень критического отношения к хиджабу. Отметим, что среди мусульман 5,3% указали, что их раздражает хиджаб, а 5,7% выбрали ответ «крайне раздражает». Вероятнее всего, это связано с тем, что традиционные мусульманские этносы Республики Башкортостан (башкиры и татары) не склонны себя отождествлять с арабской культурой. Наиболее спокойно респонденты относятся к тюбетейке (46,6% нейтральных ответов). Мусульмане в большинстве своем выразили положительное отношение к бороде, тюбетейке и хиджабу. Желание иметь подобные признаки религиозности высказали соответственно 13,2% (борода), 13,2% (хиджаб), 20,1% (тюбетейка) мусульман. Не стоит забывать и о гендерных аспектах вопроса: борода может восприниматься как элемент имиджа современного мужчины, тюбетейка также встречается как модный аксессуар. Но хиджаб вызывает ассоциации более конкретные, чаще негативного плана, указывающие, что обладательница платка мусульманка – покорная и готовая к соблюдению определенных традиций женщина. Некомпетентного в вопросах культуры ислама рядового обывателя такой образ скорее пугает, в отличие от восприятия мужчины с бородой или в тюбетейке.

Можно предположить, что выбор той или иной конфессии определяется респондентами в первую очередь исходя из принадлежности к конкретной этнической группе, а не усвоением конкретных религиозных догм. При распределении ответов по национальным группам отклонения от средних показателей незначительны, хотя среди башкир и татар о положительном отношении к верующим заявили 66,1% и 70,3% соответственно, тогда как среди русских 53,4%. Таким образом, русские более нейтральны (38,4%), чем башкиры (31%) и татары (26%) в своем отношении к верующим. Возрастной срез также не выявил серьезных отклонений от средних показателей. Люди старшего возраста традиционно более лояльны в отношении к верующим, т.к. в большинстве своем сами являются таковыми.

Косвенно на отношение к религии и верующим указывают позиции респондентов по поводу изучения школьниками предмета «Основы религиозных культур и светской этики». За его введение в школьную программу высказалось 35,3% опрошенных, 37,6% – нейтрально отнеслись к перспективе преподавания этого курса в школе, а 17,3% опрошенных выступили против. Опрос не зафиксировал общественного консенсуса по данному вопросу: в конфессиональном разрезе присутствуют существенные различия в отношении необходимости введения этого курса в школьную программу. Так, среди православных христиан доля сторонников преподавания «Основ религиозных культур и светской этики» не превышает 26,7%, тогда как среди мусульман составляет 50,3%. В отличие от мусульман среди христиан больше тех, кто отрицательно относится к преподаванию данного курса в школе (10,2% и 22,2% соответственно). Таким образом, ядерной группой сторонников введения предмета «Основы религиозных культур и светской этики» являются мусульмане. Положительное отношение мусульман к преподаванию предмета «Основы религиозных культур и светской этики», вероятнее всего, обусловлено сильным негативным информационным фоном в отношении ислама, что неизбежно ведет к росту настороженного отношения к мусульманам и желанием последних опровергнуть формирующиеся стереотипные суждения. Кроме того, обозначенный тренд омоложения приверженцев ислама требует качественного преподавания основ религий уже на уровне средней школы, чтобы удовлетворить растущие запросы со стороны мусульманской молодежи и предотвратить тем самым возможность вовлечения подростков в радикальные религиозные группировки.

Косвенные данные позволяют говорить о необходимости более активной разъяснительной работы духовных управлений мусульман (32,1%). Мусульмане лучше фиксируют такие проявления изменившегося отношения к исламу, как развитие мусульманского образования, ношение мусульманской одежды и строительство новых мечетей. Православными эти темы рефлексируются слабее. В ходе исследования не удалось выявить отношения респондентов

к происходящим изменениям в отношении к исламу. Наиболее значимыми признаками изменения отношения к исламу и мусульманам в обществе респонденты назвали строительство новых мечетей (45,1%), ношение мусульманской одежды (36,2%), распространение мусульманских традиций и ритуалов (30%). Также были отмечены такие свидетельства, как активность мусульманских лидеров (24%) и сильный информационный фон (25,5%). 39,3% опрошенных положительно отнеслись бы к тому, что их близкий принял ислам, 31,4% заявили о своем безразличии. Отрицательно высказались 19,1% опрошенных: 8,7% попытаются повлиять на решение, а 10,4% ничего не предпримут. Причем, среди тех, кто отрицательно отнесется к неофиту, 17% составляют мусульмане. По мнению респондентов, рост негативного отношения к мусульманам и исламу может быть вызван прежде всего международным терроризмом (73,1%), проявлениями религиозного экстремизма и радикализма (55,2%), преступлениями трудовых мигрантов (34,2%) и негативной информацией из СМИ и Интернета (31,2%). В этой связи ключевое значение приобретает правильная информационная работа СМИ и духовных управлений мусульман. Очевидно, что дестабилизирующим фактором является пребывание значительного количества нелегальных мигрантов. Поскольку большинство иммигрантов – выходцы из Средней Азии и Кавказа, общественным мнением они автоматически причисляются к мусульманам. В то же время отчетливо фиксируется разделение мусульман на «своих» (умеренных) и «чужих» (радикалов). Последние ассоциируются прежде всего с мигрантами.

Наряду с общепринятыми представлениями, исследование позволило выявить разное видение респондентами причин роста негативного отношения к исламу. Вне зависимости от вероисповедания, основными факторами, негативно влияющими на имидж ислама как религии, признаны международный терроризм, проявления экстремизма и преступления трудовых мигрантов. В то же время православные в большей степени, чем мусульмане в качестве возможных причин, способных вызывать рост негатива к исламу, рассматривают строительство мечетей (43,3%), распространение мусульманской символики (46,8% против 20,8%). Мусульман в большей, чем православных, степени волнуют такие факторы, как слабая подготовка священнослужителей (72,8% против 16%), изменение образовательного уровня населения (69% против 19%) и негативная информация из СМИ (59,4% против 26%).

Анализ полученных в ходе социологического исследования данных позволяет говорить о преобладании в обществе негативной оценки социально-экономической ситуации в республике (44%), хотя по уровню благополучия большинство населения находится выше черты бедности, лишь 11% опрошенных отметили, что «денег едва хватает на самое необходимое». Люди попрежнему озабочены главным образом экономическими проблемами: рост цен

7 171184

(43,3%) и экономический кризис (39,2%) являются доминирующими для всех категорий населения. Темы экстремизма и межнациональной напряженности маргинальны, волнуют соответственно 13% и 12,3% участников опроса. В перспективе кризисные явления в экономике могут негативно повлиять на межнациональные и межконфессиональные отношения в республике. Уже сегодня это проявляется в росте негативного отношения к трудовым мигрантам, большинство из которых – выходцы с Кавказа и стран Средней Азии. В обществе широко распространена отрицательная оценка (42%) влияния трудовых мигрантов на межнациональные и межконфессиональные отношения, причем среди православного населения она несколько выше (47,1%), что связано с восприятием трудовой миграции как одного из каналов проникновения и распространения в республике идей экстремистского толка.

Исследование позволило выявить несколько формализованное отношение большинства жителей республики к вере. Принадлежность к той или иной конфессии для большинства обусловлена устоявшейся традицией. Только 19% респондентов заявили, что им с детства строго прививали уважение к религиозным традициям, большинство из них – мусульмане (84,1%), православных в этой группе – 14,1%. В то же время православные преобладают среди респондентов, сообщивших, что в родительской семье им прививали уважение к религиозным традициям от случая к случаю (45,4%). Для 38,9% опрошенных знакомство с религией произошло благодаря религиозным праздникам. Необходимо отметить, что родители, которым с детства прививали уважение к религиозным традициям, планируют «учить вере» своих детей. В то же время среди респондентов, отрицательно относящихся к религии, 78,1% тех, кому в детстве не прививали уважения к религиозным традициям. При этом 21,7% респондентов-христиан не поднимают в семье вопросов, связанных с религией, тогда как среди мусульман доля таких респондентов составляет 8,6%. В целом, порядка 40,8% жителей республики стремятся прививать своим детям любовь к религии и уважение к религиозным традициям, тогда как 34,4% опрошенных считают, что дети самостоятельно должны «прийти» к вере.

Выбор конфессии, по мнению респондентов, в большинстве своем обусловлен принадлежностью к определенной этнической группе и не является осознанным выбором. Хотя респонденты, как правило, не отождествляли религию и этническую принадлежность. Более половины участников исследования (55,2%) полагают, что вероисповедание и национальность не связаны между собой. 25,6% респондентов считают, что все русские – православные, 26,1% опрошенных полагают, что все татары – мусульмане. Несколько выше процент участников исследования, полагающих, что все башкиры – мусульмане (33,4%). В срезе по национальностям фиксируются аналогичные результаты. 67,7% русских, 64,9% башкир и 61,5% татар согласны с утверждением, что

национальность и вероисповедание не связаны между собой, однако полученные в ходе исследования данные свидетельствуют об обратном. Так, среди русских 73,1% – православных и лишь 0,9% – мусульман. 18,7% русских не считают себя верующими. Русские составляют абсолютное большинство православных христиан в республике (94,3%). Среди татар и башкир доля приверженцев ислама составляет соответственно 86,6% и 85,6%. Лишь 0,4% башкир и 1,6% татар – православные христиане. Таким образом, в Башкортостане вероисповедание, как правило, определяется принадлежностью к определенной этнической группе. В этой связи подтверждается уже высказанный тезис об отсутствии самостоятельного выбора конфессии. Отчасти именно этот фактор обуславливает умеренность в межконфессиональных и этнонациональных отношениях.

Большинство мусульман Башкортостана ограничивается периодическим посещением мечети (37,6%) и соблюдением мусульманских праздников (38,2%), остальные ритуалы и традиции ислама соблюдаются в меньшей степени. В то же время, если 23,2% мусульман регулярно отмечают мусульманские праздники, то о регулярном посещении мечети заявили лишь 11%. Наиболее характерным проявлением умеренной религиозности является чтение никаха: 36,2% опрошенных мусульман указали, что им читали никах, тогда как 20,3% не сочли необходимым соблюдать брачный религиозный обряд.

У мусульман, в отличие от православных христиан, более артикулирован запрос на религиозные знания. Основные источники информации – общение с верующими и чтение литературы. Несмотря на то, что среди мусульман больше верующих, имеющих религиозное образование (12,1%, у христиан – 5,5%) и планирующих его получить (13,5%, у христиан – 3,5%), само религиозное образование остается непопулярным в числе других способов получения знаний о религии. Обращает внимание, что более 10% мусульман, получающих знания об исламе посредством общения с верующими и чтения религиозной литературы, это люди моложе 30 лет. Растущая религиозность становится тенденцией последних лет, особенно среди молодежи республики и, как следствие, наблюдается повышенный спрос на информацию об исламе. Среди тех, кто общается с верующими с целью получения знаний о религии, 41,7% – башкир, 31,3% – татар и 25% – русских.

Что касается религиозного образования, то почти треть опрошенных (28,1%) полагают, что в нем нет необходимости, 29,7% респондентов считают, что религиозное образование могут получить в духовном учреждении. Лишь 5,9% участников исследования допускают возможность получения религиозного образования в светском учебном заведении, но для четверти опрошенных (24,2%) религиозное образование тождественно самообразованию. Незначительная доля респондентов, считающих, что духовное образование можно получить в светском образовательном учреждении свидетельствует о том, что в обществе сохраняется доминирующее представление о светском характере образования

в целом. Стоит отметить, что лишь 2,4% респондентов готовы учиться, чтобы получить какие-либо знания о религии. Аналогичный показатель тех, кто уже имеет (или получает) религиозное образование. 40,6% опрошенных считают, что источниками религиозных знаний служат общение с верующими (21,8%) и религиозная литература (18,8%), 20,2% респондентов отметили развитие мусульманского образования как свидетельство изменения отношения к исламу в обществе. При этом почти половина опрошенных (49%) не знают о каких-либо религиозных образовательных учреждениях в республике. Соответственно можно сделать вывод об имеющейся потребности в качественном религиозном, прежде всего мусульманском, образовании и просвещении в республике.

Исследование позволяет утверждать о наличии тесной взаимосвязи между межнациональными и межконфессиональными отношениями. Последние оцениваются респондентами как «доброжелательные» и «скорее доброжелательные». По мнению опрошенных, реальных предпосылок для распространения экстремизма в республике не существует (35,6%), либо они незначительны (32,9%), что, однако, усиливает негативное отношение к трудовой миграции, как возможному каналу ретрансляции радикальных идей. Проведенное исследование свидетельствует о наличии среди населения значительного количества верующих, но умеренно соблюдающих религиозные традиции и в большинстве своем нейтрально относящихся к представителям иных конфессий и неверующим. Количество «воцерковленных» и «практикующих мусульман» в республике невелико. Со стороны неверующих наблюдается в основном сдержанное отношение к представителям практически всех конфессий, в том числе к мусульманам. Тем не менее, рассмотрение отдельных элементов религиозности, социальных практик, внешних признаков принадлежности к определенной конфессии, указывает на наличие некоторой настороженности в отношениях, что, в свою очередь, обуславливает необходимость развития системы религиозного образования и просвещения.

СОЕГОВ М.
(Туркменистан, г. Ашхабад)

О ЗНАМЕНИТОМ ШЕЙХЕ И ПОСТРОЕННОМ ИМ МЕДРЕСЕ

Еще в 1931 году туркменский ученый Абдулхеким Кульмухаммедов (1885–1932 гг.) в своей последней прижизненной книге на русском языке, ссылаясь на слова татарского ученого и богослова Шихабеддина Марджани (1818–1889 гг.), писал, что в 1236 году хиджры (соответствует к 1820 или 1821 году по христианскому летоисчислению), когда умер этот туркменский шейх, присутствовавший в трауре по случаю его кончины эмир Бухары Хайдар (правил

в 1800–1826 гг.) выразился, что в Бухаре было два эмира, из коих один умер, а один остался. Здесь он подразумевал себя и покойного[1]. В свое время еще отец Хайдара эмир Шахмурад брал у него уроки чтения Корана и обучался также другим предметам и должен был часто посещать его вечером и ранним утром. Шахмурад назначил его на должность проповедника (хатиб*)* пятничной мечети Бухары (месджид-и келан). Шейх, которого называли Пир-и дестгир («Наставник-хранитель») и ат-Дервиш аш-шереф («Благородный дервиш»), оставался в этой должности в течение без малого 30 лет (то есть как при Шахмураде, так и при эмире Хайдаре) вплоть до своей смерти. Шихабеддин Марджани обучался в свое время в Бухарском медресе «Чор-Минор» у сына того же туркменского шейха – мудеррисе Убайдуллахе (умер в 1269 / 1852-53 гг.).

С учетом материалов последних работ западноевропейских ученых Анке фон Кюгельген (Берн, Швейцария) и Михаэля Кемпера (Амстердам, Нидерланды) уточняем[2]: Его полное имя гласило как Абу Салих Мухаммед Ниязкули б. Шахнияз б. Балта-суфи ал-Халаджи ал-Лебаби ат-Туркмени ал-Бухари ал-Хорасани ан-Ниязи. Среди туркмен он был знаменит просто как Язгулы халыпа / Ныязгулы халыпа, а также некоторыми другими народными именами и религиозными санами. В своих поэтических сочинениях он сам обычно назывался тахаллусом Ниязи, а в прозе чаще всего – Туркмени. Его другими разными нисбами – тахаллусами пользовались в основном после смерти самого шейха Ниязкули в своих работах его ученики и многочисленные последователи.

Как следствие неизученности личности и наследия Ниязкули Туркмени в Интернете иногда появляются рекламные щиты, например, по туризму, где набожного шейха, служителя Аллаха называют богатым туркменским торговцем. Для наглядности приведем следующую цитату: «Интереснейший памятник архитектуры, медресе «Чор-Минор» («Четыре минарета») находится в северо-восточной части Бухары. Оно было построено в 1807 г. на деньги богатого туркменского торговца и путешественника Халиф Нияз-Кула, который побывал в Индии и был очень впечатлен знаменитым мавзолеем Тадж-Махал. Прибыв в родной город, он возжелал построить в Бухаре что-то подобное. Собственноручно сделав наброски, он призвал зодчих и астрономов и распорядился сделать расчеты, чтобы построенное здание отвечало двум запросам. Первое – оно должно быть по звездной карте на Шелковом пути, чтобы все туркмены, торгующие и путешествующие, хоть раз в жизни пришли и остановились в нем. И вторым условием стало задание зодчим. Им вменялось архитектурными формами рассказать потомкам, что части света, как и все люди, равны, что у всех одно

[1] *Кульмухаммедов А.* Материалы по Среднеазиатским литературным памятникам. Ашхабад, 1931. С. 44.

[2] *Кюгельген А.Ф.* Рассвет Накшбандийа-Муджададдийа в Средней Трансоксании с XVIII – до начала XIX вв.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сборник статей в памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб., 2001. С. 308–314; *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008. С. 315, 325.

небо над головами, под ногами одна земля, а над всеми единый Бог»[1]. Тем не менее, здесь правдиво сказано о цели построения медресе.

Как правильно отмечает Р. Альмеев, еще в средневековье в Средней Азии сложились архитектурно-планировочные каноны строительства медресе, и вплоть до XX века зодчие четко их придерживались. Однако при сооружении «Чор-Минор»а установленные правила нарушались на каждом шагу, потому что строители следовали желаниям и указаниям Ниязкули Туркмени, на чьи средства возводилось медресе. Поэтому в плане медресе представляет собой фигуру, не имеющую ничего общего с традиционной схемой медресе. Двор был обустроен одноэтажными худжрами разных размеров на каждой стороне. В середине двора располагался бассейн (хауз), облицованный каменными блоками. Западную половину двора занимала большая гузарная мечеть с девятью колоннами, залом и угловым айваном. В южной части были расположены конюшни, где содержались знаменитые кони – туркменские ахалтекинцы и каршинские карабаиры, привезенные для участия на скачках, а также для продажи. Здесь же был и огромный сад, часть которого сохранилась и по сей день. Данный комплекс, который складывался постепенно, содержался на средства Ниязкули Туркмени из доходов от его земельных владений, которые передавались в вакф[2]. Подобная материальная обстановка (по современной терминологии: учебно-материальная база) естественно обусловила не только новые методы обучения, но и несколько иное содержание самого образования.

В медресе «Чор-Минор», которое в народе было знаменито еще под названием «Медресе Ниязкули», обучались представители разных народов, в том числе татары. В качестве свидетельства об известности и глубоком почтении, которыми пользовался шейх Ниязкули среди своих татарских талибов, ученые цитируют следующие строки его воспитанника, поэта Абу-л-Маниха Каргалый (ум. после 1833 г.)[3]:

Нам-е Ниязколый, моршид-е заман
Торекмәни дию мэгьруф-е жиһан
Имя его – Ниязкули, он наставник эпохальный,
Туркмени – известен во всем мире’.

Можно с большой долей достоверности утверждать, что в десятые годы XX века в бухарском медресе «Чор-Минор» обучались не только Абдулхеким Кульмухаммедов, но и Берды Кербабаев, Караджа Бурунов, Мухаммет Гельдыев, Аллакули Караханов, Абдулла Геленов и другие видные деятели Турк-

[1] См. URL http://www.asia-travel.uz/uzbekistan/cities/bukhara/chor-minor-madrasah/ (23.08.2017).

[2] *Алмеев Р.* Основатель архитектурного комплекса «Чор-Минор» в Бухаре Ниязкули ат-Туркмени // Ислам в Содружестве Независимых Государств, 2011. № 3(4). Цитируется по сайту: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141 (22.08.2017).

[3] *Идиятуллина Г.* Развитие татарской общественной и богословской мысли в XVIII в. // Минбар, № 2. Казань, 2008. С. 34.

менистана начала XX века[1]. Примерно в это время в этом медресе работали преподаватели-прогрессисты Дамулла Ибрахим Мудеррис и Дамулла Икрам Мудеррис – стойкие последователи Ниязкули Туркмени. По нашему убеждению, в каком-то смысле медресе «Чор-Минор» был неким историческим прототипом и прообразом будущего медресе «Галия», который начал свою деятельность в 1906 году в Уфе, правда, совершенно в иных общественно-политических условиях. Богатое религиозно-педагогическое и литературно-научное наследие шейха Ниязкули Туркмени в целом представляет собой предысторию джадидизма в Средней Азии[2]. Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени, являясь видным религиозным реформатором, совместно со своими учениками (Курсави и др.) на ниве мусульманского образования Бухары («Ниязи был покровителем целого ряда либеральных ученых, живших в то время»[3]) подготовил благодатную почву для возникновения в будущем прогрессивного джадидского движения, охватившего уже в начале XX века многие стороны общественной жизни тюркских народов. Богобоязливый джадидизм, как известно, в отличие от последующего за ним безбожного социализма, наметил на будущее благородные цели, т.е. не классовую борьбу, а эволюционное развитие общества и нации, а также создание и укрепление новой государственности народов на основе не узкоклассовых интересов, а общенациональных приоритетов.

СОЛОДОВНИК Д.М.
(Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современная геополитическая ситуация представляет собой «взрывоопасный котёл», где исламский фактор занимает одну из главных позиций. «Политический ислам» вовсю используется западными странами, в особенности США, которым он и обязан своим возникновением, для продления своей мировой гегемонии при объективных мировых тенденциях перехода от «однополярного» мира к «многополярному». «Политический ислам», кульминационной формой

[1] *Söyegov M.* Türkmen Edebiyatında Ceditçilik Dönemi Hakkında Bazı Tesbitler ve Yeni Malumatlar // Bilig. Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi. Sayı: 7. Güz. Ankara, 1998. Sayfa: 112–221; Aynı Yazar. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Sayı: 7. Güz. Ankara, 2010. Sayfa: 327–338.

[2] *Соегов М.* Не менее известный наставник известного воспитанника: Ниязкули Халифе и Абу Наср Курсави (Краткий обзор литературы) // Тюркология. Научный журнал Международного казахско-турецкого университета им. Ахмеда Ясави, № 1–2 (51–52). Туркестан, 2011. С. 147–154; Его же. Из предыстории использования метода ‘Jeditçe’ в среднеазиатских медресе и мектебах: Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени, его ученики и последователи // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Выпуск 5. Вопросы психологии. Личность, образование, общество. Усть-Каменогорск, 2012. С. 18–26.

[3] *Кульмухаммедов А.* Указанная книга. С. 45.

которого является Исламское государство (ДАИШ – запрещена в Российской Федерации), представляет сегодня международный терроризм без национальных границ и этнической принадлежности.

Ислам, по сути, служит сегодня для террористов одним из мощных рычагов мобилизации. И это очень серьезный вызов всему мусульманскому миру, в том числе и мусульманской России. Поэтому главной задачей, которая должна объединить всех мусульман мира, является избавление исламского мира от радикальных религиозных взглядов, независимо от формы государственного политического устройства мусульманских стран с преимущественным или многочисленным мусульманским населением[1].

Если ислам как духовное учение – это религия самосовершенствования человеческой личности, поиск Света, то «исламизм» – политическая революционно-радикальная программа, утопическая во всех смыслах, приносящая хаос, страдания, гражданские войны, а также такие локальные мировые конфликты, в которых принимают участие десятки мировых держав, как это было в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене. Одним словом, мы живём в мире, в котором под лозунгами ислама могут с одинаковой вероятностью как взорвать бомбу, так и обезвредить её. Общеизвестный факт, который предвидел ещё в средние века Мухаммад о возможности существования внутри исламской религиозной системы 73-х фикха, то есть множество течений, сект, отдельных богословских школ, сегодня стало, с одной стороны, признаком силы исламского мировоззрения, а с другой стороны, его слабостью. Сила в этом смысле состоит, главным образом, в том, что мусульманскому богословию принципиально чужд догматизм, оно априорно открыто к реформаторству и трансформации через дискуссии и поиск своих путей развития. И многие страны и народы создают свои «суверенные» исламские богословские школы, свои «модели ислама», которые традиционно соответствуют их географическим условиям, историческому пути, современному уровню общественно-политического развития и государственного устройства.

Один известный хадис содержит историю: «…передавали, что Мухаммад несколько раз выносил решение в спорах о тексте, объявляя, что каждая из сторон права, поскольку он говорил, что «…Коран был ниспослан во множестве вариантов, так читайте же его, как вам легче всего»[2]. В подтверждение этого хадиса ссылаются на аят: «Читайте же из Корана то, что необременительно для вас»[3].

Именно поэтому, каждая страна вырабатывает свою национальную научно-методическую богословскую школу толкования Корана, сунны, хадисов. Это делается для того, чтобы обезопасить себя от радикальных толкований по одним и тем же вопросам, касающимся, главным образом, политико-правовых концепций исламской религии.

---

[1] *Балтанова Г.Р.* Исламская критика нового халифата // «Вестник экономики, права и социологии», №1, 2015.

[2] *Э. Кулиев.* «Коран. Перевод смыслов и комментарии», 2012.

[3] Там же. 2012. (73 сура, 20 аят).

Учение пророка Мухаммада, по мнению многочисленных экспертов, имеет диалектическую природу и «проявляет себя как противоположное социокультурное явление»[1].

В наличии «различных» мнений по разрешению противоречий кроется слабость исламской религии, которую вовсю эксплуатируют «исламисты». «Исламисты» отражают внутриисламскую серьезную идеологическую войну через обращение к отрывкам Корана и Сунны, которыми оправдывают свои преступления[2]. Эта реальность превратилась сегодня в настоящее испытание для мусульман всего мира и, в частности, для российской мусульманской уммы.

Что сегодня российская мусульманская умма, Духовные управления мусульман, муфтияты, мусульманское образование, светское исламоведение могут сделать, чтобы противостоять радикальным проявлениям в исламе? Только объединившись, совместно создать свою «научно-методическую школу аргументации» против «политического ислама». Исламский терроризм, идейно использующий политико-правовые концепции ислама в своих преступных целях, должен быть полностью делегитимизирован не только на уровне государственного запрета на деятельность подобных движений, групп, но и на уровне религиозно-доктринального.

На протяжении многих веков исламская политико-правовая мысль накопила множество внешне противоречивых идей, имеющих отношение к идейной базе исламского радикализма.

Это, в частности, по мнению многих известных экспертов, касается таких трактовок, как:

- единобожия («Таухид»);
- чистоты веры («Такфир»);
- основ власти и политики отношений государства и индивида («Фикх» и «Акыда»);
- применения насилия («Джихад»)[3].

Поскольку эти вопросы чётко не урегулированы в Коране и сунне, допускается их интерпретация, носящая зачастую субъективный характер и полностью зависящая от конкретного мусульманского богослова.

Отношение к критериям экстремизма (исламского радикализма) тоже всегда будет субъективно и полностью зависеть от конкретной, этническо-страновой богословской школы.

Поэтому именно «экзегетика» – «кораническое толкование» противоречивых идей и концепций Писания должна стать основой российской научно-методической богословской школы и мусульманского образования в целом. Следует

[1] *М.Т. Якупов.* «К проблеме единства ислама и источников ДАИШ в аспекте писания мусульман» // «Историческая и социально-образовательная мысль», 2016.

[2] *И. Дабаев, А. Дабаев.* «Исламское государство»: идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования // «Государственное и муниципальное управление. Учен. записки», 2017.

[3] *Л.Р. Сюкияйнен.* «Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма» // «Право», 2011.

иметь в виду, что исламская догматика – «Акыда», его политико-правовые нормы складывались в средние века в Саудовской Аравии в период становления ислама и нового государства, сопровождавшегося острым противостоянием и военными конфликтами с идейными противниками. Поэтому, объективно, многие нормы представляют собой далёкое историческое прошлое, но они имеют место быть в Писании. Мировая исламская мысль повсеместно сосредоточена на их толковании применительно к своим национально-историческим традициям и особенностям социально-политического и экономического развития отдельных государств. На этом должна быть сосредоточена и российская Богословская школа. Формирующаяся модель «российского мирного ислама» напрямую связана с историческими особенностями российской цивилизации, историей его возникновения и распространения на территории России. Российский ислам никогда не был воинственным, он формировался изначально как торговый и на Северном Кавказе, и в Поволжье. Формирование Российской Империи шло через политику ограничения, а потом и вовсе запрета Екатериной II «миссионерской» православной деятельности, именно для того, чтобы сохранить огромную многоконфессиональную Империю, как единое государство. На территории России не было религиозных войн, тотальных противостояний по религиозному признаку. Это ключевые фундаментальные преимущества нашего российского «мирного» ислама. Участие мусульман в государственном строительстве Российской империи – общеизвестный факт. Они были прекрасными защитниками своего Отечества, не изменяли ему даже тогда, когда противниками являлись их единоверцы. Многие представители дворянства носили мусульманские фамилии – Борис Годунов, Аксаков, Карамзин, Тургенев, Тютчев, Кутузов, Булгаков. Они были потомками мусульманской знати[1].

Россия уже более 1000 лет представляет собой уникальный по мировым меркам образец мирного сосуществования более 200 народов и национальностей. Специфика формирования российской цивилизации связана с развитием на её территории трех суперэтносов: славян, тюркских и финно-угорских народностей.

Российская цивилизация имеет принципиально важные особенности развития, которые серьезно выделяет её среди других цивилизаций мира. Она географически, исторически, этнографически представляет собой синтез Европы и Азии, некое новое качество, рождённое слиянием европейского и азиатского начал[2]. Ислам, как духовное учение, также вобрал в себя именно эти цивилизационные черты, поэтому на каждом этапе своего развития не мог не переосмысливать средневековые арабо-мусульманские компоненты богословской ортодоксии.

---

[1] «Исторический опыт Российской империи», 1999 г. №2 // «Русский исторический журнал».

[2] *Л.Н. Гумилев.* «Древняя Русь и Великая степь», М., 1989 г. С.11–25.

Характерно, например, высказывание депутата от мусульманской фракции Максудова в Государственной Думе в 1912 году. Он, в частности, сказал: «…между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует, эти две вещи совершенно совместимы; мы всегда будем выступать, как выступали до сих пор на общественных и международных аренах, как русские граждане (исламского вероисповедания), искренне желающие процветания и величия Российской государственности»[1]. Лучше о союзе российского ислама с государством не скажешь.

Исторически сложившаяся российская специфика такова, что религиозный фактор никогда в нашей стране не являлся единственно значимым фактором развития. Он никогда не определял гражданскую идентичность.

Для Российской исламской богословской школы необходима своя собственная «мирная модель», объединяющая наши традиционные суннитские мазхабы, которая максимально соответствовала бы реалиям современной российской государственности и задачам качественного обновления социально-политического и экономического потенциала страны. Не случайно, во всем мире широко известен хадис пророка, где Мухаммад говорил, что «Любовь к Родине – часть Веры»[2].

Несмотря на существующую сегодня «дробность» в исламском Духовном пространстве, есть основания утверждать, что контроль над ключевыми ДУМами со стороны «исламских радикалов» («ваххабитов») миновала[3] и самое время сосредоточиться на создании «единого исламского образовательного пространства», которое объективно связано сейчас с «Теологией». В 2011 году произошло историческое событие в развитии исламского российского образования: был утвержден Государственный образовательный стандарт по «Теологии», в том числе исламский модуль. В 2016 году, согласно приказу Министра образования и науки Российской Федерации, был образован Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук по специальности 26.00.01 «Теология».

Теология – это, по сути, соединение исламского богословия со светским исламоведением. Стандарт по теологии предполагает самое широкое его наполнение религиозно-доктринальной тематикой, а также светскими, необходимыми для каждого религиозного деятеля современными дисциплинами. Движение исламского российского образования по пути освоения Государственных стандартов по «Теологии», на наш взгляд, есть основа для самой широкой социализации мусульманской молодёжи, которая с государственным дипломом будет

[1] *С.Н. Максутов.* Выступление на заседании Государственной Думы 13 марта 1912 г. («Гос. Дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты», 1912 г. Сессия Пятая, ч. III, СПб., 1912. Столбцы 976–996).

[2] *Р. Ланда.* «Ислам в истории России», 1995. С.160.

[3] «Независимая газета», 21.06.2017.

востребована в разнообразных сферах общественно-социальной и политической жизни страны[1].

Понятно, что для Базовой «богословской части» ГОСа и нужна сформированная «научно-методическая школа аргументации», основанная на определённом мышлении и ревизии средневековых наслоений, а также на системной российской школе Экзегетики. В настоящее время российская исламская мысль переживает очень непростые времена: в Совете по исламскому образованию ведутся дискуссии о разработке и содержательной части стандартов российского исламского образования в средних и высших учебных заведениях. Эти дискуссии не могут быть не связаны с поисками идеологического суверенитета России в исламской сфере.

К этому процессу государство подключило светские вузы, где работают отделения исламоведения с ведущими учёными в области исламского права, Корановедения, хадисоведения. Думается, объединив усилия, мы создадим свою собственную модель российского ислама с новой системой координат, основанную на историческом преимуществе российской цивилизации, способную стать истоком глубинной трансформации богословской мусульманской мысли всего исламского мира. В этой связи замечательные слова сказал учёный-исламовед с мировым именем – ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, российский гражданин арабского происхождения – Тауфик Ибрагим о том, что у России сейчас есть все условия для того, чтобы освободиться от средневекового консерватизма и показать миру, каким должен быть ислам в XXI веке[2]. Тем более, как было отмечено выше, ислам принципиально по своей природе чужд догматизму, а значит открыт для дискуссий и трансформации.

Российской исламской мысли пришло время заявить о себе, как о самобытной богословской школе, свободной от арабской средневековой парадигмы. Тем более, что в мире нет образца «классической богословской школы ислама», как нет и образцового классического мусульманского образования. Классическим может быть только перечень дисциплин, а их содержание определяется мусульманским духовенством каждой страны, исходя из её неповторимой истории, современного социально-политического развития. В России власть и Вера никогда не были связаны, именно поэтому не было ни «русской», ни «исламской» теократии. Две религии традиционно составляли некий гуманитарный консенсус в отношении общей цивилизационной политической культуры России. Духовная культура в России не претендовала на «мирскую власть», поэтому не было и нет корней «политического ислама» в стране[3]. Миссия религии в России, даже

[1] *Р. Батров.* «РПЦ за то, чтобы была утверждена теология, боролась на протяжении 100 лет…» / (business-gazeta.ru).

[2] *Р. Батыр.* «Болгарская исламская академия – не место для дискуссий?» / Портал Богослов.ру.

[3] *С. Кимпаев, С. Измайлова.* «Прозелитизм в исламе» // «Исламоведение».

в самые тяжелые атеистические времена, заключалась в помощи власти и народу справляться с историческими вызовами. А они сегодня беспрецедентны! Россия в четвёртый раз за столетие совершает акт самостроительства (1917, 1941, 1991 гг. и в настоящее время), чтобы остаться в мировой истории как уникальная цивилизация со своим особым местом в равноправном многополярном мире. Но, чтобы выжить, все российское общество должно сосредоточиться на достижении нового качества развития страны, в том числе и в развитии исламской российской мысли и образования.

ТИМОЩУК А.С.
(Россия, г. Владимир)

ИСЛАМ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Ближний Восток – это древнейший регион проживания человека, где зародилось несколько цивилизаций, оставивших нам богатое культурное наследие. Египтяне и финикийцы, хетты и миттанийцы, шумеры и аккадцы, евреи и арабы, – все они за тысячи лет создали техническую и экономическую базу, на которую мы опираемся до сих пор: письменность, счёт и злаки. Самые большие по охвату авраамические религии тоже происходят отсюда. Ислам в социальном смысле – это влиятельная мировоззренческая система и, возникшая как способ коллективного преодоления тягот жизни, справедливого устройства общины в её стремлении к высшим ценностям и идеалам.

Россия издревле находилась на перекрёстке цивилизационных очагов, здесь жили индоевропейские, тюркские и угро-финские народы, стояли их города: Булгар и Суздаль, Дербент и Ладога, Казань и Москва. Сегодня как никогда нам необходима стратегия устойчивого развития российского общества и государства. Показательно, что научным центром разработки такой стратегии выступает сердце Евразии, древний город Уфа, где традиционно проводится большое количество конференций по общественным наукам.

Срез влияния религиозности на репродуктивные установки, проведенный на Южном Урале, показывает, «что среди респонденток, которые имеют троих детей, 91,9% составляют женщины-мусульмане»[1]. Существенно, что российский ислам более образованный и модернизированный. Так, в Средней Азии до сих пор рожают 5–10 детей, мало задумываясь о полноценной интеграции поколений в общество в плане образования и индивидуального развития. Российские мусульмане в среднем рожают 2-3 детей, при этом стараются дать потомству

[1] *Мельников В.В., Маркина А.Ю.* Репродуктивные установки женщин фертильного возраста // Электронный научно-образовательный вестник Здоровье и образование в XXI веке. 2009. Т. 11. № 4. С. 190.

качественное образование и полноценную интеграцию в обществе, открывая перед детьми высокие социальные лифты мобильности через государственное управление, военную службу, правоохранительную деятельность. Переход к малодетной семье, увеличение доли экономически самостоятельного городского населения, доступность образования и медицины – всё это вызовы Средней Азии XXI в., которые не стоят перед исламом в России.

Понимание особого статуса российского ислама – это один из доводов, почему рецепция идей из Саудовской Аравии, Египта, Сирии и других традиционных школ ислама должна быть осторожной и выборочной.

Исламская солидарность – это важнейший социально-политический фактор, который Россия должна учитывать в своей политике. В связи с этим чрезвычайно важно, чтобы российские мусульмане были, если не лидерами в исламском мире, но входили бы в ядро самых образованных, социально успешных и прогрессивных в мировой умме. Это влияет на международный статус Российской Федерации, имеющей долгосрочные отношения сотрудничества на Ближнем Востоке и Северной Африке. Затем это предотвращает от ненужной радикализации отечественных мусульман. Слабые позиции в сфере религиозного образования, низкая социальная мобильность, маргинализация, плохая экономика – всё это почва для увеличения активности экстремистов и террористов, эксплуатирующих идеи джихада, газавата, суда по шариату и т.п.

Специфические исламские интересы умеренных верующих не противоречат конституции России и касаются уважения веры, соблюдения праздников, возможности совершения паломничества. Всеобщие интересы российских мусульман резонируют с чаяниями всех граждан и касаются социальной справедливости, безопасности, развития здравоохранения, образования, экономических возможностей. Иначе говоря, то, что нас объединяет, имеет гораздо больший и повседневный фундамент, а то, что нас разъединяет, не выходит за рамки специфических интересов других социальных групп и не может быть серьёзным препятствием в развитии России как международного государства со своей историей, своими интересами, своим многонациональным и поликонфессиональным голосом.

Общая историческая судьба россиян, которую делят уже много веков христиане, мусульмане, буддисты, анимисты, агностики и просто светские граждане – это большой жизненный мир, сохранение которого способствует передаче российской культурной эстафеты и далее на многие лета.

Уникальный голос ислама в российской полифонии смыслов составляет ценный человеческий капитал: честный труд как путь праведности, забота о слабых, сострадание, милосердие, скромность, уважение старших.

Ислам и иудаизм представляют экофильное отношение к природе – животному разрешается причинять как можно меньше боли. Рационализированная

европейская классическая наука не давала животным малейшего права быть личностью. Так, Декарт, иезуит по образованию, проводил эксперименты над живыми эмбрионами коров, которых по его заказу ему доставал мясник. При этом он относил неродившихся телят к сфере протяжённой материи – res extensa (раз они не сомневаются, значит, не могут быть субъектами – res cogitans). Декарт, проводивший вивисекцию, убеждал себя и других, что крики животных – лишь симуляция.

Только в исламе благотворительность и забота о ближнем возведены в ранг обязательного религиозного принципа (закят). Социальное неравенство – это плодородная почва для идей насильственного установления справедливого общества. Особенность ислама заключается в том, что это единственная религия, которая включила в религиозные обязанности практику распределения богатства. Социально-экономический институт закят существенно отличается от христианской милостыни или индобуддийского данама. Это не благотворительность богатых по отношению к бедным, а акт нравственного воспитания, практика социальной солидарности. Ислам можно назвать духовным коммунизмом. Отличие заключается в том, что собственно коммунизм не имеет трансцендентной цели, а ислам представляет собой долгосрочную основу как мирского, так и священного порядка. Закят – это форма поклонения Всевышнему и неисполнение его является грехом. Таким образом последовательно осуждаются расточительство, гиперпотребление и роскошь.

Радикальные исламские группировки – это протестные организации, стремящиеся через возврат к исходным положениям Мухаммада реорганизовать государственную и общественную жизнь. Стихийный протест против городских купцов и богачей выразился в XVIII в. в течение ваххабитов. Последователи Мухаммада ибн Абдель Ваххаба, продолжая традиции суровой ханбалитской школы, требовали возвращения к патриархальной простоте жизни первых веков ислама, строгого исполнения предписанных обрядов и запретов, уничтожения роскоши, боролись с европейскими культурными влияниями, не признавали культа святых, поклонялись только одному Богу. После жестокой борьбы с противниками ваххабиты к началу XX в. взяли верх в государстве Неджд (Внутренняя Аравия), а потом подчинили себе Хиджас с городами Меккой и Мединой. В государстве Саудовской Аравии, объединившем обе области, ваххабизм сделался господствующей религией.

Этот исторический сюжет демонстрирует, насколько важна экономическая, социальная и правовая тема для религиозных движений. Ведь христианство и буддизм также возникли как реакция на угнетённое состояние низов и провозгласили чёткие социальные идеалы: справедливость, равенство, забота о ближнем.

В условиях экономического неравенства и продолжающейся институализации ислама, особую опасность для государства и общества представляют формы радикального ислама, которые выступают против светского образования, регионального ислама, равенства мужчин и женщин, вынашивают идею насильственного создания исламского государства-халифата.

Построение гражданского общества в России невозможно без развития коммуникативной рациональности, одной из слагающих которой является уважение конфессионального разнообразия, а также способность государства слышать голос народа, выравнивать экономические возможности, создавать социальные лифты.

ФРОЛОВА О.А.
(Россия, г. Москва)

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ИСЛАМА В РОССИИ И МИРЕ

Современный состав общества Российской Федерации является многонациональным, мульти-культурным и мульти-конфессиональным: этнический состав населения представлен более чем 150 народами, религиозная окрашенность которых также является разнородной (подробные данные о религиозном составе населения Российской Федерации отражены в Таблице 1)[1].

На территории Российской Федерации доминирующие позиции сохраняет христианство – более 50% населения, последователей ислама – более 10%.

Согласно данным последней переписи населения в России проживает порядка 20 миллионов мусульман. Эти цифры неоднократно озвучивались руководителями страны, в том числе и Президентом Владимиром Владимировичем Путиным[2]. Однако, в неофициальных источниках нередко фигурирует цифра именно в 30-35 миллионов мусульман в России.

Система образования в современном мире оказывает значительное воздействие не только на уровень занятости, но также является одним из ключевых факторов обеспечения политической стабильности ввиду формирования человеческого капитала страны. Экономическая функция специфического регулятора рынка труда в контексте образования также выступает важнейшим аспектом[3].

---

[1] Религиозный состав населения России. Электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2012. Режим доступа: http://megabook.ru/article/Религиозный%20состав%20населения%20России.

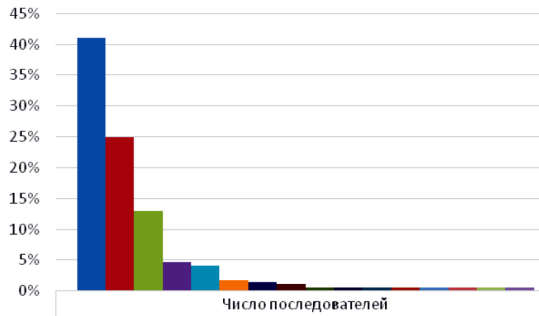
[2] Путин поздравил российских мусульман с праздником Ураза-Байрам. РИА Новости, 25.06.2017. Режим доступа: https://ria.ru/religion/20170625/1497242959.html.

[3] *Иванов В.Г.* «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть I / В.Г. Иванов / Вестник РУДН, серия Политология, 2011. № 4. С. 6–10.

Не отвечающая современным вызовам система образования выступает важным катализатором социальных и политических потрясений, может становиться краеугольным камнем стабильности политического режима, в данной связи важна роль системы образования как инструмента воспитания религиозной терпимости в обществе и соответственно, как гаранта стабильности государства в мульти конфессиональном обществе.

В данных условиях актуализируется необходимость воспитания и сохранения среди населения терпимости и взаимоуважения к культурным традициям и верованиям других для поддержания национальной целостности и гражданской стабильности.

Таблица 1. Религиозная "карта" Российской Федерации

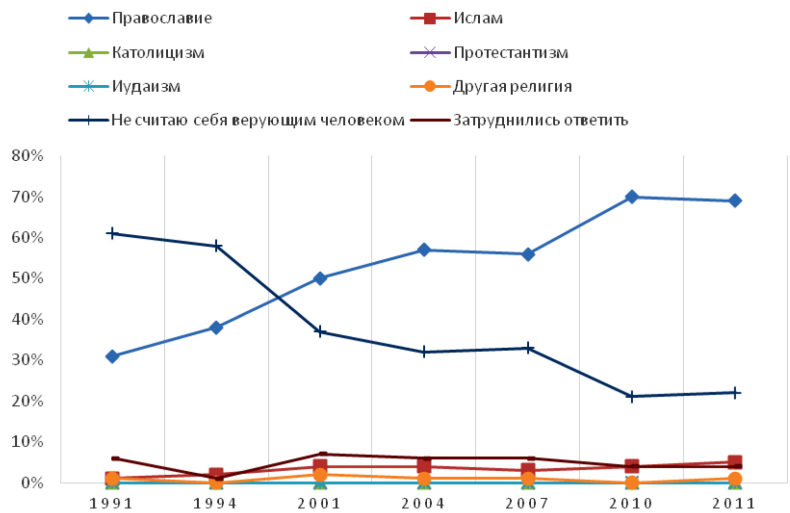
Православные (воцерковленные)	41%
Верующие (без определенной религиозной принадлежности)	25%
Атеисты	13%
Мусульмане	4,70%
Христиане	4,10%
Мусульмане-сунниты	1,70%
Православные вне Церкви	1,50%
Язычники	1,20%
Буддисты	0,50%
Староверы	0,50%
Протестанты	0,50%
Мусульмане-шииты	0,50%
Католики	0,50%
Иудаисты	0,50%
Индуисты	0,50%
Пятидесятники	0,50%

В современной России заложен достаточно прочный базис мультикультурного мирного сосуществования народов и взаимоуважения культур. Тем не менее, ввиду распространения экстремистских группировок и увеличения террористических атак в мире под эгидой ИГИЛ, в общественном сознании закрепилось искаженное восприятие ислама в контексте терроризма. Данная тенденция является серьезным вызовом для стабильного существования мультиконфессионального общества.

Одним из наиболее эффективных инструментов изменения восприятия ислама и мусульман является просвещение и разъяснение культуры и принципов ислама для широкой общественности. В данном контексте особое внимание важно уделить развитию данного аспекта в современной системе образования на территории Российской Федерации, так как именно молодежная среда зачастую очень восприимчива и нетерпима в таких вопросах как религия.

Возвращаясь к опыту советского периода, важно обозначить, что политическая система полностью вычеркнула религиозный аспект из системы образования. В итоге, в советской государственной системе были созданы такие условия, при которых сформировались две системы образования, функционирующих параллельно: основная – государственная, не признаваемая государством – религиозная. Советская идеология подменяла религию, своего рода, коммунистической квазирелигией, так как в сознании общества был запрос на ценностное наполнение общественного сознания. С процессами распада СССР в 1990-х годах, возникла необходимость замены коммунистической квазирелигии, что привело к тенденциям возрождения религиозных организаций и росту числа верующих (см. график 1)[1].

ГРАФИК 1. ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: 1991 — 2011

Согласно социологическим данным, с 1991 по 2011 год среди населения России практически на 40% увеличилось количество тех, кто считает себя верующим.

[1] Изменения в религиозном составе населения России: 1991–2011 годы. Электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2012. Режим доступа: http://megabook.ru/article/Религиозный%20состав%20населения%20России.

Несмотря на очевидный рост общественного интереса к вопросам религии, на государственном уровне не было заложено четкой политики просвещения и ознакомления с основами религиозных культур.

В 1997 году был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который практически полностью дублирует модель североамериканского проекта секуляризации и позиционирует религию как «выбор каждого». Соответственно и в системе образовательная просветительская деятельность в изучении основ религиозных культур никак не велась, оставаясь личным делом каждого.

Усиление дискуссий о параметрах взаимоотношений светского и религиозного образования отмечается на рубеже XX и XXI веков. Основным толчком послужило развитие и распространение деятельности образовательных учреждений, функционирующих под эгидой религиозных организаций, в частности, масштабы повсеместного характера приобрела работа воскресных школ.

В общеобразовательных школах только с 2010 года по инициативе Министерства образования в качестве федерального компонента был включен в программу предмет – основы религиозных культур и светской этики (ОРКСЭ), данная дисциплина включает шесть модулей по выбору учеников или их родителей, в частности: список модулей: «Основы светской этики», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы православной культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы буддийской культуры». Стоит обозначить ряд особенностей преподавания, которые оговорены на законодательном уровне, среди них: культурологический характер дисциплины, а не богословский; обучение проводят светские педагоги; каждый модуль раскрывает общие представления о всех мировых религиях.

С каждым годом между системами светского и духовного образования продуцируется больше общих тем, которые обсуждаются совместно. В некоторых университетах стали открываться кафедры теологии (надо отметить, что данное обстоятельство спровоцировало острую дискуссию среди научно-академического сообщества), более того, открытие храмов при заведениях высшего образования за последнее десятилетие стало, своего рода, трендом[1].

Несмотря на то, что процессы секуляризации приобрели глобальный характер в XX веке, к началу XXI века стало очевидным, что роль религии в государственной системе воспитания, то есть образования, сохраняет определенное влияние на жизнедеятельность социума, тем самым доказав свою способность адаптироваться к изменяющейся секулярной ситуации.

Современная ситуация, в том числе наличие немалого числа прецедентов в делах судопроизводства, демонстрирует запрос на необходимость сформулиро-

[1] *Маслова И.И.* Духовное и светское образование в России: состояние и взаимодействие (вторая половина XX – начало XXI вв.). // Актуальные вопросы русской православной церкви в XX веке. 2014.

вать на законодательном уровне более четкие регулятивные механизмы, которые занимались бы выстраиванием взаимоотношений в вопросах образования и религиозного просвещения с точки зрения формирования культурного кругозора и воспитания взаимоуважения и толерантности в обществе. Безусловно, данная инициатива должна исходить со стороны государства и устанавливать формат просветительской, а не богословской направленности, чей инструментарий должен распространяться не только в стенах образовательных учреждений, но и в более широком социальном формате. Отсутствие работы в данном направлении уже демонстрирует негативные результаты: общественный запрос на поиск моральных и идеологических смыслов привел к развитию радикальных религиозных группировок, которые уже переросли в проблему мирового значения.

ХАСАНОВА З.Ф.
(Россия, г. Уфа)

КУРБАН-БАЙРАМ У БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2017 ГОДА

Курбан-байрам или Ид аль-адха (араб. عيد الأضحى – праздник жертвоприношения) – исламский праздник окончания хаджа, отмечаемый через 70 дней после праздника Ураза-байрам, в 10-й день месяца Зуль-хиджа в память жертвоприношения Ибрахима, считающегося в исламе пророком. Курбан-байрам является не только одним из самых почитаемых праздников у мусульман, но и одним из самых известных (узнаваемых) среди всех мусульманских праздников в мире.

В русском языке закрепилось название Курбан-байрам. Первая часть этого слова курбан происходит от арабского قربان («жертва»), вторая часть – тюркское слово байрам («праздник»). Праздник длится три дня, в течение которых можно заколоть жертвенное животное. Жертвоприношение в праздник Курбан-байрам не является обязательным для каждого верующего, но оно желательно для тех, кто является достаточно обеспеченным, чтобы его совершить[1].

Первые письменные упоминания о проведении Курбан-байрам у башкир относятся к XVIII в. И.Г. Георги пишет, что в этот день башкиры «попеременно с женами одни у других гостят… тот кто старее всех, бывает старшим, несмотря на то, хозяин ли он или гость[2]. Дореволюционный автор М. Баишев, описывая

[1] *Абсалямова Ю.А.* Курбан-байрам и практика жертвоприношения животных у башкир// Краеведческие записки Сибайского музея. Вып. 3.: Сборник статей. Сибай, 2016. С. 3.

[2] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. С. 105.

жизнь башкир деревни Зианчурино в конце XIX в. отмечал, что из всех религиозных праздников они отмечают Ураза-байрам и Курбан-байрам[1]. О жертвоприношении у башкир писал С.И. Руденко: «В некоторых случаях, когда в семье был тяжелобольной, в жертву (корбан) приносилось какое-либо животное, чаще овца»[2]. А.Б. Юнусова в работе «Ислам в Башкортостане» рассматривала Курбан-байрам в 50-е годы XX в. в городах республики[3]. Ю.А. Абсалямова в статье «Курбан-байрам и практика жертвоприношения животных у башкир» описывала условия проведения ритуала[4]. В данной статье будет рассматриваться современный Курбан-байрам у башкир инзерского бассейна на примере его празднования в с. Шигаево Белорецкого района РБ. Статья написана на основе полевых материалов автора.

Башкиры к Курбан-байрам готовятся основательно: детям покупают новую одежду, проводят уборку дома, делают домашнюю лапшу (*тукмас, һалма*), пекут мучные изделия (*йыуаса*, блины, пирожки). Мужчины убираются во дворе. Накануне праздника топится баня, моются все члены семьи. В завершение с головы до пятки обливаются водой – *Ғөсөл койоналар*, при этом читают молитву (кто знает) или произносят слова «*Бисмилла иль рахман-иль-рахим!».* В день праздника одевают чистую (если есть, то новую) одежду. На Курбан-байрам активно участвуют и дети. Во время праздника дети (до 14 лет) ходят по домам и собирают *хәйер* (гостинцы), этот процесс называется *әйсәләү*. В *хәйер* входят продукты питания – мучные изделия (как покупные, так и домашнего производства – блины, *йыуаса,* печенье), сладости (конфеты, мармелад и пр.), а также монеты. После получения гостинцев говорят: *«Аятығыз кабул булһын!».* Хозяин дома отвечает *«Аминь!». Әйсәләү* по своей форме проведения напоминает колядование у православных, когда во время праздника Рождества, Пасхи дети ходят по домам и собирают подарки. Возможно, *әйсәләү* было перенято у русского населения Белорецкого района РБ.

За несколько дней до праздника на центральной улице деревни организаторы вешают объявление с информацией о его проведении, также о том, кто в этом году приносит жертву и приглашают всех желающих в мечеть на Курбан-байрам. В 2017 году в мечети три человека совершают жертвоприношение. Еще четыре человека режут овец у себя на дворе.

В качестве жертвы приносят овцу или барана, возраст которых должен достигнуть полугодовалого возраста. Обычно берут животного любой масти. По особым событиям приносят жертвоприношение барана белого цвета (*аккорбан*) – например, по случаю рождения долгожданного ребенка, благополучного воз-

[1] *Баишев М.* Деревня Зианчурино Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела РГО. 1895. Вып. VII. С. 19.

[2] *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 277.

[3] *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 226.

[4] *Абсалямова Ю.А.* Указ. соч. С. 4.

вращения сына со службы в армии. Животные должны быть не мечеными, бараны не кастрированными. Жертву назначают задолго до праздника, их держат в хозяйстве, не выпускают пастись, хорошо кормят. И удмурты во время жертвоприношения Луду выбирали животных не меченых, а бараны не кастрированными, т.е. у животного не должна быть пролита кровь[1].

В мечети праздник начинается в 9 утра с прочтения праздничного намаза. Мужчины и мальчики, женщины и девочки читают его в отдельных комнатах (в некоторых мечетях пространство делится на две части с помощью занавеси (*шаршау*)). После намаза желающие раздают милостыню – *хәйер*. После этого заранее извещенный мулла выходит во двор мечети и проводит заклание (*сала*). Перед жертвоприношением над животным мулла читает молитву, при этом смотрит в сторону киблы. Обычно разделывает тушу животного либо хозяин, либо его помощники, но обязательно мужчины, которые провели омовение (*мәһәрәт алыу*). Тушу делят на три части. Одну часть мяса в тот же день варят возле мечети в больших котлах, вторую часть раздают малоимущим и больным, а третью часть дают жертвователю, он, в свою очередь, может раздать родственникам, соседям или позвать домой на *курбан ашы*. Человек, ради которого принесена жертва, должен обязательно попробовать мясо животного. Внутренности животного дают малоимущим или многодетным семьям. Шкуру животного получает мулла или его помощники. Голову и кости жертвы после приема пищи закапывают. Те, кто проводит жертвоприношение дома, в течение трех дней на дом приглашают муллу, он совершает все обряды.

К 12 часам жители деревни (дети, женщины, мужчины) приходят в мечеть. Все желающие в качестве *хәйер* приносят домашнюю лапшу – *һалма,* картошку, хлеб, чай, сахар, фрукты, печенье, пироги и мн. др. Все ставится на стол. В 13 часов читают дневной намаз, в этом участвуют все, кто пришел на праздник. После намаза организаторы проводят с детьми викторину на знание ислама. Победителям дают подарки.

Башкиры на территории республики в Курбан-байрам из мяса животного готовят национальное блюдо – *бишбармак*, в с. Шигаево Белорецкого района в том числе. В мечетях г. Уфы, учитывая многонациональный состав и численность прихожан, на территории мечети готовят плов.

В мечети на трапезе *курбан ашы,* где подают *бишбармак,* дети располагаются отдельно (в 2017 году их было около 50), мужчины и женщины за отдельными столами. Оставшуюся еду все желающие уносят домой тем, кто не присутствовал на празднике, потому что она считается намоленной, и тому, кто попробовал, Аллах дает здоровье и долголетие. Поэтому все стараются ее попробовать; ее запрещается давать собакам или кошкам. В мечети праздник заканчивается примерно в 6 вечера.

[1] *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. С. 55.

Башкиры, кроме Курбан-байрам, приносят жертвоприношение по обету *назр*. Обет заколоть жертвенное животное в случае исцеления от болезни, успешного разрешения какого-нибудь важного дела. Отличие его в том, что жертвенное мясо полностью раздается, и хозяину его нельзя есть. Другой случай – рождение ребенка: в знак благодарности Аллаху при рождении мальчика закалывают двух овец, при рождении девочки – одну. Такой курбан называется *аҡыйҡа ҡорбаны* или *инсе ҡорбан* (именной курбан). «Оба вида курбана практикуются в настоящее время среди башкир, хотя и не столь распространены», отмечает Ю.А. Абсалямова[1], но у башкир инзерского бассейна с каждым годом они становятся более популярными, особенно среди молодежи.

Курбан, кроме значения праздника, проводимого после хаджа, означал принесение жертвы с определенной целью: с пожеланиями благополучия дома, здоровья, с просьбами об урожае, дожде и пр.

Таким образом, башкиры инзерского бассейна Курбан-байрам проводят активно, с участием пожилых и детей. Одна из его особенностей то, что до сих пор на данной территории существует *әйсәләү*.

ХАЗИЕВ В.С., НУРИАСЛЯМОВ Р.Н.
(Россия, г. Уфа)

СИНТЕЗ ИДЕЙ: ХАМАДАНИ И СОВРЕМЕННАЯ ПЕДАГОГИКА О ЦЕЛОСТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Интерес к прошлому, в данном конкретном случае к биографии и творчеству Мир Саида Али ибн Шихаб ид-дин ибн Мухаммад Хамадани (1314–1384 гг.), не случаен.

Тот, кто не знает свою историю и не ценит достижения прошлых поколений, не способен в полной мере положительно воспринимать и ценить настоящее, а также прогнозировать безопасное будущее.

Наследие великого мыслителя огромно и многообразно. Оно будет жить вечно.

Мы коснемся лишь одной идеи Хамадани, которая эхом отозвалась в веках и имеет огромное философское, антропологическое и педагогическое значение и для современной нашей жизни.

Суфий, философ, поэт, теолог, педагог – говоря о Хамадани, этот ряд можно продолжить, но везде в центре рассуждений Хамадани находится человек и его духовная сила. Речь о человеке, который стремится обрести рай, очистившись от бытовой грязи, мелочной суеты, самодовольного застоя. Как видим, масштаб

[1] *Абсалямова Ю.А.* Указ. соч. С. 5.

обозначен ясно и четко. От земного, временного ничтожества до вечного совершенства. На этом пути человек делает окружающий его мир справедливым, благородным, истинным, красивым, добрым. И каждый человек несет ответственность за выбор такого пути, считает Хамадани. Всевышний дал человеку ум и доброе сердце, с помощью которых он свободен сам выбрать путь совершенства.

Тема статьи – посмотреть на синхронные идеи в современной культуре.

Поэтому позволим перескочить к одному из величайших европейских мыслителей – к одной интересной мысли Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.), который почти буквально повторяет мысли Мир Саида Али Хамадани.

Речь о том, что человек единственное, по словам Леонардо да Винчи, «звено в цепи природы, с помощью которого она, природа, содержит себя в гармонии». Уточним. Далее по его тексту становится понятно, что человек вносит в природу такие элементы как Добро, Красоту и Истину.

Вдумаемся в то, какое высокое предназначение, по словам Л. да Винчи, уготовило мироздание для человека. Без человека природа оставалась бы косной материей, лишенной самосознания красоты, доброты и истины. То есть, без человека природа была бы даже не в состоянии понимать, что она может быть носителем доброты, красоты и истины. По мнению великого флорентинца, это одна сторона дела.

Другая в том, что человек сам в ответе за то, каким он станет в этой роли. Человек своим умом, трудом и верой может расширить или сузить масштабы своего пребывания в мире. За тот короткий отрезок земной жизни, уготованной ему судьбой, он может внести в мир добро, красоту и истину, то есть стать тем звеном в цепи природы, которое вносит свою лепту в гармонию мироздания.

Однако, среди афоризмов «Леонардо, сына господина Пьеро из Винчи» можно увидеть и возможность другого выбора человека. Этот афоризм звучит жестко, но это, к сожалению, горькая правда. Такие люди встречаются не редко и в нашей жизни. Л. да Винчи говорит, что «некоторые люди должны называться не иначе как проходами для пищи, производителями дерьма и наполнителями нужников, потому что от них в мире ничего другого не видно, ничего хорошего ими не совершается, а потому ничего от них не остается, кроме полных нужников». Таковы две философии жизни, которые может выбрать каждый человек сам для себя.

Два мыслителя, разделенные друг от друга более чем 100 лет, но как роднит их гуманистический взгляд на жизнь человека, на понимание смысла и сущности его земной жизни, его целей, его идеалов и божественного долга перед миром.

Но наша тема не о философии человека вообще, а о целостном человеке, о котором страстно говорит Мир Саид Али Хамадани. В таких работах как

«Мир'ат-ут-таибин», «Адаб-ул-машаих», «Рисалае футутия», «Захират-ул-мулук» и других Хамадани не устает повторять, что только добродетельные действия ведут человека к счастью, земному и вечному. Лишь тот, кто отличает истину ото лжи, добро от зла, красоту от уродства, суфийскую мудрость от аффектов души, лишь тот, кто понимает, что такое добродетель, может достичь божественного совершенства.

Вопрос о целостности человеческого бытия актуален и сегодня. Истина проста. Противостояние науки и религии, знаний и веры, ничего для граждан СССР не дало. Ни науке и ни религии. Если человеку для счастья земного и вечного нужны и научные знания, и вера в бессмертие индивидуальной души, вера, что есть Высшая абсолютная сила, которая воздаст всем за добрые и злые поступки, никто не имеет право лимитировать этот выбор человека. Так думал Мир Саид Али Хамадани за столетия до Советского Союза. И эту истину понять и восстанавливать сегодня нам помогает его творческое наследие. Чтобы понять истинную глубину мудрости идеи Хамадани совершим еще один экскурс в историю западноевропейской философии. Обратимся еще к одному великому мыслителю Запада, к идеям Иммануила Канта, и посмотрим, насколько удивительно похожи они на то, о чем говорил Хамадани за 400 лет до него.

Если предельно схематизировать самый главный вопрос философии обучения и воспитания, то он о том, как образование может расширить свой масштаб до пределов абсолюта (Бога), или как абсолют (Бог) может присутствовать в процессе обучения и воспитания в каждом отдельном человеке.

Рассмотрим один лишь фрагмент из общей картины педагогики. В этом фрагменте отражается вся суть педагогического вопроса, подобно тому, как в капле воды отражается суть всей воды. Современная педагогика на разные лады интерпретирует мысль И. Канта о том, что воспитание предполагает превращение (в терминах современной педагогики – интериоризацию) внешней дисциплины во внутреннюю. Сформированная в процессе воспитания ребенка внутренняя дисциплина становится сознательно используемым инструментом подавления человеком в себе животных (зоологических) и асоциальных стимулов и побуждений. Внутренняя дисциплина – инструмент, средство, с помощью которого человек живет среди людей как человек, руководствуясь нормами права, морали, веры, разума, т.е. как культурное существо.

Если воспитали в человеке внутреннюю дисциплину, он сможет стать тем звеном в цепи природы, с помощью которого она, природа, содержит себя в гармонии (Леонардо да Винчи).

Может стать тем человеком, который на пути суфия устремится к вечной истине, красоте и добру (Мир Саид Али Хамадани).

Красиво. Понятен и механизм формирования внутренней дисциплины. Внешние правила, запреты, инструкции и указания воспитателей, в роли

которых могут выступать родители, члены семьи, друзья, учителя, полицейские и т.д., интериоризуются (от фр. intériorisation — переход извне внутрь и лат. interior — внутренний) и становятся законами (по словам И. Канта, «категорическими императивами») внутренней дисциплины. Точнее, самодисциплины. С помощью этих норм внутренней дисциплины человек сам самостоятельно управляет своими чувствами, мыслями, словами и поведением среди людей, в обществе. Все вроде ясно и понятно. Но…

Как всегда это «но» все портит. Дело в том, что источником интериоризованных норм дисциплины являются не просто отдельные и разные субъекты. Это было бы еще полбеды. Плохо то, что эти отдельные и разные субъекты ограничены по предмету, по месту, по времени. Соответственно, когда их установки становятся интериоризованными внутренними нормами дисциплины, они тоже локальные, действующие только в определенной ситуации.

Человек проецирует свои нормы поведения на их источник и мысленно устанавливает ограниченную зону их действия.

Мама не видит, можно зубы перед сном не чистить.

Полицейский не поймает, можно украсть.

Начальник не контролирует, можно работать спустя рукава. И так далее. Какой же выход? Выход ясно видел уже Хамадани – абсолютно высшим масштабом должен служить Господь, Всевышний. Кант своим путем пришел к этому выводу. Нашел свои аргументы в пользу целостности бытия человека.

Он пришел к выводу, среди норм внутренний дисциплины есть один, который снимает эту ограниченность отдельных интериоризованных норм самодисциплины. И. Кант решил, источником моральных норм внутренней самодисциплины должен быть абсолют (Бог), безграничный и вечный, всемогущий и всесильный, ничем и никак не ограниченный. Только тогда нравственные нормы станут тоже абсолютными, всесильными. Только тогда никакие ни внешние, ни внутренние аргументы не смогут их поколебать. Они, моральные нормы внутренней самодисциплины, тогда станут универсальными, всеобщими, повседневными, абсолютными. Но это же почти дословное повторение на свой лад мыслей средневекового философа-моралиста Мир Саид Али Хамадани.

Нет, вероятно, необходимости далее детализировать аргументацию, что воспитание человека (формирование в нем норм самодисциплины, которые будут помогать ему подавлять в себе зоологические и асоциальные стимулы и мотивации поведения) без абсолютного субъекта внешней дисциплины, т.е. без Бога, рассыпается на отдельные, никак и ничем друг с другом не взаимосвязанные части. Педагогика становится похожей на рассыпанные по столу отдельные механизмы часов. Соответственно и человек у такой педагогики тоже будет частичным: местами хорошим, местами плохим. В одной ситуации добрым, а в другой злодеем. По мере необходимости и по обстоятельствам честным или

бесчестным, с достоинством или без него, милосердным или жестокосердечным, патриотом или предателем, законопослушным или уголовником и т.д. Бог нужен педагогике для того, чтобы воспитать целостного человека, который имел бы такую норму внутренней самодисциплины, которая позволяла бы ему оставаться человеком всегда при любых обстоятельствах. Чтобы он, человек, был в ответе перед Богом, частью мира Которого он является, или перед собой как перед Богом в себе.

Светская педагогика, во многом еще не осознавшая разницу между светским образованием и советским (воинственно-атеистическим), вероятно, еще не скоро осознает свою ограниченность и придет к мысли и концепции целостного человека в педагогике. В этом отношении исламское образование (да и теологическое образование в целом) сегодня имеет счастливый шанс оказаться впереди в создании истинной педагогической системы обучения и воспитания целостного человека.

Литература

1. *Абдурахимов К.С.* Педагогические идеи Мир Сайида Али Хамадони. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Душанбе, 2006.

2. *Асоев Х.Р.* Мир Сайид Али Хамадони и литературно-художественные особенности его произведений. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Душанбе, 2006.

3. *Давлатов П.Н.* Этические взгляды Мир Сайида Али Хамадони. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Душанбе, 2014.

4. *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. [Текст]. – М.: Чоро, 1994.

5. *Мухаммад Риёз.* Ах, вол ва осори Мир Сайид Алии Х'амадони. Эрон, 1995. (http://cheloveknauka.com/mir-sayid-ali-hamadani-i-literaturno-hudozhestvennye-osobennosti-ego-proizvedeniy#ixzz4wm7HMF5z).

ХАЧИДОГОВ Р.А.
(Россия, г. Владикавказ)

ПРАВОВЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX СТОЛЕТИЯ

В первой половине XIX столетия после вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, последняя стала устанавливать на его территории свои порядки. Это коснулось и правового управления мусульманами. Важное значение в этом аспекте придавалось организации государственного регулиро-

вания всей жизни мусульманских подданных. Анализ действий правительства в этом вопросе позволяет нам выдвинуть предположение, что здесь предпринимались попытки создать структуру наподобие православия, что диктовалось, на наш взгляд, потребностями скорее политическими, чем религиозными. Главный принцип конфессионального управления той поры сводился к стремлению в тотальном контроле над всеми религиозными институтами империи.

В этом плане любопытен нормативный акт по поводу отношений с духовенством, подготовленный ген. А.П. Ермоловым. В этом проекте были такие положения:

«1. Обеспечить за правительством средства контроля и надзора за деятельностью лиц, коих их религиозные верования зачастую ставят в конфронтационные к нему отношения.

2. Противостоять укреплению сплоченности в среде горских сословий.

3. Воспрепятствовать проникновению различных духовных эмиссаров из Ирана и Турции с миссионерскими миссиями.

4. Ограничить по случаю круг влияния духовной знати в среде магометанского населения, не покушаясь при этом на его религиозную идеологию.

5. Поставить наиболее влиятельную часть духовенства в непосредственное подчинение от правительства.

6. Создать, насколько возможно, надзор за духовными школами и училищами.

7. Выяснить наличие духовного имущества, используемого на поддержание заграничного священства»[1].

Закрепление права граждан-мусульман на свободное вероисповедание мы находим и в документе «Правила для управления покорными горцами Кавказа». Его автором явился соратник А.П. Ермолова начальник Кавказской области, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, который говорил: «…покорным горцам предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере. Никто не должен принуждать их к перемене веры или делать за веру какие-нибудь притеснения при полном контроле со стороны российского военного начальства»[2].

Вместе с тем опытный военачальник предложил ввести в крае «трехуровневую» иерархию: муфтий → эфенди → мулла. Причем муфтий должен был находиться на казенном жалованье, в то время, как эфенди и мулла – состоять на народном коште. По вельяминовскому принципу все северокавказское духовенство обязано было помнить, что в случае их возможных прегрешений против российского правительства, они будут вверены «суду военному на основании

[1] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 78. Д. 610. Л. 4–5.

[2] *Вельяминов А.А.* Правила для управления покорными горцами северных покатостях Кавказа // Источник. 2003. № 5. С. 17–18.

общих постановлений государства»[1]. Хотя этот прожект не был реализован, но смысл его достаточно явно отражает остроту исламского вопроса для государства на северокавказской периферии в первой половине XIX столетия.

Важной по значимости задачей, которую стремились решить российские чиновники, было желание добиться лояльности местного духовенства. При обсуждении этого вопроса в Государственном Совете была признана необходимость «дать упомянутому духовенству такое устройство, которое могло бы, с одной стороны, внушить местным жителям убеждение, что правительство не имеет в виду посягать на их религиозные верования, а с другой – предоставить власти возможность надзора за духовными лицами, а также поставить последних в зависимость от правительства»[2]. Для чего было введено понятие «мусульманское духовенство» и начаты действия по легитимации его социально-правового статуса. В этом плане духовной элите были представлены права и обязанности, изложенные в законодательном оформлении и включавшие:

– право почетных сословий мусульман Северного Кавказа отсылать своих детей в кадетские корпуса. Об этом говорилось в Указе 1834 года;

– право священнослужителя военной крепости Анапа на государственный кошт (Указ от 1842 года). В довершении к работающей в крепости аманатской школе, власти разрешили построить на ее территории мечеть, в которой и должен был служить мулла;

– право кавказских горцев на мусульманское вероисповедание при прохождении курса обучения в российских военных образовательных заведениях. Для этого были изданы «Правила для обучения горцев». Согласно им воспитанникам-мусульманам для совершения таинств и обрядов представлялся мулла;

– разрешение военнослужащим мусульманам на получение лекаря и муллы для Дагестанского конно-иррегулярного полка по указу от 1850 года. Эти люди определялись «лицами аварского племени, известными стараниями и преданностью Престолу»[3].

В этом отношении интересен закон, по которому мусульмане Северного Кавказа имели право на судебную деятельность, основанную на нормах шариата. Российские чиновники создали в Северо-кавказском наместничестве судебную систему, представленную Горскими народными судами, в которых рассматривались наследственные и бракоразводные дела согласно шариатским нормам. Добиться такого органичного симбиоза между государственными и локальными структурами было невероятно трудно, но тем не менее, делалось все, чтобы минимизировать негативный эффект, который присутствовал в державной практике на местах.

---

[1] История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. С. 112.

[2] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 111.

[3] Там же. С. 213.

Таким образом, мы видим, что российское законодательство уделяло большое внимание мусульманскому вероисповеданию. Что интересно, предложения об обустройстве «магометан» и их управлении исходили от кавказской администрации и местных чиновников, мнения которых по этому вопросу кардинально различались. Одни из них были за лояльность и покровительство исламской вере (напр. кн. П.Д. Цицианов), другие, представленные местным чиновничеством, были против. Поэтому и наблюдается такое разногласие в правовых установлениях, в которых «удачно» сочетаются взаимоисключающие понятия: свободы веры и тотальный контроль над ней.

Помимо составления законодательства, регламентирующего права и обязанности мусульман, первая половина XIX столетия была ознаменована формированием административных органов надзора за регламентацией жизни мусульманского населения края. В этом плане в 1810 году открылось Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (далее – ГУДДИИ) (реорганизованное в 1817 году в Министерство духовных дел и народного просвещения, преобразованное в 1832 году в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, просуществовавший до 1917 года). Знаменательно, что в нем работали эксперты по исламу и исламскому праву, одним из которых был Казем-Бек[1].

Датой учреждения ГУДДИИ считается 25 июля 1810 года, когда вышел Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих». Основной причиной появления этого органа было то, что «…дела духовенства иных исповеданий, ныне относящиеся к разным Департаментам, требуют объединения». Руководителем его назначили кн. А.Н. Голицына, который сосредоточил в своих руках все конфессиональное управление.

К сожалению, из-за случившегося пожара в 1862 году, уничтожившего всю хранившуюся документацию, не представляется возможным более подробно охарактеризовать деятельность Управления.

Как видим, законодательные решения по мусульманству носили в целом локальный характер. А несколько проектов, касающихся духовной стороны мусульманской жизни вообще остались не востребованными. В этом ракурсе главным событием в организации системы государственного регулирования ислама в этот период следует считать начало формирования с 1810 г., центрального правительственного органа контроля над «иноверцами» – Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

При этом в связи с исключительным значением религиозного фактора в жизни горцев Кавказа, политика самодержавия по отношению к мусульманской элите была осторожной и своеобразной. Власти понимали, что ислам предпо-

[1] *Блейх Н.О.* Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века //Политика и Общество. 2017. № 5. С. 19–26. DOI:10.7256/24540684.2017.5.22931.URL: http://enotabene.ru/ppo/article_22931.html

чтительнее поставить себе на службу, чем заниматься распространением среди исповедующих его православного мировоззрения. Для превращения магометанства в собственное послушное идеологическое оружие, руководству нужно было, прежде всего, ограничить духовных вождей в привилегиях и правах, которыми они пользовались в народе. «Такое лимитирование не имело характера борьбы против ислама, – читает кавказовед Н. Блейх, – а представляло средство борьбы с теми лидерами, которые придерживались протурецкой ориентации и враждебно относились к России»[1].

С установлением российских законов и порядков мусульманская знать почти полностью ограждалась от участия в разборах гражданских дел, и всё судебно-административное управление попадало под ревизию имперских властей. В результате новой системы судопроизводства духовенство оказалось лишенным того привилегированного положения, занимаемого ими ранее и приносящего немалые материальные выгоды от разбора гражданских дел по шариату. Сфера влияния алимов и кадиев на общественные дела была существенно сужена. Видя старания царских властей в известной мере изолировать их от населения, муллы начали серьезно опасаться за свою судьбу и будущее исламской религии, в связи с чем многие религиозные служители оказались в оппозиции к царизму.

К тому же мусульманская элита бурно выражала недовольство по поводу ограничения имперскими властями паломничества кавказских мусульман в Мекку и Медину. Это было связано с тем, что с 1517 года святые места магометанства в Аравии контролировались верховной властью постоянной конкурентки России – Османской Порты. И потому проблема регулирования хаджа для России во многом осложнялась.

В 1822 году на Кавказе вводится временное положение, по которому мусульманам запрещалось отправляться в паломничество. Это ограничение обуславливалось следующими причинами: 1) нахождение в «святых местах» вселяло в паломников, по мысли чиновников, «чрезмерный мусульманский фанатизм, направленный не столько против христианской религии, сколько против России»; 2) власти считали, что оно часто становилось причиной занесения «эпидемических заболеваний в пределы Кавказа». Данное нововведение руководство оправдывало военными обстоятельствами и в будущем предполагало найти благовидный предлог, чтобы не дать полной свободы данному предмету. В связи с этим представим суждения, которыми обменялись А.П. Ермолов и Петербургское Министерство иностранных дел.

«Многие из жителей мусульманских наших областей, – писал А.П. Ермолов министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде, – ездят на поклонение в Мекку. По теперешнему состоянию дел в Турции, думаю я, полезно было бы воспретить им оное, ибо, возвращаясь оттуда не только привозят они нелепые

[1] *Блейх Н.О.* Некоторые аспекты геополитического и социокультурного развития Северного Кавказа в новое время // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4(37). С. 296–298.

слухи, но и свидетелями бывают злодейских поступков турок против христиан и, почитая султана главою закона своего, тем с большим подобострастием чтут могущество его, что видят истребление христиан не наказываемым. Размножение подобных понятий не может быть выгодным правительству»[1].

Министр в ответном послании отвечал Алексею Петровичу: «Государь Император Высочайше признать изволил удобность запретить на время жителям мусульманских областей наших ездить в Мекку на поклонение»[2]. Здесь необходимо воздать должное государю за то, что он этот запрет не хотел представить в виде политической акции, а только как кратковременное явление. После перемены к лучшему на Востоке (подавление восстания христианского населения Греции и Валахии турецкими силами), он считал, что подобный запрет «не потревожит ни совести Магометовых почитателей, ни доверенности их к благорасположению правительства»[3].

Поэтому на основании столичного указа в крае были предприняты меры о временном «замораживании» паломничества у мусульман. В указании говорилось, чтобы мусульмане «в течение наступающего 1822 года не ходили на поклонение в Мекку под опасением за неисполнение сего конфискации в казну всего принадлежащего им имения и отсылки самих семейств их в Россию»[4]. В дальнейшем власти обещали, что «не будет возбранено отправляться в Мекку, но желающие должны токмо будут приходить за получением дозволения и вида на свободный пропуск в Тифлис, который будет им выдан не иначе, как за предписанием самого главноуправляющего»[5].

Таким образом, запретив кавказским мусульманам совершение хаджа, хоть и временно, самодержавие в определенной степени ограничивало свободу вероисповедания, что вызвало непонимание, а отсюда и недовольство со стороны обычных жителей, привыкших жить по законам шариата. Это привело к затяжному военному противостоянию под знаменами Мухаммада, длившемуся почти 45 лет. В ходе этой войны исламизация получила своё продолжение в идеологии мюридизма и возникли такие понятия, как «джихад» и «газават». Участники боевых действий воспринимали их как лозунг, руководство к практическим действиям.

Духовные лидеры мусульман (шейх Мансур и имам Шамиль) видели свою основную цель в создании мусульманского государства и в установлении «чистого ислама». Однако исламизация продвигалась медленно. Некоторые народы Северного Кавказа (кабардинцы, ингуши и др.) сопротивлялись ей, предпочитая исповедовать религию отцов – язычество или адаты. Тогда предводители

---

[1] АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 161/4 [Азиатский департамент]. Оп. 729/2. Д. 35. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же. Л. 2 об.

[4] Там же. Л. 3.

[5] Там же. Л. 45.

правоверных жесткой рукой карали непокорных. Имелись случаи уничтожения целых сел. Эта «война двух фронтов» не приводила к победе, и горцы, даже став мусульманами, окончательно не порывали со своими давними обычаями и традициями.

Апофеозом исламистских устремлений XIX века стала попытка учреждения имамом Шамилём духовного государства – имамата на землях Дагестана. Несмотря на неудачный финал, мы все же назовем её выдающейся, так как основная миссия этого новообразования заключалась в идеологическом контроле граждан, гарантировании правопорядка, в решении социальных и экономических задач, а также в обороне территории[1].

Создание имамата было вызвано внешними причинами и прежде всего, необходимостью борьбы за автономию, так как его деятельность осуществлялась в условиях военного противостояния с противником, имеющим неизмеримо большие ресурсы. Имамат по своей сути являлся единым централизованным государством в противовес традиционной политической раздробленности. Реформаторская деятельность имама Шамиля заключалась в том, что он сумел найти оптимальную модель управления, позволившую органически сочетать «принципы жесткого централизма и относительной самостоятельности джамаатов с принципом равенства народов, входивших в имамат и обретение всеми гражданами его юридического статуса свободных людей»[2].

Проводя политику некоторого ограничения прав и привилегий магометанской знати, российское правительство вместе с тем привлекало ее к себе для максимального использования в своих целях. Для ослабления народного движения под мусульманскими знаменами русское руководство старалось противопоставлять ему резидентов из числа магометанского духовенства. При этом власти делали ставку на правоверных из других районов империи: из Поволжья, Крыма и др.

На Западном Кавказе в указанный период в связи с эскалацией политической обстановки процедура укрепления ислама начинает свое возрождение. Основными поставщиками проповедников являются Турция и имамат Шамиля. В противовес им Российская империя также начинает миссионерскую деятельность на Северном Кавказе. Российские миссии должны были с помощью уговоров и убеждений разъяснять автохтонам специфику духовного мира государства, его нравственно-религиозные ценности.

Каждая из заинтересованных сторон при этом преследовала свои цели и применяла самые различные методы. Если у турецких и шамилевских эмиссаров главным доводом была апелляция к мусульманским ценностям, то Россия

---

[1] *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014. № 5(43). Часть 1. С. 37.

[2] *Блейх Н.О.* Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века //Политика и Общество. 2017. № 5. С. 25. DOI:10.7256/24540684.2017.5.22931.URL: http://enotabene.ru/ppo/article_22931.html

основной упор сделала на налаживание межкультурного диалога посредством проводимой ею политики веротерпимости. Она наглядно демонстрировала дружеские намерения к горским народам Северного Кавказа. Отдавая первенство христианской идеологии, она не предпринимала никаких мер по принудительной христианизации местных жителей. Мусульманскому духовенству предоставлялись судейские права в гражданских процессах, которые были основаны на Коране. В их компетенции также оказывались семейно-брачные правовые связи, наследственные споры, ведение различных метрических книг и т.п. В то время как мусульманские лидеры, которым были чужды идеи плюрализма, суровыми мерами подавляли всяческое инакомыслие у соплеменников, повсеместно внедряя исламские догматы, регламентирующие все стороны жизни правоверных. Эти факторы в своей политике старалась принять к сведению Россия, которая продолжила реформы в регионе, направленные на интеграцию всего Северного Кавказа в единый державный государственный организм. Базовым принципом её устремлений стала линия, направленная на унификацию региона не только с общероссийской административно-правовой системой, включающей в себя и политику веротерпимости, но и с экономической и социально-культурной сферой.

Литература

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 161/4 [Азиатский департамент]. Оп. 729/2. Д. 35. Л. 1–45.

2. *Блейх Н.О.* Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века //Политика и Общество. 2017. № 5. С.19–26. DOI:10.7256/2454-0684.2017.5.22931.URL: http://enotabene.ru/ppo/article_22931.html

3. *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014. № 5(43). Часть 1. С. 37–40.

4. *Блейх Н.О.* Некоторые аспекты геополитического и социокультурного развития Северного Кавказа в новое время // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4(37). С. 296–298.

5. *Вельяминов А.А.* Правила для управления покорными горцами северных покатостях Кавказа // Источник. 2003. № 5. С. 17–18.

6. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001. 456 с.

7. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 365 с.

8. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 78. Д. 610. Л. 4–5.

ШАРИПОВ А.А.
(Россия, г. Оренбург)

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ – ЗАЛОГ СПОКОЙНОГО БУДУЩЕГО НАШЕЙ СТРАНЫ

Во время Советской власти в СССР все мусульманские учебные заведения закрылись. Только в Узбекистане, в городе Бухара, в медресе «Мир араб» можно было получить исламское образование. С началом «Перестройки» стало возможным открыто соблюдать религию и изучать исламские науки, именно с этого времени в Татарстане начали открываться медресе. На сегодняшний день в республике есть широкая возможность приобретать исламские знания. Это уже не хаотичные исламские учебные заведения «девяностых», а уже можно говорить о системе религиозного мусульманского образования Татарстана.

«Система религиозного мусульманского образования Татарстана состоит из трех основных сегментов: начальное религиозное образование (примечетские курсы); среднее профессиональное религиозное образование (реализуется на базе мусульманских медресе, осуществляет подготовку профессиональных религиозных служителей); высшее профессиональное религиозное образование (реализуется на базе единственного в Татарстане исламского вуза – Казанского исламского института, осуществляет подготовку профессиональных религиозных служителей более высокого уровня)»[1].

В этой работе мы будем исследовать среднее профессиональное религиозное образование (медресе) Татарстана.

Средне-профессиональное религиозное образование в Татарстане делится на три уровня: начальный, средний и повышенный.

Начальный уровень средне-профессионального религиозного образования представляют: 1) Мамадышское медресе; 2) Буинское медресе; 3) Казанский исламский колледж.

Базовый уровень средне-профессионального религиозного образования представляют: 1) Казанское медресе им. 1000-летия принятия ислама; 2) Набережночелнинское медресе «Ак мечеть»; 3) Альметьевское исламское медресе им. Р. Фахреддина; 4) Уруссинское медресе «Фанис».

Повышенный уровень средне-профессионального религиозного образования представляют: 1) Казанское медресе «Мухаммадия».

Более подробно рассмотрим среднее профессиональное религиозное образование начальной подготовки.

К таким учебным заведениям относятся:

---

[1] *Насибуллов К.И.* «Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов РТ» // «Исламоведение», 2015. №1.

1. Кукморское медресе

Полное название: Мусульманская религиозная организация – учреждение среднего религиозного образования – Кукморское медресе Централизованной религиозной организации – Духовное управление мусульман Республики Татарстан.

«Медресе является учреждением среднего профессионального религиозного образования. Преподавательская деятельность ведется на основании лицензии Министерства образования и науки до 29 апреля 2015 года. В медресе два отделения: начальное и вечернее. Начальное отделение работает с 1998 года, а вечернее отделение открывается в 2010 году. Срок обучения на начальном отделении 3, а на вечернем 4 года. Каждое отделение проводит в неделю по 3 дня занятий.

После обучения выпускники получают свидетельство о получении начального религиозного образования. Преподавательский состав 15 человек»[1].

Контингент обучающихся разновозрастной, в основном это жители своего района, есть и представители других районов республики, а также соседней Кировской области. Согласно лицензии, выпускникам Кукморского медресе присваивается квалификация «Преподаватель основ ислама» (мужчинам также присваивается квалификация «Имам-хатыйб»).

2. Буинское медресе

Полное название: «Мусульманская религиозная организация «Профессиональной образовательной организации «Буинское медресе» Централизованной религиозной организации – Духовного управления мусульман Республики Татарстан».

«Медресе является учреждением среднего профессионального религиозного образования. Буинское медресе открылось в 1805 году, осуществляет образовательную деятельность в соответствии с Уставом, лицензией Министерства образования РТ от 1 марта 2006 г. 139254.Ф. В 2013 году медресе получило бессрочную лицензию. Преподавательский состав медресе 8 человек»[2].

Основу учебной программы медресе составляют религиозные дисциплины такие, как Коран, тафсир, акыда, хадис, фикх, сира, ахляк и другие, также проводится обучение по истории, педагогики, психологии, риторике, арабскому и татарскому языку. Срок обучения 3 года.

В медресе обучение ведется в очной, вечерней и заочной форме. Также при медресе осуществляется обучение на воскресных курсах.

На очном отделении после окончания медресе выдается диплом о среднем профессиональном религиозном образовании по специальности имам-хатыйб, учитель основ ислама.

---

[1] Электронный ресурс: Кукморское медресе. http://kukmor-medrese.magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/.

[2] Электронный ресурс: Основные сведения. http://buinsk-medrese.magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/.

Более подробно рассмотрим среднее профессиональное религиозное образование базовой подготовки. К таким учебным заведениям относится Набережночелнинское медресе «Ак мечеть».

Полное название: «Мусульманская религиозная организация «Профессиональная образовательная организация «Набережночелнинское медресе «Ак мечеть» Централизованной религиозной организации – Духовного управления мусульман Республики Татарстан».

«На основании лицензии (№ 6019 от 13 марта 2015 г.), выданной Министерством образования Республики Татарстан медресе реализует основную образовательную программу среднего профессионального религиозного образования (ООП СПРО) по подготовке священнослужителей и сотрудников религиозных организаций мусульманского вероисповедания по очной, очно-заочной и заочной формам обучения, и готовит имам-хатыйбов, преподавателей основ ислама и арабского языка. Обучение ведется на татарском и русском языках. После окончания полного курса обучения выпускнику выдается диплом ДУМ РТ»[1].

Среднее профессиональное религиозное образование повышенной подготовки. К таким учебным заведениям относится медресе «Мухаммадия».

Полное название: «Мусульманская религиозная организация – учреждение среднего профессионального религиозного образования – медресе «Мухаммадия» Централизованной религиозной организации – Духовного управления мусульман Республики Татарстан. Медресе «Мухаммадия» является учреждением среднего профессионального религиозного образования. Преподавательская деятельность ведется на основании лицензии Министерства образования и науки. Медресе осуществляет обучение в трех формах: очное (дневное), заочное и вечернее. Преподавательский состав медресе 20 человек.

«В медресе получают знания выпускники средних общеобразовательных школ по специальностям «Исламские науки и воспитание» (религиозное высшее образование). Наряду с религиозными дисциплинами в учебном плане предусмотрены такие дисциплины как арабский, татарский, английский языки, психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков, риторика, информатика и другие.

По окончании медресе присваиваются следующие квалификации: – имам-хатыйб, муэдзин, преподаватель шариатских дисциплин, преподаватель основ ислама, преподаватель арабского языка, переводчик арабского языка»[2].

Таким образом, мы исследовали некоторые аспекты системы мусульманского образования Татарстана, а именно систему среднего религиозного образования в республике. Эти средние профессиональные религиозные образовательные

[1] Электронный ресурс: http://info.akmechet.ru.

[2] Электронный ресурс: Основные сведения. http://muhammadiya. magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/.

учреждения осуществляют подготовку профессиональных религиозных служителей. Они возглавляют местные религиозные организации – приходы, являются имам-хатыбами, ведут просветительскую деятельность среди прихожан.

Важным шагом стал проект ДУМ РТ по созданию программы всеобщего мусульманского образования. Эффективно функционирующая система образования является основной базой для получения знания. Получение мусульманского религиозного образования стало доступным для всех желающих учиться. Разработаны стандартные программы обучения для всех видов религиозных учебных заведений. После окончания медресе молодые мусульмане могут продолжать учебу в Российском исламском институте в г. Казань. Они смогут продолжать учебу в признанных центрах мусульманской науки после окончания Высшего исламского института в России, так как получение религиозного образования позволяет человеку самоопределиться среди иных религиозных групп, формировать мировоззрение, то есть систему взглядов, отношений, знаний, веры, воспитывать нравственные ценности.

Литература

1. *Насибуллов К.И.* «Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов РТ» // «Исламоведение», 2015, №1.

2. Электронный ресурс: Кукморское медресе. http://kukmor-medrese.magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/

3. Электронный ресурс: Основные сведения. http://buinsk-medrese.magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/

4. Электронный ресурс: http://info.akmechet.ru

5. Электронный ресурс: Основные сведения. http://muhammadiya. magarifrt.ru/about/osnovnye-svedeniya/

ЮЛДАШЕВА О.Н.
(Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Профилактика экстремизма в молодежной среде – одна из важнейших задач, стоящих перед образовательной средой и обществом в целом, однако пути решения этой проблемы на сегодняшний день четко не определены.

Сам термин «экстремизм» происходит от латинского слова extremus – «крайний». В толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, экстремизмом

называется приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике[1]. В толковом словаре Кузнецова это приверженность к крайней идеологии[2]. По сути, толкования термина существенно отличаются, нет ясности в данной дефиниции – крайние взгляды, меры или идеология?

«Экстремизм», безусловно, является юридическим термином. В ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ, под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти/вражды в отношении какой-либо социальной группы[3], а в Федеральном законе № 114-ФЗ уточняется его определение:

– публичное оправдание терроризма;

– возбуждение различных видов ненависти;

– пропаганда исключительности или превосходства;

– нарушения прав и свобод человека в зависимости от его социальной, расовой, религиозной принадлежности и др.[4]

Проблемы, связанные с пониманием сущности этого явления, его особенностей в России изучались обществоведами еще при царизме. Так, например, И.А. Ильин, М.А. Бакунин, Н.А. Бердяев, Г.В. Плеханов рассматривали различные аспекты революционного экстремизма в России. Несмотря на имеющийся научный задел в плане теоретического осмысления экстремизма, разработка универсального определения экстремизма представляет объективную трудность в связи с многообразием форм его проявления в общественной жизни; его исторической изменчивостью; отсутствием четких критериев для понимания данного феномена[5]. С. Кара-Мурза отмечает в рассматриваемом феномене эмоциональную составляющую как «меру накала, а не направление взглядов». Как ни банально это звучит, для того, чтобы успешно противодействовать экстремизму среди молодежи, важно понимать, чему и какими способами необходимо противодействовать.

Ряд исследователей отмечает[6], что определяющим условием противодействия экстремизму является сплочение всех сил общества, координация их усилий с международными организациями, повышение эффективности

---

[1] Толковый словарь Ушакова Д.Н. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1096654; Толковый словарь русского языка Ожегова С.И. // URL: http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ожегова/экстремизм

[2] Большой толковый словарь русского языка Кузнецова С.А. // URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Jekstremizm-69423/

[3] Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // URL: http://www.consultant.ru/

[4] Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.11.2015) // URL: http://www.consultant.ru/

[5] *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте: диссертация ... доктора юридических наук: 23.00.02 / Воронцов Сергей Алексеевич; – Ростов-на-Дону, 2009.– 345 с. // URL: http://www.dissercat.com/content/antiekstremistskaya-deyatelnost-organov-gosudarstvennoi-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-r-0

[6] *Борисов С.В.* К вопросу о координации противодействия экстремистской деятельности в сети интернет // Всероссийский научно-практический журнал «Юстиция». 2015. № 2. С. 17–23.

деятельности антитеррористических комиссий и пр. Действительно, в ряде случаев своевременное реагирование правоохранительных органов на размещенные в СМИ материалы экстремистской направленности позволило предотвратить их распространение. Однако нельзя отрицать и зачастую противоречивое толкование публикаций граждан, особенно в социальных сетях (а именно Facbook, Twitter, VKontakte и др.), что может быть расценено как нарушение прав и свобод личности, гарантированных ст. 29 Конституции РФ.

В соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ[1], вопросами пресечения экстремистской деятельности занимаются органы прокуратуры, ими дается оценка полноте и обоснованности предпринятых мер. Для повышения результативности проводятся плановые мероприятия по мониторингу ресурсов Интернета для выявления материалов экстремистского, сепаратистского и террористического характера, а также тех публикаций, которые могут способствовать разжиганию межнациональной, расовой, религиозной нетерпимости. После выявления подобной информации, как предусмотрено законодательством, определяется алгоритм действий по пресечению деятельности отдельных лиц либо групп в социальных сетях.

В «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»[2] особо подчеркивается, что экстремизм носит глобальный характер, и основными каналами распространения информации служат информационно-коммуникационные сети, включая сеть Интернет. Распространение подобных идей среди молодежи может привести к дестабилизации обстановки в стране, что может произойти путем разжигания конфликтов самого разного происхождения.

На сегодняшний день существуют определенные методы пресечения распространения подобной информации:

1) ограничение доступа к сайтам, которые были признаны судом РФ экстремистскими;

2) ограничение доступа к страницам пользователей в социальных сетях в случае размещения пользователем на своей странице материалов, которые также признаны судом РФ экстремистскими;

3) разъяснительная деятельность педагогов среди учащихся образовательных учреждений и др.

Таким образом, экстремизм – это сложное многоаспектное явление, которое представляет серьезную угрозу безопасности государства и его граждан. Реализация мер противодействия, профилактики требует особой внимательности.

---

[1] Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.11.2015) // URL: http://www.consultant.ru/

[2] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ от 28.11.2014 № Пр-2753) // URL: http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/

В данном случае вряд ли возможно разработать четкие алгоритмы и шаблоны как руководство к действию. Как показывает практика, экстремистские группы способны на использование самых изощренных методов. Упрощенное понимание ситуации, особенно в работе с учащейся молодежью, может дать обратный эффект.

ЯКУПОВ Р.И.
(Россия, г. Уфа)

О ПОНЯТИИ «ДУХОВНОСТЬ» И ДУХОВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

С конца XX столетия в российском обществе, в определенной его части, идет достаточно активная дискуссия на тему возрождения религии, как «основы духовного развития» (взамен бытовавшей в советскую эпоху идеологии социализма и коммунизма). В этой связи дебатируется и проблема возрождения систем религиозного образования, в определенный момент названного «духовным» и в этом синонимичном смысле закрепившимся в общественном лексиконе. Поэтому сегодня, уже в конце второго десятилетия нового XXI века, в России, говоря о религиозном образовании, обычно заменяют термин «религиозное» на «духовное». Причем многие из нас, как показывает практика, а точнее – наш специальный неофициальный мониторинг, действительно, не просто считают словосочетания «духовное образование» и «религиозное образование» синонимичными, но отождествляют их, а чаще, практически не задумываются над их прямым смыслом.

Сегодня существует новая учебная специальность и, соответственно, профессия – «социальный работник». Так вот, в среде «социальных работников» мы столь же часто слышим рассуждения о духовности. И уже совершенно неизменно понятие «духовность» присутствует в лексиконе и риторике священнослужителей разного уровня.

Берем выше. В последнее время в нашем отечестве в связи с поиском общегражданской парадигмы и (известными) острыми внешнеполитическими коллизиями, от самых высших эшелонов власти исходит призыв к национальной (гражданской) консолидации, а фундаментом, на котором она должна происходить, объявляется «традиционная российская духовность», будто бы особенно присущая нам исторически.

На этом фоне бытуют также рассуждения о том, что прежнее – социалистическое государство, как мы помним, было по идеологии своей – атеистическим, стало быть – бездуховным, а в постсоветскую эпоху, наконец, происходит воз-

рождение духовности. Таким образом, современная Россия и теперешняя эпоха автоматически становятся или объявляются духовными.

Названные лексические, политологические, психологические и социальные стереотипы и реалии стали причиной нашего интереса к данной, как оказалось совсем не простой в сегодняшнем обществе, теме.

А началось все с простого вопроса, который случайно был задан некоему адепту религии, причем «подвижнику», то есть лицу, которое по определению находится все время в «духовном поиске». «Что такое духовность?», – такой был вопрос. Ответ же, как минимум, оказался удивительным, а точнее – неопределенным. Мягко говоря. С этого момента аналогичный вопрос мы задали нескольким десяткам человек, так или иначе рассуждавшим о высокой духовности. И всякий раз ответ был неопределенным, формулируемым с очевидными затруднениями, часто наивным, но никогда не ясным и тем более далеким хотя бы от «книжного» – классически энциклопедического, или словарного.

Вышеизложенная информация не является попыткой объявить всех, кто был опрошен нами, незнающими или бездуховными людьми. Она (информация) в данном случае необходима только как инструмент анализа и иллюстрирует наш информационный источник, служащий материалом для формулирования проблемы, дабы сама проблема не становилась (или, не была объявлена) надуманной. А суть проблемы в том, что, во-первых, сегодняшние призывы к духовности и возрождению в обществе, выходит – только лозунги. Ведь, как минимум, часть тех, кто призывает и, полагаем, некоторые из тех, кого призывают к «духовности», не могут четко сформулировать, к чему же они будут стремиться. При таком положении вещей, «духовным» (перен.), в конце концов, может стать или показаться все, что угодно.

Все мы, кстати сказать, давно наблюдаем это явление, на примере политики толерантности. Под маркой этого понятия и этой парадигмы, известные силы уже призывают общество спокойно относиться к серьезнейшим социальным недугам и асоциальным явлениям, а тех, кто пытается им противостоять, объявляют нетерпимыми и «бездуховными» людьми.

Но нас в данной статье все же больше интересует связь понятия «духовность» со словосочетанием «духовное образование», а также последнего с «религиозным образованием» и «образованием» вообще (т.е. – «общим»). Мы определенно полагаем, что эти понятия не синонимичные, хотя и взаимосвязанные. Во-вторых, мы рассматриваем этот вопрос подробно, так как от точного понимания и употребления данных понятий зависит многое. Если дефиниции названных словосочетаний самостоятельны по своему значению, то признание их разности дает или, как минимум, заставляет задуматься в ответе на вопрос, что является содержанием процесса, обозначаемого этими, разными, как мы посчитали, понятиями.

Дебаты о том, каким должно быть, то есть чем должно быть наполнено «духовное образование», идут с первых дней возрождения религиозных учебных заведений в России в начале 1990-х. В практическом выражении – это вопрос о предметном и тематическом содержании учебных программ. Если продолжить круг возникающих проблем, то дальше идут практические вопросы составления учебных планов, оценки уровня квалификации обучающих и качества знаний обучающихся, вопросы присвоения квалификации и определения специальности выпускников религиозных учебных заведений, особенно вузов и т.д., и т.п.

Перечисленные вопросы становятся еще более актуальными, когда мы начинаем говорить о многоуровневом и/или о непрерывном образовании. Тем более, когда речь заходит о послевузовской подготовке, о науке. То есть, об обучении в аспирантурах, докторантурах и, соответственно, о присвоении ученых степеней и званий в области, скажем, теологии, понимаемой, как богословская наука (теология ислама или православия).

Как, например, мы можем оценить степень «духовности» человека или степень его «духовной учености»? Сегодня часто, особенно в религиозной среде, можно услышать фразы типа: «Это крупный ученый-богослов или, паче чаяния – «Один крупный ученый (араб. – «ʻалим») сказал…». За фразами подобного рода, стоит, очевидно, субъективная оценка. Ибо должны же быть какие-то критерии определения (официальной) степени или (даже формального) уровня учености. Однако, таких критериев практически не существует.

Можно, конечно, пользоваться расхожим суждением о широком признании. Но нам неизвестно ни одного случая, когда даже достаточно известные богословы, в определенных кругах, не находили бы оппонентов или критиков, а то и вовсе не объявлялись бы запрещенными в других частях общества. И, наоборот, известно много ситуаций, когда, действительно, и «продвинутые» ученые, объективно достигшие больших высот в познании, остаются в неизвестности или абсолютно сознательно и субъективно изолируются общественным мнением и соответствующими специальными усилиями.

Вот почему так важен вопрос и о смысле базовых понятий, которыми мы оперируем, включая «духовность» и «религиозность», и, соответственно, о содержании духовного воспитания и образования, и о критериях оценки ученых степеней в науках «духовной сферы» (Р.Я.). Для этого нужны надежные критерии и соответствующие им регламенты, оценки и присвоения степеней. Тогда и появится официальная и точная аргументация, почему данный ученый может быть признан авторитетной величиной. С аргументированными оценками трудно спорить и маловероятно, что можно ими манипулировать.

Но вернемся к исходному, в данной статье, понятию «духовность». Учитывая то, что, как отмечалось выше, многие, в том числе и те, кто по «долгу

службы» призван распространять «духовность» или т.н. «духовные знания», порой затрудняются сформулировать, что это такое («духовность»), стоит, видимо, обратиться прежде к энциклопедиям или толковым словарям.

И здесь, как ни парадоксально это звучит, нас вновь ждет разочарование. К сожалению, и «энциклопедические» определения не лишены серьезных изъянов в выражении смысла понятия «духовность». А некоторые даже не отвечают требованиям и научности, и энциклопедичности. Для ясности, заметим, что таковыми требованиями являются: максимальное отражение сущности понятия, минимальными лексическими средствами. Не говоря уже о степени логичности и близости к истине.

В подтверждение нашей, в целом нелестной оценки, приведем несколько определений, взятых в наиболее современных энциклопедиях. Например, в Википедии: «Духóвность – в самом общем смысле – совокупность проявлений духа в мире и человеке...». Нелегко нам негативно отзываться о подобных формулировках. Но несовершенство приведенной выше, просто «бросается в глаза».

Объявить, что духовность это ... «проявление духа», это почти то же самое, что назвать гневливость проявлением гнева, а капризность, проявлением капризов и т.п. Для словарного варианта крайне неудачная формулировка, если не сказать больше. Но в продолжении той же формулировки открываются еще большие нелепости: «…В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества (?, – Р.Я.), выражаемые в виде моральных ценностей и традиций (а они, между прочим, могут быть соверешенно разными, вплоть до негативных. – Р.Я.), сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства». И только в заключительной части этой длинной и далекой от точности формулировки ее авторы подходят, как представляется, близко к сути понятия: «...В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью...» (!, – Р.Я.), а дальше опять набор клишированных идеологем: «...также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы». При таких формулировках в словаре или энциклопедии (то есть, исходящих от ученого сообщества), ждать точного толкования в обыденном сознании, конечно, трудно. Но, может быть, автор судит предвзято и выбран неудачный пример?

Сравним с формулировками в других энциклопедиях и словарях, в том числе и классических. Так, в «Словаре Синонимов...» перечислены понятия, видимо, считающиеся близкими или идентичными по смыслу»: «духовность – религиозность, душевность, интеллектуальность, церковность...». Причем, из продолжающегося ряда, мы взяли только те слова, что объявлены синонимичными понятию «духовность», слова в прямом значении (в отличие других:

«дух» – «запах» или «афганец»). Но и в этих прямых значениях, избранные «синонимы» (перен., – Р.Я.) представляются совсем не настолько, как минимум, в очень разной степени, близкими к понятию «духовность». Включая даже и термин «религиозность».

Следующее определение: «Духовность – ... Свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными». Это уже трактовка из, считающегося классическим, толкового словаря С.И. Ожегова. Такая трактовка понятия «духовность» еще менее удовлетворительна, тем более в качестве толкования. (Ср. «Скорость. Свойство движения, состоящее в преобладании мобильности над статикой...». Придумано. Р.Я.). Здесь уместно, например, спросить: а как быть, если у человека, как иногда говорят в народе – «душа темная»?

Еще, попытка. «Духовность – это высочайшее свойство человеческой личности, возникающее в процессе развития души и тела на основе духа, несущего Божественную мораль и дающего силу и волю этому развитию. Душа позволяет человеку свободно развиваться по индивидуальному пути...». А это уже – Энциклопедический (!) словарь «Основы духовной культуры». Кажется, все слова понятны и правильны. Но, если серьезно и по смыслу, опять неточно. Здесь «духовность» становится уже свойством личности, «возникающим в процессе развития души и тела (?, – Р.Я), на основе духа (??, – Р.Я.)...». Причем, «...душа позволяет человеку свободно развиваться по индивидуальному пути» (??, Р.Я.). Любопытно, что это значит? И единственное ли это из того, что «душа ... позволяет человеку»? А может быть есть еще нечто? Вопросы задаются специально, чтобы становилось понятно, как на первый взгляд правильные слова и формулировки превращаются в трудно анализируемые понятия.

Из многих просмотренных определений мы выделили в качестве наиболее удачного и более, как нам кажется, точного по смысловому содержанию, следующее: «Духовность – такой высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности, находящиеся между собой в неиерархических связях...».

Формуляр статьи не позволяет, к сожалению, продолжать этот, и без того – беглый анализ. Потому, продолжение его станет, видимо, предметом более объемной работы. Здесь же мы удовлетворимся тем, что сформулирована проблема. Почему это важно? Потому, что, судя по «историографии», эта проблема как бы не существует, во всяком случае, ее в критико-аналитическом смысле никто не ставит. Но она, как видим, довольно заметна, а по нашему (субъективному) мнению глобальна!

И кажущаяся банальность «словарного» разбора понятия «духовность» была бы действительно таковой (банальной), если бы мы не наблюдали,

например, как премьер-министр одной из наиболее развитых стран мира, просматривая видеозапись кровавой расправы и даже глумления мятежников над главой другого суверенного государства, не обнаруживает в себе никакой иной реакции, кроме саркастической улыбки, сопровождаемой междометием: «Вау»! Это только один из тысячи примеров!

И не удивительно, что общество, в лице своих ответственных представителей, уже давно испытывает затруднения не только в формулировании базовых понятий бытия, но еще более в их культивировании. В этом смысле показательна еще одна словарная формулировка, на сей раз из «Словаря-справочника по социальной работе»: «Духовность – одно из наиболее актуальных и неоднозначных понятий (выделено нами, – Р.Я.) современного знания человека о себе, как неделимом элементе живого пространства Космоса и о самом этом пространстве, где локализуются человеческие сущностные отнесения...». Вот уже понятие духовность объявлено неоднозначным. Последующую часть определения не комментируем...

Между тем, важно сказать, что в вышеупомянутом «экспресс»-опросе наших респондентов о значении понятия «духовность», только один из них, что важно, по шкале учености – «обыватель» со средне-специальным образованием, ответил коротко и ясно: «Духовность» – это «чистая совесть». И учитывая, что это понятие грамматически является отражением «качества», точнее выразить его сущность, как не крути, не получится. А все остальное, как метко выразился один большой ученый в научном же споре: «как говорится – от лукавого»!

Возвращаясь же к значению (научному итогу) разбора данной проблемы, мы должны, в завершение статьи, сформулировать два важных вопроса и вытекающих из них вывода. Первый состоит в актуализации проблемы соотнесения понятий «духовное» и «религиозное образование». В науке, как известно, постановка проблемы порой равна половине исполненной цели . А второй вопрос: Почему эта проблема важна в принципе и особенно в решении вопросов построения систем духовного образования? Потому, что призывая общество к духовности и не имея возможности (или желания) выразить ясно суть цели можно строить все, что угодно и оправдать даже «фашизм». Что мы и наблюдаем в современном мире.

А в так называемом «духовном образовании» незнание или непонимание этого базового понятия приводит к искаженному представлению о содержании (предметном наполнении) образовательного процесса. Это в свою очередь приведет (или может привести) нас к необходимости различать не только понятия «духовное» и «религиозное», но и понятий и систем «специального» и «общего» образования именно в духовной сфере. Нам это представляется и сколь важным, столь и неизбежным.

ПАНЕЛЬНАЯ СЕССИЯ № 2

ТЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО РОССИЙСКОГО ИСЛАМА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

АБАСОВА Б.А.
(Россия, г. Махачкала)

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В СУФИЙСКОМ МИСТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Современное понимание процесса познания связано с переосмыслением не только типов и границ рационального, но и роли, содержания многозначности иррационального, их взаимосвязи и взаимоперехода друг в друга.

Иррациональное часто имеет форму скрытого компонента в процессе познания, которое может выражаться в различных формах интуитивного и бессознательного. Традиционно иррациональное понималось как негативное, непостижимое, не подчиняющееся законам логики, и потому– противопоставлялось рациональному. Однако, по утверждению Н.С. Автономовой, это происходит тогда, когда абсолютизируются те или иные моменты разума, связанные с его «неуловимостью», «эфемерностью», «таинственностью». Поэтому иррациональное понимается современной теорией познания не только как дорациональное, еще не осмысленное знание, но в будущем подлежащее логическому анализу, оно справедливо оценивается как существенный момент постижения действительности, как нечто такое, с чем «возможен и даже необходим диалог»[1].

Иррационализм, являясь фундаментальным обретением суфизма, выражается в расширении сферы познавательных способностей за счет вывода их за пределы сознания, подключения бессознательного.

Суфизм, как религиозная мистико-философская система, особое значение уделял психологическому, экстатическому состоянию верующего, именуемое как «хал», выражающее состояние сокровенных смыслов и действий человека. Для открытия и передачи этих глубинных смыслов приверженцы мистического течения применяли такие суфийские приемы как аллегоричность, иносказательность, метафоричность, многосмысленность. Вера и интуиция в суфизме, будучи основными методами и способами познания, носят более иррациональный характер, нежели в интеллектуальном направлении религиозного опыта. Вера

[1] *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 47.

является результатом индивидуального озарения, божественным откровением, находящемся за пределами мыслительных способностей человека.

Интуитивная форма познания исключает и практику, и логическое мышление, и умозаключение. Истина постигается без всякого доказательства, чисто интуитивно. Важная роль при этом принадлежит экстатическим упражнениям, долженствующим усилить непосредственность связи с божеством. Мусульманские богословы также высоко ценили роль интуиции, особенно для утверждения существования Бога. Но она не могла соперничать с ритуализированными формами богопочитания. По учению суфиев, Бог – «универсум» (целое), а все живое и неживое – его «частицы», отделенные от него. Человек, являющийся частицей Бога, стремится к слиянию с ним, и тот, кто «умерщвляет себя, будет вечно жить в Боге». Суфии, как и богословы ортодоксального ислама, утверждают, что Бог есть создатель всего материального мира. Однако, когда речь заходит о связи Бога с материальным миром, богословское учение расходится с суфийским. Суфии утверждают, что Бог проникает во все вещи, что отдельно от Бога ничего не существует[1]. Суфии отрицали многие традиционные формы свидетельства богоприближенности, в частности, отвергали одно из доказательств любви к Богу – паломничество (хадж), ссылаясь при этом именно на интуицию. Предлагая отказаться от хаджа, они, как, например, аль-Халладж, считали, что, «если кто-либо не может и не хочет совершать далекое паломничество, тот пусть отделит четвертую часть своего жилища и содержит ее в чистоте. Здесь мысленно он может совершать свои поездки в Мекку»[2].

Иррациональное в суфизме становится предметом особой заботы, его добиваются и духовным совершенствованием личности, и ритуальными навыками экстатического поведения. Это оставило глубокую традицию у северокавказских народов[3].

Таким образом, не только в самом организованном познании, но и в культуре целом и в религии, в частности, иррациональное (интуиция) предстает как неотъемлемый элемент постижения и познания мира.

Литература

1. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988.

2. *Билалов М.И.* Суфизм и познавательная культура. Махачкала, 2003.

3. *Керимов Г.М.* Суфизм: мистическая ветвь в исламе // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Ч. 2. М., 2009.

4. См.: *Смирнов Н.А.* Современный ислам. М., 1930.

[1] *Керимов Г.М.* Суфизм: мистическая ветвь в исламе // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Ч. 2. М., 2009. С. 233.

[2] См.: *Смирнов Н.А.* Современный ислам. М., 1930. С. 138.

[3] *Билалов М.И.* Суфизм и познавательная культура. Махачкала, 2003. С. 96.

АБДРАФИКОВА Г.Х., ИСКАНДАРОВА С.А., САЛИХОВ А.Г.
(Россия, г. Уфа)

ОТРАЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАИТАХ И МУНАЖАТАХ ЮЖНОГО УРАЛА

Мунажат является музыкально-поэтическим жанром башкирского творчества, название которого происходит от арабского слова, означающего «молитву» («дуа»), «стихи с мольбой к Богу». В литературе и фольклоре он обозначает религиозное дидактическое произведение, посвященное морально-этическим и философским вопросам.

Происхождение данного жанра связано с проникновением ислама в Урало-Поволжье. Большую роль в процессе становления и развития жанра сыграли суфийские поэты – последователи особого мистико-философского учения. В поэтических произведениях среднеазиатских тюркских суфийских поэтов, таких как «Хикматы» Ахмад Ясави (1103–1166), «Субат ал-аджизин» («Твердость слабых») Суфий Аллаяра (1644–1721), присутствовали мунажаты, их сборники широко распространялись в рукописном виде и неоднократно издавались[1]. В XIX веке особую популярность получили мунажаты башкирских поэтов-суфиев Абельманиха Каргалы (1784–1833), Хибатуллы Салихова (1794–1867), Гали Сокороя (1826–1889), Шамседдина Заки (1822–1865), Акмуллы (1831–1895)[2]. «Так, цикл произведений «Четыре времени года» (в рукописном сборнике «Манзумати Галия») Гали Сокороя проникнут любовью к родному краю, ее природе. В то же время, эти религиозно-дидактические произведения ценны и своей познавательностью и назидательностью, где автор… стремится показать единство природы и человека, их вечное взаимодействие»[3].

Исследования башкирских ученых показывают, что мунажат в башкирской поэзии достигает расцвета в XVII–XIX веках, что было связано с резким увеличением в крае мусульманских мектебов и медресе[4].

Возникнув в письменной поэзии, мунажаты прошли путь фольклоризации, превратившись в жанры, одновременно существующие как в книжной поэзии, так и в фольклоре.

---

[1] *Искандарова С.А.* Каталог арабографичных старопечатных изданий Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 276 с.

[2] *Искандарова С.А.* Арабо-персидские традиции стихосложения в мунажатах Шамседдина Заки // Развитие гуманитарной науки в регионах России: материалы Международной научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 215–218.

[3] *Абдрафикова Г.Х.* Художественные искания башкирской детской литературы 20-х годов XX века // Филология и человек. 2014, № 1. С. 171.

[4] *Кунафин Г.С.* И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX – начала XX веков. Уфа: Китап, 1999. С. 83.

9 171184

Во время археографических экспедиций в районы Республики Башкортостан и за ее пределы сотрудники Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН до сих пор выявляют мунажаты и баиты, сохранившиеся на руках у населения в письменной и устной форме. Достаточно большое количество их встречается в виде арабографичных рукописей и книг. Некоторая часть из них написана на кириллице.

Существуют несколько разновидностей религиозных мунажатов. Если одни посвящены восхвалению Аллаха, в которых произносились мольбы, просьбы к нему, то в мунажатах лирико-философской направленности звучат мотивы раздумий о жизни, рассуждения о бренности бытия, размышления о смерти и потусторонней жизни. Отдельную категорию составляют мунажаты, посвященные пророку Мухаммаду, религиозным праздникам – Уразе, Маулиду, Курбан-байраму.

Очень распространенными и часто исполняемыми по сей день среди населения являются мунажаты в виде материнского (родительского) завета. Таковы, например, «Ана һүзе» («Слово матери»), «Ана васыяты» («Материнский завет»). В этих мунажатах звучит родительский наказ с просьбой поминать их молитвами после смерти, посвящать им чтение Корана, а в пятничные дни давать хәйер-милостыню:

Зинһар әйтәм, балам, Ҡөрьән уҡыт,
Минең васыятым шул булыр;
Миңә атап Ҡөрьән уҡытһағыҙ,
Ҡәбер эстәрендә нур булыр.
Прошу тебя, дитя, попроси читать Коран (молитву),
Мое завещание таково;
Если посвятите мне Коран (молитву),
Внутри могилы будет светло.

По религиозным поверьям считается, что если посвятить молитву и хәйер-милостыню душе того или иного усопшего, то его душа возрадуется, в его могиле станет светло. Считается также, что посвятившему молитву и давшему хәйер, это также зачтется и вернется в виде вознаграждения (ҫауап, әжер). Об этом же свидетельствуют слова из мунажата:

Саҙаҡа бир, балам, йомаларҙа –
Ҡотолормон мин дә ғазаптан;
Изгелегең, балам, сауап булып
Үҙеңә лә ҡайтыр аҙаҡтан.
Дай милостыню, дитя мое, по пятницам
Это освободит меня от страданий (адских мук. – авт.)
Милость твоя, дитя мое, тебе
Вернется потом наградой.

Большая часть мунажатов имеет содержание с просьбой к Аллаху (Богу) о снисхождении, мольбой о помиловании в судный день: «Аллаһҡа ялбарыу» («Молебен Богу»):

Донъянан китәсәгем, ҡәбергә керәсәгем
Унда тереләсәгем, һин, ярҙам бир, Илаһым!
[Когда] Уйду я из этого мира, попаду в могилу
Там воскресну, ты помоги мне, Боже!

или

Ҡәберҙән ҡубасағым, мәхшәргә барасағым,
Хисабым бирәсәгем еңел ҡылғыл, Илаһым!
[Когда] Воскресну из мертвых, приду в место страшного суда
Буду держать ответ, Боже, облегчи мою участь!

Как известно, йома (пятница) является особо почитаемым днем для мусульман среди других дней недели. Этому дню посвящены отдельные мунажаты. Одним из таких является, например, «Йома көнө» («Пятничный день»):

Йома көндө кем ҙурлаһа, йәннәттәргә тура китер.

Кто почитает пятницу, тот попадет прямо в рай, – говорится в нем. Поэтому в этот день принято давать хәйер (подаяние) за упокой их душ. А в пятничный день читают молитвы (Коран) с посвящением, поименно называя имена усопших. Прежде всех надо удостоить молитв своих родителей и это зачтется в Судный день, о чем напоминает мунажат:

Бөгөн йома көндәре тип, ата-әсәңде иҫкә ал;
Ҡиәмәт көндәре булғанда хисапһыҙ әжерҙәр һин ал.
В пятничный день вспомни про родителей своих,
Получи вознаграждение в Судный день.

По некоторым поверьям, о чем свидетельствуют слова из мунажата, считается, что накануне пятницы, в четверг души умерших возвращаются домой в виде бабочки:

Аҙна кисе [кесаҙна] еткәс йәнем ҡайтыр
Аҡ күбәләк булып, бәбкәем.

Отметим также, что на сегодняшний день мунажаты находятся в стадии возрождающегося жанра, с каждым годом появляются все больше его исполнителей. Так, в деревне Хамит (Ялгыз-Нарат) Татышлинского района заведующая Сельским домом культуры Файзрахманова Нурания Тимерхановна сообщила нам, что в марте 2017 года она впервые организовала и провела конкурс баитов и мунажатов, на котором прозвучали старинные и современные произведения. Жительница данной деревни Хакова Мадхия Салимгареевна (1941) исполнила нам мунажат, посвященный пророку Мусе. У нее сохранились также арабографичные мунажаты и баиты «Мунажат-завещание» («Васыят мөнәжәте»), «Баит одинокой матери» («Яңғыҙ ана бәйете»), «Голубь» («Күгәрсен»), «Невозмож-

но» («Юҡтыр»). От информатора Гафиевой Савии Гафурьяновны (1931) было записано устное исполнение сочиненной ею самой баита «Отцу» («Әтийемә»), погибшему в Великой Отечественной войне.

В народе также было распространено чтение «мавлидов», стихотворных произведений, посвященных дню рождения пророка Мухаммада, которые исполнялись под определенную мелодию. Об этом свидетельствуют информанты и наличие записей текстов стихов, относящихся к различным периодам. Многие списки были сделаны в течение XX века.

Мунажаты исполнялись с особой напевной рецитацией, истоками которых послужили чтение аятов Корана и традиции книжного пения. От уроженки деревни Буль-Кайпан того же Татышлинского района Харисовой Маскуры Минлегареевны (1930 г.р.), проживающей в деревне Аук-Буляк, был записан образец песенного исполнения известного сочинения турецкого автора XV века Мухаммада Челеби «Мухаммадия» («Мөхәммәдиә»). Это на сегодняшний день довольно редкое явление, свидетельствующее об устойчивых традициях бытования музыкального исполнения этой книги в Урало-Поволжском регионе в прошлом. Известно, что в Башкортостане сочинялись одноименные социально-бытовые баиты, одним из таковых является баит из деревни Подлубово Караидельского района РБ, созданный в начале XIX века[1].

Встречаются арабографичные безымянные стихотворные произведения, записанные в середине XX века. Наблюдается распространение списков старинных баитов и мунажатов, переписанных на современную кириллическую графику. Как показывает практика, баиты и мунажаты чаще исполняются женщинами и, как они сами отмечают, исполнению мунажатов и баитов жительницы сел и деревень учатся друг у друга.

В ходе изучения музейных материалов во время выезда в Татышлинский район летом 2017 года были выявлены малоизвестные и неизвестные рукописи и старопечатные издания на арабском, персидском и тюркских языках. Здесь же хранятся и сборники различных мунажатов и баитов. К одному из них относится сборник мунажатов, баитов и стихотворений, написанных на арабской графике в 1996 г. Нигматуллиной (Кииковой) Сакиной Галиакбаровной. Отметим, что чаще всего мунажаты исполняются людьми преклонного возраста, наделенными большим жизненным и духовным опытом. В данной рукописи отмечается, что сочинительница этих мунажатов находится в немолодом возрасте, что, возможно, ее записи сохранятся, а прочитавшие их, помолятся за нее. По содержанию ее мунажаты посвящены раздумьям о прошедшей жизни («О прошедшей жизни» («Уҙған ғүмерләрем»), «Печаль старости» («Ҡартлыҡ хәлдәре»), «Проходит и проходит моя жизнь» («Үтә лә үтә инде ғүмерҙәрем»), «О нашем мире» («Донъябыҙ»), «Жизнь моя прошла» («Үтте ғүмерем»), а в баитах отразились личные трагедии «Скорбь о ребенке» («Бала хәсрәте»).

[1] *Салихов Ә.Ғ.* Онотолған тарих биттәре. Өфө: Ғилем, 2003. 21–27 б.

Таким образом, во время археографических экспедиций среди множества рукописей и старопечатных книг были собраны также письменные и устные мунажаты и баиты, бытовавшие и продолжающие бытовать в районах республики и ее прилегающих территориях. Собранные материалы передаются в Фонд рукописей имени Гайсы Хусаинова Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН.

Мунажаты заставляют задуматься о духовном мире, о смысле жизни, поэтому могут выступать в качестве средства воспитания молодого поколения. В них нашли отражение и некотрые мусульманские традиции, связанные с почитанием усопших, особенно родителей, чтением молитв по тому или иному случаю, с видением бытия и потусторонней жизни.

АБДУЛЛИН М.Р., ДИНИСЛАМОВ Т.И., ХАСАНОВ М.М.
(Россия, г. Уфа)

РОЛЬ ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов.

Поликультурное пространство – это социальная среда, которая отражает специфические характеристики культурного многообразия и способствует процессу естественного социокультурного взаимодействия его участников. Необходимо, чтобы такое взаимодействие было позитивным, толерантным, созидательным, креативным.

Сегодня, когда человеческое сообщество все более активно и настойчиво вступает в информационную эру, выходит на новые рубежи научно-технического знания, осваивает передовые коммуникационные технологии, значение духовно-нравственных ценностей воспринимается с особой ясностью и остротой. Но в то же время в этом глобальном по своим масштабам процессе, как никогда еще в истории, все тяжелее и болезненнее ощущается дефицит добра и человеческой теплоты в отношениях между людьми. Современный научно-технический прогресс значительно опередил по своим темпам нравственный прогресс, что способствовало сохранению старых и порождению новых форм бездуховности, жестокости, насилия, враждебности.

В настоящее время под воздействием информационной революции происходят существенные изменения в цивилизационной парадигме, где центральные позиции начинают занимать мир человека, мир культуры. Все это связано с необходимостью утверждения в жизни людей гуманистических ценностей.

Проблема «очеловечивания» человека превращается в одну из приоритетных задач развития современного общества, на реализацию которой должны быть направлены как образовательно-воспитательный потенциал различных государственных и общественных институтов, так и усилия самой личности, ориентированной на свое самовоспитание и достойную самореализацию в жизни общества.

Среди множества проявлений человеческой духовности особое место занимают нравственные ценности, которые являются своеобразным стержнем внутреннего мира человека, выполняют ведущие регулирующие функции в формировании его эмоционально-чувственных состояний, смысложизненных ориентаций и убеждений, поступков и межличностных отношений. Значение нравственности как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества чрезвычайно велико, и связано это прежде всего с тем, что с ее помощью для нас приоткрываются «тайны» человеческой души, в ней самой проявляется и развивается сущность человека как такового или то, что еще называют «собственно человеческим в человеке». Сегодня среди исследователей, политических и общественных деятелей, представителей культуры все более активно поднимаются вопросы духовно-нравственного характера, заходит речь либо о грядущей этической революции, либо о формировании нового гуманизма; в повседневном общении представления о нравственности достаточно часто ассоциируются с такими выражениями, как «быть человеком», «жить по-человечески», «человеческие законы», «человеческое отношение», «поступать по совести», «работать на совесть», «относиться с уважением» и др.

Человечность, гуманность, добропорядочность, совестливость, добросовестность, ответственность, честность – эти и другие качества, проявляясь в жизни человека, превращают нравственность из теоретической конструкции в реально существующий феномен. Раскрываясь всем богатством своих моральных чувств, убеждений, мотивов и качеств, человек становится неповторимой личностью, открывает и совершенствует заложенные в нем прекрасные задатки добра, делающие человека достойным уважения.

Духовно-нравственные ценности состоят из двух понятий: духовность и нравственность. Остановимся подробнее на каждом из них.

Духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу. Она проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности – любовь.

Нравственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира.

Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов.

Ислам – это естественная религия для всего человечества, которая существовала со времен возникновения этого мира и говорила в сердце каждого мужчины и женщины, где бы они ни жили. Моральные и нравственные ценности, присущие исламу, способны принести мир и благополучие в любую страну, и поликультурное общество. Ислам, как религия мира, не может нести угрозу ни одной стране.

Современная культура находится в состоянии поиска всеобщих ценностей, которые, с одной стороны, выражают единство интересов различных культур, с другой, – отражают их уникальность и неповторимость. Все эти ценности изложены в исламе.

В западной публицистике все чаще звучат голоса тех, кто считает, что базовые нравственные ценности ислама несовместимы с социально-политическими и экономическими устоями современного западного мира. При этом забывают, что вся современная цивилизация строится на базовых принципах авраамических религий, к которым принадлежит и ислам. Тем не менее, в Европе говорят уже о том, что мусульманские общины Запада способны нарушить социальный баланс в западных странах. Появился и специальный термин – «столкновение цивилизаций».

Однако современному мусульманину, мирно живущему в любой стране западного мира, трудно воспринять идею такого цивилизационного столкновения. Для мусульман России такая точка зрения вообще смехотворна, так как российские мусульмане – это неотъемлемая историческая составная российской государственности. Да и сама российская государственность на самых ранних этапах своего формирования создавалась при активном участии мусульманской созидательности, нравственности и общественных воззрений. Для любого мусульманина, очевидно, что западной цивилизации следует говорить не о цивилизационном столкновении с исламом, а воспринимать ислам как божественное благословение и фактическое спасение для западного мира.

Жизнь современной молодежи протекает в условиях постоянных изменений общественной жизни. Способность молодежи чутко реагировать на них может стать причиной того, что по мере усложнения социальных механизмов она начнет подвергаться трансформации, масштабы и степень которых непредсказуемы. Упадок культуры, образования, духовности и нравственности в современной молодежной среде приняли угрожающие формы. Объясняется это тем, что молодежь в наибольшей мере пострадала в периоды, когда было крайне ослаблено внимание общества к ее проблемам. Вместе с коренными изменениями

общественных отношений в молодежной среде происходят существенные сдвиги в ценностных ориентациях. Ранее существовавшие ценности изменяются и формируются новые, зачастую прямо противоположные, отрицательно влияющие на социальный и духовный облик молодежи. Ведь человек живет вполне осмысленно только тогда, когда отдает себе отчет в том, какова его иерархия ценностей, чему стоит служить, чему посвятить свою жизнь и чего следует избегать[1].

Сегодня у значительной части молодежи деградированы нравственные устои, их отличает цинизм, нигилизм, жестокость, безразличие, нетерпимость, безответственность, неуважительное отношение к историческому прошлому, потеря духовных и нравственных ориентиров. То, что для поколения родителей имело значение идеала, не имеет такой ценности у их детей, а, порой, даже приобретает противоположную оценку. Будущее же, к которому все стремятся, мало определено, в основном оно связано с чуждыми нам американизированными, европеизированными стереотипами дурного толка.

Сознание сегодняшних юношей и девушек активно формируют средства массовой информации, наводняющие экран жестокостью, садизмом, холодным любопытством по отношению к смерти и страданию. Типичным для телевидения является смешение высокого и низкого, важного и неважного, святого и обыденного. В результате уже несколько поколений оказываются «потерянными поколениями»: они лишены моральных устоев, духовности, высших человеческих ценностей, а значит, и смысла существования, и это делает их души надломленными, а поведение безнравственным и социально опасным.

В современных условиях вопросы нравственности в российском обществе находятся в кризисном состоянии. Нет прежних четких, однозначных ориентиров идеологического характера, которые были бы стержнем формирования системы нравственных ценностей. Зафиксированный в Конституции РФ плюрализм идеологий обернулся для различных социальных институтов, в той или иной степени причастных к воспитанию подрастающего поколения, потерей мировоззренческих основ в формировании человека, гражданина, личности[2]. Процессы социализации личности в современной России происходят под большим влиянием западной культуры, западных либерально-демократических ценностей, которые во многом противоречат традиционной культуре российских народов, в особенности исповедующих исламскую религию. Ситуация осложняется тем, что в условиях мировоззренческой растерянности, наблюдаемой в российской системе образования и воспитания, активную роль начали играть

[1] *Магомедова А.М., Сиражудинова С.И.* Проблемы формирования нравственности у молодежи в современном поликультурном пространстве России. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала. С. 15.

[2] Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы V Международной научно-практической конференции, проведенной в Уфе 15–17 октября 2012 года. Уфа, 2012. С. 5.

различные издания, в т. ч. художественной литературы, пропагандирующие насилие, индивидуализм, эгоизм, безнравственность. Велика отрицательная роль средств массовой информации, особенно телевидения. Российское телевидение превратилось в мощный, постоянно действующий источник формирования личности насильника, убийцы, преследующего собственные эгоистические устремления. Это не соответствует общественным интересам, интересам государственной безопасности России.

В этой ситуации религия, в нашем случае – ислам, рассматривается как важнейший фактор нового национального самосознания, как мировоззрение, оказывающее позитивное влияние на формирование нравственности молодежи. Она способствует сохранению принятых в обществе этикетных и морально-нравственных ценностей, частично трансформированных под влиянием времени, определяет отношение людей друг к другу в рамках одной конфессии, одного этноса, к представителям других религий и т. д.[1] Одна из важнейших составляющих ислама, как и любой другой религии, является формирование мировоззрения человека, совершенствование его духовных ценностей, развитие личности. Конечно, сегодня немного услышишь о позитивной роли ислама в данной проблеме. Больше слышишь об исламском фундаментализме и исламском экстремизме, об их попытках любыми средствами завлечь молодежь в свои ряды. Поэтому необходимо на этом фоне и власти, и СМИ, и светским образовательным учреждениям совместно с мусульманскими лидерами активно пропагандировать многостороннюю миротворческую деятельность мусульманского духовенства в деле сохранении мира и согласия как внутри общества, так и между народами. Отрадно видеть на телеэкране представителей мусульманского духовенства, слышать их нравственные поучения, призывы творить добро, думать о вечности.

В современном поликультурном пространстве России происходит своеобразная реабилитация религиозного сознания. Сегодня в обществе утвердилось мнение, что религиозное мировоззрение – это многотысячелетняя духовная традиция, которая направляет ход мировой истории и устанавливает нравственную санкцию человеческих поступков, источник силы и помощи, дающий человеку возможность быть услышанным и понятым. Религия является не только формой общественного сознания, но и носителем нравственных общечеловеческих ценностей, составной частью культурного наследия, одним из существенных факторов, формирующих национально-этическое сознание народов.

В настоящее время интерес к религии стимулируется растущим потоком религиозной и религиозно-публицистической литературы, политизацией религии,

[1] *Айзатуллин З.А.* Роль духовно-нравственных ценностей ислама в поликультурном обществе. http://www.islam.ru/

ростом ее авторитета в обществе. Все больше молодых людей связывают сопричастность религии с принадлежностью к своей нации, с теми ценностями и идеалами, на основе которых решаются смыслообразующие, смысложизненные проблемы. Определяющим в духовности выступает не обретение разнообразных знаний, а их качество, которое несет в себе позитивное содержание и связано с гуманистическими идеями, центром которых было отношение к себе и к другим людям.

С учетом всего сказанного, современное российское государство в тесном сотрудничестве с общественными и религиозными организациями вполне может решать проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи. Конечно, определяющая роль в этом процессе должна принадлежать государству.

Духовно-нравственное воспитание молодежи – это начало и результат, смысл и основной ресурс социального и экономического прогресса общества. Модернизация страны начинается с воспитания личности, способной ее осуществить. Но и сама модернизация нужна, прежде всего, для повышения качества жизни в стране, т.е. создания максимально благоприятных условий для развития личности. Таким образом, воспитание молодых граждан России и модернизация страны – две составляющие одного процесса.

В современном мире во всех странах, безусловно, особое значение приобретают духовно-нравственное воспитание молодежи, развитие у них таких качеств как толерантность и уважение к другим культурам, истории, религиям; готовность и способность к диалогу и сотрудничеству, востребовано в российском поликультурном обществе.

В противовес набирающим силу тенденциям глобализации культуры заметно повысился интерес к национальным культурным ценностям. Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что именно на основе формирования прочного духовно-нравственного фундамента складывается устойчивый менталитет нации, обеспечивающий ее историческую жизнеспособность. Нация, утратившая свои духовные основы, национально-культурную идентичность, оказывается беззащитной перед вызовами истории. Настоящее и будущее общества и государства определяются бережным сохранением и развитием культурно-исторического наследия, народных традиций и норм общественной жизни. Все это обусловливает актуальность гражданско-патриотического воспитания в современном обществе.

Гражданственность и патриотизм являются важнейшими нравственными качествами человека, в которых выражается сопричастность его к своей Родине, народу, государству, их истории и культуре, проявляется его способность участвовать в совместных действиях на благо общества, готовность отстаивать и защищать общественные устои и национальные интересы.

АКБАШЕВА Д.Х., ШАРИПОВА Э.А.
(Россия, г. Уфа)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКОГО ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вслед за нормами и положениями действующей Конституции Российской Федерации 1993 года статья 30 Конституции Республики Башкортостан гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Законом Республики Башкортостан от 4 марта 2014 № 57-з были внесены новые положения в эту статью, а именно, появилась часть вторая, которая гласит: «Республика Башкортостан содействует поддержанию толерантности, терпимости и уважения между верующими различных вероисповеданий». Учитывая, что духовные, религиозные ценности являются важным фактором самоопределения человека в современном мире, и, учитывая, что на святость своих догматов претендуют, за редким исключением, практически все религиозные верования, и это обстоятельство зачастую выступает источником межконфессиональных противоречий, закрепление подобного положения на конституционном уровне, на наш взгляд, является чрезвычайно своевременным. Данная правовая норма о взаимном уважении друг к другу между различными религиозными конфессиями и содействии государства в установлении межконфессионального уважения обязывает органы государственной власти исполнять данное правило непосредственно в осуществлении государственного управления. Причем существительное «поддержание», которое употребляется в конституционном положении части второй статьи 30-й Конституции Республики Башкортостан, указывает на сохранение уже сложившихся традиций, на законодательное закрепление так называемой хабитуализации, что в терминологии социологов означает «опривычивание», освоение некой социальной позиции и формирование установок, стереотипов, присущих обществу. То есть межконфессиональная толерантность является уже неотъемлемым элементом в образе мышления, в менталитете граждан региона. И, конечно же, согласно Конституции РФ, в Конституции РБ закреплены и запрещающие нормы. Например, статья 12 Конституции Республики Башкортостан устанавливает, что «не допускается деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации и конституционного строя Республики Башкортостан, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

16 ноября 1995 года 135 государствами – членами ЮНЕСКО, включая и Россию, была принята Декларация принципов толерантности, где толерантность была провозглашена одной из главных и надежных ценностей XXI века. В соответствии с данной Декларацией, толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Толерантность следует понимать как расширение собственного опыта, который позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою собственную в результате критического диалога. Под толерантным обществом следует понимать такое общество, где на государственном уровне обеспечиваются принципы правового статуса личности: принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, принцип неотъемлемости прав и свобод человека и гражданина, принцип гарантированности прав и свобод человека и гражданина и принцип равноправия, что означает запрет дискриминации. Согласно статье 2 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 года, понятиями, противоположными по значению понятию толерантности, выступают ««нетерпимость» и «дискриминация на основе религии или убеждений», что предполагает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод»[1].

Примечательно, что принцип поддержки государством межконфессиональной толерантности, терпимости и уважения между верующими различных вероисповеданий закреплен не в главе 1 «Основы конституционного строя Республики Башкортостан», а в главе 2 «Права, свободы и обязанности человека и гражданина». Логика законодателя в данном случае, видимо, связана с тем, что свобода вероисповедания, право распространять религиозные убеждения, гарантируемые первой частью статьи 30 Конституции РБ, не должны выходить за рамки сохранения толерантности, терпимости и уважительного отношения к иным вероучениям и представителям иных религиозных конфессий. В Конституции Российской Федерации рассматриваемое нами право исповедывать любую религию гарантируется статьей 28. В соответствии со статьей 56 Конституции РФ это право не подлежит ограничению в условиях чрезвычайного

[1] Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 // Электронный ресурс http://base.garant.ru/2565457/

положения, и в теории конституционного права относится к группе личных прав. Системой действующего законодательства в последнее время усилена защита прав верующих. Например, в УК РФ относительно недавно появился новый состав преступления – оскорбление религиозных чувств верующих, за который предусмотрен штраф в размере до 300 тысяч рублей, либо предусмотрено лишение свободы на срок до одного года.

Сущность свободы совести сводится к наличию для человека узаконенных возможностей поступать не по принуждению, а так как он полагает необходимым в соответствии с его убеждениями при условии соблюдения установленного правопорядка, а свободы вероисповедания – в возможности открыто следовать выбранной религии. При этом важно отметить, что свобода совести и вероисповедания – составная часть правового статуса человека и гражданина, одна из его неотъемлемых индивидуальных свобод, получающих правовое закрепление в любом демократическом обществе. К данному правовому институту также необходимо относить нормы, содержащиеся в ряде других статей Конституции РБ и гарантирующие свободу совести и вероисповедания. Это нормы, закрепляющие: принцип идеологического многообразия (ст. 12), светский характер государства и запрет на установление государственной или обязательной религии (часть 1 ст. 13), отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом (ч. 2 ст. 13), равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии (ст. 19), недопущение использования прав и свобод для разжигания религиозной ненависти (ст. 17).

Профилактическое и воспитательное значение административно-правовых и уголовно-правовых санкций, конечно, имеет огромное значение в реализации права свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, однако для поддержания толерантности в сфере межконфессиональных отношений этого недостаточно. На наш взгляд, реализация положений Конституции РБ о межконфессиональной толерантности требует подготовки квалифицированных кадров в области религиоведения и теологии. Часть 2 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закрепляет, что именно «образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами»[1]. В последнее время в России и в Республике Башкортостан обсуждалась проблема религиозно-нравственного и теологического просвещения и образования в государственных образовательных учреждениях. Одним из направлений государственного управления в сфере реализации свободы вероисповедания сегодня является академическое образование духовенства, научных деятелей в сфере теологии, специалистов государственных и муниципальных

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (111) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. № 235.

органов в сфере взаимосвязи с религиозными организациями. Знание норм права, основных правил, установленных государством в этой области, особенно важно сейчас, когда есть угроза распространения «импортируемого» религиозного экстремизма, фанатизма, приводящего к трагедиям в виде террористических актов и к другим преступлениям террористического характера.

Событием для Башкирского государственного университета в 2014 году стало открытие нового направления подготовки по специальности «Теология». Открытие данного направления является необходимым и значимым как для Башкирского государственного университета и Республики Башкортостан, поскольку теологическое образование становится все более востребованным и актуальным.

Теология – это новая развивающаяся область знаний теоретического и прикладного направления, целью которой является подготовка компетентных теологов, востребованных в современном обществе для диалога и взаимодействия между религией, государством и обществом. Теология – система знаний о вероучении и организационных формах религиозной жизни, религиозно-культурном наследии, образовании и научной деятельности, методах и формах межконфессионального диалога и механизмах воспитания человека в современном обществе.

В России в настоящее время сформировалась необходимая правовая, организационная и научно-методическая база, которая позволяет вести образовательную деятельность по теологическому направлению. «Теология» входит в государственный классификатор направлений подготовки наряду с такими направлениями подготовки как «математика», «химия», «физика», «история», «юриспруденция» и др. Осуществление образовательной деятельности по направлению подготовки «теология» в России ведется в соответствии с государственными образовательными стандартами с 2001 года, с 2011 года в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, основанными на компетентностном подходе. Программа бакалавриата по направлению подготовки «теология» реализуется в рамках соответствующей конфессиональной теологии (христианской, исламской, иудейской, буддистской). Многие федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего образования работают в направлении подготовки теологов. Кафедры теологии открываются на разных факультетах и в самых различных государственных вузах. Особенно много кафедр открыто по христианской теологии. Это кафедры теологии, например, таких вузов как Московского государственного лингвистического университета, открытая в 2003 году, Тульского государственного университета, открытая в 2001 году, Саратовского государственного университета, открытая в 2005 году, Ульяновского государственного педагогического университета, открытая в 2011 году и многих других. Что касается вузов, которые

занимаются подготовкой исламских теологов, их не так много и открыты они недавно. Например, Пятигорский государственный лингвистический университет начал реализацию образовательной деятельности по исламской теологии в 2007 году, Уральский государственный горный университет в 2011 году, Казанский (Приволжский) федеральный университет в 2013 году, Башкирский государственный университет в 2014 году. В 2014 году Башкирский государственный университет получил лицензию на осуществление образовательной деятельности по направлению подготовки «Теология» (исламская теология). Главная задача теологического образования в Башкирском государственном университете – это подготовка современных, высококвалифицированных специалистов в области исламской теологии, адаптированных к деятельности в условиях глобализации и новых информационных и образовательных технологий.

Целью данной образовательной деятельности также является предотвращение развития и распространения радикальных направлений религии, предупреждение экстремистской и террористической деятельности, связанной с религиозной идеологией. Для противодействия экстремизму требуются согласованность действий всех государственных органов и органов местного самоуправления, их взаимодействие с институтами гражданского общества, формирование консолидированной позиции по вопросам профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В рамках реализации данной концепции, подготовка теологов имеет целью обеспечение духовной безопасности, утверждение созидательных процессов в обществе. Исламское теологическое образование в России является важным стратегическим направлением внутренней и внешней политики государства. Система образования на то и существует, чтобы не появлялись «лжехимики», «лжефизики», «лжеврачи», «лжетеологи» и т.д. На основе научных подходов, на основе современных образовательных технологий необходимо вести образовательную деятельность и в области религии.

Многие проблемы в религиозной сфере возникают из-за незнания основ религии, из безграмотности людей. Поэтому остро встает вопрос теологического образования. Сегодня явно необходима подготовка административно-управленческих и экспертных кадров для мусульманских религиозных организаций и органов государственного управления по работе с религиозными объединениями, переподготовка и повышение квалификации имамов, преподавателей религиозных и светских учебных заведений, сотрудников муниципальных и правоохранительных органов, а также представителей масс-медиа. Изучение и осмысление религии на уровне высшего образования способствует сохранению гуманизма, толерантности, терпимости и уважения между верующими различных вероисповеданий. Постижение истинной сути религии позволит преодолеть реакционные направления, приведет к адекватному пониманию религиозной культуры.

Новая социокультурная и религиозная ситуация требует учета религиозного фактора в общественном развитии и деятельности государственных органов в направлении достижения конфессионального мира и согласия. Научный мир и государственные образовательные учреждения не могут оставаться в стороне от проблем, решение которых обеспечит государственные интересы. В целях поддержания и развития, в частности, традиционного ислама государственным научным и образовательным учреждениям необходимо вести образовательную и просветительскую деятельность в данном направлении.

Открытие направления подготовки «Теология» в Башкирском государственном университете стало ответом на вызов современного российского общества, в котором идет процесс возрождения религиозных ценностей и связан с проявлением большого интереса к изучению одной из мировых религий – ислама.

Религия и государство отделены друг от друга, но религия не отделена от общества. Религия является образом жизни и стилем мышления значительной части общества. Влияние религии на общественное сознание, на образ жизни всего общества возрастает. С этим очевидным фактом нельзя не считаться. Соответственно, возникает объективный запрос, прежде всего, со стороны традиционных для нашей страны конфессий на подготовку специалистов с высшим теологическим образованием. Современная система образования не может оставаться в стороне от запросов общества, она должна отвечать на вызовы и потребности современного общества. Открытие данного направления в ведущем вузе Республики Башкортостан связано с целью организации религиозной образовательной деятельности и формирования учебно-методической базы исламского образования в регионе на всех уровнях государственного высшего профессионального образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Открытие направления подготовки «теология» соответствует общей направленности образовательной деятельности классического университета, который готовит профессиональные кадры в области естественных, социальных, гуманитарных наук. Башкирский государственный университет как ведущий вуз республики взял на себя задачу на высококвалифицированном уровне организовать процесс образовательных и научных изысканий в области ислама. Во всех цивилизованных странах мира теологическое образование имеет давнюю традицию в государственной системе образования. Теологические факультеты осуществляют образовательную деятельность в самых известных университетах мира. В Оксфордском университете теология является одной из престижных базовых специальностей как и история, классическая филология, юриспруденция, специальности в области естественных наук. В мировой практике теология рассматривается как важнейшая гуманитарная дисциплина и составляет фундамент национального гуманитарного образования.

В 2014 году на заочное отделение Башкирского государственного университета по специальности «Теология» было принято 49 студентов, в 2015 году – 37 студентов. Образовательная деятельность в области теологии в БашГУ ведется на основе научных подходов, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании», федеральными государственными стандартами и на основе современных образовательных технологий.

В Башкирском государственном университете складывается научная школа исламоведов, занимающихся изучением истории, философии ислама, современных религиозных проблем. Готовятся к защите докторские и кандидатские диссертации по темам, связанным с теологией, формируется учебно-методическая база исламского образования. В рамках реализации учебного плана направления подготовки «Теология» и с целью развития научных исследований в области ислама, Башкирский государственный университет сотрудничает с учеными-исламоведами, докторами наук, профессорами Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (г. Уфа), Института восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, Института массовых коммуникаций и социальных наук Казанского федерального университета, где осуществляется подготовка теологов по направлению подготовки «Исламская теология: государственно-конфессиональные отношения», Уральского государственного горного университета, Российского исламского института г. Москвы, г. Казани. Студенты получают знания по многим основополагающим дисциплинам учебной программы: истории религии, этике и эстетике ислама, религиозной философии, истории исламской цивилизации, истории ислама в России, по правовому регулированию государственно-конфессиональных отношений, по основам исламской экономики и др. Корановедение, хадисоведение, исламское право преподаются со знанием арабского языка. В изучении дисциплины «Исламское право» нашими студентами помогают научные труды известного ученого, доктора юридических наук, профессора, члена экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации Л.Р. Сюкияйнена. Знание родных языков, а также изучение арабского языка являются необходимой составляющей учебной программы по исламской теологии. По выбору студентов проводятся занятия по дисциплине «Русский язык и литература», «Башкирский язык и литература», «Татарский язык и литература». В учебный план включены такие дисциплины как «Этнология», «История Башкортостана», «Основы тюрки», «Методика преподавания исламских наук», «Новые религиозные движения», «История деятельности религиозных ученых ислама» и многие другие. Выпускники по направлению «Теология» имеют воз-

можность продолжить обучение по программе магистратуры «государственно-конфессиональные отношения», аспирантуры. Согласно решению Высшей аттестационной комиссии России теология стала новой научной специальностью (26.00.01). На 2016–2017 учебный год Министерством образования и науки РФ по направлению подготовки «Теология» по очной форме обучения было выделено 18 бюджетных мест.

В целях установления взаимодействия с централизованными религиозными организациями Башкирский государственный университет сотрудничает с Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан и Центральным духовным управлением мусульман России. Достаточный уровень межконфессиональной толерантности обусловлен высоким уровнем духовности и образованности населения. Достижение высокого уровня образования и грамотности является приоритетными в обеспечении межконфессионального согласия. Британские исследователи констатируют, что дети, изучавшие религию, более толерантны по сравнению с теми, кто не получил такого образования. Низкий уровень религиозного образования придает потенциал использованию религиозных различий для политической мобилизации. Об этом отмечают исследователи Европейского центра мониторинга расизма и ксенофобии[1]. Научные конференции, которые выполняют функцию просвещения в сфере религиоведения и теологии, также являются важными тактическими приемами при достижении межконфессионального согласия. Например, это такие конференции, как Международная теологическая научно-образовательная конференция «Коранический гуманизм как фундамент мусульманского образования» (29–31 октября 2015 г., Россия, Москва), организаторами которого выступили Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Институт стран Азии и Африки), Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» (Казахстан), Московский исламский институт, Духовное управление мусульман Российской Федерации, Секретариат Международного мусульманского форума; Международная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» (22–23 октября 2015 г., г. Уфа), организованная БГПУ им. Акмуллы и Российским исламским университетом, при содействии Международной исламской организации по образованию, науке и культуре (ISESCO), Федерации университетов исламского мира (FUIW) и Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан; международная научно-методическая конференция «Методические аспекты изучения исламских и светских наук в мусульманских духовных образовательных учреждениях» (27–28 мая 2015 г., г. Уфа),

[1] *Catherine J.Byrne.* Publik school religion education and the ‘hot potato’ of religious diversity.// Journal of Religious Education, 57 (3), 2009.

организованная Российским исламским университетом при содействии Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан.

В заключение необходимо отметить о том, что ценностные ориентиры христианства, ислама и других религий призывают к миру, согласию, милосердию и стали сущностью менталитета народов, существующих в рамках этих религиозных традиций. Светскость государства не исключает значимость систем религиозных ценностей. Принцип межконфессионального согласия, закрепленный в Конституции РБ, реализуется органами государственной власти Республики Башкортостан и органами местного самоуправления, Советом по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, централизованными религиозными организациями и государственными образовательными учреждениями проводятся мероприятия по упреждению и профилактике межконфессиональных конфликтов. В последнее время все большее распространение получает практика заключения договоров и соглашений о сотрудничестве в различных видах социально значимой деятельности между органами государственной власти и религиозными организациями. К примеру, это прослеживается в сфере борьбы с наркоманией, что, конечно же, может привести к положительным результатам в этой области.

АНДРЕЕВА Ю.В.
(Россия, г. Уфа)

РАДОСТЬ БЛАГОЧЕСТИЯ КАК ОСНОВА РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ИСЛАМЕ

В поисках духовно-нравственных ориентиров в жизни и в воспитании молодого поколения можно найти опору в возвращении к традиционной системе ценностей в целом и в обращении к религии – в частности.

Обращение к исламу как к системе ценностей национальной культуры служит основой духовного оздоровления нации и народа, выступает как религиозная стратегия, наполняющая смыслом человеческое существование, избавляя от чувства пустоты, безысходности, уныния, растерянности или заброшенности.

Одним из принципов в исламе является Таваккуль – опора на Аллаха, помогающая обрести или сохранить энергию и жизнерадостность на пути к успеху или проявлять стойкость и смирение в трудных жизненных обстоятельствах. Уповающие люди всей силой стараются ради достижения своих идеалов, а если не достигают желаемого результата, то видят и в этом божье провидение.

Мусульманин продвигается на правильном пути, оптимистически настроенный и довольный жизнью. Именно это чувство довольства ограждает его от стрессов и безнравственности, открывает перед ним путь к счастью и праведной полноценной жизни.

Ощущая такую поддержку, сердце человека успокаивается, сам человек приобретает необходимые силы и способность действовать.

Религия как часть духовной жизни человека расширяет горизонты повседневного существования, позволяет соотнести свои повседневные дела и помыслы с высшими ценностями. Ощущение тревожности или безысходности исчезает, и жизнь наполняется новыми смыслами, если ориентировать подрастающее поколение на нравственные ценности и идеалы в целях взрастить духовно-личностное начало в каждом из них и стремление к самосовершенствованию. С духовными ценностями можно ознакомить, но личностные смыслы, их нельзя привнести извне, каждый верующий находит их для себя сам. Отсюда высвечивается необходимость религиозно-нравственного воспитания, основой которого в исламе является праведное поведение мусульманина.

Праведное поведение носит название благочестия. *Радость благочестия* – это стремление избежать греховного, то есть того, от чего неспокойно. Оно выражается в поведении, мыслях, душевном состоянии человека.

Праведное поведение как путь к счастью и как радость благочестия, основанные на вере (иман), знании и убеждении, состоит:

– *в молитве:* в исламе она называется намаз и является пятикратной. Искренняя молитва является подтверждением продвижения мусульманина по пути нравственного совершенствования. Молитвенный труд – это своего рода гимнастика и гигиена. У человека, совершающего молитву, душа, мысли всегда должны быть искренними и благородными, тело и одежда должны содержаться в чистоте. Личная чистоплотность мусульманина является важным фактором при общении не только с Богом, но и с окружающими. Сама молитва включает в себя поклоны и коленоприклонение, с помощью этих движений молитва помогает содержать организм в хорошем физическом состоянии, а также развивает духовные начала человека. Молитва поддерживает здоровье, несет в себе нервное спокойствие и физическую закалку.

В силу необходимости не только физически мыть руки, но и необходимости ментальной гигиены и содержания своих мыслей в нравственной чистоте, в способности отрешиться на время от трудностей земного существования, медитативные техники намаза позволяют сохранять ясность сознания (души и разума), сохранить здоровье и долголетие. Магомедов М.Г., доктор медицинских наук, пишет о том, что намаз совершается в определенных позах, полезных для сердца, кроме того 5 раз в день – время, когда открываются БАТ – биологически активные точки. Они наиболее активны первые 15 минут, как раз, пока идет намаз. Но закрываются в течение 1,5–2 часов. А в исламе сказано: забыл прочитать

намаз – у тебя есть время прочитать его в течение 1,5 часа. Точки связаны с нервной системой и способны ее восстанавливать. Позы перекрывают вены на бедре, и заставляют кровь прокладывать путь по новым путям – капиллярам. В коранических сказаниях сказано: Из всех поступков, лучший – вовремя совершенный намаз. Молитва вырабатывает силу воли, закаливает, укрепляет суставы, улучшает кровообращение и усвояемость пищи, регулирует давление крови.

Молитва оберегает людей от всяких дурных поступков, воспитывает в человеке гуманность, честность и добродетельность, сохраняет на высоком уровне отношения между людьми;

– *в милостыне* – как отдача своего богатства бедным и как способ самореализации в лучшем виде (тоже может носить название фитра закят); пожертвование удерживает бедных от воровства и других неблаговидных поступков, а в богатом человеке развивает щедрость и сострадание. В этом также можно усматривать и установление отношений взаимовыручки между людьми;

– *в соблюдении праздников*, одним из которых является Рамадан (по-арабски Ид-Аль-Фитр) – праздник поста, приближающий человека к его природной первозданной чистоте. Пост (ураза) – это рациональный и общедоступный метод лечения от различных заболеваний.

Благочестие можно охарактеризовать как верность Богу и следование определенному образу жизни. Внешне такой образ жизни может выражаться в следовании предписаниям и правилам Корана, соблюдением мусульманских праздников.

Намаз, милостыня, соблюдение праздников помогают воспитать достойное общество и праведных людей. Поступок лучше слов выражает нравственную сущность идеи. Ислам – это путь указаний Аллахом, по которому должно идти человечество, чтобы не нарушалась гармония, мир и благополучие (салям). Такое равновесие является целью мусульманской системы воспитания, основанной на помощи и наставлении.

Исламская методика воспитания предлагает полное всестороннее развитие человеческой личности: его тело, разум, дух, всю его земную деятельность.

Воспитание в мусульманской традиции понимается как смирение, прощение, благодарность – это три качества составляют благочестие.

Смирение – полное подчинение истине, один из важнейших результатов знания и веры, оно предполагает собой и повиновение велениям Аллаха и Его посланника. Смирение – выполнение велений и удаление от запретного, это еще и внимание к слабым и обездоленным, старикам и детям, богатым и бедным людям.

К тому, кто проявляет смирение пред Аллахом и Его рабами Он возвышает, о чём Аллах Всевышний сказал так: «Аллах возвысит (на много) ступеней тех из вас, которые уверовали и которым даровано знание, и Аллаху ведомо о том, что вы творите». «Препирательство», 11.

Прощение – является честью. Люди испытывают чувство благодарности по отношению к человеку, способному прощать. Аллах прощает того, кто и сам прощает.

Благодарность – это часть традиции взаимопомощи и интегральное качество, включающее в себя смирение и прощение.

Благочестие – это еще и *справедливое, честное и вежливое отношение к своей семье.* Пророк Мухаммад говорил: «Наиболее совершенна вера у верующих с превосходным нравом. А лучшие из вас – те, которые хорошо относятся к своим женам» (*Тирмизи*).

Традиция уважения к женщинам и к старшим, обычай оказывать почести гостю. Ислам и его законы защищают женщин-мусульманок, по Корану в хадисе «О женщинах»: «Обходитесь с ними достойно». Особые предписания в одежде также призваны оградить женщин от возможных неприятностей.

Забота о матерях, бабушках, дочерях – это святая обязанность каждого мусульманина. В западных странах сегодня принято жить отдельно от родителей, а к старости родителей отдавать их в дома престарелых, то в исламе подобные действия по отношению к родителям не приемлемы. Пророк не одобрял непочтительное отношение к матери и отцу. В некоторых хадисах грех непослушания родителей сразу же упоминается после ужасных смертных грехов: многобожия и убийства невинных людей. Забота о матери и послушание ей – самый верный путь достижения милости Аллаха. По словам Пророка: *«Рай находится под ногами ваших матерей»*.

Учение ислама определенно способствует нравственному совершенствованию человека и удерживает людей от безнравственности и преступлений, это своего рода программа нравственного воспитания.

Литература

1. *Имаев Т.Р., Хусаинова А.Х.* Философия ислама: экзистенциально-онтологический концепт // Социально-гуманитарные знания. 2014. С.179–187.

2. *Кафаров Т.Э.* Принципы этики ислама: нравственный ориентир для мусульманина // Исламоведение. 2010. № 2. С. 65–78.

3. *Латыпов Л.Н.* Экзистенциальная аксиология вероучения ислама текст научной статьи по специальности «философия» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. С. 6–12.

4. *Мавлютов Р.Р.* Ислам. М.: Издательство политической литературы, 1974. 168 с.

5. *Рамазанов К.А., Султанмагомедов С.Н., Гаджиев М.П.* Азбука Ислама. Учебно-методическое пособие по основам ислама для начинающих. Издание 2-е, дополненное. Махачкала, 2008. 270 с.

АСЛАНИДЗЕ А.Ш.
(Грузия, г. Батуми)

ИСЛАМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ АДЖАРИИ

Грузия по своему геополитическому положению находится в окружении мусульманских стран. В самой Грузии живут примерно полмиллиона грузин-мусульман и мусульман негрузинского происхождения. Также в Грузии располагаются более 250 действующих мечетей. Естественно всё это создаёт спрос на подготовку духовных лиц. Удовлетворить этот «спрос» на месте невозможно, поскольку духовные центры мусульман, живущих в Грузии (в основном сунниты и шииты) находятся за пределами страны, для суннитов Саудовская Аравия и Турция, для шиитов Азербайджан и Иран. Отношение с ними по-разному отражается на менталитете наших мусульман и исходя из этого, на их быт. Это в первую очередь потому, что в Грузии по сей день отсутствует высшее духовное училище для мусульман. Именно поэтому возникает вопрос, какое место занимает ислам в образовательной системе Грузии.

Изначально хочу отметить, что на официальном уровне ислам никак не участвует в образовании молодёжи. Ислам не преподают в образовательных школах (не преподают религию, в общем), в стране нет официально зарегистрированных заведений, которые давали бы соответствующее образование мусульманской молодёжи. В своё время равнодушие со стороны государства в решении этих вопросов вызвало то, что образованием мусульманской молодёжи занялись разного рода мусульманские организации. Подобная активность началась с 90-х годов, когда Грузия приобрела самостоятельность и изменила политику по отношению к религии. Эти процессы в первую очередь касались православия, но отразились и на исламе. С этого времени в селениях Аджарии открываются новые мечети, создаются мусульманские организации, такие как: «Союз грузинских мусульман», «Союз теологов», «Ассоциация грузинско-турецкой дружбы», «Ассоциация помощи грузинской молодёжи» и др. Несомненно, эти организации заботились как о возрождении ислама в Аджарии, так и о религиозном образовании молодёжи. Они, сотрудничая с подобными же организациями за рубежом, отправляют молодежь за границу. Без сомнения, деятельность этих организаций определяли миссионеры, которые приезжали в Грузию из разных мусульманских стран.

В этих процессах также активно участвовали и последователи Сайда Нурса, или как их у нас называют «Нурджи», «сулеймандж» и «Махмуджи». Они создавали религиозные организации, а в Батуми основали несколько благотворительных фондов, при финансовой поддержке которых молодые люди получали

религиозное образование в университетах за рубежом. При поддержке этих же фондов, сначала в Батуми, а потом в районных центрах Аджарии начали выкупаться здания, где открываются специальные курсы изучения Корана, а позже в этих помещениях устроили и пансионы, где вместе с религиозным образованием было организовано бесплатное питание и проживание. Только в Батуми было открыто три подобных пансиона. Естественно возникает вопрос: откуда финансы? В своё время нами был изучен вопрос пожертвования местными мусульманами, которое практически было равно нулю. В основном эти организации финансировались из-за рубежа.

Какое положение на современном этапе в Грузии в этом плане?

Только в Аджарии на сегодняшний день действуют более 30 пансионов, где обучаются более 1000 учеников. Эти числа могут быть и не точными. Как правило, мусульманские организации не дают точную информацию о своей деятельности, что осложняет процесс наблюдения и анализа этих процессов. Но точно можно сказать в основном какие организации заняты этим делом: «Всемирный союз мусульман», «Молодёжная ассоциация помощи», «Отношение грузинских мусульман», «Цель» и другие. Пансионы есть во всех муниципальных центрах Аджарии и в больших деревнях, также в городе Батуми и Тбилиси. Основной деятельностью этих пансионов является обеспечение детей школьного возраста питанием и жильём, созданием условий для приготовления уроков после школы и 2-3 часов изучения основам ислама и Корана. Во многих пансионах также действуют подготовительные курсы для поступления в вузы. Выпускников пансиона, которые поступают в вузы Батуми или Тбилиси, обеспечивают жильём и питанием.

Недавно корреспондент один из местных газет «Батумелеби» побывал в нескольких пансионах и побеседовал как с руководителями, так и с проживающими там. По мнению корреспондента, основные обязательства учащихся – учеба и молитва, почти у всех учеников одинаковое желание продолжить обучение в университетах Грузии.

Интересную картину даёт беседа с руководителями пансиона. Руководитель «Всемирного союза грузинских мусульман» с гордостью отмечает, что почти все дети пансиона, которые находятся в подчинении этой организации, поступают в высшие учебные заведения. По его словам, в прошлом году из Хулойского пансиона сдавали экзамены 15 мальчиков и из них 11 поступили в университеты Батуми и Тбилиси, из девочек сдавали экзамены – 11, а поступили 8. Из Кинчаури из 6 поступили все. Руководитель организации «Цель» говорит, что дети, которые в школе получат менее 7 баллов, будут отчислены из пансиона и именно благодаря такой строгой политике в прошлом году из 5 абитуриентов все поступили в вузы.

Интересная позиция руководителя «Отношения грузинских мусульман», связанная с целью будущих детей, который говорит, что девочка после окончания школы должна выйти замуж и воспитывать детей. Из его же пансиона несколько учеников имеют желание продолжить учёбу в религиозных училищах за рубежом. Нужно отметить и то, что подчинённые этой организации мальчики и девочки занимаются отдельно. А девочкам часы религии строго проводят педагоги-женщины.

Такая разная позиция руководителей пансионов о светском и религиозном образовании (которая со своей стороны зарождает очень много вопросов) вызвана тем, что в этих пансионах не существует единой образовательной программы. Религиозное образование организовывается на основе взглядов руководителей этих организаций. Отличается и количество часов, уделяемое изучению религии – от 2-х до 3-х часов. Отдельный вопрос, насколько оправдана такая нагрузка на детей школьного возраста с психологической точки зрения. Важно, что руководители этих пансионов делают акцент на привлечение детей из нуждающихся семей, чтобы дать возможность получить образование, в том числе и религиозное.

В двух словах о финансировании этих пансионов. Два года назад был создан религиозный совет при Премьер-министре Грузии, который должен был позаботиться о решении существующих проблем в религиозной сфере. Были сделаны определённые шаги по отношению мусульман. Государство выделило 4 млн лари для организации муфтията и медресе. Более или менее урегулирован вопрос заработной платы из бюджета для имамов. Но этого всё равно недостаточно относительно имеющихся запросов мусульман Грузии. Поэтому, деятельность вышеуказанных пансионов всецело зависит от иностранного капитала, соответственно сложно предсказать и результаты, к которым можно прийти в будущем, так как зачастую иностранное финансирование имеет и идеологический заказ.

В конце ещё раз отмечу, что из перечисленных пансионов ни один не является официально зарегистрированным и не имеет отношения к системе образования Грузии. Учёба в этих пансионах проводится по системе, выбранной отдельным руководителем или финансирующим субъектом. Так что присутствие ислама в образовательной системе Грузии относительно. Уже несколько лет в Грузии стоит вопрос об открытии высшего учебного заведения для подготовки религиозных лиц. Особое желание проявляет в этом направлении мусульманское сообщество. Вроде и со стороны государства ведутся подготовительные работы, но вопрос не двигается с места, а несвоевременное решение вопроса со стороны государства часто вызывает радикализацию отдельных групп, создаёт прецеденты противостояния между мусульманами и христианами.

10 171184

Литература

1. *Асланидзе А.Ш.* Ислам и современность. Тбилиси, 2013. 192 с. (на грузинском языке).

2. *Асланидзе А.Ш.* Признаки исламофобии в Грузии (по материалам грузинских СМИ) http://libweb.kpfu.ru/z3950/bcover/892558_con.pdf.

3. *Гузельбаева Г.Я.* Православные и мусульмане Татарстана. http://sreda.org/2013/guzel-guzelbaeva-o-pravoslavnyih-i-musulmanah-v-kazani/20774.

4. *Булатов А.А.* В Крыму просят создать мусульманский духовный институт. http://jankoy.org.ua/krymu-sozdat-musulmanskij-duhovnyj-institut/.

АХМЕТОВ М.А., ГРАЧЕВ Д.К.
(Россия, г. Уфа)

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ УСТОЙЧИВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о роли нового поколения в становлении многополярного мироустройства, необходимо определиться с самим толкованием этого выражения. В рамках данной статьи мы преднамеренно отходим от применения выражения «молодое поколение», которое, прежде всего, характеризуется возрастными параметрами его представителей, устанавливающие возрастные границы, где нижняя планка устанавливается в 14 лет и верхняя планка достигает 35 лет. При этом показатели нижней или верхней планки условны и могут иметь незначительные колебания.

В понятие же «новое поколение» вкладывается стержневое, внутреннее наполнение представления о современной реальности, ее существующих противоречиях, вызовах и конфликтах; разбалансированном и нестабильном мировом пространстве, включающем и вопросы глобального и национального развития экономических отношений. Также имеющее видение о необходимости эволюционных изменений и преобразований, продвижения идеи партнерских отношений между народами, государствами и локальными цивилизациями, переходящих непосредственно в устойчивое и долгосрочное развитие многополярного мира с сохранением культурных, национальных, этнических и религиозных особенностей отдельных территорий, регионов, стран и континентов. Приоритетности духовного развития над материальным, с выходом в формирование новой, обновленной ноосферной цивилизации глобального значения.

В данном контексте возрастные рамки поколения не имеют принципиального значения. Единение представителей данного поколения строится на духовной идеологической основе, сформированной с учетом поиска, опыта и практик

об идеальном мироустройстве прошлых поколений в гармонии с природной средой и вселенским пространством.

Исходя из этого, формирование и существование нового поколения есть не искусственный, а естественный процесс.

Площадкой или платформой для формирования и развития нового поколения должна выступить единая культурная, правильнее говорить, поликультурная (сохранение национальных культур, их развитие и гармонизация между собой) среда, которая бы полноценно обеспечивала и развитие партнерских отношений на государственном и цивилизационном уровне.

Надстройкой платформы поликультурного развития в формируемой ноосферной глобальной цивилизации должно стать интеллектуальное наполнение, которое необходимо развивать по трем направлениям: духовное (внутреннее содержание или наполнение индивида), общественное (внешнее содержание роли индивидов в общественном устройстве) и творческое (проектная самореализация и реализация индивидов и объединений с их участием). Инструментами интеллектуального развития представителей нового поколения являются воспитательные и образовательные программы.

При наличии поликультурной платформы развития и интеллектуального ее наполнения можно обеспечить последовательное и системное становление и развитие нового поколения.

Само по себе новое поколение является активным и инициативным, способным не только объективно понимать и оценивать происходящие процессы в глобальном и национальном масштабе, но и принимать эффективные действия к его изменению.

При этом у нового поколения приходит и определенное осознание собственной персональной ответственности за принимаемые и реализуемые им решения.

Исходя из этого, отчетливо просматриваются лидерские начала у представителей нового поколения, выражающих желание не только двигаться в направлении позитивного и эволюционного развития, но и выступать в качестве направляющей силы, способной увлечь за собой представителей иных поколений.

Вопросы формирования и развития нового поколения лежат не только в плоскости государственного регулирования, поддержки и протекционизма. В современных реалиях эти вопросы целиком и полностью являются предметом внимания общественного устройства мироздания.

Поэтому само общество ответственно за создание условий и возможностей не только для формирования нового поколения, но и за его интеграцию и единение на мировом пространстве.

На наш взгляд, мировое пространство в настоящее время может быть не только стабильным, но и развивающимся при наличии многополярности миро-

устройства и присутствия нескольких мировых центров силы или влияния, способных уравновешивать и сбалансировать общий мировой порядок без воин, конфликтов и иных противостояний.

Для этого необходимо в наличии иметь три компонента. Первым из них будет являться идея, новая или альтернативная идеи гегемонии одних над другими. Полный отказ от права сильного.

Идея должна быть проработана, обсуждена всеми заинтересованными сторонами, принята и формализована.

Бесспорно, ее новизна будет опираться на существующие классические мысли и догмы, черпать в них свою духовную основу позитивной и миролюбивой организации жизни на Земле.

Следующим шагом должны стать принятые решения по реализации данной идеи. Новая идея даст повод для образования новых, в определенной степени инновационных решений, способных конструктивно и многопланово изменить сложившиеся в результате порочной практики мировые порядки решения вопросов различий и разногласий.

И завершающим данную компоновку инструментов установления нового мирового порядка, развития его многополярности будет считаться новое поколение, способное осознать и принять свою миссию в переходе развития человечества на очередную ступень цивилизационного развития и готовую встать во главе данного процесса.

Фактически функционируя на общественном уровне, новое поколение способно развиваться достаточно самостоятельно и самодостаточно. Но при этом, по мере продвижения вперед к достижению поставленной цели, встанет вопрос вхождения нового поколения во власть. Смены правящих элит и замены устаревших реакционных правил и систем управления на более совершенные и эффективные подходы и методы, что даст в конечном итоге возможность для установления регулируемого и гарантированного для всех мироустройства.

Бесспорно, по моему мнению, одной из движущих сил в быстро меняющемся мире обязана стать мусульманская молодежь, как в определенной степени продвинутая в духовном плане часть общества, способная сплачиваться и объединяться ради определенной цели и задачи, выполняя стратегическую миссию возрождения российской нации и возрождения идеалов мира и согласия на территории всей Евразии.

И в завершение хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что формирование нового поколения – это естественный процесс, обусловленный не столько временной сменой поколений, сколько необходимостью обновления системы мироустройства и придания ему более устойчивой конструкции.

В этом и есть одна из важнейших закономерностей формирования устойчивого многополярного мироустройства на современном этапе.

ВИЛЬДАНОВ У.С.
(Россия, г. Уфа)

НАКШБАНДИЙСКИЙ ТАРИКАТ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ З. РАСУЛЕВА

Накшбандийский тарикат имел огромное влияние на развитие мировоззрения башкирского шейха Зайнуллы Расулева (1833–1917).

В XII–XIII вв. собственно миссионерская деятельность шейхов суфийского тариката, как Ясавийа, содействовала процессу исламизации башкир.

А с конца XV–начала XVI вв. на территории Башкортостана миссионерскую деятельность развернули суфии братства Накшбандийа. Суфии-миссионеры строго придерживались положений Сунны и Шариата, практиковали тихий зикр, придерживались умеренной аскезы, отвергали упражнения, которые придерживались созерцательного затворничества, поддерживали психологическую практику суфиев – рабиту, способствующую устанавлению духовной связи с наставником посредством создания в сердце ученика его образа.

Следующий этап в исламизации башкир в XVII–XVIII вв. был связан с накшбандийа-муджаддидийа, являющийся одним из ответвлений братства Накшбандийа. Основателем братства накшбандийа-муджаддидийа был Ахмад Сирхинди (ум. в 1624 г.). Он отрицал введение всякого новшества (бида) в религиозную жизнь, не признавал суфийские собрания, которые сопровождались танцами и песнопениями. Сирхинди считал Шариат как единственную направляющую силу для жизнедеятельности мусульман, а Тарикат – как его опору, которая указывает истинно ищущим путь совершенства.

Далее, во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. благодаря братству накшбандийа-муджаддидийа происходит широкое распространение мусульманского образования в Волго-Уральском регионе.

К началу XX в. наиболее влиятельным и распространенным в Средней и Центральной Азии, в отдельных регионах Северного Кавказа и в Поволжье (Башкортостан, Татарстан) становится братство Накшбандийа. В это же время (конец XIX–начало XX вв.) происходит закономерное перерождение суфизма в «ишанизм», вполне естественным образом обусловленное объективными условиями. Ишанизм был вызван стремлением суфийских шейхов контролировать не только духовную, но и социально-экономическую жизнь в тех частях населения, где присутствовал суфизм. Как правило, ишанизм возникал в тех мусульманских странах, в которых центральная власть надолго теряла полноценное управление государством или оно было формальным. В этом плане весьма показателен пример перерождения в Средней Азии суфийского братства Накшбандийа, известного тем, что в нем не придавалось большого значения аскетизму. Считалось достаточным умеренность в приеме еды и в обладании вещами.

К концу XIX в. «ишанизм» стал практически повсеместным явлением на территории распространения накшбандийа-муджаддидийа. Что касается Волго-Уральского региона, то к началу XX в. в нем присутствовали два ответвления накшбандийского братства: ветвь накшбандийа-муджаддидийа, появившаяся из Средней Азии, к которой присоединялась основная масса ишанов, и ветвь накшбандийа-халидийа, представителем которой являлся шейх З. Расулев и его последователи.

Шейх З. Расулев в конце XIX–начале XX вв. поставил вопрос о возврате суфийской традиции к ее истинной сути[1].

Хотя в 1859 г. З. Расулев был посвящен в братство накшбандийа-муджаддидийа известным шейхом Абдул-хакимом бин Курбангали Сардаклы, но после десяти лет инициации З. Расулев в 1869 г., отправляясь в первый свой хадж, в Стамбуле второй раз прошел обряд посвящения, но уже в братство накшбандийа-халидийа под руководством шейха Ахмеда Зияутдина Гумушневи (ум. в 1893 г.). Там он провел сорок дней в уединении со своим учителем, укрепляя духовные связи с ним и полнее осваивая методы мистического пути накшбандийа-халидийа.

Некоторые сходства и различия между халидийа и муджаддидийа были в следующем: приверженцы обоих ответвлений жили согласно суннам Пророка, строго соблюдая предписания Шариата и уклоняясь от нововведений (бида). Были некоторые отличия в мистической практике, в частности, в муджаддидийа практиковали тихий зикр в одиночестве, в халидийа – громкий, коллективный зикр, празднование дня рождения Пророка и др. Главное отличие халидийа, это воинственность, с которой они выступали в защиту Шариата. Примеры этой воинственности довольно известны: шейхи халидийа стояли у основания движения мюридизма на Северном Кавказе, т.е. национально-освободительного движения горцев Чечни и Дагестана под руководством Шамиля в 20–50-е гг. XIX в. и др. Мюридизм возник в XVIII–XIX вв. как реакция на колониальную политику европейских государств. Главным в мюридизме являлась идея священной войны против неверных с неизбежным кровопролитием. И эта основная парадигма мюридизма исключительно противоречит тарикату настоящего суфизма. Истинный суфий никогда и ни при каких обстоятельствах не призовет к войне, так как земной мир для него вторичен и является иллюзией.

Что же касается распространения тариката накшбандийа-халидийа в Башкортостане, то рост его популярности среди башкир связан, по-видимому, с теми его особенностями, которые соответствовали менталитету народа. В основном это воинственность и энергичность, которые были присущи сторонникам накшбандийа-халидийа.

---

[1] *Вильданов У.С.* Суфизм о пути любви к наивысшему совершенству (по мировосприятию шейха З. Расулева). Проблемы востоковедения, 2012. № 1. С. 7–9.

З. Расулев рассматривает суфизм как постоянно развивающееся учение, которое не может принимать какие бы то ни было застывшие формы. Он уверен, что суфизм способен поднять человека на более высокую ступень духовного совершенства. Если науки даны человечеству для того, чтобы познать творения Аллаха, то суфизм дан, чтобы раствориться в Самом Аллахе, тем самым становясь самой Истиной. З. Расулев далее развивает четыре пути достижения учеником (мюридом) состояния растворения (фана) в Аллахе, принятого в братстве Накшбандийа.

Путь первый – духовная связь (сухбат) с настоящим шейхом. Эта связь означает, что: 1) в сердце ученика должна быть беспредельная любовь к своему шейху; 2) в сердце своем ученик должен искренне верить, что только посредством своего шейха он достигнет своей цели; 3) ученик обязан исполнить любые указания шейха, если даже он не постигнет их смысл.

Путь второй: рабита, означающая духовную связь ученика с шейхом, а именно ученика, достигшего высокой ступени развития посредством растворения себя в шейхе-наставнике. Рабита требует от вставшего на суфийский путь ученика концентрации на внешнем и внутреннем образе и личности своего шейха-наставника, независимо от того, присутствует он или отсутствует, здравствует он или уже умер. Именно созерцание образа умершего святого предка и привело к культу святых могил и кладбищ. Созерцая таким способом образы своих святых, ученики пытаются достичь «фана». Если ученик достигнет растворения в своем шейхе, то может раствориться и в Самом Аллахе.

Путь третий – зикр – поминание Аллаха всем сердцем своим. В Накшбандийском тарикате сначала ученика 1) учат концентрации внимания (таваджжух); 2) шейх поручает ученику делать «зикру кальбий», совершаемый им всем сердцем. При этом сердце ученика ритмично начинает говорить «Аллах», «Аллах»; 3) по мере углубления практики ученика, шейх поручает ему совершать тот же зикр в каждом из «латаиф». Слово «латаиф», переводимое как «тонкость», означает средоточия (центры, соответствующие чакрам) тонкости восприятия, благодаря которым сознание способно перейти в более тонкие слои сознания. Обычно в суфизме выделяют пять латаиф – пять центров концентрации сознания: «сердце», «рух», «сирр», «хафи» и «ахфа», каждый из которых занимает определенное место на теле человека. Во время зикра ученик последовательно концентрируется на этих средоточиях, задерживая дыхание и переводя свое сознание с одного средоточия на другой («сердце», «рух», «сирр», «хафи» и «ахфа»). В основе формулы зикра лежит традиционный мусульманский символ веры (шахада) «Ла иллаhи илла Аллаh» (Нет Бога, кроме Аллаха); 4) затем шейх поручает ученику совершать зикр так целостно, всем своим существом, так что пока все его тело не вибрировало и не начинало поминать Аллаха. Эту ступень суфии называют «султану зикр». На этой ступени суфию слышно, что все окружающее его поминают только Аллаха; 5) далее шейх учит ученика задержки дыхания при произнесении зикр, т.е. совершать зикр, который называется «хабсу нафас».

Путь четвертый: медитация (муракаба), представляющая глубокую концентрацию сознания ученика на Аллахе, пока он не растворится (фана) в Аллахе. После того, как шейх научит ученика зикрам, он начинает обучать видам медитации («ахадият», «маият», «калб», «рух», «сирр», «хафи», «ахфа»). Кроме этих видов медитации, существуют и другие ее виды, которые относятся к «Вилаятуль кубра» и которые практикуются только продвинутыми суфиями.

В своей книге «Божественные истины» З. Расулев описывает метод молчаливого, произносимого про себя зикра, подробно излагая двадцать принципов и предписаний его исполнения. А в конце своей этой работы он подчеркивает, что они приняты шейхами накшбандийа-халидийа. Рассмотрим более подробно четыре этапа продвижения ученика к Божественной истине. Согласно З. Расулеву:

Первый этап – шариат («прямой, правильный путь», мусульманский закон; предписания ислама, авторитетно установленные в качестве обязательных для мусульман), исполняется с целью следования предписаниям Аллаха (Самого Бога) и отказа от совершения осуждаемых Аллахом поступков. Или, другими словами, шариат следует исполнять, чтобы избежать ада и попасть в рай[1]. Как комплекс закрепленных Кораном и сунной пророка Мухаммада, шариат определяет убеждения мусульман, формирует их нравственные ценности и ценностные ориентации, а также выступает источником регулирования конкретных норм поведения.

Второй этап – тарикат («дорога», «путь», «суфийское братство»). Тарикат служит средством следования сунне пророка Мухаммада и борьбы с плотской душой и шайтаном (Сатаной). На этом этапе происходит полное подчинение суфия-мурида шейху-муршиду и полная обращенность мурида всем своим существом и помыслами к Аллаху. Или, другими словами, тарикат – это средство достижения полного совершенства чистоты сердца с помощью веры в Аллаха. Стадии продвижения и совершенствования человеком своей природы в процессе прохождения им суфийского пути включают в себя: 1) материальную природу; 2) приказывающего нафса; 3) обвиняющего нафса; 4) вдохновленного нафса; 5) успокоенного нафса (сердца); 6) духа; 7) глубинного сознания; 8) сокровенного сознания.

Третий этап – хакикат («истина, правда, подлинность») – это не отрешенность от земного мира («дунья») и от исходов и результатов (событий этого мира), а полное осознание этого мира. Другими словами, хакикат необходим для раскрытия в себе Божественной сущности[2].

---

[1] *Шейх Зайнулла ибн Хабибулла ан-Накшбанди аш-Шарифи (Расулев).* Божественные истины, постижения которых необходимо для муридов суфийского братства Накшбандийа // В кн.: Шейх Мухаммад Амин ал-Курди ал-Эрбили. – Книга вечных даров (О достоинствах и похвальных качествах суфийского братства Накшбандийа). Пер. с араб. И.Р. Насырова. – Уфа: РИО РУМНЦ Госкомнауки РБ, 2000. С. 347.

[2] Там же. С. 347.

В отличие от жизни слепо верующих, человек, который «не застыл» на этапе «шариат», жизнь не может быть скованной принципами ортодоксального ислама. Он свободен от всякого фанатизма, всяческих догм и предписаний, довлеющих над остальными верующими.

Четвертый этап – магрифат (состояние «каль», в котором пребывает «ариф» (постигший Истину и Мудрость суфий). Магрифат – «отрешенность от отрешенности, отказ от отказа, полный отказ от всего, кроме Всевышнего Аллаха». Другими словами, «магрифат» – это сердечная чистота и искренность, совершенство «гирфан» (Божественное знание), которое в себе раскрыл Совершенный, «просветленный» суфий – «ариф».

Высшее Знание, исходящее от Самого Аллаха, доступно только Совершенному человеку, несовершенный же слеп по отношению к этому Божественному знанию именно в силу своего несовершенства. Суфии считают, что обычный «нормальный» человек страдает болезнью несовершенства, которая влияет на его способность к восприятию и различению, заставляя его постоянно заблуждаться. Такой человек сам своим несовершенством искажает свое понимание Бога и, сам того не осознавая, впадает в заблуждение. А заблуждение его идет от его ограниченности пределами самости, эгоцентризма и его ума.

В суфизме человек, достигший стадии магрифат – сокровенного сознания – в процессе прохождения суфийского Пути, называется «Совершенным». Человек, достигший этого совершенства, называется ал-Каххар – Победитель. Это – наичистейшая из стадий, ибо ал-Каххар – одно из имен Кутба (духовный Мастер). С помощью этого имени Кутб наделяет страждущих светом, милостями и добрыми вестями; также и радость, озаряющая сердца жаждущих знания, беспричинный восторг и транс, которые они испытывают, дает Кутб.

ВИЛЬДАНОВА Г.Б.
(Россия, г. Уфа)

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИСЛАМА

Социальная работа рассматривается как разновидность человеческой деятельности, цель которой оптимизировать осуществление субъективной роли людей во всех сферах жизни общества в процессе жизнеобеспечения и деятельного существования личности, семьи, социальных и других групп в обществе[1].

Социальная работа направлена на оказание помощи, поддержки, защиты всех людей, особенно, так называемых слабых слоев населения. В широком же смысле социальная работа касается каждого человека, всего населения в целом.

[1] Основы социальной работы. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 12.

Программный документ «Основные положения социальной программы российских мусульман», который был принят и опубликован в 2001 году решением Совета муфтиев России и который дополнен в 2015 году, определяет социальное учение российских мусульман. Разработчиками этого документа являются ректор Московского исламского университета М. Муртазин и доктор философских наук, профессор А.-В. Полосин.

В данном документе называются права и свободы человека, свободы совести и свободы вероисповедания; право на жизнь, честь и достоинство; запрещение всех форм дискриминации; право на образование, на социальную и медицинскую помощь и т.д. В третьей главе данного документа, называющейся «Ислам и социальные проблемы», указывается, что для ислама характерна социальная направленность. Эта направленность особенно хорошо раскрывается в таких пунктах, как «Ислам и семья», «Запреты на употребление наркотиков и алкоголя».

Этот документ, опирающийся на первоисточники ислама, какими являются «Коран» и Сунна (сборник достоверных хадисов), прописывает основы социального служения для мусульман. Проблемы социального служения и благотворительности пронизывает весь ислам. Так, четвертый столп веры предписывает обязательную благотворительность (закят) – 2,5% от имущества, если твое благосостояние превышает сумму, равную примерно 85 граммам золота[1].

В аяте 60 суры «Ат-Тауба» Корана достаточно четко прописывается положение о том, по отношению к кому должно проявляться забота и благотворительность. В исламе также очень важным является требование к совершению того или иного акта благотворительности: она должна быть оказана тактично без всякого подобия надменности и показной щедрости. «Если вы открыто даете милостыню, то это хорошо, а если скроете ее, подавая бедным, то это – лучше для вас и покрывает ваши злые деяния: поистине Аллах сведущ в том, что вы делаете»[2]. Кроме того, благодеяние не должно задевать чувство собственного достоинства получающего помощь: «О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой, как тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми и не верует в Аллаха и последний день».

Призывы к милосердию в исламе сочетаются одновременно с решительной борьбой против нищенства и иждивенчества трудоспособных людей. На это указывают слова пророка Мухаммада (с.а.в.): «Лучший из вас тот, кто, не оставляя эту жизнь ради жизни следующей и не оставляет следующую жизнь ради этой жизни, тот работает для обоих миров и не является обузой для людей»[3].

---

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: http://islam.ru/content/veroeshenie/ 43204 (дата обращения: 26.12.2016)

[2] Коран: перевод на русский язык Шарипова У.З., Шариповой Р.М. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012, 2: 264.

[3] Духовное управление мусульман Московской области. Электронный ресурс. Режим доступа: http://dummo.ru/islam/koran/surah/31-luqman (дата обращения: 26.12.2016)

Таким образом, в исламе существует целая система предписаний, свод правил, призванных формировать в человеке потребность в проявлении милосердия и благотворительности. Социальная работа в исламе опирается на первоисточник, на сам Коран, слова Всевышнего, создателя миров. И удивительным образом в данной религии переплетаются как индивидуальные (субъективные), так и социальные (объективные) черты верующего человека. Верующий человек просто по двойным стандартам (для общества – одни правила, для Бога – другие) жить не может. Ярким примером, доказывающим благость такой жизни, является отсутствие в исламских странах и некоторых регионах России, где ислам исповедуется большинством населения (например, в Чечне), домов для престарелых и детских домов и приютов. В исламе, в отличие от двух других мировых религий, исключается искусственное разделение человеческой жизни на мирское и божественное. В этой религии удивительным образом все – вплоть до мелочей – имеет божественный смысл. Человек не может жить, одновременно разделяясь, в разных сферах бытия: вот это мирское, а вот это божественное. Светская власть, секуляризировав общество, внесла огромный раскол в решении человеком вопроса о том, что «кесарево – кесарю, а Богу Божие»[1]. Но если подумать, как можно душу человека разделить? Например, если в одном человеке соединены функции отца семейства и руководителя предприятия, а он верующий человек, что он должен сделать, если жизнь ставит перед ним искушающие вопросы.

Таким образом, перспективы сотрудничества социальных работников с религиозными организациями весьма высоки. Ибо социальная работа пронизывает все грани общественной жизни человека. Совместная работа специалистов по социальной работе и исламского духовенства будет способствовать улучшению социального благополучия в стране.

Любая религия – это неотъемлемая часть духовно-социальной сферы общества, где решаются на практике наиболее острые проблемы современного общества: демографический кризис, уход за стариками, сиротство, бедность. Полагаю, что каждый верующий человек через свой образ жизни, через свое поведение, через свои дела и знания – должен представлять собой яркий пример благополучного, мирного, великодушного, щедрого, социально благополучного человека, хорошего семьянина, что однозначно будет способствовать формированию адекватного воззрения и благотворного убеждения по отношению к мусульманской части населения со стороны немусульманской, искореняя исламофобию, искусственно насаждаемую через СМИ.

[1] Евангелие от Матфея. 22, 15–21.

ГАЛИЕВ Д.Р.
(Россия, г.Уфа)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИДЕАЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ШАКИРДОВ В МЕДРЕСЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Распространение традиционных идеалов и ценностей ислама посредством обучения шакирдов является одной из важнейших задач медресе. В современном образовательном пространстве важно не только обучить шакирда основным знаниям и навыкам обрядов ислама, но и распространить свет традиционных исламских идеалов и ценностей.

Каждый шакирд, только поступивший и старшекурсник, посетив занятия в медресе, приобретает не только знания, но и понимание и приятие идеалов и ценностей ислама, а после занятий уносит их домой и передает своим друзьям, родным и близким. Особенно это важно в сельской местности, где благодаря сохранившемуся укладу родные и близкие шакирда напрямую перенимают у него знания и нравственные ценности. Именно поэтому в медресе каждому шакирду после усвоения урока дается домашнее задание – поделиться знаниями с домашними, закрепив тем самым понимание предмета и передав его суть окружающим.

Медресе в современном мире не просто учебный класс, а целый учебный комплекс, духовный центр того населенного пункта, в котором находится учебное заведение и мечеть. Медресе, да и в целом мусульманское образование в Башкортостане имеет многовековую историю. Для такого учебного заведения одним из важнейших вопросов является, «каким должно быть религиозное образование?», и соответственно вытекающий вслед за ним другой вопрос «каким должно быть современное медресе?». Поиском ответов на эти вопросы занимались религиозные мыслители XIX–XX вв. Кто-то видел медресе сугубо религиозным, а кто-то с преобладанием светских предметов. Рассуждения об этом начались еще во второй половине XIX века[1].

Если мы обратимся к истории, то увидим, что процесс внедрения в религиозные учебные заведения светских предметов был явлением вынужденным и востребованным данным временем. Как известно, в царское время, империя держала под особым контролем медресе, а национальные школы светского характера открывать не разрешалось. Этот факт являлся своего рода ответом мусульманского сообщества России на запросы нового времени. Но в наше время такую функцию на себя взяли мектебы (школы и гимназии). Так что потребность

[1] *Карибуллин А.А.* Медресе XXI века [Электронный ресурс]. URL: http://magarifrt.ru/articles/articles_5.html (дата обращения: 10.10.2017).

в этом отпала сама собой. В медресе уже приходят после завершения обучения в школе. Однако, если будущий имам должен отвечать запросам современного общества, возникает потребность в преподавании значимых предметов для работы с обществом, например, таких как психология, педагогика и социология.

В свое время среднеазиатская (или же как ее называют «классическая») система мусульманского образования оказала существенное влияние на мусульман Волго-Уральского региона. На сегодняшний день можно сказать, что в Республике Башкортостан сформировалась своя многоступенчатая система мусульманского образования. Основной период осмысления и становления системы мусульманского образования пройден. Однако еще полностью не намечен вектор дальнейшего развития медресе.

Не стоит забывать, что после 70 лет атеизма прошло совсем немного времени, и мы уже за столь короткое время внесли большой вклад в систему мусульманского образования. Система исламского профессионального религиозного образования в России в новейшей ее истории ведет отсчет от 1989 года, когда в Уфе под руководством муфтия, шейха Талгата Таджуддина было открыто медресе им. Р. Фахретдина. Таким образом, в этом году наша система образования, можно считать, разменяла третий десяток[1].

Собственно само становление исламского образования в России началось с вопроса подготовки имамов как первого и обязательного условия сохранения религиозного культа[2].

В 1990-х процесс учреждения медресе шел очень бурно, качественная составляющая – материальная база, преподавательский состав, учебно-методические материалы – не поспевали за этим процессом[3].

Условно в процессе создания медресе в современной России можно выделить два этапа: 1) начало и середина 1990-х гг.; 2) 2003–2007 гг. Первая очередь медресе открывалась, как принято говорить, «на голом энтузиазме», не имея помещений, в условиях нехватки преподавателей. Была потребность быстро утолить сильнейший кадровый голод и огромный запрос населения на духовные знания. Это был период первоначального накопления опыта, первых ошибок и первых результатов, после чего мы наблюдаем вторую очередь бурного роста медресе, что было связано скорее с внутренними проблемами уммы. Центральное духовное управление мусульман сделало ставку на развитие образовательного консорциума, включающего сеть медресе в регионах и объединяемого Российским исламским университетом в Уфе.

---

[1] *Мухетдинов Д.В.* Современное медресе для современной уммы [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/school-book/?1829#sdfootnote1anc (дата обращения: 09.10.2017).

[2] *Мухетдинов Д.В.* Основные направления мусульманского образования в современных условиях. Ислам на пороге третьего тысячелетия. – Материалы научной конференции и II областного практического семинара «Рухи мирас», – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2002. С. 98–101.

[3] *Мухетдинов Д.В.* О перспективах развития исламского образования в России. Исламское образование в России: проблемы современности: Материалы научно-практического семинара, 29 октября 2004 г. – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. С. 35–43.

Современная система исламского образования в Республике Башкортостан выглядит следующим образом: начальные примечетские курсы дают базовые знания по основам ислама и готовят их к поступлению в медресе. После окончания средне-профессионального медресе шакирд выходит полноценным имамом и идет работать в махаллю или продолжает свое обучение в Российском исламском университете, который готовит духовную элиту, мусульманскую интеллигенцию и ученых-богословов.

Что касается медресе, то здесь осуществляется образовательная деятельность по дневной, вечерней и заочной формам обучения, причем, как правило, одно и то же медресе ведет работу по всем трем формам, которые имеют каждая свою специфику[1].

Обычно на вечерней и заочной формах обучения обучающихся в несколько раз больше, чем на дневной, так как на этих отделениях учатся кроме молодежи представители среднего и старшего поколения, желающие глубже постичь религиозные науки. В данное время на европейской части России нет женских медресе, в то же время ряд медресе проводит набор на учебу на дневном отделении и юношей, и девушек, при том, что процесс обучения происходит раздельно. Но на заочную и вечернюю формы обучения женщины имеют возможность поступать во все медресе.

Стоит отметить, что в медресе проводится и воспитательная работа, которая дает толчок для дальнейшего духовно-нравственного и интеллектуального совершенствования обучающихся.

Медресе Республики Башкортостан выдают дипломы по специальностям: «имам-хатыб», «преподаватель исламских наук», «мугаллим», «переводчик с арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета», «преподаватель религиозных наук». Каждое медресе само формулирует название специальности по своему усмотрению, неизменной является только «имам-хатыб». Девушки обучаются по специальностям: «воспитатель-наставница», «учитель и переводчик арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета». Срок обучения варьируется от двух до пяти лет. В региональных духовных управлениях принята даже некоторая унификация.

Что касается материально-технической базы, практически все медресе имеют собственные здания и общежития. В медресе, где на дневной форме обучаются девушки, имеются отдельные женские учебные корпусы с общежитием. Учебные заведения содержат свои библиотеки, некоторые – компьютерные классы с выходом в Интернет.

Выпускники медресе могут работать в разных отраслях. Нет четких ориентиров на то, чтобы они становились только духовными лицами, работали в мечетях и в медресе. Главная цель – создать условия, чтобы мусульманин-

[1] Медресе. Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор Д.В. Мухетдинов. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. С. 136.

ребенок вырос и стал мусульманином-банкиром, мусульманином-врачом, мусульманином-политиком. Таким образом, чувство подотчетности перед Аллахом постоянно будет в его сознании, он никогда не будет вести себя легкомысленно и безответственно.

Обучение в медресе дается шакирдам непросто, так как изучение Корана, арабского языка, исламских предметов само по себе непростое дело. Но те шакирды, которые успешно проходят полный курс обучения в республиканских медресе, растут и взрослеют с традиционными идеалами и ценностями ислама в душе и сердце, становятся успешными добропорядочными людьми, чему доказательством являются выпускники, их родные, близкие и дети.

ГАЛИЯСКАРОВА Л.Р.
(Россия, г.Уфа)

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ КОРАНА ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАН

> *«Мы веруем в единого Бога и в то, что ниспослано нам Аллахом, в то, что было ниспослано Ибрахиму (Аврааму), Исмаилу (Измаилу), Исхаку (Исааку), Якубу (Иакову) и потомкам израильским; в то, что было дано Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу), что было дано пророкам от их Господа; и не делаем различия между всеми ими, и покорны ему.*
>
> (Коран 2:136)

Ислам – это религия, направленная, прежде всего к разуму человека, полагающая осмысленность поступков в свете норм шариата, регламентированных Всевышним Аллахом. Это религия активного социального действия. Каждый мусульманин стремится вести не только праведный образ жизни, но и преобразовывать во благо общественную среду вокруг.

Ислам – это религия книги, и первым словом, услышанным пророком Мухаммадом, мир ему и благословение Всевышнего, от ангела Джибриила, мир ему, явившемуся к нему с благой вестью от Бога, было: «Читай!» [Коран, 96:1]. И неотъемлемая черта истинно верующих – стремление к знаниям, поскольку любая добродетель в какой-то мере имеет отношение к знаниям. Ведь сказано в священном хадисе (изречении пророка Мухаммада, мир ему): «Достоинство знания выше достоинства поклонения». Есть и другое высказывание нашего пророка, мир ему и благословение Всевышнего: «Кто отправится в путь в поисках знаний, тому Аллах облегчит путь в рай».

В тафсире (толковании) священного Корана «Рухуль Байан» Исмаиля Хаккы Бурсави говорится: «Все науки: и светские, и религиозные собраны в четырех книгах: Забуре (Псалтырь), Таурате (Тора), Инджиле (Евангелие), Коране. А знания этих четырех книг собраны в Коране». Это подтверждается аятом Корана: «Мы низвели тебе полное писание – Коран для подтверждения истинности предыдущих писаний, Торы, Евангелия и для их охраны, так как Коран сохранен от искажений: «Последнее писание подтверждает прежние и восстанавливает утерянные или искаженные смыслы» [Коран: сура «Маида», 48].

Однако в разные эпохи и в разных странах отношения между наукой и религией складывались неодинаково. В реальной жизни ученые имели чрезвычайные сложности в отношениях с официальными представителями некоторых религий. Средневековье стало в христианском мире временем застоя, научные исследования тормозились не писаниями, а отдельными людьми, которые претендовали на роль ревнителей истин. Часто ученые отправлялись в изгнание, чтобы избежать грозящего им сожжения в случае отстаивания своих взглядов. Поэтому отношение к знаниям и к обладающему знаниями должно быть на самом высоком уровне.

Для верующего человека его вера – превыше всего на свете. Однако она не должна быть слепой, чисто механической и непонятной. В современном мире для многих людей основным методом и средством их вероубеждения стало научно-материальное доказательство. Всевышний знал, что человек дойдет до эпохи, в котором мы живем сейчас, где накоплено столько знаний о Вселенной, ее системности, явлениях, законах, сколько не было ранее ни у одного поколения.

Человек настолько покорен научно-техническими достижениями, интеллектуально порабощен, что потеряна искренность перед Всевышним, доброжелательность к людям, забыл о смерти, воскрешении, о вечном.

Отход от религии и, собственно, духовное опустошение людей привело к разобщению, размежеванию, конфронтации и в итоге разработке оружия массового поражения, что стало угрозой существования не только людей, но и всей среды их обитания.

Английский ученый Р. Белл выразил надежду, сказав: «Европа стоит на пороге большого нравственного упадка: стрессы, самоубийства, безнравственность, наркотики, алкоголь, разбой, рост венерических заболеваний, нарушение целостности семьи, однополые браки, бездомные дети… Правители государств не могут найти выхода из этого положения. Перед Европой стоит единственный выбор, единственный путь к спасению, этот путь – ислам».

Но в течение многих веков в отношении ислама в Европе, да и в России преобладало невежество, а подчас и грубая ложь. Это отравляло атмосферу взаимоотношений. Но теперь время перемен. И главное внимание сейчас уделяется пониманию того, как воспринимаются священные писания – христианами, иудеями и мусульманами.

Именно священные писания и толкования экзегетов являются основой религии, остальное вытекает из них. И это дает надежду на сближение и взаимопонимание между представителями мировых монотеистических религий, между народами и странами, ведь сказано в Коране: «… Мы сделали вас народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга».

История доказала, что Коран – не только идеалистическая теория. Он является практическим руководством, которое приводит в движение народы. Коран оказывает влияние на события, изменяет русло социальных, культурных и политических процессов, кроме того божественная книга стоит на страже нравственности и не оставляет возможности для развития пороков [Мухаммад Альгазали. Каким должно быть наше отношение к Корану? Баку: Общественное Объединение «Идрак», 2017].

«Нет принуждения в религии» – сказано в Коране [2:256]. Творец подчеркивает: «Нет принуждения, как в религии, так и в самой жизни». Да разве возможно, чтобы милостивый Творец призывал к насильственным методам разрешения различных противоречий?! Нет! Этот аят – один из постулатов демократических свобод, истинно демократических, направленных на достижение блага людей, а не в угоду политической или экономической элите. Волею Творца это было оговорено четырнадцать веков назад и останется актуальным до конца света. И это особенно и чрезвычайно актуально сегодня для укрепления мира и стабильности в каждом цивилизованном, демократическом обществе.

Наука наконец-то смогла подняться на новый уровень понимания священного текста Корана. Из сведений, почерпнутых из Корана о процессе сотворения мира, эволюции и так далее, ученые вывели несколько моментов. Они провели сопоставление этих моментов с данными современной науки их полное соответствие. Сказано в Коране: «… Сведения о мироустройстве и вечности всегда были едины» [Сура «Маида», 48].

В российской научной литературе пока мало уделено внимания теме о научных знамениях в Коране. В последние десятилетия стали появляться переводы на русский язык специальных исследований на эту тему, ведь только ученые могут установить точки соприкосновения между Кораном и наукой.

Если бы мусульманские ученые научно исследовали законы Вселенной, то их община на несколько веков опередила бы другие нации в познании научных истин. И если бы даже после того, как переняли эти истины от других, стали искать их в Коране и продемонстрировали это людям в наш век науки, как материальное свидетельство подтверждения божественности Корана. Это вывело бы многих заблудших и неверующих на истинный путь, большинство людей по невежеству отрицают, что Коран – речь Творца.

Новые научные данные всякий раз становились настоящим вызовом человеческому разуму. И поэтому обнаруженная в наше время полная гармония в толковании Кораном научных фактов, открытых учеными лишь в наше время, многих шокирует.

Литература

1. *Абу Джагфар Ат-тахауи.* Законы Священного Корана. Инстанбул, 1995.
2. *Аль-бухари, Муслим, Ат-тирмизи; Кутуби Ситта.* Санкт-Петербург, 2002.
3. *Белл Р., Уотт Ум.* Коранистика. Введение. Москва, С.-Петербург: Диля, 2005.
4. Библия. Издание Московской Патриархии. Москва, 1968.
5. Большая исламская энциклопедия. Под ред. Флита К., Кремера Г. Париж, 2000.
6. Бюкай М. Библия, Коран и наука. Киев: Ансар фаундейшн, 2001.
7. Мухаммад Аль-Газали. Каким должно быть наше отношение к Корану? Баку: Общественное объединение «Идрак», 2017.

ДАВЛЕТШИН А.А.
(Россия, г. Уфа)

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ИХЛАС»

Ассаляму алейкум уа рахматуллахи ва баракатух!

В благословенном Коране (сура 39 (Аз-зумар), аят 9) говорится: «Скажи: Неужели равны те, которые знают, и те, которые не знают?». А пророк Мухаммад (мир ему) сказал: «Превосходство ученого над поклоняющимся подобно превосходству полной луны над остальными ночными светилами».

Нет никаких сомнений в том, что ислам призывает людей к обучению и освоению знаний, его целью является просвещенность мусульман.

Образование и воспитание – это вопрос о формировании свободомыслящих личностей и важным требованием в деле их интеллектуального воспитания является сочетание разума и знания.

Мы благодарны Всевышнему за то, что живем в спокойствии и достатке. Никогда ранее в истории российского государства у мусульман не было столько прав и возможностей.

Действующее гражданское законодательство позволяет нам осуществлять деятельность путем создания фондов, различных общественных и автономных некоммерческих организаций, однако по-прежнему основными очагами исламского образования и воспитания остаются религиозные организации – мечети. Как говорил крымско-татарский просветитель Исмагил Гаспринский: «Мәхәллә – ул дәүләт эчендә бер дәүләттер».

К сожалению, нужно признать, что на фоне развития в республике исламского бизнеса (халяльной индустрии, сферы услуг и торговли), исламское образование находится в незавидном положении, как в материальном, так и в научно-образовательном плане. При этом современные радикальные «вызовы», с простыми ответами на любую общественно-правовую проблематику, требуют от богословов и теологов серьезнейшей научно-исследовательской работы в учебных заведениях и просветительской в духовных управлениях, с применением широких возможностей современных электронных средств массовой информации.

Наши духовные управления и исламские учебные заведения, на мой взгляд, недостаточно уделяют внимание книгоизданию, журналистике и научной деятельности. На их официальных сайтах содержится очень скудная образовательная информация и литература.

Наше богословское наследие остается мало исследованным, работа по изучению и переводу старых книг на русский, башкирский и современный татарский языки не ведется. У нас нет элементарных сборников проповедей наших муфтиев и имамов.

В 90-е годы будучи еще школьником я читал статьи и проповеди Ильдара хазрата Малахова, издаваемые в виде отдельной колонки в газете «ZAMAN Башкортостан». Но сегодня о подобных примерах журналистской деятельности наших имамов мне неизвестно.

Также тревогу вызывает отказ от родного языка при проведении пятничных богослужений и организации учебного процесса. Во-первых, мы лишаем себя и наших детей родных корней, нашей национальной исламской культуры и истории, а во-вторых, уже сейчас половина, а возможно и большинство, студентов в медресе – это приезжие из Средней Азии.

Без кайда яшәгәнебезне онытмаска тиеш, яшәр өчен, милләтне һәм динне саклар өчен булган шартлар белән хисаплашырга тиешбез. Аны бабаларыбыз яхшы белгәннәр. Шушы шартларга ияләшкән һәм шушы милләтнең холыкын белгән дин бар. Халыкны куркытып бездерергә ярамый, аны аркасыннан кагакага, сөя-сөя, кочаклашып елый-елый, ярдәмеңне бирә-бирә генә, ислам юлына чакырырга була. Әгәр имамнарыбыз милләтне һәм аның телен яратса, милләтне кызганса, милләт тә аларны, һичшиксез, яратыр.

Мусульманская религиозная организация «Ихлас» Кировского района г. Уфы в этом году празднует свое 20-летие с момента образования. За эти годы наша мечеть поистине стала не только религиозным, но и культурно-просветительским центром города Уфы. Изданы десятки книг и календарей; выпускается единственный в России мусульманский приходской журнал «Ихлас Шариф»; на телевизионном канале «Туган тел» выходит еженедельная программа «Балкыш».

МРО «Ихлас» осуществляет свою деятельность в соответствии с многовековой богословской традицией нашего народа и опираясь на базовые исламские идеалы: любовь и свобода мысли.

Любая картинка стоит тысячи слов, поэтому с историей мечети и ее деятельностью я предлагаю ознакомиться в документальном фильме: «Богатство веры и любви».

Хотелось бы остановиться еще на одной важной проблеме нашего общества – это сохраняющаяся дистанция между властью и религией. Несмотря на конституционный принцип «религиозные объединения отделены от государства», общество не может быть отделено от государства.

Как сказал татарский ученый, богослов начала XX в. Муса Бигиев, «как бы там ни было, нам следует оставить свободными наши мысли и разум. Давайте уважать мысли любого верующего и мазхаб, которому он следует. Мы можем не соглашаться с мыслями другого человека. Или, скажу больше, мы можем быть непримиримыми врагами его представлений. Но давайте при этом оставаться другом этого верующего. Непохожесть в мыслях не должна превращаться в разделенность сердец».

ЗАЙДУЛЛИН Р.Д.
(Россия, г. Уфа)

ЛЕКСИКА, ОПИСЫВАЮЩАЯ ОБРАЗЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ТАТАРСКОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ

Развитие ислама в регионе на современном этапе подтвердило многовековые традиции межконфессиональной толерантности, добрососедства и взаимного уважения народов Волго-Уральского региона. В конце XIX – начале XX вв. в рамках модернизаторского течения – джадидизма – религиозными и политическими лидерами российских мусульман был дан адекватный ответ о возможности адаптации исламских норм и традиций к культурным реалиям современности, подтверждены принципы лояльности к российским властям при сохранении этнорелигиозной идентичности. На рубеже XX–XXI вв. в условиях светского государства и религиозной свободы открылись новые перспективы развития исторического и философского наследия мусульман востока Европы. В условиях поликонфессионального, полиэтничного, поликультурного общества получают новый импульс традиции российского ислама, который имеет многовековой опыт «комплиментарного» сосуществования с православием и другими религиями. Празднование 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России показало, что опыт мирного сосуществования в регионе стал

важным фактом культурного сознания, получил концептуальное оформление в трудах светских ученых и богословов. Город Казань – один из центров мусульманской цивилизации края – имеет тысячелетнюю историю. Этот словарь является данью уважения традициям и достижениям улемов и исламоведов Волго-Уральского региона.

В истории науки XX века одним из важных событий явилось возникновение новой науки, как когнитология (когнитивная наука). Это наука, устремленная на исследование, когниции познания и разума во всех аспектах его существования – cognitioet – cognitatio (лат. scire «знать что-либо» (откуда science «наука»), gnoscere «познавать, изучать» и cognoscere «узнавать, постигать» (откуда cognition «познавание, ознакомление, познание» иногда «представление») попыталась объединить не две или несколько каких-либо науки как это часто происходило в XX веке, но с самого начала своего возникновения (середина века) стала устанавливать контакты между несколькими фундаментальными науками одновременно.

В соответствии с распространенным взглядом, когнитивная наука – это наука о системах представления знаний и обработке информации, представляет собой науку об общих принципах, управляющих мыслительными процессами.

Начало когнитивной лингвистики приходится на 80-е гг. и иногда его связывают с симпозиумом в Лейсбурге, организованном Р. Дирвеном в 1989 г., и созданием Международной Когнитивной Лингвистической Ассоциации. Ее возникновение было вызвано новым пониманием языка и подчеркиванием в нем (в тесной связи с идеями когнитивной науки) его психического, ментального аспекта.

Когнитивная лингвистика была создана в результате объединения лингвистики с другими дисциплинами, такими как психология, философия, логика, антропология, нейрология, культурология и др., которые занимаются изучением человека и общества, в рамках когнитивной лингвистики проводятся исследования того, как человек оперирует языковыми знаками, осмысляя мир и себя в мире. В центре внимания когнитивной науки стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, планирование, решение проблем, рассуждение, а также приобретение, представление и использование знаний

В своем исследовании в части разбивки персидских заимствований в татарском языке мы опираемся на идеографическую классификацию Шайхуллова А.Г.[1]. Согласно данной классификации религиозная тема относит к II. Человек (как живое физико-биологическое, разумное существо) Б. Человек как разумное существо 1. Ощущения и виды восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). 2. Восприятие и его виды. 3. Эмоциональные, волевые

[1] *Шайхулов А.Г.* Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне) [Текст]: монография / А.Г. Шайхулов. Уфа: Изд-во БашГУ, 1999. 259 с.

11 171184

и интеллектуальные действия и состояния: 1. Эмоциональные свойства: эмоциональное состояние; чувства, проявляемые к другим; эстетические чувства; религиозные чувства; проявление чувств, каузация чувств.

В данной работе мы рассматриваем персидские заимствования, которые относим в группу «религиозные чувства»:

бәдәвам – Дәвамлы рәвештә, бертоташтан (Продолжительный, связный); Дәвам – Нәрсәнең дә булса бер чиктән узып арырак сузылган өлеше, кисәге, очы. Эш-хәлнең, әсәрнең һ. б. ш.ның бүленеп өзелеп торганнан соңгы өлеше, кисәге; *гази* Ислам дине өчен көрәшүче, мөрид. 2. Сугышчан; *гозат* Ислам дине өчен көрәшүче, мөрид. 2. Сугышчан рухлы; *дин* 'религия' перс.id. *dīn, den*, *зинһар* 'пожалуйста, ради бога' перс. zinhār 'Берегись! (От проклятия/гнева Бога); Зинһар – Үтенүне, ялваруны белдерә; *кәшиш* 1. Христиан рухание. 2. Монах. (1. Священник христианский. 2. Монах.); Христиан – Христиан дине тарафдары, христиан динендәге кеше; *мәҗүси, мөселман* Ислам динендәге кеше. (Мусульманин, магометанин); Мөселман – Ислам динен тотучы; *намаз* 'намаз, молитва с ритуальными движениями' перс. nämāz id.; Намаз – Мөселманнарда: көненә биш тапкыр үтәлә торган гыйбадәт; *намәшруг* Шәригатьтә булмаган, шәригатьчә булмаган, шәригатькә сыймаган. (Незаконный, противозаконный (не по шариату); *оҗмах* 'рай' перс. awzh 'восход, прогресс'; Оҗмах – 1. дини. Үлгәч, диндар, тәкъва кешеләрнең җаннары бик рәхәт, күңелле яши торган урын: җәннәт; 2. Күч. Хафасыз, тыныч, күңелле яшәү һәм ял итү, эшләү шартлары булган бик тыныч, уңайлы, матур урын. Рәхәтлек; иркен, ирекле тормыш турында; *пәргис* 'христианский пост; диета' перс. pährez ~ pähriz ~ pärhiz ~ pärhiz 'из-за стесненения и боязливости состояние смиренности', *рузә* Ураза. Ураза (мусульманский пост); *ураза* 'мусульманский пост, ураза' перс. rūzä, rūze 'ураза; день'; Ураза – дини 1. Рамазан ае; 2. Ислам дине буенча: рамазан аенда таңнан алып кояш батканга кадәр дин кагыйдәләрен һәм гыйбадәтләрен үтәргә мәҗбүр булу (ашау-эчү вакытлары билгеле); 3. Күч. Күпмедер вакыт ашамый тору, ач булу; *тәрса* Христианин. *Сине күрсә, кичәр тәрса санәмдин.* (Хорәзми) Христианин; *фәрештә* 'ангел' перс. färishtä, firishtä id.; *ходавәндә* мо Боже милостивый (употребляется при уповании на Бога как восклицание при жалком зрелище, событии, а также при виде необычайной красоты ребёнка, девушки и т. д.) перс. hudāwändī, hudāwändän id. hudāwänd 'самостоятельный, умеющий обыграть', *ходай* 'Бог, Всевышний' перс. hudā id., Хода – Ходай – Дини өйрәтүләр буенча – илаһи зат, иң бөек көч, алла; *хишем* Ачу, ачулану. Гнев, ярость; *Хишман* Ачулы кеше, ачучан. Сердитый, гневливый; *Хишемняк* Ачулы, бик ачуланган, ачуы кабарган, ачуы чыккан. *Падишазадә бу сүзне ишетте, хишемняк булып... вәзирне чакырды.* (Мәҗмәгыл хикәять) Гневный, разгневанный, рассерженный, разъярённый; Ачу – Тирән нәфрәт тойгысы. Ярсу тойгысы. Ризасызлык, үпкә тойгысы, нөктә;

Примеры в переплетении с религией встречаются в метафорах. Метафоризация (перенос значения) – исторически развивающийся и изменяющийся процесс. На одном этапе языкового развития могут преобладать одни образные средства и приемы метафорического словоупотребления, другому этапу присущи совершенно иные возможности метафоризации. Метафоры часто указывают на какую-то конкретную эпоху. Например, *җир кендеге* (букв. пуп земли), *ай тотылу* (букв. задержка луны) основаны на мифологических верованиях, а метафоры *оҗмах бакчасы* (букв. райский сад), *Сөләйман йөзеге* (перстень Сулеймана) связаны с религиозными воззрениями мусульман. Сегодня происхождение метафор связывают и с достижениями когнитивной науки (А.Н. Баранов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, А.П.Чудинов). По результатам исследований когнитологии метафора признается главным инструментом мышления, находящемся в понятийной сфере человека[1].

Множество заимствований могут участвовать в образовании антропоцентрических фразеологических единиц. Образование фразеологических единиц было связано с развитием абстрактного, метафорического мышления древнего человека. Фразеологизмы основывались на сравнении и сопоставлении явлений и предметов. Разновидность точек сравнения относится к множественности бытовой жизни и роста мышления народа. В последние годы фразеологические единицы стали рассматриваться в психологии. В частности объектом исследования выступают антропоцентрические фразеологические единицы. Психические состояния интерпретируются через такие антропоцентрические фразеологизмы как «представление», «мышление», «характер», «память», «чувство», «воля» и др.[2]. Примерами персидско-арабских заимствований в антропоцентрических фразеологизмах выступают:

...Шактый бертөрлегә әйләнеп беткән көннәрен *җанландырган (персидское dzān 'душа') бер вакыйганы* искә ала да Әхмәтсафа шаклар ката (Ф. Сафин “Саташып аткан таң”); *Бер кичә ай яктысында нөзһәтгяһенә чыгып...* (К. Насыри)[3] *нөзһәтгяһ* (арабо-персидское заимствование, где персидское *гяһ* имеет значение 'иногда, время от времени', а *нөзһәт* шатлану (күңел ачу) урыны. 'Увеселительное место';

Акылымнан шашам төсле
Яратудан үзеңне.
Ишетергә *зар – интизар*
“Сөям” дигән сүзеңне. (Сәер мәхәббәт).

[1] *Нугуманова А.А.* Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова академии наук Республики Татарстан. Казань, 2009. С. 7.

[2] *Нугуманова А.А.* Лексико-грамматические и стилистические особенности метафор в татарском языке. Уфа: Вагант, 2008. С. 112–113.

[3] *Нугуманова А.А.* Антропоцентрик фразеологик берәмлекләрнең кайбер үзенчәлекләре = Некоторые особенности антропоцентрических фразеологических единиц / А.А. Нугуманова//Система непрерывного образования: школа-педколледж-вуз: сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г. Тукая. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2011. С. 467.

В стихотворении использовано арабо-персидское заимствование *зар-интизар* со значением 'рыдающий, вздыхающий в ожидании'[1].

Художественная литература новейшего времени, стараясь все более и более расширить круг своего наблюдения и изучения, успела уже охватить своим вниманием и духовенство, – сословия, предназначенного быть образцом нравственной жизни в современном обществе. Среди носителей языка татарского языка набирает рост активное употребление лексических единиц, тематика которых раскрывает истины религии.

Литература

1. *Галяутдинов, И.Г.* Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения. – Уфа: Гилем. 2008. С. 406.

2. *Киекбаев Дж.Г.* Сингармонизм в словах, заимствованных из арабского и персидского языков // Учитель Башкирии, № 2. 1957. С. 24–28.

3. *Зәйнуллин, Ж. Г.* Шәрык алынмалары сүзлеге. [Текст] / Ж. Г. Зәйнуллин. – Казан : Мәгариф, 1994. 143 б. (на татарском языке).

4. *Мәхмутов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш.* Гәрәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре) – Казан: “Иман” нәшр., 1993. 448 бит, I том.

5. *Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш.* Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре) – Казан: “Иман” нәшр., 1993. – 409 бит, II том.

6. *Нугуманова А. А.* Антропоцентрик фразеологик берәмлекләрнең кайбер үзенчәлекләре = Некоторые особенности антропоцентрических фразеологических единиц / А.А. Нугуманова//Система непрерывного образования: школа-педколледж-вуз: сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г. Тукая – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2011. С. 112–114.

7. *Нугуманова, А.А.* Лексико-грамматические и стилистические особенности метафор в татарском языке – Уфа : Вагант, 2008. 147 с.

8. *Нугуманова А.А.* Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова академии наук Республики Татарстан. Казань, 2009. 27 с.

9. *Нугуманова, А. А.* Работа над словом на практических занятиях по татарскому языку [Текст] / А. А. Нугуманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2002. С. 167–169.

[1] *Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш.* Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). – Казан: “Иман” нәшр., 1993. – 409 бит, II том.

10. *Шайхулов, А. Г.* Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне) [Текст]: монография / А. Г. Шайхулов – Уфа: Изд-во БашГУ, 1999. 225 с.

ИМАШЕВА М.М.
(Россия, г. Казань)

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ПРИХОДСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Астраханская область исторически относится к одному из самых многонациональных регионов в Российской Федерации. Мусульмане составляют 25% от миллионного населения региона. Причем такое соотношение православного и мусульманского населения установилось еще в первой половине XIX века.

Вплоть до 90-х гг. XX века мусульмане Астраханской области были представлены тремя этническими группами тюркского происхождения: казахи, татары, ногайцы. После распада СССР и усиления миграционных процессов на постсоветском пространстве, в Астраханскую область стали активно переселяться народы Дагестана, Чечни и Азербайджана.

По данным 2010 г. в Астраханской области проживает русских около 620 тысяч человек (68%), казахов 145 тысяч (15%), татар 60,5 тысяч (6,6%), ногайцев 7,6 тысяч (1%) и различных народов Кавказа (азербайджанцы, аварцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы, чеченцы, ингуши и др.) 30 тысяч (3,2%).

В совокупности мусульмане составляют четверть населения области. Следует также отметить, что реальная численность мусульман в области больше. Многие переселенцы из республик Северного Кавказа, Азербайджана и Средней Азии предпочитают официально не регистрироваться по месту жительства в регионе. Кроме того большое количество студентов, сезонных рабочих. Реально численность мигрантов из мусульманских регионов в Астрахани оценивается в 1,5–2 раза выше официальной. Да и перепись населения 2010 г. не дает реальную картину на 2016 г., т.к. миграция очень активная и община выходцев из Дагестана и Чечни растет стремительно. То есть сегодня вполне справедливо, на наш взгляд, говорить о том, что кавказцев-мусульман в Астраханской области до 6% от общего числа населения и в совокупности они практически сравнялись с одним из традиционных мусульманских этносов в регионе – татарами.

Несмотря на то, что количество мечетей, приходов постоянно увеличивается (62 по состоянию на 1 января 2010 г., 74 по состоянию на 1 января 2015 г. и 78 по состоянию на 1 января 2017 г.), уровень религиозности мусульман – представителей тюркских «коренных», «традиционных» народов Астраханской области не очень высок.

Специальных исследований по этому вопросу не проводилось, но наблюдение и отзывы имамов общин позволяют сделать вывод, что у татар количество практикующих мусульман составляет не более 8-10%, у казахов и ногайцев 5-6%. Все остальные являются этническими мусульманами, посещая мечеть и совершая молитву исключительно в дни религиозных праздников. Остальные посещают мечеть лишь в дни больших религиозных праздников или по семейным событиям (рождение ребенка, смерть родственника, бракосочетание). Имамы приходов и руководство Духовным управлением мусульман Астраханской области говорит о возрастающем год от года числе желающих узнать основы религии, также увеличивается число верующих.

Среди мигрантов из республик Северного Кавказа и Среднеазиатских государств верующих больше – от 70 до 80%. Чеченцы заявляют о 100% практикующих мусульманах. В большинстве своем они являются прихожанами астраханских мечетей.

В условиях возрождения исламских ценностей и числа верующих, насущным становится вопрос о подготовке профессиональных кадров для приходов. Важен и момент передачи ортодоксальных достоверных знаний об исламе, в целях предупреждения распространения радикальных идеологий. Для российских мусульман Волго-Уральского региона медресе на протяжении длительного периода носило системообразующий характер в деле создания общенациональных институтов. В связи с этим, еще в конце XX века встал вопрос о необходимости создания религиозного образовательного учреждения (медресе) в регионе под эгидой Духовного управления мусульман Астраханской области.

3 июля 1997 г. на общем собрании Мухтасибатского управления мусульман Астраханской области по инициативе Муфтия Астраханской области Назымбека-хазрята (Ильязова) было решено создать первое в регионе образовательное учреждение Астраханское высшее мусульманское медресе «Хаджи-Тархан», которое расположилось в здании «Белой Мечети» г. Астрахани.

Данное образовательное учреждение осуществляло свой образовательный процесс, направленный на подготовку священнослужителей и религиозного персонала исламских религиозных организаций для возрождающихся мечетей Астраханской области, а также повышение духовного потенциала и укрепление нравственных устоев общества, достижение межконфессионального и межнационального согласия между людьми.

Но, в силу определенных причин, прежде всего недостатка педагогических кадров для института, недостаточного финансирования и небольшого количества шакирдов, что привело к фактическому закрытию института в начале 2008/09 учебного года, в марте 2009 г. на базе «Хаджи-Тархан» было создано Негосударственное образовательное учреждение профессионального религиозного образования «Астраханский исламский колледж», который лицензирован Министерством образования РФ по Астраханской области 11 марта 2010 г. В настоящее время – это Духовная профессиональная организация религиозного образования, действующая на основании бессрочной лицензии от 27 июня 2017 г.

В колледже осуществляется подготовка по направлению «Исламская теология» с выдачей дипломов о среднем специальном образовании негосударственного образца. Выпускники-мужчины получают квалификацию «Имам-хатыб», выпускницы-женщины «Наставник по изучению арабского языка и исламской этики». Сами по себе эти звания уже предполагают высокий уровень духовности и нравственности у обладателя такого диплома.

Колледж уже сделал несколько выпусков. В 2011/12 учебном году – 28 выпускников, в 2012/13 учебном году – 16 выпускников, в 2013/14 учебном году – 12 выпускников, в 2014/15 уч. году – 9 выпускников, в 2016/17 уч. году – 19 выпускников. С момента основания в Астраханской области образовательного учреждения более 30 выпускников работают в мечетях, т.е. возглавляют приходы (около 40%).

Необходимость наличия в регионе исламского профессионального образовательного учреждения обусловлен, прежде всего, невысоким уровнем профессиональной и религиозной подготовки астраханских имамов – 80% из них имеют только среднее и средне-специальное светское образование. Высшее религиозное образование имеют только 15% имамов. Половина – выпускники нашего колледжа. Но большинство имамов (54 из 78) – люди престарелого возраста, пенсионеры. Особенно в сельской местности.

Вместе с тем, руководство АИК прекрасно осознает: чтобы противостоять радикалам на интеллектуальном уровне, нужны образованные специалисты по исламу, которых в «традиционалистских» мусульманских кругах, да и в ДУМ АО, в настоящее время явно недостаточно. Однако, серьезную обеспокоенность вызывает подготовка соответствующих кадров: практически нет светских специалистов по исламскому богословию, не хватает знатоков арабского языка, грамотных переводчиков, ряд учебных текстов создается по системе средневековой схоластики, отсутствует аттестация учебников, не контролируется качество образования. Переводные книги с турецкого и арабского нередко культивируют экстремистские настроения.

В колледже преподаются специальные дисциплины: Коран, чтения Корана, толкование Корана, Исламское право (Шариат), Ахляк, Жизнеописание пророка, таджвид, фикх, хадисоведение, история ислама, акида, хутба-гомилетика.

Специальные филологические дисциплины: арабский язык, арабский язык (грамматика), арабский язык (морфология). Общегуманитарные дисциплины: история и культура исламского Востока, философия, отечественная история, психология и педагогика, правоведение, культурология, русский язык и культура речи.

К преподаванию светских дисциплин привлекаются преподаватели астраханских высших учебных заведений. Кроме специальных и общегуманитарных дисциплин, учебный план включает еще и изучение основ информатики и информационного обеспечения профессиональной деятельности, т.е. дисциплины, которые необходимы для успешной интеграции будущего служителя в современное общество. Для этого колледж располагает компьютерным классом по информатике на 12 рабочих мест. Как показывает опыт работы, интеграция светских и религиозных дисциплин идет успешно.

По окончании летнего семестра студенты в течение одного месяца проходят практику в мечетях Астраханской области. Практика имеет своей целью формирование профессиональной позиции священнослужителя, мировоззрения, стиля поведения профессиональной этики, ознакомление студентов с основными направлениями их предстоящей деятельности на местах. В течение года практические занятия проводятся в Черной мечети, с которой здание медресе исторически составляет один архитектурно-строительный комплекс.

В колледже работает библиотека, в которой представлена исламская и светская литература по изучаемым предметам. Пользоваться фондом библиотеки могут все студенты. Библиотечный фонд пока небольшой – всего несколько сотен книг. Одним из основных направлений сегодня также является издание специальной учебной литературы и учебных пособий, формирование базы электронной библиотеки.

Национальный состав студентов и преподавателей медресе отражает национальный состав мусульман Астраханской области. Больше половины – казахи. Татары и ногайцы составляют около 25% учащихся. Остальные – представители народов Кавказа (включая и азербайджанцев-суннитов) и Средней Азии.

В силу того, что мусульмане Кавказа в большинстве своем мусульмане-шафииты, на собеседовании при поступлении специально оговаривается, что в колледже преподается Фикх ханафитов. В этой ситуации некоторое число абитуриентов несколько сокращается, так как не все мусульмане с Кавказа согласны изучать ханафитский мазхаб. Здесь возникает проблема – как избежать того, чтобы эти люди (в основном это молодежь) не попали под влияние радикалов. Вместе с тем колледж не обладает возможностью преподавать и шафиитский мазхаб одновременно с ханафитским.

Еще одной специфичной чертой является отсутствие в программе колледжа татарского языка. Здесь не только вопрос отсутствия педагогических кадров.

Для подавляющего большинства шакирдов татарский язык – не родной. Астраханские татары также, практически, свой язык не знают.

Если в современных медресе регионов Среднего Поволжья и Приуралья татарский язык входит в программу подготовки специалистов, с целью изучения богатого богословского наследия татар, а также произнесения проповедей на татарском, для Астраханской области это не представляется возможным.

Проповеди в мечетях в Астраханской области ведутся или на русском (в городских и большинстве сельских мечетей) или на казахском, ногайском, татарском – в некоторых селах с относительно мононациональным населением.

В результате – основной язык преподавания в медресе русский. Большое внимание отводится изучению арабского. Но татарское богословское наследие остается вне рамок обучения.

Конечно, при исторически и демографически доминирующей роли тюрко-татар ханафитов в регионе, не произошел поворот к изучению богословского наследия народов Северного Кавказа. На необходимости чего постепенно, пока не активно, начинают акцентировать внимание мигранты последних десятилетий.

Таким образом, в условиях полиэтничности, и даже более – на стыке двух значительных мусульманских российских традиций (тюрко-татарской и кавказской), в сфере религиозного образования в перспективе может реализоваться некий синкретизм, который станет отражением реальной демографической ситуации в регионе. На наш взгляд, выразится он в появлении или нового учебного образовательного религиозного учреждения – медресе, в котором будут преподавать ориентируясь на шафиитский мазхаб (тем более, что в области есть мечети, богослужение в которых ведется по этому мазхабу), или в существующем Исламском колледже (медресе) будет введен специальный курс для шафиитов.

КАЛИМУЛЛИН Р.Х.
(Россия, г. Уфа)

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШИХ ДУХОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В современных условиях образование играет важную роль в развитии государства и человека. В Законе «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что наряду с традиционной системой государственного образования уделяется внимание развитию религиозного образования.

В XII–XIII веках в Европе начали появляться первые в мире высшие школы – университеты: в Севилье, Париже, Тулузе, Неаполе, Кембридже, Оксфорде, Валенсии, Болонье. Дальнейшее развитие в XIV–XV вв. получили университеты

в Уппсале, Копенгагене, Ростоке, Орлеане[1]. В каждом средневековом университете функционировали следующие факультеты: юридический, медицинский, богословский. В настоящее время в Оксфорде самый высокий конкурс именно на теологию, она считается престижной специальностью, дающей базовую подготовку и позволяющей выпускникам работать в самых разных областях. Выпускники востребованы не только в церкви, но и в сфере образования, культуры, занимают административные должности[2].

В 1755 году в России был открыт Московский университет с тремя факультетами – юридическим, медицинским и философским. М.В. Ломоносов писал графу Шувалову: «Богословский факультет оставляю синодальным училищам». Вовсе не нарочитое стремление к светскости образования побудило Ломоносова к такому шагу. Одной из основных причин отказа Ломоносова включить теологический факультет в число первых университетских подразделений являлось то, что почти все профессора прибыли из Европы, из 10 профессоров университета только двое были русскими. Неизбежно вставал вопрос: какое богословие они могли читать – протестантское, католическое? В результате в России именно в XVIII веке произошло отделение богословия от высшей светской школы[3].

До и после Октябрьской социалистической революции в государственных университетах теологического образования не было.

В 1992 году Министерство образования приняло решение о возможности преподавания теологии в России. В 1993 году приказом замминистра образования был утвержден государственный стандарт по направлению бакалавриата «Теология». Принятие стандарта затянулось на 7 лет. Против включения теологии в образовательный процесс вуза воспротивились религиоведы, преподающие религиоведение в вузе. Костяк религиоведов составляли в основном преподаватели, ранее преподававшие научный атеизм, научный коммунизм. Аргументом выставлялась статья Конституции об отделении религии от государства. Однако сама жизнь ставила задачи по освоению и развитию религиозного образования. Невежество и безграмотность в религиозных вопросах стало порождать лавину псевдорелигиозных организаций и сект. Возникла необходимость подготовки специалистов, которые грамотно могли осуществлять образовательную деятельность, проводить религиозную просветительскую работу. В связи с введением Болонского процесса в России ставилась задача обеспечения конкурентоспособными российскими специалистами гуманитарного знания, в том числе и религиозного. Принятый Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению «Теология» предусматривал подготовку бакалавров по направлению 033400 «Теология». Ставились следующие задачи:

[1] Университет / Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890–1916 гг.), 1890, репринтное издание, Т. 58. М., 1993. С. 234–256.

[2] В современной России востребовано теологическое образование http://jesuschrist.ru/news/2006/06/06/10820.

[3] Развитие богословского образования – условие подлинного возрождения России. Сайт «Православие.ru», 25 декабря 2008 г.

– развитие у студентов личностных качеств, а также общекультурных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО по данному направлению подготовки;

– готовность применять полученные знания в своей профессиональной деятельности, решения практических задач, имеющих теологическую проблематику, экспертной деятельности;

– умение решать научные задачи в области профильной специализации под руководством и по программе разработанной специалистом.

Область профессиональной деятельности бакалавров по направлению подготовки 033400 «Теология» предусматривает систему теологического знания, традиционные духовные ценности общества и человека, теологическое образование и науку, религиозную культуру и философию, сферу государственно-конфессиональных, межконфессиональных и общественных отношений, практические аспекты жизни конфессий и соответствующую им социальную активность.

Объектами профессиональной деятельности выпускника по направлению подготовки 033400 «Теология» были определены:

– основополагающие духовные ценности и опыт;

– определяемое ими мировосприятие;

– теоретически оформленные в Исламе и осмысляемые в систематическом единстве, исторической реализации и современной практике, а также в межрелигиозном, культурном (цивилизационном), общественном, государственном и научном контексте.

Виды профессиональной деятельности выпускника по направлению подготовки 033400: научно-исследовательская, учебно-воспитательная и просветительская, социально-практическая, экспертно-консультативная, представительско-посредническая, организационно-управленческая.

Дальнейшая модернизация теологии осуществлялось с принятием Федерального государственного стандарта по направлению 48.03.01 «Теология», которое предусматривает формирование компетенций, практико-ориентированный образовательный процесс, совершенствование качества образования в вузе и др. Наряду с бакалавриатом получает развитие магистерская подготовка через магистратуру. Президент РФ Владимир Путин считает, что введение кафедры теологии в светских высших учебных заведениях – это прерогатива самих вузов. Об этом сообщает 29 августа РИА «Новости».

«Сейчас теологии уделяется определенное внимание, есть специальные вузы, где готовят священнослужителей. В светских высших учебных заведениях это возможно, но это, наверное, прерогатива самого высшего учебного заведения. Если оно считает, что недостаточно знаний в этой области по тем специальностям, которые предлагаются, то, наверное, можно и это сделать», – сказал

Путин на молодежном форуме «Селигер–2014», отвечая на вопрос о том, как он относится к возможности введения кафедры теологии в вузах.

Растёт число высших учебных заведений, где наряду с религиоведческим образованием получает развитие теологическое образование. В настоящее время около 50 кафедр университетов осуществляют подготовку теологов. Впервые в России, 2017 г. утверждена высшей аттестационной комиссией при федеральном Минобрнауки новая научная специальность «Теология». В паспорте данной специальности указывается: «специальность раскрывает содержание теологии, базовые разделы теологии, изучает источники теологического знания, основы вероучения и религиозных обрядов, исторические формы и практическую деятельность религиозной организации, её религиозное служение, религиозное культурное наследие в различных контекстах».

Из паспорта следует, что теологическое исследование направлено «на выявление, анализ и интерпретацию значимых аспектов религиозной жизни и их соотнесение с нормами конкретной религиозной традиции». Основной областью предметного поля специальности «Теология» является изучение истории и современного состояния отношения религиозной организации к другим конфессиональным учениям, а также к обществу и государству.

Среди теологических областей исследования указаны теория культуры, история конфессии, анализ сакральных текстов, религиозная апологетика, вероучение религиозной традиции, внутренние правовые нормы конфессий, сравнительно-теологические исследования, методология теологии, учения о соотношении веры, осмысление проблем личности, актуальных проблем современности и исторического процесса, изучение религиозного фактора в политике, а также религиозные обряды и религиозное воспитание.

Социологи указывают, что число верующих в России увеличилось более чем на 50% за три последних года[1]. По данным опроса «Левада-центра», с августа 2014 года по июнь 2017-го доля россиян, считающих себя «очень религиозными» и «в какой-то мере религиозными», увеличилась с 35 до 53%. Согласно актуальным данным, 33% жителей страны заявили, что они «не слишком религиозны», и только 13% – что они не религиозны совсем. Более семидесяти лет атеистического воспитания в системе образования преподносят свои результаты в отношении религии и в настоящее время. Лозунг «Религия – опиум для народа», культивирующийся в Советском Союзе до сих пор не сходит с повестки дня у некоторой части приверженцев атеизма. Неправильное представление о светскости образования приводит к искажённой трактовке понятий «светский вуз», «светские предметы». Сто лет назад в России неграмотных людей учили читать и писать. В настоящее время возникла необходимость ликвидации

[1] Число верующих в России увеличилось более чем на 50% за три года https://life.ru/1029472

безграмотности в понимании религиозных вопросов. Можно отметить, что у религиозно-неграмотных людей и сейчас наблюдается пренебрежительно-высокомерное отношение к тем, кто верит во Всевышнего, исполняет поклонение. У некоторой части молодёжи искажённо создаётся мнение, что экстремисты и террористы – это в основном действия мусульман. В 2013 году на прямой линии с Президентом России В.В. Путиным ясно прозвучало «У терроризма нет национальностей и вероисповедания». Требуется кропотливая образовательная и просветительская деятельность по искоренению неправильных представлений в религиозных вопросах. Одним из ключевых вопросов является формирование духовно-нравственного потенциала молодёжи. Эта проблема затрагивает интересы как государственной образовательной системы, так и образования в религиозных духовных организациях. В религии ислам данному вопросу уделяется большое внимание. Актуальность данного вопроса можно оценить по высказыванию пророка Мухаммада: «Я ниспослан к вам для совершенствования нравственности». Этой задаче посвящены исследования многих учёных с богословских, религиоведческих, философских, социологических, психологических, педагогических, исламоведческих, востоковедческих и др. позиций.

Важным условием является конкретизация указанных позиций в образовательной системе, связанной с преподаванием теологии. При преподавании религиозных вопросов желательно определиться, какие целевые установки решает то или иное направление подготовки специалистов. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению «Теология» указывает, что программа бакалавриата по направлению подготовки 48.03.01 «Теология» реализуется в рамках соответствующей конфессиональной теологии (христианской, исламской, иудейской, буддистской). Каждый вуз самостоятельно составляет учебную программу, включая дисциплины нерелигиозной и религиозной направленности. Критерием является формирование компетенций, которые приведены в ФГОС по направлению «Теология».

В современных условиях профессия теолога имеет большую потребность в разных сферах науки, производства, в социальной сфере. Необходимо отметить, что с развитием теологического образования возникают разночтения в понимании теологии. Мы считаем, что каждая позиция имеет право на существование. Однако в системе образования требуется определённая конкретность в трактовке данных понятий. Мы предлагаем рассмотреть три варианта теологического образования в вузе.

Теология. Богословская позиция.

Теология в переводе с греческого языка означает богословие. Мы считаем, что богословское представление теологии связано с основными понятиями изучаемой религии, с мировоззрением, образом жизни верующего человека. Необходимым условием выступает вера человека во Всевышнего. Обучающийся

должен освоить вероучение, относящееся к определённой религии, соблюдать и выполнять догматы этой религии, вести образ жизни, соответствующий установлениям данной религии. В основе образовательной деятельности студент должен опираться на священные книги, являющиеся основой изучаемой религии.

Теология. Религиоведческая позиция.

Религиоведение изучает закономерности возникновения, развития и функционирования религии, её строение и различные компоненты, её многообразные феномены. Важным в религиоведении является историческое религиозное изучение общества, взаимосвязь и взаимодействие религии с культурологической точки зрения.

Религиоведческая позиция теологии отличается от богословской, прежде всего тем, что религиоведение не предусматривает обязательность веры во Всевышнего. Вопросы определённой религии трактуются с гуманитарных позиций, включающих вопросы общечеловеческих ценностей, культурологии, истории религии и др.

Теология. Философская позиция.

Главными вопросами философской позиции являются: бытие Бога, как творца всего сущего, смысл человеческого бытия, отношение к Богу. Большое внимание религиозная философия уделяет проблемам сочетания веры и разума, науки и религии.

Рассмотрение социологических, психологических, педагогических, исламоведческих, востоковедческих и др. позиций тесно связано с положениями, развиваемыми религиоведением, философией религии[1].

Условное разделение на богословские, религиоведческие, философские позиции имеют, с нашей точки зрения, свои особенности при организации образовательного процесса по направлению «Теология». Предположим, что если даже все три позиции имеют одинаковый набор дисциплин, результат обучения будет различным. Включение богословских дисциплин в программу по направлению «Теология», где выбрана религиоведческая или философская позиция, вряд ли будет усвоена обучающимися, так как для освоения богословских дисциплин необходима вера во Всевышнего. Обычно данное условие в системе образования не является обязательным для студентов, придерживающихся религиоведческих, философских позиций. Если исключить богословские дисциплины и оставить только религиоведческие и философские дисциплины, то чем программа по теологии будет отличаться от программы по религиоведению и философии религии??? Для теологии с позиции богословия указанные трудности не возникают, так как содержание богословских дисциплин для верующих студентов, включающих веру во Всевышнего, является естественным. Преподавание

[1] Исламоведение. Пособие для преподавателя. Общ. ред. Муртазин М.Ф. – М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008, 2-е изд., испр. 416 с.

религиоведения для них является полезным для усвоения культурологических, некоторых философских, исторических вопросов. Такой большой интерес к направлению «Теология» (почти 50 кафедр теологии) связан с повышением интереса молодёжи к религиозным вопросам и увеличением потока абитуриентов на данное направление подготовки. С другой стороны открытие кафедр теологии позволяет улучшить экономический потенциал вуза за счёт выделения бюджетных государственных мест. Можно предложить оптимизировать образовательный процесс по направлению «Теология», определив, не является ли программа по теологии аналогичной программе религиоведения. Важным является также вопрос, каким количеством преподавателей-богословов обеспечен вуз для реализации образовательной программы по теологии. В то же время является важным определение категории студентов (верующих или неверующих студентов), которым преподаются богословские дисциплины.

В настоящее время под руководством Федерального учебно-методического управления по теологии проводится работа по совершенствованию и обновлению профессиональной образовательной программы высшего образования (уровень бакалавриата, магистратуры) по направлению ФГОС 3++ «Теология». Предусматривается выделение универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций и индикаторов достижения к ним. В Российском исламском университете ЦДУМ России по исламской теологии разрабатывается профиль «Нравственное богословие ислама», на основе богословского подхода. С нашей точки зрения «Исламская теология – это наука, рассматривающая систематическое изложение и истолкование исламского вероучения, догматов религии ислам на основе священной книги Коран и хадисов пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует)».

Реализация теологического образования в духовных образовательных организациях послужит условием подготовки высококвалифицированных специалистов, способных повысить духовно-нравственный потенциал молодёжи, совершенствовать формы и методы работы с населением в области прогрессивной направленности религиозного образования, нацеленного на формирование общечеловеческих ценностей, активизации просветительской работы по противодействию деструктивных религиозных течений.

Литература

1. Исламоведение. Пособие для преподавателя. Общ. ред. Муртазин М.Ф. М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008, 2-е изд., испр. 416 с.

2. Развитие богословского образования – условие подлинного возрождения России. Сайт «Православие.ru», 25 декабря 2008 г.

3. Университет / Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890–1916 гг.), 1890, репринтное издание. Т. 58. М., 1993. С. 234–256.

4. *Хазиев В.С.* История, философия, антропология и педагогика исламского образования новой России (итоги последнего двадцатилетия). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 336 с.

5. Число верующих в России увеличилось более чем на 50% за три года https://life.ru/1029472

6. *Шохин В.К.* Теология. Введение в богословские дисциплины. Учебно-методическое пособие. М.: ИФРАН, 2002. 122 с.

КИНЗЯБАЕВ Д.М.
(Россия, г. Уфа)

ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ ИСЛАМСКОМУ МИРУ

Прежде чем мы начнем наш разговор об исламе и вызовах мира, мы хотели бы подчеркнуть, что эти вызовы не являются действительно проблемами для ислама как религии, а скорее являются проблемами для понимания мусульман. Если это понимание поднимется до уровня событий и осознает требования времени, вы обнаружите, что ислам является одним из его сильных помощников для преодоления всех проблем. Ислам – это религия жизни во всех смыслах этого слова, которая внутренне действительна для всего времени и места и совместима с природой человека.

Однако, если мусульмане ограничены пониманием развития событий и изменений в жизни, они также будут недостаточны в понимании природы исламских учений и не будут осознавать присущую ему гибкость. И эти больные понимания, которые замораживают ислам и приводят его к интеллектуальной отсталости, интеллектуальному тупику и религиозной жесткости и, следовательно, становятся самыми опасными для ислама, чем любые внешние вызовы. Внутренние проблемы связаны с внешними вызовами, мы должны показать самые важные внешние проблемы и способы их преодоления, чтобы будущие перспективы можно было установить устойчивыми темпами:

А. Страх перед исламом на Западе.

Во время «холодной войны» Запад все еще остро нуждался в помощи ислама в борьбе с коммунизмом, а если быть более откровенным, мы скажем: Запад очень нуждался в перемирии с исламом. Запад хорошо знает, что ислам и коммунизм – это две противоположности, которые не объединяются. Поэтому Западу было полезно сотрудничать с исламом в этом отношении. Но после окончания холодной войны и падения коммунизма с падением бывшего Советского Союза в начале 1990-х годов Запад больше не нуждался в исламе. Политика сотрудничества и перемирия закончилась, но на этом Запад не остановился. Он искал врага альтернативного коммунизму. И Запад не нашел ничего, кроме

ислама, который должен быть альтернативным врагом. Создается впечатление, что Запад не может жить без врага. И так как не была у него реального врага, он представил врага. Воображаемым врагом стал ислам.

В западных СМИ распространилось понятие страха перед исламом или так называемой «исламофобией». Высшие должностные лица на Западе не могли скрыть этого восприятия. Это было сказано устами бывшего генерального секретаря Атлантического альянса, который все еще находится на своей важной позиции, по словам одного из президентов на Западе. Запад начал говорить об исламском фундаментализме, исламском терроризме и угрозе западной цивилизации от этого разрушительного зла, которым является ислам по их утверждению. Бумаги были замешаны, и факты были смущены посреди притока западных СМИ в этот широкий поток.

Распространенности этого восприятия помогли увеличить волны насилия в некоторых исламских странах. Ирония заключается в том, что сам Запад обеспечил убежище, поддержку и свободу передвижения главам террора в мусульманском мире, как мы уже указывали.

Этот западный подход означает невозможность развития военного, даже экономического и научного потенциала мусульманского мира, несмотря на огромный потенциал Запада для Израиля, который воткнул шип на спину арабов, чтобы помешать любым амбициям развивать свои возможности и развивать свою страну. Это также означает, что мусульманскому миру не должно быть позволено участвовать в формировании мировой политики, представляя мусульманский мир на постоянном месте в Совете Безопасности ООН.

Б. Столкновение цивилизаций.

Вопрос о страхе перед исламом связан на Западе с теорией столкновения цивилизаций, и это столкновение неизбежно. Разумеется, это мышление – и прежде всего – учитывает столкновение между исламской цивилизацией и западной цивилизацией. Некоторые вспоминают воспоминания о ближнем и далеком прошлом этого столкновения.

В конечном счете, цель состоит в том, чтобы победить исламскую цивилизацию, чтобы одна цивилизация, западная цивилизация, могла взять верх и контролировать весь мир, и она однозначно подтвердит идею глобализации, о которой мы вскоре поговорим. Возможно, именно этому способствует и конец истории.

Гегель отметил в своей знаменитой книге «Философия истории», что ислам давно исчез из страны мировой истории, то есть больше не влияет на руководство событиями истории – и сдался восточному молчанию. Здесь, как и в современных западных писаниях об исламе, исламская религия путается с отсталой культурной реальностью исламской уммы. Эта реальность представляет собой эпохальный этап в истории мусульман, а не вечное правило неподвижности и изолированности на пятой части населения мира.

Дело в том, что если некоторые на Западе принимают теорию неизбежности столкновения цивилизаций, ислам как религия не считает его неизбежным, потому что столкновение между людьми не ограничивается столкновением цивилизаций. Существуют также конфликты между людьми в рамках единой цивилизации и больше похожи на эти конфликты в нашем мире. Примером этого является то, что произошло в двадцатом веке: две мировые войны в западной цивилизации, в результате которых погибло более 60 млн человек, что не имеет аналогов в истории.

Но принципиальная позиция ислама заключается в том, что разнообразие рас в человеческих обществах, другими словами, множественность цивилизаций и их различия, не может быть вкладом в конфликт и разлад и представлять собой препятствие для объединения усилий людей и сосуществования между собой. Многосторонность должна открывать путь для знакомства, сотрудничества и единства. Здесь лежит гуманитарная задача, в которой человеку следует, какова бы ни была его позиция или убеждение, нести на себе эту ответственность. В Священном Коране говорится об этом: «О люди, мы создали вас от мужчины и женщины, и мы сделали вас народами и племенами дабы вы познавали друг друга» (аль-Худжурат, 13).

Здесь Коран сделал различия между людьми в качестве ворот к знакомству, гармонии и сотрудничеству, а не прелюдией к конфликту, раздорам и борьбе. Теория неизбежного конфликта цивилизаций в корне отвергается исламом, который определяет, что все люди созданы из одной души, и что агрессия против одного является агрессией против всего человечества, а не какой-то определенной секты или цивилизации. Следовательно, исламское восприятие является более широким, открытым и глубоким в его гуманности, чем восприятие расистских взглядов, которые стремятся возвести цивилизацию в другие цивилизации и культуры.

В. Глобализация.

Несколько лет назад появились разговоры о так называемом новом миропорядке, новой мировой системе, особенно после распада бывшего Советского Союза, и разговоры о глобализации были на столе. Ни для кого не секрет, что существует приливной поток, который ведёт величайшая держава в мире для продвижения ценностей и стандартов существующей западной цивилизации. И что каждый человек в мире должен приспособиться к ним и охватить их принципы и системы, если он захочет поместить себя в марш современного мира.

Это означает, что одна цивилизация будет преобладать в своих ценностях и идеалах, и что концепция глобализации или одного полюса будет укоренена. Концепция цивилизованного плюрализма исчезает с самого начала истории. Таким образом, подчинение системе глобализации становится неизбежным, и ни одна страна в мире не имеет свободы, если не объединится под его знамя, иначе время и события обгонят его.

Система глобализации в этом смысле является одной из основных проблем, стоящих перед исламским миром в нынешнем веке. Могут ли ислам и мусульмане быть подвергнуты этому режиму, где цивилизационные и культурные барьеры исчезают в новом мире? Истины исламской религии, его природа и исторические факты показывают, что ислам не может быть распущен ни в какой другой системе. Он имеет свою собственную независимую идентичность и сущность. Но это исламское восприятие не противоречит никаким другим сущностям, потому что религиозный и цивилизационный плюрализм был гарантирован исламом с тех пор, как у ислама появилось государство, и этот плюрализм был укоренен в конституции Медины, провозглашенной пророком Мухаммадом, мир ему и благословение.

Цивилизации в странах, в которые вступил ислам, были притоками, которые влияли на исламскую цивилизацию. Ислам рассматривает цивилизации как человеческие достижения и дополнения к человеческому наследию, которое по самой своей природе дает и получает. В истории нет древней нации, которая не отдала бы так, как взяла из этого наследия. Если это так, то цель системы глобализации противоречит природе вещей. Основные культурные характеристики народов с неизгладимыми культурными отпечатками в регистре истории не могут быть стерты.

Ислам признает религиозный и цивилизационный плюрализм, но, с другой стороны, признает, что среди всех цивилизаций есть общие знаменатели. Эти общие знаменатели являются подлинными воротами к сотрудничеству между цивилизациями, а не к конфликту между ними. Следовательно, в Священном Коране подчеркивалось, что различия между народами не должны быть препятствием для знакомства, гармонии и сотрудничества между нациями и цивилизациями, как упомянуто: «Мы заставили вас, народы и племена, познать друг друга».

Таким образом, ясно, что ислам будет стоять перед лицом любых попыток распустить его в любой другой цивилизации или в любом новом мировом порядке. Но в то же время всегда будет желание стать партнером любого мирового порядка, который стремится к благополучию, прогрессу и процветанию человека.

Г. Современные научные разработки.

В дополнение к этим вызовам еще одной проблемой является последовательные научные достижения на Земле и в космосе, которые резко ускорились и достигли полного клонирования некоторых видов. В ближайшие несколько лет может наблюдаться клонирование человека, несмотря на сильное противодействие ему во многих странах мира.

Нет никаких сомнений в том, что интеллектуальные и религиозные тенденции любой нации имеют большое влияние на важнейшие позиции наций, которые определяют их судьбу и место на карте мира. Если мы посмотрим на

позицию ислама в отношении знания и его развития – и эта религиозная позиция должна повлиять на ориентацию мусульман, мы обнаруживаем, что ислам уникален среди разных религий, делая знание требованием ислама, не менее важным, чем требования поста, молитвы и закята. Так как знание – это путь к реконструкции Вселенной, и восстановление Вселенной в исламе является одной из божественных повелений, которые должны выполняться как на материальном, так и на нравственном уровне, как указано в Священном Коране: «Он сотворил вас из земли и поселил вас на ней» (Худ., 61), то есть требуя от вас наполнения ее жизнью и создания цивилизаций на ней.

Ислам таким образом поддерживает науку и поддерживает ее статус. Между исламом и научными фактами не может быть никакого конфликта. Область науки в исламе неограничена, она включает небо и землю, а также то, что между ними. В исламе нет ограничений или барьеров, которые препятствуют научному прогрессу, если это отвечает благополучию человека, и это благополучие защищено моральными ценностями с помощью ограды, которая защищает его от неправомерного использования. Все научные достижения в то же время поддерживают религию с исламской точки зрения, поскольку они разъясняют могущество Творца. По этой причине Коран подчеркнул, что ученые – это люди, которые больше всех боятся Бога, потому что лучше других познают секреты творения и величие Творца.

Проблема клонирования, если есть благо для человека в области растений или животных, здравомыслящий не может отвергнуть его именем религии. Что касается клонирования человека, если это ограничено клонированием определенных органов и приносит пользу человеку, например, устраняет его боли, когда ему нужен альтернативный орган взамен неисправного органа, то со стороны религии нет для этого никакого препятствия.

Что касается полного клонирования человека, то нет согласия в том, что он служит явному благополучию человека. Напротив, у него будет много проблем на религиозном, моральном, юридическом, социальном и других уровнях.

Следовательно, нет проблемы между исламом и научными развитиями, и эти события не могут представлять собой проблему для ислама. А проблема в уровне гармонии мусульман с учениями ислама и масштабом их стремления к научным разработкам и их серьезным участием в научных исследованиях, благодаря которым они могут выразить будущее в стабильности и уверенности. Мусульманам хватает материальных и человеческих ресурсов, и они не менее умны, чем другие, Бог дал разум всем людям, и сказал французский философ Декарт: «Поистине, разум – самый справедливый удел между людьми».

Принимают ли мусульмане вызов и быстро ли продвигаются к широким кругам науки, чтобы доказать свое присутствие и вклад в процесс научного прогресса, чтобы квалифицированными и достойными войти в мир будущего,

чтобы занять свое место и доказать свое существование делами, а не только словами? Это то, что раскроют для нас ближайшие годы, по воле Господа, и завтрашний день для ожидавшего близко.

Мусульмане должны понимать, что если они хотят жить для себя, то в XXI веке у них нет иного выбора, кроме как выбрать науку, прогресс и цивилизацию. А любой иной путь будет продолжать привлекать их к отсталости и застою, погубит их так, что они будут вне событий и история их забудет. Таким образом, вопрос является вопросом судьбы: либо они есть, либо нет.

Следует надеяться, что баланс мусульманской цивилизации и их славной истории в области науки и прогресса будет стимулировать их интерес к восстановлению славы своих предков и быть достойными их принадлежности к ним.

Таким образом, ислам с его высокими принципами, ясным учением и самонадеянностью способен удовлетворить потребности современной жизни и столкнуться с настоящими и будущими вызовами. Ислам не был – и не будет – причиной для нарушения прогресса в мусульманском мире на всех уровнях.

Следовательно, можно сказать, что ислам квалифицируется по всем стандартам для решения задач современной эпохи и имеет право постоянно сотрудничать со всеми миролюбивыми силами и прогрессом в мире на благо человека и его счастье во все времена и в любом месте.

КОСЫХ Е.С.
(Россия, г. Стерлитамак)

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ МУСУЛЬМАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Массовая миграция привела к тому, что в Западной Европе формируется новая религиозно-этническая общность – европейские мусульмане. Именно религиозная традиция становится стержнем консолидации национальных меньшинств. По приблизительным подсчетам, в странах Евросоюза их численность может составлять 15–20 млн чел., то есть 4–5 процентов общего населения. Прогнозируется, что к 2025 году их численность как минимум удвоится. Ислам быстро распространяется по континенту, он стал второй по численности приверженцев европейской религии. По сообщениям СМИ, в Британии самым распространенным именем для мальчиков является имя Мухаммад в различных его интерпретациях (Мохаммед, Магомет, Мехмет и др.), среди бельгийских девочек чаще всего встречаются дети по имени Айя, Иман и Ясмин[1]. Это заставляет задуматься о том, не будет ли Европа в скором времени мусульманской.

[1] Самое популярное имя для мальчиков в Британии – Мухаммад. [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/12/141201_britan_muhammad_popular_name (дата обращения: 15.09.2017).

Происходит стремительная трансформация социокультурного облика Европы. Это отражается на взаимоотношениях коренных европейцев и мусульман. Цивилизационный конфликт вылился в яростный протест мусульман против романа «Сатанинские стихи» британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди (1988). Аятолла Хомейни публично проклял Рушди в своей фетве и приговорил к смертной казни. Иранский фонд 15-Khordad Foundation назначил вознаграждение за его голову в размере 2 млн долл., а в 2012 г. увеличил сумму до 3,3 млн[1].

В последнее десятилетие такие конфликты повторяются все чаще. Примером могут служить публикации карикатур на пророка Мухаммада в датской газете (2005), появление скандального фильма «Невинность мусульман» (2012), ответом на которые стали массовые демонстрации и акции протеста мусульман по всему миру. Никого не оставили равнодушными события января 2015 года, связанные с карикатурами во Франции: нападение исламских радикалов на редакцию газеты Charlie Habdo в Париже.

В начале XXI века вопрос о самоидентификации европейских мусульман встал весьма остро. Ислам носит экстерриториальный характер. Согласно мусульманскому вероучению, строгое подчинение законам ислама является главной обязанностью мусульман, независимо от места их проживания. Мусульмане, проживающие в неисламском обществе, под властью законов, часто не согласующиеся с шариатом и стремящиеся следовать канонам шариата, нуждаются в ответах на возникающие проблемы – от вопросов питания, одежды, брака, развода, совместного обучения до политических вопросов. За ответами они обращаются к мусульманским правоведам.

Среди ведущих богословов существуют два подхода относительно жизни мусульман на Западе. Одна из этих правовых концепций была заложена в 1990-х годах двумя видными религиозными деятелями – шейхом Тахой Джабиром аль-Альвани из Вирджинии (США) и шейхом Юсуфом аль-Карадави из Катара. Они считают, что западные мусульмане должны сохранять свою идентичность, отстаивать права мусульманской уммы и при этом участвовать в жизни того общества, в котором живут. Этот подход получил название модернистского, а новая правовая концепция – «фикх аль-ак`алийят» – фикх мусульманских меньшинств. С середины 1980-х гг. на Западе создаются различные исследовательские центры, шариатские советы и комитеты фикха, которые исследуют нужды мусульманских меньшинств – Североамериканский совет по фикху (1986), Европейский совет по фетвам и исследованиям (1997)[2].

---

[1] В Иране увеличили вознаграждение за голову Салмана Рушди. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.mk.ru/culture/article/2012/09/17/749267-v-irane-uvelichili-nagradu-za-golovu-salmana-rushdi.html (дата обращения: 10.09.2017).

[2] *Курбанов Р.* Юсуф аль-Карадави и фикх меньшинств. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://islam.com.ua/articles/actuality/reviews/363/ (дата обращения: 25.08.2017).

Приверженцы другого подхода – традиционалистского – полагают, что надо «изменять реальность в соответствии с устоями шариата»[1]. К таким исламским идеологам относятся иранский философ Сейид Хоссейн Насра (США) и турецкий общественный деятель Фетхулах Гюлен (США). Они признают только Коран и сунну как источники права. Богословы-ортодоксы рассматривают мусульманские меньшинства с традиционной – средневековой – точки зрения: пока мусульмане переселились и живут не под властью шариата, они должны изолироваться от окружающего общества и сохранять свою культурную и религиозную идентичность. Такие фатвы дают также влиятельные саудовские муфтии Ибн База и Усаймин[2]. Они не рекомендуют жениться на иноверках, поздравлять христиан, обращаться в немусульманские суды, участвовать в политической деятельности. Немусульманские страны они называют «Дар уль-Харб» – пространство войны (в отличие от «Дар уль-Ислам» – пространства ислама).

Мигранты-традиционалисты четко осознают свою национальную и религиозную идентичность и воспроизводят свой традиционный образ жизни в Европе, часто в более консервативной форме, чем в своих странах. Они не стремятся интегрироваться в европейское культурное пространство, а их жены часто не знают государственного языка страны проживания.

Более конструктивным является первый подход. В 1994 г. в своей фатве аль-Альвани заявил о дозволенности участия мусульман в политической жизни. Стандартный ответ на этот вопрос звучит однозначно отрицательно: мусульманин не должен поддерживать порочную систему, не основанную на исламе. Привлекает внимание обоснование этой принципиально важной новации. По словам аль-Альвани, условия жизни мусульман в тех странах, где они составляют большинство, отличаются от тех стран, где они в меньшинстве, что влечет различные обязательства. Аль-Альвани исходит из важнейшего принципа необходимости содействия миссии исламского призыва, т.е. создания положительного образа ислама. Что важнее, спрашивает аль-Альвани, участвовать в политической жизни демократического общества, чтобы влиять на политику в интересах мусульман, или не принимать участия из боязни отрицательного влияния?[3] Этот же принцип – содействие миссии исламского призыва – лежит в основе разрешения мусульманке сохранять брак и не разводиться с немусульманином. Классический фикх однозначно требует развода. Фикх мусульманских меньшинств исходит из того, что женщина, принявшая ислам, должна собственным примером пропагандировать ислам и влиять на своего мужа-немусульманина.

---

[1] *Сюкияйнен Л.Р.* Умеренность как стратегия современного ислама. [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: http://detc.ls.urfu.ru/courses/cinterrel0011/graphics/texts/hrest_12_05.doc (дата обращения: 18.09.2017).

[2] *Курбанов Р.* Фикх для мусульманских меньшинств. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://idrak.org.az/index.php?option=com_content&task=view&id=68&Itemid=57 (дата обращения: 10.09.2017).

[3] *Курбанов Р.* Юсуф аль-Карадави и фикх меньшинств. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://islam.com.ua/articles/actuality/reviews/363/ (дата обращения: 11.09.2017).

Еще одним важным принципом ислама является принцип облегчения и устранения затруднений, предписывающий из всех возможных путей выбирать самый легкий. Его используют, например, для облегчения исполнения молитвы в странах Северной Европы, где в силу географического расположения летом ночь становится короткой, и ночная молитва сближается с утренней. Аль-Альвани дал фатву, разрешив объединить две молитвы в одну в летнее время.

Проблемой становится то, что между наступлением закатной молитвы (магриб) и ночной молитвы (`иша) проходит много времени. Студенты из Саудовской Аравии, обучающиеся в Великобритании, попросили разъяснения у улемов. В их общежитии одна группа студентов совершает ночную молитву через 90 минут после закатной, другие ждут, как предписывает шариат, пока не пропадет краснота вечерней зари. На сайте «Ислам: вопрос и ответ» приводится фатва №135415, дающая разъяснения на этот вопрос[1].

В исламе имеется целый ряд правил и установлений, касающихся поведения в стесненных обстоятельствах: правило «харадж» (стесненные обстоятельства), правило о ненанесении вреда (ла-зарар ва ла-зирар фи-ль-Ислам – «нет вреда и ущерба в Исламе»), правило необходимости (аз-зарурат тубих аль-махзурат – «нужда разрешает недозволенное»). Они применяются тогда, когда возникают очень сложные и запутанные проблемы[2].

Этот принцип используется при разрешении таких вопросов, как захоронение мусульманина на немусульманском кладбище; поездок женщин-мусульманок в командировку или на учебу без сопровождения мужчины-мусульманина; подработки студентов-мусульман в ресторанах и барах, продающих спиртное и свинину; употребления лекарств на спиртовой основе и др. На все эти вопросы дается компромиссный ответ: лучше избегать подобных ситуаций, но если это невозможно, то нужно исходить из принципа целесообразности.

Примерами таких новых положений фикха могут служить предписания о том, как определять начало месяца Рамадан в различных частях света; можно ли совершать хадж на автомобиле и самолете; дозволено ли заключать брак по телефону; как совершать молитву в космосе; можно ли выплачивать закят электронными деньгами, интернет- и sms-перечислениями и т. д.

Фикх мусульманских меньшинств дает возможность мусульманам, живущим в странах Запада, не интегрироваться в западное демократическое общество, а приспособиться к нему и жить в соответствии с нормами шариата.

К этому направлению примыкает концепция «европейского ислама», созданная в середине 1990-х гг. выходцами из мусульманских стран Т. Рамаданом,

---

[1] Ислам.ru. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.islyam.ru/publ/islam_kultura_i_obshhestvo/nuzhen_fikkh_menshinstv_dlja_rossii/2-1-0-620 (дата обращения: 20.09.2017).

[2] *Тасхири М.* Мусульманские меньшинства. Проблемы и их решения. [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: http://www.imamat-books.ru/teologiya/19-musulmanskie-menshinstvaproblemy-i-ix-resheniya.html (дата обращения: 11.08.2017).

А. Баятом, Б. Тиби, Т. Модудом и др.[1] По мнению Тарика Рамадана, мусульмане должны уважать и принимать законы страны, в которой они проживают. «Старые определения «Дома войны» и «Дома мира» устарели» … Вместо них нужно ввести понятие «Дом клятвы/территория исповедания ислама» (dar ash-shabada). Оно включает в себя как мусульманский символ веры, так и гражданскую обязанность подчинения законам»[2]. Мусульмане, родившиеся в Европе, должны получать европейское образование, участвовать в политической жизни и помогать распространению ислама.

С обеих сторон – и европейцев, и мусульманских меньшинств – необходимы продуманные шаги, чтобы преодолеть опасный разлад[3]. Выбор за теми, кто формирует европейскую политику и стратегию: начать постепенную интеграцию мусульман, полностью ограничив при этом приток мигрантов, или смириться с демографической и культурной мутацией прежней Европы[4]. Концепция мультикультурализма подвергается изменениям и коррекции, она находится в процессе постоянного развития.

Для России эти вопросы также актуальны. В России мусульмане составляют меньшинство населения России, но народы, исповедующие ислам, являются коренными. Фикх меньшинств для России должен иметь свои особенности[5]. При Организации исламского сотрудничества действует комитет по проблемам мусульманских меньшинств[6]. Фикх для российского мусульманского меньшинства направлен на выработку конкретных богословско-правовых решений для наших конкретных условий. В настоящее время существует множество русскоязычных сайтов, дающих разъяснения по таким вопросам[7].

Российская версия политики мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская. Мультикультурализм в России обусловлен многонациональным составом населения, национальными районами, иммиграцией из стран СНГ. Для России мультикультурализм – не пустое

---

[1] *Ачкасов В.* Идеология евроислама: Тарик Рамадан и Бассам Тиби. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://www.perspektivy.info/misl/idea/ideologija_jevroislama_tarik_ramadan_i_bassam_tibi_2014-04-01.html (дата обращения: 21.08.2017).

[2] *Рамадан Т.* Запад и «иная цивилизация» в XXI веке. [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: http://rus.worldtopthinkers.com/docs/lek_Tarik_Ramadan.doc (дата обращения: 21.08.2017).

[3] *Наумкин В.В.* Западная цивилизация и мусульманская диаспора. Часть 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.ru.journal-neo.com/node/3474 (дата обращения: 21.08.2017).

[4] *Лаумулин М.* Закат мультикультурализма. Наступает эра европейского ислама. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1142718240 (дата обращения: 21.04.2015).

[5] *Косых Е.С.* Мультикультурализм, мусульманские меньшинства и трансформация западных обществ // Государство и общество в Европе: проблемы становления и развития: сборник научных работ / отв. ред. Р.К. Хабибуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 264.

[6] *Мухаметов А.Р.* Нужен фикх меньшинств для России. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.islyam.ru/publ/islam_kultura_i_obshhestvo/nuzhen_fikkh_menshinstv_dlja_rossii/2-1-0-620 (дата обращения: 21.08.2017).

[7] См.:http://www.sawab.info/esli-vremya-nochnoj-molitvy-nastupaet-pozdno/; http://islam.in.ua; http://islam.com.ua/; http://www.islyam.ru/; http://www.ansar.ru/; http://www.islamdag.ru/vopros-otvet (дата обращения: 21.07.2017).

слово. Сложные проблемы общественной жизни породили огромный межэтнический конфликтный потенциал. В этой социокультурной ситуации очень важно понять, в каком обществе живут люди и каковы их возможности, должна быть осознана совместимость этнического, религиозного и культурного многообразия граждан России.

МИШУЧКОВ А.А.
(Россия, г. Оренбург)

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ИСЛАМА И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИНКЛЮЗИВИЗМ

Диалог мусульманского мира и западного мира наталкивается на различие в алиберальной и либеральной моделях диалога. Анализ концептуальной и аксиологической специфики двух форм толерантности в данных двух формах диалога в современном мире показывает их ценностно-идеологическое расхождение. Исламская цивилизация сформирована на основе богооткровенных неизменяемых ценностных основаниях (эксклюзивизм). Либеральная цивилизация Запада опирается на религиозно-моральный синкретизм, релятивизм и инклюзивизм (включенность всех ценностей), что является неприемлемым для монотеистических религий христианства, ислама, иудаизма. От нахождения цивилизационного консенсуса между двумя полюсами человечества зависит безопасное будущее человечества.

В научной монографии А.А. Мишучкова «Диалог цивилизаций: традиционные ценности в условиях глобализации»[1] раскрывается специфика и формы взаимоотношений между двумя представленными историческими формами цивилизационной толерантности. Инклюзивная либеральная модель толерантности опирается на идеи тотальности дискурса либерализма; радикальной, абсолютной плюрализации ценностей; абсолютности индивидуальных прав личности. Ценности различий субъективируются, психологизируются и идеологизируются, никакой субъект не исключается из общества (принцип инклюзивности) в силу нелегитимности любой исключительности (истины, идентичности, социальной роли). Граница интолерантности проходит по границам либерального дискурса и присущих ему ценностей. В силу релятивизма – относительности ценностей в индивидуализированном либеральном сознании – категориального (сущностного) разделения не проводится между абсолютным и относительным, добром и злом, истиной и ложью. Сам индивид решает вопрос о границах истинного и

[1] *Мишучков А.А.* Диалог цивилизаций: традиционные ценности в условиях глобализации: монография / А.А. Мишучков; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. 520 с.

ложного, добра и зла. Эксклюзивная нелиберальная модель опирается на признание презумпции любых культур как равноправных в мировом сообществе и, в то же время, – иерархичных, традиционных, сакральноориентированных. Религиозный и метафизический дискурс в данной модели идеологически противоположен светскому дискурсу либерализма. В силу абсолютизации религиозно-нравственных норм, их метафизического неизменяемого статуса такая форма толерантности не допускает религиозно-морального плюрализма, который расценивается как проявление неортодоксального, адогматического, еретического сознания. У каждой культурно-цивилизационной системы признается своя самобытность, логика развития и сакральное ядро идентичности, признается приоритет защиты коллективных прав цивилизационных сообществ перед индивидуальными правами личности. Мир моральных ценностей – трансцендентен, абсолютен, неизменен, не зависит от субъективных мнений и имеет сверхъестественное – божественное и метафизически-идеалистическое основание. Поскольку истина одна и едина, то все ей причастно (личность, культура, общество, государство, религия). Исходя из онтологического и морального монизма, принципиальных противоречий между людьми не может быть. Толерантность обеспечивается в силу существования абсолютных и универсальных ценностей, социокультурного провиденциального многообразия и единства разумного человечества. Граница интолерантности проходит по границам морального нелиберального дискурса, в разграничении нравственного дозволенного в обществе и недозволенного, добродетели и порока. Такое разграничение проводится на уровне общественного сознания, ориентированного на общее благо, выраженного в культурных символах – коллективного авторитета, институтов общества (религия, государство), внеличностных инстанций (Бога, Абсолюта). С позиций либеральной толерантности, как утверждает Питер Николсон, толерантность и интолерантность определяются как «сами по себе ни добро, ни зло, разумея под этим, что люди могут толерантно относиться к тому, к чему должны быть интолерантны, и что им подчас не удается проявлять толерантность там, где это следует делать»[1]. Таким образом, сущностная характеристика либеральной толерантности – имморальность, попытка выйти за пределы традиционных ценностей, разграничивающих границу между добром и злом.

В эксклюзивной толерантности ислама – истинная религия одна, остальные – ложны; между добром и злом – сущностное разделение. В инклюзивной толерантности Запада – все религии истинны (религиозный плюрализм), границы между добром и злом относительны (моральный релятивизм), не существует групп и лиц, которые исключаются из общества по причине ценностных расхождений (инклюзивизм). Позиция либеральной толерантности состоит в признании универсальности только либеральных ценностей (уважение к соб-

[1] *Питер П. Николсон.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных наук. Екатеринбург. 2002. №1. С. 100.

ственности, правам человека, принципу индивидуализма, правовым институтам общества). В отношении нелиберальных ценностей проводится последовательная интолерантность – неприятие эксклюзивизма, универсализма и абсолютизма религиозно-моральных ценностей. Таким образом, граница толерантности в традиционных религиях и культурно-цивилизационных системах проходит по линии разграничения добра и зла, разрешенного и запрещенного.

Толерантность можно определить широко, как мировоззренческую стратегию личности и высокую культуру отношений к другим людям и обществам. Широкая специфика толерантности определяется в «Декларации принципов толерантности» (ЮНЕСКО, 1995) как:

• ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, стремиться к открытости и взаимопониманию, взаимному уважению прав и свобод;

• обеспечение устойчивой гармонии и конструктивного взаимодействия между различными социальными группами;

• уважение к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов;

• готовность к пониманию и равноправному сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям, без догматизма и навязывания своих взглядов;

• навыки эффективного межкультурного взаимодействия и преодоление конфликтов ненасильственными мерами [1].

Мусульманская цивилизационная этика обогащает общекультурную модель толерантности, выработанную в мировом международном сообществе на основе исторически сформированных нравственных понятий: монотеизма, отличие разрешенного и запрещенного, норм шариата, золотого правила нравственности (отвечай добром на зло), анализ своих поступков (фил) на основе благих намерений (нийя) и суждения (хукм). О высокой культуре мусульманской толерантности говорит в учебном пособии С.Н. Султанмагомедов: «Образованный мусульманин, воспитанный на моральных ценностях Корана, несет людям только лишь любовь и уважение, он с почтением относится к любой идее, даже отличной от его мировоззрения, умеет ценить искусство и чтит этикет. Он выступает в качестве миротворца в любых конфликтных ситуациях. Мы по сей день убеждаемся в огромной силе примирения (маслиат) в преодолении конфликтных ситуаций между людьми и в целом в обществе. Если каждый верующий будет знать и соблюдать требования истинной религии, то общество, в котором он живет, станет самым высокоразвитым, мирным, процветающим и благополучным во всем мире»[2].

[1] Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc

[2] *Султанмагомедов С.Н.* Веротерпимость в Исламе // *Рамазанов К.А., Султанмагомедов С.Н., Гаджиев М.П.* Азбука ислама. Учебно-методическое пособие по основам ислама для начинающих. Махачкала, 2005. С. 217.

Ярким примером классической культуры толерантности в исламе является отношение к людям Писания – «ахль аль-Китаб». Этот принцип ведет к отказу от стереотипа неверные («кяфир») к христианам и евреям. Из Корана: «Скажи: «О люди Писания! Вы не будете идти прямым путем, пока не станете руководствоваться Торой, Евангелием и тем, что ниспослано вам от вашего Господа» (Коран 5:68). В Коране также напоминается мусульманам о законе («шир-атан») и пути («ваминхаян») данным отдельно христианам, который надо уважать и принимать как путь благой и спасительный. Муфтий Р. Гайнутдин с минбара Московской Соборной мечети произнес: «...Последователей трех мировых религий – ислама, христианства и иудаизма гораздо большее объединяет, чем разъединяет. Ислам считает иудаизм и христианство родственными религиями, запрещая своим последователям обвинять иудеев и христиан в неверии. Неверными, с точки зрения ислама, являются лишь язычники»[1].

Приверженцы «инклюзивного ислама» готовы даже признать в качестве «людей Писания», к которым традиционно относят последователей авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама, – также и буддистов, зороастрийцев, индуистов, конфуцианцев и пр. – на том основании, что у каждой из этих религий есть свои священные книги и свои пророки[2]. Представители сверхортодоксальной ветви ислама – ваххабиты считают «неверными» и другие ветви ислама (шиитов, суфиев) в силу неверно понятого понятия.

Центральной идеей в исламской культуре толерантности является понятие благочестия. Толерантно то, что ведет к благочестию ради блага общества и религии. Интолерантным является нетерпимость ко греху.

Такая модель умеренной эксклюзивной толерантности сложилось в Республике Башкортостан. Заместитель председателя ДУМ РБ Аюп Бибарсов считает, «что в Башкортостане сложилась самая уникальная модель национальной интеграции и конфессиональных отношений в России. Пусть мы молимся на разных языках, но призываем людей к миру, согласию и спокойствию в нашей стране»[3].

Таким образом, основные особенности мусульманской толерантности, ядром которого являются традиционные ценности, заключаются: в приоритете духовных ценностей над материальными, приоритете религиозного дискурса над светским, неприятии диффамации религии, признании морального единства на основе традиционных ценностей современного человечества, поощрении добродетеля и осуждении порока и зла, уважении достоинства и равенства всех без исключения людей и народов, признании культурного разнообразия,

[1] *Гайнутдин Р.Р.* // Islam.com.ua. – Электронный ресурс. – Режим доступа: islam.com.ua/forum/index.php?showtopic=7717&st=100.

[2] *Горяева Л.* Либеральный ислам на страницах индонезийского Интернета. – Режим доступа: http://www.academia.edu/3057313.

[3] *Бибарсов А.* // Islamnews.ru. – Режим доступа: http://www.islamnews.ru/news-142319.html

признании различных источников знаний, признании всего человечества как одной семьи, транспарентности (открытости отношений и намерений сторон), субсидиарности (взаимной ответственности), презумпции равенства сторон диалога, эксклюзивности (богооткровенности и неизменности ценностей). Данные характеристики исламской толерантности не допускают деструктивных форм взаимоотношений, содействуют сотрудничеству, взаимному нравственному обогащению и мирной жизни гражданского общества.

МУЗЫКИНА Е.В.
(Республика Казахстан, г. Алматы)

НОВАЯ ПАРАДИГМА ИСЛАМСКОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вопрос культуры является сегодня центральным в дебатах, ведущихся вокруг ислама. С одной стороны, необходимо помнить, что ислам в первую очередь – религия. Однако, с другой стороны, нужно не забывать о взаимовлиянии религии и культуры, при котором религия всегда имеет культурное выражение, а культура не может избежать влияния основных ценностей и религиозных практик социальной группы, в которой она развивается. Поэтому нет религиозно-нейтральных культур и культурно отстраненных религий.

Любая религия, и ислам не исключение, рождается в определенной культурной среде, на которую затем она оказывает определенное влияние. Поэтому очень сложно провести четкое разграничение между религиозными и культурными составляющими. При этом важно правильно установить взаимоотношение между религиозными принципами и их историческим выражением в определенной культуре. Так, например, в исламе единственным языком Корана является арабский, но арабская культура не является единственной как для Арабского полуострова, так и ислама вообще. Утверждая обратное, как это делают салафиты, монополизируя право на интерпретацию сакрального текста на основании своей «близости к исконной культуре», можно упустить из виду основополагающий факт, что ислам – универсальная религия, готовая предоставить средства для взаимодействия с любой культурой. При всем разнообразии традиций, образов жизни, моделей, вкусов, способов поведения и выражения, общими принципами будут принципы исламской этики, которые помогут оставаться и рядовым мусульманам, и людям искусства и творчества в едином русле.

Как же предлагает решать проблему взаимодействия культуры и религии такой известный мусульманский философ и богослов современности как Тарик

Рамадан[1]? Освещению данного вопроса посвящена его книга «Радикальная реформа. Исламская этика и освобождение»[2].

Философ стоит на однозначной позиции универсальности ислама и его вести для любой культуры. Данный статус, по его мнению, поддерживается двусторонним движением: с одной стороны, ислам вбирает в себя особенности культур, если они не противоречат формальным религиозным установлениям, с другой стороны, ислам дает критическую оценку культурным практикам и проявлениям[3].

Критическая оценка происходит по двум направлениям: через религиозное учение, которое формирует мировоззрение («состояние ума и сердца») и должно вести к постоянной переоценке сомнительных и странных традиций, а также через практический опыт, возникающий в процессе взаимодействия культур, благодаря которому могут проявиться их недостатки на фоне друг друга. То есть мы видим, что Рамадан поднимает вопрос взаимодействия Текста и контекста. Не только религиозные деятели должны заниматься оценкой культурных особенностей и практик. Он пишет:

«Такие исследования и размышления требуют тщательный специализированный анализ компонентов различных культур, их источников, взаимосвязи друг с другом, значения и возможного развития. Предписывающий подход никогда не является достаточным, когда речь заходит о кодах, значениях, коллективной и индивидуальной психологии. Социологи и социальные работники могут внести большой вклад в формирование целей этики, которая принимает во внимание реалии, одновременно критически и конструктивно работая с культурными фактами»[4].

В качестве примера Рамадан приводит одну из самых неоднозначных и опасных практик – женское обрезание, распространенное во многих африканских, в том числе мусульманских странах. Он подчеркивает, что недостаточно просто заявить, что такое обрезание не имеет ничего общего с установлениями ислама, а является чисто культурной традицией и поэтому должна быть прекращена. Необходима работа с культурным контекстом, чтобы понять, какие представления подпитывают эту традицию, чтобы далее начать *процесс* их изменений. Здесь в первую очередь большую роль будет играть формирование новых этических норм, которые помогут людям сознательно, а не через запреты, отказаться от жестокой практики, потому что она идет вразрез с такими моральными

[1] *Тарик Рамадан* (р. 1962 г.) — современный мусульманский философ и богослов египетского происхождения. Родился в Женеве. Профессор современных исламских исследований в Оксфорде, директор Исследовательского центра исламского права и этики (Доха, Катар), автор долее 30 книг, посвященных современному состоянию ислама и различным вопросам, с которыми сталкиваются как мусульмане Запада, так и Востока. Журнал «Time» в 2000 г. назвал его одним из 100 наиболее выдающихся новаторов XXI века.

[2] *Ramadan, Tariq.* Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. Oxford: Oxford University Press, 2009. 372 p.

[3] Ibid., p. 188.

[4] Ibid.

нормами, как уважение женского достоинства, прав женщин, в том числе на физическое удовольствие, и посягает на ее физическое здоровье.

Мы видим, что разработка нормативного положения не может обойтись без разработки этического сопровождения, и должна объединять специалистов в различных сферах: факихов, антропологов, этнографов, психологов, врачей и социальных работников, т.е. специалистов Текста и контекста.

Однако не только столкновение ислама и традиционной культуры поднимает серьезные этические проблемы. Современная глобальная культура ставит не менее трудные этические задачи перед последователями ислама. Одной из таких является вопрос развлечений, которые в западном обществе являются целой индустрией, ориентированной на получение прибыли, неконтролируемой, зачастую беспринципной.

Рамадан замечает: «Современная исламская мысль просто не знает, что делать со сферой развлечений и игр. Это серьезный момент, поскольку мы понимаем, насколько ценно развлечение для человеческого сознания. Оно равносильно пище для тела: жизненно необходимая потребность, без которой сознание либо растратится впустую, либо отвергнет свое существование»[1].

Культура развлечения – действительно серьезный вопрос в современном обществе, которое, по выражению Умберто Эко, стремится к «карнавализации жизни»[2]. Все, политика, религия, спорт, превращается в развлечение, игру ради экономической выгоды. Смысловое и ценностное измерения исчезают. Поэтому, подчеркивает Рамадан, в условиях, когда все становится «ужасно развлекательным», от политических шоу до реалити шоу и даже телевизионных благотворительных марафонов, установление этики развлечений остро необходимо.

Рамадан определяет развлечение как насущную необходимость жизни, которая должна представлять собой своеобразную паузу в процессе выполнения более важных действий. Другими словами, дать отдых разуму, сердцу и всему человеку, для того, чтобы он потом мог вернуться «к исполнению своих обязанностей в отношении жизни, общества, работы, справедливости и смерти»[3]. Такое действие остается релевантным и для верующего мусульманина, но перед ним встают этические вопросы о смысле, формах, природе развлечений, их времени организации (день, ночь, выходные), пространстве проведения (дома, в обществе, среди верующих-неверующих). Этическая и философская направленность вопросов заставляет задуматься о том, в чем смысл развлечений, почему нам нравятся развлечения и в чем их цель, стремимся ли мы к тому, чтобы полностью отключиться, удовлетворяя собственные инстинкты, или мы пускаемся в путешествие, затрагивающее наше сердце, разум и воображение, наставляющее нас, делающее лучше, более человечнее.

---

[1] *Ramadan, Tariq.* Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. Oxford: Oxford University Press, 2009. p. 199.

[2] *Эко, Умберто.* Полный назад! или «горячие войны» и популизм в СМИ. От игры к карнавалу. [электронный ресурс]. URL: http://humanitarius.com/static/nazad-14.html (дата обращения: 08.09.2017).

[3] *Ramadan.* Radical Reform, p. 196.

Рамадан указывает, что, принимая во внимание этическую составляющую, необходимо разрабатывать такие развлечения и игры, которые помогали бы человеку быть уравновешенным, независимым и свободным. С горечью мыслитель отмечает:

Мусульманские сообщества и группы настолько боятся эффекта отвержения развлечений, что они придумывают увеселения и игры, которые либо насквозь пропитаны религией (и поэтому не предоставляют насущный, необходимый отдых), либо просто детские (как будто для того, чтобы получать удовольствие от развлечений, мусульман должен впасть в детство или никогда не взрослеть...)[1].

Действительно, проблема развлечений и игр является серьезной моральной дилеммой для верующих, и не только мусульман. Это вызов глобальной секулярной культуры, которая использует сферу развлечений как новый инструмент порабощения и колонизации сознания, навязывая определенные клише и представления. Для выхода из сложившейся ситуации Рамадан предлагает, во-первых, вовлекать в решение проблем профессионалов, таких как дизайнеры, специалисты сферы досуга, для того, чтобы создавать альтернативные формы развлечений, которые смогут создать реальную конкуренцию доминирующим только в том случае, если будут демонстрировать высокий профессиональный уровень и качество.

Однако Рамадан достаточно сбалансирован в своих размышлениях на данную тему. Он не призывает отказываться от всех уже существующих видов развлечений, а предлагает обратить внимание на те, которые выделяются своей этичностью и уважением человеческого достоинства. Так, благодаря селективному отбору и новым альтернативам верующие могут получить широкий выбор развлечений по возрастным группам, видам деятельности, месту расположения, куда войдут развлекательные мероприятия, приключения, книги, произведения искусства, спорт и т.д.

Однако полное решение проблемы соотношения исламской этики и сферы развлечений требует еще одного шага. Это необходимость просвещения широкой общественности. Рамадан подчеркивает, что для противостояния отчуждающему влиянию глобальной культуры нужно научиться критически мыслить и развивать хороший эстетический вкус. Рамадан указывает:

Необходимо обучать молодежь ценить свое воображение, прислушиваться к собственным склонностям и анализировать предлагаемые мероприятия. Мы должны сформировать такое сознание, которое, по мере возможностей, четко представляет значение и цели физического и культурного «потребления». Это значит необходимо снабдить его средствами сопротивления империализму игры и развлечения, карнавализации жизни и бездушного потребления[2].

---

[1] *Ramadan.* Radical Reform, p. 197.

[2] Ibid., p. 199.

Таким образом, мы видим, что мусульманский философ при решении этических проблем современной культуры настоятельно призывает интегрировать в данный процесс «специалистов контекста», т.е. профессионалов из различных областей, которые владеют актуальной информацией. При этом Тарик Рамадан отмечает, что они совсем не обязательно должны быть только мусульманами. Современная наука и развитие общественных знаний идут вперед достаточно быстро, и не стоит стесняться использовать «чужое» знание, если это может послужить общему благу (*маслаха*)[1].

МУФТАХУТДИНОВА Д.Ш.
(Россия, г. Казань)

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ СРЕДИ НОВОКРЕЩЕНЫХ ТАТАР

В условиях возрастания самосознания народов нашей страны, сложной межэтнической и межконфессиональной ситуации, особую актуальность приобретает изучение опыта конфессиональной политики Российского государства. Ключевые повороты эволюции конфессиональной политики содержат и полезные уроки, и непростительные ошибки нашей общей истории. Все это значительно актуализирует необходимость изучения данной проблемы.

В результате массовой христианизации несских народов Поволжья и Приуралья в XVIII веке, но без внедрения в сознание прозелитам православных догматов по подсчетам историка А.Н. Григорьева 65 % новокрещеных инородцев готовы были отпасть в старую веру – ислам и язычество[2]. Первые массовые отпадения в ислам можно заметить в 1827 году. Тогда крещеные татары Свияжского, Цивильского, Тетюшского, Буинского, Симбирского и Ставропольского уездов Казанской епархии (97 деревень Казанской и 41 деревня Симбирской губернии) подали прошения о возвращении в ислам. Надо заметить, что отпадения затронули главным образом новокрещенские деревни со смешанным населением. Эти факты привели к усилению миссионерской деятельности в крае и поиску причин неудачной миссионерской деятельности предыдущего периода. Миссионеры во весь голос предупреждали правительство о том, что: «Начавшиеся открытые отпадения крещеных татар в мусульманство показали, что отпадения эти подготовлялись, поддерживались и продолжались под влиянием татар-мусульман, которые, не имея организованной миссии, успешно ведут свое

[1] A Conversation With Tariq Ramadan (APRIL 27, 2010). The Pew Forum on Religion & Public Life. URL: http://www.pewforum.org/2010/04/27/a-conversation-with-tariq-ramadan/ (accessed 02.09.2017).

[2] *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма // Материалы по истории Татарии. – Казань: Татгосиздат, 1948. Вып. 1. С. 241.

дело в разных концах России: в Сибири, на Волге, в Средней Азии, в Крыму и на Кавказе. Действуют они всеми возможными способами, словом и делом, все, кто может: муллы, ишаны, торговцы, простые поселенцы и грамотные, пишущие люди. Между всеми ними есть полная солидарность во взглядах и стремлениях; все они действуют открыто, но мало кто это замечает, а главное: мало кто хочет придавать этому значение. Время между тем идет, татарская пропаганда растет, и вот мы уже накануне "татарского вопроса" в России»[1].

В историографии данной проблемы в основном хорошо изучен вопрос о мерах со стороны Русской православной церкви (РПЦ) закрепить нерусские народы края в православной идентичности[2] и лишь в наше время появляются труды, рассматривающие распространение ислама среди нерусских народов Волго-Уральского края татарами и башкирами[3].

Волго-Уральский регион – сложнейшее место контактных зон православия ислама и язычества, где в многовековой борьбе выковывались религиозные, этно-национальные и локальные идентичности. И вопрос как исламская идентичность сумела выстоять и даже расширила ареал своего распространения на чувашей, марийцев, удмуртов вопрос весьма актуальный как в научном плане, так и в практическом.

В качестве источников в процессе исследования данной темы были использованы законы Российской империи, работы миссионеров, татарское устное народное творчество (баиты[4], мунаджаты[5]), богослужебная литература, используемая в татарских медресе, литература, издаваемая мусульманами для распространения среди крещеных татар. Через данный круг источников хорошо просматривается реакция Правительства и РПЦ на мусульманский прозелитизм, народная религия, формы производства религиозного знания, роль мусульманской молодежи, женщин и татарского предпринимательства в изучаемом процессе. В предлагаемом исследовании реализуются различные методы исторического познания. Важнейший из них – принцип историзма, требующий рассмотрения любого исторического материала в его динамике, выявлении, как специфических особенностей каждого явления.

---

[1] Историческое и современное значение христианского миссионерства // Миссионерский противомусульманский сборник. 1894. Вып. XX. С. 260–261.

[2] *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма // Материалы по истории Татарии. – Казань: Татгосиздат, 1948. С. 226–285. *Габдуллин И.* Движение крещеных татар по возвращению в мусульманство. Казань: Магариф, 2012; *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары: Чувашский госуниверситет, 2000. *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во КГУ, 1997.

[3] *Ktftli A.* Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Ithaca: Cornell univ. press, 2014. XXII, 290 p. *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волгокамья. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.

[4] Баит – лироэпический жанр татарского и башкирского народно-поэтического творчества. Термин происходит от арабского «бейт» (двустишие).

[5] Мунаджат – (араб, менажэт, буквально – разговор с самим собой, обращение, мольба к Аллаху о прощении), лирический жанр восточной, в том числе татарской, литературы и фольклора.

Говоря о мусульманском прозелитизме, оппоненты мне могут возразить. Разве такое могло быть? По законам Российской империи распространять можно было только православную религию. Действительно, как и прежде, мусульманам категорически было запрещено агитировать в пользу ислама. За этот проступок полагалось лишение всех прав и состояния, ссылка на каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет[1]. Наказание ужесточалось, если была доказана вина в «принуждении отступления от христианства». В таком случае осужденный лишался «всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет»[2].

Власть наказывала членов семей крещеных татар, в которых совершались отпадения. Они подвергались аресту от 3 дней до 3 месяцев за бездействие в пресечении отпадений[3]. А за препятствие состороны мусульман перейти члена семьи в православие наоборот законодатель предписывал «заключение в тюрьму сроком от 3-х до 6-и месяцев»[4].

Во второй половине XIX в. власть, напуганная широкой волной отпаднического движения среди новокрещеных татар, берет подписки у татарского духовенства, живущего рядом с крещеными. Об этом свидетельствуют документы, отложившиеся в Канцелярии Казанского губернатора. «1866 года сентября 21 дня, Казанскому Вице-губернатору Статскому советнику Розову, тетюшского уезда деревень: Малой Морат-Казиной Тохватулла Ималеев, Балчиклы Фаткулла Батыршин, Больших Буртаз Гизатулла Музафаров, Каратаи Файзулла Губайдуллин, Баргузиной Насыбулла Ахтямов, Казыевой Ключ, Мохамет Гаитов, Старой Казыевой Абдулла Нигматуллин, Малых Болгар Халит Ахметов дали эту подписку в том, что крещеных татар как живущих в наших деревнях, так и других деревнях, допускать в мечеть на богомолье, учить грамоте татарской детей их, исправлять требы: так то: давать имена, брачить и хоонить не должны, а также не должны принимать ни за что никаких от них приношений».[5]

Но мусульманский прозелитизм был! На это указывают, прежде всего, православные миссионеры. Многие из них отмечают, что каждый образованный мусульманин распространяет ислам среди немусульманских народов. А уровень образования татар очень высок. Миссионер Е.А. Малов пишет: «Удивительная, в самом деле, вещь, эта магометанская школьная организация. При населении менее чем 2 000 000 магометан, существует 3 000 общинных школ, основанных

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845– Гл. 2. Отд. 1. Ст. 190. С. 73-74.

[2] Там же.

[3] Свод законов Российской империи. – СПб., Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Т. XV. Ч. 1. № 210. С. 52.

[4] Там же. № 209. С. 52.

[5] НА РТ Ф.1. Оп. 3. Д. 231. Л. 307. О поездке Казанского Вице-губернатора в разные уезды для убеждения крещеных татар, отпавших от православия.13 июля 1866, 4 января 1869. 377Л.

по инициативе самих общин. Без всякой внешней связи они стремятся к одной цели, к соблюдению строгого правоверия. Помимо этих низших школ, существует еще около 250 школ для приготовления мулл [медресе], из которых иные посещаются многими сотнями студентов. В них магометанская ученость процветает во всей своей первобытной чистоте»[1]. Мусульманская культура, обычаи, обряды вошли в плоть и в кровь каждого члена общины, изменять которой они не только не хотели, но и не могли, это означало бы для них потерю важнейших жизненных ценностей и смену «культурного кода». Не случайно чувашский священник так отзывался о татарах: «Каждый мусульманин – пропагандист и считает своей священной обязанностью проповедовать ислам. Ярые враги делаются друзьями, если затронута честь ислама»[2]. Эту же мысль высказал священник Григорьев: «Трудно, кажется, найти магометанина, который отказался бы от беседы на религиозную тему и замял бы беседу, ссылаясь на незнание. <…> Нет у них официальных, получающих по две тысячи в год миссионеров, нет у них риторических образцов увещеваний, нет и обширных руководств по миссионерскому делу; но есть у них одна великая сила – это народная масса, прошедшая школу, считающая общим долгом дело распространения веры, этой-то силе и обязано магометанство быстрым и успешным привлечением к себе других мелких инородцев»[3].

Немаловажным фактором, позволившим большинству кряшен вернуться в лоно ислама, стало то, что мусульмане не считали их вероотступниками, а полагали «көчләп чукындырылган», т. е. насильственно крещеными[4]. В таком случае в исламе применялся принцип «благоразумного сокрытия веры» – *ат-такия*. Они считались мусульманами, так как внутренне от ислама не отреклись. Тесные дружеские, экономические, культурные и даже семейные контакты с мусульманами позволили большинству новокрещеных татар не выпасть из уммы.

Р.Р. Исхаков приводит наблюдения приват-доцента Московского археологического института, этнолога С.К. Кузнецова, показывающие, как относились мусульмане к отпавшим: «Каждый мусульманин старается чем-нибудь проявить свое расположение и любовь к прозелитам; они получают подарки и непрерывно приглашаются в гости богатыми татарами. <…> Если новообращенный вообще нуждается, мусульмане приходят ему на помощь скотом, домашней птицей, хлебом и даже деньгами. Многие из татар стараются оказать такую помощь тайно. <…> Это так называемая “тайная милостыня”, которой мусульмане придают

[1] *Малов Е.А.* Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар: Сб. ст. Казань: Типолитография Императорского Университета , 1912. С. 65.

[2] НА РТ. Ф. 10. Оп. l. Д. 201. Л. 350.

[3] *Григорьев Д.* Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев язычников // Православный благовестник. 1905. № 2. С. 89.

[4] *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII–начало XX вв.). Казань: тат. кн. изд-во. 2011. С. 40.

большое значение»[1]. Отношение русских к вере инородцев было совершенно равнодушное. Эту черту довольно точно описал М.А. Машанов: «Русский как будто чужд того, какую веру исповедуют крещеные; у русского нет энтузиазма религиозного, по которому человек желает, чтобы и другие веровали так, как он верует. Русский безразлично относится к тому, какую религию исповедуют окружающие его люди в частности, в каком состоянии находится христианство среди крещеных. При таком настроении русских крещеному нечего и ожидать от своих старших братьев по вере какого-либо наставления в деле веры»[2].

Но основной причиной, как нам кажется, стали объективные социально-экономические изменения в крестьянской среде. В XIX в. прорывается социально-экономическая изолированность кряшенских общин. Вследствие распространения отхожих промыслов, торговли, межэтнических браков, взаимоотношения с татарами-мусульманами значительно выросли. Исламская доктрина выигрывала также тем, что в ней не было представлено в такой мере политико-идеологических наслоений интересов власти, как это было в христианской православной.

Интересно отметить, что в борьбе с православием мусульманское духовенство использовало такой жанр народного творчества, как баиты. Ф.Т. Валеев пишет: «Примером такого баита может служить обнаруженный нами в 1958 г. в Тобольске баит «Рэддия назар» (от араб. рэддия – опровержение, назар – взгляд, мысль), т.е. опровержение религиозных догматов христианства, проповедовавшихся русскими миссионерами. Автором этого баита был указной мулла селения Кэешкуль Маджит. В баите сделана попытка противопоставить догматам христианства положения Корана»[3].

Миссионерскую деятельность татары-мусульмане проводили не только среди крещеных татар, но и среди языческих народов (марийцы, удмурты, чуваши, мордва). Одними из известных личностей, кто занимался миссионерской деятельностью, по словам М.В. Гайнетдинова, были известные поэты и богословы Т. Ялчыгул и Г. Утыз Имяни. В газете «Вакыт» (1 сентября 1907 г.) вышла статья муфтия Р. Фахретдина «Тарихтан бер кәгазь» («Страничка из истории»), где указывает, что на заре XIX века Т. Ялчыгул и Г. Утыз Имяни занимались преподавательской деятельностью среди «отпавших» татар[4].

---

[1] *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. С. 198.

[2] *Машанов М.А.* Религиозно-нравственное состояние крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Заметка Михаила Машанова. Казань, 1875. В университетской типографии. С. 43.

[3] *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство. 1993. С. 175.

[4] *Гайнетдинов М.В.* «Кече авыл» мәдрәсәсе дә булган.../ *М.В. Гайнетдинов* // «Иж-Бубый» мәдрәсәсе: мәгърифәт үзәге аның татар халкы тарихын, мәдәниятен үстерүгә керткән өлеше («Иж-Бубый» мәдрәсәсенең 230 еллыгына һәм Габдулла Бубыйның тууына 140 ел тулуга багышланган фәнни-гамәли конференция материаллары). Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗәни исемендәге Тарих институты, 2012. С. 39–40.

Для полемики с христианскими миссионерами, которые приходили в финно-угорские деревни для пропаганды православия, татары-мусульмане, по словам православного миссионера Н. Одигдриевского, написавшего работу «Ответы мусульманину на его возражения против христианства», использовали книгу «Шамсуль хакикат» (солнце истины), написанную османским ученым Исхаком Харпутлу. Книга была написана в полемическом жанре, в форме 72 вопросов, адресованных христианам. В данной работе утверждается о несоответствии текстов Евангелия с учением Иисуса, а также приводит факты из исторических источников, о преднамеренном изменении Священного писания христианами[1].

1880–90-е годы – это время пробуждения этнического самосознания татарского народа, время формирования татарской буржуазной этнонации. Новые явления в общественной жизни татар скоро были замечены властями. Казанский губернатор П.М. Боярский отмечал, что если раньше на вопрос, какой ты нации, татарин отвечал «мусульманской», то теперь «в Казанской губернии тяготение к религиозному фанатизму ослабевает и крепнет стремление к поднятию народности, усвоению татарского национализма и созданию самостоятельной мусульманской культуры»[2].

Такому существенному повороту в перемене идентичности способствовало несколько факторов. В конце XIX в. у татар создались все условия для формирования буржуазной нации. Были в наличии все формы для институализации этничности: мечеть, школа, печать, периодика, национальная буржуазия и интеллигенция, национальные рынки сбыта товаров и территории культурного влияния, наконец, своя официальная историография. В 1905 г., после провозглашения закона о «свободе совести» около 50 000 татар оставили православную церковь. «Вероятно, их было намного больше, – пишет Ф. А. Беннигсен-Брайан, – далеко не все хотели регистрировать изменение веры в полиции»[3]. Большинство отпавших относилось к номинальным христианам, которые уже в нескольких поколениях придерживались ислама, но были среди них и представители старокрещеных татар. Для них аргументом перехода в ислам был не религиозный фактор, а национальный – «быть настоящим татарином» («чын татар булырга»).

---

[1] *Ерусланов П.* Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губернии / П. Ерусланов // Оттиск из №10 «Православного Благовестника» за 1895 г. М.: Книга по Требованию, 1985. С. 8.

[2] *Исхаков Д.М.* От нации «мусульманской» к нации «татарской» // Татарстан. 1995. № 9-10. С. 79.

[3] *Брайан-Беннингсен Ф.А.* Миссионерская деятельность в Поволжье // Татарстан. 1994. № 12. С. 112.

МУХАМЕТЗЯНОВА Л.Х.
(Россия, г. Казань)

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА В ДАСТАНАХ, РАСПРОСТРАНЕННЫХ В XVIII В. В ПОВОЛЖЬЕ

В ситуации народа, попавшего в зависимость от иноконфессионального правления, религия становится важнейшим признаком национальной самоидентификации. Как известно, после утери государственности ислам служил духовным оплотом выживания татар. Разрушение государственности стало причиной падения не только военных, политических, но и идеологических структур. Широкое распространение героических по форме, но пронизанных философией ислама дастанов в народной среде вызвано стремлением самосохранения народа. В период, когда невозможно было открыто заявлять о проблемах духовной зависимости, дастаны становились площадкой для обсуждения животрепещущих вопросов. Новые социально-политические условия в составе Российского государства способствовали стабильному развитию у татар эпического творчества именно такого содержания. Народные варианты дастанов «Кахарман Катил», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», «Джумджума султан» являются примерами подобных памятников. В этих дастанах на пьедестал вместо могучего богатыря страны и народа поднимается пример героизма на пути веры, сюжет и события освещаются также своеобразно.

Например, в различных научных центрах хранятся рукописи дастана «Кахарман Катил», переписанные в XVIII в. А с начала XX в. дастан был несколько раз издан в типографиях Казани. «Кахарман Катил» описывает приключенческую героическую судьбу героев, в особенности главного героя, увлекает читателя своим полуреальным, полумифологическим сюжетом. Суть «Кахармана Катила» как религиозно-героического дастана состоит в том, что здесь в рамках тюркских эпических традиций занимают место герои и события, не отступающие от правил религиозного бытия мусульманина. Основное правило – преданная служба исламскому войску падишаха, проявление беспрекословного подчинения. Все это соответствует требованиям ислама, предъявляемым мусульманам, следовательно, совпадает с основными правилами образа жизни народа, исповедующего ислам.

Произведение достаточно сложное, в содержании которого нашли отголоски и архаические иранские пласты из священной книги Авеста

– религии зароастризма, и пласты персидского мусульманства, и кораническ ие мотивы, проникшие от арабов-мусульман, и влияние поволжских татар-мусульман, в том числе оно испытало влияние укоренившейся здесь этнической формы ислама. В татарском «Кахармане Катиле» можно выделить две большие

сюжетные линии: религиозно-героическую и сказочно-мифологическую. Через события дастана, объединенные в единый сюжет, они находятся в тесной связи между собой. Элементы, приближающие дастан «Кахарман Катил» к исламу, охватывают целиком и линию героического сюжета, и мифологическую часть, выполняют роль идеологического моста, объединяющего в дастане два больших сюжета.

Преклонение перед Аллахом, упование на его милость всегда остаются главной точкой опоры в событиях произведения. Время и события в дастане обозначаются в соответствии со временем намаза (молитвы): «до ахшама», «после ахшама», «после полуденного намаза»; отношения богатыря и его возлюбленной укрепляются через никах; при описании событий каждое дело возлагается на волю Аллаха и исполняется с именами его пророков на устах, а героизм богатыря основан на условиях: «с помощью Аллаха», «если Аллах даст сил» и т.д. Упоминание имени Аллаха в тяжелых ситуациях, сборы в дорогу, полагаясь на Аллаха, воспринимаются в дастане как естественное явление. События сюжета произведения, которые можно отделить в качестве мифологической части, подчинены этой же мысли. Например, когда шах Шахбал обратился за помощью к богатырю персидского падишаха Кахарману с просьбой спасти свою жену Кемеррух, Кахарман сразу отправляется в путь. «Полагаясь на милость Аллаха», он спускается на дно колодца, откуда и начинается мир дивов. Дивы, чувствующие приближение к ним Кахармана, говорят: «О, милостивый, да это же богатырь Кахарман». А див Шагбан, разрубленный пополам богатырским мечом Кахармана, оживает и говорит: «Эй, богатырь! В честь уважения твоей веры, поруби меня еще раз своим мечом!». Или же другой пример: после того, как Кахарман разрубил своим мечом дива Эквала, тот «переместился на седьмое дно ада». Как видно из примеров, кажущаяся в какой-то степени самостоятельной мифологическая сюжетная линия дастана не свободна от возвеличивания Аллаха, идеологии ислама и ведения религиозных войн.

В «Кахармане Катиле» в нескольких местах упоминается, как вражеский правитель и его войско поклоняются огню. В перерывах между сражениями обе стороны хоронили своих погибших воинов. Если тела исламских воинов естественным образом предавались земле, то индийцы тела своих воинов сжигали. Мусульманский обычай захоронения в произведении противопоставляется вражескому ритуалу предания огню. Обычай сжигать трупы или оставлять их на съедение был очень древним, и ислам положил конец этим порядкам.

Иблис – имя дьявола в исламе. «Дьявол – (греч. diabolos – сатана, черт, Иблис), в некоторых религиях (христианстве, исламе и др.) злой дух и глава злых духов, противостоящий Богу; властелин ада»[1]. Образ Иблиса достаточно глубоко проник в татарское народное творчество и письменную литературу.

[1] Большой энциклопедический словарь. В 2-х т. Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1991. С. 419.

Несмотря на то, что Иблис появился еще до Корана, бесспорно то, что сведения о нем татары узнали именно через Коран, в Коране о нем немало информации (сура «Пещера», 18:48, 18:50; сура «Аль Хиджр», 15:27; сура «Милосердный», 55:15). Тот факт, что в «Кахармане Катиле» вражеский правитель и его войско поклоняются огню, в произведении приравнивается поклонению Иблису, созданному из огня. По представлению исламского войска шаха Хушана, за вражеским огнем прячется Иблис, который является для них и Богом. Получив от Бога-огня, олицетворяющего образ Иблиса, обещание победы, индийцы бросаются в бой и после довольно подробно описанного сражения, в конце концов, терпят поражение. Этот древний образ не имеет ничего общего с древнеиранской или языческой тюркской мифологией и введен в произведение с целью пропаганды исламской идеологии.

Несмотря на то, что в основных мотивах дастана нет элементов, противоречащих исламу или касающихся доисламской жизни, его все же нельзя оценивать как произведение, овеянное полностью лишь религиозно-мистическими взглядами и воплощающее в жизнь учение ислама. Здесь речь идет скорее о народном типе ислама, а именно, о религии этнических мусульман. Об этом говорит и частая замена имени «Аллах» или «Джанабе Хак» на «хода», «ходай» и даже «тенгри». В словаре указано, что слова «хода» и «ходай» проникли из персидского языка, а по поводу слова «тенгри» сказано, что еще у древних тюрков оно употреблялось в значении «Аллах»[1]. Употребление в устном разговоре и в письме слов «ходай», «тенгри» в значении Всевышнего, казалось бы, не отвечает требованиям ислама, но использование слова «ходай» у татар и слова «тенгри» (в значении управляющего всем миром) у древних тюрков уже давно закрепилось на уровне местной традиции.

Популярную сюжетную линию в дастане составляют мотивы предсказаний и гаданий. Как известно, в соответствии с исламом, гадание в исламе считается языческим деянием (ширк – с арабского означает «многобожие», «язычество», т. е. создание подобия Аллаху). Аллах бесподобен и у него нет потребности ни в ком, поэтому «ширк» считается большим грехом и запрещается во всех формах проявления. Но, как это издревле было характерно для каждого народа, тюркам также было свойственно желание заглянуть в будущее и этот интерес в народе был достаточно силен. Известно, что у древних тюрков уже в конце IX – начале X вв. была составлена знаменитая книга гаданий «Ырк битиг». Книга имела большое практическое применение. В древних уйгурских памятниках также упоминается книга гаданий «Ан битиг»[2]. Распространение в более поздние времена книг сонников, возникших на основе этой и других источников, можно рассматривать как отдельную ветвь занятия гаданием. Некоторые иссле-

[1] Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр, 1993. Б.151.

[2] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 155.

дователи отмечают зарождение такого явления, как «мусульманская магия»[1]. Таким образом, некоторые порядки, которые в самый начальный период ислама были под запретом, на протяжении их существования в истории подчинились давлению глубоких традиций, связанных с человеческой психологией. Следовательно, несмотря на табу в исламе, возникали запретные деяния, более того, предсказания облекались в религиозные формы, даже использовали для этих целей Коран. Предсказание будущего по-арабски звучит как «гылем аль-гайб», т.е. «сокрытые знания». Несмотря на греховность деяния, гадание, обращение к гадалкам, к книге гаданий в народе также было чрезвычайно популярным.

Ислам был на протяжении веков неразрывной частью духовного мира многих тюркских народов, в том числе и татар. Арабописьменный национальный эпос весьма интересен как научный источник, где зафиксированы духовно-нравственные ценности ислама. Итак, распространенные с XVIII в. в Поволжье дастаны религиозного содержания выделяются своей идеей и тематикой, своеобразным освещением сюжета и событий. В героических дастанах религиозного характера эпические каноны подстраиваются под исламские каноны. Это очень важная особенность культуры, характерная для эпоса татар Поволжья. Велика вероятность того, что популярность таких дастанов непосредственно связана с идеей пропаганды и укрепления ислама.

НАБИЕВ Р.А.
(Россия, г. Казань)

ФАКТОР ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ИСЛАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ ТАТАРСТАНА

Актуальность темы обосновывается задачами и требованиями Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»[2], где выдвигается цель достижения общероссийского духовного единства и сохранения этнокультурной самобытности народов страны. К тому же в рамках обсуждаемой темы конференции изучение вопроса функционирования исламской образовательной системы отчетливо вырисовывается при рассмотрении его через призму разных аспектов религиозного возрождения. Идеалы и ценности ислама, его идеи мира и добра транслируются в образовательном пространстве в процессе работы разного уровня учебных учреждений. Один из ключевых моментов развития и совершенствования мусульманского образования – это взаимодействие религиозных и государственных структур на исламской образовательной площадке, что

[1] *Емельянов В.* Народный ислам. [Электронный ресурс] URL: ethno.ru / cntnt/narodnij_i.html (дата обращения: 04.04.2017)

[2] http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949

получило высокую точку развития в рамках реализации федерального проекта подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама (распоряжение Правительства РФ № 2452-р от 18 ноября 2016 года). Эффективность и устойчивость государственно-исламских отношений зависят от уровня имплементированности этноконфессиональной специфики в культурную и религиозную политику и практическую деятельность структур власти.

В условиях Татарстана как многонациональной республики важным является учет наличия биконфессионального паритетного большинства – представителей ислама и православия. Мусульман и православных в республике по разным подсчетам примерно 50 на 50%, что является основой необходимости сбалансированного подхода в решении запросов и интересов доминирующего в количественном отношении татаро-мусульманского и русско-православного населения. Проводимая в республике долговременная политика соблюдения баланса интересов двух крупных конфессий играет важную роль в сохранении и укреплении межнационального и межконфессионального мира и согласия. Она отражается в республиканском законодательстве. В частности, в преамбуле закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 28.08.1999 г. фиксируется, что «Государственный Совет Республики Татарстан, признавая особую роль ислама и православия в становлении и развитии духовности и культуры многонационального народа Татарстана, уважая и учитывая специфику других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия многонационального народа республики, … принимает настоящий Закон»[1]. Учитывая особенности исламской традиции в жизни татар-мусульман, закон в ст. 18 п. 3 установил, что «религиозные организации вправе иметь вакуфное имущество, правовое положение которого регулируется федеральным законодательством»[2]. Это дает возможность развития вакуфного имущества, оговорив в духе толерантности допустимость развития подобного имущества и для других конфессий. Кроме того ряд положений закона отражал этноконфессиональную сложность и важность разносторонней деятельности в сфере развития государственно-межконфессиональных отношений, что предусматривало, например, создание специального госоргана по делам религий[3].

За прошедшие годы Татарстан накопил достаточный практический опыт, основанный на сотрудничестве государственных и религиозных структур с научным сообществом. Совет по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан стал координационным центром совместной работы по применению на практике системной социокультурно-правовой и научно-методической координации в государственно-межконфессиональных отношениях. Данный

[1] Закон Республики Татарстан « О свободе совести и о религиозных объединениях». Казань, 2000.

[2] Там же.

[3] Там же, ст. 7.

опыт в обобщенной форме был предложен читателям в изданиях федеральных структур государственной власти, а также монографическом исследовании[1].

Сложные проблемы религиозного и национального возрождения и развития государственно-конфессиональных отношений, в особенности после истечения «пробных» нескольких лет после развала союзного государства, возросла потребность научного, стратегически выверенного действия на религиозной площадке. Данная сфера усложнялась еще тем, что религиозное возрождение в начале 1990-х годов сливается в национальном движении, что придавало смешанный характер стремлений этих социокультурных направлений в условиях становления гражданского общества. Первый президент Татарстана М.Ш. Шаймиев решает пригласить на государственную службу по вопросам религии представителей научного сообщества (с июня 1997 по 2007 г. председателем Совета по делам религий при КМ РТ назначается профессор КГУ Р.А. Набиев, доктор наук по вопросам государственно-конфессиональных отношений). Следует отметить, что Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев при таких же подходах поддерживает избрание в июне 2000 г. муфтием республики профессора, доктора наук и дипломата А.Б. Дербисали, который работал на этой должности до 2013 года[2]. В результате в Татарстане в 1997 году развернул в рамках Совета по делам религий при КМ РТ свою деятельность созданный учеными Казанского университета научно-практический комплекс «Культура, религия и общество». В настоящее время с учетом продолжения деятельности в рамках Казанского университета он в своем активе имеет кроме всего прочего 27 научных и научно-методических изданий, выпускаемые в формате серий.

Научная группа «Культура, религия и общество» целенаправленно изучает и выносит на практическую площадку вопросы этноконфессионального диалога с учетом, прежде всего, интересов двух крупных этноконфессиональных групп, состоящих из татар и русских. С учетом специфики общин католиков, иудеев, лютеран и протестантов создается специальное направление работы в госоргане по делам религий. Заметными разработками и мероприятиями стали проведение на республиканском уровне празднование двух исторических дат – 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама на современной российской территории, издание энциклопедического словаря по исламу[3], проведение крупномасштабной конференции «Православие в поликонфессиональном обществе»[4], реализация серии мероприятий по развитию межконфессионального диалога, обеспечение развития социального служения во взаимодействии религиозных и государственных структур и т. д.

---

[1] *Набиев Р.А.* Религия и государство: исследовательский проект как наука прямого действия /Государственная служба, 2014, №2. С. 65–66; *Набиев Р.А.* Власть и религиозное возрождение /вып. 24. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 304.

[2] *Дербісәлі Ә.* Өнегели өмір (Жизнь замечательных людей). – Алматы: Казак университеті, 2016. Ш. 77. С.7.

[3] Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Вып. 12. Казань: Магариф, 2004. С. 383.

[4] Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ / Вып. 15 / под ред. Р.А. Набиева. Казань: Магариф, 2006. С. 415.

В республике определены на паритетных началах нерабочими дни религиозных праздников ислама и православия. Деятельность двух централизованных религиозных организаций – Духовного управления мусульман РТ и Казанской епархии РПЦ, преобразованной в Татарстанскую митрополию, территориально охватывает всю республику. При Казанской епархии ведут деятельность 9 монастырей, 1 духовная семинария, при ДУМ РТ 9 мусульманских религиозных образовательных учреждений, в том числе Российский исламский институт. По инициативе Государственного Советника Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева в рамках деятельности республиканского фонда «Возрождение» реализуется крупномасштабный проект «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», в рамках которого осуществляется реконструкция и строительство многих культовых объектов, являющихся достопримечательностями России. Наряду с этим при поддержке руководства страны завершено строительство здания Булгарской исламской академии, 4.09.2017 г. состоялось торжественное ее открытие[1].

Активизируется взаимодействие Президента Республики Татарстан и представителей органов власти с религиозными организациями основных конфессий, расширилась практика встреч с духовными лидерами, в ходе которых обсуждаются проблемы, волнующие верующих – восстановление и строительство новых культовых зданий, вопросы религиозного образования, духовно-нравственного воспитания. Президент Р.Н. Минниханов принимает участие в важных мусульманских мероприятиях – Всероссийском форуме татарских религиозных деятелей «Национальная самобытность и религия», «Изге Болгар җыены», фестивале колокольного звона «Алексеевские перезвоны», посещает религиозные учебные заведения, регулярно выступает обращениями по случаю значимых религиозных праздников. При поддержке руководства республики традиционным стало проведение фестиваля-праздника мусульманского кино. В 2017 году церемония закрытия XIII Казанского международного фестиваля мусульманского кино прошла 11 сентября в Театре оперы и балета им. М. Джалиля. Ведущими церемонии стали актриса Лия Шайдарова, актриса театра и кино, член Союза кинематографистов России Анна Снаткина и народный артист Татарстана Искандер Хайруллин[2].

Важным и весьма перспективным решением было создание в конце 1990-х гг. расширенного состава Совета по делам религий при КМ РТ, который формировался из представителей министерств и ведомств, а также религиозных общин и научной общественности. Повышая его значимость и статус, появляется Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Он является совещательным и консультативным

[1] http://yanarysh.tatarstan.ru/index.htm/news/tape

[2] http://kazan-mfmk.com/

органом при Президенте Республики Татарстан, образованным в соответствии с Указом Президента Республики Татарстан № УП-71 от 30 января 2013 года «Об образовании Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям». Целью его становится обеспечение взаимодействия органов государственной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по республике, органов местного самоуправления муниципальных образований, институтов гражданского общества, общественных и религиозных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, касающихся реализации государственной национальной политики и состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в республике[1].

Одной из знаковых и весьма заметных общественных структур, как институт гражданского общества, является Ассамблея народов Татарстана и дома дружбы народов в крупных городах республики. Они позитивно воздействуют на формирование атмосферы взаимоуважительных межэтноконфессиональных отношений, оказывая важные услуги: сохранение и развитие языков народов Татарстана, нематериального наследия, информационное обеспечение и обслуживание, развитие межрегионального и международного сотрудничества, сотрудничество с научными центрами.

Таким образом, многонациональный характер республики, выступающий в качестве фактора конкурентоспособности Татарстана, является предметом пристального внимания и учета его при развитии государственно-исламских отношений. Устойчивое развитие общества, создание прочной его социальной базы зависит от планомерного развития и совершенствования государственно-межконфессиональных отношений, что предполагает учет фактора полиэтничности в социокультурной и религиозной жизни.

НУРМАМЕТОВ Р.Р.
(Россия, г. Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ МРОМ «ПРОСВЕЩЕНИЕ» ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[2], стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступ-

[1] http://tatarstan.ru/smmo

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL:http://www.garant.ru (дата обращения: 01.10.2017).

ности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Рассматривая современное общество, нельзя не отметить факт того, что религиозное образование, реализуемое в нашей стране в различных его видах и формах, становится более востребованным с точки зрения субъектов различных категорий[1].

В рамках основных конфессий, представленных на территории Свердловской области, появляются различные местные религиозные организации, которые позволяют адаптировать прихожан к религиозной практике[2].

В качестве примера рассмотрим образовательный процесс, реализуемый в местной религиозной организации мусульман – МРОМ «Просвещение» города Екатеринбурга Свердловской области (далее – «Просвещение»). «Просвещение» – своего рода современный уникальный «пилотный проект» развития исламского образования на территории города.

В рамках данного «пилотного проекта» реализуются как вечерние, так и воскресные курсы (учебные занятия) в целях удовлетворения духовных потребностей прихожан различных возрастных групп, проживающих на территории области.

В «Просвещении» ведется активная работа:

– с детьми младшей возрастной группы;

– с детьми возрастной группы, соответствующей начальным классам;

– с подрастающим поколением (старшеклассники);

– с взрослыми.

В рамках организации образовательного процесса, «Просвещение» обладает необходимыми площадями (в том числе, молельной комнатой), материальной базой, учебно-методическими материалами.

Кадровый потенциал состоит из религиозных деятелей области, а также лиц, имеющих религиозное, педагогическое, психологическое, техническое образование. С детьми младшей возрастной группы взаимодействует педагог-психолог.

В рамках осуществления образовательного процесса реализуются современные эффективные методы обучения, которые представляют собой процесс взаимодействия педагогов с прихожанами-обучающимися. Результатом данного процесса взаимодействия является передача и усвоение знаний, умений,

[1] *Нурмаметов Р.Р.* Некоторые аспекты реализации государственно-религиозных отношений в системе образования Российской Федерации [Текст] / Р.Р. Нурмаметов // Субъектно-ориентированное образование: от опыта прошлого к современной педагогической теории и практике: Сборник научных работ очной Международной молодежной научно-практической конференции (19 апреля 2017 года). Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2017. С. 153–156.

[2] *Аминов Т.М.* Медресе «Галия» – высшее национальное учебное заведение мусульманских народов дореволюционной России: Курс лекций [Текст] / Т.М. Аминов // Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. 96 с.

навыков и опыта деятельности в религиозных аспектах конкретными субъектами образовательного процесса.

Выделим основные эффективные методы обучения, реализуемые в рамках организации образовательного процесса:

– словесный метод обучения;

– практический метод обучения;

– наглядный метод обучения.

Используются также нетрадиционные способы обучения, которые в свою очередь предполагают внесение в отмеченный процесс – значительной доли творчества, исходящей, например, непосредственно от обучающихся.

Основой словесного метода обучения является слово, а задача педагога состоит в том, чтобы эффективно раскрыть суть проблемы. Данный прием позволяет передать большой объем информации в минимальный промежуток времени.

Словесный метод обучения включает:

– рассказ;

– лекцию;

– объяснение;

– беседу;

– дискуссию;

– самостоятельную работу обучающихся с учебно-методическими материалами и др.

В отличие от рассказа и лекции (монологические методы), беседа и дискуссия (активные и интерактивные методы) подразумевают включение обучающихся в обсуждение рассматриваемого материала. Это в свою очередь способствует развитию у них интереса к познавательному процессу. Дискуссия также «наставляет» обучающихся прислушиваться к чужому мнению и объективно оценивать значение различных точек зрения субъектов. Работа с дидактическими (учебно-методическими) материалами нацелена на развитие внимания, памяти и соответственно логического мышления. Деятельность с дидактическими (учебно-методическими) материалами помогает им наилучшим образом запомнить пройденный материал.

Практические методы обучения представлены в виде:

– упражнений (выполнение обучающимися умственных, либо практических действий, целью которых является овладение в совершенстве определенными навыками);

– практических заданий, во время которых обучающиеся изучают материал при помощи современных аппаратно-программных средств или обучающих систем, входящих в материально-техническую базу «Просвещения»;

– дидактических игр и др.

13 171184

Наглядный метод обучения подразумевает применение в процессе обучения наглядных учебно-методических материалов или других средств, которые отражают суть изучаемого материала. Наглядные «элементы» тесно связаны с чувственным восприятием рассматриваемого материала обучающимися. Благодаря этому, усвоение информации происходит в более доступной для понимания форме и надежно закрепляется в их памяти.

Необходимо также отметить и другие методы обучения, реализуемые в рамках организации образовательного процесса. Эвристический или частично-поисковый метод обучения подразумевает постановку педагогом какого-либо вопроса и поиск обучающимися ответа на него. Таким образом, последние не получают «готовых» знаний, но активно участвуют в поиске решения, тем самым развивая свои способности к мышлению. Благодаря активной деятельности и увлеченности поставленной задачей они получают более «осознанные» и «прочные» знания. Методы эвристического обучения включают в себя различные конкурсы, исследования, олимпиады, интеллектуальные игры и др.

Проблемный метод обучения подразумевает обучение, протекающее в форме разрешения поставленных проблемных ситуаций. Проблема должна активировать мыслительные процессы обучающихся и побудить их к поиску решения.

Помимо усвоения знаний, метод проблемного обучения позволяет обучающимся овладеть способами их получения:

– поисковой практикой;

– навыками анализа;

– самостоятельной исследовательской деятельностью;

– компоновкой полученной информации и др.

Проблемный метод обучения развивает творческие способности обучающихся, требует от них проявления интеллектуальной, а также личностной и социальной активности.

Исследовательский метод обучения подразумевает то, что педагог не сообщает знания обучающимся. Они должны сами добыть знания в процессе активного исследования поставленной проблемы. Педагог формирует проблему, а обучающиеся ее самостоятельно осознают, выдвигают гипотезу, составляют план по ее проверке и делают выводы. В итоге полученные в ходе поиска знания отличаются своей глубиной, образовательный процесс проходит интенсивно, а обучающиеся проявляют заинтересованность к поставленной проблеме.

Репродуктивный метод обучения подразумевает, что знания обучающимся сообщаются уже в «готовом» виде, педагог также их поясняет. Для усвоения знаний педагог дает задания, которые обучающиеся выполняют по рассмотренному ранее образцу. Критерий усвоения знаний – способность обучающихся их правильно воспроизвести. Многократное повторение материала позволяет обучающимся усвоить и запомнить его.

Объяснительно-иллюстративный метод обучения подразумевает, что педагог преподносит информацию обучающимся при помощи комбинированных средств: «устного» и «печатного» слова, наглядных и практических материалов. Обучающиеся воспринимают информацию и выполняют действия, необходимые для ее усвоения – слушают, смотрят, читают, сравнивают с ранее пройденным материалом и запоминают.

С учетом проведенного анализа, необходимо отметить, что образовательный процесс, реализуемый в «Просвещении», дает «макро-выигрыш» обучающимся в рамках получения и закрепления ими знаний, умений, навыков и опыта деятельности в области исламского образования.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL:http://www.garant.ru (дата обращения: 01.10.2017).

2. *Нурмаметов Р.Р.* Некоторые аспекты реализации государственно-религиозных отношений в системе образования Российской Федерации [Текст] / Р.Р. Нурмаметов // Субъектно-ориентированное образование: от опыта прошлого к современной педагогической теории и практике: Сборник научных работ очной Международной молодежной научно-практической конференции (19 апреля 2017 года). Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2017. С. 153–156.

3. *Аминов Т.М.* Медресе «Галия» – высшее национальное учебное заведение мусульманских народов дореволюционной России: Курс лекций [Текст] / Т.М. Аминов // Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. 96 с.

4. *Аминов Т.М.* Просветительские идеи в деятельности малоизвестных учебных заведений Башкортостана [Текст] / Т.М. Аминов // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции (1-3 февраля 2017 года). Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. С. 316–321.

ОСМОНОВА Д.А.
(Республика Кыргызстан, г. Бишкек)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ТЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ КОНФЛИКТОВ К ДИАЛОГУ

Проблема взаимодействия светского и религиозного является одной из актуальных в современном обществе. В контексте данной проблемы рассмотрим

вопрос, вызывающий неоднозначные суждения, споры и дискуссии в научных кругах – вопрос о соотношении и взаимоотношениях *религиоведения* и *теологии*.

В сфере высшего образования данные дисциплины сосуществуют параллельно, имеют одно проблемное поле, общий объект изучения, – религию, но в то же время уникальные. В чем же их уникальность?

Религиоведение – это наука о религии, предметом которой является изучение закономерностей возникновения, развития и функционирования религии как социокультурного феномена. Религиоведению присущ *светский взгляд* на религию как на предмет научных исследований, в которых все сводится к естественно и социально обусловленным причинам, где нет места для «сверхъестественного». В религиоведческом понимании, *религия* – одна из сфер духовной жизни, способ практически-духовного освоения действительности, мира.

Теология – это совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога, построенная на основе текстов, принимаемых как божественное откровение. Предметом изучения теологии является самообнаружение Бога – объективированной сверхъестественной сущности, выступающей объектом поклонения. Согласно теологической точке зрения, *религия* – это реальная связь человека с Богом.

Выделим *различия* между религиоведением и теологией:

1. Религиоведение в качестве своего предмета изучает религию, которая является объектом его анализа со стороны, *извне*, как элемента культурной и социальной жизни, теология рассматривает в качестве своего объекта – Бога, дает обзор религии *изнутри*, т.е. исследует религиозный опыт во всех его конкретных проявлениях.

2. Главным методом религиозного познания в теологии является вера, в религиоведении – рациональный метод. Все положения религиоведения должны получать эмпирическое подтверждение и теоретическое обоснование, теология же не имеет своего эмпирического базиса.

3. Задача религиоведения – дать знания о религии, задача теологии – утвердить человека в вере.

4. Теология исследует в основном одну (собственную) религиозную традицию, тогда как религиоведение изучает все известные религиозные системы как равнозначные области исследований.

5. Религиоведение преследует описательные и эвристические цели, теология помимо познавательной цели в качестве своей основной деятельности занимается, прежде всего, апологией и защитой сути собственной веры против возможных искажений со стороны других религий.

Такие различия между двумя системами знания обеспечивают, с одной стороны, несводимость друг друга и практическую неизбежность конфликтов,

с другой стороны, взаимную дополнительность перспектив и рациональную разрешимость *конфликтов*, которые вызваны в связи:

1) с осознанием теологами необходимости определить свое отношение к вновь возникшей смежной дисциплине внутри самого теологического сообщества;

2) с различиями в понимании отношения религиоведческого знания к теологическому и с различным пониманием «светскости» этой науки внутри религиоведческого сообщества;

3) со стремлением религиоведческого сообщества отстоять свою самостоятельность и претендовать на эпистемологическое преимущество по отношению к теологическому знанию.

Последний конфликт особенно обострен в последнее время в связи со стремлением теологии восстановить свое место в системе научного знания и противодействием части религиоведческого сообщества этому стремлению.

В то же время следует подчеркнуть позитивное значение этих конфликтов и дискуссий, позволяющих получать новое хорошо проверенное знание. Однако такой положительный эффект возможен только на основе взаимного признания религиоведами и теологами легитимности друг друга в качестве ученых, а также через обоюдное признание и максимальное строгое различение направленности познавательного интереса обеих дисциплин.

Важным, с этой точки зрения, представляется различение и соотнесение *познавательных интересов* обеих дисциплин. В самом общем и приблизительном виде можно сказать, что познавательный интерес теологии направлен на выявление нормы религиозного сознания определенной традиции, поскольку она формализуется в священных и авторитетных текстах и артефактах и значимо определяет этос и картину мира участников традиции, на рассмотрение человеческой истории и культуры в соотнесении с этой нормой. Напротив, религиоведение интересуется, прежде всего, реально существующим религиозным сознанием в многообразии его психологических, социальных, культурных и исторических аспектов. Такое разграничение ведет к осознанию необходимости их взаимодействия: не зная нормы религиозного сознания данной общины, вряд ли можно здраво судить о формах реальной религиозности, вместе с тем и наоборот, понимание нормы требует также знания конкретного контекста ее функционирования.

В образовательной практике вузов СНГ, где идет подготовка религиоведов и теологов, мы можем видеть ростки отношений, когда между двумя комплексами дисциплин возникают вполне *устойчивые пересечения*, когда люди, преподающие и организующие преподавание обеих дисциплин, осознают необходимость взаимодействия в режиме диалога, что привело к постепенному расши-

рению преподавания студентам-религиоведам блока теологических дисциплин, а студентам-теологам – некоторых религиоведческих. При наличии обширных блоков теологических предметов студентам-религиоведам появляется возможность присвоения дополнительной квалификации «Эксперт в области теологии», позволяющей участвовать не только в деятельности обоих исследовательских сообществ, но и в специфических сферах деятельности, где требуются умения анализировать конкретный религиозный опыт изнутри, представляется, что это не удалось бы обеспечить только квалификацией специалиста-религиоведа. Другой необходимый практический момент – в светском теологическом образовании религиоведческие предметы стали читаться представителями религиоведческих кафедр. В последнее время, как показывает практика вузов СНГ, получили распространение стоящие особняком в плане синтеза двух образовательных направлений кафедры религиоведения и теологии, открытие которых явилось, с одной стороны, закономерным результатом развития религиозного сознания в современном обществе, а, с другой стороны, осознанием того, что только в результате междисциплинарного взаимодействия, взаимной критики, конструктивной полемики, независимой экспертизы научных результатов в смежных исследовательских областях, могут быть получены действительно общезначимые и ценные результаты, может быть расширена и углублена фундаментальная подготовка как теологического, так и религиоведческого образования, а также актуализирована теологическая составляющая в межпредметной сфере деятельности различных гуманитарных наук. Практическим воплощением такой практики является наша кафедра – кафедра религиоведения и теологии Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына.

В то же время в государственных вузах на кафедрах религиоведения преподавание теологических дисциплин по-прежнему составляет незначительную часть учебного процесса и носит скорее ознакомительный характер (при общей тенденции к интерпретации теологического образования как «неакадемического»), а в теологически ориентированных учебных заведениях религиоведение зачастую продолжает играть вспомогательную роль (при общей полемической и апологетической направленности).

Представляется, что практическому решению проблемы взаимодействия теологии и религиоведения, организации их конструктивного *диалога* могут способствовать реальные научные, учебные и методические контакты религиоведов и теологов, а именно:

– совместные занятия студентов-теологов и религиоведов;
– научно-методологические, учебно-методические семинары;
– круглые столы и научные конференции в форме дискуссий по узким темам.

Проведение таких регулярных встреч даст возможность совместно ставить вопросы, причем лучше начать с проблем, где меньше «пунктов разногласий», и искать пути их решения, не забывая о том, что между этими образовательными системами существуют объединяющие *связи*:

1) генетические – исторически религиоведение как теоретическая дисциплина сформировалась в рамках теологии, прежде всего, усилиями представителей теологической мысли, и первые религиоведческие кафедры явились преемницами утраченных теологических кафедр;

2) институционально-проблемные – существуют религиоведческие кафедры при факультетах теологии, кафедры религиоведения и теологии, периодические издания, а также общие целые направления в области исследования теолого-религиоведческой направленности;

3) персональные связи – в истории известно немалое количество знаменитых мыслителей и ученых, которые причисляли себя как к религиоведам, так и теологам.

Таким образом, в современных условиях связи между теологией и религиоведением направлены в сторону становления и развития активного сотрудничества, преодоления устаревшего представления об их непримиримой вражде. Разумеется, не может быть и речи о слиянии теологии и религиоведения даже в отдаленном будущем: между этими сферами культуры всегда будут границы. Речь идет о том, что эти сферы необходимо различать, а не противопоставлять, и не вызывает сомнения то, что сближение тех и других позиций по многим взаимно интересующим темам и проблемам вполне возможно и крайне желательно. Настало время для расширения опыта и организации регулярных встреч и систематического сотрудничества религиоведов и теологов, поскольку для уже наступившей новой эпохи – эпохи глобализации – характерно очевидное повышение роли религиозного фактора в общественной жизни и сознании людей.

Литература

1. *Овсиенко Ф.Г.* Сферы изысканий религиоведения и теологии и специфика постижения ими рассматриваемых объектов // Религиоведение. М., 2004. № 2.

2. *Писманик М.Г.* Возможен ли диалог // Вопросы религии и религиоведения. М., 2009. Вып. 1, ч. 4.

3. *Шахов М.О.* Религиозное знание, объективное знание о религии и наука // Вопросы философии. Москва, 2004. № 11.

4. *Элбакян Е.С.* Религиоведение и теология: к проблеме демаркации объектов исследования // Религиоведение. М., 2001. № 1.

ПАТЕЕВ Р.Ф.
(Россия, г. Казань)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БОГОСЛОВИЯ

Часть представителей академического сообщества скептически отнеслась к причислению специальности «Теология» к научному направлению, о чем свидетельствует ситуация вокруг присвоения первой степени кандидата теологии. Однако значимость теологического знания обуславливается не только необходимостью соблюдения четких методологических принципов академической науки. Сегодня необходима рациональная, основанная на научной рефлексии интерпретация отдельных положений религиозных догматов в контексте современных глобальных вызов человечеству. Религиозные догматы, независимо от позиции светских ученых, будут продолжать оказывать воздействие на мировоззрение верующих.

Только через решение современных концептуальных вопросов исламской теологии, возможно, выработать векторы преодоления целого пласта мировоззренческих проблем у части представителей мусульманского сообщества. Именно они обуславливают нарастающие культурно-цивилизационные противоречия во взаимоотношении исламских сообществ с современным глобальным обществом нового типа. В качестве одной из целей развития теологического знания в России рассматривается необходимость возрождения отечественного мусульманского богословия.

Нельзя сказать, что работа по возрождению отечественного мусульманского богословского наследия не ведется. Переведено немало трудов богословов, издана литература, проведены исследования, постоянно организуются конференции и другие мероприятия. Тем не менее, задача по возрождению наследия отечественной мусульманской мысли окончательно не решена. Наследие татарского богословия пока что в значительной степени интересно академическим ученым – историкам, филологам, философам и т.д. Само мусульманское духовенство, нужно признать, в меньшей степени апеллирует к татарскому богословскому наследию. Это вполне объяснимо, поскольку обычному имаму, как правило, приходится работать на уровне обыденного религиозного сознания рядового верующего, где апелляции к сложным богословским интерпретациям вряд ли принесут ощутимых результатов.

Возрождение любой общественно-религиозной мысли невозможно без ее переосмысления в контексте современности, чем собственно непосредственно и должна заниматься современная исламская теология. Даже такой консерватив-

ный татарский богослов как Мурад Рамзи говорил, что ислам имеет институт обновления (*муджадида*), применение нового, более совершенного подхода, углубляющего и облегчающего понимание традиционных норм. Отечественные мусульманские богословы работали в условиях совершенно иной эпохи, следовательно, и в ситуации иных общественно-политических запросов. Современное глобальное общество технологически развито, информационно динамично, экономически дифференцированно и сложно структурировано в социокультурном плане. Это ставит совершенно иные проблемы перед теологическим знанием, а сама религия находится в совершенно другой ситуации.

В XIX – начале XX вв. мусульманское духовенство, да и сама религия, играла совершенно иную роль. Представитель мусульманского духовенства был и религиозным деятелем, и лидером национального движения, и школьным учителем, и даже отчасти государственным служащим. Сегодня все религии в иной ситуации. Современная духовная сфера очень многообразна – начиная от проявления локальных субкультурных феноменов, до формирования глобальной космополитической культуры с главенствующим духом потребления. В данной ситуации религия находится в условиях жесткой конкуренции, в том числе со стороны светской национальной культуры, которая несколько дифференцировалась от духовно-религиозной сферы жизни общества.

Все это не говорит о том, что религия изживает себя, напротив, общественный запрос в адекватной объяснительной богословской модели мира в условиях сложных и глобальных духовных трансформаций не только существует, но и будет возрастать. Однако именно конкуренция в духовной и социокультурных сферах одновременно становится определенным фактором радикализации отдельных религиозных представлений. Внутри самих религиозных учений продолжают вестись сложные внутриконфессиональные споры, иногда доходящие до вооруженного противостояния. Происходящие процессы в исламском сообществе служат этому наглядным примером.

Сегодня в преодолении процессов радикализации проводится достаточно активная работа. Исламские интеллектуалы, как религиозные, так и светские, часто говорят и пишут о *«джихаде»* и его понимании в традиционном и радикальном исламском дискурсах. Опровержение подобных радикальных идеологических построений является важным. Часто упоминается об идеях «*такфира и хиджры»* (обвинение в неверии и исход), в первую очередь, относительно деятельности таких запрещенных организаций в России как ИГИЛ. Радикальные группы обвиняют окружающий мир и самих мусульман в неверии, призывают покинуть места их традиционного проживания, переселившись «на землю обетованную», где только якобы и возможно оставаться полноценным мусульманином. Здесь упрощённо используется сюжет, связанный с переселением пророка из Мекки в Медину в связи с конфликтом мусульман с язычниками.

Однако, по нашему убеждению, подобные идеи (*джихада, такфира* и т.д.) находят благодатную почву на более широком построении целого сюжета (или нарратива), которым пытаются обосновать религиозными догматами ислама. Речь идет об упрощенной трактовке идеи *джахилии*. В традиционном понимании период невежества и язычества ассоциировался с доисламской историей (т.е. до ниспослания Корана и периода пророчества), сегодня в *джахилии* обвиняется все современное общество. Подобное понимание *джахилии* было связано с взглядами главных идеологов движения «Братьев мусульман». Дело даже не в том, что развитие подобных доктринальных установок способствует противопоставлению различных религиозных групп и их радикализации. Сегодня мы наблюдаем, говоря языком современной психологии и социологии, некую коллективную экстернализацию части исламского сообщества. Т.е. когда те или иные религиозные группы переносят на других людей, целые социальные группы, государства и религии вину и ответственность за собственные неудачи, отсутствие способностей реализовать собственные устремления. Перенос вины на окружающее современное общество становится психологическим защитным механизмом. Причем подобные религиозные сюжеты о современной *джахилии* часто высказываются традиционным духовенством, а иногда представлены и во вполне умеренной исламской русскоязычной литературе.

Фактически речь идет об определенной идеологической ловушке, в которое попадает традиционное мусульманское духовенство, неосознанно распространяя подобные идеологические конструкты. Именно это создает благоприятную почву для доработки подобных концепций в радикальном ключе с использованием сюжетов *джихада, такфира, хиджры* и т.д. Требуются более четкие и адекватные богословские интерпретации состояния современного общества, в том числе мусульманского, которое в нынешней ситуации такое же многообразное и плюралистичное, как и все человечество. В традиционном понимании ислама период *джахилии* был связан с язычеством, и он окончился после ниспослания Корана и начала пророческой миссии. Современное общество, при всех его противоречиях, трудно назвать варварским, языческим и т.д., хотя многие религиозные и морально-этические вопросы стоят достаточно остро.

Богословские сюжеты о «современном варварстве» переплетаются и с другими религиозными нарративами, которые требуют более четкого объяснения. Речь идет об интерпретации принципов веры и покаяния (*иман ва тауба*). Даже традиционным мусульманским духовенством очень часто отмечается, что принятие ислама, которое некоторыми напрямую ассоциируется с началом религиозной практики, ставит человека в совершенно новое положение ответственности перед Аллахом. В определённой интерпретации Сунны отмечается, что человек не будет отвечать за свои поступки в прошлой «доисламской жизни» (*джахилии*). В частности, подобной широкой интерпретации подвергается

пророческое изречение, обращенное к мусульманам, которые до этого были язычниками. Используется следующий хадис: «*Один человек спросил: «О, посланник Аллаха! Взыщется ли с нас за то, что мы совершали во времена невежества?» (Пророк (с.а.с.)) сказал: «С того, кто в Исламе совершал благое, не спросят за то, что он делал во времена невежества, а с того, кто в Исламе совершал скверное, спросят и за первое, и за последнее*».

Однако в Кораническом послании (сура о Судном дне – «Землетрясение»), достаточно четко указывается на ответственность человека за все совершенные поступки, которые внешне могли иметь мельчайшее проявление: «*И кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его*». Таким образом, вопрос об ответственности человека перед Аллахом приобретает совершенно иное звучание. Упрощённые трактовки веры и покаяния приводят к непредсказуемым результатам. Даже этнические мусульмане, которые в определенный момент становятся практикующими, приобретают так называемый «синдром неофита» деля свою жизнь на «до» (период *джахилии*) и «после» (начало соблюдения основных предписаний ислама). Человек подсознательно убеждает себя в своей «непогрешимости» с момента начала религиозной практики и якобы жизни с «чистого лица», что формально снимает с него необходимость раскаяния за свои поступки, а это, с точки зрения психологов, важный фактор детерминации совести человека.

Есть и теолого-богословские установки ислама, которые в определенной интерпретации становятся частью манипуляционных технологий, используемых идеологами радикальных групп. В процессе вовлечения в радикальную деятельность часто особый упор делается на получении вознаграждения в потусторонней жизни. Зачастую верующие люди, приобщившиеся к радикальной идеологии, безоговорочно верят в получение «награды в раю» при совершении поступков, которые просто навязываются идеологами радикальных групп. Фактически воля этих людей в подобных практиках интерпретируется как воля Аллаха. Верующих просто убеждают, что достаточно отдельных поступков (к примеру, совершение суицидального акта терроризма), которые им предлагают осуществить идеологи радикальных групп, и в раю их будут ждать вечные наслаждения.

Проблема предопределения (*такдира*) остается наиболее сложным и, по нашему мнению, ключевым теологическим вопросом ислама, который зачастую используется в примитивной форме для мотивации, в том числе, террористической деятельности. Радикальные идеологи убеждают верующего человека в том, что совершаемый им поступок – вступление в радикальную группу, участие в вооруженной борьбе или нажатие на кнопку пояса смертника – это поступки, предопределенные Аллахом, которых просто нельзя избежать. Подобной интерпретацией *такдира* (предопределения) объясняется не только все случившееся с человеком, но и его будущие поступки, которые просто навязываются

идеологами радикальных групп. В таком понимании предопределения с верующего человека фактически снимаются все моральные ограничения, поскольку он становится уверенным, что это не его личный выбор, за который придется отвечать в Судный день, а воля самого Аллаха. На подобные религиозные интерпретации доктринальных источников ислама пока обращают внимание только светские ученые.

Проблема осмысления *такдира* (предопределения) исторически была и продолжает оставаться самой сложной для богословской интерпретации. Изначально спор возник из попыток разрешить противоречие: за что несет ответственность верующий, если его судьба предопределена Аллахом? Однако дискуссия вышла за рамки обычных схоластических рассуждений. Подход последователей матуридитской школы вероучения в исламе дает основания в поиске новых концептуальных интерпретаций проблем *такдира* и воли человека. Последователи матуридизма признавали свободу воли (*ирада*) человека в присвоении действий, творимых Аллахом (*касб*), а также наличие у личности свободы выбора (*ихтияр*). Переосмысление теологических постулатов предопределения (*такдира)* в контексте соотношения воли Аллаха и человека, свободы выбора личности приобретает главенствующий характер и включает в себя всю вышеуказанную проблематику раскаяния, личной ответственности, вознаграждения, наказания и т.д.

Идеи *такдира* оказывают серьезное влияние на мировоззрение исламского сообщества, а через определенные интерпретации божественному предопределению зачастую придается фаталистический характер. Это обуславливает ослабление инициативности, личной мотивированности представителей мусульманского сообщества. При соединении такого понимания с интерпретацией современного общества как *джахилии*, комплекс подобных идей способствует выше обозначенной проблеме экстернализации, т.е. поискам внешних виновников в собственных неудачах. Подобные интерпретации подсознательно подводят некоторых представителей мусульманского сообщества к необходимости исключительного и постоянного страдания от современного мира *джахилии* (варварства) ради получения вознаграждения в потусторонней жизни. Эти мировоззренческие установки достаточно легко оформляются в соответствующие радикальные религиозно-политические доктрины. В таком мировоззренческом обрамлении религиозного сознания полностью игнорируется необходимость активного включения представителей мусульманского сообщества в процессы современной интеллектуальной конкуренции, трудовой, любой другой хозяйственно-экономической активности.

Сегодня нельзя нарушить баланс соотношения богословского наследия и современных достижений академических подходов, основанных на рационально-философском осмыслении. Без рационально-философского осмысления современных процессов глобальных трансформаций сложно выработать адекватные

богословские концепции, отвечающие современным требованиям. Современная проблематика исламских теологических знаний должна быть сосредоточена на изучении целого ряда социальных и гуманитарных научных направлений рационалистического характера, а не сужена до изучения сугубо консервативных религиозных средневековых источников, зачастую исключительно замкнутых на религиозной регламентации обрядовой жизни мусульманских сообществ. В конечном итоге, только комплекс идей, выработанных благодаря переосмыслению классического исламского идейного наследия, изучению истории отечественной богословской мысли и рефлексии о современных проблемах нынешнего глобального общества, может стать основой для динамичного развития современной исламской теологии в России.

ПЕНИОНЖЕК Е.В.
(Россия, г. Екатеринбург)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ В МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Знание базисных ценностей мусульманской культуры сегодня позволяет ориентироваться в содержании ценностного отношения к миру человека того или иного региона России. Поэтому важно научить владеть культурологическими критериями установления содержания ценностных характеристик, опосредующих деятельность человека в системе общественных отношений в рамках поликультурного пространства. Культура требует умения при восприятии обнаруживать контекст, соединять символические образы в единую эстетическую картину мира как сложного и изменчивого космоса.

Мир мусульманской культуры складывается во взаимодействии арабской культуры и экспансии ее ценностей на территории Ближнего и Среднего Востока, Юго-Западной Европы и Северной Африки. Фундаментом культуры мусульманских стран является ислам. Характерной чертой исламской культуры является синкретизм светской и религиозной жизни: нерасчлененность догматики и ритуала, религии и права. Особое понимание характера связи человека с Богом как исходный принцип ислама отрицает течение времени и провозглашает вхождение человека в мир Вечного Завета, где слиты прошлое, настоящее и будущее, где Бог – творец, а человеку следует доверять Богу и вручить ему свою судьбу. Культура мусульманина как его ценности, образ жизни выстраивается исходя из понимания и толкования абстрактного по форме и содержанию священного текста – Корана.

Художественное творчество человека в рамках мусульманской культуры не приемлет времени, в художественных произведениях не описываются события, жизнь героев. Живопись как вид искусства может быть лишена украшений и не способствует восприятию с позиций любования. Произведение искусства требует внимательного вглядывания и погружения в суть образов и характеризуется направленностью на элитарное, так как воспроизводимая художником красота природы воплощает природное, а не результат духовных или материальных усилий человека. Субъективная авторская позиция может быть не востребована в доминировании общественного, коллективного. Так, художник воплощает всеобщие смыслы эстетического целого в синтезе природы, общества, самого бытия наравне с религией, политикой, моралью. Орнамент в мусульманской культуре является основным средством ввести человека в иллюзорный мир вечного диалога, слова, введенные в орнаментальную плоскость, являются, в свою очередь, формой жертвоприношения человека, что осуществляется в момент чтения. Белый и зеленый цвет как важнейшие доминанты орнамента почитаются как символ совершения хаджа – паломничества в Мекку, в город, где находится «упавший с неба» камень Кааба, символизирующий дом Бога.

Другой стороной символизма мусульманской культуры является использование языка межнационального общения и письменности – арабского. Арабоязычная мусульманская культура призвана обогатить любую другую традиционную культуру идеями и образами, разнообразными методами осмысления мира в силу священности текста Корана как Богооткровения с его абсолютной, «чистой» религиозностью. Ценностями мусульманской культуры являются фатализм в строгом соблюдении культовой деятельности (молитве, посте, мусульманском налоге, паломничестве, чтении Корана и др.), морали, исходящей из жизнеописания пророка – Сунны. Этот сборник преданий о Мухаммаде регламентирует предписанные для мусульманина воинскую доблесть, узаконивание кровной мести, восприятие женщины как существа, созданного для услаждения мужчины, построение государственного строя на основе послушания, труд как основу обеспечения царства небесного, отсутствие стремления к земному счастью. При этом можно сказать, что мусульманская культура принципиально негуманистическая. Исламским мировоззрением человек не может утверждаться как безусловная ценность, так как безусловное характеризует только Бога. Аллах является абсолютной ценностью, которая в жизни человека не воплощается. Бог – это всегда внешнее для людей, Бог находится за пределами опыта человека. И этическое понимается как слабое отражение того, что скрыто от человека и поэтому не имеет значения самостоятельного характера. Такие этические отношения подкрепляются правовыми нормами – Шариатом, не разделяющим политическую и религиозную сферы жизнедеятельности.

Мусульманская культура радикально внушает идею признания Бога как всемогущего, бессмертного, милостивого и милосердного, от которого зависят весь окружающий человека мир и он сам. Формулировка шахады: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник божий», – воспринимается как заключение договора, что связывается с идеей предопределения, согласно которой «на все воля Бога». Быть праведным можно согласно волеизъявлению Бога, стать грешным можно также по воле Бога, и неверным тоже – в наказание за греховность. Воля Бога даже определяет деятельность шайтана, которому можно совращать «кого сможет», поэтому зло объявляется исходящим от человека, не устоявшего от соблазна.

Традиция мусульманской культуры – полный произвол политической власти – важна для мусульманского образа жизни. Это символизирует единство общины. Символически политическая власть оправдывается в претензии действовать во имя Аллаха. Мусульманин не может уклониться от богоугодного дела: помочь бедным, содействовать общине своим имуществом. Практическая реализация этого связана с наличием власти у главы мусульманской общины, формулирующего политическую идеологию, а значит, и политическую судьбу мусульманского мира. Халифат является такой формой государственной власти, при которой выбирается авторитетный и уважаемый член общины, заключающий договор с признанными представителями общины, признающими его высокодуховным, справедливым, мудрым, смелым, физически здоровым и заботящимся о благе подданных. Так институт власти в мусульманской культуре характеризуется духовно-нравственной направленностью.

Иная традиция мусульманской культуры состоит в корпоративности, что регулирует ориентиры коллектива как целое, где каждый равен перед Богом, но не между собой. Мусульманская община воплощает силу Бога и является коллективным носителем святости, что предполагает всеобъемлющее регулирование социальной и личной жизни ее членов на основе норм шариата, согласно чему каждому предписана определенная доля участия в делах общины. Вне общины человек не может рассчитывать на благочестие и спасение: выход из уммы как духовной общности влечет за собой утрату полноценности личности. Причастность к исламу расценивается выше, чем социальное неравенство. Религиозность всегда содействует социальной мобильности: раб может стать султаном, бедняк-крестьянин – уважаемым и высокопоставленным знатоком ислама, солдат – военачальником.

Мусульманская культура провозглашает поиски общественного идеала, где основными являются отношения сотрудничества и взаимопомощи, что, в свою очередь, и обеспечивает достижение счастья. При этом проблема общественного идеала и в настоящее время остается главной проблемой исламской политической культуры. Так, например, в рамках шиизма доминируют представления об общественном регрессе, постепенном уходе мира от идеального, что требует

исправления действиями лидера государства, ведущего народ за собой для осуществления борьбы против неверных. С другой стороны, насильственные действия осуждаются мусульманской культурой, провозглашается повсеместное распространение основанных на вере принципов организации жизни людей. При этом не важно, каким будет общество: мусульманским, православным, католическим, буддистским, – общество не должно быть бездуховным. Такие принципы должны быть закреплены в правовых нормах, стирающих границы, вытекающих из выработанных духовно-нравственных принципов и ориентиров.

Такие духовно-нравственные ориентиры должны быть реализованы и в эстетических ценностях, нацеленных на провозглашение гармоничного общества как части гармонии мира. Искусство способствует личностному росту в постижении закономерностей зависимости в мироздании и в накоплении знаний о мире. Основное содержание произведений искусства составляют идеи единства бытия, безначальности и вечности мира и подчинения его действию природных законов. Понимание произведений искусства связывается с утверждением рационалистического мировоззрения, выдвижения разума в качестве практики измерения истинного, логики – для возможности обосновать истинное.

Природа объявляется сферой человеческой деятельности и это обуславливает активность освоения мусульманами любой территории, прототипом чего служат города Мекка и Медина. Мусульманские мечети, где бы они ни находились, ориентированы в сторону Мекки, символизируя, что все пространство мира для мусульманина организовано вокруг единого религиозного центра. Основные архитектурные элементы мечети служат основанием для формирования представления о красоте: божественной совершенной красоте, выраженной в куполе мечети, божественном величии – в минарете, божественном имени, отраженном в изречениях из Корана, размещенных на внешних поверхностях мечети.

Итак, мир мусульманской культуры – это сложное многообразное явление, сложившееся на базе ценностей арабо-мусульманской культуры и обогащенное в настоящее время исламизированными народами. Принципы вероучения ислама формируют культуру мусульманина с его особым сознанием, поведением, образом жизни, системой ценностей как установками полноправного члена мусульманской общины. Знание сегодня особенностей протекания социальных процессов в рамках мусульманской культуры позволит выработать верные и эффективные стратегии корректировки конкретных ситуаций на основании перспективных методов решения существующих проблем в эволюции культуры. Многонациональность России в настоящее время восстанавливается как культурно-историческая закономерность, ценная для эволюции современной российской культуры. Российская цивилизация достигла высоких достижений именно благодаря этому социокультурному фактору, который постепенно вновь приобретает черты стереотипа нашей жизни, общения и взаимопонимания граждан различных субъектов Российской Федерации. На принудительном

уровне правила редко входят в нашу жизнь как необходимый элемент системы[1]. Требуется уделять внимание возрождению толерантности как уважительного отношения в качестве обязательного условия, обеспечивающего сохранение качественного разнообразия и, одновременно с этим, единства ценностей российской национальной культуры.

РОМАНОВ С.Ю.
(Россия, г. Уфа)

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ислам является третьей и самой молодой мировой религией. Возникнув в VII веке нашей эры на перекрестке цивилизаций Востока и Запада, он собрал в себя черты различных по уровню развития и содержанию культур. Это во многом предопределило историю и географию распространения ислама в мире. Основанная на межкультурной коммуникации, диалоге, взаимообмене и взаимоуважении мусульманская религия предоставила верующим возможность компромисса как залог нового мира, в котором разные по этническому происхождению люди равны в единой общности исламской уммы.

Ислам в современном мире исповедует терпимость и готовность к компромиссам, отрицает крайности, экстремизм и сепаратизм. Мусульманство является религией, которая в силу исторически сложившихся условий довольно быстро адаптировалась к ситуациям. Модернизм является характерной чертой современного ислама. Во всех направлениях ислама: в догматике, социальной доктрине, культе, Шариате происходит «очищение» от различного рода архаичных элементов, чрезмерных ограничений и излишних запретов. Отчасти именно по этой причине ислам становится самой массовой религией в мире: «По заявлениям социологов, за последние 50 лет численность населения земли выросла на 137%. При этом среди христиан прирост составил 46%, а среди мусульман 235%. Только в США каждый год около 100 тысяч человек принимают ислам»[2].

Растет влияние ислама и в России. В Российской Федерации мусульманскую религию исповедуют более 20 млн мусульман различных народностей: тюркские народы (татары, башкиры, казахи, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки), народы Дагестана, чеченцы, ингуши, адыгские этнические общности. Российские мусульмане активно участвуют в духовно-политическом возрождении страны – строятся мечети, учебные заведения (медресе), исламские институты,

[1] См.: *Пенионжек Е.В., Самарин В.Г., Егорова Н.Н.* Духовно-нравственное воспитание граждан: проблемы освоения этического знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 15 –161.

[2] Ислам в современном мире // Сайт Islam-today.ru. URL: http://islam-today.ru/modern-islam/ (дата обращения: 10.08.2017).

пропагандируется исламская культура, ведётся диалог и сотрудничество с христианами и другими конфессиями: «В России существует около 2 500 исламских организаций самой различной направленности, которые представляют интересы мусульман России. Среди них – Фонд развития мусульманских народов, Исламский конгресс России, Исламский культурный центр, Союз мусульман России и многие другие. В Совете муфтиев России изучается вопрос о перспективах создания мусульманской молодежной организации, ориентированной на воспитание духовности, исламской культуры, патриотизма»[1]. В России мусульманские миссионеры в настоящее время возрождают исламские традиции и культурные ценности. Ислам постепенно становится образом жизни подавляющего большинства мусульман, их цивилизационной самоидентификацией.

Мусульманство в современном мире многолико. В XX – начале XXI вв. во многих исламских странах проводились социально-экономические реформы, к власти приходили демократические движения. Характер происходящих в мусульманском мире перемен различен. Несмотря на это наблюдается изменение религиозного культа и бытового уклада в направлении усиления строгости соблюдения религиозных норм и влияния религии на все сферы жизни общества. До последнего времени, например, в Турции, в религиозном отношении господствовала достаточно либеральная линия, но в последние годы ситуация в данной стране стала меняться: «Признаки возросшего значения ислама особенно заметны на бытовом уровне. На улицах крупных городов сейчас можно встретить множество девушек, головы которых покрыты платками по мусульманскому обычаю, и юношей, носящих бороду, чего практически не наблюдалось в течение всего республиканского периода развития Турции. Повсюду возникают и активно развиваются религиозные ордена, мусульманские благотворительные общества, а также массовые организации и коммерческие структуры, непосредственно связанные с исламскими партиями»[2]. Это связано с тем, что в начала 90-х гг. XX века Турцию охватил затяжной экономический кризис. Жители страны разочаровались в пути, выбранном представителями светских партий. Немалую роль в усилении позиций ислама в Турции играет правящая «Партия справедливости и развития», возглавляемая Реджепом Эрдоганом: «Хотя Турция распрощалась с османским прошлым, влияние религии в политике страны отнюдь не отошло на второй план. Сегодня политический ислам, завуалированный в реформистскую оболочку, уже 10 лет диктует правила в Турции. Турецкая модель умеренного ислама стала актуальной и образцовой для победивших революций арабских стран»[3].

---

[1] Ислам в современной России // Сайт Rusisworld.com. URL: http://rusisworld.com/content/islam-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 10.08.2017).

[2] Ислам в современной Турции. Основные течения. // Сайт Мир знаний. URL : https://mirznanii.com/a/318915/islam-v-sovremennoy-turtsii (дата обращения: 10.08.2017).

[3] Джамааты Турции и Эрдоган // Сайт Общероссийское информационное агентство мусульман URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/statji/dzhamaaty_turcii_i_ehrdogan/5-1-0-16910 (дата обращения: 10.08.2017).

Тенденция усиления строгости в соблюдении исламских ритуалов в последние годы становится предметом пристального внимания со стороны мусульманского сообщества. Это связано с тем, что границы чрезмерности («гулюва») индивидуальны и определяются степенью либеральности уммы в разных регионах по-разному. В российских регионах в настоящее время преобладает сдержанно-терпимое отношение к соблюдению, например, исламского дресс-кода: «В самом деле то, что мы видим на улице – лишь отражение разнообразия вкусов и предпочтений наших мусульманок, – говорит общественный деятель, журналист газеты «Ватаным Татарстан» Римма Бикмухаметова. – Не думаю, что по внешнему виду можно судить о степени набожности человека и оценивать, насколько строго он выполняет требования шариата. Да, есть регионы, где такие приталенные наряды считаются «не по исламу». К примеру, наши местные модельеры вряд ли смогли бы продать свои платья где-нибудь в Москве или Нижнем Новгороде. Мусульманки в этих регионах не допускают обтягивания женской фигуры одеждой, и это их убеждения»[1]. Тогда как во многих исламских странах соблюдение правил ношения мусульманской одежды закреплено законом. Ислам не предписывает носить какую-то особую одежду, но одобряет лишь ту, что не выходит за рамки дозволенного и без особых излишеств. Как пишет Э. Зиннурова: «Аллах создал естественное равновесие между минимальными требованиями для достижения высокой нравственности и духовного благочестия и легкостью исполнения этих требований. Результат ужесточения требований в религии можно сравнить с повышением стоимости товара»[2].

Общеизвестно, что мусульмане живут в странах с различными природно-климатическими, социальными, политическими и культурными условиями. Ислам исповедуют представители многих национальностей, которых объединяет общий язык религиозного культа (арабский) и установления единой священной книги (Корана). В течение столетий в мусульманской среде идет последовательный процесс формирования общей культуры и социально-политических традиций. Современная исламская культура «охватывает сферу верований, правил поведения, язык, обрядность, искусство, технологии, стиль одежды, питание, политическую и экономическую системы… пронизывает все сферы жизни. И в самой глубине жизни невозможно разделить сферы веры, религии и её проявлений, воплощений через культуру! Всё в глубине слитно»[3]. Это связано с тем, что в своих истоках ислам был и остается общей идейной основой культуры и общественного устройства исламских регионов.

---

[1] Мусульманский дресс-код и угроза арабизации // Сайт Islamreview.ru. URL: http://islamreview.ru/culture/musulmanskij-dress-kod-i-ugroza-arabizacii/ (дата обращения: 10.08.2017).

[2] *Зиннурова Э.* «Ислам легок – не усложняйте его!» // Сайт ВХИДЖАБЕ. URL: https://vhijabe.ru/islam/islam-legok-ne-uslozhnyajte-ego/ (дата обращения: 10.08.2017).

[3] Исламская культура – что это такое? // Исламский информационный портал Islam.ru URL: http://www.islam.ru/content/kultura/45999 (дата обращения: 10.08.2017).

Ислам изменил ход истории, социальной, политической и культурной жизни огромного ареала на всех континентах. При этом в каждом из регионов сохраняется своя специфика, обусловленная особенностями распространения, эпохой и формами исламизации населения. Этим объясняется большое количество направлений, школ и религиозных групп в современном исламе, различия между которыми кроются в теоретических вопросах теологии и обрядности: «Основные теоретические проблемы мусульманской теологии близки к спорам, волновавшим христианское богословие: о природе Аллаха; о соотношении веры и разума; о свободе воли человека и Божьем предопределении его судьбы; о посмертном суде над умершим и его загробной жизни; о соотношении Корана и «Сунны» (т.е. Писания и Предания); о принципах толкования священных текстов; о взаимоотношениях религии и общества (в развитие принципа слияния религиозной и политической общин, провозглашенного Мухаммадом). Специфически мусульманские догматические проблемы связаны с вопросом о сотворенности или несотворенности «Корана»[1]. Теологические дискуссии отражаются на реализации на практике религиозных догматов. В частности на формах религиозной обрядности.

Таким образом, в настоящее время в мире наблюдается тенденция повышения строгости к отправлению религиозного культа в исламе при простоте и доступности вероучения. Он требует от правоверного мусульманина лишь неукоснительного подчинения воле Аллаха, переданной пророком Мухаммадом и выраженной в относительно немногочисленных и понятных предписаниях и запретах. Направленность протекающих в мусульманском мире процессов изменилась в результате набирающей обороты глобализацией. С этим связано изменение культурных и религиозных устоев и тенденция усиления традиционализма.

Несмотря на то, что исламские теологи подчеркивают неизменность вероучения, культовых предписаний и установок, перемены, происходящие в общественной жизни и мировоззрении верующих побуждают давать современное толкование многих проблем и вносить изменения в Шариат. Это делается в целях осовременивания религии, придания ей привлекательности, создании ей позитивного образа универсального средства решения социально-экономических проблем.

В нашей стране идет процесс приспособления религиозного культа к условиям жизни и современности, обуславливающей то, что значительная часть верующих не имеет возможности выполнять все предписания ислама. В связи с этим служители культа приводят различные аргументы, направленные на минимизацию трудностей исполнения религиозных обрядов. Давая послабления верующим, духовенство тем самым облегчает человеку возможность считать себя исполнившим религиозные предписания.

---

[1] *Панкин С.Ф.* «Духовная броня» исламской теологии // Сайт X-files.org.ua. URL : http://x-files.org.ua/articles.php?article_id=1824 (дата обращения: 10.08.2017).

САФАРГАЛЕЕВ И.Ф.
(Россия, г. Москва)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТАСАВВУФА В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ И МЕДРЕСЕ «РАСУЛИЯ»

В настоящее время поступательно идёт возрождение организационных структур традиционной духовной жизни тюркоязычных мусульман Урало-Поволжья. Так, помимо ежегодно проводимого съезда татарских и башкирских религиозных деятелей в Священном Булгаре, где покоится прах трёх сподвижников пророка Мухаммада (мир ему), начиная с 2004 года в начале июля в Башкортостане, в поселке Чишмы, месте захоронения Хаджи Хуссейн бека, ученика великого шейха Тасаввуфа Ахмеда Яссави, проходит сход имамов Башкортостана. Теперь уже традиционные «Расулевские чтения», где собираются не только и не столько эксперты, а имамы многих селений и городов Южного Урала, чтобы почтить память Зейнуллы ишана Расулева, я также бы отнёс к «организационным элементам» возрождения традиции Тасаввуфа в регионе и в целом на постсоветском пространстве[1].

Здесь уместно будет отметить наличие позитивных моментов этого возрождения для России как государства, которые трудно все перечислить. Прежде всего – это привнесение большей искренности в поклонение (ибадат) практикующих мусульман, очищение их душ и избавление от порицаемых черт характера, которые в той или иной степени есть у каждого человека, таких как например: страсть, гнев, жадность, зависть и гордыня[2].

Если брать общественно-политический аспект, то в качестве одного из основных я бы назвал значительный антиэкстремистский потенциал Тасаввуфа[3].

Проблема возрождения Тасаввуфа в Урало-Поволжье имеет безусловно важное значение для российских мусульман. И в связи с этим хотелось бы все-таки попытаться дать ответ на вопрос: возможно ли полноценное возрождение структур и этики Тасаввуфа в современной башкирско-татарской среде ввиду того, что за долгие годы живая традиция передачи иджазы от шейха к шейху, от ишана к ишану была практически полностью утрачена?

Да, действительно, весьма прискорбным фактом является то, что за 70 лет атеистического безвременья на территории бывшего СССР это бесценное культурно-духовное достояние мусульманских народов понесло значительный и трудновосполнимый урон.

---

[1] См. *Сафаргалеев И.Ф.* Послесловие к «Расулевским чтениям» http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=29322&phrase_id=2317404.

[2] См. *Абдуль-Кадыр Иса.* Истина суфизма – пер. с араб. М. Саадуев – 2-е издание, исправленное и дополненное.

[3] См. Резолюция круглого стола «Состояние и перспективы использования позитивного потенциала Тасаввуфа для борьбы с этнорелигиозным экстремизмом» http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=22835&phrase_id=2317406

Так, на территории Урало-Поволжья среди башкир и татар эта традиция была практически вырвана с корнем. И несмотря на прошедшие почти три десятилетия с момента падения «железного занавеса» и «открытия шлюзов» свободы вероисповедания здесь, на мой, может быть весьма субъективный взгляд, до сих пор нет полноценных шейхов Тасаввуфа.

Хотя процесс позитивного продвижения вперед не стоит на месте и уже есть ученики зарубежных муршидов накшбандийского тариката, ранее наиболее распространенного в этом регионе, которые имеют право (или иджазу) на обучение своих муридов-воспитанников. Издаются книги местных шейхов Тасаввуфа прошлого таких как Зейнулла Расулев, Закир Чистави, Шигабуддин Марджани и других. Проводятся конференции, тиражируются публикации в СМИ, популяризирующие эту традицию, имеющую значительный позитивный потенциал для развития российского общества, в том числе и в плане борьбы с псевдорелигиозным экстремизмом. Однако тем не менее факт остается фактом – полноценно возродить духовную традицию Тасаввуфа в Урало-Поволжье пока не удалось.

На мой взгляд, причины этого прежде всего в том, что в силу геополитических интересов западные страны сделали ставку на продвижение по всему исламскому миру прикрывающихся мусульманской религией сектантских течений, такфиристская идеология которых «идеально» вписывается в искусственное создание «управляемого хаоса». Так как везде, где они пускают свои корни, мусульмане начинают убивать друг друга. Наглядным примером является «иблисское государство» ДАИШ (организация запрещена на территории РФ), которое как раз и реализует крайнюю форму идеологии «заблудшей секты современности» на практике.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, с падением «железного занавеса», ряд государств, официальная идеология которых далека от веками практиковавшегося на территории Российской Империи традиционного ислама, обладающие мощными финансовыми ресурсами, устремились «окормлять» постсоветских мусульман как через отдельных миссионеров, так и через обучение в своих исламских учебных заведениях и издание соответствующей литературы. Это дало свои «горькие плоды» и напрямую отразилось на миролюбивом Тасаввуфе, который воинственные представители этих сектантских течений, что называется, на дух не воспринимают. Во многом именно в связи с этим в течение долгого времени вплоть до середины прошлого года эта духовная традиция в медийном пространстве была табуирована официальными духовными структурами и экспертным сообществом, в том числе и в Урало-Поволжье.

Серьезный прорыв в этом направлении, на мой взгляд, произошел лишь с принятием в прошлом году Грозненской фетвы[1] на Всемирной конференции

[1] https://www.islamnews.ru/news-504937.html

мусульманских ученых. Данный документ четко определил в рамках по крайней мере пока России понятие традиционного суннитского ислама, который заключается в следовании матуридитской либо ашаритской акиде и одному из четырех мазхабов: ханафитскому, шафиитскому, маликитскому и ханбалитскому, а в плане такой основы ислама как Ихсан (Искренность) пути Тасаввуфа.

Вместе с тем процесс небыстрого, как хотелось бы, возрождения тарикатов имеет и другие естественные причины. Одна из них – то, что основные центры Тасаввуфа и его лидеры-муршиды, как правило, находятся за пределами России и стран СНГ.

Другая – это, на наш взгляд, самое немаловажное, наряду с истинным Тасаввуфом немало псевдообразований, прикрывающихся его добрым именем, как вывеской для привлечения в корыстных целях в свои ряды как можно большего числа адептов. Указанное обстоятельство обоснованно вызывает настороженность властей, официального духовенства и простых мусульман.

К этому примешивается и еще одна особенность, присущая не только тарикатам, но и в целом естественному делению в исламе на различные направления и течения (мазхабы, например), которая вызывает при определенных обстоятельствах абсолютно ненужную конкуренцию и непонимание. Наиболее яркий исторический пример этого – ложные доносы на Зейнуллу ишана Расулева со стороны сторонников другого шейха одного и того же Накшбандийского направления Тасаввуфа, которые стали причиной его тюремного заключения и последующей длительной ссылки.

Еще одно препятствие – нашему постсоветскому мусульманину непросто попасть в тарикат Тасаввуфа ввиду традиционной и естественной закрытости этой структуры.

И последнее, даже если направление этой духовной традиции вполне соответствует нормам шариата, вступление в тот или иной тарикат может оговариваться определенной процедурой, например, обязательным личным присутствием шейха и будущего последователя-мурида во время обряда инициации или баяда, а также регулярным участием (тоже вживую) в еженедельных суфийских радениях (т.н. хатмах), либо оговаривается предварительным условием выполнения обязательных мусульманских предписаний (пятикратного намаза, поста в месяц Рамадан, выплаты закята).

Есть и еще один немаловажный момент: в случае, если даже и направление Тасаввуфа, что называется верное и шейх-муршид высококлассный, его заместитель-халифа, коих может быть немалое число в зависимости от распространенности тариката, может не всегда оказаться тем самым подходящим для конкретного верующего духовным наставником. Порой, как показывает практика, он со временем может, что называется, сбиться с пути и повести своих

подопечных мусульман не в том направлении, либо просто не подойти по психологическим и иным параметрам. Примером этого могут служить девиантные действия, либо публичные заявления некоторых шейхов Тасаввуфа, которые могут, как показывает практика в некоторых российских регионах, привести к серьезным конфликтам и даже дестабилизации ситуации. Но это никоим образом не может служить поводом или основанием для причисления того или иного тариката к т.н. «псевдосуфийским сектам», как это осмеливаются совершенно необдуманно делать некоторые «эксперты».

В этом плане, как показывает практика, светским властям, отвечающим за меж- и внутриконфессиональную гармонию в обществе, следует ориентироваться не только на принадлежность мусульманина к тому или иному течению, а на «личные и деловые качества» лидера, который является его духовным наставником. Это кстати касается не только Тасаввуфа, но и в целом пестрой палитры большинства исламских течений, в т.ч. и далеко небезобидных.

Тасаввуф становится чрезвычайно востребованным и среди нашей мусульманской элиты, что еще более затрудняет поиск ее представителями приемлемых путей к Всевышнему – тарикатов и конкретных духовных наставников. Высокое положение этих VIPов в социуме и публичность не позволяют афишировать свою принадлежность к конкретному направлению Тасаввуфа и связь с его шейхами.

Вместе с тем, несмотря на все вышеперечисленные моменты, процессы, происходящие в Урало-Поволжье, а также развитие интернет-коммуникаций внушают определенный оптимизм.

Это и позитивная упомянутая мною выше в плане возрождения Тасаввуфа деятельность Верховного Муфтия Талгата хазрата Таджуддина, а также то, что сам муфтий Татарстана Камиль хазрат Самигуллин и его окружение конкретно, а не теоретически, практикуют его. Отрадным обстоятельством является и то, что в Российском исламском университете в Казани недавно введено преподавание знаний об этой духовной традиции студентам старших курсов.

Оптимизму способствует и ситуация в многомиллионной Москве, превратившейся в огромный «плавильный котел», где проживает по некоторым данным порядка трети мусульман, среди которых немало практикующих приверженцев Тасаввуфа, в том числе и шейхов, о чем свидетельствуют, например, регулярно проводимые в столичной Татарской (Исторической) мечети хатмы (радения) накшбандийским, шазилийским и кадирийским тарикатами.

Широкие возможности, которые предоставляет в плане инициации (вступления) и обучения Тасаввуфу Интернет, для которого почти не существует никаких границ и преград, также формируют позитивный настрой в отношении динамики развития этой духовной традиции в России и на постсоветском

пространстве в целом. Об этом, в частности, я говорил[1] на прошедшей в апреле этого года в Казани Всероссийской научно-практической конференции «Вторые чтения имени Ахмадзаки хазрата Сафиуллина» по теме «Традиции Тасаввуфа в Волго-Уральском регионе»[2].

Внушает надежду и то, что в недалеком будущем у башкир и татар также появятся свои достойные духовные наставники – шейхи-муршиды различных тарикатов Тасаввуфа и прежде всего Накшбандийского, исторически наиболее распространенного в Урало-Поволжье, и то, что в следующем году в г. Троицке Челябинской области возобновит свою работу знаменитое медресе «Расулия». Основанное в 1883 году оно благодаря деятельности Зайнуллы Расулева стало важным центром обучения для мусульман Российской империи и базой для дальнейшего распространения суфийского братства Халидия-Накшбандия[3].

В медресе «Расулия» обучались татары, башкиры, а также казахи и представители других народов Российской Империи. Оно получило репутацию одного из лучших исламских институтов России. Французский историк Александр Бенигсен описывал медресе «Расулия» как «один из лучших академических институтов в мусульманском мире».

В 1893 году в медресе были введены звуковой метод обучения, классно-урочная система, а также изучение светских дисциплин. В начале XX в. медресе являлось полусветским учебным заведением с 11-летним курсом обучения. Благодаря сыну Зайнуллы Расулева – Габдрахману Расулеву, принявшему руководство медресе от отца, – в образовательную программу входили вероучение, русский язык, арабский язык, тюрки, чистописание, чтение, заучивание и толкование Корана и хадисов, математика, российская, тюркская и всеобщая история, история ислама, священная история, теология, мусульманское право, этика, гигиена, география, естествоведение, физика, химия, зоология и педагогика. Преподавание в медресе велось на татарском языке, здесь изучались татарская история и литература. При медресе работала первая в Троицке типография, в которой печаталась первая казахская газета «Айкап» (Заря).

Медресе со временем превратилось в центр религиозной жизни зауральских башкир[4], а также стало очагом татарской культуры.

При медресе имелась библиотека с обширным книжным фондом.

После Октябрьской революции медресе «Расулия» было закрыто (около 1919 г.) и превращено в татаро-башкирский педагогический техникум.

---

[1] *Сафаргалеев И.Ф.* О возрождении Тасаввуфа в Урало-Поволжье http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=27301

[2] Традиции Тасаввуфа в Волго-Уральском регионе обсудили на конференции в Казани http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=27306&phrase_id=2317412

[3] Ислам на Урале. Энц. словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. редактор – Д.З. Хайретдинов. Москва–Нижний Новгород, ИД «Медина». 2009. С. 18.

[4] *Фархшатов М.Н.* Медресе «Расулия» // Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. С. 392, 672.

14 171184

И вот на следующий год, в ходе следующих 7-х по счету «Расулевских чтений» планируется его торжественно вновь открыть.

В этой связи нужно отдать должное подвижническим усилиям потомков Зейнуллы ишана, и прежде всего Нелюфарь Анваровны Расулевой. Правнучка шейха, проживающая в Челябинске, на свои скромные средства издает о нем книги и даже учебные пособия на основе его трудов для будущих шакирдов «Расулийи». По ее словам, она очень глубоко чувствует связь со своим прадедушкой, который, возможно, ее и направляет в делах, связанных с возрождением Тасаввуфа и медресе, в котором он практиковался.

Если быть откровенным, для меня было очень неожиданным предложение Нелюфарь Расулевой подготовить на основе имеющего отношение к Тасаввуфу Сборника[1] моих скромных трудов видео-, аудио- и онлайн курс для будущих шакирдов «Расулийи» для того, чтобы они смогли получить знание об этой духовной традиции, практиковавшейся Зейнуллой ишаном.

Кроме этого правнучка великого шейха, предвидя трудности с постоянным составом преподавателей на этапе становления медресе, выразила пожелание, чтобы я изыскал возможности для краткосрочных (от нескольких дней до недели) выездов в г. Троицк с циклом лекционных занятий по проблематике Тасаввуфа. Понятно, что это лишь мечты и чаяния родственников великого духовного наставника. Однако, желание прямых потомков шейха Зейнуллы Расулева, которые возможно исходят и от него самого, скидывать со счетов, на мой взгляд, никак не стоит. Это очень хорошо понимают те, кто практикует и знает, что такое Накшбандийский тарикат, где души почивших муршидов могут принимать участие в обучении и воспитании последователей и после своей физической смерти[2].

Оплотом Тасаввуфа в башкирско-татарской среде, на мой взгляд, является сегодня память о великих его наставниках таких как Зайнулла ишан Расулев, который был наиболее значимым последним тарикатским шейхом дореволюционного прошлого[3]. И возрождение не только памяти, но и уникальной поистине джадидской методики совмещения преподавания традиционных мусульманских наук с обучением Тасаввуфу в его знаменитом медресе «Расулия», я полагаю, могло бы реально ускорить процесс полноценного возвращения этой великой духовной традиции не только в Урало-Поволжье, но и на все постсоветское пространство.

---

[1] *Сафаргалеев И.Ф.* Бесценная духовная традиция. http://www.materik.ru/institute/library/books/detail.php?ID=22366.

[2] Беседа о суфизме-тарикате с Абу Али аль-Ашари. http://darulfikr.ru/node/4956.

[3] *Хамид Алгар*. Последний Великий Шейх. http://www.hrono.info/text/2008/akgar05_08.html.

САФИН Ф.Г., ХАЛИУЛЛИНА А.И.
(Россия, г. Уфа)

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ

Конец XX – начало XXI вв. отмечалось не только этническим, но и религиозным возрождением. При этом внимание исследователей современных этноконфессиональных процессов в основном было направлено на констатацию роста количества религиозных объектов, построенных в том или ином регионе. Однако вопросы религиозности населения оставались за бортом подобных исследований.

В данной работе на основе результатов этносоциологических исследований, проведенных в Башкортостане, предпринята попытка раскрыть тенденции мобилизованной религиозности.

Хотя в России церковь отделена от государства, данные этносоциологических исследований показывают, что население в целом ориентировано на то, чтобы государство в той или иной степени уделяло внимание к повышению религиозности своих граждан. По мнению более одной трети опрошенных респондентов, как выяснилось в ходе этносоциологического опроса в 1995 г. по исследовательскому проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность»[1], в Башкортостане 70,8% башкир, более одной трети опрошенных татар и русских, почти половина (48,5%) представителей иных национальностей высказались, что государство должно поддерживать религиозность своих граждан, создавая для этого определенные условия, как например, оно поддерживает сохранение национальной культуры и языка (табл. 1). С другой стороны, поддерживая религиозность своих граждан, государство тем самым подчеркивает партнерскую модель взаимоотношений между верующими и государством.

Таблица 1

Как, по Вашему мнению, должно государство относиться к религиозности своих граждан?*

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Поддерживать	70,8	68,7	62,7	48,5
Оставаться нейтральным	19,1	23,0	26,9	34,3
Бороться	2,1	0,8	0,4	0,7
Затрудняюсь ответить	8,1	7,5	10,0	16,4

*Таблица составлена по материалам опроса (август 1995 г.)

[1] Этносоциологический опрос в Башкортостане по исследовательскому проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» проведен в августе 1995 года. Было опрошено 2000 респондентов в городах Уфа, Белорецк, Октябрьский, Давлеканово и пгт. Миндяк Учалинского района, а также сельские жители Уфимского, Туймазинского, Белорецкого, Учалинского и Давлекановского районов. Исследование по Башкортостану было осуществлено под руководством Ф.Г. Сафина.

После краха коммунистической идеологии, созданный вакуум долго не мог пополняться новой идеологией. Воспитанные в духе воинствующего атеизма граждане новой России не стремились заполнять данный вакуум религиозностью. Одна из причин такого «торможения», видимо, скрывалась в том, что население по своему составу в стране было поликонфессиональным. Если в России в целом доминировала православная религия, то в ряде регионов Северного Кавказа и Урало-Поволжья преобладал ислам. Как бы то ни было, историческая память о роли религии в жизни общества быстро пробивала дорогу в умы и сердца людей, оставшихся вчера без идеи.

Строительство религиозных сооружений стало символом перевоплощения миллионов людей. Произошли определенные позитивные изменения авторитета церкви и мечети. Такие тенденции были характерны и для Республики Башкортостан.

Проведенный спустя пять лет после принятия Декларации о государственном суверенитете Башкортостана, этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность» (1995 г.) показал о заметном росте авторитета мечети и церкви в обществе.

Таблица 2

Произошли ли изменения авторитета мечети после принятия Декларации о суверенитете республики?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Изменений нет	15,3	22,9	14,0	29,9
Авторитет мечети возрос	41,5	54,7	55,5	28,8
Авторитет мечети в чем-то возрос, в чем-то понизился	3,9	4,9	9,9	4,7
Авторитет мечети понизился	0,1	0	0,3	0,4
Затрудняюсь ответить	39,2	17,6	20,2	36,1

*Таблица составлена по материалам опроса (август 1995 г.)

На это указывали более половины башкир (54,7%) и татар (55,5%), а также каждый второй из пяти опрошенных русских (41,5%) и почти одна треть (28,8%) респондентов иных национальностей. Вместе с тем, по мнению определенной части русских (15,3%), татар (14,0%), каждого второго из пяти респондентов башкир (22,9%), а также немногим менее одной трети других национальностей, за эти годы никаких изменений не произошло (табл. 2).

Респонденты также отметили позитивные перемены в пользу повышения авторитета православной церкви. О заметном росте авторитета церкви указали почти половина русских, каждый второй татарин и одна треть башкир и иных национальностей. В оценке повышения авторитета церкви татары уступали русским лишь на четыре процентных пункта, а наименьшее количество из них вовсе отметили отсутствие изменений (табл. 3).

Таблица 3

Произошли ли изменения авторитета церкви после принятия Декларации о суверенитете республики?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Изменений нет	16,9	28,6	13,5	31,8
Авторитет церкви возрос	47,9	31,8	43,8	36,9
Авторитет церкви в чем-то возрос, в чем-то понизился	7,3	3,8	5,9	7,7
Авторитет церкви понизился	0,5	0	1,1	0,7
Затрудняюсь ответить	27,4	35,8	35,7	23,0

*Таблица составлена по материалам опроса (август 1995 г.)

Такая толерантность со стороны татар к православной церкви, видимо, заключается в том, что среди татар, как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, незначительная часть считает себя приверженцами православной религии.

По признаку вероисповедания и конфессионального самоопределения большинство населения республики декларирует себя как сторонники мусульманства. Как выяснилось в ходе опроса 2014 г.[1] 89,0% башкир, 84,6% татар, а также 22,2% респонденты иных национальностей отметили, что они исповедуют мусульманскую религию. Среди респондентов русской национальности почти каждый десятый из ста опрошенных респондентов видели себя мусульманами (табл. 4).

Таблица 4

Если Вы верующий, то к какой религии Вы принадлежите?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Православие	65,1	1,9	3,5	36,5
Католицизм	0,4	0	0	0
Протестантизм	0,4	0	0,4	0
Просто христианство	4,6	1,3	0,4	3,2
Ислам (мусульманство)	9,3	89,0	84,6	22,2
Буддизм (ламаизм)	0,8	0	0	0
Кришнаизм	0	0	0	1,6
Верит в Бога, но не разбирается в религиях	3,1	0,6	0,9	7,9
Верит в своего Бога	2,7	0	0,9	12,7
Другое	4,3	0	2,2	6,3
Затрудняется ответить	9,3	7,1	7,0	9,5

*Таблица составлена по материалам опроса (январь 2014 г.)

[1] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенного в январе 2014 г. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина (Фатхутдинова). Руководитель исследования – к.и.н., н.с. А.И. Халиулина. Выборка исследования, репрезентативная для всего населения республики, составила 1000 чел., в том числе русских – 36,1% (361 чел.), башкир – 29,5% (295 чел.), татар – 25,4% (254 чел.) и др. национальностей – 9,0% (90 чел.). Опрос населения проводился в 11 городах, в том числе: в гг. Белорецк, Бирск, Давлеканово, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамск, Стерлитамак, Октябрьский, Туймазы, Уфа, Учалы, а также в следующих сельских районах: Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском, Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском.

Среди незначительной части татар (3,9%) и башкир (3,1%), как показали результаты опроса, имеются респонденты, предпочитающие христианскую религию. Большинство русских (69,7%) и половина (39,7%) респондентов других национальностей отнесли себя к последователям православия (табл. 4).

Существует группа людей, которые не идентифицируют себя какой-то религией, но одновременно заявляют о вере в своего Бога, или же в другие сверхъестественные силы.

Несмотря на рост авторитета мечети и церкви влияние религиозных деятелей на общественное мнение и на жителей населенного пункта остается ограниченным. Как показали итоги опроса 1995 г. лишь каждый десятый из ста опрошенных респондентов-татар отметил существенное влияние муфтия региона на жителей населенного пункта.

При решении жизненно важных вопросов респонденты предпочли обратиться к своим родственникам, друзьям и знакомым, но отнюдь не к религиозным лидерам местной общины.

При изучении религиозной идентичности населения, важным показателем выступает степень осознаваемой религиозной идентичности, оцениваемой самими представителями разных этнических групп. Насколько важна для них религиозная идентичность? Как выяснилось в ходе опроса в феврале 2014 г.[1] почти для каждого пятого представителя опрошенной молодежи, независимо от национальности религиозная принадлежность не имела «очень значимой» оценки (табл. 5).

Таблица 5

В какой степени для Вас значима Ваша религиозная принадлежность?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Очень значима	17,6	18,4	21,0	17,9
Значима	37,6	50,3	42,1	35,9
Мало значима	18,1	13,6	17,8	17,9
Совсем не значима	13,6	4,8	8,4	15,4
Затрудняюсь ответить	13,2	12,9	10,7	12,8

*Таблица составлена по материалам опроса молодежи (февраль 2014 г.)

Хотя следует отметить, что этнические различия тут тоже имели место быть. Вариация ответов между сторонниками единой мусульманской веры – башкирской и татарской молодежью имела несколько пунктов. Русская молодежь меньше всех придавала своей религиозной принадлежности «сверхзначимую» нагрузку. При этом более половины башкирской, каждый второй из пяти опро-

[1] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» был проведен в феврале 2014 г. среди молодежи г.Уфы. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина (Фатхутдинова). Руководитель исследования – к.и.н., н.с. А.И. Халиулина. Опрошено 621 респондента, из них 363 (58,5%) женщин и 258 (41,5%) мужчин. По национальному составу 35,6% (221 чел.) составили русские, 23,7% (147 чел.) башкиры, 34,4% (214 чел.) татары и 6,3% (39 чел.) представители других национальностей.

шенных татарской, более одной трети русской молодежи и столько же респондентов других национальностей подтвердили, что все же религиозная идентичность для них играет значимую роль. Как показали данные опроса, для одной трети респондентов иных национальностей (33,3%), почти столько русской (31,6%), четверти татарской (26,2%) и одной пятой (18,4%) башкирской национальности религиозная идентичность не имела особо большого значения (табл. 5).

Вместе с тем, для молодежи соблюдение религиозных обрядов имеет некое символическое значение. Подтверждением чего является желание молодежи, особенно башкирской и татарской, заключение брака по религиозному обряду (никах).

Таблица 6

Хотели бы Вы, чтобы Ваш брак был заключен по религиозному обряду?*

	Да	Нет	Мне это безразлично	Затрудняюсь ответить
Башкиры	62,6	16,3	8,2	12,9
Татары	63,6	17,8	7,9	10,7
Русские	40,3	43,4	10,9	5,4
Другие	38,5	41,0	5,1	15,4

*Таблица составлена по материалам опроса молодежи (февраль 2014 г.)

Распространенный в последние годы мусульманский обряд «никах» становится обязательной частью свадебного торжества. Более того, прочтение «никаха» дает возможность молодоженам начать совместную жизнь до официальной регистрации в органах бракосочетания, что приветствуется как родителями, так и родственниками и друзьями.

Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, около двух третей башкирской и татарской молодежи посчитали проведение бракосочетания по религиозному обряду обязательным условием (табл. 6).

Несмотря на значимость религиозной идентичности, уровень религиозных знаний и соблюдения обрядов и традиций остается «скромно низким» (табл. 7).

Таблица 7

Возрос ли уровень Ваших знаний религиозных традиций и обрядности за последние 5 лет?* [1]

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Нет	21,1	12,0	18,8	33,3
Незначительно	26,8	21,7	28,6	16,7
Умеренно	25,4	33,7	21,7	16,7
Значительно	12,7	25,2	15,0	16,7
Затрудняюсь ответить	14,0	7,4	15,9	16,7

*Таблица составлена по материалам опроса молодежи (март 1997 г.)

[1] Этнополитологический опрос по исследовательскому проекту «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование» проводился в марте 1997 г. под руководством Ф.Г. Сафина. Было опрошено в г. Уфе 1134 человека. Из них 309 башкир, 473 русских, 346 татар и 6 других национальностей.

Результаты двух этносоциологических исследований молодежи с отрезком времени в 20 лет позволили сделать вывод, что молодежь осталась индифферентной к повышению уровня своих знаний религиозных традиций и обрядности.

Лишь 17,7% башкир, 14,5% русских и столько же респондентов татар и других национальностей указали на значительное повышение уровня религиозных традиций. Немногим более одной трети респондентов иных национальностей, а также столько же опрошенных русских отметили, что никакого повышения уровня за эти годы не наблюдалось (табл. 8).

Таблица 8

Возрос ли уровень Ваших знаний религиозных традиций и обрядности за последние 5 лет?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Нет	28,1	17,0	22,0	35,9
Незначительно	23,1	18,4	22,9	17,9
Умеренно	22,6	38,1	27,6	17,9
Значительно	14,5	17,7	15,0	15,4
Затрудняюсь ответить	11,8	8,8	12,6	12,8

*Таблица составлена по материалам опроса молодежи (февраль 2014 г.)

Результаты опроса в 2014 г. показали еще большее снижение уровня знаний религиозных традиций и обрядности за последние 5 лет. Данное мнение разделила определенная часть респондентов, независимо от их этнической принадлежности и веры исповедания. Лишь представители башкирской и татарской молодежи отметили умеренный рост уровня их знаний (табл.8).

Относительно низкий уровень знаний религиозных традиций и обрядности среди верующих, видимо, объясняется тем, что в республике отсутствует широкая сеть религиозных учебных заведений всех конфессий.

В республике имеется ряд медресе, в которых готовят религиозных деятелей, уровень подготовки кадров в некоторых учебных заведениях оставляет желать лучшего. Об этом также свидетельствуют данные опроса молодежи 1997 и 2014 гг. За прошедшие 17 лет молодежь осталась индифферентной к повышению уровня своих знаний религиозных традиций и обрядности.

Результаты этносоциологического опроса 2014 г. показали, что половина башкир и татар, а также каждый второй из пяти опрошенных русских и почти столько же иных национальностей высказались за то, чтобы дети получали начальное религиозное образование, чтобы знать основы вероисповедания. Лишь каждый пятый респондент отметил необязательное получение религиозного образования их детьми. Относительно высокой осталась доля респондентов, сомневающихся о необходимости знать основы религиозного образования (табл. 9).

Таблица 9

Должны ли дети получать начальное религиозное образование, чтобы знать основы вероисповедания?*

	Да		Нет		Трудно ответить	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Башкиры	52,3	52,3	25,2	21,9	22,5	25,8
Татары	49,8	49,8	18,5	17,6	31,7	32,6
Русские	40,3	41,1	26,0	25,6	33,7	33,3
Другие	38,1	39,7	19,0	20,6	42,9	39,7

*Таблица составлена по материалам опроса (январь 2014 г.)

Относительно того, где же должны получать религиозное образование дети, мнения респондентов разделились. Если одна треть башкир (31,6%) полагали ответ «в средней школе», то, по мнению каждого второго из пяти опрошенных русских, одной трети татар и немногим менее представителей иных национальностей (28,6%), обучение должно осуществляться в домашних условиях. Лишь каждый десятый респондент из ста опрошенных полагал, что религиозное образование лучше получить в местной религиозной школе (табл. 10).

Таблица 10

Где, по Вашему мнению, дети должны получать начальное религиозное образование?*

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
В частном порядке от религиозного лидера	3,9	4,4	2,7	4,8
В местной религиозной школе	14,2	10,1	10,9	9,5
В средней школе	31,6	22,0	17,4	17,5
Дома	26,5	33,9	39,5	28,6
Нигде	6,5	6,2	8,5	12,6
Затрудняюсь ответить	17,3	23,4	21,0	27,0

*Таблица составлена по материалам опроса (январь 2014 г.)

Несмотря на оживление религиозной жизни населения и беспрецедентный рост религиозных организаций общая этноконфессиональная ситуация в республике остается стабильной. Люди разных национальностей, исповедующие разные религии, весьма толерантно относятся к людям другого вероисповедания. Как выяснилось в ходе опроса по проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенного в 2014 г., 89,5% респондентов русской, 87,2% татарской, 85,2% башкирской и 88,9% других национальностей выразили свое толерантное отношение к людям, исповедующим другую религию (табл. 11).

Таблица 11

Насколько Вы согласны, что мы должны быть терпимы к людям другого вероисповедания?*

	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Полностью согласен	53,5	62,6	55,5	65,1
Скорее согласен	36,0	22,6	31,7	23,8
Скорее не согласен	1,2	5,8	4,0	1,6
Полностью не согласен	1,9	1,3	1,4	3,2
Затрудняюсь ответить	7,7	7,5	7,5	6,4

*Таблица составлена по материалам опроса (январь 2014 г.)

Таким образом, в республике наблюдается процесс медленного, но поступательного возрождения религии и мобилизации религиозности. Это особенно характерно для башкирского и татарского населения, и прежде всего, его молодежной среде. Поэтому в республике, чаще, чем в других регионах страны, встречаются экстремистские и радикальные вылазки со стороны ряда представителей мусульманства.

Несмотря на ряд негативных тенденций, связанных с радикальным экстремизмом, ростом религиозности населения в республике сохраняется стабильная этноконфессиональная ситуация. В общественном сознании доминируют позиции, согласно которым все религии равны и люди свободно должны выражать свои религиозные потребности, исходя из внутренних побуждений. Вместе с тем, этноконфессиональная ситуация в республике характеризуется тем, что люди считают себя верующими, однако слабо знакомы с вероучением или вовсе его не знают, выполняют частично или не выполняют вовсе большую часть религиозных предписаний, и поэтому больше ориентированы на светский образ жизни.

САФИНА Р.М.
(Россия, г. Уфа)

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества признаны стратегическими целями в обеспечении национальной безопасности России и российского народа.

31 декабря 2015 года Президент России В.В. Путин подписал Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[1]. Согласно данной Стратегии, к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся:

– духовно-нравственные ценности и отношения;
– семья и семейные ценности;
– служение Отечеству и ее защита;
– духовно-нравственные нормы;
– гуманизм и гуманность;
– милосердие и сострадание;
– справедливость и честность;
– единство народов России;
– преемственность истории нашей Родины.

Каждый человек, живущий в реальных условиях конкретной исторической эпохи, под влиянием среды и воспитания, усваивает и присваивает те или иные ценности. Так возникает ценностная ориентация. Каждый из них в той или иной мере ориентирован на духовно-нравственные ценности. Но только устойчивые ценностные ориентации характеризуют развитую, зрелую личность.

Конечной целью духовно-нравственного развития и воспитания подрастающего поколения должно стать формирование личностных духовно-нравственных идеалов. Идеал современного подрастающего поколения – это самостоятельная, материально обеспеченная личность, уверенная в себе, успешная в жизни и карьере. Если бы при этом ценились такие социальные и духовно-нравственные качества, указанные в исламских канонах, как любовь и уважение к родителям, уважение и почитание к учителям, трудолюбие, профессионализм, ответственность, самодисциплина, самоконтроль, позволяющие достичь высокого уровня притязаний, то в таком идеале не было бы ничего противоречащего духовно-нравственным нормам и ценностям. По мнению Н.Е. Щурковой, культурного человека характеризует не отказ от материальных потребностей (что в принципе невозможно, поскольку человек – биосоциальное существо), а равномерное соотношение духовно-нравственных и материальных ценностей в его ценностном мире[2].

Приобщение подрастающего поколения к ценностям, социальному опыту и нормам современного общества происходит в результате процесса социализации и духовно-нравственного воспитания. Базовые ценности личности формируются к 18–20 годам, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая изменения лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды.

[1] *Путин, В.В.* О стратегии национальной безопасности // Указ № 683 от 31 декабря 2015.

[2] *Данилюк, А.Я.* и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Изд-во «Просвещение», 2009.

Такие исследователи, как В.И. Пантин и В.В. Лапкин, определяют ценности как «обобщенные представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в духовно-нравственном восприятии, задают ориентации их действиям и поступкам во всех сферах жизни и в значительной мере формируют «жизненный стиль» общества[1].

Так, например, Т.А. Рассадина характеризует традиционные ценности как «разновидности ценностей, в которых передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре»[2].

Философ Н.О. Лосский писал: «Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой свет и гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовать высшее единство».

Воспитание национально и религиозно. Подтверждением этого утверждения К.Д. Ушинского может служить «золотое правило» этнопедагогики[3], сформулированное академиком РАО Г.Н. Волковым: «без памяти (исторической) – нет традиций, без традиций – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа (исторической личности)»[4].

По мнению Д.А. Медведева, «…в современных условиях мы просто обязаны консолидироваться вокруг наших национальных приоритетов: справедливости, свободы, жизни человека, его благосостояния и достоинства, семейных традиций, любви и верности, заботы о младших и старших, патриотизма, самостоятельности и независимости государства, межнационального мира. Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией. Наш народ духовно и нравственно богат. Нам есть, чем гордиться, есть, что любить, есть, что отстаивать и что защищать, есть к чему стремиться»[5].

---

[1] *Фролова, С.Л.* О реализации приоритетных направлений воспитания учащихся: формирование идеалов и ценностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.

[2] *Драченкова,* О.А. Духовно-нравственное воспитание учащихся через реализацию проектной деятельности по подготовке к празднованию Дня Победы // Концепт. 2013. № 02 (февраль).

[3] *Казначеева, Г.А.* Формирование гражданственности и патриотизма молодежи – ключевая задача социокультурной модернизации России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2.

[4] *Кароян, И.В.* Перспективы развития гражданского воспитания молодежи в условиях модернизации российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5.

[5] *Абрамова, Е.А.* Традиционные ценности в современной культуре //http://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskietekhnologii/library/ 2015/02/01/ statya-traditsionnye-tsennosti-v

Только благодаря исторической памяти народа реализуется универсальная социально-культурологическая и педагогическая идея преемственности как основы связи прошлого, настоящего и будущего в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Именно такая молодежь сумеет противостоять против экстремизма и его нападок.

С этой целью в 8 классах были организованы ученические исследования и специально разработанные интегративные уроки, предполагающие коллективное выполнение исследовательских заданий, и уже дали вполне конкретные результаты, такие как:

– повысился уровень знаний обучающихся, что проявляется в более глубоком понимании закономерностей изучаемых явлений;

– изменился уровень мыслительной деятельности, они стали рассматривать учебный материал как самостоятельно добываемую важную для них информацию;

– в процессе выполнения исследовательских заданий увеличилось использование исторических моментов в жизни российского народа, произведений изобразительного искусства, художественной литературы, музыки, что способствует эмоциональному и духовно-нравственному развитию;

– стали ярче проявляться познавательные интересы к истории российского народа и их стремление к активной самостоятельной работе на уроках и во внеурочное время;

– они начали активно участвовать в творческой проектной деятельности.

На мой взгляд проектная деятельность по узнаванию, восстановлению и передаче исторического опыта прежних поколений раскрывает творческий потенциал обучающихся, способствует живому соприкосновению с нашей исторической традицией и желанию сохранять и приумножать духовно-нравственные ценности России, бороться против экстремистских проявлений отдельных личностей. Ведь не случайно А.П. Чехов говорил: «Все мы народ, и то лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

Литература

1. *Путин, В.В.* О стратегии национальной безопасности // Указ № 683 от 31 декабря 2015.

2. *Абрамова, Е.А.* Традиционные ценности в современной культуре //http://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie tekhnologii/library/ 2015/02/01/ statya-traditsionnye-tsennosti-v

3. *Данилюк, А.Я.* и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Изд-во «Просвещение», 2009.

4. *Драченкова, О.А.* Духовно-нравственное воспитание учащихся через реализацию проектной деятельности по подготовке к празднованию Дня Победы // Концепт. 2013. № 02 (февраль).

5. *Казначеева, Г.А.* Формирование гражданственности и патриотизма молодежи – ключевая задача социокультурной модернизации России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2.

6. *Кароян, И.В.* Перспективы развития гражданского воспитания молодежи в условиях модернизации российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5.

7. *Фролова, С.Л.* О реализации приоритетных направлений воспитания учащихся: формирование идеалов и ценностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.

СЕДАНКИНА Т.Е.
(Россия, г. Казань)

ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЯ «ТЕОЛОГИЯ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕОЛОГИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

В июне 2017 г. впервые в Москве состоялась Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве»[1], ставшая историческим событием, так как именно на ней О.Ю. Васильевой было объявлено, что теология, пройдя долгий, тернистый, полный противоречий путь становления, обрела законное право на существование. «Сегодня историческое событие. Теология имеет право быть!» – заявила О.Ю. Васильева в своем приветственном слове. А.А. Фурсенко подчеркнул, что на пути становления Теологии данное событие является еще одним этапом, которых будет много. Протоиерей В. Воробьев по данному поводу добавил, что «после продолжительной борьбы, сегодня победа. Сегодня виден результат консолидированной деятельности в поле церкви и государства. Сегодня построен каркас. Но каркас – это еще не здание. Его нужно наполнить содержанием. Государству необходимо восстановить духовную культуру. Работы еще очень много, останавливаться нельзя». Митрополит Феофан озвучил уже ставшую знаменитой фразу: «Лед тронулся!». Анализируя выступления участников конференции, их тематику условно можно подразделить на несколько подвопросов. Остановимся на каждом из них.

Что такое теология? А.А. Фурсенко охарактеризовал теологию как комплексную научно-образовательную дисциплину, стимулирующую развитие гуманитарных знаний, развивающую нравственные ценности. Продолжая данную

[1] Первая Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» 14.06.2017, // [Электронный ресурс]. URL: https://mephi.ru/content/photo/index.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=17623 (дата обращения: 02.09.2017)

мысль, М.Н. Стриханов в своем выступлении дал определение теологии как науке о вечных духовных и нравственных ценностях, как о культурном императиве научного сообщества, А.А. Федоров назвал теологию соучастником определения ценностей установок общества, автором формирования аксиологической парадигмы. А.А. Левитская подчеркнула, что теология способствует не столько росту религиозности, сколько расширению мировоззрения, изучению культурных традиций.

Каково же место теологии в системе наук? «Мы создаем новые возможности и их нужно реализовывать. От того, насколько успешно они будут осуществляться, будет зависеть гуманитарное образование», – отметил А.А. Фурсенко, тем самым определив вектор дальнейшего дискурса о месте теологии в системе наук. «XXI век – век гуманитарных технологий, частью которого является теология», – заключил оратор. О первостепенной важности теологии красноречиво прозвучал пример О.Ю. Васильевой об опыте работы Оксфордского университета, в учебном плане которого теология стоит на первом месте. О.Ю. Васильева процитировала слова декана вышеназванного учебного заведения: «Если мы научим теологии, то остальному научим точно». Продолжая начатую мысль, В.М. Филипов указал на важность изучения опыта других стран, а именно на то, что признание теологии наукой соответствует мировому опыту. «Необходимо снять напряжение между теологией и философией старой закалки», – заявил В.М. Филипов. Данная мысль была дружно поддержана участника и конференции. Так, Митрополит Илларион указал на то, что теология была искусственно вытеснена из высшего образования, и теперь те, кто оспаривает теологию, является пережитком прошлого. Практически каждая наука, проходя этапы своего оформления, переживала то, что сейчас происходит в отношении теологии. «То, что раньше научным не считалось, постепенно им становилось. Наука постоянно прирастает новыми дисциплинами, и этот процесс будет продолжаться», – сказал Илларион.

Несколько неожиданно, что данная конференция проходила на базе МИФИ, где уже пять лет действует кафедра теологии. Проясняя данную ситуацию, Илларион отметил, что теология имеет такое же отношение к ядерной физике, как философия, история и т.д. В данном контексте достаточно убедительно прозвучали слова В. Воробьева: «Наука не есть только техника, это еще и творчество, а творчество имеет божественную природу. Без духовного творчества наука становится абсурдом. Самая точная наука всегда основана на вере (аксиомах). Тот, кто отрицает веру, не далек и в науке». При этом, как отметил С.Л. Кравец, теология не должна замыкаться в себе, она должна быть частью гуманитарного образования, пополнив его знанием религиозных смыслов, утерянных в годы СССР. Таким образом, невозможно не согласиться с определением иеромонаха Родиона (Ларионова), что теология – это междисциплинарный посредник, несущий ценностный потенциал. «Теология и религиоведение – бесспорные

союзники в сфере гуманитарного образования, которые некие силы стремятся разлучить. Теология и философия – тоже союзники, имеющие большой научный потенциал. Религиоведение, философия и теология являются друзьями, а не врагами». Резюмируя все вышеизложенное целесообразно привести слова митрополита Иллариона: «Сегодня стена между наукой и религией разрушена. Вопрос о том, является ли теология наукой, закрыт. Теология – полноправная гуманитарная наука». Однако этот оптимистический вывод не позволяет расслабляться, так как на новом этапе развития теологии встают и новые вопросы.

В первую очередь это касается вопросов методологического характера. Несомненно, научные подходы общие, научный инструментарий един, однако теология имеет свою специфическую методологию. Как отметил митрополит Феофан: «В теологии, как и в математике, есть свои аксиомы, доказанные богословскими учениями. «Принцип теологии базируется на божественном откровении и культурных традициях своей конфессии. Без понимания богословского контекста невозможно быть теологом. Теология понимает внутреннюю суть религиозного учения, обращаясь прямо к ней, в отличие от религиоведения, которое смотрит со стороны, т.е. теология – это не аналог религиоведения. Однако, как отметил игумен Серапион (Митько), выдвижение теологии в ранг науки делает большое благо для религиоведения. «Теолог может быть религиоведом, так как религиоведческое исследование включено в теологию. Главное – стремление к желанию познать». Однако, религиовед должен быть свободен от религиозных взглядов, а если они есть, то при построении науки их необходимо отбросить. А как это сделать теологу, погруженному в религиозную традицию?

Следующий вопрос: может ли теолог писать исследовательскую работу по тому или иному богословскому аспекту религии, к которой он не принадлежит? Может ли теология быть надконфессиональной? Как отметил А.А. Федоров: «Теология – это узко-корпоративная сфера», а потому, как неоднократно подчеркивал митрополит Илларион, она не может быть конфессионально обезличена. «Теология не может быть внеконфессиональной… Принцип деления – принадлежность к одной из конфессиональной традиции в дальнейшем – разукрупнение, но не смешивание, а изучение своей ветви и поиск единых ценностных традиций». Вполне уместным в данной связи прозвучал вопрос П.Н. Костылева, касающегося того, может ли, например, человек, исповедующий православие, защитить научную работу по буддизму, или иной конфессии. В данном подходе обнаруживаются рамки, ограничивающие исследователя-теолога. Более того, не прозвучало ни одного выступления о возможности написания работ по сравнительной теологии. И здесь, как нам видится, наблюдается процесс замыкания на себе, который метафорично на той же конференции был назван «коммунальной квартирой», в которой проживают обитатели разных конфессий, мирящиеся с существованием друг друга под единой «крышей» объединенного межконфессионального совета ВАК.

И еще один аспект, на который следует обратить внимание – это, как нам кажется, перекос в сторону понимания «Теологии» как «Богословие», так как в выступлении практически каждого участника конференции звучали мысли о привнесении в образовательные учреждения религиозных знаний, причем на каждой из ступеней, чем раньше, тем лучше. Митрополит Илларион не без оснований отметил, что «Теология» – это своевременный проект религиозно-конфессиональных и светских наук. М.Н. Стриханов ратовал за активизацию работы светских и религиозных учебных заведений. Митрополит Феофан именно в этом видит потенциал взаимодействия религиозных и светских вузов, а Д.К. Богатырев вообще считает, что гуманитарное образование становится элементом миссионерской деятельности, что в некотором смысле противоречит Закону об образовании РФ.

Подобные высказывания подтолкнули очередной раз проанализировать сходство и различие этих двух понятий, тем не менее, вопрос «Есть ли различия между «Теологией» и «Богословием»? не поднимался на конференции никем, кроме автора данной статьи, а также той, которая была написана им в сборнике статей по прошедшей конференции. Уже в ходе написания статьи на тему «Рефлексия над понятиями «Теология» и «Богословие» пришлось столкнуться с проблемой чисто переводческого характера, т.к. понятия «Теология» и «Богословие» переводятся на английский язык одним словом: «Theology». Благодаря словарю синонимов удалось подобрать слово, более близкое по смыслу к понятию «Богословие» – «Divinity» (хотя возможно филологи и не разделят данный подход, впрочем также, как и присутствующие на вышеназванной конференции). Однако, данная идея возникла, говоря словами одного из участников мероприятия «не от ветра в голове», в результате опыта проведения нескольких круглых столов по проблемам теологии.

На первом круглом столе «Актуальные проблемы теологического образования в России»[1], прошедшем в Казанском федеральном университете и Российском исламском институте (г. Казань) в декабре 2014 года», вопрос о сходстве и различии теологии и богословия стоял достаточно остро. Большинство присутствующих ставили знак равенства между богословием и теологией в связи с тем, что обе представленные формы религиозного сознания претендуют на богопознание, опираясь в своем исследовании как на догматы религии, так на религиозные тексты, выступающие для них абсолютными авторитетами, не подвергающимися критике.

Несомненно, данный подход имел достаточное количество критики по отношению к теологии как научной специальности со стороны ученого (философского, культурологического, религиоведческого) сообщества, что очевидно

[1] Теология – учение о Боге или конфессиональное религиоведение? / Программа круглого стола: «Актуальные проблемы теологического образования в России» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam-portal.ru/novosti/104/5289/.

и явилось причиной столь трудного пути становления Теологии как науки. Так, например, в программе «С христианской точки зрения. Между религией и наукой», состоявшейся 20 февраля 2016 года, д.фил.н. Вильям Шмидт отметил, что «Наука не обязана ни быть теистичной, ни признавать какие-либо догматы, тем более какие-то тексты в качестве абсолютно авторитетных»[1]. Кандидат культурологии Н. Шабуров высказался по поводу того, что «преподавателей у нас объединяет убежденность в возможности не предвзятого подхода к религии, верность научной методологии и понимание того, что университетская кафедра и кафедра церковная – это совершенно разные вещи, их нельзя смешивать. Не должно быть пропаганды, апологетики или, наоборот, отрицания чего-либо»[2]. Более жесткую позицию по поводу включения теологии в номенклатуру научных специальностей была высказана д.фил.н. Е. Элбакян: «На мой взгляд, теология не попадает в разряд науки по многим причинам. Во-первых, потому, что основным принципом любой науки является принцип фальсифицируемости и верифицируемости, то есть проверки знания и возможности его измерения. В теологии невозможно ни то, ни другое»[3].

Однако среди присутствующих на круглом столе были и те, кто разводил понятия «Теология» и «Богословие», опираясь на исследование А.А. Радугина, касающееся теологическо-богословской рефлексии, усматривая в теологии и богословии разную степень использования инструментов и критериев рациональности, причем, как подчеркивает А.А. Радугин, теологией используются «преимущественно формально-логические средства. Рационалистический аспект теологии сближает ее с научным познанием»[4], а это уже дает отпор сторонникам Е. Элбакян.

Опираясь на опыт работы в Российском исламском институте, изучение госстандартов, а также специфики преподавания на «Теологическом факультете» и «Факультете исламских наук», мы также склоняемся к разведению теологии и богословия, так как, во-первых, в ходе обучения богословию происходит подготовка специалиста по выполнению религиозных обрядов; подготовка же теологов предполагает изучение не только своей религии, но и иных философско-религиозных систем, с акцентом на интеллектуальное осмысление религиозных ритуалов и практик. Во-вторых, в ходе подготовки богословов естественно идет более глубокое погружение в именно свою религию, в то время как подготовка теологов предполагает формирование более широкого мировоззрения,

---

[1] Между религией и наукой. Нужна ли теология в светских вузах? // Программа «С христианской точки зрения» от 20.02.16.mp3, февраль 2016 // [Электронный ресурс]. URL: http://files.mail.ru/F0C50376E6B847D8B926E817954890A7 (дата обращения: 17.03.2016).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Радугин, А.А.* Теологическо-богословская рефлексия как специфическая форма рациональности и возможности сотрудничества науки и религии / *А.А. Радугин*. Воронежский государственный архитектурно-строительный университет // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2009. – № 8(63), вып. 8. – С. 79–88.

15 161842

способствующего умению вести толерантный диалог с представителями других конфессий. Представленный подход был подробно рассмотрен на втором круглом столе на тему «Развитие высшего теологического образования», состоявшемся в мае 2016 года в Российском исламском институте[1].

Однако в ходе написания вышеупомянутой статьи, осуществляя рефлексию над понятиями «Теология» и «Богословие», применяя метод аналогии, мы пришли к несколько иному заключению. Так, рассматривая цитату Г. Гегеля из книги «Философия религии»[2], касающуюся диалектического единства теологии и философии, мы позволили себе перефразировать фразу немецкого классического философа, заменив слова «Философия» на «Теология», а «Теология» на «Богословие», т.к. для Г. Гегеля теология, как нам кажется, представлялась именно тем, чем сейчас нам представляется богословие. Итак, к чему мы пришли: «Теология отрицает богословие, и снова, посредством богословия отрицает теологию. В результате мы оказываемся там, откуда мы первоначально пришли. Начало и конец образует богословие; в середине пребывает теология, как отрицание первого положения; отрицанием же отрицания является богословие. В итоге – вывернутый наизнанку теологический идеализм (Богословие). Когда же противоположность между богословием и теологией достигает высшей точки, возникает потребность в их сближении…». Как в курсе лекций по философии религии Г. Гегель разрешает противоречие между философией и теологией, мы же, размышляя по аналогии, разрешаем для себя противоречие между теологией и богословием, заключающееся в «примирении чистого религиозного чувства с познанием и интеллектом», в дополнении религиозного чувства интеллектуальным ароматом веры.

Именно это, как нам видится, и происходит на сегодняшний момент, когда, согласно резолюции Первой Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве», состоявшейся в июне 2017 года, завершен процесс государственного признания теологии; юридически и фактически закреплено возвращение теологии в научно-образовательное пространство нашей страны на всех уровнях – от бакалавриата до ученых степеней кандидата и доктора теологии; завершена подготовительная работа по созданию поликонфессиональной модели теологического образования и теологической науки[3].

Считаем, что признание теологии как науки – это действительно большой прорыв в системе Российского образования, но необходимо быть очень аккуратными и корректными в ходе реализации этого грандиозного проекта в жизнь.

---

[1] Проблемы развития теологического образования обсудят в РИУ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam-portal.ru/novosti/104/6422/ (дата обращения: 6.08.2017).

[2] *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. В 2-х томах. – Т. 1. – Пер. с нем. М.И. Левиной. М., «Мысль», 1975. – 532 с.

[3] Подведены итоги Первой Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4936846.html (дата обращения: 02.09.2017).

Литература

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. В 2-х томах. Т.1. Пер. с нем. М.И. Левиной. М., «Мысль», 1975. 532 с.

2. Между религией и наукой. Нужна ли теология в светских вузах? // Программа «С христианской точки зрения» от 20.02.16.mp3, февраль 2016 // [Электронный ресурс]. URL: http://files.mail.ru/F0C50376E6B847D8B926E817954890A7 (дата обращения: 17.03.2016).

3. Первая Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» 14.06.2017 // [Электронный ресурс]. URL: https://mephi.ru/content/photo/index.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=17623 (дата обращения: 02.09.2017).

4. Подведены итоги Первой Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» //[Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4936846.html (дата обращения: 02.09.2017).

5. Проблемы развития теологического образования обсудят в РИУ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam-portal.ru/novosti/104/6422/ (дата обращения: 6.08.2017).

6. *Радугин, А.А.* Теологическо-богословская рефлексия как специфическая форма рациональности и возможности сотрудничества науки и религии / А.А. Радугин; Воронежский государственный архитектурно-строительный университет // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. № 8(63), вып. 8. С. 79–88.

7. Теология – учение о Боге или конфессиональное религиоведение? / Программа круглого стола: «Актуальные проблемы теологического образования в России» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam-portal.ru/novosti/104/5289/

СУЛЕЙМАНОВ Ф.М.
(Россия, г. Сибай)

ИЗ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО БАШКОРТОСТАНА

Историко-археологические материалы свидетельствуют о проникновении ислама в Башкортостан еще в VII–X вв.[1]. К XIV–нач. XV вв. ислам прочно утвердился у башкир, ставших суннитами ханафитского мазхаба, оказывая огромное влияние на их культуру. Большую роль в этом сыграли суфийские миссионеры

[1] *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 19–20; *Хамидуллин С.И.* Пути ислама на Южный Урал// Ватандаш. – 2013. – № 12. С. 20–21; История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2012. Т. II. С. 216–227.

братств Йасавийа и Накшбандийа, проникшие к башкирам из Средней Азии[1]. Ислам стал и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные стороны общества. Мечети, появившиеся в башкирских селениях, сыграли большую роль в распространении образования[2].

Цель статьи – проследить историческое развитие мусульманской религиозной общины (уммы) в юго-восточном регионе РБ на примере с. Старый Сибай Баймакского района – в прошлом д. Сибаево Бурзянской волости Верхнеуральского уезда. Актуальность темы обусловлена тем, что она еще не выступала предметом специального изучения. Важно отметить и то, что в связи с открытием в землях д. Сибаево и образовавшейся в сер. XIX в. д. Ново-Сибаево крупных залежей медной руды в 1925 г. возник Сибайский рудник, выросший в рабочий поселок Сибай и ставший в 1955 г. одноименным городом[3]. Сибай – ныне признанный экономический, культурный и религиозный центр юго-востока РБ. Многие выходцы из названных деревень стали жителями города и во многом выступили вносителями в жизнь города основ исламской нравственности, культуры и традиций. Поэтому исследование – это и начало изучения истории мусульманских религиозных объединений г. Сибай. Изучение темы также будет способствовать к лучшему пониманию современного состояния и тенденций мусульманской уммы и этноконфессиональных отношений в регионе. Материалы могут быть полезны при преподавании курсов по истории ислама на территории Республики Башкортостан.

Население д. Сибаево издавна исправно исповедовало ислам, где, по преданиям, первая мечеть появилась в момент ее основания[4] и была «каменной»[5]. Однако каменного здания не было, речь идет о временном культовом сооружении, практиковавшемся башкирами при выездах на яйляу – «каменная мечеть» («таш мәсет»). По данным информатора, это – сооружение без высоких стен и крыши – невысокая ограда (около 0,5-0,7 м), выполненная на поверхности земли из крупных камней, напоминающая основание мечети, с обозначением «входа» и «михраба». Их следы и сегодня встречаются в степях Хайбуллинского, Зилаирского и Баймакского районов – в местах древних выездов башкир-мусульман на кочевки. Как правило, их строили на возвышенностях и около водоема. «Каменная мечеть» служила культовым местом сбора находящихся на яйляу для общего совершения молитв и проведения собраний[6]. Судя по ее

[1] *Хамидуллин С.И.* Указ.соч. С. 22–24; История башкирского народа. Т. II. С. 216–227; *Ямаева Л.А.* Региональный ислам: традиции и современное состояние // Ватандаш. 2012. № 12.// Режим доступа: http://vatandash.ru /index.php?article=2243

[2] *Юнусова А.Б.* Указ. соч. С. 60.

[3] *Сулейманов Ф.М.* К истории территории города Сибай: образование деревни Сибаево//Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 13 ноября 2014 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 251.

[4] *Сулейманов Ф.М.* Указ. соч. С. 257.

[5] Информатор К.Ф. Янбаев, 1960 г. р., с. Старый Сибай Баймакского района РБ.

[6] Информатор Х.З. Кильдигулов, 1930 г.р., д. Балапан Зилаирского района РБ.

округлой форме и размеров, примерно соответствующих башкирской юрте, мы предполагаем, что над каменным основанием устанавливалась юрта (тирмә). Об огромной башкирской кибитке, «которая была мечеть прежде» отмечал частый гость кочевок южных башкир Л.Н. Толстой[1]. Отметим также, что в «Списках населенных мест» разных лет о наличии каменной мечети в этом ауле данных нет, говорится лишь о деревянной мечети[2].

Нам стали известны имена первых духовных лиц д. Сибаево. Многие из них были «указными», т.е, официально назначенными, согласно царскому Указу от 22 сентября 1788 г.[3]. По VIII ревизии (1834 г.) отмечены: мулла Айчувак Мутаев (1750–1819), указный мулла Габдрахим Айсуваков (1787–1832), азанчей Ягуда Багтыгиреев (1758–1829), мухтасиб Абдулхалик Гузеиров (1790 г.р.)[4]. В 1839 г. в д. Сибаево, состоящей из 96 дворов, имелась мечеть. Из учтенных 302 чел. м.п. 2 чел. были духовного звания[5]. По X ревизии (1859 г.) в д. Старо-Сибаево отмечены указный мулла Кутлуахмет Ибрагимов Мутаев (1820 г.р.) и указный муадзин Мурсалим Кусябаев Кильмяков (1804 г.р.)[6]. Позднее здесь находился указный мулла Ахмет Исмагилов Акъюлов (1803 г.р.), перечисленный по предписанию Оренбургской казенной палаты от 9 октября 1867 г.[7].

В другом архивном источнике, в записях за 1898 г. (с дополнениями в 1911–1912 гг.) в д. Старо-Сибаево зафиксировано наличие Соборной мечети, в махалле были 406 чел. м.п. и 353 чел. ж.п., в том числе духовных лиц 4: 1) Габдулзялиль Габдулхаликов Гузаиров, 68 лет (1830–1898), имам-зямиг и мугаллим. Утвержден указом от 21 августа 1857 г., №7384; 2) Кутлыахмед Ибрагимов Мутаев, 78 лет (1820 г.р.), имам-зямиг и мугаллим. Утвержден указом от 8 декабря 1847 г., №13182; 3) Ахматшариф Мутаев. Утвержден вторым имамом в 1902 г.; 4) Сахиулла Габдулзялилев сын Гузеиров. Утвержден указом Оренбургского губернского правления от 3 ноября 1911 г. за № 1912[8].

Мулла д. Старо-Сибаево Мутаев Ахматшараф Кутлуахметович (1874 г.р.) и его брат Сабир (1890 г.р.) в 30-е гг. были репрессированы[9].

---

[1] *Сулейманов Ф.М.* Скотоводческое хозяйство юго-западных башкир в описании Л.Н. Толстого // Устойчивое территориальное развитие: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (12 ноября 2009 г.). Уфа: Гилем, 2009. С. 288.

[2] Оренбургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1866 года. СПб., 1871; Списки населенных мест Оренбургской губернии с общими о ней сведениями. Оренбург, Губ. стат. ком. 1892; Список населенных мест. Оренбург, 1901.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, 1784–1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 1107 (№ 16710).

[4] Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 138. Оп. 2. Д. 566. ЛЛ. 1042 об, 1043 об, 1048 об.

[5] Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912)/ Сост.: А.З. Асфандияров, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 297.

[6] НА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 758. Л. 36 об., 49 об.

[7] НА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 758. Л. 66–67, 71.

[8] НА РБ. Ф. И -295. Оп. 2. Д. 8. Л. 297 об., 298.

[9] Жертвы политического террора в СССР//Режим доступа: http://lists.memo.ru/index13.htm

Как было выше сказано, в сер. XIX в. сибайцы основали д. Ново-Сибаево (на рч. Камышлы Узяк). В 1850 г. в ней было 12 дворов, в 1859 г. – 15 дворов и 88 жителей. Мечети и духовных лиц в ней не было[1], была приходом причислена к построенной в 1861 г. Соборной мечети д. Галиево, находящейся в 12 верстах[2].

По данным местного краеведа, в 1862 г. в д. Старо-Сибаево работало медресе, где мударрисом служил имам-жамиг Кутлуахмет Ибрагимов сын Мутаев. Вторым имамом и мугаллимом являлся Габдулзялиль Габдулхаликов Гузеиров, муадзином состоял Мурсалим Кусябаев, утвержденный указом от 19 марта 1837 г. Имам-хатибом был Мухаммат-Ашраф Мутаев – сын Кутлахмета хазрата, окончивший медресе Габдуллы ишана в д. Муллакаево. Мугаллимами служили Бахтияр Габидуллов сын и Кутлуахмета хазрата сын Абрар махдум Мутаев. Они также окончили медресе Габдуллы ишана Саиди и были его друзьями[3].

Документы не позволяют делать выводы о хозяйственно-финансовом положении приходов и доходах духовных лиц д. Сибаево. В ревизских сказках их дворы указывались в числе первых, вслед за чиновниками, думается, что они занимали одну из первых социальных позиций в ауле. А.Б. Юнусова отмечает, что в башкирских деревнях «…муллы представляли собой более зажиточную часть башкирского общества… за счет прихода обучали учащихся медресе, ремонтировали здания мечетей и школ, но иногда делали это и за свой счет»[4].

К 1930 г. большинство мечетей в республике были закрыты. Здание бывшей мечети с. Старый Сибай сначала использовалось как складское помещение, затем в нем организовали клуб и библиотеку, позднее использовано в постройке школы[5].

Несмотря на сложное для верующих время, отдельные стороны мусульманских религиозных ритуалов и обрядов люди старались соблюдать, были исполнители роли муллы. В памяти жителей села сохранились имена соблюдающих мусульман в советское время: Юмагужа Кашанов, Гайзулла Ерьесов, Хабиб Сунаршин, Фазулла Фаизов и др.[6]. В послевоенные годы обязанности муллы исполнял Юмагужа Сынгизович Кашанов (1904 г.р.)[7].

В августе 1992 г. в Республике Башкортостан образовалось духовное управление мусульман, стали возрождать мечети. В с. Старый Сибай до появления мечети, коллективные поклонения совершались в доме одной из жительниц. В 1990 г. житель села Файзиахмет Байбулов поднял вопрос о восстановлении

---

[1] НА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 758. ЛЛ. 72–77.

[2] НА РБ. Ф. И -295. Оп. 2. Д. 8. Л. 278 об., 279.

[3] *Имам Ғариф-хажи Ғабдрахманов*. Баймаҡ ере руханийҙары. – Сибай, 2010.

[4] *Юнусова А.Б.* Указ. соч. С. 91–92.

[5] Информатор К.Ф. Янбаев, 1960 г. р., с. Старый Сибай Баймакского района РБ.

[6] Там же.

[7] Информатор С.И. Янтурин, 1945 г. р., г. Сибай.

мечети. Его идея была поддержана собранием сельчан: решили обратиться за помощью к директору совхоза Б.А. Мусину, депутату Верховного Совета РБ М. Рахматуллину, главе Администрации района А.А. Нигматуллину. Ими была оказана большая помощь. Имамом мечети был избран кавалер ордена Ленина Фазулла Фаизов, муэдзином – ветеран войны Султанахмет Кулдавлетов. Средства на постройку мечети собирали всем селом[1].

К 1993 г. была построена Соборная мечеть под названием «Фатиха», однако тогда в ней не оказалось духовного лица с образованием. В 1994 г. на учебу в г. Октябрьск были направлены молодые мусульмане – Фарит Идрисов, Рамазан Ишкильдин и Айнур Бурангулов. Рустам Ситдиков направился в г. Медину. А. Бурангулов, закончив учебу, в 1997 г. стал имам-хатибом, организовал обучение основам ислама и чтению Корана[2].

В настоящее время в мечети имам-хатибом состоит Камиль Фазылгаянович Янбаев. Обучение ведут учителя – Ф. Идрисов, А. Бурангулов, Р. Ситдиков. Многие совершили паломничество в Хадж[3]. Прихожане мечети придерживаются ханафитского мазхаба суннитского ислама. Пятничный намаз регулярно совершают 15–20 односельчан[4].

Соборная мечеть «Фатиха» и мусульманская община с. Старый Сибай с 1995 г. имеют официальный статус и находятся в ведении ДУМ РБ. С 2013 г. здесь действует местная Мусульманская религиозная организация[5].

Таким образом, в истории развития мусульманской уммы башкирского с. Старый Сибай отражаются главные тенденции развития мусульманской религиозной общины, характерные для юго-восточного региона РБ: здесь издавна исповедовали ислам ханафитского толка. С конца XVIII в. была соборная мечеть, работало медресе. Духовенство представляли образованные башкиры, занимавшие передовые социальные позиции в ауле. В к. XX в. стали возрождать исламские традиции согласно ханафитскому мазхабу, силами сельчан построена мечеть, появились образованные духовные лица из числа местных граждан. Ныне здесь широко пропагандируется трезвый и активный образ жизни, делается многое для возвращения духовно-нравственных ценностей, традиций и праздников ислама, сохранения мира и согласия среди жителей, недопущения проблем и конфликтов на основе этноконфессиональных разногласий.

---

[1] Информатор К.Ф. Янбаев, 1960 г. р., с. Старый Сибай Баймакского района РБ.

[2] *Имам Ғариф-хажи Ғабдрахманов.* Указ. соч. С. 89–90.

[3] *Алсынбаева Ф.* Иман йорто – ауылыбыҙ күркe. Режим доступа: http://ataysal.ru/?new=1821 (дата обращения: 25.09. 2016)

[4] Информатор К.Ф. Янбаев, 1960 г. р., с. Старый Сибай Баймакского района РБ.

[5] *Алсынбаева Ф.* Указ. соч.; Режим доступа: http://www. dumrb.ru/?part_id=202. Режим доступа: https://sbis.ru/contragents/ 0254995230/ 025401001# msid=s1477375371476

СУЛТАНАХМЕДОВА З.Г.
(Россия, г. Махачкала)

ТРАДИЦИОННЫЙ ИСЛАМ В РОССИЙСКОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ислам является второй по значимости и влиянию религий в России. В некоторых регионах Поволжья ислам конкурирует с православием. На Северном Кавказе ислам является доминирующей религиозной конфессией. Поэтому от статуса ислама в российском социокультурном пространстве «…в немалой степени будет зависеть внутри- и внешнеполитическое состояние России: будет ли она иметь нормальные, конструктивные отношения с исламским миром или мусульманский фактор все далее в теоретико-идеологическом аспекте будет наращивать экстремистский потенциал, неизбежным следствием чего на практике явится активизация террористической деятельности под исламскими знаменами и лозунгами»[1].

Ислам изначально и на протяжении своей истории не был единой конфессией и делился на различные течения. Распространение ислама по миру способствовало его трансформациям, приспособлению к местным условиям. Та форма ислама, которая сложилась в российском обществе, специалистами и исследователями сегодня нередко определяется как «традиционный ислам». В то же время нет единой трактовки этого термина. Что же такое традиционный ислам в современной России? Проанализируем существующие подходы к его определению.

Одной из основных особенностей «традиционного ислама» является синкретизм с местными особенностями и традициями. Ханбабаев К.М. констатирует, что на Северном Кавказе «…произошло сращивание «нормативного» ислама с местным духовным субстратом разных национальных культур, в результате чего сложилась специфическая региональная форма его бытования, основой которой являются общеисламские принципы»[2].

Конфессиональные особенности традиционного ислама определяет Дугин: «Что такое традиционный ислам? Как правило, под этим понимаются аббасидско-османские версии адаптации ислама к местным условиям. То есть традиционным исламом называется не фундаменталистский, не салафитский, не ваххабитский ислам. Им является тот ислам, который так или иначе – на практике или в теории – тяготеет к смягчению отношений между миром и Богом. Теологический и метафизический смысл традиционного ислама заключается в том, чтобы смягчить оппозицию данного нам имманентного бытия и трансцендентного принципа. Как только эта оппозиция смягчается, мы имеем

[1] *Добаев И.П.* Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе / Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000. С. 9.

[2] *Ханбабаев К.М.* Трансформация ислама на Кавказе в постсоветское время /К.М. Ханбабаев //Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сб. ст./под ред. М.К. Горшкова, А.Н.-З. Дибирова. М., Махачкала: Лотос, 2011. С. 290.

15 171184

дело с традиционным исламом, а там, где этот традиционный ислам достигает высокого интеллектуального уровня осмысления, мы имеем дело с суфийскими *тарикатами*»[1].

Многие авторы выделяют такие признаки традиционного ислама, как: 1) отсутствие претензий на светскую власть (деполитизированность); 2) ориентация на мирное сосуществование и конструктивный межконфессиональный диалог с православием (толерантность); 3) ориентация на поддержку существующей российской социально-политической и экономической системы и действующей светской власти; 4) ориентация на интеграцию в российское социокультурное пространство. «В России господствует так называемый традиционный ислам, исторически утвердившийся в разных субъектах РФ, прежде всего на Северном Кавказе и в Поволжье. Его отличительные особенности – отсутствие претензий на светскую власть, сотрудничество с государственными органами и толерантность к другим конфессиям»[2].

В целом данные признаки характерны для большинства региональных исламских организаций в России. В последнее время при характеристике традиционного ислама ключевую роль приобретает именно отношение исламской общины к российскому государству и господствующей религиозной конфессии – православию. «В России традиционным является такой ислам, который учит мусульман быть законопослушными гражданами России и при этом, непременно, уважать христианское большинство»[3].

Однако, в ситуации социально-политической нестабильности, подрывной деятельности зарубежных исламских экстремистов, наряду с традиционным исламом в исламских регионах России стал распространяться салафизм, или ваххабизм, как форма исламского религиозного экстремизма, оппозиционного не только традиционному исламу, но и российскому поликультурному обществу в целом. В связи с этим некоторые специалисты отмечают, что «Само понятие традиционного ислама в России в последнее время стало размытым. Если раньше под этим понятием понимали взаимное уважение мусульман и православных, стремление к единству в деле создания Великой России, которая неизменно следовала принципам империи – защита и сплочённость народов во благо Отечества, то сегодня традиционность ислама – весьма спорный вопрос»[4].

Традиционный ислам, исходя из его особенностей, можно назвать органично интегрированной в российское социокультурное пространство конфессией,

---

[1] *Дугин А.* Что такое традиционный ислам? URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-chto-takoe-tradicionnyj-islam_42968

[2] *Ваторопин А.С.* Исламистское движение в современной России: генезис, характерные черты и перспективы развития //Социологический журнал. 2013. № 2. С. 100.

[3] *Силантьев Р.А.* Для России традиционен тот ислам, последователи которого готовы быть законопослушными гражданами своего государства // Независимая газета. 2 февраля 2011 г.

[4] *Сидоров Д.* Проблемы традиционного ислама в России // Обозреватель-Observer. 2014. № 6. С. 50.

которая формирует общероссийскую социокультурную идентичность российских мусульман. «За многие столетия совместной жизни с христианами в России мусульмане выработали уникальную религиозную культуру – открытую, терпимую и динамичную…

Российские мусульмане – носители ценностей современной цивилизации – свободы и демократии»[1].

В современном российском обществе традиционный ислам выполняет важные социокультурные функции: духовная консолидация местного регионального сообщества, интеграция мусульманской уммы в российское социокультурное пространство и стабилизации социально-политической ситуации в регионах России и в стране в целом. «Народы Российской Федерации, исповедующие ислам, при качественном уровне образования в рамках традиционного для России ислама, непременно будут естественной опорой в деле возрождения России в статусе сверхдержавы и барьером для пособников исламских экстремистов, ведущих работу по дестабилизации обстановки в стране и разжиганию розни по религиозному признаку»[2].

Действительно, между интересами российских мусульман и интересами российской цивилизации в целом нет никаких противоречий. Скорее, есть единство целей и интересов. «Традиционный ислам по большинству параметров имеет с Россией общие стратегические интересы. Ислам – естественный партнер Российского государства. И стратегический, и тактический. Те задачи, которые сегодня решает государство, – укрепление целостности геополитических позиций в мире, борьба с сепаратизмом, с терроризмом – также являются и целями исламской уммы»[3]. Задача российского государства и общества состоит, по нашему мнению в том, чтобы реализовать это единство интересов в эффективной системе взаимодействия российского государства и мусульманских общин на всех уровнях власти.

ТАНИЕВА Г.М.
(Россия, г. Нижний Новгород)

ТЕОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

14–15 июня 2017 года в Москве прошла Первая Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве». В проведении мероприятия приняли участие высшие учебные заведения, представлен-

[1] *Лескин Д.Ю., Житинев Т.Е.* Религии мира. Ислам. Буддизм. Иудаизм: конспект лекций. Ч. 2. Самара, 2011. С. 53.

[2] *Сидоров Д.* Проблемы традиционного ислама в России /Обозреватель-Obsever. 2014. № 6. С. 49.

[3] *Зорин В.* Ислам в системе государственных и церковных отношений // Угроза ислама или угроза исламу? М., 2001. С. 97.

ные в Объединенном диссертационном совете по специальности «Теология», Экспертный совет по теологии Высшей аттестационной комиссии при российском Министерстве образования и науки. Почетными гостями конференции были руководители и представители Администрации Президента Российской Федерации, Министерства образования и науки России, ректоры ведущих светских и религиозных высших учебных заведений.

В ходе пленарного заседания прозвучали доклады ректора НИЯУ «МИФИ» М.Н. Стриханова и ректора Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, доктора философских наук, профессора А.А. Федорова. В резолюции конференции указано, что юридически и фактически теология вернулась в научно-образовательное пространство России на всех уровнях – от школы и бакалавриата до ученых степеней кандидата и доктора теологии. Завершена подготовка поликонфессиональной модели теологического образования и теологической науки. Отмечено гуманитарное и междисциплинарное значение теологии в образовательном блоке социальных и гуманитарных дисциплин для классических, технических, педагогических высших учебных заведений, ценностно-мировоззренческая и воспитательная роль.

В резолюции также сказано, что следует считать принципиально важной задачу глубокого личностного приобщения студентов к культурной традиции России, выражаемой в конкретной религиозной традиции[1].

Впервые 5 лет назад кафедра теологии или богословия была открыта в НИЯУ «МИФИ». Многие недоумевали: какое отношение богословие имеет к ядерной физике? Но на протяжении долгого времени теология была выброшена из образовательного пространства, и в наше время она возвращается в систему образования как философия, история, право, русский язык, литература и другие гуманитарные дисциплины. Теология заняла свое законное место в системе гуманитарных наук, преподаваемых в университетах. Вопрос о том, является ли теология наукой или нет, фактически закрыт: включение специальности «Теология», которая носит межрелигиозный характер, в номенклатуру ВАК положило конец спорам на эту тему[2].

1 июня 2017 года состоялась первая в современной российской истории защита диссертации на соискание ученой степени кандидата теологии, и 21 член из 22 присутствующих проголосовал за присуждение диссертанту искомой степени.

---

[1] Официальный сайт Московского Патриархата «Русская православная церьковь» www. Patriarchia.ru [Электронный ресурс]. Дата обращения: 1.09.2017.

[2] Доклад митрополита Волоколамского Илариона на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве». Официальный сайт Московского Патриархата «Русская православная церковь» www. Patriarchia.ru [Электронный ресурс]. Дата обращения: 1.09.2017.

Многие сегодня пытаются оспорить научный характер теологии, исходя из стереотипов, сложившихся в советскую эпоху, утверждая, что научный и религиозный подходы являются взаимоисключающими. После возникновения естественнонаучных дисциплин в XVII веке утвердились критерии, определяющие научный подход: рациональность, эмпиричность, объективность. Эти критерии сохраняют свое значение и сегодня, однако научность определяется не только ими. Помимо естественных и точных, появлялись новые гуманитарные и общественные науки. Признание новых научных дисциплин было связано с их институциализацией: с течением времени в университетах открывались новые профильные кафедры и факультеты, например, непросто в университетское пространство входила социология, но сегодня никто не подвергает сомнению ее научный статус. Теология же сохранила своё место в академическом пространстве, сформировавшись задолго до естественных и гуманитарных наук. Недаром все крупнейшие университеты Западной Европы начинались как теологические школы.

Тем не менее, теология незаменима и наряду с философией или культурологией она способна открыть представителям других дисциплин новый свежий взгляд на старые проблемы.

Некоторые считают, что наиболее убедительным посредником между научным и религиозным подходами выступает *этика*, которая дает возможность воспринимать и анализировать существующие социально-политические, культурные, экономические и другие общественные процессы через призму аксиологических и нормативных установок, которые в основе своей имеют в том числе и религиозную основу.

Собственно, для большинства из нас важно, чтобы теология стала открытой к общественным и социальным проблемам, решаемым в нашей стране, и чтобы ее роль в общем научно-гуманитарном пространстве была бы направлена на развитие диалога между представителями различных конфессий и сотрудничества.

«Создание качественной и современной системы теологического образования в такой стране, как Россия, где на протяжении многих столетий в мире и согласии живут лица разных вероисповеданий, – один из факторов устойчивого развития государства и межрелигиозного мира в нем»[1]. С этой целью созданы новые единые образовательные стандарты для Теологических факультетов университетов и изданы новые учебники по богословию.

[1] Доклад митрополита Волоколамского Илариона на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве». Официальный сайт Московского Патриархата «Русская православная церковь» www. Patriarchia.ru [Электронный ресурс]. Дата обращения: 1.09.2017.

ХАМАД МАНСУР ХАЛИФА МАНСУР
(Египет, г. Эль-Марага)

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО УЧЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ И ОГРАЖДЕНИИ ОТ ЭКСТРЕМИЗМА И ЧРЕЗМЕРНОСТИ

Хвала Аллаху, который разъяснил нам нашу религию и сделал мусульманами, и повел нас прямым путем и узаконил нас в религии, благодаря чему соблюдаются права всех людей. И я свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха, Царя, Истины ясной и я свидетельствую, что Мухаммад Его раб и посланник верный, мир и благословение ему, его семье и всем его сподвижникам.

Господин председатель президиума, уважаемые участники конференции, приветствую вас приветствием Ислама: Мир вам, милость Аллаха и Его благодать. И благодарю вас за предоставление мне возможности и приглашение присутствовать здесь. Эта приятная встреча радует меня и делает мне честь быть вместе с вами сегодня. И передаю вам приветствие Аль-Азхара Аш-Шарифа и от миссии Аль-Азхара в Исламский колледж имени Марьям Султановой.

Тема моего выступления сегодня, дорогие участники, это роль исламского учения в воспитании молодежи и ограждении от экстремизма и чрезмерности, в свете этой темы мое выступление будет к вам, дорогие участники, о исламском понимании и о принятии разнородности и отвергании чрезмерности.

Будет неправильным, если мы будем понимать исламскую науку, что это только наука о нормах ислама и его культуре, и что она не имеет никакого отношения к естественнонаучным знаниям или материальным наукам. Но подобная мысль является ошибкой. И это потому, что ислам пришел всеобъемлюще достаточным для разнообразных видов человеческой деятельности, в том числе естественнонаучным исследованиям. И ислам велит человеку осваивать окружающий мир, подчиняя его себе. Т.е., чтобы Вселенная, видимая ему, покорилась для постижения ее и ее исследования. И что в видимой её части нет ничего неясного, смутного, что невозможно было бы разъяснить. И что предопределено извлечение пользы от окружающего мира, использование благ его в широчайших областях для обеспечения стабильности в своей жизни и преуспевания. Аллах Всевышний сказал: «И подчинил вам ночь и день и солнце и луну и звезды подчинены по Его воле. Воистину, в этом – знамения для людей разумеющих». И обращение Корана в этой связи – это уверение для духа правильного метода научного, который побуждает человека к желанию исследовать неизведанное в окружающем его мире и его явлениях основываясь на уверенности человека в своих возможностях и на науке при взаимодействии с природой. И доказательством на то, что наука в исламе не заключена в какие-то определенные границы являются слова посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Вы знаете больше меня в делах этого мира».

И доказательств на то, что ислам поощряет науку, много. Достаточно вспомнить многочисленные аяты Корана и хадисы и множество примеров из жизни мусульман во времена пророка. «Читай с именем Господа твоего, Который сотворил. Сотворил человека из сгустка крови. Читай! Господь твой наищедрейший! Который научил перу. Научил человека тому, чего тот не знал».

«Верующие, если сказано было вам расшириться в собраниях, то предоставьте место, в результате чего Аллах предоставит место и вам. Если вам говорят о том, чтобы поднимались [или развивались], то – поднимайтесь [или пробуждайтесь и развивайтесь]. Верующих, а также обладателей знаний Аллах поднимает на уровни. Он осведомлен обо всем, что вы делаете» (сура 58, аят 11).

В книге «Сахих» имама Муслима приводится хадис: «Кто последовал по пути ищущего знания, Аллах облегчит ему путь в Рай».

Еще один хадис из сборника Муслима: «Когда человек умирает, (все) его дела прекращаются за исключением трёх: непрерывной милостыни (садакат уль-джария), знания, которым могут пользоваться (другие люди), или праведного ребенка, который станет обращаться к Аллаху с мольбами за него». Поистине, посланник сделал пленникам Бадра выкупом за самих себя обучение десяти из мусульман чтению и письму. Обучение в исламе – это основополагающая роль в полноценной подготовке человека, где принимается в расчет процесс внимательного направления на способности личности и его рост, потому, что оно черпает основное обучение из Корана и Сунны, и они поэтому обладают вечными основами в силу вечности Благородного Корана. Вобрало в себя наследие исламского воспитания отборных воспитателей-наставников. Известнейшие из них: Ибн Сахнун известный по своей книге «Этикет учителей», а также Имам Аль-Газали, который стал известен по своей книге «Возрождение религиозных наук», которая, кстати, переведена на русский язык, а также Ибн Джама', написавший книги о воспитании, из них: «Этика учителя и ученика» и Ибн Халдун, выделившийся взглядами на воспитание. И они подтвердили о важности исламского воспитания. И когда возьмет себе на вооружение человек знание, воспитание и высокую нравственность, это удержит его от отклонения, разложения, погибели и зол, которым нет конца. И поэтому обязательна концентрация на важности исламского воспитания, и достижении его целей, вместе с необходимостью соблюдения основ веры и исламских норм для создания сильных личностей, крепкой веры и уверенности в себе. До тех пор, пока человек не будет в состоянии различать истину от ложного, полезного от наносящего вред, хорошего от плохого, возвысить дух над всем злом и над всем отвратительным. И так становится ясным, что исламское воспитание включает в себя много граней и оберегает от пути зла, и ведет к нравственности и добродетелям, которые главенствуют в отношениях между людьми, к этике в поведении, к высокому стремлению к верности, к терпению, любви к другим и честности.

Поистине, исламская религия в целом основывается на легкости и отвергании стесненности, или затруднительности, начиная от вероубеждения и заканчивая самыми мелкими нормами и поклонениями, в той форме, которая находится в согласии с человеческой природой и которая воспринимаема человеческой душой без стесненности и навязчивости. И это то, на что указывает Аллах Всевышний в многочисленных местах в своей книге. Из них, слова Всевышнего: «И не сделали Мы вам в религии затруднения» (сура Хадж, аят 78), и слова: «Желает вам Аллах облегчения и не желает вам затруднения» (сура «Аль-Бакара», 185 аят), а также слова: «Аллах желает вам облегчения, ведь человек создан слабым» (сура «Женщины», 28 аят).

ХУСАИНОВА А.Х.
(Россия, г.Уфа)

ФИЛОСОФИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

«Человек стал проблемой для человека», – писал в эпоху средневековья известный философ и поэт Абу Хайян аль-Таухиди. Проблема человека действительно является одной из приоритетных в различных исследованиях, не становясь монополией ни одного типа мировоззрения: мифологического, религиозного, философского и т.д. Ни философии, ни этике, ни психологии, ни другим – не удалось дать точного ответа на вопрос «Что есть человек?», снять покров таинственности с этого микрокосма. С определением самого понятия «человек» как высшей ступени живых организмов на Земле, выяснением его религиозной, культурной, субстанциональной сущности связано решение многих проблем современности. Диоген, который искал этот микрокосм при помощи своего фонаря, дал лучший ответ на сократовское «Познай самого себя»: «познание человеком себя – непрерывный поиск, никогда не достигающий окончательного результата». Этот поиск никогда не бывает свободным от ограничений и некоторых «помех», так как ни в один момент своего существования, своей экзистенции человек не является tabula rasa – «чистой доской», ибо находится в состоянии постоянного поиска самого себя.

Экзистенция (лат. exsistentia − существование), или философия существования, интересовала лучшие умы на протяжении всей истории развития человечества. Очевидно, экзистенциальная философия была всегда, так как всегда находились философы, которые вкладывали в свою философию себя, то есть познающего как существующего, например, Бл. Августин, Паскаль, Шопенгауэр и др. У всех подлинных философов был этот элемент, «даже у Гегеля, ибо

философствует и познает конкретный человек, а не гносеологический субъект, не отвлеченный универсальный дух. Отсюда, экзистенциальным философом является тот, у кого мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы»[1].

Философия существования рассматривает человека как уникальное духовное существо, способное к выбору собственной судьбы. Экзистенция трактуется как противоположность эссенции (сущности): если судьба вещей и животных предопределена, т.е. они обладают сущностью прежде существования, что человек обретает свою сущность в существовании. Основным проявлением экзистенции является свобода, которая подразумевает тревогу за результат своего выбора. Человек несет ответственность за совершенное действие, и не может делать посыл на обстоятельства за содеянные ошибки. Таким образом, человек представляется как строящий себя «проект». Чтобы осознать себя как экзистенцию, человек должен оказаться в пограничной ситуации, например, перед лицом смерти, в результате мир становится для него очень близким; истинным способом познания, способом проникновения в мир экзистенции является интуиция, или экзистенциальный опыт.

Особое место в арабо-мусульманской философии средних веков занимает экзистенциальный опыт и онтологическая теория предопределения свободы воли человека известного суфия аль-Хусейна Мансура ал-Халладжа (858–922), казненного за свои проповеди. В своих духовных исканиях он осмелился выдвинуть идею самообожествления – «Я–Бог» (ана-я-Хакк) и проповедовать мистическую любовь ко Всевышнему (мажабба, шик), конечная цель которой соединение с ним. Это единение с Богом аль-Халладж делает более откровенно, чем другие, и в последующей суфийской традиции его учение иногда именуется «единством созерцания», или «единством свидетельства»[2] (вахдат аш-шухуд). Единение с божественным в жизни суфия проходит три стадии: первый, «подготовительный» (тахзиб), состоит в строгом воздержании и раскаянии; второй, «очистительный» (хала') – в избавлении от человеческих атрибутов (Кистихлак ан-насутийа; фана ан аусаф ал-башарийа); наконец, третий – в соединении с Богом ('айн ал-джам) и полной утрате своего «я» (раф ал-анийа)[3].

В поэзии и экстатических высказываниях аль-Халладжа просматриваются элементы сурово порицаемого исламом учения о «воплощении» (хулул) и «соединении» (иттихад) с Богом. Однако философ имел в виду не только субстанциональное соединение божественной и человеческой природы (иттихад ал-лахуг би-н-насут), а «любовной», или «интенциональное» (Л. Массиньон). Соединение Бога и человека у аль-Халладжа осуществляется в любви. Бог и его

---

[1] *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: «Книга», 1995. С. 105.

[2] *Кирабаев Н.С.* Социальная философия мусульманского Востока (эпоха средневековья). М.: Изд-во УДН, 1987. С. 76.

[3] *Крачковский И.Ю.* Рассказ современника об аль-Халладже. ЗВОРАО, 1911–1912. С. 153.

дух (рух) «нисходит» в вожделеющую душу мистика и тогда его слова и поступки определяются божественным изволением, как бы отождествляясь. Бог «созерцает», или «свидетельствует», самого себя в сердце (сирр, калб) мистика. Описывая этот процесс, философ говорил: «Мы – два духа, воплотившиеся в одном теле». Мыслитель полагал, что единение с Богом не «разрушает» и не «вытесняет» личность, а, наоборот, «совершенствует» и «освящает» ее. И мистик, не утрачивая своих качеств, становится живым «свидетелем» Бога, его человеческой ипостасью в материальном мире.

В ходе духовных исканий аль-Халладж приходит к выводу, что «истинная любовь» к Богу требует от человека страданий, принесения ей в жертву своего «я», дабы избавиться от последней преграды, отделяющей «влюбленного» от «возлюбленного». Этим объясняется «мессионерское» (ал-махди) поведение философа – его «жажда» страданий, противоестественное стремление к насильственному уходу из жизни.

Значение воззрений аль-Халладжа в истории суфизма заключается в том, что он одним из первых осмелился выступить с публичной проповедью суфийского «знания», бывшего до него уделом лишь избранных. Его учение окончательно разделило суфизм на два ранее только намечавшихся направления: «умеренное», сторонники которого были более склонны к аскетизму, чем собственно к мистическому переживанию и экстазу, и «крайнее», проповедовавшее мистицизм и выработавшее собственную психологию, этику и миросозерцание. Сам философ был выразителем точки зрения второго направления.

Последующие поколения суфиев признали аль-Халладжа истинным «святым» (вали) и тем самым поставили под сомнение правомерность его казни. Поначалу халладжитами (аль-халладжийа) называли школы, воззрения которых можно было истолковывать как «воплощение» (хулул) и «соединение» (иттихад) с Богом. В дальнейшем этим термином стали обозначать тех богословов, которые признавали «святость» аль-Халладжа и полагали, что он не мог нести ответственность за свои поступки. Среди халладжитов знаменитые философы всех времен и народов аль-Газали и Ибн Араби, разрабатывающие в дальнейшем гносеологическо-теоретическую и мистико-пантеистическую аспекты суфизма.

Вслед за аль-Халладжом, провозгласившим «Я – Бог», экзистенциалисты Запада XX столетия выдвигают формулу «Я – центр всего Универсума» (М. де Унамуно)[1], и главная проблема экзистенциализма – положение личности в мире. Философия существования представляется как экзистенциальный опыт у Марселя, понимание – у Хайдеггера, экзистенциальное озарение – у Ясперса.

В исламских странах в 40–60-е гг. XX века экзистенциальная философия связана с именем египетского философа Абд ар-Рахман Бадави (1906–1973).

[1] *Унамуно М.* О трагическом чувстве жизни у людей и народов (Пер. с исп. // «Философские науки», 1991. № 10. С. 121.

Середина XX века Арабский Восток характеризуется как время брожения умов: это деятельность «Братьев-мусульман», рост влияния идей социализма, события в Палестине, освободительная революция в Египте в 1952 году, война в Израиле – в 1967; это и упование на научно-техническое развитие, на освобождение арабских территорий, надежды на рождение свободного человека, независимой личности и т.п.; это крушение основ традиционной веры и культуры, упование на помощь западной культуры, которое завершилось разочарованием. В это время некоторые подданные арабских стран пытались найти в экзистенциализме адекватное выражение своему настроению тревоги, растерянности, заброшенности и т.д. В этой ситуации перед лицом угрозы человек должен был проявить себя как личность, ибо он либо сдавался, предавал себя, либо становился героем. Становясь победителем, преодолевая себя внутренне, проявляя стойкость, человек обретал внутреннюю свободу[1].

Известно, что Бадави опубликовал свои первые работы, провозглашавшие идеи гуманизма еще в монархическом Египте, в котором господствовала официальная религиозная идеология, весьма далекая от свободомыслия. Тема свободы: свободы воли, свободы выбора, которая традиционно рассматривается в арабской философии средних веков. Экзистенциалист понимает, что сплошь и рядом происходит именно такого рода выбор, когда человек взвешивает при решении все доводы за и против, при этом он иногда делает выбор спонтанно, как бы независимо от предшествующих рассуждений, рациональных установок, преднамеренных соображений и т.п. Наиболее острое восприятие существования достигается в состоянии напряженности, которая наряду со страданием образует и влияет на всю структуру человеческого бытия. В напряженном состоянии субъект сильнее чувствует свою индивидуальность и свободу, выражающую суть его существа. Высшую степень напряжения человек переживает перед лицом смерти, ибо осознание смерти, по Бадави, есть и осознание своей личности, ибо смерть является существеннейшим элементом свободы – свободы расставания с жизнью.

Философ считал, что состояние напряженности порождает творческую активность, которая выявляет призвание человека-бунтаря, поэтому для поддержания жизнедеятельности человека и общества необходимо поддерживать постоянное состояние тревоги, которое исчезает в ситуации безопасности. Как известно, экзистенциальные взгляды Бадави неоднозначно были восприняты в арабском мире и в самом Египте.

В дальнейшем видным последователем идей философии экзистенциализма стал ливанский философ Рене Хабаши (1939 г.р.), который рассматривал переживаемое им время как абсурд. И продолжая тему гармоничного общества, он вместе с ней поднимает и другую обсуждаемую в те годы проблему соотноше-

[1] *Сагадеев В.В.* Абд ар-Рахман Бадави и экзистенциализм в арабских странах // В кн.: Современная философская мысль стран Востока. М.: «Наука», 1965. С. 87–109.

ния религии и философии, тему ближневосточной и западной культур. Поэтому синтез философии, созданной аль-Кинди, аль-Фараби, Ибн Синой, Ибн Рушдом, исламскими теологами и философии экзистенциализма является весьма актуальной. По его мнению, необходим «позитивный нейтралитет» в отношениях между Арабским Востоком и Западом, который представляет острейшую проблему в современную эпоху – таков основной мотив философии экзистенциализма Хабаши.

Таким образом, во все времена философия выполняет двоякую функцию: первая – это критическая, другая – возврат к истокам, или к проблеме существования, или экзистенции всего сущего[1]. Социально-экономические катаклизмы современного мира, морально-этические изменения в социуме, коллизии и парадоксы человека все более актуализируют проблему существования, решение которого не может мыслиться в отрыве от широкого контекста в мировой философии в целом, в том числе и философии экзистенциализма Арабского Востока, у истоков которой были и остаются великие мыслители на все времена.

ХУЖАХМЕТОВ А.О.
(Россия, г. Уфа)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ БАШКИРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ: З. РАСУЛЕВ И Р. ФАХРЕТДИНОВ

Конец XIX – начало XX веков – эпоха коренных перемен в судьбе народов России. Переход на новую формационную ступень, ломка материальных основ общества, убыстрение темпов прогресса сильно повлияли на ход исторического процесса в стране. Революция 1917 года, Гражданская война и возрождение страны в новом облике – Советского Союза явились результатами эпохи.

Зайнулла Расулев логически закончил и закрепил то (скоординировал и аккумулировал), что было начато такими общественными деятелями, как Харис и Харрас Биктимировы, Хуснутдин Жданов, Гали Сокрой и др. Его труды – зеркало духовной, религиозной идеологической борьбы, длившейся столетие, борьбы между ортодоксальными (кадимизм) и новометодными (джадидизм) идеями. Мы согласны с мнением исследователя И.Р. Насырова, который пишет: «Заслуга шейха аш-Шарипи состоит в том, что он сумел направить энергию мусульманской интеллигенции в русло прогрессивных реформ, избегая крайностей, имевших место в кругах «джадидистов»[2].

[1] *Хусаинова А.Х.* (в соавторстве). Духовная экзистенция человека в православии и исламе. Уфа, Изд-во БГПУ, 2010. С. 110.

[2] *Насыров И.Р.* Великое видится на расстоянии (Духовное наследие шейха Зайнуллы Расулева). http://islamdag.ru/lichnosti/2253

После выпуска главного трактата, в 1908 году выходит на свет сборник «Макалат «Зайнийа» (Статьи шейха Зайн Аллах ибн Хабиб Аллаха ар-Расули ан-Накшбанди (Зейнуллы-ишана Расулева), мушрифа (духовного главы) г. Троицка). В статьях, вошедших в сборник, автор полемизирует не только с критиками «суфизма», сторонниками первоначального ислама (Ибн-Ханбал, Ибн-Таймийа, Ибн Абд ал-Ваххаб), но и с радикалами в лице поэта Абу ал-Ала ал-Ма′арри. В статье «О способе произношения букв арабского алфавита» шейх подтверждает, что: «[Суфийские шейхи] неукоснительно придерживаются шариата (мусульманского закона) в соответствии с Сунной (сунна, пример жизни пророка Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина), отказываются от вредных нововведений (бид′а) ... и при общении и дружбе с [единоверцами] соблюдают условие общаться только с мусульманами из «ахл ас-сунна ва ал-джама′а» (суннитами)[1].

На первый взгляд, З. Расулев дискутирует с оппонентами на сугубо религиозные темы. Однако, по нашему мнению, тематика дискуссий выходит за рамки сугубо религиозных вопросов. Например, что пишет шейх об Ибн Таймийа: «В книге Мифтах ас-са′ада» (Ключ к счастью) упомянуто, что Ибн Таймийа стал причиной заключения в тюрьму шейха Армави, а также причиной снятия с должности всех своих сторонников, заставив их пропагандировать свои взгляды на доказательство природы Бога»[2]. То есть, автор осуждает средневекового ученого за то, что он в угоду своего учения не приносит пользы для общества, а наоборот, наносит вред своим же сторонникам, являющимися ценными кадрами.

Изучение биографии и деятельности великого шейха в рамках идеологической борьбы мы условно подразделяем на 4 этапа.

Первый этап – прижизненный, до 1917 года. Период характеризуется открытостью и возрастающей заинтересованностью З. Расулевым и его школой.

Второй этап – советский период (1920–1990). На данный период приходятся замалчивание, завуалированность темы жизни и творческого наследия великого шейха, обусловленные диктатом общей коммунистической идеологии нетерпимости к религиям и религиозным деятелям.

Третий этап – постсоветский, 1990-е гг. С обретением суверенитета начинается эпоха возвращения к корням, изучение ранее закрытых тем. В том числе идет регенерация, возврат духовных традиций, и, конечно, исламских ценностей в общество.

Четвертый этап – современный, 2000-е гг. Каждые 5 лет начинают проводить международный симпозиум, посвященный проблемам ислама в регионе и совместно – Расулевские чтения.

---

[1] Шейх *Зайнулла Расулев* / пер. с араб.; сост., коммент и пер. И.Р. Насырова. Уфа: Китап, 2008. 240 с.

[2] Там же.

Перед Р. Фахретдиновым, как мыслителем и теологом-философом стояла задача в «Салиме» воссоздать образ просвещенного молодого человека-мусульманина без отнесения его к какой-либо национальности, космополита по воспитанию и образованию. У Фахретдинова, взявшего на вооружение идею «булгарской идентичности»[1], начало пути молодого шакирда в сюжете лежит с города Казани – он в тексте представлен как центр просвещенного мусульманского мира, столицей образованных и энергичных, предприимчивых представителей из числа правоверных. Казань, символ и наследница древнего Булгара, географически расположена между Европой и Азией, соединяя в себе положительные стороны и той, и другой цивилизационной парадигмы. Путешествие юноша предполагает совершить по реке Идель на пароходе. Выбор времени года – начала лета символизирует начало зрелой жизни шакирда. Жизнь у него складывается удачно: он красив, хорошо сложен, воспитан, образован, впереди его ждет стабильная карьера, он не беден. Название парохода – «Государь» выбрано также не случайно, объясняя верноподданнические настроения юноши и общества. Его друзья – влиятельные буржуа, сыновья казанских баев, под стать самому герою: идеальны во всем. Так создается схема, лежавшая в основе гармоничной личности мужчины: религия, несшая свет образования и воспитания, нравственности (ислам) – верноподданнические чувства в отношении царя, гаранта миропорядка и закона (самодержавие) – родные и близкие, друзья героя, общество (народ). В произведении изначально не предусматривается конфликт. Ведь любой конфликт: и внешний, и внутренний вреден. Ислам, самодержавие и народ между собой не должны конфликтовать, так как это приведет лишь разрушению целостной системы, нарушит эволюционное развитие страны и народа, породит хаос. Даже личность, а тем более герой повести, не может допустить хоть толику сомнения в незыблемости этих столпов идеологии, так как это залог гармонии, успеха и самоутверждения, без них к разрушению самой личности один шаг. Герой перед друзьями, мусульманами, пришедшими его проводить в путь, выступает с длинной речью, о важности знания языков, о готовности совершенствовать свое образование, о предназначении, о миссионерской функции каждого из них. Это не похоже на речь юного героя, который вместо того, чтобы за полтора часа до парохода мило попить чаю и тепло попрощаться, выдает такую тираду. Конечно же, эта лекция самого автора, использующего образ как транслятор своих идей.

Указание года также не случайно – 1898 год – год экономического и промышленного подъема в стране, вызванного реформами Витте. Развивается отечественная наука, делаются открытия в области точных и естественных наук, совершаются географические экспедиции, появляется новое направление

[1] *Аллен Дж. Ф.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. с английского. Казань: РИУ, 2008.

в науке – востоковедение. Когда Россия становится активным игроком внешнеполитического поля. Она определяет свои геополитические интересы на Востоке: в Китае, Иране, Турции, Афганистане (откуда близко и до британской колонии – Индии). Как следствие и среди мусульманской интеллигенции начинают подогреваться панисламистские тенденции, их преимущество, миссионерская обязанность перед муслимами мира. Р. Фахретдинов, общавшийся с Аль-Афгани, одним из идеологов панисламизма и считавший его своим духовным учителем, понимает, что «европейские государства хотели бы использовать мусульман Востока лишь как дешевую рабочую силу и в целях оправдания своей колонизаторской политики раздувают жупел панисламизма»[1]. Шакирд проливает слезы – слезы счастья от понимания и готовности следовать его идеям друзьями и обществом. Читатель должен принять лекцию героя как истину последней инстанции и следовать алгоритму развития его судьбы.

В повестях Риза Фахретдинов не замыкает художественный мир, он открыт для читателя, он может сам попробовать ответить на вопросы, поставленные в диалогах и монологах. Повесть, как и страницы публицистического издания, открыта для дискуссии, размышления, диалога с читателем. Из-за генеральной идеи, касающейся судьбы женщин, автор жертвует своим героем, он обезличивает его, оставляет его без имени, выводя на заголовок имя девушки. Вынуждает юношу восхищаться не только красотой Салимы, но и ее умом и высоким уровнем воспитания. Заставляет мужчину-мусульманина, суннита своей эпохи выслушивать и соглашаться с идеями женщины, шиитки, что было уже чем-то новым явлением в патриархальном обществе, где роль женщины не выходила за рамки дозволенного мужчиной, более всего в татарском сообществе, где исламские нормы, диктуемые средневековыми толкованиями ислама были в силе. Менее в башкирском сообществе, в котором женщина оставалась в какой-то мере свободной.

Р. Фахретдинов известен как религиозный мыслитель, писатель и общественный деятель конца XIX–начала XX в., много лет проработавший в системе Духовного управления мусульман, верного оружия в руках российской имперской политики. Р. Фахретдинов предлагает своеобразную философию, развивающую имперскую идеологию, ориентированную на Восток. Он органично соединил в своей философии все бытующие в мусульманском мире идеи: суфизма, булгарской идентичности, Просвещения, панисламизма и джадидизма. Его идеей-фикс было создание близкого к идеалу общества просвещенных мусульман с имперским мышлением и верой в силу закона и государственного порядка. «Мысли Фахретдинова в отношении закона являются своего рода гимном Закону и Духу законности, в них он видит один из гарантов дальнейшего

[1] *Баишев Ф.Н.* Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. С. 54.

развития…»[1]. Лишь будучи по-настоящему образованными, воспитанными в религиозном духе ислама и верные тому государственному порядку и закону, которые обеспечат им стабильное развитие, мусульмане могут объединиться в союз – созданный на фундаменте мира и согласия. Кровь и войну, и геройство на войне он считал позорным делом, заменяя его понятием «нравственного героизма». И этот союз, религиозная и культурная доминанта должны исходить от мусульман Урало-Поволжья – «булгар» (башкир и татар). Что именно они, «булгары», применив дипломатию «мягкой силы», в будущем раздвинут границы. Для этого и мусульмане России, и в целом, российская государственная система должны быть достойны этого союза – должны путем реформ добиться экономического, правового, образовательного, нравственного преимущества. Чтобы мусульмане юга, признав это преимущество, мирным путем устремились к этой системе, к этому государству. Философ жаждал быстрого переформатирования общества, где уже не будет места ни социальной несправедливости, ни нарушению закона, ни неволи личности. Где будут равноправные условия для каждого народа. Лишь свободная образованная личность, будь то мужчина или женщина, может стремиться к созданию идеального правового поля для бытия качественно нового общества. То есть философия Р. Фахретдинова не диктует развитие нравственности ради самой нравственности, образования ради самого образования и т.д. Он прогнозирует реальные выгоды от создания единого мусульманского мира под руководством России. А для этого необходимо наличие гармоничного счастливого государства, в котором будет построено подлинно гражданское общество, где есть распределение власти на законодательную, исполнительную и судебную, и где перед законом будут все равны. Р. Фахретдинов в «Салиме или Целомудрии» с одной стороны, критикует то состояние сна мусульманского мира Урало-Поволжья, с другой повесть можно рассматривать как попытку создания алгоритма того идеального «булгарского» общества, в котором возможны и одобряются браки между суннитом и шиитской.

Таким образом, у истоков башкирской прозы стояли прогрессивные мусульманские лидеры, чем и определен религиозно-дидактический характер их произведений. Религиозная идеологическая борьба между ортодоксальными (кадимистами) и новометодными (джадидистами) идеями. Творчество З. Расулева и Р. Фахретдинова способствовало тому, что они стремились направить энергию мусульманской интеллигенции в русло прогрессивных реформ, избегая крайностей. Им удалось создать посредством своей деятельности биоинформационное поле Урало-Поволжья, которое способствовало мусульманским народам региона интеллектуальную элиту.

---

[1] *Баишев Ф.Н.* Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. С. 89.

ШАБЫКОВ В.И.
(Россия, г. Йошкар-Ола)

МЕСТО РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ)

Материалы социологического исследования 2011 года свидетельствуют о том, что более половины жителей Республики Марий Эл (примерно 62%) были склонны считать, что в России не должно быть государственной религии, что за каждым народом и человеком должно быть признано право свободного вероисповедания. Противники государственной религии в многонациональной стране среди русских составляли 68%, марийцев – 52,2%, татар – 70,7% (табл. 1). Только 8% респондентов считали, что в стране должна быть одна официально признанная (государственная) религия. Самое большое число сторонников такой точки зрения оказалось среди марийцев – 10,9%; они же в большей мере затруднились с ответом на поставленный вопрос – 23,8%.

Таблица 1

Место религии в жизни страны (2011) в зависимости от национальной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Оценка места религии в жизни страны	Национальность			
	Русские	Мари	Татары	Другие
В стране должна быть одна официально признанная (государственная) религия	6,7	10,9	4,3	6,5
В стране (в особенности, многонациональной) не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания	68,0	52,2	70,7	80,4
Следует запретить распространение любых религиозных воззрений зарубежными миссионерами	4,9	5,0	1,1	2,2
Страна должна быть свободной от религии	6,5	7,1	6,5	2,2
Затрудняюсь ответить	12,5	23,8	16,3	6,5
Не ответили	1,4	1,0	1,1	2,2

6,1% опрошенных в 2011 году к наиболее опасным для современной России явлениям причислили политизацию религии. На вопрос о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании, примерно половина респондентов (44,7% русских, 57,4% марийцев, 51,1% татар) затруднилась с ответом, что свидетельствует о глубоких сомнениях респондентов в возможности (целесообразности) религии участвовать в идеологической жизни государства (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании (2011), в зависимости от их национальной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Национальность			
	Русские	Мари	Татары	Другие
Да	24,1	23,4	27,2	34,8
Нет	29,2	18,0	20,7	21,7
Затрудняюсь ответить	44,7	57,4	51,1	41,3
Не ответили	2,0	1,2	1,0	2,2

Наибольший процент затруднившихся с ответом обнаружен среди жителей поселков городского типа – 61,8% (табл. 3). Достаточно большой процент затруднившихся с ответом оказался и среди респондентов, причисляющих себя к верующим и, казалось бы, уверенных в больших возможностях божественной силы (48,5%) (табл. 4); наибольшее число их среди двоеверцев (православие и марийская традиционная вера) – 63% (по многим позициям религиозного сознания – это наиболее скептический слой верующего населения) (табл. 5).

Таблица 3

Мнение респондентов о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании (2011), в зависимости от их места жительства (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Место жительства		
	Город	ПГТ	Село
Да	27,7	24,1	19,8
Нет	31,7	14,1	16,3
Затрудняюсь ответить	38,7	61,8	62,0
Не ответили	1,9	0,0	1,9

Таблица 4

Мнение респондентов о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании (2011), в зависимости от их отношения к вере принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Отношение к вере			
	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Затруднились ответить
Да	29,9	7,9	8,0	15,5
Нет	20,3	38,2	36,1	15,7
Затрудняюсь ответить	48,5	53,1	53,9	62,3
Не ответили	1,3	0,8	2,0	6,5

При сравнении утвердительных ответов, полученных от различных цензовых групп, на вопрос о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании, обнаруживается следующее: наибольшая численность респондентов с таким ответом среди других (помимо русских, мари и татар) национальностей – 34,8%, верующих – 29,9%, горожан – 27,7%, татар – 27,2%. Среди верующего населения наибольшее число ответивших «да» среди православных и мусульман (по 32,8%).

Таблица 5

Мнение респондентов о том, может ли религия заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании (2011), в зависимости от их конфессиональной принадлежности (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Конфессия				
	Православие	Двоеверие (православие и марийская традиционная вера)	Марийская традиционная вера	Ислам	Другая
Да	32,8	20,7	13,7	32,8	6,8
Нет	23,1	15,6	19,5	25,2	29,4
Затрудняюсь ответить	42,8	63,0	56,8	40,6	62,1
Не ответили	1,3	0,0	0,0	1,4	1,7

Сравнение отрицательных ответов на данный же вопрос позволяет сделать вывод о том, что наибольшая численность таковых среди колеблющихся между верой и безверием – 36,1% (для сравнения: среди верующих – 20,3%, неверующих – 36,1%), горожан – 31,7% (среди жителей села – 20,7%), русских – 29,2% (марийцев – 18%, татар – 20,7%). В разрезе верующего населения представлена следующая численность респондентов, считающих, что религия может заполнить идеологический вакуум, существующий в общественном сознании: православные – 23,1%, двоеверцы – 15,6%, приверженцы МТР – 19,5%, ислама – 25,2%, другой религии – 29,4%.

Религиозная миссия в жизни страны исследовалась нами на основе анализа ответов обучающейся молодежи на вопрос «Какую роль, по-вашему мнению, должны играть религиозные органы в духовной и общественной жизни страны?» (исследование 2012 года). Третья часть респондентов указала на то, что религиозные органы должны строго служить укреплению духовности и нравственности в обществе (32,8%); на второй позиции – мнение о том, что они

16 161842

должны быть направлены только на удовлетворение религиозных потребностей верующих (30,1%); на третьей – мысль о том, что они должны играть активную роль в общественно-политической жизни страны (19,3%).

И юноши, и девушки (девушки в несколько большей степени) отдают предпочтение социально-общественной ценности религии: соответственно 29,6% и 34,3% респондентов отметили, что религиозные институты должны строго служить укреплению духовности и нравственности в обществе, и соответственно 20,6% и 18,7% указали на необходимую активную роль религии в общественно-политической жизни страны. Замыкающих их роль только на удовлетворении религиозных потребностей самих верующих среди обучающихся юношей было 27,1%, девушек – 31,6%.

Таблица 6

Роль религиозных органов в духовной и общественной жизни страны в зависимости от уровня профессионального образования (2012) (в % от числа опрошенных)

Роль религиозных органов	Уровень ПО		
	ВО	СПО	НПО
Активную роль в общественно-политической жизни страны	12,3	28,1	25,5
Они должны быть направлены только на удовлетворение религиозных потребностей верующих	35,3	26,9	19,4
Должны строго служить укреплению духовности и нравственности в обществе	40,5	25,2	20,5
Другое	0,3	0,0	1,3
Затрудняюсь ответить	11,6	19,8	33,3

В наибольшей степени уверены в том, что религиозные структуры должны строго служить укреплению духовности и нравственности в обществе, студенты вузов (40,5%); в активной их роли в общественно-политической жизни страны – студенты учреждений СПО (28,1%) (табл. 6). Наиболее выраженными сторонниками ограничения роли религиозных объединений в обществе являются студенты вузов (35,3%).

При сохраняющейся во всех возрастных группах обучающейся молодежи довольно большой части респондентов, отстаивающих социально-общественную миссию религиозных органов, отмечается также и такая тенденция: чем старше молодые люди, тем ярче выражено у них желание ограничения роли религиозных органов внутренними проблемами верующих. К примеру, если в возрасте 18–20 лет такая позиция была характерна для 27,6% респондентов, то в возрасте 21–23 лет – уже 34,8%, то есть на 7,2% больше (табл. 7).

Таблица 7

Роль религиозных органов в духовной и общественной жизни страны в зависимости от возраста (2012) (в % от числа опрошенных)

Роль религиозных органов	18–20 лет	21–23 лет
Активную роль в общественно-политической жизни страны	21,6	13,2
Они должны быть направлены только на удовлетворение религиозных потребностей верующих	27,6	34,8
Должны строго служить укреплению духовности и нравственности в обществе	32,8	38,0
Другое	0,6	0,0
Затрудняюсь ответить	17,4	14,0

В понимании большого количества студентов вузов, с одной стороны, религиозные структуры должны служить укреплению духовности и нравственности в обществе (примерно 40%), с другой стороны, эти структуры должны заниматься исключительно удовлетворением религиозных потребностей верующих (более 35%).

ШАМАЕВ А.М.
(Россия, г. Казань)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИСЛАМА В РАЗВИТИИ ДУХОВНОСТИ ГОРСКИХ НАРОДОВ (VIII–XVIII ВВ.)

Северный Кавказ на протяжении всей своей истории формировался как полиэтничный и многоконфессиональный регион России, в который входило большое число территориально-национальных образований. В регионе уже к началу VIII века имелась некая политическая дробность, наложившая специфику и на материально-культурный быт горцев. Так, «если в некоторых районах (Дагестан, Осетия, Кабарда) уже существовали государственные образования, то Чечня и весь Западный Кавказ обходились еще родовым укладом»[1], что явилось существенным препятствием на пути исламизации региона, которое затянулось на целое столетие.

Пионерами в принятии исламской религии стали многочисленные народности Дагестана, представленные аварцами, агулами, лакцами, лезгинами, ритульцами, табасаранами, цахурами, кумыками. Это произошло в результате вторжения на территорию этого государственного образования арабских завоевателей, которые в 686 году захватили столицу Дагестана – город Дербент,

[1] *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. – № 5(43). Часть 1. С. 37.

переименовав его в «Баб ал-Джихад» («Ворота борьбы за веру»). В дальнейшем он превратился в центр исламизации всего Восточного и Северного Кавказа. Однако исламизация дагестанских народов имела свои особенности. Среди них первыми приняли ислам лакцы. По архивным источникам известно, что в XIII веке, когда еще ислам только стал проникать в регион, лакцев уже называли «гази» – «воители за веру». Об этом факте говорит появление в ауле Кумух (ныне Лакский район) первого мусульманского памятника – джума-мечети, датированного 779 годом[1].

Несмотря на то, что дагестанскому народу в IX веке удалось сбросить иго арабских завоевателей, исламизация продолжилась. «Известно, что в 913 году религию приняли лезгины, а затем к XII столетию она стала исповедоваться агулами, ритульцами, цахурами. Об этом говорят постройки мечетей в аулах Ихтек, Рича, Кара-Кюре»[2].

В XIV столетии произошло распространение ислама среди аварцев, самого многочисленного этноса Дагестана благодаря проповедям Хаджи-Удурата. Позже всех принимают религию горские общества: в 1435 г. – Караханское и Цунтинское, а в 1475 г. – Гидатлинское. Таким образом, к концу XIV миллениума завершилась исламизация всех дагестанских народов.

С принятием ислама у дагестанских народов начался расцвет культуры[3]. Стали возникать очаги образования. Известно, что уже в начале XVI столетия в ауле Обода Хунзахского района стало функционировать медресе под руководством муфтия Шаабана ибн Исмаила. Появились медресе и в аулах Кумух, Акуши, Эндери и др. Свидетельства тех лет повествуют об огромном желании дагестанцев обучать детей арабской грамоте. Для этого горцы нанимали грамотных муфтиев и платили им закят и вакуфы. Некоторые крупные мечети в аулах Кумухе, Хунзахе, Чохе, Кудали имели даже свои библиотеки[4].

Все это формировало классику исламской духовности и способствовало появлению наиболее почитаемого слоя мусульманских священнослужителей – эфенди. В их среде стала выделяться группа улемов (алимов), которые являлись учеными, полиглотами со знанием арабского, персидского, турецкого языков, корановедами. Они также считались поборниками традиций, нравственности и шариата. Авторитетность алимов упоминается в архивных источниках. В них отмечается, что «…алимы на любых мероприятиях находятся всегда на почетных местах, в случаях конфликтов их посылают в качестве депутатов или

---

[1] *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 2010. С. 16–21.

[2] *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. – № 5(43). Часть 1. С. 37.

[3] *Блейх Н.О.* Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе. Монография / North Carolina, 2015. С. 40.

[4] Материалы Рукописного Фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1 [Фондовая опись плановых работ сотрудников сектора истории востоковедения]. Д. 456. Л. 21.

третейских судей. Потому что считается, что эти люди блюстители морали и нравственности: кто поставит себя в глазах народа на хорошем счету, как в отношении своей нравственности, так и в отношении своих способностей и знаний, того называют алимом (ученым) и почитают его»[1].

Народная память сберегла имена некоторых наиболее авторитетных алимов: Абу Бекра Аймакинского, Дауда Акушинского, Мухаммеда Кудухского, Абдуллы Сугратлинского и др. Из их плеяды выделяется ученый-энциклопедист Дамадан Мугинский, или Дамадан-эфенди (1642–1708), выходец из аула Муги (Акушинский район). Он известен своими многочисленными научными трудами в области философии, математики, астрономии, медицины. Для медицинской науки он составил знаменитый до сей поры медицинский справочник «Дамадан», имевший широкое применение медиками Кавказа[2].

Подлинный расцвет мусульманской культуры в Дагестане произошел в XVIII столетии, когда создавалась письменность для аварцев, лакцев, кумыков, даргинцев на основе арабских иероглифов и производилось строительство мечетей. Среди всех республик Северного Кавказа Дагестан оказался наиболее задействованным арабо-мусульманской культурой.

В XV–XVI столетиях ислам стал распространяться и в Чечне, автохтонное население которой составляют вайнахи (ингуши и чеченцы). Проповедниками его являлись аварские и кумыкские крестьяне, нанимающиеся работниками в чеченские аулы. Хотя, по мнению кавказоведа А. Берже, «…до Шамиля чеченское духовенство не пользовалось большим авторитетом»[3]. В современное нам время чеченцы являются наиболее ревностными мусульманами на Северном Кавказе. И в этом состоит их отличительный менталитет.

Наиболее сложная ситуация с принятием исламской религии складывалась на Западном Кавказе, население которого состояло из адыго-абхазской группы (адыгейцы, черкесы, шапсуги, кабардинцы), в прошлом именуемых черкесами, а сегодня – адыгами и из тюркоязычных народов (балкарцы и карачаевцы), родственных волжско-камским булгарам. В VI миллениуме адыги исповедовали христианство, пришедшее к ним из Византии. Здесь существовали несколько епископств, принадлежавших Анапской митрополии Греческой православной церкви. Об этом факте можно судить по сохранившимся до настоящего времени православных храмов, находящихся в селах Нижняя Теберда и Коста Хетагуров (ныне Карачаевский район КЧР)[4].

---

[1] Материалы Рукописного Фонда ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 34/23 [Сведения по истории Дагестана до XVII в.]. Д. 550. Лл. 1–8.

[2] Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 476. Оп. 174 [Выписки из книг Алкадарского, Магомед-Тахира и Гузунова]. Л. 46 об.

[3] *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина, 1882, № 1. С. 162–175.

[4] *Блейх Н.О.* Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе. Монография / North Carolina, 2015. С. 45–46.

Однако христианство на Кавказе имело свои особенности. Во-первых, оно отличалось своей полной зависимостью от греческого, подчиняющегося Константинопольскому патриарху; во-вторых, все духовенство было также греческим и богослужение велось на незнакомом для горцев языке; в-третьих, в горных районах исповедовалось язычество. Все эти факторы в конечном результате привели к тому, что христианство постепенно стало терять своё влияние в северокавказском регионе. Исключение в этом плане составила только Осетия, ибо осетины (аланы), принадлежащие к иранской языковой группе, остались верны православию. Это было связано с тем, что данная религия внедрялась к ним посредством грузинских миссионеров на протяжении нескольких веков и в итоге к XII столетию в Осетии сформировалась самостоятельная церковь. При этом нужно заметить, что осетины раньше русских приняли христианство – в 914 году, и доселе в основе своей осетины остаются православными, хотя не чужды и сохранившимся у них языческим культам[1].

Официально считается, что временем проникновения ислама явились XVIII–XIV столетия, когда адыги попали под власть Золотой Орды и выплачивали ей дань. Сохранились мусульманский мавзолей в станице Усть-Джегутинской (Прикубанский район КЧР) и соборная мечеть в районе Пятигорья (г. Пятигорск).

С татарами генетически были связаны ногайцы (тюркская языковая семья) и потому ислам проник в их среду без особого труда.

Что касается Кабарды, то ислам проникает туда в XVI веке и окончательно укореняется в XVII столетии. В это же время на Северном Кавказе появляются туркмены (сейчас проживают в Ставропольском крае). Их стойбища также становятся очагами мусульманской культуры[2].

Укоренению ислама на Западном Кавказе немало поспособствовала политическая активность Османской Империи и Крымского ханства. После захвата генуэзских крепостей в Крыму и Черноморском побережье турки стали предпринимать меры по исламизации населения. Вскоре оставшаяся кое-где у адыгов христианская религия была истреблена «огнем и мечом» крымских ханов Девлет-Гирея и Хаз-Гирея. Те же, кто противился принятию ислама, целыми родами уходили в казачьи станицы, вливаясь в формирующееся сословие терского и кубанского казачеств.

В результате всех этих перипетий центром исламизации западной части Северокавказского региона в XVIII веке становится крепость Анапа (Краснодарский край), захваченная турками вплоть до 1829 года. Поэтому казиями и муллами у адыгов долгое время оставались турки и крымчане, назначаемые константинопольским муфтием. Однако усиленная исламизация не привела

[1] *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. – № 5(43). Часть 1. С. 37–40.

[2] *Блейх Н.О.* Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе. Монография / North Carolina, 2015. С. 40.

к окончательному порабощению адыгских народов османскими завоевателями. Этот факт зафиксирован свидетельством российского офицера, который отмечал, что «…кавказские племена, коих султан считал своими подданными, на деле таковыми не являлись; признавая его главою мусульман, они не платили податей и не ставили своих солдат. Турок, захвативших крепости, горцы терпели исключительно ради своей веры, но не допускали никакого их вмешательства в свои внутренние дела»[1].

Тюркоязычные народы, проживающие на Северном Кавказе, приняли ислам еще позже. Только к концу XVIII столетия произошла полная исламизация балкарцев и карачаевцев, таким образом, укрепив положение этой религии в крае и ее носителей – духовенство стало приравниваться к дворянскому сословию.

Что касается образования, то грамотных людей среди мусульман XVIII века было крайне мало (2 человека на 1000 могли читать Коран). По своей сопричастности к мазхабам (правовым школам) Кавказ разделился на две половины – ханафитский мазхаб, исповедующийся в республиках Северо-Западного и Центрального Кавказа, и шафиитский мазхаб, представленный областями Северо-Восточного Кавказа, что наложило свой отпечаток на дальнейшее духовное развитие горских народов.

Литература

1. *Алов А.А., Владимиров Н.Г.* Распространение ислама среди народов Северного Кавказа в VIII–XVIII веках // Религиоведение, 2013, № 5. С. 67–69.

2. Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина, 1882, № 1. С. 162–175.

3. *Блейх Н.О.* Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. – № 5(43). Часть 1. С. 37–40.

4. *Блейх Н.О.* Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе. Монография / North Carolina, 2015. 324 с.

5. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 2010. 321 с.

6. Материалы Рукописного Фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1 [Фондовая опись плановых работ сотрудников сектора истории востоковедения]. Д. 456. Л. 21.

7. Материалы Рукописного Фонда ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 34/23 [Сведения по истории Дагестана до XVII в.]. Д. 550. Лл. 1–16.

[1] Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2. Оп. 1 [Управление Кабардинским округом]. Д. 322. Л. 9–11.

16 171184

8. *Хачидогов Р.А.* Российская политика в области мусульманского образования конца XIX – начала XX веков на Северном Кавказе // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 5. Часть 1. 2015. – С. 67–72.

9. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 2. Оп. 1 [Управление Кабардинским округом]. Д. 322. Л. 9–11.

10. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 476. Оп. 174 [Выписки из книг Алкадарского, Магомед-Тахира и Гузунова]. Л. 46 об.

ЯКУПОВ М.Т.
(Россия, г. Уфа)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НОРМЫ ШАРИАТА В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из величайших заблуждений в истории человечества выступает уверенность в силе своего сознания. Начиная с позднего Средневековья в Европе начался процесс трансформации католической гносеологии в эмпиризм. Это означало, что люди потеряли веру во всесилие Всевышнего, и от мистически-трансцендентного познания мира перешли к формированию знаний на основе личного чувственного опыта. Восторжествовал тезис о преобладании чисто человеческого, разумного подхода ко всем сферам бытия.

Однако отказ от признания воли Всевышнего и начало поклонения своему сознанию закономерно породили процесс формирования мифов. Естественно, когда речь идет о мифологическом мировоззрении, то у обывателя, далекого от научной деятельности, возникают картины древнегреческих мифов или русских былин. Для подавляющегося большинства людей мифы – это увлекательные, эмоционально богатые и красочные повествования, не имеющих ничего общего с реальностью. Мифы существовали и существуют в сфере политики, культуры, экономики и религии[1]. В данной статье мы обращаемся к проблемам мифологии в исламе. Современный анализ знаний о шариате подтверждает наш тезис о том, что комплекс правовых норм мусульман вызывает массу мифологизированных знаний.

Например, шариат – это пришедший со времен средневекового варварства сборник жестких, или даже жестоких и антигуманных исламских законов, подавляющих волю личности. Таков величайший миф, продолжающий свое бытие в течение веков. Особенно сильно миф о «страшном шариате» распространился в начале XX века, когда в России в угоду политической целесообразности

[1] *Якупов М.Т., Нуриев Д.А.* Мифологические аспекты мусульманского вероучения: исламизм, исламский экстремизм и фатализм. Уфа: РИО РУМНЦ МО РБ, 2008. 120 с.

началось наступление атеистической идеологии. Причем миф о невежестве исламских священников – мулл, об античеловечности шариатских норм проник в среду татарской и башкирской интеллигенции, также увлеченных материалистическим мировоззрением.

Например, несколько поколений советских зрителей Волго-Уральского региона проникалось чертами материалистической идеологии, насмотревшись трагедии признанного драматурга татарского народа Мирхайдара Файзи «Галиябану». Это – классическая история о несчастной любви влюбленных молодых людей. Они не могут быть вместе, ибо красавицу Галиябану сватает богатый жених. Естественно, что бедные родители хотят насильно отдать ее замуж богатому, но нелюбимому человеку. В финале отвергнутый богач убивает Галиябану за то, что она не подчинилась родителям.

Итак, перед нами жертва исламского шариата, нормы которого полностью лишают невест права выбора: все они насильно отдаются замуж за тех, кто удовлетворяет требования родителей. Все мы, советские читатели, были уверены, что первая встреча жениха и невесты проходит после никаха, то есть совершения обряда бракосочетания, после которого иных вариантов, кроме того, как безропотно принять свою судьбу, просто нет.

Однако перевод шариата на русский язык и возможность ознакомления с его нормами представил совершенно иную картину. Возникла возможность доказать, что предыдущие наши знания представляли собой плод мифологизации в угоду атеизму. Например, мы просто были поражены, когда прочитав следующие строки норм шариата, регулирующих правила бракосочетания молодых людей.

Запретными в сфере бракосочетания являются:

«Выдавать девушку за пожилого, нечестивого.

Вопреки воле невесты выдавать ее замуж.

Без причины задерживать бракосочетание совершеннолетней девушки, если она согласна выйти за человека, засватавшего ее»[1].

Следующее произведение, содержащее миф о нормах Шариата в сфере семейно-брачных отношений – «Кара йөзләр» («Черноликие»), принадлежит перу также признанного башкирского драматурга Мажита Гафури. Драма содержит эмоциональное трагическое повествование о любви молодых людей. Кто-то из односельчан увидел, как влюбленные встречаются вечером. Это стало основой обвинений их в зине – прелюбодеянии. Девушку и молодого человека, связанными провели по улицам села, подвергая оскорблениям и унижению. Психика девушки такого испытания не выдержала – она лишилась разума.

Здесь, как и в первом случае, мы усматриваем принципиальное искажение норм шариата, цель которых – это формирование гармоничных и гуманных взаимоотношений в семье и умме. Любой мусульманин знает, что по шариату

[1] Основные положения шариата [ислам] [Интернет-ресурс] / Режим доступа. – http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1478

наказание за зину наступает за совершение супружеской измены, или вступление в интимные отношения до никаха. Однако, и это самое главное, ответственность наступает только при наличии четырех свидетельских показаний, данных в процессе судебного разбирательства. То есть, четыре мусульманина, достигшие совершеннолетия и обладающие физическими и умственными данными для дачи показаний, должны поклясться на Коране, что увидели совершение факта зины.

Данное уточнение, по нашему мнению, доказывает гуманность норм шариата в сфере семейно-брачных отношений. Дело в том, что исламский закон защищает семью от разрушительных для родителей и детей поступков – измены мужу или жены. Шариат, таким образом, путем страха наказания сдерживает животный нафс личности, заставляя ее сдерживать свои природные пережитки. Однако, любой здравомыслящий человек понимает, что без предварительной договоренности увидеть факт прелюбодеяния невозможно. То есть, в данном конкретном случае, шариат стремится не допускать безосновательные обвинения в зине, защищая интересы мужа и жены.

Печальная практика христианства такова, что отсутствие религиозно-юридических ограничений в странах Запада уже в средние века привело к полной свободе в сфере интимных отношений. Заповедь «Не прелюбодействуй!» была и осталась пустой декларацией христианства. Какие могут быть возражения против этого тезиса, если в католической Франции проституция (упаси Аллах нас от этого греха!) является официальной профессией. Нет необходимости доказывать, что именно отсутствие нравственности, подкрепляемой правовыми нормами, на сегодняшний день вызвало крах семьи западного общества.

По нашему мнению, предназначение шариата в этой и иной сферах одно – это обеспечение душевной и телесной чистоты, защита личности и уммы от следования за своим животным нафсом. Чистота же нам нужна для того, чтобы прийти к нашему Творцу достойно звания мусульманина и заслужить Его милость. В этом и есть величайшая функция ислама как монотеистической религии: готовить душу личности к встрече с Аллахом, и не оказаться в положении грешников. К тому же Шариат обеспечивает чистоту отношений в этом мире, исключая человека от совершений супружеской измены. Нет необходимости говорить о том, что преданность друг-другу есть основа духовного и телесного благополучия, гармонии в семье.

Гуманность шариата в этой сфере заключается в требовании четырех свидетелей, которые под присягой дадут показания о преступлении. Такое условие выступает гарантией предотвращения ложных свидетельств бессовестных людей, которые могут преследовать какие-то нечестные цели. Думается, что сюжет трагедии Мажита Гафури основан именно на показаниях таких людей, которые обычно из-за зависти готовы уничтожить чужое счастье и благополучие (Аллах им судья!).

Следующий аргумент, опровергающий миф о том, что семейная сфера мусульман согласно Шариату представляет собой диктатуру средневекового невежества и темноты – наличие практики помолвки. Согласно Шариату, помолвка – это представление мужчины и девушки друг другу, которые собираются жениться. Это является Сунной и совершается до акта бракосочетания (никаха). При помолвке определяется мнение девушки и ее попечителя: выясняется, согласна ли она выйти замуж за данного мужчину или нет. Как было указано выше, согласие обеих сторон обязательно в соответствии норм Шариата.

Таким образом, полностью отрицается миф о несчастной судьбе мусульманских невест и женихов, полностью лишенных возможности увидеть суженую или суженого до никаха. В действительности, ислам разрешает жениху и невесте видеться друг с другом с целью выбора спутника жизни. Естественно, что при этом должны быть выполнены некоторые правила шариата:

«а) мужчине разрешается смотреть на лицо и кисти рук девушки, которую он намерен взять в жены, так как лицо и руки раскрывают физиологические особенности: здоровье, красоту и т.д. Допускается наблюдать за ее поведением. Именно для этого пророк Аллаха повелел смотреть на свою избранницу;

б) разрешается разговаривать во время помолвки, т.е. выразить намерения обеих сторон (но без лишних, посторонних разговоров);

в) не разрешается пожимать невесте руку и обнимать ее до акта бракосочетания жениху;

г) не разрешается жениху с невестой оставаться в уединении»[1].

Таким образом, даже поверхностный анализ норм шариата в сфере семейно-брачных отношений позволяет разоблачить миф об антигуманной природе Шариата. Как раз наоборот, правовая основа ислама имеет единственное предназначение – это формирование гармоничных взаимоотношений между супругами. Шариат сдерживает наш природный нафс, направляет нашу сексуальную энергию на созидание полноценной семьи, воспитание здоровых душой и телом детей. Разве истинное счастье человека не в том, чтобы жить в гармонии, выполняя божественные нормы и вручая свою судьбу Всевышнему Аллаху? Ибо все, что кроме Творца – это ложь, обман и иллюзия.

Литература

1. Основные положения шариата [ислам] [Интернет-ресурс] / Режим доступа. – http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1478

2. *Якупов М.Т., Нуриев Д.А.* Мифологические аспекты мусульманского вероучения: исламизм, исламский экстремизм и фатализм. Уфа: РИО РУМНЦ МО РБ, 2008. 120 с.

[1] Основные положения шариата [ислам] [Интернет-ресурс] / Режим доступа. – http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1478

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЕРБОВКЕ В ТОТАЛИТАРНЫЕ СЕКТЫ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ»

АБДУЛЛАЕВ М.Х.
(Россия, г. Москва)

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ИСЛАМСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В условиях агрессивного распространения враждебных государственному устройству России радикально-исламистских идей на деятельности прессы отрицательно сказывается отсутствие целенаправленной стратегии контрпропаганды. Однако это не единственная беда в реализации информационной повестки СМИ, ориентированной на освещение проблематики религиозно-политического экстремизма. Мешают успешной деятельности журналистов и ошибочные подходы к отражению этой проблематики, определившие типичные недостатки многих публикаций[1].

Связаны эти недостатки, как правило, с незнанием журналистов, берущихся освещать религиозную или околорелигиозную проблематику, специфики основ и текущих процессов, связанных с конкретной религией. В данном случае речь идет об освещении представителями СМИ т.н. «исламской проблематикой», связанной, прежде всего, с негативными процессами религиозно-политического экстремизма и международного терроризма, последователи которых, прикрываясь исламом – мировой религией мира и добра – совершают преступления против человечества. Анализ огромного массива материалов массмедиа, проведенного в рамках работы над диссертационным исследованием автора данной статьи, привел к формированию перечня принципиальных ошибок, которые допускаются журналистами федеральных и региональных СМИ ввиду недостаточной профессиональной грамотности авторов и их поверхностной осведомленности о сути проблем, связанных с использованием ислама в преступных целях, его дискредитации. Увы, но зачастую СМИ и отдельные авторы вольно или невольно идут на поводу у этой практики, допуская следующие ошибки:

[1] *Абдуллаев М.Х.* Освещение религиозно-политического экстремизма в российской прессе в период с 2000 по 2015 г. (на примере общефедеральных и региональных газет Республики Дагестан): дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 – журналистика / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2017. С. 126.

1) неверная интерпретация религиозных терминов;

2) обращение к «языку вражды», а равно содействие формированию в обществе убеждений о «плохой», «чужой», «опасной» религии;

3) чрезмерная политизация ислама, сведение мусульманского вероучения к исключительно политическим целям;

4) увлечение привычными «штампами» о религии или религиозной группе (например, оперирование в текстах СМИ позициями типа «все террористы – мусульмане» и т.д.);

5) непрофессиональная реакция на неожиданные, нестандартные ситуации, когда СМИ начинают распространять недостоверную информацию, слухи, чьи-то домыслы, неподтвержденные факты и т.д. (т.н. «истерия в СМИ»);

6) отсутствие знаний или понимания о рамках дозволенного: свобода слова VS. недопустимость нарушения этических и правовых норм и др.

Все эти ошибки и проблемы, которые из них вытекают, как правило, становятся следствием либо редакционной небрежности, игнорирования СМИ вопросов этической ответственности, либо следствием отсутствия необходимых знаний, недостаточной профессиональной компетентности журналистов, берущихся за освещение столь непростой и противоречивой темы. Именно отсюда встает вопрос о т.н. «религиозной безграмотности» авторов, пишущих тем не менее о проблемах, к примеру, ислама, не имея при этом даже элементарных знаний об этом вероучении. Сами представители религиозных конфессий не раз заявляли, что религиозная безграмотность – это опасно:

«Низкий уровень религиозного просвещения ведет к тому, что СМИ из-за неверного понимания ситуации распространяют ложную информацию, а в народе культивируются религиозные фобии… Неправильное освещение таких тем, как, например, ситуация вокруг ИГИЛ – «бандитской группировки, не имеющей отношения к исламу», приводит к тому, что среди людей укореняется исламофобия»[1].

В результате мы сталкиваемся с ситуациями, когда журналисты, пытаясь отыскать истину (пусть и достаточно субъективную), руководствуются ложными знаниями, заблуждениями, ошибочными, но привычными «штампами», что в конце концов «выливается» в непрофессиональные тексты и, соответственно, в распространение недостоверной информации в массовой аудитории. В этой связи уместно упомянуть позицию известного отечественного теоретика журналистики Е.П. Прохорова, который утверждал, что «информационная политика средств массовой информации должна предполагать целеустремленную деятельность по созданию такой информационной модели действительности,

[1] Представители конфессий: религиозная безграмотность – это опасно // РИА Новости. 2014. 1 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/religion/20141001/1026429037.html, дата обращения: 05.09.2017.

которая позволяла бы массовой аудитории точно, глубоко, всесторонне ориентироваться в явлениях, процессах, тенденциях и закономерностях социальной жизни»[1].

Именно здесь мы становимся свидетелями того, что нехватка знаний, несоответствие профессиональной грамотности журналистов (причем, как правило, не по их собственной вине) требованиям времени и опаснейшей ситуации с восприятием мусульманской религией немусульманским сообществом вовлекает самих авторов СМИ в бесконечную «игру» с ложными понятиями и стереотипами. Журналист, пусть даже и пытающийся найти истину, идет по пути, усеянному заблуждениями и полюбившимися всем медийными клише, что он в итоге становится (вольно или невольно) источником массовой дезинформации, а порой и откровенной лжи.

Таким образом, журналист оказывается в плену заблуждений, даже не осознавая этого. Но в результате чего образовался этот «вакуум заблуждений»? Ответ очевиден: в результате нехватки знаний, отсутствия достоверных источников, некоторой закрытости даже официальных религиозных организаций для журналистского сообщества. Недостаточность профессиональных компетенций и актуализированных религиозных знаний, особенно в условиях «усиления влияния фундаментализма (во всех без исключения религиозных традициях), слияния религии с политикой, проникновения религиозных организаций в сферу крупного бизнеса и даже транснационального банковского капитала, влияния глобализационных процессов на модификацию религиозных доктрин, распространения универсальных и синкретических учений, захватывающих сотни миллионов людей»[2], порождает не только грубейшие ошибки в журналистских текстах, но и абсолютную неподготовленность современных авторов освещать сложные, глубокие религиозные темы, как, например, проблематику распространения религиозных экстремистских идеологий, основанных на ложной интерпретации исламских знаний.

Что же делать в этой ситуации? Как помочь журналистскому сообществу и изменить привычную практику СМИ, изобилующую порой крайне неприглядными, а порой даже опасными ошибками? Предложить можно следующее:

1. Периодическое проведение лекций и семинаров для сотрудников СМИ и постоянно пишущих на религиозную тематику авторов (причем посещение этих лекций хотя бы одним представителем от каждого СМИ, освещающим религиозную проблематику, необходимо сделать обязательным, но возникает вопрос: как?); проводить эти семинары нужно как на федеральном уровне, так и в регионах, хотя, конечно же, от нехватки знаний и ситуации на местах страдают

[1] *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 49.

[2] *Шевченко М.* Религиозная журналистика: типы, принципы и проблемы институционализации // Pravmir.ru. 2009. 21 нояб. [Электронный доступ]. Режим доступа: http://www.pravmir.ru/religioznaya-zhurnalistika-tipy-principy-i-problemy-institucionalizacii/, дата обращения: 05.09.2017.

именно журналисты центральных массмедиа. Проводить подобные лекции должны представители официального духовенства, которые не только качественно подготовлены по религиозной части, но и хорошо знакомы с актуальной практикой СМИ, знают «слабые» стороны и ошибки, которые наиболее часто допускаются журналистами.

2. Подготовка не просто ознакомительных брошюр, которые вводят потенциальную аудиторию в мир ислама и знакомят его с основами мусульманской религии, а именно выпуск тематических изданий, адресованных СМИ, журналистам, авторам, освещающим или пишущим медийные тексты по религиозной проблематике. Примеров таких изданий несколько: «Памятка журналисту по неоскорблению чувств верующих мусульман»[1], «ИГИЛ» – это не ислам[2] и некоторые другие. Но таких изданий крайне мало. Более того, даже о выпущенных и имеющихся в широком доступе подобного рода брошюрах мало кто знает, что говорит об отсутствии освещения в СМИ данных вопросов, а также о незаинтересованности самих журналистских сообществ просвещаться и работать над ошибками.

3. Создание консультативных органов при центральном и региональных российских муфтиятах для периодического рассмотрения:

а) текущей практики СМИ, связанной с всплеском агрессивной или недостоверной информации о религии или религиозной группе;

б) обращений журналистов или коллективов авторов с просьбой разъяснить спорные, вызывающие сомнения религиозные постулаты либо интерпретации тех или иных религиозных канонов, которыми апеллируют радикальные экстремистские группировки для вербовки молодежи или оправдания своей преступной деятельности.

4. Сделать регулярными и как можно частыми выступления в СМИ (прежде всего, в федеральных, которые почему-то не любят предоставлять площадки для публикаций представителей российских конфессий) авторитетных, уважаемых и зарекомендовавших себя как высококомпетентных религиозных деятелей не для проповедей, а для разъяснения широкой аудитории современных проблем, угроз и рисков, которые связаны с действиями террористических и экстремистских псевдоисламских группировок, в том числе и для самих мусульман; доведение до аудитории идеи о серьезной дискредитации ислама и недопустимости ассоциативных сравнений всех мусульман с террористами и убийцами; такая практика станет своеобразной просветительской миссой и для самих сотрудников СМИ, сталкивающихся с нехваткой религиозных знаний в каждодневной практике.

---

[1] Памятка журналисту по неоскорблению чувств верующих мусульман [Ред. совет: Совет муфтиев России]. – М.: Исламская книга, 2013.

[2] «ИГИЛ» – это не ислам! / Сборник материалов в помощь имамам и государственным служащим / Сост. Старостин А., отв. ред. А. Ашарин. – Екатеринбург: ЦРО «Духовное управление мусульман Свердловской области (Центральный муфтият)», 2015.

Литература

1. «ИГИЛ» – это не ислам! / Сборник материалов в помощь имамам и государственным служащим / Сост. Старостин А., отв. ред. А. Ашарин. Екатеринбург: ЦРО «Духовное управление мусульман Свердловской области (Центральный муфтият)», 2015.

2. *Абдуллаев М.Х.* Освещение религиозно-политического экстремизма в российской прессе в период с 2000 по 2015 г. (на примере общефедеральных и региональных газет Республики Дагестан): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 – журналистика / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2017.

3. Памятка журналисту по неоскорблению чувств верующих мусульман [Ред. совет: Совет муфтиев России]. М.: Исламская книга, 2013.

4. Представители конфессий: религиозная безграмотность – это опасно // РИА Новости. 2014. 1 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/religion/20141001/1026429037.html, дата обращения: 05.09.2017.

5. *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011.

6. *Шевченко М.* Религиозная журналистика: типы, принципы и проблемы институционализации // Pravmir.ru. 2009. 21 нояб. [Электронный доступ]. Режим доступа: http://www.pravmir.ru/religioznaya-zhurnalistika-tipy-principy-i-problemy-institucionalizacii/, дата обращения: 05.09.2017.

АМИНОВ И.Р.
(Россия, г. Уфа)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА

Как этнический, так и религиозный конфликт являются сложными, комплексными общественными явлениями. К числу факторов, способствующих возникновению и развитию конфликтов на религиозной и этнической почве можно отнести особенности исторического развития определенной территории, ее этнический и конфессиональный состав, культурные, психологические и прочие особенности, а также особенности правового регулирования отношений между различными слоями населения и социальными группами. Однако в целом целесообразно для исследования в рамках данной работы выделить особенности политических процессов, которые способствуют возникновению, развитию и течению этнических и религиозных конфликтов (политические факторы), а также те особенности правовой системы государства, способные оказать влияние на возникновение, развитие и течение этнических и религиозных конфликтов.

Политические факторы генезиса конфликтов являются наиболее распространенными. Так, широко известны конфликты между представителями иудейской и арабской общин на территории Ближнего Востока, этнополитические конфликты на Балканском полуострове, главным образом в границах бывшей Югославии, а также исторически в районе границы Турции и Греции, на острове Кипр и т.д. Все эти конфликты, помимо идеологической составляющей (идей превосходства, энозиса, реконкисты и т.д.) имеют ярко выраженную политическую составляющую. К примеру, конфликт на острове Кипр был спровоцирован в результате свержения греческого правительства 15 июля 1974 года и введении турецкого военного контингента на остров. При этом сами корни конфликта кроются не столько в сложных межконфессиональных отношениях между киприотами, сколько в отстаивании собственных национальных интересов конфликтующими странами и желании нарастить собственную территорию и влияние на геополитической карте региона. Тоже самое касается и большинства конфликтов прошлого и настоящего, которые на первый взгляд являются сугубо межэтническими и/или межконфессиональными.

Существенное влияние на политические процессы оказывает и экономическая конъюнктура. Ограниченность природных ресурсов и прочих факторов производства вынуждает субъектов конфликта к агрессивным действиям, внедрения в экономические факторы конфликта политических мотивов, фактическому оправданию агрессивных действий с точки зрения идеологии, этнического и религиозного фактора. Так, месторождения полезных ископаемых, зачастую на первый взгляд весьма опосредованно, являются предметом споров на международной арене, а выгодные проливы в мировой акватории могут стать причиной вооруженного конфликта. На подробную связь политики, права и экономики в контексте конфликтов указывают экономисты институциональной школы экономической науки[1]. На возникновение, развитие и течение конфликта, помимо экономики, могут оказать влияние также амбиции политических лидеров, протестные настроения в государстве, реваншизм и т.д.

Нельзя оставить без внимания и правовые факторы генезиса этнических и религиозных конфликтов. Правовые факторы являются следствием политической и экономической конъюнктуры и, следовательно, вбирают в себя основные тезисы политико-экономической обстановки в стране. Кроме вышеизложенного, можно отметить и особенности сложившегося культурного кода населения государства, совокупность обычаев как факторов, влияющих на правовую систему государства.

К примеру, представляется, что введение официальной религии в государстве повышает социальную напряженность, создает почву для этноконфесси-

[1] *Аджемоглу Д., Робинсон А.Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С. 55.

ональных конфликтов. Так, ст. 12 Конституции Исламской республики Иран предусматривает, что «официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка, признающий существование 12 имамов, и этот принцип навсегда останется неизменным. Другие исламские верования, в частности ханафитское, шафиитское, маликитское, ханбалитское и зейдитское пользуются полным уважением». Вместе с тем представители других верований имеют равные права и несут одинаковые обязанности с гражданами Ирана, исповедующими ислам джафаритского толка, за некоторыми изъятиями, предусмотренными законодательством. Иранские зороастрийцы, иудеи и христиане являются единственными религиозными меньшинствами, которые могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона и поступать в гражданских делах и в сфере религиозного воспитания согласно своему учению (ст. 13 Конституции ИРИ). Очевидно, что представители других религиозных конфессий поражены в своих правах. Схожим образом поступили власти Королевства Саудовской Аравии (ст. 7, 11-12 Основного низама (положения) Королевства Саудовской Аравии).

Другим примером может выступить протекционистская функция права, или как принято в теории права – охранительная. Данная функция, как известно, очерчивает рамки дозволенного поведения субъекта правоотношений и не позволяет ему оказать негативное воздействие на общественные отношения своим непослушанием определенной норме права. При помощи охранительных норм государства участники конфликтов как в исторической ретроспективе, так и в настоящее время, делают попытки пресечь посещение оккупированных территорий третьими лицами, которые совершают это в порядке, противоречащем специальной процедуре данного государства. Другими распространенными правовыми инструментами являются введение санкций, сегрегация, умаление в правах определенных категорий граждан в силу их неправомерного поведения по мотивам этнической либо национальной неприязни и т.д.

В целом, в отдельных правопорядках прошлого и настоящего можно найти целый ряд норм, сознательно ограничивающих доступ отдельных субъектов права к определенным благам. Данные нормы, носящие заведомо дискриминационный характер, подрывают социальную стабильность и становятся причиной зарождения, развития и течения конфликта. Естественно при этом, что практически все без исключения государства стараются не допускать существования чрезмерно дискриминационных норм права в своей правовой системе. В настоящее время трудно игнорировать общепризнанные принципы и нормы права, направленные на нивелирование межэтнических, межконфессиональных, межклассовых и иных разногласий. Именно по этой причине далеко не каждый конфликт может быть вызван к жизни нормами права конкретного государства, однако, всегда такой конфликт есть следствие экономической и политической конъюнктуры.

Другой пример в дополнение к вышесказанному иллюстрирует, что общность религиозных взглядов не всегда может служить фактором, нивелирующим остальные противоречия внутри государства между представителями титульной нации и национальными меньшинствами. Так, известны систематические преследования оппозиционных групп и фарсофицирование тюркского населения в Исламской республике Иран, главным образом в останах (административно-территориальных единицах ИРИ) Ардебиль, Западный и Восточный Азербайджан, Северный Хорасан и Голестан.

Безусловно, что политические процессы не могут протекать вне связи с правовой системой государства. Посредством правовых норм санкционируется должная модель поведения, выгодная правящей группе, а также декларируется определенная модель внешней политики. Право нельзя рассматривать в отрыве от политических процессов, и не в последнюю очередь, когда речь идет об этнических и религиозных конфликтах.

Не будет выглядеть преувеличенным утверждение о том, что этнические конфликты представляют международную глобальную социально-политическую и правовую проблему. На современном этапе зафиксирована эскалация этнических конфликтов в Восточноевропейском регионе и странах третьего мира, продолжаются межэтнические трения в Западной Европе. Этноконфликтный процесс затронул и США, где актуализируются этнорасовые проблемы. В этот период в науке начинают формироваться понятия и концепции «этнического возрождения» и «этнического парадокса современности», изучаются вопросы усиления роли национализма и националистических установок в массовом сознании современных людей.

АСАНБЕКОВ М.К.
(Республика Кыргызстан, г. Бишкек)

«УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМ» В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Существующее в науке разночтение того, что следует понимать под умеренным исламом, когда одни ученые подразумевают под ним часть радикального ислама, другие – часть ислама как религии, третьи – практику исповедания ислама отдельными народами, странами и регионами мира, само по себе требует уточнения предметной направленности этого понятия. Проведение понятийного анализа необходимо еще и потому, что ученые до сих пор не определились

в том, что включать в дефиницию умеренного ислама – только политическое поведение мусульманской религиозной организации или всю ее деятельность (общую позицию конкретного религиозного сообщества по организации общественной жизни в целом). И в такой ситуации, когда среди ученых нет единства ни по объектной и ни по предметной его направленности[1], невозможно обойтись без выведения объекта анализа, обозначаемого понятием «умеренный ислам», из среды. Это нужно для точного определения его границ. Во всех теоретических исследованиях такая задача решается путем разведения анализируемого понятия со схожими с ним терминами. Следовательно, точного определения объектной и предметной направленности понятия «умеренный ислам» мы можем достичь только тогда, когда четко обозначим, чем он отличается от «традиционного ислама», «радикального ислама» и «исламского экстремизма». Ведь все эти понятия так же, как и «умеренный ислам», являются выражением специфики деятельности или политической позиции мусульманских религиозных организаций.

На наш взгляд, процедуру понятийного анализа целесообразно начать с «радикального ислама», так как в науке его дефиниция считается достаточно хорошо разработанной. И действительно, знакомство с научной литературой, посвященной этому понятию (проблеме), и практикой использования его в публицистике позволяет довольно быстро высветить следующие устойчивые характеристики радикального ислама. Во-первых, радикальный ислам – и в науке, и в публицистике – рассматривается как общее название мусульманских религиозных организаций, придерживающихся враждебной позиции по отношению к другим идеологиям и религиям и выступающих за доминантное положение исламской религии в обществе, построение всемирного халифата и передачу государственной власти духовенству или установление над ней контроля духовенства. Всеми этими свойствами обладают не только широко распространившиеся по всему миру радикально настроенные мусульманские религиозные организации, но и государствообразующие мусульманские религиозные организации как шиитских, так и суннитских стран – теократий. При этом большинство ученых не соглашаются с высказываниями о том, что радикальность является характерной чертой самого ислама как религии, и требуют не отождествлять радикальный ислам с собственно исламом или исключительно с каким-либо из его направлений (суннизм, шиизм) и течений или толками[2]. По их мнению, для оправдания своего радикализма любые структуры могут найти обоснование в любой религии.

---

[1] Исламские фундаменталисты умеренного толка в общественно-политической жизни Арабской Республики Египет в 1981–2000 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 // URL: http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/islamskie-fundamentalisty-umerennogo-tolka-v-obwestvenno-politicheskoj-zhizni.html

[2] *Мирзаханов Д.Г.* Проблемы методологии исследования политического ислама в современной России // Известия Саратовского ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2016. Вып. 3. Т. 16 // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-metodologii-issledovaniya-politicheskogo-islama-v-sovremennoy-rossii

Во-вторых, радикальный ислам понимается как политическая практика радикально настроенных мусульманских религиозных организаций, практика, основанная на использовании ислама в качестве идеологии[1]. Другими словами, радикальный ислам является выражением политической позиции и политических действий, определенных мусульманских религиозных организаций. В отличие от других мусульманских религиозных организаций, использующих ислам в качестве идеологии, для радикальных исламистов в их общественно-политической и иной деятельности основополагающими являются такие доктринальные положения ислама, как такфир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру). Отсюда их воинственность, нетерпимость к «чужим», нацеленность на борьбу с «врагами ислама» и стремление к мировому господству. Свои насильственные действия, в том числе и террористические, они оправдывают целями «священной войны» за веру, необходимостью распространения ислама по всему миру.

В-третьих, радикальный ислам выступает не только как политическая практика (позиция), но и как мировоззрение[2], основывающееся на категоричных подходах к решению проблем организации общественной жизни. Особенностью мировоззренческих установок радикального ислама является идеализация и мифологизация общественного устройства, существовавшего в период правления пророка Мухаммада и первых четырех праведных халифов (Абу-Бакр, Омар, Осман, Али), которые устанавливали порядок в обществе путем введения в систему регулирования отношений между людьми однозначно понимаемых правил. Причем все правила, вводимые в систему организации жизни общества и предлагаемое ими миропонимание, подавались как божественное откровение, а значит, как идеальные и абсолютно правильные. Именно идеализация общественного устройства, выстроенного усилиями вышеназванных исторических личностей, порождает в верующих одержимость – фанатизм – глубокую веру в возможность возрождения былого халифата. Этим объясняется и то, что радикальный ислам в обосновании своих действий, в том числе и политических, преимущественно придерживается правовых установок ханбалитов и маликитов – наиболее ортодоксальных суннитских правовых школ.

Близким понятию «радикальный ислам» является понятие «исламский экстремизм». Как в науке, так и в публицистике последний выступает как общее название наиболее фанатично настроенного крыла религиозных организаций, образующих радикальный ислам[3], которые в своей деятельности опираются на

---

[1] *Петрухина А.А.* Теория и практика исламизма // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2011. № 2 // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-islamizma. *Цибенко (Иванова) В.В.* Хизбулла и полемика о радикальном исламе в Турции // Исламоведение. 2014. № 3 // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/hizbulla-i-polemika-o-radikalnom-islame-v-turtsii

[2] *Дорохов Ю.А.* Причины популяризации, развития и распространения исламского радикализма в республике Дагестан // Вестник Астраханского гос. тех. ун-та. 2010. № 2 / URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-popul-yarizatsii-razvitiya-i-rasprostraneniya-islamskogo-radikalizma-v-respublike-dagestan

[3] Комплексный анализ исламского экстремизма // URL: http://mirznanii.com/a/183425/kompleksnyy-analiz-islamskogo-ekstremizma

идеологию агрессии, широко используют насильственные методы политической борьбы (терроризм, войны) и категоричные подходы к решению проблем организации общественной жизни; основываются на идеологии агрессии, обосновывающей невозможность преодоления существующих в обществе кризисных явлений без неукоснительного выполнения – как властью, так и рядовыми гражданами независимо от их национальной и религиозной принадлежности – предписаний Корана и шариата и введения традиционных мусульманских установлений в качестве обязательных норм современной жизни; отдают предпочтение насильственным методам политической борьбы, позволяющим, наводя страх на людей, навязывать им требуемое поведение и обеспечивающим быстрый захват государственной власти в странах пребывания. Другими словами, главной целью экстремистов является установление абсолютного доминирования ислама как религии в обществе и полная передача государственной власти духовенству, т. е. возврат к тому положению ислама в обществе, которое он имел в начале своего зарождения, что и объясняет фундаментализм исламского экстремизма.

Однако из-за применения этих крайних методов в идеологии, из-за осуществления политической деятельности, выходящей за рамки законодательства в большинстве стран, экстремистские мусульманские религиозные организации находятся там под запретом. Более того, эти действия всегда – и сейчас, и во все времена – становились причиной перехода ими на нелегальное положение, и даже в собственно мусульманских странах. Вот почему нелегальность в какой-то степени стала их постоянным свойством и дает полное основание рассматривать исламский экстремизм как особую политическую практику крайне радикально настроенных мусульманских религиозных организаций. Практику, которая позволяет этим организациям сохраняться в самых сложных для них общественно-политических условиях и с небывалой силой активизироваться при обострении политической борьбы в странах пребывания или на международном уровне[1].

Именно активизация исламского экстремизма в условиях обострения противоречий в обществе, ослабления законной власти, выражающегося в ее неспособности обеспечить порядок в обществе, суверенитет и безопасность государства, становится для ученых главным доводом рассматривать его как своеобразную реакцию мусульманского сообщества на эти дестабилизирующие явления, на кризисы, периодически повторяющиеся в политической истории мусульманских стран. Следовательно, в отличие от радикального ислама, который появился в процессе активного использования ислама в качестве идеологии в борьбе за власть и завоевывание других стран и народов, исламский экстремизм

[1] *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. С. 8–9; Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока (идейный аспект). М.: Наука, 1988. С. 9–10.

является продуктом использования ислама в целях выхода из кризисных ситуаций в обществе. Поэтому причиной вспышек исламского экстремизма большей частью становятся местные проблемы[1]. Экстремистские группировки обычно возглавляются харизматичными, способными на безумные поступки лидерами, тогда как радикальный ислам преимущественно ориентирован на решение фундаментальных проблем и руководят радикальными организациями в основном люди хладнокровные, со стратегическим мышлением. Этим обусловливается и то, что в отличие от радикального ислама исламский экстремизм не выступает как целостное мировоззрение, основывающееся на цельных концепциях организации общественной жизни и особом миропонимании.

Что касается «традиционного ислама», то по нему ни у теологов, ни у ученых нет единого понимания, совершенно разные объяснения этому понятию даются и в публицистике, посвященной проблемам, связанным с религиозными отношениями (само понятие «традиционный ислам» употребляется большей частью в странах СНГ). Единственное, в чем большинство теологов[2], ученых и публицистов соглашаются, так это в том, что «традиционный ислам» нужно связывать, прежде всего, с многовековой практикой исповедания ислама местными (в постсоветских республиках) мусульманскими религиозными организациями. Причем такой позиции придерживаются ученые и публицисты, и большинство теологов стран СНГ, народы которых исповедуют как шиизм, так и суннизм, что, вероятно, связано с сохранением единого культурно-цивилизационного и информационного пространства, созданного в советское время.

Следовательно, под «традиционным исламом» следует понимать историческую практику исповедания ислама мусульманскими религиозными организациями, действующими в странах СНГ со времен принятия центральноазиатскими, закавказскими и поволжскими народами бывшего Советского Союза этой религии. Суть этой исторической практики исповедания ислама сводится к тому, что ислам как религия не доминирует в духовной сфере общества и находится, в реальности, в зависимом и подчиненном государственной власти положении и не претендует на нее. А состоялась такая практика исповедания ислама в названных регионах не только из-за того, что там во время принятия ислама существовали государства деспотии, в которых религия находилась на услужении деспотов, племена управлялись вождями, обладавшими единоличной властью, но и потому, что у народов, населяющих эти территории, не было единобожия. Служители культа не были объединены структурированной организацией, а значит, они не представляли собой общественной силы, которая могла бы оказывать большое влияние на жизнедеятельность людей. Что состоялась такая практика исповедания ислама, немаловажную роль сыграло и

[1] *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. С. 8–9; Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока (идейный аспект). М.: Наука, 1988. С. 9–10.

[2] *Черниенко Т.* Традиционный ислам против «ислама по традиции» (13 апреля 2014 г.) // URL: http://www.shia.spb.ru/ru/publ/info/699.

то, что на этих территориях ислам распространялся не путем навязывания, как это происходило в завоеванных арабами странах, а путем призыва и его проповедования. Другими словами, традиционный ислам является результатом не насаждения, а добровольного его принятия, а значит, он основан на тех доктринальных положениях, которые допускают приспособление ислама к традициям и культурным особенностям народов, принимающих его как религию.

Подтверждением данной гипотезы служат результаты исследования известного казахского ученого-религиоведа А.К. Муминова. На основе детального изучения работ средневековых (преимущественно арабоязычных) авторов, таких как Наджм ад-дин Абу Хафс, Абд ар-Рахмани ибн Мухаммад ал-Идриси, Абу Хафс ан-Насафи, Абу Са'д ас-Самани ал-Марвази, Ибн ал-Фувати, автор показывает, как и почему происходило распространение на территории Центральной Азии и Приволжья ислама именно ханафитского мазхаба. Также на конкретных фактах им показана роль сильнейших хорасанских ханафитов Абу Му'аза Халида ибн Сулаймана ал Балхи и Абд ал-Азиза ибн Халида ат-Тирмизи в распространении ханафитских идей в регионе. Сведения о появлении и развитии в крупных городах Туркестана ханафитских центров ученым отслеживаются в трудах ученых-теологов, приезжавших жить и работать в регион, таких как Хусам ад-дин ас-Сигнак и Амир Катиб ал-Иткани. Очень много сведений о трудностях, с которыми сталкивались ханафиты в распространении своей веры, содержится в работах таких средневековых ученых, как Йакут ал-Хамави и Ибн ал-Фундук. Из кратких характеристик, данных А.К. Муминовым многочисленным трудам, написанным местными учеными-ханафитами в XIII–XIV вв., можно убедиться в том, что распространение ислама ханафитского мазхаба в Центральной Азии происходило не стихийно, а по строго определенной стратегии и при серьезном научном сопровождении[1]. Да и вряд ли могли тогда местные власти допустить распространение в регионе тех течений ислама, которые выступают за передачу государственной власти духовенству.

Сама логика понятийного анализа, осуществленного в отношении понятий «радикальный ислам», «исламский экстремизм» и «традиционный ислам», подводит нас к обозначению умеренного ислама как общего названия мусульманских религиозных организаций, считающих насильственное навязывание религии людям и использование ее как идеологии неправильным и допускающих возможность принятия народами ислама в соответствии с национальными традициями, не придерживающихся враждебной позиции по отношению к другим религиям и не выступающих за передачу государственной власти духовенству и построение всемирного халифата. Следовательно, к умеренному исламу можно отнести все мусульманские религиозные организации (как шиитского, так и суннитского толка), выстраивающие свою деятельность исходя из отмеченных

[1] *Муминов А.К.* Перспективы изучения традиционного ислама в Казахстане (10.12.2013) // URL: http://kazislam.kz/ru/maqalalar/item/368-eIslam

принципов. А так как этих принципов в своей деятельности придерживаются и представители традиционного ислама, то и их можно отнести к умеренному исламу. Но ни в коем случае сюда не следует включать так называемую умеренную часть радикального ислама, основывающуюся на диаметрально противоположных принципах.

1. Именно осуществление мусульманскими религиозными организациями своей деятельности на принципах, не позволяющих насильственное навязывание ислама и непременную передачу государственной власти духовенству, а также допускающих приспособление ислама к местным традициям, делает умеренный ислам особой практикой исповедания ислама как религии. Практикой, которая помогает мусульманским религиозным организациям не дать политическим силам использовать ислам как идеологию и втянуться им в политическое противостояние. Другими словами, именно те принципы деятельности мусульманских религиозных организаций, которых придерживается умеренный ислам и которые основаны на исламских доктринальных постулатах, являются основой того, что позволяет исламу оставаться религией. Следовательно, радикальность или умеренность мусульманских религиозных организаций напрямую не связаны с самим исламом[1], а большей частью зависят от их позиции по отношению к государственной власти, хотя желание прийти к власти подается ими как возвращение к истинному исламу, когда мусульманское духовенство и являлось властью.

Умеренный ислам представляет собой как практику исповедания ислама, так и мировоззрение, поскольку в его доктринах дается объяснение тому, как устроен мир и как организовано общество. Однако основу его миропонимания, в отличие от миропонимания радикального ислама, составляют доктринальные установки ханафитского и шафиитского мазхабов. Мировоззренческая особенность их установок кроется, прежде всего, в толерантном, терпимом отношении к другим точкам зрения и религиям, а в выборе методов распространения ислама следует исходить из конкретной ситуации и призывать людей к нему только мирными способами. Не ограничиваясь требованиями, имеющимися в Коране, стремиться к новому и находиться в постоянном духовном самосовершенствовании –данный принцип тоже следовало бы отнести к установкам этих направлений ислама[2]. Здесь следует отметить и то, что все перечисленные установки наиболее свойственны миропониманию ханафитского мазхаба. Собственно, это и является главной причиной того, что ханафитское течение ислама получило наибольшее распространение в мире, а под умеренным исламом чаще всего подразумевают ханафизм.

[1] Что такое традиционный ислам? (06.11.2014) // URL: http://ak-kalfak.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=309%3A2014-11-06-13-43-11&catid=11%3A2010-05-03-19-10-57&Itemid=12&lang=ru

[2] *Кайырбеков Н.Е.* Традиционный ислам ханафитского мазхаба (04.04.2016) // URL: http://mazhab.kz/ru/statii/mazhaby/hanafitskii-mazhab/traditsionnyi-islam-hanafitskogo-mazhaba-556/

17 161842

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что понятия «радикальный ислам», «исламский экстремизм», «традиционный ислам» и «умеренный ислам» являются названиями групп мусульманских религиозных организаций, отличающихся друг от друга мировоззренческими установками, отношением к государственной власти, степенью вовлеченности их в политические процессы и используемыми ими методами распространения ислама. Иначе говоря, эти понятия являются сконцентрированными выражениями разных практик исповедания ислама, различающиеся использованием или неиспользованием ислама в качестве идеологии и акцентированием при организации своей деятельности на отдельные мировоззренческие установки или доктринальные идеи, заложенные в суннах.

Таким образом, при анализе названных понятий мы увидели, что появление и развитие разных практик исповедания ислама связано с акцентированием мусульманскими религиозными организациями в своей деятельности на отдельные мировоззренческие установки или доктринальные идеи, выработанные разными исламскими правовыми школами. И умеренный ислам представляет собой практику исповедания ислама, большей частью основанного на доктринальной концепции ханафитского мазхаба. Соответственно, без детального рассмотрения доктринальных идей исламской правовой школы ханафитского мазхаба невозможно полноценно осуществить интерпретацию понятия «умеренный ислам».

АХМАДЕЕВ А.А.
(Россия, г. Уфа)

ИСЛАМИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ТЕРРОРИЗМА И ХАРИБДОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Стало общим местом сентенция, что исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны). Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому исламизм именуется еще политическим исламом или политизированным исламом. Тем самым исламизм представляет собой одну из политических идеологий и в этом отношении функционально сравним с другими политико-идеологическими системами.

Сразу отметим, что идеологическая пустота в целом до сих пор царит, несмотря ни на что, в умах и взглядах россиян. Но природа не терпит пустоты и всегда находятся силы, стремящиеся её восполнить.

Совершенно очевидно, что среди причин и истоков проявлений религиозного экстремизма в нашей стране не последнее место занимает сегодняшний бесконтрольный, безрассудный рост религиозности населения. И как одно из его проявлений – рост числа фанатично верующих семей. Ведь именно в семье закладываются основы мировоззрения ребенка, которые во взрослой жизни превращаются в нравственные принципы, идеалы, ради которых человек готов отдать жизнь.

И потому то, среди религиозных фанатиков-смертников так много выходцев из семей радикально религиозных, откуда и черпается зачастую терроризм.

Считается, среди прочих, что одна из причин исламского терроризма – это бедность, крайняя жизненная ситуация маргиналов. Однако, реальность опровергает многие стереотипы: далеко не все террористы лишены будущего. И влачат жалкое существование. К тому же среди миллиардов адептов, например, индуизма или современного христианства, живущих в гораздо более тяжелых и несправедливых условиях, террористов практически нет. Значит, дело в идейных основах конфессии?

К сожалению, проблема исламского террора действительно «в голове», вернее, в тех ценностях, которые туда закладывает, в том числе, мусульманская вера. Раз она считает (или не противостоит этому) возможным жесткое, почти непримиримое противостояние с верующими других конфессий, то внутри учения всегда найдутся многие тысячи фанатиков, которые доведут этот постулат до религиозной войны. Вот почему важно понять простую истину: пока сами мусульмане не «перестроят» голову этим религиозным фанатикам, исламский терроризм будет становиться все более масштабным и кровавым. И никакие спецслужбы, спецназы и полицейские меры не помогут полностью искоренить эту «чуму XXI века». Они лишь могут немного снизить риски.

Без решительной, быстрой перестройки (Реформации) основ самого ислама, превращенного сегодня в идейную платформу современного терроризма, человечество как цивилизация практически обречена на бесславный конец. Новые открытия и научный прогресс, боюсь, весьма скоро предоставят реальные возможности будущим «воинам Аллаха» уничтожить вместе с собой всех нас.

В этой связи возникает вопрос: почему с многочисленными актами терроризма и убийствами совершенно неповинных людей в России, Франции, Испании проблема терроризма стала актуально и даже модной.

А всё дело в том, что все борются со следствием, а не с причиной. Требуем смертной казни для них. Но разве террориста испугаешь смертью? Он же сам добровольно идет на смерть. Во имя Аллаха! За чистоту веры! И в глазах тысяч

(может миллионов) верующих террористы – шахиды, герои, а не преступники. Ими восхищаются, ими гордятся, им подражают. Согласитесь, это мощнейший стимул воспроизводства религиозного экстремизма, если учесть высокий уровень религиозности наших граждан. А что они знают, эти ребята, об исламе? Ровным счетом ничего. Коран, шариат написаны на арабском, которого они не знают. Они верят на слово своим наставникам, которые в подавляющем своем большинстве тоже о Коране знают понаслышке. Вербовщики спекулируют на этом.

Хочу подчеркнуть, Коран – очень сложный исторический памятник. Не только потому, что изложен на арабском языке, которым владеют далеко не все служители культа. Ученые арабисты, исламоведы, религиоведы всех стран и народов в течение многих веков переводят, изучают Коран. И если собрать все эти исследования в одну библиотеку, то они не поместились бы в одно многоэтажное здание.

В Коране столько непонятных слов, противоречий, тумана, что ученые до сих пор не могут определить даже хронологию коранических текстов. А ведь это очень важно, когда, какое предписание было продиктовано архангелом Джабраилом Мухаммаду. В одном аяте предписано одно, а через десять страниц говорится иное. Как быть мусульманину, какому предписанию следовать?

С таким вопросом обращались еще при жизни к пророку Мухаммаду. И он объяснял, при каких конкретных обстоятельствах были написаны эти суры. И что первый из них отменен как устаревший. Поэтому нужно руководствоваться более современным. Но вербовщики эти детали не учитывают и цитируют своей пастве те суры, которые соответствуют их политическим и корыстным целям. А мы, религиоведы, равнодушно взираем, как калечат души нашей молодежи всякие проходимцы[1].

По мнению авторитетных экспертов, за последние годы мы наблюдаем изменение этнического состава исламских террористов в сторону мигрантов. Это результат абсолютно безответственной политики властей. Известный публицист Ю. Латынина отмечает, что ислам, как и любая монотеистическая религия, его степень воинственности очень сильно зависит ещё и от концентрации. Если раствор начинает быть концентрированный, он начинает выпадать в осадок. Если у вас есть 2 % этнически и религиозно чуждого населения, вы можете их переварить. Если 10% это сложно. А если их 15%, то они сами их переварят, кого угодно. Вопрос, конечно, риторический!

У нас есть в России естественный ареал распространения этой мирной религии: Кавказ, Татария, Башкирия. Зачем тогда импортировать людей на положении рабов, которые, естественно, будут недовольны своей участью, из стран, где не понятно, что происходит? Плюс, есть такая ещё вещь, которая называется

[1] *Усенова М.* Кара от Корана // Советская Россия, 2017, 13 апреля.

«молодёжный пузырь». Вот это давно хорошо замечено, что именно те страны, в которых очень молодое население (это касается и Палестины, это касается и Египта), в этих странах люди склонны к насилию. Молодые люди пытаются утвердиться в мире, они не знают, каким способом это сделать. Зададимся вопросом: по какой причине это происходит? По одной единственной: российским олигархам выгодно иметь рабов. Рабы дешевле, им можно не платить, маржу, разницу можно взять себе. Что рабы потом в любой стране создают проблему этой же самой страны, если их много, это, вот, российский административный и неадминистративный бизнес не касается[1].

Мы согласны также с мнением известного политика Г. Гудкова о том, что убийцы-террористы – верующие мусульмане, и они убивают, чтобы победить «неверных», наказать их от имени «правильных» мусульман, от имени Аллаха, к которому они рассчитывают попасть в случае своей смерти в качестве награды за эти злодеяния. Полиция и спецслужбы «на ушах», врачи спасают жизни, весь мир взбудоражен, мировые лидеры осуждают. А духовные лидеры ислама где? Ведь когда где-нибудь в мире печатают безобидные картинки с Пророком или снимают о нем фильм – из каждого утюга мы слышим возмущенную реакцию исламских аятолл, муфтиев и прочих проповедников, а разъяренные толпы мусульман выходят на улицы, чтобы защитить свои якобы оскорбленные религиозные чувства[2].

Почему, когда за последний год с именем Аллаха и пророка Мухаммада совершены были десятки отвратительных массовых убийств, кто-нибудь слышал жесткую отповедь преступникам от имени ислама? Видели на улице тысячи мусульман, возмущенных тем, что террористы-негодяи порочат их веру? Кто-то из проповедников публично проклял убийц? Объяснил миллионам, нет, миллиардам жителей планеты, по какому праву террористы называют себя истинными мусульманами?! Кто-то из известных и признанных авторитетов ислама назвал негодяев вероотступниками, предателями ислама, людьми, порочащими его истинные ценности?! Может, мы просто не осведомлены об этой ожесточенной и открытой для всех титанической идейной борьбе, которую ислам ведет против террористов и убийц. Но увы, об этом ничего не известно. Ничего подобного не слышали и не видели сотни моих знакомых и друзей, верующих и атеистов. Думается, уж если кто и повинен в исламофобии, так это в том числе сами мусульманские проповедники и духовные отцы, хранящие олимпийское спокойствие после каждого преступления против человечности, совершаемого их паствой с прославлением имени Аллаха между взрывами, автоматными очередями и стонами умирающих и покалеченных людей. Неужели совершаемые под знаменем ислама кровавые теракты оскорбляют религиозные чувства мусульман меньше, чем рисунки на бумаге?

---

[1] *Латынина Ю.* Эхо Москвы, 2017, 2 сентября.

[2] *Гудков Г.* Эхо Москвы, 2017, 21 августа.

И еще. Если кто думает, что идею, даже людоедскую и преступную, которая овладела сознанием человека, могут победить бравые парни из спецназа, очень сильно заблуждается: на место разоблаченных и обезвреженных приходят в еще большем количестве не попавшие в поле зрения спецслужб и готовые убивать, убивать и убивать.

Еще одна громкая, но всячески прячущаяся проблема, которая имеет прямое отношение к исламскому радикализму – проблема т.н. мусульманского пролетариата, которую никто из социологов так и до сих пор не исследовал. К примеру, в Москве сегодняшняя ситуация с мусульманским пролетариатом в столице близка к оптимальной… Прежде всего, его представители стремятся укорениться и дать детям возможность сделать карьеру через образование, а затем – через госслужбу или медицину, т.е. респектабельно.

В то же время перекрытие социальных лифтов создаст слой «неприкаянной молодой интеллигенции», именно которая и становится рекрутинговой базой для терроризма и иного настоящего экстремизма. Проблема в том, что коренные москвичи условные славяне и условные православные категорически не хотят размножаться, их дети категорически не хотят выбирать участь пролетария. Поэтому «Нерезиновая Москва» – это будет город пользователей льготным проездом и льготной оплатой ЖКХ. Тащить это на себе столица могла, когда налоги платились по месту расположения головного офиса корпорации, а «московская недвижимость была всегда в цене».

Нынешние «настоящие москвичи» – это дети лимитчиков, строивших все эти обречённые ныне реновацией дома, а также стоявшие у конвейеров (четверть века назад столица была крупным промышленным центром). Но они пошли в средний класс. И выпихнул их в средний класс именно мусульманский пролетариат.

Подъём социального слоя происходит только и исключительно тогда, когда находятся претенденты занять ещё более низкую страту.

Москве очень повезло, что не произошла геттоизация, и хотя вокруг рынков жильё снимает именно мусульманский пролетариат, но всё-таки полного территориального размежевания ещё нет. Когда же произойдёт выкристаллизация именно мусульманских кварталов, то тут и окажется, что это будут государства в государстве.

Кстати, доведённая до логического предела реновация и завершит жёсткое разделение столицы на престижные районы и районы бедноты. А это – источник радикализма и экстримизма.

Не хотелось бы сравнивать миротворческий потенциал ислама и православия, но отметим, по словам известного публициста Невзорова А., что существует 30–40% опрошенных граждан, убеждённых, что православие как идеология –

это главное несчастье России, которое на 700 лет затормозило её развитие, а в 1917 году доказало свою полную неспособность служить как «стержнем нации», так и неким «цементом», скрепляющим государственность и народ[1].

В глобальном, концептуальном плане мы солидаризуемся с точкой зрения академика РАН, директора Института философии РАН В. Смирнова об осмысливании межнациональных, межконфессиональных отношений в современной России. Есть термин «мультикультурализм», есть теория «мультикультурализма». Есть много теорий, которые являются его вариантом, приспособлением, развитием и т.д. Есть готовый язык, который продуман западными философами. Продуман, да! Он уже готов. И что делает большинство российских мыслителей? Они берут готовые схемы, готовый язык. Но ситуация-то в России абсолютно другая. На Западе это ситуация иммигрантов (инокультурных, инорелигиозных). А Россия? Это страна, где люди разных вероисповеданий жили все это время бок о бок, воевали, дружили, ссорились, ненавидели, любили. Но жили вместе. Это совершенно другая ситуация, нежели то, что описывается термином «мультикультурализм». Вот это и значит увидеть проблему по-своему, продумать ее контекстуально. Конечно, не на пустом месте, не изобретая велосипед, учитывая весь накопленный опыт, но продумать именно свою проблему. И там, где надо, создать свой язык и говорить на этом языке. Только тогда будет что-то действительно интересное для других[2].

Вот об этом надо говорить сегодня философам, религиоведам, всем, кто имеет отношение к духовно-религиозным отношениям.

Утверждение, что ислам – великая религия стало уже банальностью, которую повторяют все. И не только адепты ислама. Но великая религия должна по определению быть гуманной. Это аксиома. Тогда почему только ислам даёт фанатиков-террористов (шахидов)? Действительно, католики, к примеру, не убивают православных за веру, буддисты и иудеи – также не убийцы! Вот вопрос вопросов!

А недавняя резня в Сургуте не была случайным эпизодом. По мнению экспертов, Сибирь стала ещё одним фронтом войны за молодых мусульман, которая идёт на Ближнем Востоке и на Кавказе[3]. Дело дошло до того, что в официальных СМИ, пусть осторожно, но начали говорить о сибирском исламе.

Так, согласно исследованию Карнеги-центра, с 1990 по 2015 г. в УрФО на 70% возросло количество выходцев из Средней Азии, в 2,4 раза – с Северного Кавказа, в 2,1 раза увеличилось число азербайджанцев. В результате доля мусульманского населения округа выросла почти на 100 тыс. – с 1 073 267 до

[1] *Невзоров А.Г.* «Отставка господа бога. Зачем России православие? Манифест современного атеизма». М., 2014. С. 3.

[2] Вопросы философии. 2017. № 7. С. 62.

[3] *Гордиенко И.* «Резня в Сургуте не была случайным эпизодом» // Новая газета, 2017, 28 августа. С. 15.

17 171184

1 133 770 человек. Прирост произошел главным образом за счет Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. В Тюменской области доля мусульманского населения увеличилась за 21 год с 9,78% до 10,46%, в ХМАО – с 12,54% до 15,92%, в ЯНАО – с 9,28% до 13,35%.

Сургут – сложный многонациональный и многоконфессиональный город. Еще с 60-х годов прошлого века сюда на добывающие предприятия потянулись выходцы из кавказских республик; позже, уже в 90-х – 2000-х, – мигранты из Средней Азии, всем им предстояло уживаться в исламском поле с большой татарской общиной, которая до развала Советского Союза преобладала в Сибири.

По разным оценкам, сейчас мусульманская община Сургута составляет около 10% от численности населения, то есть около 45 тысяч человек.

История ислама на Урале и в Сибири отражает все этапы новейшей истории ислама на Кавказе. В 90-х годах и 2000-х вместе с кавказскими мигрантами сюда проникает новая «ближневосточная» исламская идеология, которая начинает теснить исконный суфийский ислам. Исламская умма начинает дробиться.

И дело дошло даже до того, что Докку Умаров, лидер Имарата Кавказ (организация, запрещённая в России), объявил Урал частью своего виртуального террористического государства – «вилайятом Идель-Урал». Сколько-нибудь заметной активности этого «вилайята» так и не было зафиксировано. Однако после разгрома банды Умарова на Кавказе основным проводником радикальной исламской идеи стало ИГ, действующее по всей России. И здесь Россия за Уралом заявила о себе громко[1].

И потому одним из позитивных факторов купирования в России радикального исламизма является открытие Болгарской исламской академии. Это, без преувеличения, начало возрождения отечественной богословской мысли и создание целостной системы высшего исламского образования.

Дело в том, что кадровый голод и 70-летняя советизация мусульман вывели из мирового тренда российскую исламскую мысль. Что привело к распространению радикализма и терроризма в мусульманской среде и неспособности части имамов им противостоять.

И Болгарская исламская академия, без сомнения, станет интеллектуальной кровью, текущей по жилам мирового ислама. Без крайностей и радикализма! И она будет, по словам Президента Республики Татарстан Р. Минниханова, общероссийской мусульманской площадкой, которая даёт единую трактовку священных текстов, что позволит противостоять идеям радикализма[2].

Мы развенчали прежние идеалы, новых не создали. А когда наше растерянное общество обратило свои взгляды на религию, веру в Бога, что с нами произошло?

[1] *Гордиенко И.* «Резня в Сургуте не была случайным эпизодом» // Новая газета, 2017, 28 августа. С. 16.
[2] *Емельяненко В.* Вера и надежда // Российская газета, 2017, 5 сентября. С. 12.

Великую державу – СССР, которую никто не мог победить, уничтожили без единого выстрела. Нельзя забывать эти уроки истории.

Мы не можем позволить нашим врагам взорвать нашу страну изнутри. А потому каждый из нас – ученые, деятели искусства, журналисты, религиоведы, педагоги, медики – все вместе должны поработать во имя Отечества.

Необходимо рассказывать, показывать телезрителям, читателям истинный ислам, раскрывать, разоблачать искаженные в чьих-то корыстных или политических целях догматы этой религии, разоблачать мошенников и рассказывать о действительно грандиозных успехах нашей медицины, о тех огромных средствах, выделенных государством на наше здоровье… Такую работу надо проводить системно, целенаправленно, постоянно. Ибо только силовыми методами с религиозным экстремизмом не справиться. Более того, ужесточение мер наказания без разъяснительной пропагандистской работы может вызвать даже противоположную реакцию. В глазах верующих возрастет ореол героизма, слава великомучеников за веру, за Аллаха. Ведь именно во имя этой призрачной идеи многие искалечили свои жизни.

Подводя итоги нашего небольшого исследования феномена исламизма, пусть даже с жестким алармистским подходом, следует, наверное, признать: политический ислам как всемирная идея, объединяющая многие миллионы людей, сменила идею коммунизма. А суть его в том, что обещание справедливости и равенства, которые не смог обеспечить марксистско-ленинский социализм и коммунизм, можно только обрести через беспредельную жесткость и террор, уничтожая всех, кто этому мешает и сопротивляется.

Сегодня политический исламизм заполнил вакуум, образовавшийся после крушения политических идеологий, которые прежде так увлекали молодежь, – коммунизма и национализма. Из этих теорий ничего не вышло. Политики, которые брали власть под этими лозунгами, превратились в тиранов, щедро обогащающих свои семьи и своих слуг. Напротив, идеи исламистов находят отклик не только в арабских странах – они стали мощным орудием социального и политического протеста, в том числе и в России. И сегодня следует говорить не о радикализации ислама, а об исламизации радикального протеста во всем мире[1].

И потому сейчас стоим перед вопросом: сумеем ли все мы в XXI веке пройти без потерь между двумя этими грозными скалами – Сциллой терроризма и Харибдой толерантности? Вот вопрос вопросов и тема номер один для всех – государственным органам, религиоведам, обществоведам, мусульманским проповедникам всех уровней, руководителям духовных управлений мусульман России, словом того, кто затрагивает актуальные вопросы современного ислама!

[1] См. подробно: *Млечин Л.* Призрак на замену // Огонёк, 2017, № 34. С. 18.

Литература

1. *Гордиенко И.* «Резня в Сургуте не была случайным эпизодом» // Новая газета, 2017, 28 августа, С. 16.

2. *Гордиенко И.* «Резня в Сургуте не была случайным эпизодом» // Новая газета, 2017, 28 августа, С. 15.

3. *Гудков Г.* Эхо Москвы, 2017, 21 августа.

4. Вопросы философии. 2017. № 7. С. 62.

5. *Емельяненко В.* Вера и надежда // Российская газета, 2017, 5 сентября, С. 12.

6. *Латынина Ю.* Эхо Москвы, 2017, 2 сентября.

7. *Млечин Л.* Призрак на замену // Огонёк, 2017, № 34. С. 18.

8. *Невзоров А.Г.* «Отставка господа бога. Зачем России православие? Манифест современного атеизма». М., 2014, С. 3.

9. *Усенова М.* Кара от Корана // Советская Россия, 2017, 13 апреля.

АХМЕРОВ А.Ю.
(Россия, г. Уфа)

ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПУТЁМ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

По данным УФСИН России по Республике Башкортостан (на август 2017 г.) в 19-ти исправительных учреждениях, где функционируют молельные комнаты и мечети, курируемые ЦДУМ России, содержатся порядка 532 соблюдающих мусульман.

В этих учреждениях ЦДУМ России проводит два основных для мусульман праздника: Ураза-байрам и Курбан-байрам. Священнослужители (имамы), закрепленные за каждым учреждением, это СИЗО, ИК и КП, организовывают приготовление халяльного питания, а также проводят праздничные проповеди. Руководство ФСИН содействует в проведении этих религиозных праздников.

Молельные комнаты и мечети пенитенциарных учреждений РБ укомплектованы и постоянно пополняются религиозной литературой ханафитского мазхаба (богословско-правовой школы), традиционного для жителей региона. Регулярно священнослужителями проводятся духовно-просветительские лекции и отдельные беседы со спецконтингентом на основе шариатских наук. Изучаются такие предметы как: чтение Корана, фикх (мусульманская доктрина о правилах поведения), история ислама и акыда-вероубеждение.

Не нужно забывать, что в Европе террористические акты совершаются «тюремными джамагатами», при этом понимание сути ислама в закрытом сообществе часто бывает искаженным. Они используют религиозные догмы для при-

крытия и оправдания своих преступных поступков. В то же время увеличение числа правоверных мусульман, исповедующих традиционный ислам, положительно сказывается не только в учреждениях УФСИН, но и при освобождении из мест заключения.

Также проводятся лекции по основам ислама и противодействия экстремизму для сотрудников учреждений. Совместно с ЦДУМ России и УФСИН России по РБ разработаны методические рекомендации по работе с осужденными мусульманами, где указаны основные религиозные догмы, как намаз, пост и т.п.

Служение имамов на регулярной основе в местах заключения способствует предотвращению радикального понимания ислама, отсюда и жизненных ориентиров. Недостаточное внимание со стороны духовенства к лицам, содержащимся в местах лишения свободы, может привести их к отклонению в сторону нетрадиционных и экстремистских взглядов. Не найдя правильного наставника заключённый попадает под влияние ложной идеологии или собственных неверных взглядов.

БИГНОВА М.Р.
(Россия, г. Уфа)

ПРОФИЛАКТИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Приступая к обсуждению данной темы, следует отметить, что, несмотря на сформулированное в правовой практике определение термина «экстремизм», в образовательном поле, в повседневной работе образовательных учреждений, границы его применения остаются весьма расплывчатыми и неопределенными. Прямые призывы к насильственной и неконституционной смене власти в образовательном процессе – большая редкость и реакция на них со стороны педагогов и администрации образовательного учреждения вполне понятна и однозначна.

Но как быть, если обучающийся всего лишь «читает книги», ходит в мечеть и стал неоднозначно реагировать на обсуждение некоторых социальных или этических вопросов? Как должен поступать преподаватель, если девочка-студентка внезапно сменила мини-юбку на макси и стала носить платок на голове и в помещениях университета? Большинство педагогов не придают значения таким «мелочам», считая их проявлениями юношеского максимализма, стремлением к самовыражению, а то и вовсе проблемой родителей.

В нашем профессиональном сознании самодельные бомбы, подложенные в урну на университетской автобусной остановке, и студенты вуза никак не связаны. Такое положение, безусловно, нормально и так и должно быть в нормаль-

ноориентированном мире, где ученики – всегда источник профессиональной радости и гордости, а не страха и недоверия. К сожалению, рост изобретательности экстремистских групп заставляет нас все чаще говорить о необходимости профилактики экстремизма в образовании. Данную проблему можно разделить на несколько равнозначных частей, каждая из которых требует пристального внимания.

1. Работа по профилактике внедрения экстремизма непосредственно в образовательном учреждении как среди обучающихся, так и педагогического коллектива.

2. Работа по профилактике распространения экстремистских идей среди обучающихся вне образовательного учреждения.

3. Работа с родителями обучающихся по профилактике вовлечения обучающихся в экстремистские организации.

Первая часть, особенно в отношении обучающихся, достаточно широко и подробно описана в различных методических рекомендациях, практикоориентированных пособиях, научных статьях и даже монографиях. В большинстве случаев рекомендуется мониторинг убеждений учащихся с помощью проведения опросов, анкетирования, проведения различного рода просветительских мероприятий, где подробно и обстоятельно разъясняется опасность экстремистских идей и их распространения в обществе, предлагаются проекты развития патриотических чувств, толерантности и т.д. Общим и существенным недостатком такого рода мероприятий и рекомендаций остается отсутствие в них личностноокрашенного знания.

Экстремизм для большинства школьников и студентов это только термин, который никак не связан с их повседневной жизнью, с людьми, с которыми они общаются, с идеями, которые овладевают их сознанием, книгами, которые они читают, пабликами, на которые они подписаны, и ссылками, которые они «постят» на своих страницах в соцсетях. Это бородатый араб в арафатке и с автоматом в руках, это дворник-мигрант, грязный и невежественный дикарь, а не собеседник в сети, говорящий с ними о несовершенстве мира, о социальной несправедливости и рабском офисном труде, о бессмысленности существования. Это ни в коем случае не симпатичный парень, который быстро становится лучшим другом и предлагает стать чем-то большим, чем студент второго курса, превратиться в супергероя, который спасает общество от равнодушия и разврата. К сожалению, профилактика экстремизма должна носить совершенно иной характер и быть направлена не на удаление радикальных идей, а на уничтожение почвы, которая позволяет им «прорасти». Юношеский возраст – это период привлекательности «простых решений», осознания очевидного и неприятия взрослых «полутонов» в нравственном отношении. Идеализм, стремление изменить мир к лучшему – «первичный бульон» для радикальных идей

и единственным способом профилактики здесь является понимание сложности мира, стремление к его познанию, осознание ценности человеческой жизни и свободы выбора.

На практике это означает, что помимо специфических антиэкстремистских мероприятий необходимо развитие интеллекта и научного мышления (как в понятийном, так и аналитическом аспектах), умения не только отстаивать свою точку зрения с помощью аргументов, но и формулировать свои убеждения в понятной для окружающих форме. Научное мышление, интерес к познанию мира не только аккумулирует внимание обучающихся, но и позволяет понять примитивность и оторванность от реальности тех простых идей, на которых основываются экстремистские лозунги и идеалы. Понимание ценности человеческой жизни, толерантность и внимание к проблемам других развиваются только в деятельности и участие в благотворительных акциях, шефская помощь детским домам, больницам, благоустройство территории, неформальный подход к субботникам, все это реальные и работающие способы, развивающие умение сочувствовать, сопереживать, помогающие преодолеть эмоциональное «слепое пятно».

Что же касается другого субъекта образовательного процесса, то профилактика распространения экстремистских воззрений среди педагогов практически отсутствует, ограничиваясь формальным наказанием тех, кто проявляет такие взгляды открыто или дает повод для скандальных обсуждений. Очевидно, что радикальные по своим убеждениям личности просто не могут выжить в условиях нормального педагогического коллектива, но проблема экстремистских воззрений в педагогической среде не ограничивается радикализмом. Псевдонаучные идеи и «новейшие» паранаучные открытия нередко находят место в лекциях и уроках, что способствует развитию антинаучных представлений у обучающихся, ложной уверенности в сверхъестественных способах разрешения социальных проблем и причинах их возникновения. Следует четко разграничивать практику прямого и косвенного вовлечения обучающихся в религиозную деятельность, если первая запрещена законодательно, то за проявлениями второй в принципе никто не следит, а между тем, именно интерес к псевдонауке, ее активное распространение становится одной из причин роста доверия к конспирологии и стремления встать вне несовершенной (коррумпированной, деструктивной) общественной структуры. У образовательных учреждений нет права корректировать научность мировоззренческих оснований своих работников (и это к лучшему, безусловно), но организация просветительских мероприятий для педагогов как в правовом, так и научно-популярном аспектах просто необходима.

Как и обучающиеся, учителя также несвободны от стереотипов восприятия в отношении экстремистской деятельности и часто не понимают, что именно следует считать первыми признаками вовлечения в экстремистскую деятель-

ность, радикализации мировоззрения и другими тревожными симптомами, свидетельствующими о духовно-нравственном неблагополучии ученика. Обучение распознаванию таких признаков на практике, лекции и семинары специалистов в области экстремистской деятельности, в том числе сотрудников правоохранительных органов, религиоведов и политологов просто необходимы.

Но самым важным компонентом в этом процессе является убежденность педагогов в необходимости такой работы, в ее ценности и значимости, умение разрешать этические конфликты, в том числе и внутренние в пользу общества и его потребностей.

Работа по профилактике распространения экстремистских идей среди обучающихся вне образовательного учреждения должна включать просвещение в следующих вопросах:

1. Формирование представлений об экстремистских материалах с реальными и конкретными примерами. Очень часто школьники и студенты просто не в состоянии оценить экстремистский характер информации, которая привлекла их внимание. В большинстве случаев интерес к материалам провокационного характера обусловлен недостатком информации, полученной из легальных источников, в том числе и в системе образования.

2. Осознание правовых последствий такой деятельности, основанное также на конкретных примерах, поскольку молодые люди часто убеждены в анонимности и безнаказанности провокационных акций в интернет-пространстве или вообще не придают значения своим высказываниям, считая их безобидным выражением собственной индивидуальности.

3. Изучение способов вербовки в экстремистские организации, предупреждение о методах и формах вовлечения, откровенный рассказ о практикуемых способах удержания в организации. Вербовочные стратегии работают только в условиях полного доверия к лицу, которое осуществляет вербовку, в них нет «магического», «зомбирующего» компонента и если респондент знаком с технологией вербовки, то у него появляется шанс понять, с кем он имеет дело и избежать попадания в ловушку.

4. Обучение правильной реакции и способам действия в таких случаях. Как правило, молодой человек, столкнувшийся с вербовкой на собственном опыте не распространяет эту информацию, не делится ею со взрослыми, поскольку не видит в таких вещах никакой угрозы. Осознание, что сам факт вербовки важен для работы правоохранительных органов, что сообщение о таких случаях – компонент системы безопасности, профилактики экстремистских преступлений должно стать непременным итогом работы по профилактике экстремизма.

Работа с родителями обучающихся по профилактике вовлечения обучающихся в экстремистские организации также должна включать перечисленные выше компоненты, с учетом собственных религиозных убеждений родителей.

Родители должны осознавать, что постоянный эмоциональный контакт со своим ребенком – необходимость, что в правовом отношении они несут ответственность за действия экстремистского характера, совершенные их детьми.

Таким образом, профилактика экстремизма в образовательном процессе – сложный многоступенчатый процесс, требующий специальных знаний и опыта, как в организации, так и осуществлении. Одним из средств, позволяющих повысить эффективность такого рода деятельности, на наш взгляд, могло бы стать дополнительное обучение руководителей образовательных организаций и их заместителей, зоной ответственности которых является профилактика экстремизма специалистами: религиоведами, сотрудниками правоохранительных органов, психологами и лингвистами-экспертами.

МАЛАХОВ Ю.И.
(Россия. г. Уфа)

ИСЛАМОФОБИЯ И ДРУГИЕ ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА МУСУЛЬМАНИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Исламский радикализм в информационном поле России – одна из наиболее востребованных тем. Сообщения о деяниях исламистов и экстремистских группировок, в названии которых фигурирует ислам, идут непрерывным потоком, формирующим образ мусульманина явно негативного характера.

Под влиянием СМИ, понятия радикализма и исламофобии оказались фактически синонимами: теле- и радиопрограммы не первый год муссируют информацию об «исламской угрозе», постепенно внедряя в сознание обывателей мысли о единстве обеих составляющих этого понятия[1]. Распространяемая на территории Российской Федерации информация, как и в Европе, явно содействует росту исламофобии среди населения. В строгом понимании, по утверждению российских исследователей, под термином исламофобия следует в первую очередь рассматривать либо действия, либо высказывания, которые оцениваются мусульманами как враждебные исламу[2]. Однако на практике под этим понятием объединяется большой круг явлений, начиная от погромов и заканчивая любой критикой в адрес мусульман или исламских активистов, а также исламского вероучения или социальной практики.

Руководитель проекта по исследованию исламофобии, заместитель ректора Сассекского университета, профессор Гордон Конвей справедливо полагает, что исламофобия – это «боязнь и ненависть к исламу и мусульманам, которые при-

[1] *Сулейманов Р.Р.* Русские мусульмане: классификация групп, проблемы радикализма, отношение к ним в России // Мусульманский мир. 2015, № 4, С. 7−14.

[2] *Крымин А.В., Энгельгардт Г.Н.* Исламофобия // Отечественные записки. 2003. №5.

сущи СМИ всех уровней, и которые распространяются на все слои общества»[1]. Исламофобия трактует ислам как отсталую цивилизацию, хотя мусульманскую культуру в качестве прогрессивной и очень многоликой, но застывшей и статичной, относящейся враждебно к дискуссиям и инакомыслию. Ей (культуре ислама – Ю.М.) приписываются черты патриархальности и женоненавистничества, считая ее фундаменталистской и потенциально опасной, т.к. она угрожает другим культурам[2]. На этом фоне сообщения о терактах и преступных деяниях экстремистских исламских группировок способны дать синергетический эффект распространения исламофобии.

Мощнейший всплеск исламофобии вызвали в западной цивилизации и Старом Свете террористические акты в США 2001 года (уничтожение небоскребов-близнецов), совершенные выходцами из мусульманского мира. Укрепление позиций исламофобии, а также усиление ненависти к радикальному исламизму вызвано терактами во Франции (2016 г.), а затем и в Великобритании (2017 г.) – ими усугубились массовые антиисламские настроения в европейском и христианском мире.

В России антагонизм в отношении мусульман начался в 1994 г. с началом военного конфликта в Чечне. Поначалу в ранжире фобий он уступал этническим и географическим антипатиям (кавказофобия, чеченофобия). Но через десятилетие с началом войны с ИГ в Сирии и ужесточением внутреннего терроризма в виде терактов в Москве (1999 г., 2003 г.), Санкт-Петербурге, Сургуте (2017 г.) – ислам начали массово ассоциировать с агрессией и неоправданной жестокостью.

Негативному восприятию мусульманской веры способствовал показ на ТВ ежедневных видеорепортажей с мест терактов, боевых столкновений и жертв исламистов, которые стали неотъемлемой частью всех новостных программ телевидения России. На экранах ТВ беспрестанно начали мелькать бородатые боевики, женщины джахадистки в хиджабах и толпы разъяренных мужчин, которые совершают устрашающего вида ритуальные казни или танец зикр.

Все телевизионные каналы в новостных программах транслировали и обсуждали видео казни заложников, которое распространил ДАИШ.

Подъем религиозного экстремизма и терроризма, который происходит при активизации в странах Запада различных мусульманских движений и организаций, в обществе, в том числе и российском, вызывает бурный рост антиисламских настроений. Зачастую акты джихадизма общественным сознанием неоправданно воспринимаются как неотъемлемый атрибут ислама. Это мнение активно муссируется массовой культурой*. Общественным сознанием ответ-

[1] Ислам в медийном пространстве: сборник материалов / под ред. Кузнецовой-Моренко И.Б. и Салахатдиновой Л.Н., Казань, 2004. С. 87.

[2] *Сулейманов Р.Р.* Русские мусульмане: классификация групп, проблемы радикализма, отношение к ним в России // Мусульманский мир, 2015, № 4, С. 7–14.

* Например, картинки из Мосула, которыми снабжают нас телевизионные передачи об освобождении города, пестрят лицами боевиков и горами трупов, которые боевики оставляют за собой.

ственность за совершенные злодеяния возлагается на исламские общественные организации или религиозные учреждения. Например, за теракт в Санкт-Петербургском метро взяла на себя ответственность «Аль-Каида», запрещенная в России (по решению Верховного Суда РФ), но, судя по сообщениям в СМИ, общественность обвинила в этом киргизский анклав[1].

Можно привести немало фактов того, как терроризм, рассматриваемый в качестве одной из главных угроз международной безопасности в современном мире, прикрывается исламскими лозунгами. С 2013 года, когда «Братья-мусульмане» вышли на арену политической борьбы в Египте и ряде других арабских стран, в прессе все чаще пишут о политизированном исламе как разновидности крайне агрессивного исламизма. В Египте год правления «Братьев-мусульман» полностью дискредитировал не только это движение, но и весь проект политического ислама.

В результате регулярных сообщений прессы и телевидения о политизированном и радикальном исламизме большинство россиян тему радикального ислама ассоциирует, прежде всего, с запрещенной в РФ организацией ДАИШ (ИГ). В итоге под образ радикально настроенного исламиста попадают все добропорядочные мусульмане страны: в сознании обывателя при сообщениях о деяниях ячеек ИГ в РФ начинает складываться ощущение, что адепты ДИАШ чуть ли не повсеместно присутствуют на российской территории. Становится привычным, что в центральных СМИ транслируют информацию из различных регионов РФ о том, что силовики обнаружили ячейку ИГ при местной мечети. При этом информация о том, насколько массово в мечетях распространяется пропаганда радикализма в СМИ не сообщается[2].

Возникает вполне справедливый вопрос: как взаимосвязаны между собой культура ислама и проявления агрессии, экстремизм и терроризм? На какой стадии происходит подмена понятий и формирование стереотипов?

Рассмотрим положение дел с радикализацией ислама в Башкортостане как одном из центральных регионов Российской Федерации со значимой долей мусульман. По численности населения Башкортостан является одной из наиболее крупных республик, в ней проживают свыше 4 млн человек. Регион является уникальным по многообразию представленных в нем народностей: исторически здесь обосновались более 160 этнических сообществ – приверженцев различных религиозных конфессий. Коренными народностями являются башкиры и татары, традиционно исповедующие ислам. На территории республики

[1] *Рождественский И., Сидоркова И., Басисини А., Звездина П.* Киргизский след: что известно о предполагаемом смертнике из метро, [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., http://www.rbc.ru/society/04/04/2017/58e372ec9a79472dc93f5631

[2] *Патеев Р.Ф.* Эксперт-исламовед: исламский радикализм вряд ли станет системной угрозой, [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., https://eadaily.com/ru/news/2016/09/05/ekspert-islamoved-islamskiy-radikalizm-vryad-li-stanet

сегодня функционируют 12 религиозных центров и 1953 религиозных объединения различных конфессий[1]. При этом мусульманские объединения составляют 69%, т.е. абсолютное большинство. Таким образом, мусульманские сообщества в Башкортостане объединяют довольно значимую часть населения, что, в свою очередь, обуславливает социальную активность имамов, как представителей мусульманского духовенства, с которыми непосредственно общаются прихожане в мечети. От исламского священнослужителя сегодня требуется не только компетентность в вопросах вероисповедания, но и в целом социально-политической, социально-экономической ситуации, способность оказать поддержку мусульманам в разрешении бытовых житейских вопросов и ситуаций. В целом, исследования показывают, что в российском обществе доверие к священнослужителям возрастает.

На сегодняшний день Башкортостан, по мнению Аюпа Бибарсова, первого заместителя главы ДУМ РБ, «в плане нормального, гармоничного развития исламской религии и других конфессий – наиболее стабильный регион в Российской Федерации»[2]. Поэтому у республики закрепился имидж показательной лаборатории межнационального и межконфессионального содружества и развития. При этом Аюп Бибарсов отметил, что «мы придерживаемся традиционного ислама – в частности, мазхаба Абу Ханифы, который является приоритетным направлением мусульман Башкортостана»[3].

Факт того, что мусульмане мирные люди, исповедующие традиционные ценности ислама, подтверждают следующие цифры: в РБ число мусульман, уехавших воевать в Сирию с 2013 по 2015 г. составляет 28 человек[4]. В середине 2016 г. на заседании Госсобрания Республики Башкортостан председателем Совета по государственно-конфессиональным отношениям при главе РБ Вячеславом Пятковым озвучена цифра уехавших воевать за ИГ – 70 человек. Среди них имеются зрелые люди, возраст которых далеко за шестьдесят лет. При этом отмечается, что все отправившиеся на войну – это прихожане разных мечетей Башкортостана[5]. Для такой крупной республики, как Башкортостан, 70 человек, примкнувших к радикалам, не являются показателем широкого распространения радикального исламизма среди населения. Этот показатель можно рассматривать как индикатор приверженности членов местного мусульманского со-

[1] *Карамышев Р.Д.* О религиозной ситуации и профилактике экстремизма и радикализма в религиозной среде на территории Республики Башкортостан // Наука, образование и религия против идеологии экстремизма. Уфа.: Мир печати, 2017. – С. 18.

[2] Власти обвинили имамов в пассивности, [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., http://islamrb.ru/vlasti-obvinili-imamov-v-passivnosti

[3] Там же.

[4] 28 жителей Башкирии уехали в Сирию воевать за ИГИЛ, [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., http://www.gorobzor.ru/newsline/proisshestviya/28-zhiteley-bashkirii-uehali-v-siriyu-voevat-za-igil-20-11-2015.

[5] «Наша версия в Башкирии» – региональное приложение общероссийской газеты независимых журналистских расследований «Наша версия», [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., https://rb.versia.ru/70-zhitelej-bashkirii-uexali-voevat-za-igil

общества к традиционному мирному исламу и культурным ценностям ислама, однако даже единичные случаи выезда в Сирию людей, исповедующих ислам, влияют на формирование в сознании обывателя образа мусульманина как последователя именно радикального ислама.

Вербовка в члены ИГ на территории Башкортостана и других регионов России, как показывает практика, в основном происходит в неформальной обстановке: в кружках различной направленности или в Интернете, уличных (неформальных) компаниях. Вряд ли можно говорить о наличии каких-либо методов пропагандистской работы адептов ИГ или их отличиях в разных регионах РФ, т.к. каждый случай попадания людей в террористические ячейки является в определенной мере уникальным.

Научными исследованиями выявлены некоторые технологии радикализации. В большинстве случаев вовлечение в экстремистскую деятельность происходит под влиянием знакомых или друзей, а также посредством Интернет-знакомств (как было, например, в нашумевшей истории Варвары Карауловой[1]). Завербованным в ряды ИГ, как правило, предлагается под разными предлогами выезжать в Сирию, где воюют радикалы.

Не стоит отрицать, что существуют мусульманские общины (уммы), в которых формируются сторонники ИГ, но они весьма немногочисленны. Наверняка среди них можно найти те редкие общины, имеющие салафитскую направленность, в которых появляются активисты партии Хизб-ут-Тахрир. Эта организация на официальном уровне опровергает свою причастность к террору. Но со стороны имамов открытые призывы совершать хиджру в ИГ услышать практически невозможно, поэтому не может быть и речи о массовости подобной пропаганды с минбаров.

Происходящие сегодня в исламском мире процессы по своей сути похожи на европейскую Реформацию. Конечно, напрямую нельзя сравнивать противостояние шиитов и суннитов с шедшим противостоянием протестантов и католиков, однако можно провести определенные аналогии.

Следует четко видеть различия между исламом и исламским радикализмом. Ислам – прежде всего религия, хотя и охватывающая все сферы жизнедеятельности верующих – семью, быт, социальное и экономическое устройство, исламский радикализм является «идеологической доктриной». Основанная на ней социально-политическая практика, которая характеризуется нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама, требует

[1] Дело Варвары Карауловой. Краткая версия истории про побег студентки МГУ в «Исламское государство» и ее арест, [электронный ресурс], дата обращения: 1.10.2017 г., https://meduza.io/feature/2015/10/28/delo-varvary-karaulovoy.

абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников[1].

Таким образом, факторами радикализации мусульманского населения являются следующие причины. Во-первых, ислам используется террористическими организациями как организационная и идеологическая оболочка своей преступной деятельности. Во-вторых, именно террористические организации искажают и интерпретируют основные постулаты исламского учения в нужном направлении для организации преступной деятельности. В-третьих, радикалы своими обращениями к Корану подрывают гуманную основу ислама – веротерпимость и ненасильственный призыв к единобожию. В-четвертых, внедрение радикалами и СМИ в массовое сознание околоисламских учений, в конечном счете в глазах мировой общественности дискредитирует культуру ислама и провоцирует радикализацию исламского сообщества.

Как известно, во все времена в обществе присутствовал определенный процент людей, имеющих склонность к девиантному поведению. При этом часть из них способна своей преступной деятельности придавать некую религиозную форму, либо это используется в корыстных целях другими преступниками. Нечто подобное происходит с мусульманским сообществом и радикально настроенными верующими, коих на самом деле незначительное меньшинство.

Литература

1. *Гатагова Л.* Между страхом и ненавистью: исламофобия в России // Родина, 2006, №6.

2. Ислам в медийном пространстве, сборник материалов под ред. Кузнецовой-Моренко И.Б. и Салахатдиновой Л.Н. Казань: Открытое Общество, 2004.

3. *Сулейманов Р.Р.* Русские мусульмане: классификация групп, проблемы радикализма, отношение к ним в России // Мусульманский мир, 2015. № 4.

МАЛОФЕЕВА Г.А.
(Россия, г. Уфа)

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Республика Башкортостан остается лидером среди субъектов Приволжского федерального округа по численности молодежи: 882300 человек. Однако большое количество молодежи накладывает огромную ответственность по ее воспитанию, в том числе профилактике асоциальных явлений.

[1] *Гатагова Л.* Между страхом и ненавистью: исламофобия в России // Родина, 2006, № 6. С. 25.

Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан, органами молодежной политики, физической культуры и спорта администраций муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан, детскими и молодежными общественными объединениями проводится систематическая работа по профилактике экстремизма в подростково-молодежной среде.

В 2017 году органами и учреждениями молодежной политики проведено 2160 мероприятий с общим охватом 79 658 человек. Выявлено 314 материалов, содержащих экстремистский контент.

Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан запланирована организация и проведение Республиканского форума по профилактике экстремизма в молодежной среде на 4 квартал 2017 года. На данный момент ведется организационная работа.

Для участия в форуме приглашаются представители различных конфессий, национально-культурных объединений, детских и молодежных общественных объединений, высших и средних учреждений профессионального образования, органов внутренних дел, руководители органов молодежной политики муниципальных образований Республики Башкортостан.

Региональная общественная молодежная организация поддержки общественных инициатив «Молодежные землячества» Республики Башкортостан при поддержке Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан ежегодно проводит молодежный образовательный этнофорум «Наследие Урала». С 18 по 20 августа 2017 года в формате проведен межнациональный молодежный образовательный этнофорум «Наследие Урала». В рамках форума проведены образовательные площадки (изучение истории, культуры, традиций народа Республики Башкортостан, молодежное предпринимательство) и мастер-классы и т.д. Общее количество участников составило 300 человек.

Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан проводится Республиканский конкурс среди органов и учреждений молодежной политики на лучшую организацию работы по профилактике среди несовершеннолетних и молодежи по месту жительства (номинация «Профилактика экстремизма в молодежной среде»). До 30 октября 2017 года принимаются заявки от муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан. Итоги конкурса будут подведены в ноябре 2017 года.

В 4 квартале 2017 года Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан будет проведен Республиканский конкурс по профилактике экстремизма в молодежной среде. Для участия в конкурсе принимаются авторские видеоролики, снятые (созданные) любыми доступными средствами, листовки, мотиваторы, демотиваторы.

При создании творческих работ участникам рекомендуется придерживаться следующих профилактических направлений:

– «Антитеррор: голос юных, выбор молодых» (экстремизм и терроризм в молодежной среде: причины и последствия);

– «Мы дружбою нашей сильны!» (толерантность в межнациональных и межрелигиозных отношениях как средство профилактики экстремизма, демонстрация гармоничных норм межличностных отношений между сверстниками, разными социальными группами);

– «Безопасные сети» (обнаружение и фиксирование в сети Интернет ресурса, содержащего информацию экстремистского характера с помощью PrintScreen);

– «Горжусь своей республикой, горжусь своей страной» (роль гражданско-патриотического воспитания в профилактике экстремизма в молодежной среде).

В целях приобщения детей, подростков и молодежи к культуре и развитию интереса к родному языку, к истории, обычаям, традициям, искусству народов Республики Башкортостан, Министерством молодежной политики и спорта республики совместно с органами молодежной политики городов и районов проводятся культурно-лингвистические лагеря.

Министерством ежегодно проводится Республиканский конкурс программ летних профильных лагерей, а также в соответствии с постановлением Правительства Республики Башкортостан № 80 от 29 марта 2009 года «Об оказании государственной поддержки молодежным и детским общественным объединениям в Республике Башкортостан», проведен конкурс проектов (программ) молодежных и детских общественных объединений на соискание государственных грантов в форме субсидий по номинации «организация и проведение летних профильных лагерей, фестивалей, слетов, форумов».

По итогам конкурса частичное финансирование получили профильный культурно-лингвистический лагерь «Дружба народов» МБУ «Калтасинский районный клуб для детей, подростков и молодежи «Центр», Межрегиональный детский творческий лагерь «Усточикар – 2017» отдела молодежной политики и спорта Администрации МР Татышлинский район РБ, башкирский культурно-лингвистический лагерь «Лемеза–2017» МБУ Спортивно-подростковый клуб «Алпамыш» МР Иглинский район РБ.

В 2017 году из бюджета Республики Башкортостан профинансированы 3 лагеря по государственной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие в Республике Башкортостан»: Республиканский профильный лагерь «Лето. Дружба. Асылыкуль» в Уфимском районе, эколого-краеведческий, оздоровительный лагерь «Һуҡмаҡтар» в ГО г. Нефтекамск, башкирский культурно-лингвистический лагерь «Лемеза–2017» в Иглинском районе.

В рамках проведения лагеря проходит изучение традиций, обычаев, костюмов народов Башкортостана, проводятся занятия по декоративно-прикладному творчеству, национальные праздники и т.д.

Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан совместно с органами и учреждениями молодежной политики муниципальных районов и городских округов республики ежегодно проводятся мероприятия, посвященные Дню солидарности в борьбе с терроризмом.

Мероприятия по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде, приуроченные ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом, освещались на официальных сайтах Министерства, муниципальных районов и городских округов, в социальных сетях, средствах массовой информации.

Министерством молодежной политики и спорта Республики Башкортостан, начиная с 2012 года, ежегодно проводится молодежная акция «Эстафета дружбы».

3 сентября 2017 года в парке имени Лесоводов Башкирии была организована и проведена акция «Эстафета Дружбы», посвященная Дню солидарности в борьбе с терроризмом. К проведению мероприятия были привлечены детский центр «Тамыр» и ОМПК «Апельсин» Советского района городского округа город Уфа.

Цель акции: формирование духовно-нравственных ценностей в подростково-молодежной среде, расширение знаний о культуре народов, проживающих на территории Республики Башкортостан, воспитание уважительного отношения к традициям и обычаям народов, профилактика проявлений экстремизма в молодежной среде.

Квест включал в себя восемь контрольных пунктов, которые так или иначе были связаны с культурой и традициями народов нашей республики. В одном из пунктов необходимо было из множества элементов собрать национальные костюмы разных народностей, в другом дегустировали различные блюда и пытались отгадать их названия, а также танцевали народные танцы, решали конфликтные ситуации, вспоминали достопримечательности России и Башкортостана. Финалом мероприятия стал танцевальный флешмоб, и конечно же, церемония награждения. Команда победителей «Башмачок» получила подарочные сертификаты от партнёров мероприятия Квест-кафе «Острова», а также все участники были отмечены памятными призами.

Участниками «Эстафеты дружбы» стали более 100 молодых людей.

Органами и учреждениями молодежной политики организовано и проведено 1688 мероприятий, приуроченных ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом с общим охватом 182895 человек. В том числе 680 спортивных мероприятий с охватом 10205 человек, 300 культурно-массовых мероприятий, акций, флешмобов, квестов с охватом 45103 человека, 389 классных часов, уроков памяти с

охватом 62535 человек, 64 мероприятия с демонстрацией видеофильмов и роликов, с охватом 25620 человек, 72 лекции с охватом 3103 человека, 10 тренингов и коррекционных занятий с охватом 1011 человек, 639 человек приняли участие в анкетировании.

8 сентября в Муниципальном районе Нуримановский район организован и проведен муниципальный молодежный форум «Молодежь против терроризма и экстремизма». В пленарном заседании приняли участие Карамышев Р.Д. – руководитель центра социокультурного моделирования института гуманитарных исследований; Арсланов А.Н. – Первый заместитель председателя – муфтия ЦРО Духовного управления мусульман Республики Башкортостан; Екимовоч А.Л. – протоирей, руководитель религиозной организации «Приход храма преподобного Моисея Уфимского с. Павловка»; Нурмухаметова А.А. – директор ГБУ Республиканский молодежный социально-психологический и информационно-методический центр; Хазимуллина Е.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования; Валеев Р.Х. – руководитель местной мусульманской организации «Аль-Сабира»; Хакимов И.Р. – руководитель местной мусульманской организации с. Нимислярово; Абдрахманов И.Ю. – руководитель департамента по культуре при Духовном управлении мусульман, популярный певец среди молодежи; Смакаев А.Ф. – член Молодежной общественной палаты при Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан, победитель всероссийских турниров по спортивной борьбе грэпплинг и по боевому самбо.

В рамках форума прошли мастер-классы: «Молодежь – за здоровый образ жизни!»; «Роль мечетей в противодействии идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи»; «Выявление экстремистских призывов»; «Механизм вовлечения в деятельно экстремистских организаций (речевая, интернет)». Участниками форума стали 200 человек.

МАРДАНОВ М.Х.
(Россия, г. Уфа)

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Экстремизм, основанный на религиозных идеях, имеющий религиозную подоплеку, стал одной из основных опасностей нашего времени. С этой проблемой во второй половине XX в. сталкивались многие страны. В общественном сознании терроризм на религиозной основе чаще всего связывается с исламом.

На самом деле нет ни одной крупной конфессии, которую бы обошло это явление. История XX в. знает терроризм сикхский и индуистский, протестантский и католический, терроризм иудейских фанатиков. В последней четверти XX в. в разных регионах мира, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке, происходит формирование исламских организаций радикального толка, берущих на вооружение террористические методы борьбы – «Хезболлах», «Хамас», «Исламский джихад», «Талибан», «Хизб-ут-ахрир», «Аль-Каида» и др.

С конца 1990-х гг. проблема религиозного экстремизма и связанного с ним терроризма не исчезла, а стала острее. Если поначалу территорией, где проводились террористические акции, были республики Северного Кавказа, в первую очередь, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Осетия, Кабардино-Балкария, то теперь зона действия террористического подполья расширилась, выйдя за пределы Северного Кавказа и превратившись, фактически, в общероссийскую проблему. В территорию войны для исламских радикалов превращаются населенные пункты в сельской местности, жилые кварталы городов, общественный транспорт, аэропорты и т.д. При этом главной задачей становится не только и даже не столько нанесение максимального урона живой силе противника в лице военных, полицейских или представителей государственной власти, сколько проведение устрашающих и деморализующих акций в местах массового скопления людей для достижения наибольшего количества жертв.

В настоящее время в российском многонациональном и поликонфессиональном обществе существуют проблемы, которые связаны с трудными и неоднозначными процессами в экономике, социально-политической и духовной сфере. Они являются благоприятной средой для проявления экстремистских идеологий и такой крайней её формы как терроризм.

Представляется, что силовая составляющая в борьбе с религиозным экстремизмом должна сочетаться с идеологической и организационной деятельностью, препятствующей подготовке смертников, пополнению террористического подполья. При этом внимание должно уделяться превентивным, упреждающим действиям. Особое значение приобретает грамотное использование конструктивных потенциалов традиционных российских конфессий, их религиозных организаций и лидеров.

Реалии современности актуализируют проблематику формирования антиэкстремистской идеологии на основе использования религиозных ценностей, заложенных в традиционных российских конфессиях.

Религиозные организации осознают свою роль и публично осуждают террористические акты и сам терроризм как стратегию устрашения властей и населения, жертвами которой становятся невинные граждане.

Сама по себе принадлежность к исламу ни в коем случае (и это необходимо особо отметить) не делает верующего сторонником политического терроризма.

Ислам превращается в идеологическую оболочку терроризма усилиями тех политиков и религиозных деятелей, которые уродуют и выворачивают наизнанку заложенные в нем гуманистические идеи (проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман, призывы к соблюдению морально-этических принципов ислама, осуждение роскоши и стяжательства).

Для того чтобы человек стал восприимчив к идеологии радикального ислама, нужно, чтобы совпало два момента, воспринимаемые человеком как личностные – это кризисное состояние общества и кризис личности.

Когда при большом объеме дезинтегрирующих и деструктивных тенденций, наблюдаемых в обществе, а также при отсутствии объединяющих общество общенациональных идей накладывается личная драма, связанная с невозможностью реализации собственных амбиций, неприятием окружающей действительности, где человек, как правило, молодой, не находит себе места, кризисом системы ценностей – создаются благоприятные условия для успешного ведения пропаганды радикальных, экстремистских идей.

Человек не становится экстремистом в один день. Этот процесс занимает определенное время, зависящее от конкретных обстоятельств и личных особенностей. Но у любого человека, попавшего под влияние радикального идейного течения, происходят изменения психики. Эти изменения отражаются в бытовом поведении, в том, как он разговаривает, даже внешности. Если в течение того времени, пока происходит трансформация личности, найти способы воздействия на нее, нейтрализующие воздействие ваххабитской пропаганды, то возможно ограничить, а в перспективе прекратить пополнение террористического подполья.

Первоначальный этап воздействия на новичка связан с критикой существующих социальных порядков, несправедливости в распределении материальных благ, неправедности действующей власти, сопровождающего все это упадка нравственности. Критика выстраивается достаточно умело и таким образом, что с доводами проповедников радикального ислама может согласиться любой нормальный здравомыслящий человек.

После первого подготовительного этапа наступает основной, когда на подготовленную почву отрицания современного общественного устройства накладываются уже собственно экстремистские идеи и концепции в их крайнем, радикальном варианте.

Если оставить в стороне сугубо богословские расхождения, то есть ряд основных вопросов, на которых строится пропаганда радикальных исламистов и в понимании которых расходятся они и обычные мусульмане:

- что такое исламское государство, оно же халифат;
- может ли мусульманин жить в светском государстве и на каких условиях;
- что такое джихад, его формы, как и когда он ведется;

- как должен относиться мусульманин к немусульманам;
- в связи с этим всем – что такое быть мусульманином, муслимом.

Методикам обращения и удержания новых адептов придается в этих организациях огромное значение.

Обращение (в простонародье «вербовка») – «форма пополнения возникшим или уже существующим религиозным объединением рядов своих последователей»[1].

Специалисты выделяют две разновидности обращения в новых религиозных движениях: бесконтактную и контактную (активную).

Бесконтактная форма. Особенность данного типа обращения состоит в том, что знакомство с вероучением происходит не в результате встреч и бесед и даже не посещения собраний или богослужений с последователями данного объединения. Усвоение учения и практик, реальное следование им как истинным жизненным идеалам и программам могут стать и следствием интенсивного чтения литературы, прослушивания видео- или аудиокассет с выступлением основателей или лидеров движения, рассказами об истории, учении и обрядах группы или организации. Иногда эту форму обращения называют интеллектуальной.

Контактная форма. Нетрадиционные религии, не имеющие корней в национальных и культурных традициях, вынуждены использовать разнообразные способы рекрутирования последователей. Большинство из этих способов чуждые или неизвестные миссионерской практике традиционных верований. К ним относятся беседы на улицах и в других местах массового скопления людей, посещения и беседы на дому[2]. На человека, находящегося в состоянии духовного поиска, производят сильное впечатление бьющая ключом радость и восторженный тон, с которыми миссионеры рассказывают о своей приобретенной вере.

Психологическая атмосфера в группе отличается энтузиазмом новообращенных, эмоционально-духовной напряженностью религиозной жизни, неформальностью отношений. Лидер – харизматическая личность, духовный наставник, готовый предельно ясно ответить на любой вопрос. В отличие от большой православной или мусульманской общины особенностью малых групп является то, что никто не теряется в массе, что позволяет руководителю держать своих последователей под постоянным контролем и оказывать на них непосредственное воздействие. Новообращенный постоянно находится в сфере внимания и влияния членов общины, побуждается к активной деятельности в интересах организации. Так или иначе молодой человек здесь находит ответы на свои вопросы, формирующие новую систему ценностей, часто противоречащую окружающему миру.

Международный масштаб движения, носящего сакральный характер, дает ощущение значимости собственного существования и своего участия в нем и

[1] *Кантеров И.Я.* Новые религиозные движения в России. М., 2007. С. 142.
[2] Там же. С. 148–150.

придает дополнительное подтверждение истинности учения. Для сектантских направлений в мировых религиях характерно изменение представлений о взаимоотношении Бога и человека как его творения. Предлагается более надежный, короткий и быстрый путь к спасению. В частности, в радикальном исламе в качестве такового выступает смерть на пути джихада, который, как уже указывалось, понимается сторонниками радикального ислама только как война с «неверными», в том числе с мусульманами, не разделяющими их воззрений.

Все вышесказанное выступает аспектами, которые необходимо учитывать в рамках задачи формирования антиэкстремистской идеологии. И деятельность по выполнению этой задачи несомненно необходимо осуществлять в совместном партнерстве органов власти, духовных управлений, образовательных учреждений и общественных организаций. Но в первую очередь эта обязанность возлагается на централизованные духовные управления, поскольку именно они обладают достаточным инструментом для формирования комплекса идей, способного противостоять радикальным экстремистским идеологиям.

ПЕТРОВ А.П.
(Россия, г. Уфа)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ ПОСТУПЛЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СПИСОК МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Конституция, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную и иную ненависть и вражду, пропаганду национального, религиозного или языкового превосходства (статья 29).

Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года предусмотрено, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом.

В интересах реализации названных конституционных запретов и противодействия распространению идеологии экстремизма задачи обеспечения безопасности личности, общества и государства отнесены к числу приоритетных.

Изменения, происходящие в современном мире и России, в частности, обусловливают активизацию различных видов течений крайней направленности

(экстремизм), наряду с уже ставшими привычными некоторые ученые начинают выделять новые виды экстремизма, например, такой как молодежный. В то же время наименования экстремизма «мусульманским» или «христианским» неприемлемо, так как его корни лежат не в традиционно понимаемых религиях, а в их искажениях, насаждаемых раскольниками, сектантами, либо прямыми агентами запрещенных террористических организаций.

Известно, что как условия содержания, так и сама социальная среда в местах лишения свободы весьма благоприятна для вербовочной деятельности. Прежде всего, благодаря контингенту, среди которого немало людей, считающих себя незаслуженно осужденными и униженными властью и социальным устройством страны. Подобные обстоятельства могут использоваться людьми, пытающимися расшатать действующий конституционный строй и создать серьезнейшую угрозу основам государственности.

Важнейшим инструментом вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность являются тексты. Характеристика подобных агрессивных материалов неоднородна. Основываясь на разных структурах и системах, они представляют собой широкий спектр жанров общественно-политических или идеолого-религиозных публикаций, обладают определенными параметрами, способствующими реализации общей направленности на возбуждение ненависти, розни, побуждению к насильственным действиям.

Часто подобные тексты несут конфликтогенный характер латентно. Так, в националистической среде значительное распространение получают агрессивные музыкально-поэтические произведения, где в качестве образа врага не всегда функционируют конкретные образы.

Отдельного внимания требуют материалы, определяемые как дидактические тексты радикального и экстремистского характера, подобные материалы отличает значительный объем, направленность на просвещение и обучение воспринимающих. Нередко в них содержатся материалы инструктивного характера, прививающие и развивающие навыки производства определенных действий насильственного или разрушительного характера.

Понятие «Федеральный список экстремистских материалов» было введено федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 года. Закон определяет экстремистские материалы как предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или

религиозной группы. По состоянию на 01 августа 2017 г. список включает 4173 пункта *(необходимо отметить, что в список включена не только литература, но и другие источники информации)*. Признание информационных материалов в качестве экстремистских закон возлагает на федеральные суды, которым, как другим правоприменителям, для уяснения языкового смысла необходимо обращаться к помощи специалистов.

Для противодействия распространению экстремистских материалов в местах лишения свободы важное практическое значение имеет выявление информационных материалов, издаваемых экстремистскими организациями под видом религиозной литературы. Работа с контингентом, имеющим отношение к религиозному экстремизму в ИУ, позволяет предположить, что система профилактики распространения в ИУ экстремистских материалов должна охватывать по крайней мере три основных направления работы:

ПЕРВОЕ. Пресечение и предотвращение экстремистской пропаганды в местах лишения свободы.

С одной стороны, для этого необходимо тщательно проверять религиозную литературу, аудио- и видеоматериалы, поступающие к осужденным. Проводя проверки, сотрудники УИС руководствуются прежде всего вышеназванным Федеральным списком Минюста России. Однако экстремистские по своему содержанию материалы не всегда фигурируют в вышеупомянутом Федеральном списке, поэтому для эффективного выявления средств экстремистской пропаганды сотрудникам нужна консультационная помощь священнослужителей, сектоведов и других специалистов, способных оказать действенную помощь в распознании признаков деструктивных материалов.

ВТОРОЕ. Информационно-просветительские и культурно-воспитательные мероприятия, нацеленные на профилактику экстремизма.

Задачей сотрудников является создание идейного противовеса для экстремистских взглядов, т.е. в доступной и убедительной форме донести до сознания осужденных мысль о том, что экстремизм не только вступает в противоречие с правовыми нормами, но и в корне искажает подлинную систему религиозно-этических ценностей. Для организации этой работы в планы занятий по социально-правовой подготовке включаются темы, в рамках которых раскрывается преступная сущность экстремистской идеологии и разъясняется вопрос ответственности за преступления террористического и экстремистского характера. Библиотечный фонд ИУ регулярно пополняется литературой антиэкстремистского содержания; организуются просмотры телепередач, художественных и документальных фильмов по данной тематике.

ТРЕТЬЕ. Повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников УИС в области противодействия экстремизму и организация их взаимодействия.

Выполнение данной задачи можно осуществлять параллельно с религиозным просвещением осужденных, например, на лекциях и беседах по основам религиозной культуры могут присутствовать не только осужденные, но и сотрудники ИУ. Особенно важно владение этой информацией для начальников отрядов, психологов, оперативных работников и других сотрудников, работающих непосредственно с осужденными. Так, например, в Республике Башкортостан принимаются меры по организации как минимум ознакомительного обучения сотрудников в таких формах, как занятия в системе служебной подготовки и учебно-методические сборы.

Важную роль в реализации всех трех направлений работы играют священнослужители традиционных религиозных конфессий.

В соответствии с планом мероприятий по реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2013–2018 годы, УФСИН России по Республике Башкортостан совместно с Министерством культуры и Академией наук республики, Башгосуниверситетом, Центральным Духовным управлением мусульман России и Башкортостанской Митрополией разработан «План мероприятий по профилактике распространения идеологии экстремизма в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УФСИН России по Республике Башкортостан».

В рамках названного плана и во исполнение указаний ФСИН России, с целью повышения степени защиты от воздействия экстремистской идеологии и профилактики ее распространения воспитательными службами во взаимодействии с другими службами учреждений уголовно-исполнительной системы проводятся следующие мероприятия:

– организована ежеквартальная комиссионная проверка литературы, находящейся в пользовании у подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в библиотеках, молельных комнатах, а также общежитиях отрядов исправительных учреждений и следственных изоляторов, с составлением акта проверки. В ходе проверки при наличии штампа сотрудник делает отметку о дате проверки и ставит подпись, при необходимости к книге возможно приложить листок с полным названием и автором, на котором проставить штамп. В мечети, церкви, молельных комнатах и библиотеках ведутся журналы, в которых указываются сведения об издательстве, авторе и полное название литературы;

– материалы, выполненные на иностранных языках, направляются для проверки на предмет содержания призывов к экстремистской деятельности в оперативное управление УФСИН России по Республике Башкортостан;

– сотрудники режимных, оперативных и воспитательных служб учреждений ориентированы на перекрытие возможных источников поступления деструктивных материалов *(входящая почтовая корреспонденция, свидания осужденных, литература, имеющаяся у осужденного при прибытии в колонию*);

– работа по выявлению лиц, поддерживающих и пропагандирующих данные идеи; лиц, ранее состоявших в организациях националистического и экстремистского толка;

– в библиотеках исправительных учреждений созданы информационные массивы (книжные фонды, видеофильмы и аудиопрограммы, видеоаудиоматериалы), содержащие материалы, направленные на развенчание идей националистического и экстремистского толка *(«Правильное понимание джихада», «Женщина в исламе», «Патриотизм в исламе», «Заблуждения о халифате»* и т.д.), принимаются меры по их регулярному пополнению литературой и видеофильмами об изучении догм традиционных религий, с разъяснением угроз, вызываемых распространением идей экстремизма.

С первых дней пребывания в исправительном учреждении, с осужденными проводится воспитательно-разъяснительная работа, направленная на пропаганду законопослушного поведения, в том числе, недопущение распространения экстремизма, а также доводится информация об ответственности за участие в экстремистской деятельности и распространение экстремистских материалов.

Как уже было отмечено, организация профилактики распространения идей экстремизма невозможна без участия священнослужителей традиционных религиозных конфессий, для чего УФСИН России по Республике Башкортостан заключены соглашения о сотрудничестве в области духовно-нравственного воспитания с ЦДУМ России и Башкортостанской Митрополией РПЦ.

Роль православного священника и имама сегодня очень важна. Так, например, специально для сотрудников исправительных учреждений преподавателями Российского исламского университета (г.Уфа) разработаны методические рекомендации по работе с осужденными, исповедующими ислам, а также список рекомендованной религиозной литературы для осужденных мусульман.

Указанные рекомендации в доступной форме разъясняют сотрудникам основы культуры ислама и позволяют не допустить очевидных ошибок во взаимоотношениях с верующими.

Рассматривая особенности поведения осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность, необходимо отметить, что узкая задача, связанная с предупреждением экстремистских проявлений в период отбывания наказания в колонии, скорее, решается режимными мерами, чем психологическими или воспитательными. Однако, воспитательная работа, нацеленная на исправление осужденных рассматриваемой категории, профилактику рецидива преступлений (если она в принципе возможна), требует определенных, специфических знаний и умений сотрудников исправительных учреждений (психологов, воспитателей, социальных работников) и ставит своими задачами критическое переосмысление осужденным жизненного опыта, отношения к совершенному преступлению и полученному наказанию, оценку собственных внутренних ресурсов и готовность к законопослушной жизни на свободе.

Так, например, в одном из учреждений УФСИН России по Республике Башкортостан в результате совместной работы подразделений колонии получены явки с повинной от осужденного за преступления экстремистского характера, что позволило в апреле 2017 года завершить расследование уголовного дела о создании, руководстве и участии в устойчивой вооруженной группе (банде) и в совершаемых ею нападениях на граждан.

В целях повышения уровня осведомленности сотрудников учреждений УИС, направленного на успешное достижение названных целей, профессиональные знания и умения в данном направлении деятельности требуют постоянного совершенствования и развития. Считаю, что получение сотрудниками УИС новых религиозных знаний очень целесообразно, как, например, на базе Казанского (Приволжского) федерального университета в 2014 году ФСИН России были организованы курсы повышения квалификации по модулю «исламоведение» для сотрудников уголовно-исполнительной системы по вопросам выявления лиц, исповедующих нетрадиционный ислам.

РОЗЕНФЕЛЬД В.Я.
(Россия, г. Уфа)

РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРИЧИНА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

Опасность влияния деструктивных религиозных культов начинает находить признание в современном обществе. На сегодняшний день основным средством профилактики данного явления является комплекс образовательных и просветительских мер под общим названием «Духовная безопасность». Не подвергая сомнению эффективность данного метода, хотелось бы, тем не менее, говорить об актуальности более срочных, более оперативных мер.

Как известно, Духóвность, в самом общем смысле – совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы. В подавляющем большинстве подходов к духов-

ности она рассматривается как явление, выходящее за рамки индивидуальности и связанное со сверхличностными, божественными или космическими силами. Духовность является признаком зрелости личности, вышедшей за пределы своих узких интересов и преходящих ценностей.

В современном религиоведении «духовность», в наиболее общих чертах, характеризуют как «жизнь, проживаемую в полноте уникального опыта внутренних переживаний человека, в которых могут присутствовать традиционные западные культурные символы» и другие значимые для человека образы. Как утверждает Британский социолог религии профессор Айлин Баркер, «духовность» отличается от религиозности тем, что источником последней является внешний мир в виде предписаний и традиций, тогда как источником духовности является внутренний опыт человека. Значит, если традиционно понимать под духовностью совокупность моральных ценностей и традиций, то «Духовная безопасность» – не может оперативно противостоять росту религиозного экстремизма.

Секты, как правило, работают не с интеллектом, а с комплексом примитивных суеверий, на уровне базовых потребностей человека. Но, именно это делает их тактику беспроигрышной. А суевериям в той или иной степени подвержены почти ВСЕ, вне зависимости от социального и интеллектуального статуса. Соответственно, можно сколько угодно увеличивать уровень и количество культурологических дисциплин, но это слабо защитит людей от сектантского влияния. Общеизвестно, – под сектантское влияние попадали ученые, политики, бизнесмены наравне с домашними хозяйками. И уровень знаний и культуры, – не панацея от вовлечения в секту и психокульт, особенно в последний. Соответственно, я предлагаю опустить планку и говорить о безопасности религиозной, а не духовной. И это не просто терминологические разногласия.

Можем ли мы сейчас делать ставку на «внутренний мир и духовный опыт наших сограждан, когда они абсолютно религиозно дезориентированы? Крайне неприятный парадокс – почти 30 лет полной религиозной свободы и даже поощрения религиозности привели к почти поголовной религиозной неграмотности населения. А что такое религиозная неграмотность? Это уровень бытового оккультизма. И именно повсеместное распространение оккультизма является настоящей опасностью. Не религиозность, а комплекс примитивных суеверий, что является для распространения сект питательным бульоном.

Мы упорно говорим о преодолении религиозной неграмотности силами традиционных религий. Но, давайте скажем правду. Под ликвидацией рел. неграмотности подразумевается религиозное образование. Т.е., по сути дела проповедь. Представим себе, что под влиянием религиозного образования мы вытесним проповедь сектантскую. Это было бы замечательно.

Готовы ли традиционные религии сегодня развернуть программу религиозной грамотности? С методикой, единой концепцией, корпусом педагогов, учебными пособиями? Представим себе на секунду, что да. Готовы. Будет ли этот опыт успешен?

Предвижу следующие препятствия.

Границы традиционных религий крайне размыты. Такое явление, как псевдоправославие и псевдоислам стало реальностью. Соответственно, маскирующиеся под традиционные религии секты и психокульты обязательно возьмут под контроль часть образовательного процесса. А поскольку они мобильнее, организованнее, а методик противодействия не разработано, часть эта будет весьма значительной. Более того, чем больше преференций и льгот будут получать традиционные религии, тем больше сект будет стремиться работать под этим обличьем. Общеизвестные факты – адепты МОСК внедряются в православные паломнические группы, БФ «Пища жизни» (тоже МОСК) неоднократно проводил деятельность на территории мечетей и Православных храмов в Салавате, грубейший психокульт проводит детский лагерь под крышей уф. Епархии.

1. Сектантское образование использует технологии далеко опережающие методики воскресных школ. В мир пришло зловещее понятие «коучинг». Мы даже представить себе не можем, сколько возможностей открыли для проповеди психотехнологии. Сегодня психотренинг используют в своей работе пятидесятники. Появились понятия пастор-коучер, епископ-коучер.

Психотренинги используют в работе адепты С. Пеуновой, союз сотворцов святой Руси, Неоиндуисты. Образование у психокультов, действительно, идет очень энергично. Пока мы читаем доклады на круглых столах, – открыта магистратура по коучингу в Московском институте психоанализа, есть информация, что через Госдуму РФ проводится законопроект об образовательном стандарте коучинга.

2. Наконец, повальное увлечение оккультизмом. Какого-либо сопротивления на этом поле не оказывается вообще. По наблюдениям, более половины людей, причисляющих себя к традиционным конфессиям, не видят ничего плохого в посещении гадалок, целителей, мастеров йоги и различных тренингов.

По утверждению профессора Диего Алонсо Лас Эрес, Григорианский католический университет, задача защиты религиозных принципов в современном обществе кажется невыполнимой. Падает престиж церквей, посещаемость приходов, идет модернизация всех сфер общества. Единственной стратегией верующих против «вымирания религии» становится сопротивление. Это ложный путь. Стратегия прямого сопротивления редко бывает удачной. Сейчас люди в разных сферах могут выбрать различные формы религиозности. Защищая свои религиозные ценности, традиционные религии должны учитывать, что у них нет монополии на веру. В таких условиях, не меняя линии поведения, мы в бли-

жайшем будущем можем стать свидетелями, как минимум расширения количества традиционных религий… или ликвидацией этого понятия, как такового. Мы можем стать свидетелями естественной секуляризации. Мне очень верным представляется определение религиоведа Дмитрия Узланера, – процесс, посредством которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое социальное значение.

В обстановке религиозного плюрализма у конфессий два пути: или противостояние влиянию сект на уровне бытового оккультизма, попытаться отыграть мяч на поле религиозной неграмотности, либо помогать государству эту грамотность повышать, повышая заодно, и это очень важно, свой социальный статус.

Выводы напрашиваются следующие:

1. Запуская в работу проект «духовной безопасности», надо отдавать себе отчет, что это образовательный, культурологический, рассчитанный на школьную методику процесс, результаты которого скажутся, в лучшем случае, через несколько лет.

2. Религиозное образование исключительно силами конфессий на сегодняшнем уровне не способно нейтрализовать влияние сект и психокультов по указанным выше причинам.

Разумным выходом нам представляется разработка и введение курса религиозной безопасности, разработанного религиоведами, сочетающего в себе правовые, образовательные, культурологические и духовные аспекты, и направленного исключительно на профилактику влияния деструктивных религиозных групп. Выгода этого курса в том, что читаться он может, как на религиозных, так и на светских площадках.

Таким образом, курс религиозной безопасности может стать:

1. Фактором, способным оперативно нейтрализовать влияние деструктивных религиозных групп, и стать связующим звеном с проектом «духовной безопасности», в первую очередь с преподаванием ОДНКР.

2. Стать реальным проектом государственно-конфессионального сотрудничества в столь актуальном сегодня деле, как профилактика религиозного экстремизма.

Литература

1. *Лункин Р.,* руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН «Эксперты и религиозные деятели о защите религиозных ценностей». – М., «Религия и право», 2017.

2. *Фуллер Р.* «Духовные, но не религиозные». – Издательский дом «Oxford University Press», 2001. С. 224.

3. *Узланер Д.А.* Неоклассическая модель секуляризации в западной социологии религии второй половины XX – начала XXI вв.». М., 2009, МГУ.

РАХМОНОВ А.С.,
НУРИДИНЗОДА М.С.
(Республика Таджикистан, г. Душанбе)

ОПЫТ РАБОТЫ РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКОГО (СЛАВЯНСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА ПО ВОСПИТАНИЮ МОЛОДЕЖИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА

В 1996 году на основании двустороннего Соглашения России и Таджикистана в образовательном пространстве нашей страны начал функционировать Российско-Таджикский (славянский) университет (РТСУ). Организатором и первым ректором РТСУ был Сатторов Абдуджаббор Сатторович. Тогда ещё, 20 лет назад, в церемонии открытия университета принял участие Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, по инициативе которого и был создан новый вуз как зримый итог таджикско-российского сотрудничества в области образования и культуры.

Беглый взгляд на новейшую историю таджикско-российских отношений показывает, что они опирались на прочные исторические предпосылки и всегда отличались высокой динамикой роста. Таджикистан и Россия, выстраивая линию своих контактов, с самого начала исходили из понимания общности долгосрочных коренных интересов народов двух стран. Время убедительно доказало правильность выбранного курса в пользу строительства межгосударственных отношений двух стран в формате стратегического партнерства[1].

Само название учебного заведения – ключ для понимания смысла его создания как сложной системы нового формата со своими внутренними законами. Диалог культур, взаимопонимание и взаимопомощь между народами, находившимися в течение десятилетий в одной стране, невозможно быстро разрушить, каким бы ни было отношение к идеологии социализма. Тем более, что взаимопонимание, толерантность, «общественные договоры» по принципу «сядем за круглый стол» с давних пор были приоритетными в концепциях великих просветителей как на Востоке, так и на Западе. Собственная близкая история доказала, что дружба народов стала одной из главных составляющих Победы в Великой Отечественной войне, Гражданской войне в Таджикистане, способствует преодолению кровавых столкновений во всех «горячих точках» на земном шаре. Стратегическое партнерство РФ и РТ имело давние корни и прочные традиции взаимообмена в области науки и образования. Эти связи нашли конкретное воплощение в проекте создания вуза усилиями и стремлениями обеих стран[2].

[1] Выступление на церемонии открытия нового учебного корпуса Российско-Таджикского (славянского) университета. 30.08.2016 07:43, город Душанбе. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 18.02.2017 г., http://www.president.tj/ru/node/12873.

[2] История становления РТСУ. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 18.02.2017 г., http://www.rtsu.tj/ru/univercity/about/istoriya/#sthash.Tk8sN7US.dpuf.

Концепция качественно нового вуза опирается на примат образования и культуры. Несомненно, образование – основа любого учебного заведения. Культурное, научное образование, основанное на духовности, нравственности, взаимодействии между народами, стало необходимой предпосылкой создания РТСУ. Подготовка специалистов для новых независимых государств, связанных узами дружбы, для выполнения важнейшей миссии – передачи знаний последующим поколениям, – основа магистральных задач РТСУ.

Сегодня РТСУ является одним из крупнейших вузов в стране. В университете ведется учебная и научно-исследовательская деятельность по 18 направлениям бакалавриата, 11 направлениям магистратуры, 3 направлениям аспирантуры и 2 направлениям докторантуры. В структурах РТСУ работают 282 преподавателя, в том числе 44 доктора и 126 кандидатов наук. С момента образования по сей день РТСУ окончили свыше 20 тыс. человек. В РТСУ функционируют пять факультетов и институт: филологический, юридический, экономический, истории и международных отношений, управления и информационных технологий, Институт повышения квалификации, объединяющие 29 кафедр. При РТСУ успешно функционируют различные центры: «Русский мир», культуры, таджикского языка, русского языка и культуры, UNICO; тестирования по русскому языку, ресурсный центр по туризму, центр геополитических исследований, междисциплинарный центр региональных исследований, информационно-ресурсный центр ООН в РТ, информационных коммуникаций, информационный, обучения 1С-бухгалтерии. В 2015/16 учебном году были образованы междисциплинарный информационно-аналитический центр исследований регионов мира и НИЦ по противодействию терроризму и экстремизму.

Наиболее важными подразделениями РТСУ являются библиотека, центр администрирования, тестирования и информационного обслуживания, типография, кафедра ЮНЕСКО, центр геополитических исследований, НИИ миграции, центр «Русский мир», Центр тестирования, комплекс учебной практики в г. Нуреке. С апреля 2007 года при вузе в качестве структурного подразделения РТСУ открыта средняя общеобразовательная школа, деятельность которой осуществляется на основе федерального компонента государственных стандартов общего образования, федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для общеобразовательных учреждений Российской Федерации с учетом национально-регионального компонента Республики Таджикистан.

У коллектива РТСУ и его руководства есть понимание того, что воспитание культурного человека, эрудированной личности опирается на формирование его потребностей в обстановке социальной солидарности и стимулирования. Культурный человек должен понимать и принимать местные обычаи, обладать высоким уровнем образованности и гуманитарной компетентности, в том числе быть лояльным к традициям и ментальности, актуальным в данном обществе, в настоящий момент его истории. Это обеспечивается многими факторами, но,

прежде всего, посредством воспитания гармонично развитой личности, обладающей общекультурными и общепрофессиональными компетенциями. Необходимо отметить, что связующим компонентом в структуризации новой системы образования выступил русский язык, ставший рабочим языком РТСУ, при этом ни в коей мере не умаляя значение государственного языка титульной нации[1].

Воспитательные задачи присутствуют во всех видах деятельности сотрудников университета. Какую бы дисциплину ни вел преподаватель, входя в аудиторию, он обращает внимание на внешний вид студента, на настроение группы и качество подготовки к занятию, ибо это свидетельство того, как студент относится к учебе и умеет трудиться. Каждый педагог стремится не только рассказать о своем предмете, но и пробудить посредством общения в своих молодых слушателях высокие нравственные качества. Необходимо объяснять студентам, что культурный человек должен уважать труд другого человека, что гражданин должен любить свою Родину и своих родных, быть выдержанным и доброжелательным. В самом слове «воспитание» содержится все, что делает человека человеком. Целенаправленно воспитательной работой в РТСУ занимаются кураторы, руководители кружков и клубов, научных работ, КВН и спортивных соревнований.

В соответствии с Национальной концепцией воспитания Республики Таджикистан в Российско-Таджикском (славянском) университете воспитание студенческой молодежи осуществляется с опорой на традиционные ценности, такие как духовность, государственность, патриотизм, коллективизм, милосердие, взаимопомощь, благотворительность, а также приоритеты нового времени: инициативность, креативность, толерантность, предприимчивость. Воспитательная работа направлена на реализацию молодежной политики и творческого потенциала молодежи, выявлению новых дарований, способных внести свой инновационный вклад, опираясь на лучшие традиции старших поколений, и организована по таким направлениям как: духовно-нравственное воспитание; гражданско-патриотическое воспитание; правовое воспитание; культурно-эстетическое воспитание, развитие творческого потенциала студентов; физическое воспитание и формирование здорового образа жизни студентов; профилактика асоциальных проявлений в студенческой среде; развитие органов студенческого самоуправления; организация работы кураторов студенческих академических групп. В реальной деятельности по обучению и воспитанию студентов университета все эти направления тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Реализация воспитательной функции университета осуществляется в единстве учебной деятельности и внеучебной воспитательной работы в вузе.

Немаловажную роль в культурной жизни вуза играет Центр культуры. Это своего рода визитная карточка РТСУ. Для того чтобы выпускать достойных, социально зрелых профессионалов, необходимо выстраивать, постоянно разви-

[1] История становления РТСУ. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 18.02.2017 г., http://www.rtsu.tj/ru/univercity/about/istoriya/#sthash.Tk8sN7US.dpuf.

вать и совершенствовать воспитательную систему, как основной инструмент эффективного учебно-воспитательного процесса. Центр культуры занимает важное место в жизни наших студентов, привлекая их к участию в различных программах и мероприятиях, делая интересным и разнообразным их досуг. Традиции, накопленный опыт, творческая активность самих студентов, отличная материально-техническая оснащенность, театральный реквизит позволяют проводить мероприятия в Центре на высоком уровне. Здесь регулярно проводятся смотры-конкурсы художественной самодеятельности среди студентов всех факультетов. Действующий Центр несет на себе двойную нагрузку, представляя культуры двух народов – России и Таджикистана, расширяя мировоззрение студентов в сфере обмена, диалога культур и национальных традиций. Таким образом, в РТСУ складывается определенная система организации воспитательной работы со студентами; разработана соответствующая нормативно-правовая база ее организации; обогатилось ее содержание, организационные формы и методы; повысилась ее результативность.

Большое внимание в РТСУ уделяется вопросу самоуправления студентов. Это важный фактор подготовки высокообразованных и высококультурных специалистов и граждан Таджикистана. Созданная и функционирующая система студенческого самоуправления действует на уровне вуза и академических групп. Студенты входят в разные структуры студенческого самоуправления. На всех факультетах регулярно проводятся старостаты, на которых решаются текущие вопросы успеваемости и дисциплины, перед студентами ставятся перспективные задачи, на повестку дня выносятся вопросы, связанные с организацией досуга студентов.

В целях создания общего информационного пространства университета первые шаги делает Студенческий информационный центр, в котором задействованы активные студенты под руководством молодых преподавателей.

Деятельность в органах студенческого самоуправления на групповом, факультетском и вузовском уровнях для студентов может стать школой гражданской ответственности, научит их самостоятельности, позволит овладеть навыками делового общения, умением принимать решения и отвечать за свои поступки.

Активизировал свою работу Совет женщин и девушек, который направил свою деятельность на всестороннее формирование личности девушек университета, а также вовлечение их в общественные мероприятия, обеспечения их досуга, решения вопросов в области их прав и интересов. Важно понимать специфику гендерных отношений в Таджикистане. Для многих девушек необходимы социальные технологии вовлечения в общественную жизнь, поскольку в родительских семьях, как правило, девочкам прививают скромность, застенчивость, что впоследствии детерминирует некоторые сложности их социальной адаптации в студенческой среде и в социуме в целом.

На факультете истории и международных отношений РТСУ активно работает клуб «Молодой дипломат». Регулярно в клубе проводятся дебаты, встречи с дипломатическими сотрудниками, послами зарубежных стран. Здесь ежегодно проходит конкурс «Модель ООН» среди групп и активистов клуба. Ребята участвуют в международных студенческих конференциях и круглых столах, в программе-конкурсе «Интеллект-шоу».

Для оказания методической помощи кураторам и их стимулирования, в университете функционирует Школа кураторов. На заседаниях Школы обсуждаются актуальные вопросы по организации воспитательного процесса, подводятся итоги по результатам работы кураторов групп, обобщается опыт кураторов, достигших высоких результатов в своей деятельности. Школа анализирует планы работы кураторов и их качественное выполнение за учебный год[1]. Ежегодно в РТСУ проводятся студенческие конкурсы: Лучший студент РТСУ, Лучший инновационный проект, Лучшая демонстрация активной гражданской позиции. Одним из важных средств позиционирования РТСУ являются его спортивные достижения. Футбольная команда четыре года подряд становилась чемпионом республики в студенческой спартакиаде и профессиональном футболе во второй лиге. Футбольная команда РТСУ за эти годы существования университета завоевала такое количество титулов, какого нет ни в одном вузе республики[2].

Гражданское воспитание в условиях современного Таджикистана объективно является ключевым в обеспечении устойчивого политического, социально-экономического развития и национальной безопасности страны, а студенческий возраст является периодом активного формирования личности, осознания себя гражданином страны. Современные социально-экономические процессы, формирование гражданского общества выдвигают определенные требования к личности деятельного и мыслящего гражданина, умеющего жить в условиях демократии, способного к разнообразной и продуктивной деятельности на благо общества, государства и личностного совершенствования. Все это требует постоянного повышения эффективности образовательной системы, стимулирования у студентов гражданской ответственности, чувства долга, патриотизма, активной жизненной позиции. Именно эти задачи решаются в Российско-Таджикском (славянском) университете.

Со стороны высшего руководства Таджикистана, правительства и парламента Российской Федерации стало доброй традицией принимать участие в чествовании юбилея РТСУ. 30 августа 2016 года в церемонии 20-летия РТСУ, приуроченной к открытию нового здания, вновь принял участие лидер нации, основоположник мира и национального согласия Эмомали Рахмон. В ходе Президент страны Эмомали Рахмон внимательно ознакомился с учебными условиями уни-

[1] Постановление Заседания Ученого совета Российско-Таджикского (славянского) университета по вопросу «О состоянии и перспективах воспитательной работы университета» от 27 декабря 2016 года.

[2] Итоги деятельности Российско-Таджикского (славянского) университета за минувший год http://vecherka.tj/news/itogi-deyatel-nosti-rossijsko-tadzhikskogo-slavyanskogo-universiteta-za-minuvshij-god/.

верситета, провел открытую беседу со студентами и поздравил их с открытием нового учебного корпуса. Глава государства напутствовал молодежь на глубокое изучение современных наук, компьютерных технологий и иностранных языков. В своей речи перед профессорско-преподавательским составом и студентами РТСУ Эмомали Рахмон подчеркнул, что создание Российско-Таджикского (славянского) университета является ярким примером достижений Республики Таджикистан в этой сфере. Более того, история становления РТСУ неразрывно связана с процессом последовательного и комплексного развития двусторонних таджикско-российских отношений в новых условиях государственности.

Необходимо подчеркнуть, что ведущая роль в воспитании студентов всё же принадлежит педагогам, широко образованным гуманистам-интеллигентам, профессионалам, которым по силам гуманизация образовательного и воспитательного процесса в вузе, способным обеспечить подготовку современного специалиста с высшим профессиональным образованием. Испокон веков молодёжь воспитывалась на лучших традициях старшего поколения, но в настоящее время, в эпоху информационных технологий, молодёжь фактически отдана на откуп информационно-пропагандистской обработке и внедрению в их сознание далеко не лучших образцов культуры масс-медиа. В связи с этим роль педагога-наставника в вузе, организация воспитательной работы обретает особую важность и актуальность. Значимость вырастает в разы, если принять во внимание внешние угрозы современного мира, исходящие от радикально настроенных группировок – экстремистских и террористических организаций. Для обеспечения безопасности граждан и качественного социального воспроизводства, укрепления государства Таджикистан, добрососедских отношений с Россией и другими странами именно в образовательной среде должны доминировать правила гуманистического поведения и этикета, уважения и любви к ближнему, стимулы к саморазвитию, познанию лучшего мира, бесценного наследия мировой культуры, идеалы дружбы, братства и сотрудничества во благо всего человечества.

ХАЗИМУЛЛИНА Е.Е.
(Россия, г. Уфа)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЧЕВОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦЕНТРА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ И РЕДАКТИРОВАНИЯ БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ

Как это ни парадоксально, однако приходится констатировать, что нередко именно свобода слова – право людей на производство и распространение информации без цензуры (важная ценность современной России), трактуемая подчас очень произвольно, вопреки существующему законодательству, – как

вседозволенность, приводит к конфликтам, которые разрешаются в судебном порядке. Текстовые деликты становятся предметом специальных лингвистических исследований (или экспертиз), поскольку представляют собой потенциальную или реальную угрозу защищенности личности, общества либо государства от противоправных речевых действий, в т. ч. экстремистского характера.

Речевой, или словесный, экстремизм определяется как целенаправленный акт публичной передачи сообщений «в форме устных или письменных речевых высказываний, которые призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка, оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)»[1]. Понятие речевого экстремизма возникает не случайно: дело в том, что большая часть экстремистских преступлений[2] совершается посредством речи – деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности людей по признаку их социальной, расовой, национальной или религиозной принадлежности; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий; содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления информационных услуг и др.

Центр лингвистических экспертиз и редактирования (ЦЛЭР) – особое структурное подразделение кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы, которое эффективно работает в сфере речевой безопасности. С 2011 г. его сотрудниками было проведено около 100 досудебных исследований и судебных экспертиз более 5 000 книг, брошюр, листовок, рукописей, электронных сообщений в социальных сетях, аудио- и видеозаписей. Большая их часть – тексты, способные спровоцировать межнациональные, межконфессиональные и иные конфликты,

[1] *Галяшина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: «Юридический Мир», 2006. – 96 с. – С. 32.

[2] См.: Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. (п. 1, ст. 1).

содержащие публичные призывы к свержению строя на территории Российской Федерации и других государств, к совершению терактов, поджогов, убийств, военных действий против конкретных личностей, ряда социальных групп, населения (наций, народов, конфессий) стран, против правительств и т. д.

Досудебные лингвистические исследования служат средством профилактики против распространения идеологии экстремизма и терроризма. Лингвистическая же и комплексная экспертиза – это особое процессуальное действие (аргументированный ответ специалистов: лингвистов, религиоведов, политологов, историков, психологов и др. – на вопросы следствия и суда), частным результатом которого является, например, запрет экстремистской литературы и – в совокупности с другими фактами правонарушений – изоляция от общества экстремистов и террористов.

География работы ЦЛЭР – Москва, Санкт-Петербург, Вологда, Самара, Севастополь, Крым, Башкортостан. Он заслуженно признан крупным российским центром изучения теоретических оснований лингвистической экспертизы[1], поскольку работа в нем осуществляется на основе строгих научных принципов, применения и развития методов, а также эксклюзивных методик исследования конфликтогенных текстов[2], в частности, описания речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций, индивидуального ролевого анализа участия в такой деятельности, выявления скрытых призывов, стратегий и тактик вуалирования конфликтогенного смысла, форм и речевых средств выражения коммуникативных намерений.

Трудно переоценить важность подобных исследований, ведь опасность речевого экстремизма состоит: а) с одной стороны, в эксплуатации гиперцелей, значимых для многих людей, а с другой – в «простоте» предлагаемых способов их достижения; б) в обращенности призывов к широкой, в т. ч. к самой психологически и экономически незащищенной, однако активной и мобильной аудитории – молодежи; в) в направленности не только на оправдание, пропаганду, но и осуществление деструктивных, и, в частности, террористических действий против многочисленных социальных, национальных, конфессиональных и расовых групп людей, целостности государств, свободы личности; г) в манипулятивности, скрытости воздействия на адресата речи; д) в вирусном распространении этих идей благодаря социальным сетям, гаджетам.

---

[1] «Acta linguistica petropolitana». Труды института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – Т. XII. Ч. 3. – СПб.: Наука, 2016. 837 с. – С. 261.

[2] См. наши публикации: *Хазимуллина Е.Е.* Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Текст] // Юрислингвистика. № 2 (13). 2013. – С. 78–93; *Фомина Ю.С.* Речевое манипулирование: вербальное воздействие на адресата // Гуманистическое наследие просветителей народов Евразии в культуре и образовании: материалы X Международной научно-практической конференции 10 декабря 2015 г. – Уфа: Издательство БГПУ, 2015. – 370 с. – С. 331–333; *Хазимуллина Е.Е.* К проблеме выявления скрытых призывов в экстремистских текстах (там же, с. 333–339); *Фомина Ю.С.* Роль речевого акта мольба в конфликтогенных текстах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. – 194 с. – С. 189–194; *Фомина Ю.С.* Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах экстремистской направленности // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – Т. XII. Ч. 3. С.-Пб.: Наука, 2016. – 837 с. – С. 441–451; *Хазимуллина Е.Е.* Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций (там же, с. 453–469).

Обязательные компоненты текстов экстремистской направленности – это:

1) навязывание пресуппозиций о виновности в существующем (утрированном) «положении дел» конкретных социальных групп (народов, наций, конфессий, классов и т. п.), правительств, глав государств, целых стран. Один из способов создания таких пресуппозиций – исторические и псевдоисторические повествования о фактах, доказывающих несправедливость «виновных», а также их неравенство, неполноценность по сравнению с противопоставленной им, идеализируемой социальной группой (*«мы хорошие» – «они плохие»*);

2) представление о «виновниках» как носителях исключительно негативных черт – *глупости, невежества, нравственных «болезней», аморальности, корысти, лжи, злого умысла, лицемерия, опасности, враждебности, жестокости, агрессии, воинственности, греховности, неверия, несправедливости, тирании* и т. п.;

3) выражение на этом, негативно-оценочном, пафосно-эмоциональном, фоне побуждения, явных и скрытых призывов целевой аудитории (представляемой как избранной, наделенной особыми полномочиями и потенциальными, будущими благами) к «справедливой» ненависти, вражде, борьбе с «врагами», совершению против них насильственных, вооруженных действий;

4) наличие прямых и косвенных обращений, негативно-оценочных, категоричных утвердительных и побудительных высказываний; использование средств языка в нетипичных значениях и функциях (в текстах каждой конкретной экстремистской и террористической организации наблюдается применение особой риторики и специального «речевого кода» – характерных идиоматичных слов и выражений, со скрытым смыслом – в целях избегания правовой ответственности);

5) использование неограниченного ряда манипулятивных приемов, в т. ч. речевых стратегий и тактик вуалирования конфликтогенных смыслов, призванных отключить критическое мышление воспринимающего субъекта и обеспечить эффективность его вовлечения в деятельность экстремистских и террористических организаций.

Как показывают наши исследования аудио- и видеозаписей, сделанных скрытой камерой в течение длительного времени наблюдения за подозреваемыми в совершении противоправных действий, процесс такого вовлечения, как правило, приводит к изменению ценностной сферы, сознания, моделей поведения и в конечном итоге – всей личности объекта воздействия. Легче предупредить, чем обернуть вспять эту трансформацию, особенно во взрослом человеке. Вот почему мы считаем, что борьба с экстремизмом и терроризмом – это миссия не только силовиков, правительства или экспертов, но и системы образования, СМИ, всего гражданского общества – социально-политических, культурных, молодежно-воспитательных, национальных и религиозных объединений, способных организовать и осуществлять грамотную контрпропаганду на основе трансляции созидательных, позитивных идей для активной, мирной жизни людей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абасова Бесханум Адиловна – аспирант кафедры философии Дагестанского государственного технического университета,

Абдрафикова Гульнара Хависовна – старший научный сотрудник отдела восточных рукописей Института истории, языка и литературы УНЦ РАН,

Абдрахманова Флорида Ривхатовна – аспирант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,

Абдулагатов Заид Магомедович – заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, кандидат философских наук,

Абдуллаев Мурад Халилович – внештатный научный сотрудник факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук,

Абдуллин Муртаза Рауфович – начальник учебного управления Российского исламского университета ЦДУМ России,

Акбашева Дилара Хамбаловна – доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, кандидат философских наук,

Алмаев Рустам Закирович – доцент кафедры Отечественной истории БГПУ им. М. Акмуллы, канд. ист. наук, доцент,

Аминов Ильдар Ринатович – доцент кафедры Института права БашГУ, кандидат юридических наук,

Андреева Юлия Владимировна – профессор Академии ВЭГУ, кандидат политических наук, доцент,

Асанбеков Муканмедий Керезович – старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете, кандидат социологических наук,

Асланидзе Абесалом Шахзадович – директор экзаменационного центра Батумского государственного университета им. Ш. Руставели, доктор философии,

Ахмадеев Алим Ахатович – профессор БГМУ, доктор философских наук, профессор,

Ахмеров Ахмад Юрисович – ответственный за тюремное слежение УФСИН Республики Башкортостан, имам-хатыб Первой соборной мечети г. Уфы ЦДУМ России,

Ахметов Мурсаль Альбертович – проректор Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России,

Бигнова Марина Ринатовна – зам. директора по учебно-воспитательной работе МБОУ «Лицей №106» ГО г.Уфа, кандидат философских наук,

Бикметов Евгений Юрьевич – профессор кафедры менеджмента и маркетинга УГАТУ, доктор социологических наук, профессор,

Блейх Надежда Оскаровна – Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова, факультет социологии и социальной работы, доктор исторических наук, профессор,

Булекбаев Сагади Байузакович – профессор кафедры международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, доктор философских наук, профессор,

Вильданов Урал Салимович – заведующий кафедрой социальной работы факультета философии и социологии БашГУ, доктор философских наук, профессор,

Вильданова Гюзель Булатовна – профессор кафедры социальной работы факультета философии и социологии БашГУ, доктор философских наук, доцент**,**

Гайсина Фанира Фасхетдиновна – научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ Российской академии наук, кандидат филологических наук,

Галиев Динар Рафисович – преподаватель Российского исламского университета ЦДУМ России,

Галияскарова Лилия Равшанбековна – преподаватель Российского исламского университета ЦДУМ России,

Гибадуллин Рустам Марсельевич – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) Федерального университета, кандидат исторических наук,

Грачев Дмитрий Константинович – председатель Совета МОО «Интеллектуальный путь»,

Давлетшин Альфред Амирович – председатель совета молодежи мечети «Ихлас»,

Динисламов Талгат Ильшатович – студент Российского исламского университета ЦДУМ России,

Елесайли Нашаат Ахмед Мохамед Али – преподаватель Исламского колледжа им. Марьям Султановой, магистр арабской филологии,

Зайдуллин Раифьян Дамирович – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,

Зианшина Равиля Ибрагимовна – заместитель заведующего Центром научной информации и международного сотрудничества ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»,

Имашева Марина Маратовна – доцент Института Международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета, кандидат исторических наук, доцент,

Искандарова Светлана Айратовна – научный сотрудник отдела восточных рукописей Института истории, языка и литературы УНЦ РАН,

Калимуллин Ринат Хадимович – проректор Российского исламского университета ЦДУМ России, кандидат педагогических наук, профессор,

Кинзябаев Динис Мусаевич – преподаватель Российского исламского университета ЦДУМ России,

Койчуев Айтек Алим-Джашарович – заведующий лабораторией педагогических и этнокультурных исследований в сфере образования Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, кандидат педагогических наук, доцент,

Косых Елена Семеновна – доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент,

Малахов Юсуф Ильдарович – специалист по научной работе Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М.Акмуллы

Малофеева Галина Александровна – зав. сектором воспитательной работы с несовершеннолетними и молодежью Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан,

Марданов Марат Хамитьянович – директор Государственного автономного учреждения «Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан», кандидат политических наук,

Мишучков Андрей Александрович – н.с. Оренбургской Духовной семинарии, доцент Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент,

Музыкина Елена Валентиновна – докторант Казахского Национального университета им. Аль-Фараби, кандидат философских наук,

Муфтахутдинова Диляра Шамилевна – доцент Казанского (Приволжского) Федерального университета, кандидат исторических наук, доцент,

Мухаметзянова Лилия Хатиповна – ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, доктор филологических наук, доцент,

Мухитдинова Резеда Рафитовна – научный сотрудник Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М.Акмуллы,

Набиев Ринат Ахматгалиевич – профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета, доктор исторических наук, профессор,

Нуриаслямов Ринат Накибович – декан теолого-педагогического факультета Российского исламского университета ЦДУМ России,

Нуридинзода Махбуба Сироджидиновна – проректор по воспитательной работе Российско-Таджикского (славянского) университета, кандидат педагогических наук,

Нурмаметов Руслан Рафикович – заместитель председателя ЦРО Духовное управление мусульман Свердловской области (Уральский Мухтасибат). председатель местной религиозной организации мусульман «Просвещение» г. Екатеринбурга Свердловской области,

Нуруллина Роза Вагизовна – доцент Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) Федерального университета, кандидат социологических наук**,**

Осмонова Динара Аскарбековна – доцент кафедры религиоведения и теологии факультета социально-гуманитарных наук Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат медицинских наук, доцент по специальности «Религиоведение»,

Патеев Ринат Фаикович – директор Центра исламоведческих исследований Академии Наук Республики Татарстан, кандидат политических наук,

Пенионжек Евгения Владимировна – начальник кафедры общей психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент,

Петров Александр Павлович – помощник начальника Управления по организации работы с верующими УФСИН России по Республике Башкортостан,

Поломошнов Андрей Федорович – заведующий кафедрой философии и истории Отечества Донского государственного аграрного университета, д.ф.н., профессор,

Рахмонов Азизджон Салмонович – директор Центра исследований регионов мира Российско-Таджикский (славянский) университет, доцент кафедры международных отношений и дипломатии, кандидат исторических наук,

Розенфельд Вадим Яковлевич – руководитель регионального отделения Российской ассоциации центров изучений религий и сект,

Романов Сергей Юрьевич – старший научный сотрудник ГАУ «Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан», кандидат философских наук,

Салихов Ахат Губаевич – заведующий отделом восточных рукописей Института истории, языка и литературы УНЦ РАН,

Сафаргалеев Ильдар Фаатович – заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ,

Сафин Фаиль Габдуллович – заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, доктор исторических наук, профессор,

Сафина Рямзия Магруфовна – педагог дополнительного образования МБОУ ДОД «Центр детского творчества «Дебют», педагог высшей категории,

Седанкина Татьяна Евгеньевна – заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Российского исламского института, г. Казань, кандидат педагогических наук, доцент,

Сизоненко Зарина Лероновна – кандидат социологических наук, доцент,

Соегов Мурадгелди – главный научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркмениста, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана,

Солодовник Диляра Медехатовна – заместитель директора Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой ЮНЕСКО, кандидат исторических наук,

Сулейманов Фуат Мурзагалиевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного института, кандидат исторических наук, доцент,

Султанахмедова Залина Гаджитаевна – старший преподаватель Дагестанского государственного университета,

Таниева Гульнара Маратовна – старший преподаватель кафедры продюсерства и музыкального образования Нижегородского педагогического университета им. К.Минина, кандидат социологических наук,

Тимощук Алексей Станиславович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФКОУ Владимирского юридического института ФСИН России, доктор философских наук, доцент,

Фролова Ольга Александровна – ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук,

Хазиев Валерий Семенович – зав. кафедрой философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор философских наук, профессор,

Хазимуллина Елена Евгеньевна – руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования (ЦЛЭР), кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы,

Халиуллина Айгуль Ильясовна – научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, кандидат исторических наук,

Хамад Мансур Халифа Мансур – преподаватель Исламского колледжа им. Марьям Султановой,

Хасанов Марат Маликович – практикант Российского исламского университета ЦДУМ России,

Хасанова Зифа Фаритовна – научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, кандидат исторических наук,

Хачидогов Руслан Асланович – старший преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,

Хужахметов Айнур Оскарович – заместитель декана по научной работе факультета башкирской филологии и журналистики, доцент кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры БашГУ, кандидат филологических наук,

Хусаинова Айсылу Хамзиевна – докторант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат философских наук,

Шабыков Виталий Иванович – доцент ГГНУ «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», кандидат философских наук,

Шамаев Артур Мурадинович – старший преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,

Шарипов Альфит Асхатович – председатель регионального Духовного управления мусульман Оренбургской области, директор Духовного мусульманского образовательного учреждения медресе «Хусаиния», преподаватель Оренбургской духовной семинарии Оренбургской Епархии Русской Православной Церкви, кандидат исторических наук,

Шарипова Эльмира Азгаровна – доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета, кандидат философских наук,

Юлдашева Оксана Николаевна – доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления БашГУ, кандидат социологических наук, доцент,

Якупов Марат Талгатович – старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, доктор философских наук.

Научное издание

ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ ИСЛАМА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
проведенной в Уфе 18–20 октября 2017 года

В авторской редакции

Подписано к печати 02.03.2018. Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,51. Тираж 280. Заказ № 171184.